

Пелам Гренвилл Вудхаус

P. G. Wodehouse

Билл Завоеватель
Неприметный холостяк
Большие деньги

Билл Завоеватель. Неприметный холостяк. Большие деньги

Пелам Гренвилл Вудхаус

Аннотация
Пелам Гренвилл Вудхаус. Билл Завоеватель. Неприметный холостяк. Большие деньги
Билл Завоеватель
Глава I. Стороны договариваются о браке
Глава II. Билл берется за дело
Глава III. Флик наносит визит
Глава IV. Хлопоты Джадсона Кокера
Глава V. Ночные события в Холли-хаусе
Глава VI. Гораций передумал
Глава VII. Мистер Слинсби вызывает подозрения
Глава VIII. Дельце для Перси Пилбема
Глава IX. Охота начинается
Глава X. Охота в полном разгаре
Глава XI. Конец охоты
Глава XII. К мистеру Парадену пришли
Глава XIII. Билл совершает открытие
Глава XIV. Чудо на вокзале Ватерлоо
Глава XV. Джадсон встречает старую знакомую
Глава XVI. Свидание для Билла

Глава XVII. Воскресный вечер у Марио
Глава XVIII. Черный понедельник
Глава XIX. Билл лезет через забор
Глава XX. На шесть пенсов риса
Глава XXI. Поразительное смирение дядюшки
Неприметный холостяк
Глава I
Глава II
Глава III
Глава IV
Глава V
Глава VI
Глава VII
Глава VIII
Глава IX
Глава X
Глава XI
Глава XII
Глава XIII
Глава XIV
Глава XV
Глава XVI
Глава XVII
Глава XVIII
Большие деньги
Глава I

Глава II
Глава III
Глава IV
Глава V
Глава VI
Глава VII
Глава VIII
Глава IX
Глава X
Глава XI
Глава XII
Глава XIII
Глава XIV

Аннотация

Беспечный повеса, почтенный холостяк и лорд – что объединяет истории этих влюбленных молодых людей? Конечно же, фирменный искрометный юмор Пелама Гренвилла Вудхауса! Такое количество сюжетных поворотов удивит даже давних поклонников его творчества.

Получится ли у Билла Веста добиться руки Алисы Кокер и перевоспитать ее брата – любителя выпивки? Сможет ли холостяк Джордж Финч вырваться из паутины романтических отношений, недоразумений и комедийных неудач? Как двое друзей, лорд Бискертон и Берри Конвей, решат свои финансовые проблемы и кого же выберет племянница миллионера Т. Патерсона Фрисби, юная Энн Мун?

Пелам Гренвилл Вудхаус
Билл Завоеватель. Неприметный холостяк. Большие деньги

P. G. Wodehouse
ILL THE CONQUEROR
THE SMALL BACHELOR
BIG MONEY

Перевод с английского Е. Доброхотовой-Майковой («Билл Завоеватель»), И. Митрофановой («Неприметный холостяк»), Н. Цыркун («Большие деньги»)

Серийное оформление и дизайн обложки В. Воронина

Печатается с разрешения The Trustees of the Wodehouse Estate и литературного агентства Rogers, Coleridge and White Ltd.

© The Trustees of the Wodehouse Estate, 1924, 1927, 1930
© Перевод. Е. Доброхотова-Майкова, 2025
© Перевод. И. Митрофанова, наследники, 2023
© Перевод. Н. Цыркун, 2025
© Издание на русском языке AST Publishers, 2025

* * *

Билл Завоеватель

Посвящается отцу и матери

Глава I. Стороны договариваются о браке

1

С громким сопением, бессильным выразить всю меру его праведного гнева, сэр Джордж Пайк отложил последний номер «Светских сплетен» и снял телефонную трубку.

— Редакцию «Сплетен», — бросил он.

В трубке наступило короткое молчание.

— Родерик?

— Он еще не вернулся с перерыва, сэр Джордж, — подобострастно сообщила трубка.

— А, это вы, Пилбем? — Лицо сэра Джорджа смягчилось: Пилбем — достойный юноша, будущая надежда фирмы. — Когда Родерик вернется, передайте, пожалуйста, что я хотел его видеть.

— Непременно, сэр Джордж.

Основатель и владелец издательской корпорации «Мамонт», крупнейшего концерна, снабжающего чтивом наиболее тупую половину Англии, повесил трубку. Какое-то время он хмурился, потом схватил карандаш и принялся писать. Весь облик его преобразился, словно по

волшебству. Чело разгладилось, исчез яростный блеск в глазах, что-то отдаленно напоминающее улыбку тронуло сурово сдвинутые губы. Сэр Джордж склонился над блокнотом, ничего не видя и не слыша.

Особая прелесть такого рода книг, помимо легкости, увлекательности и познавательности, — в их способности наделять читателя свойствами бесплотного духа. Он проникает повсюду, видит все. Например, кому другому, пожелай он лицезреть сэра Джорджа Пайка, пришлось бы идти по Флит-стрит, сворачивать вправо на Тилбери-стрит и тащиться до Тилбери-хауса, общаться с мрачным служителем, вручать заполненный бланк с указанием имени и надобности мальчику в блестящих пуговицах; а в итоге, прождав от десяти до сорока минут, он, скорее всего, удостоится лишь краткой аудиенции у одного из секретарей сэра Джорджа, ибо основатель «Мамонта» кого попало не принимает. Его время бесценно, его самомнение безгранично, его особу оберегают толпы ретивых помощников, чья главная обязанность — внушать случайному посетителю уважение к девизу великого человека: «Пшел прочь! Тебе, ТЕБЕ говорят!» Войско со знаменами не одолеет запретной черты, и даже кабинету

министров не сокрушить этих врат.

Читатель же, незримый и неслышимый, может без стука войти в кабинет на четвертом этаже. Он все еще застанет сэра Джорджа за блокнотом.

Зрелище это, безусловно, повергнет в трепет даже самый пресыщенный ум. Ибо кто скажет, что пишет сейчас властитель душ? Остроумное рассуждение для «Панковского еженедельника» — «Целоваться ли жениху и невесте?», или передовую для «Ежедневного отчета», или даже сказочку для «Милых крошек»? Однако высказавший эти догадки попадет пальцем в небо. На самом деле сэр Джордж заносит в большой блокнот список имен.

Он уже написал:

Илфракомб
Форшор
Вейнскот
Барраклу
Венслидейл
Криби
Вудшотт
Марлингью

и теперь, на наших глазах, добавляет: Майкл-хевер.

Эта последняя фамилия особенно ему нравится, потому что он ставит рядом два крестика. Тут вдохновение покидает сэра Джорджа, он отодвигает стул, встает и начинает ходить по комнате.

Сейчас про всякого, кто добился успеха, коренаст и страдает избытком веса, принято говорить, что у него внешность Наполеона. Однако, хоть сравнение и намозолило всем глаза, нельзя не признать, что в облике сэра Джорджа, когда тот мерил шагами свой кабинет, и впрямь было что-то наполеоновское. Обтягивающий солидные телеса жилет и привычка в минуту задумчивости запускать пальцы правой руки между первой и второй пуговицами намекали хотя бы на внешнее сходство с великим корсиканцем, которое еще усиливалось мрачным выражением пухлого решительного лица. Всякий сказал бы: вот человек, который любит настоять на своем, и в последние двадцать лет жизни ему это, как правило, удается.

Телефонный аппарат на столе негромко пискнул, словно страшась повышать голос в присутствии великого человека.

— Сэр Джордж, к вам миссис Хэммонд.

— Просите ее сюда, просите сюда. Господи, Фрэнси! — воскликнул владелец издательской

компании «Мамонт», когда дверь открылась. — С утра тебе звоню, никак не могу застать.

— Как хорошо, что я решила заглянуть, — сказала миссис Хэммонд, усаживаясь. — Что случилось?

Фрэнсис Хэммонд, урожденная Пайк, выглядела женской копией своего преуспевающего брата. У нее не было второго подбородка, но яркие глаза так же властно смотрели из-под нависших бровей, а широкий лоб отливал таким же румянцем. Глядя на нее, сэр Джордж вновь ощутил тот трепет восхищения, который всегда охватывал его при виде сестры.

— Зачем ты хотел меня видеть? — спросила миссис Хэммонд.

Сэр Джордж набрал в грудь воздуха.

Он приготовил грандиозную новость, и драматическое чутье подсказывало: выпалив ее просто так, загубишь весь эффект. Однако ликование взяло верх над чувством драматического.

— Фрэнси, сестренка! — вскричал он. — Вообрази! Меня делают пэром!

Фрэнсис Хэммонд не так легко изумить, но эти слова совершили чудо. Целых десять секунд она сидела, разинув рот и вытаращив глаза, а сэр Джордж, краснея и только что не хихи-

кая, смущенно одергивал алый вязаный жилет — знаменитый пайковский жилет, одну из достопримечательностей Лондона.

— Пэром!

— Письмо на столе. Пришло сегодня утром.

— Джорджи!

Миссис Хэммонд вскочила и с чувством расцеловала брата. В ее начальственных глазах блестели слезы.

— Я знал, ты обрадуешься.

— Я горжусь тобой, Джордж, дорогой! Достойный венец твоей блистательной карьеры!

— А кто помог мне сделать карьеру? А?

— Я старалась по мере сил, — скромно отвечала миссис Хэммонд, — но, конечно, только ты сам…

Сэр Джордж хлопнул по столу, угодил ребром ладони в край железной мусорной корзинки и тут же раскаялся в своей горячности. Прежде чем снова заговорить, он пососал руку.

— Ты стояла у истоков дела, — произнес он с жаром, когда боль немного унялась. — Без тебя я бы ничего не добился. Кто предложил конкурс «Угадай, сколько булавок в шляпе у премьер-министра?», когда «Еженедельник Пайка» дышал на ладан? С того дня «Еженедельник» неуклонно шел в гору. А ведь на нем я и сделал свое состоя-

ние. По сути дела, мы с самого начала работали в паре. Я был двигателем, ты — мозгом. Не знаю, чье суждение я поставил бы выше твоего, Фрэнси.

Миссис Хэммонд расцвела.

— Ах, Джорджи, я только рада, что мне удалось стать твоей Эгерией.

— Кем-кем? — опешил сэр Джордж.

— Эгерией звали нимфу, которая вдохновляла римского царя Нуму Помпилия. Во всяком случае, так говорит Синклер.

Она имела в виду мистера Синклера Хэммонда, видного археолога и своего мужа в придачу.

— Вот бы кто далеко пошел, — сказал сэр Джордж, — будь у него хоть немного хватки. Золотая голова.

Миссис Хэммонд не пожелала обсуждать мужа. Она привыкла к его мечтательной инертности, к невозможности подвигнуть Синклера на что-нибудь великое. Раньше это выводило ее из себя, теперь она смирилась и терпеливо несла крест женщины, которой не суждено выйти за хваткого малого. Ее первый муж, горькое напоминание о былой бедности, был мистер Герберт Шейл, учтивый и расторопный продавец нижнего белья из магазина Хэрродз, и никакие титанические усилия не смогли поднять его выше уровня адми-

нистратора. При всех своих недостатках Синклер все же лучше Герберта.

— Какой титул ты думаешь взять, Джорджи? — спросила она, чтобы переменить тему.

Сэр Джордж, чей деятельный ум не отдыхал даже в минуты родственной беседы, говорил в диктофон.

— «Еженедельник Пайка», редактору, — диктовал он. — В следующий номер даете статью «Великие женщины, которые вдохновляли великих мужей». Ну, эти — Эгерия и все такое. — Он виновато обернулся к сестре: — Прости?

— Я спросила, придумал ты, как будешь называться?

— Так, набросал кое-что. — Он взял блокнот. — Как тебе кажется лорд Барраклу? Или Венслидейл? Или Марлингью? Я лично склоняюсь к Майклхеверу. В этом имени есть ритм.

Миссис Хэммонд покачала головой.

— Слишком цветисто. Все слишком цветисто.

— Ну, согласись, титул должен звучать. Вспомни, что взяли себе эти, последние: Бивербрук — Стратеден — Левергулм. Сила!

— Знаю, но…

— И потом, учти, — не унимался сэр Джордж, — как трудно придумать что-нибудь новенькое.

Те, кого произвели раньше, разобрали самое лучшее.

— Знаю. Но из того, что ты назвал, мне не понравилось ни одно. Не то чтоб он были дурны, человеку яркому не зазорно носить и такой. И все-таки они немножечко… ну, слишком вычурны. Не забывай, что титул, на котором ты сейчас остановишься, со временем перейдет Родерику. Мы не должны выбирать ничего, что в приложении к Родерику будет звучать комично. Довольно его имени. Родерик! — Миссис Хэммонд поморщилась. — Как я умоляла бедняжку Люси окрестить его Томасом!

Безоблачное чело сэра Джорджа вновь прорезала глубокая морщина — так счастливец внезапно обнаруживает, что в чашу его радости недружеская рука подбросила дохлую мышь.

— Я совсем забыл про Родерика, — мрачно сказал он.

2

Воцарилось молчание. Будущий лорд Майклхевер (а может быть, Венслидейл или Марлингтью) раздраженно барабанил пальцами по столу.

— Как меня угораздило родить такую тряпку? — горько вопросил он, как вопрошали до него

много крепких отцов, и много будет вопрошать после. — Ума не приложу!

— Он пошел в бедняжку Люси, — сказала миссис Хэммонд. — Она была как раз такое робкое, слабое создание.

Сэр Джордж кивнул. Упоминание о давно покойной жене не пробудило в его душе сентиментального отклика. Дни, когда он был просто Джорджем Пайком, безвестным клерком в адвокатской конторе, и замирал от нежного голоса Люси Мейнард, принимавшей заказы на скудные ленчи в Холборн Виадук Кэбин, давным-давно изгладились из его памяти. Эта никчемная женщина прочно стала бедняжкой Люси, одной из детских хворей великого человека, вроде ветрянки.

— Кстати, — сказал сэр Джордж, снова беря трубку, — я собирался звонить Родерику. Я сделаю это сейчас же, — добавил он, бессознательно цитируя девиз, который, по его указанию, красовался, вставленный в деревянную рамку, на каждом столе в издательстве. — Я звонил в «Сплетни» перед самым твоим приходом, но он еще обедал.

— Погоди минуточку, Джорджи. Я кое-что хотела тебе сказать, пока ты не послал за Родериком.

Сэр Джордж покорно положил трубку.

— Чем он провинился?

Сэр Джордж фыркнул.

— Сейчас узнаешь! — произнес он дрожащим голосом обманутого в своих надеждах отца. — Пока он был в Оксфорде, я ни в чем ему не отказывал — и вот итог! Я хотел, чтоб он не стеснялся в средствах, и что он выкинул? Издал свою книжку о прозе Уолтера Пейтера[1]. За свой счет, в алом сафьяне! И вдобавок имел наглость просить, чтобы «Мамонт» купил «Ежеквартальное поэтическое обозрение» — мерзкий журналишко, который не продается и в десяти экземплярах за год, — а его, Родерика, сделали редактором!

— Все это я знаю, — не совсем терпеливо перебила миссис Хэммонд, думая о том, что у Джорджи есть только один недостаток, вот эта его привычка повторяться. — А ты назначил его редактором «Светских сплетен». Как он справляется?

— Я к этому и подвожу. Я сделал его редактором «Сплетен», чтобы постепенно приучить к делу. Мне и в голову не приходило, что он наломает дров. Сама посуди! Работа — не бей лежачего. В действительности газетой заправляет молодой

---

[1] Сноски: 1

Уолтер Горацио Пейтер (1839–1894) — английский искусствовед, критик, историк, идеолог искусства для искусства.

Пилбем, очень и очень толковый малый. Все, чего я хотел от Родерика, все, чего от него ждал, — проявить хоть немного хватки и почувствовать себя более или менее на ногах, пока не пришло время взяться за что-то серьезное. И что же? Вот, — сказал убитый отец, — только взгляни на последний выпуск.

Миссис Хэммонд взяла газету. Воцарилась тишина, нарушаемая лишь шуршанием бумаги да сопением сэра Джорджа.

— Вяло, — объявила наконец Эгерия.

— Рыхло, — сказал Нума Помпилий.

— Бесхребетно.

— Беспомощно.

— Недостает остроты.

— Недостает перчику. Я спросил, в чем дело, — с горячностью продолжил Нума, бросая в угол ненавистную газету. — И можешь вообразить? Молодой Пилбем сказал, что Родерик сознательно вычистил из номера все лучшие материалы. Так-то он отрабатывает свое жалованье, так-то способствует процветанию родной фирмы!

Миссис Хэммонд озабоченно прищелкнула языком.

— Просто не верится.

— Но это правда.

— Однако он руководствовался какими-то соображениями?

— Соображениями?! Нос еще не дорос! Ха-ха, соображения! Кретин он полный, и все тут. Хоть бы женился! — вскричал истерзанный родитель. — Может, жена приведет его в чувство.

Миссис Хэммонд вздрогнула.

— Удивительно, что ты об этом заговорил. Как раз на эту тему я и хотела побеседовать. Надеюсь, Джорджи, ты понимаешь, что теперь, когда ты становишься лордом, Родерика необходимо срочно женить. Я хочу сказать, теперь еще важнее, чтоб он не женился на ком попало.

— Пусть только попробует! — произнес сэр Джордж. — Я ему женюсь!

— Ну, помнишь, ты упоминал какую-то стенографистку из «Еженедельника».

— Уволена, — лаконично сообщил сэр Джордж. — Вылетела за дверь через пять минут после того, как я узнал, что там завелись шуры-муры.

— Родерик с ней больше не встречается?

— При его-то трусости?

— Да, конечно, ты прав. Прямой бунт — не в его характере. Не заинтересовался ли он какой-нибудь другой девушкой? Я хочу сказать, девушкой

нашего круга?

— Не замечал.

— Джорджи, — миссис Хэммонд подалась вперед, — я вот все думаю, почему бы Родерику не жениться на Фелисии?

3

Сэр Джордж сотрясся с головы до пят и благоговейно вытаращился на сестру. Так бредущие во тьме неведения замирают, озаренные вспышкой чистого гения. Вот Фрэнси во всем своем великолепии! Вот последнее и величайшее в череде ее эпохальных предложений, начиная с конкурса «Сколько булавок…». Такие-то наития и обличают всю лживость расхожей теории, будто женский мозг уступает мужскому.

— Ты можешь это провернуть? — хрипло спросил он.

— Провернуть? — Миссис Хэммонд легонько приподняла брови. — Я тебя не понимаю.

— Ну, я… — пробормотал сэр Джордж, устыдившись своей грубоватой прямолинейности. — Я хочу сказать, Фелисия — редкая красавица, а Родерик… ну, Родерик…

— Родерик вовсе не урод, если отбросить предубеждение против несколько безвольного

типа молодых людей. У него красивые волосы и глаза, как у бедняжки Люси. Легко могу себе представить, что он кому-то понравится.

Сэр Джордж открыл было рот, да так и закрыл. Он едва не сказал, что думает о той дуре, которой понравится Родерик, но, по счастью, успел сдержаться. Сейчас такое замечание пришлось бы весьма некстати.

— И разумеется, он весьма завидный жених. Со временем ему перейдут все твои деньги и титул. Я бы сказала, что он блестящая партия. Опять-таки, я знаю, что Фелисия никем не увлечена и прислушивается к моему мнению.

Последняя фраза окончательно убедила сэра Джорджа. В переводе с женского языка на мужской она звучала вполне ясно. Кто усомнится, что Фрэнси сумеет настоять на своем? Разумеется, тяжело уговорить девушку выйти за человека, который сознательно истребляет соль и перец на страницах «Сплетен», но, коли за дело взялась Фрэнси, можно смело печь свадебный пирог.

— Если ты убедишь Родди сделать предложение, — сказала миссис Хэммонд, — думаю, ее согласие я обещать могу.

— Убедить Родди! Да он сделает все, что я скажу. Боже мой, Фрэнси, только представить: Родди

женат на девушке, которую ты воспитала своими руками!.. Ну, у меня просто нет слов. Я только надеюсь, что Фелисии хватило ума во всем брать пример с тебя. А, вот и ты, Родерик.

Пока он говорил, в дверь робко постучали, и в комнату украдкой проскользнул молодой человек, высокий, худощавый, отмеченный печатью мысли. Глаза и волосы, о которых говорила миссис Хэммонд, то самое наследие бедняжки Люси, составляли главную его привлекательность. Глаза были большие и карие, ниспадавшие на лоб волосы — темно-каштановые. Высокий и тугой галстук-бабочка тоже нравился многим, но только не сэру Джорджу.

— Здравствуйте, тетя Фрэнси, — сказал Родерик. Он слегка дрожал, словно пациент зубного врача или школьник, которого вызвали к директору. — Пилбем сказал, что ты хотел меня видеть.

— Все правильно, — холодно отвечал сэр Джордж. — Садись.

Миссис Хэммонд со свойственным ей тактом немедленно поднялась.

— Ну, мне пора, — сказала она. — Я собиралась еще забежать за покупками.

Родерик проводил ее тем взглядом, каким потерпевший крушение пловец провожает далекий

парус. Он не обожал тетушку Фрэнсис, но лучше уж она, чем остаться с глазу на глаз с отцом. Он сел и нервно поправил бабочку.

— Не тереби! — рявкнул сэр Джордж. — Что ты на себя нацепил? Смотреть тошно.

Юноша посмелее возразил бы, что тому, кто появляется на людях в алом вязаном жилете, не пристало судить о моде. Родерик, не способный на такую сокрушительную отповедь, только слабо улыбнулся.

— Я хотел поговорить с тобой о «Светских сплетнях», — сурово объявил сэр Джордж, не задерживаясь на теме нарядов. Он поднял газету из угла, куда в возмущении ее зашвырнул, и, сведя брови, зашуршал страницами. Родерик созерцал его с наивной insouciance[2] человека, перед которым тикает бомба.

— Ха! — гаркнул сэр Джордж, а его сын и наследник подскочил на целых два дюйма. — Так я и думал! Нет на месте!

— Чего, папа?

— Четвертой серии материалов про жульнические проделки букмекеров. Она не напечатана. Почему?

---

[2] Сноски: 2
Беспечностью *(фр.)*.

— Видишь ли, папа…

— Пилбем сказал мне, что публикация шла на ура. Он сказал, было множество писем.

Родерик поежился. Он читал некоторые из этих писем — те, которые Пилбем весело объявил самыми смачными.

— Понимаешь, папа, — промямлил он, — она затрагивала личности…

— Личности! — Сэр Джордж нахмурился так, что в комнате потемнело. — Еще бы ей не затрагивать! «Светские сплетни» пишут о личностях. Господи, ты же не думаешь, что букмекеры вчинят нам иск о клевете?

— Но, папа…

— А и вчинят, еще лучше. Мощная реклама. Больше фартинга им в жизни не отсудить.

Родерик заерзал на стуле.

— Дело не в иске.

— А в чем же?

— Ну, папа, видишь ли… В прошлую субботу в Кемптон-парке ко мне подошел человек, сказал, что он от Айка Пули, и грозил всякими ужасами.

— От Айка Пули? Кто такой Айк Пуля?

— Букмекер. В статьях говорилось в основном о нем. Он обещал прислать парней и размазать меня по мостовой, если публикации не прекра-

тятся.

Ошеломляющая весть не тронула сэра Джорджа. Он даже не щелкнул пальцами, только презрительно кашлянул; а затем выложил, что по этому поводу думает.

Он занял мужественную, решительную позицию. Он с презрением отмел Айка Пулю и ему подобных. Айк Пуля может натравить на Родерика всех парней мира, но не испугает его, сэра Джорджа. Его ничуть не страшило, что Родерика размажут по мостовой. Со времен Луция Юния Брута[3] свет не видывал такого отцовского бессердечия.

— Продолжение, — этими словами владелец издательства «Мамонт» закончил убийственный пассаж, направленный против Провидения, наградившего его таким сыном, — будет напечатано в следующем номере. Заруби себе на носу!

— Да, папа.

— А если, — мужественно продолжал сэр Джордж, — Айку Пуле это не по душе, то пусть подавится.

— Хорошо, папа, — обреченно произнес Роде-

---

[3] Сноски: 3

Луций Юний Брут — патриций, возглавивший борьбу против Тарквиния Гордого. Когда его сыновей уличили в сговоре с Тарквинием, Брут, в то время римский консул, без колебаний велел их казнить.

рик, однако перед глазами его стояли строчки из писем. Грубые, почти безграмотные, они были написаны темными, невежественными людьми под влиянием сильных чувств, но сам Уолтер Пейтер во всей своей сафьяновой красе не смог бы выразиться яснее.

Он было встал, чтобы идти, но мучительный разговор, оказывается, не закончился.

— Погоди, — сказал сэр Джордж. — Это еще не все.

Родерик снова сполз на стул.

4

Мистер Синклер Хэммонд, беспечный супруг Эгерии славного издательства «Мамонт», нежился на солнце в саду Холли-хауса, своего особняка на Уимблдон-коммон. Примостив на колене блокнот, он прилежно писал огрызком карандаша.

Мистер Хэммонд любил свой сад. Это был настоящий рай — во всяком случае, по масштабам предместья. Несколько акров отгороженной толстой кирпичной стеной земли были густо засажены деревьями, а вскоре, с наступлением лета, им предстояло украситься растительным многоцветьем. Здесь были ровные лужайки, полоски лаванды, вполне солидный прудик с

золотыми рыбками. Очень даже неплохое место, решил мистер Хэммонд, откладывая работу, снимая очки и откидываясь в шезлонге — самое подходящее место для поклонника тишины, который просит у жизни самую малость: чтоб ему не мешали писать.

Своим теперешним умиротворением он был во многом обязан тому, что его не дергали вот уже почти час. Почти рекордное время, и мистер Хэммонд с опаскою ожидал, когда же эта благодать кончится. Он уже собрался надеть очки и вернуться к запискам, когда оказалось, что его худшие опасения сбываются. В стеклянной двери гостиной показалась женская фигурка и направилась к нему по лужайке.

Мистер Хэммонд вздохнул. Он любил жену, но увы, ее кипучая энергия, фамильная черта Пайков, немного утомляла любителя посидеть и помечтать. Жизнь Фрэнси состояла из бесконечных мелких войн, где в роли неприятеля выступали поочередно кухарки, горничные, шоферы и торговцы, а сама она успешно сочетала свойства бойца и фронтового корреспондента. Если это Фрэнси, ему, скорее всего, предстоит получасовая сводка с поля сражения. Кажется, вчера было заключено перемирие с кухаркой, но

за завтраком вроде бы упоминался ультиматум бакалейщику, чей жилистый бекон нарушил спокойное течение жизни под кровом Хэммондов.

Он со стоном надел очки и тут же с облегчением обнаружил, что к нему идет не жена, а племянница Фелисия. Это совершенно меняло дело. Он вовсе не возражал отложить работу и поболтать с Флик, своим верным другом и союзницей. Мало того, Флик разделяла его способность видеть смешное в житейских мелочах — ценное качество в женщине, которого, увы, начисто лишена его замечательная супруга.

Он глядел на приближающуюся Флик и изумлялся, как всегда в последнее время. Семь лет назад, когда погибли в железнодорожной катастрофе сестра и шурин, Джек Шеридан, ему свалилось на голову нечто тощее, голенастое, веснушчатое и встрепанное, с красными от слез носом и глазами, одним словом, похожее на красавицу не больше, чем недельный младенец. Сейчас же склонный к классическим сравнениям мистер Хэммонд при взгляде на Флик вспоминал не то дриаду, не то пастушку из Феокритовых «Идиллий». Непонятно, когда и как произошла эта удивительная перемена. Она подкрадывалась незаметно и постепенно, сперва одна, затем

другая черта переставала оскорблять взгляд: то нога сократится до приемлемых человеческих пропорций, то копна янтарных волос чудесным образом перестанет походить на метлу.

— Привет, дядя Синклер, — сказала Флик. В руках она держала пальто. — Вставай!

— И не подумаю, — сказал мистер Хэммонд.

— Тетя Фрэнсис говорит, посвежело и надо надеть пальто.

Мистер Хэммонд покорился. Он знал, что рукава будут задевать бумагу, когда он вернется к письму, а следовательно — раздражать и провоцировать на несдержанные высказывания, но о том, чтобы зашвырнуть пальто в пруд к золотым рыбкам, не стоило даже и мечтать. Если он останется сидеть без пальто, а месяца через два простудится, ему обязательно припомнят упрямое нежелание элементарно позаботиться о себе.

— Ты, разумеется, знаешь, как помешала мне? — спросил он, усаживаясь на место.

Флик подняла глаза. Мистер Хэммонд заметил, что лицо ее против обыкновения задумчиво. Уголки губ были опущены, нижняя губка закушена. Голубые глаза, обычно наводящие на мысли о безоблачном небе, затуманились. Мистер Хэм-

монд удивился. Он привык, что племянница никогда не унывает.

— Ты правда занят, дядя?

— Конечно нет. Ты хочешь о чем-нибудь поговорить?

Она задумчиво потянула травинку.

— Дядя Синклер, я знаю, что ты никому ничего не советуешь, но я хочу, чтобы ради меня ты изменил своему правилу.

— Ты — другое дело. Для тебя что угодно. Выкладывай.

— Родерик сделал мне предложение. Как, по-твоему, я должна поступить?

Мистер Хэммонд внутренне содрогнулся. А он-то радовался, что это всего лишь Флик. Какая ирония! Но кто знал, что она вывалит на него груду неразрешимых проблем? Мистеру Хэммонду исполнилось пятьдесят три, и он привык смотреть на жизнь как на спектакль, довольствуясь ролью зрителя и не стремясь ухватиться за рулевое колесо. Советовать Флик, за кого ей выйти замуж? Только не это! И вообще, куда такой пигалице размышлять о замужестве? И тут мистер Хэммонд осознал, что время не стоит на месте. Флик уже двадцать один.

— Что думает твоя тетя? — спросил он, желая

выиграть время.

— Она считает, что я должна согласиться. Но… я не знаю…

Мистера Хэммонда пронзила острая жалость. Бедное невинное дитя! Фрэнсис уже вынесла свой вердикт, а она наивно полагает, что можно еще что-то обсуждать.

— Твой тете виднее, — сказал он и покраснел от стыда. Что-то подобное он читал в детстве.

— Да, но ведь это тот случай, когда я должна думать сама, правда?

Мистер Хэммонд смутился. Он дорожил покоем в семье, а слова Флик наводили на мысль, что покой может перейти в разряд воспоминаний. Сам он ни в чем Фрэнси не противился. Его устраивало, что некая внешняя сила направляет его жизнь. Однако известно, что Юное Поколение придерживается иных взглядов. У Флик подбородок круглый и нежный, но, скажем так, решительный. Ее не застращать.

— Конечно, Родди мне нравится, — задумчиво произнесла Флик.

— Отличный малый, — с жаром согласился мистер Хэммонд. Он немного приободрился. Разумеется, он почти не знает Родерика, поскольку вообще избегает молодых, но раз Фрэнси вынес-

ла положительную резолюцию, значит, все в порядке.

Флик пробежала пальцами по короткой траве.

— Он немного… скучноват, — сказала она.

— Тебе же не нужен этакий живчик? Знаешь, как в песенке «Всякий раз, вбегая в дом, говорил он громко „Бом!“, так что дамы падали со стульев».

— Я, наверное, неправильно выразилась. Я хотела сказать… я хотела сказать вот что, только это ужасно глупо звучит, когда произносишь вслух. Наверное, у каждой девушки есть Прекрасный Принц. Ну, понимаешь, своего рода идеал. Правда, дурость? Но это так. А Родди не похож на прекрасного принца, ты согласен?

Ее чистые, как после дождя, глаза стали еще серьезнее, но мистер Хэммонд упрямо цеплялся за легкомысленный тон. Он чувствовал, что разговор уходит в дебри, а дебрей мистер Хэммонд не любил.

— Я отлично понимаю, что ты хочешь сказать, — отвечал он. — У всех у нас бывает большое романтическое увлечение, рядом с которым остальные кажутся обыденными и скучными, — чудесный радужный сон, о котором приятно помечтать. Когда мне было четырнадцать, я вос-

пылал страстью к даме, которая пела в оперетте. Боже, как я ее любил! Расскажи мне про свое увлечение. Из твоих слов я заключаю, что без этого не обошлось. На каком-нибудь дне рождения ты встретила рокового красавца с перемазанной вареньем физиономией и в костюмчике лорда Фаунтлероя?

Флик не обиделась, но улыбнулась.

— Это было не настолько давно.

Подбежал селихемский терьер Боб. Флик перевернула его на спину и с минуту рассеянно теребила за уши, прежде чем заговорить снова.

— Интересно, — сказала она, — помнишь ли ты, как в Америке возил меня к мистеру Парадену? Когда ездил с лекциями. Лет пять назад, перед самой вашей с тетей Фрэнси свадьбой?

— Конечно, помню. Думаешь, я совсем выжил из ума? Я помню и более далекое прошлое. Кули Параден — один из моих ближайших друзей.

— Там-то это и случилось.

— Что случилось?

— Ну, прекрасный радужный сон.

Мистер Хэммонд озабоченно взглянул на племянницу.

— Ты что, хочешь сказать, что тайно сохнешь по Кули? Староват он для тебя, дитя. И потом, ты

не интересуешься старыми книгами. Тебе нечем его привлечь.

— Не говори глупостей. Это Билл.

— Какой такой Билл?

— Билл Вест. Племянник мистера Парадена. Если хочешь, моя большая любовь.

Мистер Хэммонд нахмурился.

— Билл? Билл… Наверное, я действительно выжил из ума. Решительно не помню никакого Уильяма.

— Да нет, помнишь. Племянник мистера Парадена. Из Гарварда.

— Билл? Билл? — Лицо мистера Хэммонда прояснилось. — Ах да, конечно! Прыщавый, с оттопыренными ушами.

— Неправда! — вскричала оскорбленная Флик.

— С ушами, — упорствовал мистер Хэммонд, — на которые он вешал шляпу, если крючки в передней были заняты.

— Ничего подобного. Он ужасно красивый и во всех отношениях замечательный.

— В каких, например? — сказал недоверчивый мистер Хэммонд.

— Ну, я расскажу про один замечательный поступок. Билл спас мне жизнь.

— Спас тебе жизнь? — заинтересовался мистер

Хэммонд. — Как это?

— Мы купались у мистера Парадена в пруду, и я заплыла на глубину. Вообще-то купание уже кончилось, я должна была переодеваться в кабинке, но мне страшно захотелось окунуться последний раз. Так вот, этот раз чуть не оказался и впрямь последним. Билл переодевался, он вышел, увидел, что я барахтаюсь, и нырнул прямо в одежде…

— Болван! Надо было снять пиджак.

— Не знаю, может, он и снял. Пожалуйста, не перебивай. Он нырнул, и доплыл до меня, и вытащил меня на берег целой и невредимой. Еще бы полминуты, и я бы утонула. Я выглотала полпруда.

— А почему я впервые об этом слышу?

— Мы от всех скрыли. Билл, полагаю, из скромности. Во всяком случае, он умолял никому не говорить, а я согласилась, потому что иначе мне бы навсегда запретили купаться. На следующий день он уехал к друзьям в Бостон, и мы больше не виделись.

Голос ее дрогнул. Мистер Хэммонд задумчиво зажег трубку. Он жалел и понимал Флик, но решил продолжать в легкомысленном ключе.

— Я бы на твоем месте не стал за него тревожиться, — сказал он. — Такой парень, какого ты

описала, наверняка уже попался в чьи-то сети. Постарайся рассуждать практически, дорогая. Сосредоточься на Родерике. Ты сама признаешь, что он тебе по душе. Привлекательный, добрый, к тому же унаследует титул и больше денег, чем ты сможешь потратить за пяток жизней, если начнешь собирать старые издания. Честное слово, я думаю, бывают женихи и похуже. С титулом и деньгами можно очень недурно прожить. И подумай, как весело выйти за издательскую компанию «Мамонт» и читать статьи из «Пайковского Еженедельника» задолго до выхода в свет.

Флик промолчала. Ей смутно хотелось чего-то совсем другого, однако она не могла бы внятно объяснить, что ее не устраивает. В конце концов Родди действительно очень мил. Они знакомы сто лет. Это не кто-то чужой сделал ей предложение.

Опять-таки, хотя все очень добры и никогда на это даже не намекают, не следует забывать, что она — сирота без гроша за душой и не вправе разбрасываться симпатичными сыновьями миллионеров.

— Да, наверное, мне следует за него выйти, — сказала она.

По саду пробежал холодный ветерок, и она

поежилась. Мистер Хэммонд порадовался, что надел пальто. Фрэнси, разумеется, всегда права.

Глава II. Билл берется за дело

1

Уильям Параден Вест сидел посреди оживленного перекрестка, там, где 42-я стрит сходится с 5-й авеню. Многолюдный центр Нью-Йорка казался еще более перегруженным. Со всех сторон, сколько хватало глаз, двигались толпы, жуткие рожи кривились, глумясь над Биллом. Жующий резинку полисмен созерцал его с тихим омерзением — полицейские не любят, когда на улице сидят босиком в одном шерстяном белье. Где-то поблизости тарахтел паровой каток, действуя на нервы, как это умеют только паровые катки.

Билл не помнил точно, почему очутился в этом сомнительном и неприятном положении. Вроде бы он мчался на мотоцикле по бескрайней прерии, затем спасался в лесной чаще от леопардов, а вот дальше в памяти зиял пробел. Так или иначе, но он сидел на мостовой, и это оказалось еще хуже, чем он полагал вначале, потому что в голову ему упирался железный лом, каким взламывают асфальт, и двое рабочих поочередно лупили его кувалдами, так что острая боль отдавалась во

всем теле. Замолкший было паровой каток включился снова.

Билл чувствовал себя несправедливо обиженным. Сильнее всего терзала не боль, и даже не то, что в рабочих с кувалдами он узнал дядю Кули, на чьи средства жил последние несколько лет, и Джадсона Кокера, лучшего друга и однокашника сперва по школе, потом по колледжу. Это бы еще ладно. Хуже всего, что необычайно красивая девушка, которая держала лом — мало того, улыбалась при этом счастливой улыбкой, — оказалась сестрой Джадсона Кокера Алисой.

Где справедливость? Билл питал к Алисе чувство не только вулканическое, но и неизменное. Вот уже почти год, с первой же их встречи, он робко увивался вокруг, пытаясь собраться с духом и повергнуть к ее ногам честное мужское сердце. Он дарил ей цветы, шоколад, на день рождения — бисерную сумочку. А она его — ломом. Одно слово — женщина.

Рев парового катка достиг адского крещендо, такого настойчивого, что Билл, заворочавшись на подушке, открыл-таки глаза, заморгал на льющийся из окна солнечный свет и понял: уже утро, а рядом с кроватью надрывается телефон. В то же мгновение отворилась дверь, и вошел верный

Риджуэй.

— Мне показалось, что звонит телефон, сэр, — сказал камердинер.

— Мне тоже, — слабо выговорил Билл.

Сонная мгла рассеялась, и Билл понял, что проснулся совершенно никаким. Голова раздулась вдвое против обычного и раскалывалась на части. Рот забило что-то противное, бумазейное, на поверку оказавшееся языком. Постепенно вернулась память. Ну да, конечно. Вчера Джадсон Кокер устраивал вечеринку.

Риджуэй снял трубку.

— Вы слушаете?.. Да… — проворковал он.

Риджуэй, конечно, видел, что молодой хозяин вернулся домой в начале пятого утра, и догадывался, что лучше не повышать голоса. — Да, я скажу мистеру Весту. — Он повернулся к Биллу и загулил, словно влюбленный голубь по весне: — Звонит Робертс, дворецкий мистера Парадена, сэр. Он просит передать, что мистер Параден вернулся вчера из путешествия и хочет вас сегодня видеть.

Биллу совсем не улыбалось тащиться в гости, но отказать дяде Кули — все равно что отказать королю. Если уж ты четырежды в год берешь у человека крупные суммы, то будь добр по перво-

му требованию являться на его зов.

— В Вестбери? — спросил он.

— В Вестбери, сэр, да.

— Скажи, я буду.

— Очень хорошо. — Риджуэй передал сказанное Робертсу и повесил трубку. — Завтрак, сэр?

Билл задумался.

— Да, пожалуй, — отвечал он без всякого пыла. Полуночные гости Джадсона Кокера не питают любви к завтракам. — Что-нибудь легкое.

— Разумеется, сэр, — понимающе пропел Риджуэй и выскользнул из комнаты.

Билл лежал на спине и смотрел в потолок. Голова все пухла и пухла. Зря он не сказал Риджуэю выйти и попросить птиц в Центральном парке через дорогу, чтоб немного помолчали. Ишь, разорались. Горластые, невыносимо жизнерадостные воробьи — приличный городской совет давно бы лишил их вида на жительство. Но теперь что-нибудь делать с ними было невмоготу. Все было невмоготу, кроме как лежать неподвижно и пялиться в потолок.

Билл впал в задумчивость, и почти сразу в ухе раздался голос — противный, скрипучий, не то что у Риджуэя. Билл сразу понял, что говорит Совесть. То была не первая их беседа.

— Ну? — спросила Совесть.

— Ну? — дерзко отозвался Билл.

— Припозднился вчера, а?

— Немножко.

— А по-моему, множко.

— Джадсон Кокер собирал друзей, — сказал Билл. — Я обещал прийти — и пришел. Слово надо держать.

— Скотам не надо уподобляться, вот что, — холодно отвечала Совесть. — Я все чаще думаю, что ты — молодой повеса.

Билл обиделся, но в теперешнем своем состоянии не нашелся, что возразить. В такие вот утра люди испытуют свои сердца и круто меняют жизнь.

— Мне казалось, в тебе больше самоуважения и элементарной порядочности, — продолжала Совесть. — Ты ведь любишь Алису Кокер? Хорошо. Любовь к такой девушке обязывает. Ты должен смотреть на себя почти как на жреца. А ты? Как ты себя соблюдаешь? Да ни на столечко! Обнаглел вконец, иначе не скажешь.

И вновь он был поражен справедливостью ее слов.

— Я давно к тебе приглядываюсь, молодой человек, и кажется, наконец тебя раскусила. Твоя

беда, помимо всего прочего, что ты — червяк, лодырь, попрошайка, жалкий, бесхребетный позор общества. Ты попусту растратил студенческие годы в Гарварде. Да, я отлично знаю, что ты играл в футбольной сборной. Я не отрицаю, что ты здоровое и жилистое молодое животное. Что меня огорчает, так это твоя душа. Такого понятия для тебя попросту не существует, а душа — это то, что мажут на хлеб. Как я уже говорила, ты пробалбесничал годы учебы, а теперь болтаешься в Нью-Йорке, бьешь баклуши, живешь за счет дяди Кули. То, что ему не в тягость тебя содержать, к делу не относится. Речь о другом. Я отлично знаю, что он миллионер, владелец целлюлозно-бумажной компании Парадена. Я о том, что, вытягивая из него деньги, ты катишься вниз. Ты ничем не лучше своего дяди Джаспера.

— Эй, полегче! — возмутился Билл. Он был готов принять многое, но не это.

— Ничуть не лучше дядя Джаспера, и кузины Эвелины, и остальной вашей родни, — твердо повторила Совесть. — Захребетники, вот вы кто. У дяди Кули есть деньги, и все семейство, включая тебя, тянет из него кровь.

Билл совсем сник.

— И что же мне делать? — смиренно вопро-

сил он.

— Делать? Немного пошевелиться и начать зарабатывать самому. Вставай, лежебока, и покажи, на что способен. Иди к дяде, скажи, что хочешь работать. Тебе двадцать шесть, а ты еще и не принимался. Думаешь всю жизнь бесцельно коптить небо?

Билл заморгал на потолок. Выволочка подействовала. Слова о том, что надо быть достойным Алисы Кокер, задели его за живое, но окончательно проняло сравнение с дядей Джаспером и кузиной Эвелиной. Это удар ниже пояса, и тут, безусловно, надо разобраться. Больше всего на свете Билл презирал своих родственников-тунеядцев, живущих за счет дяди Кули. Невероятно, чтобы его, обаятельнейшего Билла Веста, зачислили в тот же разряд. И все же…

Ситуация, сложившаяся в семье Параденов, — не редкость в нашем мире. Кули Параден ценою упорной молодости и трудолюбивой зрелости скопил огромные деньги, и теперь вся бедная родня собралась вокруг, чтоб помочь ему их спустить. Брат Отис торговал недвижимостью и постоянно нуждался в займах, шурин Джаспер Дайш, изобретатель, преуспел лишь в изобретении различных способов брать в долг, племянница

Эвелина вышла за человека, который постоянно брался издавать новые литературные альманахи. Родственники не отличались единодушием, но сошлись в одном: единогласно избрали Кули семейным кассиром-казначеем.

Вот уже несколько лет Кули Параден отдавал деньги с достойной подражания кротостью, тем более удивительной, что его крутой нрав успел войти в поговорку. Что-то преобразило мистера Парадена, вытравило из него ветхого Адама, и семья склонялась к мнению, что причина — в страсти к собиранию старых книг, которая внезапно овладела им на седьмом десятке. Пока Кули Параден не собирал книги, к нему было не подступиться. Он кричал, что его грабят, и раз даже запустил стулом в Джаспера Дайли, но, к сожалению, промахнулся. Однако теперь наступила благодать. Он, словно лунатик, бродил по своей библиотеке в Вестбери и выписывал чеки с той восхитительной отрешенностью, какой дай бог всем нашим богатым родственникам.

Таков был благодетель, поддерживавший Билла Веста во все время учебы и до того момента, когда тот лежал в постели, мучимый совестью. Да, решил Билл, Совесть права. Разумеется, он не так плох, как дядя Джаспер и кузина Эвелина,

но теперь ясно, что он действительно позволил себе оказаться в двусмысленном положении, которое малознакомые люди могли бы истолковать превратно. Он никогда не испытывал тяги к изготовлению целлюлозы, но теперешнее раскаяние подсказывало, что в этом занятии должна быть своя прелесть. Конечно, со стороны этого не разглядишь, но если вникнуть… Он понятия не имел, как и зачем изготавливают целлюлозу — но это частности, за недельку освоимся. Главное — начать.

Преисполненный решимости, Билл со стоном вылез из постели и направился в ванную.

Холодный душ способен творить чудеса. Вкупе с юностью он мгновенно выгоняет едва ли не любую телесную хворь. Когда пятью минутами позже Билл растирался полотенцем, почти ничто не напоминало ему о старом — разве что голова нет-нет да отзывалась болезненно на громкие звуки. Он трепетал от решимости и отваги. Массируя спину, Билл еще раз обозрел свою программу. Разумеется, для начала он согласится на любое, самое скромное предложение — лишь бы осмотреться и войти в курс дела. А дальше уж развернется на полную катушку. В жизни не ударить пальцем о палец — это ж сколько в нем

скопилось нерастраченной энергии! Он устремится вперед, и вскоре неизбежно приберет к рукам все производство.

У дяди Кули эта целлюлоза в печенках сидит. В свое время старик вкалывал как проклятый, но за последние годы увлекся путешествиями и библиотекой, делами ему заниматься недосуг. Целлюлозно-бумажной Компании Парадена нужна свежая кровь, а у него, Билла, свежая кровь так и бурлит.

Он оделся и вышел к легкому завтраку. Возбуждение рисовало все новые картины, где вместе с успехом присутствовала Алиса Кокер. Преграды? Какие преграды! Ему ли страшиться трудностей? Билл потянулся за утренней газетой, почти готовый прочесть на первой странице:

ЛЮБОВЬ В ВЫСШЕМ СВЕТЕ.
МОЛОДОЙ ЦЕЛЛЮЛОЗНЫЙ КОРОЛЬ ЖЕНИТСЯ НА КРАСАВИЦЕ.
ИНТЕРВЬЮ С МИСТЕРОМ ВЕСТОМ.

Вместо этого он уткнулся взглядом в привычное:

РАЗВОД В ВЫСШЕМ СВЕТЕ.
БЫВШАЯ

ЖЕНА УТЕШАЕТСЯ С ЛЮБОВНИКОМ.

— Тьфу. — Билл со злостью впился зубами в грейпфрут.

— Звонит мистер Джадсон Кокер, сэр, — сказал Риджуэй, просочившийся в комнату бесшумным ручейком.

Билл подошел к телефону. Он был холоден, суров и не склонен извинять порок. Встав на путь исправления, он думал о друге и вчерашнем собутыльнике не иначе как с пуританской дрожью. Удивительно, как часто лучшим из девушек достаются непутевые братья. Может быть, он слишком много хотел от брата своей богини, потому что мысленно рисовал нечто среднее между сэром Галахадом, добрым королем Венцеславом[4] и святым Франциском Ассизским. Джадсон явно не дотягивал до этого идеала. Вспомнить только прошлую ночь! Джадсон вел себя в точности как великосветский кутила из фильма — ну, тот, что закатывает оргии, из которых цензор, едва взглянув, вырезает три тысячи футов. Можно и повеселиться, но всему есть пределы, особенно

[4] Сноски: 4

Добрый король Венцеслав (Вацлав) — герой английской рождественской песни. Святой Вацлав (в русской традиции — Вячеслав, благоверный князь Чешский) был убит в дверях храма родным братом и его приспешниками в 935 (по другим данным, в 929) году.

когда речь заходит о прекраснейшем из полов. А Джадсон Кокер выходит за эти пределы на несколько парсангов[5].

— Алло? — сказал Билл. Он говорил резко, чтобы сразу отсечь панибратское подтрунивание. Впрочем, вряд ли Джадсон после вчерашнего способен отпускать шуточки. Билл вообще удивился, как это он в столь ранний час ворочает языком.

В трубке послышался хриплый голос путника, который давно бредет по знойной пустыне, из последних сил удерживая отваливающуюся голову.

— Билл, старина, ты?

— Да.

— Значит, ты добрался-таки до дома? — произнес Голос тоном удивленной радости.

Напоминание о перечеркнутом прошлом больно резануло Билла.

— Да, — холодно отвечал он. — Чего надо?

Незримый Голос робко откашлялся.

— Просто вспомнил, Билл, старина. Жутко важное. Я пригласил пяток девочек из варьете сегодня на пикник.

— Ну? Что с того?

— Надеюсь, ты меня не бросишь?

---

[5] Сноски: 5
Парсанг — персидская мера длины.

Билл нахмурился, как нахмурился бы святой Антоний.

— Надеешься, да? — сказал он сурово. — Так вот слушай, жалкое ты существо. Знай, что я начал новую жизнь, и с девочками из варьете меня не увидят даже мертвым в канаве. А тебе советую: возьми себя в руки и постарайся понять, что жизнь — серьезная штука, и дана не затем, чтобы…

Его разглагольствования прервал испуганный вздох.

— Мама родная, Билл, — с дрожью произнес Голос. — Я вчера видел, как ты закладываешь за воротник, но, честное слово, не знал, что утром тебе будет так кисло. У тебя небось голова трещит охренительно. Абсолютно охренительно! — Голос перешел на возбужденный шепот. — Что тебе надо, Билл, так это парочку «Воспрянь духом». Я себе тоже собираюсь смешать. Знаешь рецепт? Одно сырое яйцо вылить в полстакана вустерского соуса, щедро посыпать красным перцем, добавить четыре таблетки аспирина и размешать. Выпьешь — и как новенький.

И это Ее брат! Просто дрожь берет.

— Спасибо, я прекрасно себя чувствую, — отвечал аскет.

— Отлично! Значит, на пикник все-таки придешь?

— Нет. Я бы и так ни за что не пошел, но у меня на это время назначена встреча. Я еду к дяде в Вестбери. Он вчера вернулся и сегодня мне позвонил.

— Ни слова больше! — Голос захлебывался от сердечности. — Все понятненько. Тот самый дядюшка, что отстегивает денежки четыре раз в год? Разумеется, езжай! Надеюсь, ты сумеешь его особенно обаять? Я хочу сказать, он души в тебе не чает, если торопится увидеть в первый же день.

— Если хочешь знать, что я сделаю, когда приеду к дяде Кули, — сказал Билл холодно, — то я скажу. Я собираюсь попросить место.

На другом конце провода раздраженно буркнули.

— Проклятущий телефон барахлит, — посетовал Голос. — Ничего не слыхать. Представляешь, прозвучало так, будто ты хочешь попросить у дяди место, — хохотнул Голос, радуясь такой нелепости.

— Именно это я и сказал.

Молчание.

— Место?

— Да.

— Ты хочешь сказать, работу?

— Работу.

Голос так взволновался, что чуть не плакал.

— Не делай этого, Билл! Не надо, старина! Ты не понимаешь, что говоришь. Ты нездоров. Всему виною башка. Послушай старого друга, смешай себе «Воспрянь духом». Все как рукой снимет. Недельный покойник вскочит с катафалка и включится в шестидневный велосипедный кросс. Запиши на бумажке, а то забудешь. Одно сырое яйцо…

Билл в сердцах повесил трубку. Он вернулся к прерванному завтраку, когда телефон снова зазвонил. Возмущенный упорством нераскаявшегося друга, он шагнул обратно и гневно рявкнул:

— Ну?! Чего еще?

— Ой, это вы, мистер Вест?

Звонил вовсе не Джаспер. Голос был женский, и от его звуков Билл зашатался. По телефону все женские голоса похожи, но этот его сердце спутать не могло. Она! А он — преступник, дурак, опрометчивый подлец — заговорил со злобой. О боги! Обратиться к ней в таком тоне, пусть даже по недоразумению! Чего стоит одно только «Ну?!» А «еще»? Отвратительно, гнусно, грубо. Слова

извинений хлынули как из ведра.

— Мисс Кокер мне страшно жаль не знаю как и просить прощения я принял вас за другого я не хотел я бы и помыслить не мог надеюсь вы не надеюсь я не надеюсь вас не…

— Мистер Вест, — воспользовалась паузой слушательница, — не могли бы вы оказать мне большую услугу?

У Билла подломились колени. Он едва не рухнул.

— Услугу вам? — с жаром пробормотал Билл. — Конечно! Какой разговор!

— Это очень важно. Не могли бы вы ко мне зайти?

— Какой разговор!

— Не могли бы вы сделать это сегодня утром?

— Какой разговор!

С минуту Билл не мог отдышаться. Глаза застилал туман. Она попросила об услуге! Его, Билла, а не Тодди ван Риттера, не Юстаса Бейли, ни кого другого из рыцарей своего двора. Может ли он к ней зайти? Да, тысячу раз да, пусть бы даже дорогу к дому ее отца преграждали огнедышащие драконы.

Он вернулся в гостиную, подошел к каминной полке и почтительно пересмотрел все фотогра-

фии мисс Кокер — числом одиннадцать, — целеустремленно выкраденные, одна за одной, из комнаты Джадсона. Алиса снималась часто, и, любя недостойного брата, исправно одаривала его своими карточками. Билл и сейчас содрогался при воспоминании, как этот кощунник разрезал страницы детектива одним из бесценных снимков.

2

Чуткий гость, наделенный внутренним барометром, сразу бы распознал, что этим апрельским утром в доме мистера Дж. Бердси Кокера на Шестьдесят первой стрит что-то не так. Отец Алисы и Джадсона жил на широкую ногу, его покои были обставлены со вкусом и являли все внешние признаки достатка и благополучия; однако сегодня над ними нависла зловещая тишь, словно ураган пронесся по коридорам или на домашних обрушилось горе. Не будь Билл так поглощен мыслями об Алисе, он бы приметил испуг в глазах горничной, которая без чего-то двенадцать впустила его в дом. Но он в своем волнении ничего не подозревал, пока не вошел в гостиную и не увидел более любезные ему глаза хозяйки дома.

— Боже правый! — вскричал он. — Что стряс-

лось?

Алиса Кокер была на удивление хороша собой. Она смотрелась королевой, в отличие от Джадсона, который пошел в отцовскую родню и сильнее всего смахивал на эрдельтерьера. Она отличалась безупречными чертами, безупречными зубами, безупречными волосами. При первой встрече в ней невозможно было обнаружить изъяна. Однако сейчас всякий отметил бы не столько красоту, сколько озабоченность. Сочинители американских песен (которые куда лучше американских законов) советуют нам видеть хорошее в дурном, идти за Синей птицей, запихнуть все наши горести в сундук, сесть на крышку и улыбнуться пошире. Алиса Кокер не сумела последовать их советам. Старая карга Забота, эта врагиня сочинителей, скрутила ее не на шутку.

— Садитесь, мистер Вест, — сказала мисс Кокер, даже в минуту волнения не отступая от холодной вежливости.

Многие месяцы этот ее тон доводил Билла до исступления. Он был накоротке с сестрами большинства друзей. С другой стороны, они вместе росли, а Джадсон, старый друг Билла, сам впервые увидел Алису год назад. Подробностей Билл не знал, но заключил, что в семействе Кокеров не

обошлось без бывших жен и утешителей-любовников. Во всяком случае, до прошлого мая Алиса жила с матерью в Европе, а когда та умерла, перебралась к отцу — вести его хозяйство и вносить смуту в сердца младшего поколения.

Билл сел, излучая обожание, сочувствие и мужественную готовность сделать для Прекрасной все, что в человеческих силах.

— Очень любезно с вашей стороны было прийти, — сказала Алиса.

— Нет, нет. Ох, нет. Нет, нет. Нет, нет, — сказал Билл.

— Это из-за Джадсона.

— Из-за Джадсона?

— Да. Папа рвет и мечет. И я его не виню, — продолжала благонравная мисс Кокер. — Джадсон и впрямь отбился от рук.

Билл оказался перед дилеммой. Он желал бы согласиться с каждым произнесенным словом, но боялся навлечь на себя немилость слишком резким обличением. К тому же трудно бичевать порок, если не знаешь, чем именно прогневал родителя твой жизнерадостный друг. Поэтому Билл только крякнул, словно почтительный дикий селезень.

— Похоже, Джадсон вчера устроил вечерин-

ку, — сказала мисс Кокер и возмущенно фыркнула. — Безобразное сборище для театральных девиц. Что за радость общаться с таким отребьем — не понимаю.

— Я тоже, — согласился праведник. — Никакой. Вы совершенно правы. Никакой.

— Беда Джадди в том, что он такой безвольный, и дружки вертят им, как хотят.

— Вот-вот, — сказал Билл, всячески стараясь не показаться одним из этих дружков.

— Ну и в результате, — подытожила мисс Кокер, — вчера мы легли, как обычно, и спали крепким сном, как вдруг в парадную дверь заколотили. Бедный папочка спустился в халате и шлепанцах — сердитый, потому что устал на работе, — и увидел Джадсона.

Она, замолчана и подняла страдальчески-прекрасные глаза.

— Джадсон, — продолжала она ровным голосом, — похоже, обрадовался отцу. Когда я выглянула с верхней площадки, он хлопал папу по спине. Папа спросил, чего ему надо, и Джадсон сказал, что потерял фарфоровую свинку и думает, может, он оставил ее в гостиной на пианино. Он вошел в дом, все перерыл и ушел восвояси. Через час он снова чуть не сломал дверной молоток,

вытащил папу из постели и сказал, что извиняется за доставленное беспокойство. Он сказал, что ни за что не стал бы нас тревожить, но свинка — талисман, и ему очень хочется показать ее одной гостье. Он сказал, что гостья живет с мамочкой, и поэтому вот-вот уйдет. Он зашел и еще раз все перерыл, а потом снова ушел. А в половине шестого он позвонил в папину спальню по телефону и попросил проверить, не в кабинете ли свинка.

Она замолчала, Билл возмущенно крякнул.

— Папа, разумеется, вне себя.

Билл сочувственно кивнул. Он охотно верил, что это так.

— Вы бы его видели, когда он сегодня утром уходил на работу.

Слушая, как его богиня живописует исход родителя из лона семьи, Билл порадовался, что не видел. Возбужденная фантазия рисовала ему что-то вроде вставшего не с той ноги апокалиптического Зверя. Он заключил, что Дж. Бердси Кокер частенько выходит к завтраку не в духе, но такого, как сегодня, не упомнят даже старожилы. Самый отчаянный храбрец задрожал бы, слыша, как тот бушевал, когда перепуганная на смерть горничная уронила яичницу с беконом.

— И в итоге, — заключила Алиса, — он объявил,

что терпение его лопнуло. Что не даст больше Джадсону ни пенса и отправит его на бабушкину ферму в Вермонт — пусть поживет там, пока не придет в чувство. Так вот о чем я хотела попросить, мистер Вест. Не могли бы вы выкроить месяц, чтоб порыбачить с Джадди?

— Вы же сказали, он едет в Вермонт.

— Да. Но я надеюсь, что папа остынет и согласится отпустить его на рыбалку — разумеется, с надежным человеком, который проследит, чтобы Джадди не пил. Понимаете, не так важно, куда его услать, лишь бы подальше от Нью-Йорка и дурного общества. Джадди, — голос мисс Кокер дрогнул, — такой лапочка, что к нему все липнут, и он просто не в силах устоять.

Билл больше не колебался. До сего времени он точно не знал, как относится к Джадсону сестра, но теперь стало ясно: никакие темные деяния у парадного подъезда кромешной ночью не способны поколебать ее нежную привязанность. Тогда вперед. Он пропел дифирамбы недавнему собутыльнику — откуда только взялось красноречие! Услышь восточный монарх такую хвалу из уст придворного поэта, он бы и то почувствовал перебор. Но не мисс Кокер. Она заметно оттаяла, ее гордое высокомерие смягчилось. А когда Билл

закончил душещипательный пассаж о тонкой душевной организации Джадсона и его полной неспособности противостоять грубым соблазнам современной жизни в Нью-Йорке, он был награжден самой чарующей из улыбок.

— Я знала, что вы его большой друг, — сказала мисс Кокер с такой сердечностью, что Билл обвил одну ногу вокруг другой и глотнул воздуха. — Вот почему я и попросила вас зайти. Вы представить не можете, что ждет бедняжку у бабушки. Его заставят подниматься в семь и дважды на дню присутствовать на семейных молебнах.

В мрачном молчании они созерцали ад, с которого мисс Кокер приподняла печать.

— Молебнах? — дрожащим голосом переспросил Билл.

— А по воскресеньям они поют псалмы, — сообщила мисс Кокер и поджала губки. — Бедненький Джадди, так недолго и свихнуться. Что до здоровья, рыбалка поможет ему ничуть не хуже. Он хоть порадуется. Я знаю, как он к вам привязан. Уверена, папа согласится, он вас любит и знает, что вы будете оберегать бедняжку Джадди. Не знаю, как и благодарить вас, мистер Вест. Я знала, что вы не откажете. От всей души спасибо.

В делах людских бывают приливы и отливы,

и важно не упустить прилив. Билл чувствовал, что его время пришло. Ни разу за прошлый год ему не представлялось такого удачного случая объясниться, и могут пройти месяцы, прежде чем подвернется следующий. Билл — не из тех речистых молодцов, которым ничего не стоит завести разговор о чувствах где и когда угодно. Чтоб нырнуть, ему нужен толчок. Хотя под ложечкой неприятно сосало, как четыре года назад, когда он со сборной Гарварда вышел на Йельский стадион, он собрался с духом и мужественно ринулся вперед.

— Мисс Кокер… я… так сказать… другими словами… как бы вы отнеслись…

Он замолчал, не уверенный, что выразился вполне ясно, и сделал второй заход.

— Я знаю… не подумайте, что я… я вполне отдаю себе отчет… вполне возможно, что… если бы вы…

По-прежнему не так внятно, как хотелось бы. Он дважды сглотнул и попробовал зайти с другого боку.

— Послушайте, — сказал он. — Согласны ли вы стать моей женой?

Мисс Кокер и бровью не повела. Надо понимать, такие разговоры были ей не впервой.

— Вообще-то, — сказала она, — я не ожидала.

Билл тоже. Дерзкие слова еще звенели в его ушах, и он с трудом верил, что осмелился их произнести. Однако они прозвучали, и поздно подбирать другие. Он смотрел на мисс Кокер оторопело, но с надеждой.

— Сейчас я не могу ответить ничего определенного.

— Да, да, конечно.

— Лучше повторите свой вопрос, когда привезете Джадди здоровым и окрепшим.

Предположение, что Джадди — хрупкий инвалид, на которого и дышать-то страшно, не вполне вязалось с образом Джадсона — заводилы на вчерашнем пиру, однако Билл промолчал. Какая разница? Главное, мисс Кокер не отвергла его, Билла, с презрением и не приказала челядинцам вышвырнуть его вон.

— А пока не будем к этому возвращаться, да?

— Да, — покорно отвечал Билл.

— Когда вы могли бы выехать на рыбалку? — спросила мисс Кокер, которая унаследовала от отца умение ради дела забывать о чувствах. — Прямо сейчас?

— Завтра, если скажете, — обреченно произнес Билл.

Он смутно догадывался, что новые обязательства помешают ему завтра же взять под опеку дядюшкину целлюлозно-бумажную компанию. Ну и что? С минуту он купался в лучах обворожительнейшей из улыбок, потом вспомнил, что у него есть просьба. Улыбка была та же, что и на лучшей из фотографий — третьей слева на каминной полке.

— Я не знаю, — промямлил он. — Я хочу сказать… Как бы вы отнеслись… Как вы думаете… Я вот к чему, нет ли у вас случайно фотографии, которую вы согласились бы подарить?

— Конечно, есть, — тепло отвечала Алиса.

— Я так давно об этом мечтаю, — сказал Билл.

3

Библиотека мистера Кули Парадена в Вестбери, Лонг-Айленд, славится на весь мир — говорим так уверенно, потому что статьи о ней помещают такие географически далекие издания, как «Атлантик Монтли», «Квотерли Ревю» и «Меркюр де Пари». Всякий библиофил, попав сюда, начинает бегать кругами, принюхиваться, приглядываться и взволнованно повизгивать, словно пес, учуявший разом сотни волнующих запахов. По стенам тянутся полки, уставленные томами, томиками

и томищами — рядом с книгой-великаном примостился упитанный карлик, с ними соседствует вроде бы книжка, а на самом деле — коробочка, а в ней книжка. Зрелище это действует на посвященных как самый сильный наркотик.

Билл, впрочем, воспринимал его гораздо спокойнее. Он приехал в три пополудни. В библиотеку его проводил Робертс, сказавший, что хозяин скоро освободится и просит подождать. Билл сразу шагнул к завешенному окну, которое — он знал по прошлым визитам — просто создано для романтических раздумий. Под окном густо рос ракитник, сквозь который можно было созерцать и впитывать красу благородных дерев, серебристого пруда и большого тенистого газона. А что еще надо влюбленному?

У пейзажа был только один изъян. Зеленую гладь газона, как с отвращением увидел Билл, портили невесть откуда взявшиеся людишки. Биллу хотелось созерцать Природу и, созерцая, отрешенно грезить об Алисе Кокер. Белобородый старик и мальчик в коротких штанишках ему мешали. Эти две кляксы бродили по ближайшей лужайке и портили весь вид. Впрочем, тут они повернули к дому и скрылись в зарослях ракитника. На Билла вновь снизошел мир. Теперь он

без помех отдался мыслям об Алисе Кокер.

Мысли эти вызывали в нем кипучее возбуждение, сродни — только гораздо чище — тому, что наступило после третьего крепкого коктейля, смешанного щедрой рукой Джадсона на вчерашней прискорбной вечеринке. Кто бы поверил! Он отбросил робость и сделал-таки предложение! Невероятно! Нет, невероятно другое — благосклонность, с которой его выслушали. Вот это и впрямь чудо из чудес. Разумеется, она не связала себя помолвкой, но что с того? Она практически пообещала, что станет его, когда он, словно рыцари встарь, исполнит назначенный подвиг. О благородство! О страсть! О жар!

Его размышления прервал скрип открывающейся двери.

— Мистер Джаспер Дайли, — сказал голос Робертса. Из-за своей шторы Билл услышал ехидное фырканье.

— Чего ради объявлять меня, любезнейший? Здесь никого нет.

— Минуту назад здесь был мистер Вест, сэр.

— Да? Зачем его сюда принесло?

Билл вышел из укрытия.

— Здравствуй, дядя Джаспер, — сказал он, тщетно пытаясь выдавить из себя хоть немного

приветливости. После того что произошло сегодня между ним и Совестью, он не мог смотреть на дядю Джаспера без содрогания. Мысль, что его сравнили с этим жадным сморчком, резала как нож.

— А, это ты, — проворчал дядя Джаспер, шаря по библиотеке водянистыми змеиными глазами.

— Мистер Параден сейчас занят, сэр, — сказал Роберт. — Он скоро подойдет. Принести коктейль, сэр?

— В рот не беру эту гадость, — сказал дядя Джаспер и повернулся к Биллу: — А ты тут зачем?

— Утром позвонил Робертс и сказал, что дядя Кули хочет меня видеть.

— Да? Странно. Вчера я получил телеграмму такого же содержания.

— Вот как? — с отсутствующим видом произнес Билл и стал смотреть на книжные полки. Он не сноб, а таракан — тоже Божья тварь, но неприлично человеку, который только что вышел от божественной Алисы Кокер, опускаться до разговора с таким ничтожеством.

Однако на этом его напасти не кончились.

— Миссис Параден-Керби, — объявил Робертс в дверях.

Час от часу не легче. Редко кто мог вынести

кузину Эвелину. Грузная громогласная женщина на пятом десятке, с глазами, как голубая глазунья, она так и не смогла отказаться от сюсюканья, которым в юные годы обольщала сверстников.

— Ой-ой-ой, сколько огромненьких стареньких книжечек, — сказала кузина Эвелина, обращаясь, очевидно, к пушистой болонке, которую держала на руках. — Вилличка-песичка будет паинькой и не станет грызть книжечки, и может быть, добренький дядюшка Кули даст ему кусочек тортика.

— Мистер Отис Параден и мастер Кули Параден, — объявил Робертс.

Биллу было уже все равно. Если в комнате дядя Джаспер и кузина Эвелина, валите до кучи Отиса и маленького Кули — гаже все равно не станет. Он только отметил про себя, что Отис еще растолстел, а маленький Кули (лоснящийся младенец, такой розовый, словно его только что вынули из кипятка) похож на инкубаторского цыпленка; и снова вернулся к полкам.

— Господи! — вскричал дядя Джаспер. — Это что, семейный сбор? Что вы тут делаете?

— Нас с Кули вызвали телеграммой, — с достоинством отвечал Отис.

— Ути-пути, как удивительно! — сказала кузи-

на Эвелина.

— Меня тоже.

— А ему, — ошеломленный дядя Джаспер указал на Билла, — позвонили сегодня по телефону. Интересно, что бы это значило?

Кули, молчаливый ребенок, не сказал ничего. Он сосредоточенно расковыривал перышком кожаную обивку кресла и время от времени икал, словно застенчивый человек, захотевший выкрикнуть «гип-гип-ура» и сломавшийся на первом «гип». Остальная семья принялась обсуждать удивительное совпадение.

— Странно, что дяде Кули вздумалось собрать нас всех, — сказала кузина Эвелина.

Дядя Отис с опаской огляделся и понизил голос.

— По-моему, — сказал он, — эти неспроста. Полагаю, Кули осознал, что стареет, и решил позаботиться о нас.

— Ой, ты и вправду так думаешь? — с жаром воскликнула кузина Эвелина. — Ну конечно, он же совсем старенький. Я считаю, после шестидесяти ничего не остается, кроме как ждать смерти.

— Мне в этом году исполнилось шестьдесят два, — холодно сказал дядя Отис.

— Позаботиться? — задумчиво произнес дядя Джаспер, почесывая подбородок. — Хм. Неплохо придумано. В таком случае нам не придется платить налог на наследство.

Этого уже Билл не стерпел. Пусть он кровосос — а Совесть не оставила в этом никаких сомнений, — он, по крайней мере, благодарный кровосос. А эти упыри не способны даже на простейшую человеческую привязанность.

— Меня от вас мутит, — рявкнул он, поворачиваясь на каблуках. — Вас всех надо усыпить. Вечно замышляете, как вытянуть из дяди Кули деньги…

Неожиданная атака с тыла вызвала в рядах семьи замешательство.

— Неслыханно! — вскричала кузина Эвелина.

— Наглый мальчишка! — оскалился дядя Джаспер.

Дядя Отис выбрал язвительный тон.

— А ты ни разу не взял у него ни пенса? О, разумеется, нет! — сказал дядя Отис.

Билл наградил его уничижительным взглядом.

— Вы отлично знаете, что он выплачивает мне содержание. И я стыжусь, что допустил это. Когда я вижу, как вы слетелись, словно стервятники…

— Стервятники! — Кузина Эвелина гордо

расправила плечи. — Меня еще никто так не оскорблял.

— Беру назад свое выражение, — сказал Билл.

— Так и быть, прощаю, — смилостивилась кузина Эвелина.

— Надо было сказать — пиявки.

Парадены никогда не ладили между собой, но сейчас сплотились перед лицом обидчика. Библиотека звенела от их возмущенных голосов, все говорили одновременно. Тишина восстановилась, лишь когда в помещении прозвучал еще голос. Он заговорил, вернее, закричал от дверей, и произвел на ссорящихся такое же действие, как свисток полицейского на уличных драчунов.

— Молчать!

Голос был совершению несоразмерен своему владельцу. Человек в дверях был маленький и тощий, с красным, чисто выбритым лицом, жесткими, коротко стриженными седыми волосами и смотрел на собравшихся через пенсне без оправы.

— Типичная сцена из быта Параденов! — язвительно заметил он.

Появление его стало для дядюшек и кузин новым сигналом к сплочению. Едва придя в себя, они радостным потоком хлынули ему навстречу.

— Привет, Кули. Рад тебя видеть. (Дядя Джаспер.)

— С возвращением, Кули. (Дядя Отис.)

— Ах ты мой дорогой, как ты прекрасно выглядишь! (Кузина Эвелина.)

Молчание. (Маленький Кули.)

Глубокое молчание. (Билл.)

Маленький человечек в дверях никак не откликнулся на излияния родственных чувств. Выкрикнув свое «Молчать!», он снова поджал губы, а взгляд, направленный сквозь пенсне на щебечущее собрание, остудил бы более чутких гостей. Родственники возобновили свои преувеличенные приветствия.

— Я получил твою телеграмму, Кули, — сказал дядя Джаспер.

— Я тоже, — сказала кузина Эвелина, — и мы с Вилличкой-песичкой очень обрадовались.

— Надеюсь, ты хорошо провел время, Кули, — сказал дядя Отис. — Далековато ты забрался, а?

— Как тебе Япония? — спросила кузина Эвелина. — Я всегда говорю, что японцы — такие очаровашки.

— Мы скучали без тебя, Кули, — сказал дядя Джаспер. Молчание отпрыска посреди всеобщего ликования задело Отиса. Он вытащил маленько-

го Кули из-за кресла, которое тот исследовал.

— Поздоровайся с любимым дядюшкой, Кули, — сказал он. Маленький Кули немигающим взглядом уперся в подателя щедрот.

— Здрась, — произнес он громким басом и снова впал в прерываемое икотой молчание.

Дядя Джаспер вновь захватил инициативу.

— Кули, ты не уделишь мне несколько минут наедине? — спросил он. — У меня к тебе маленький деловой разговор.

— А у меня, — сказал Отис, — небольшая просьба от лица маленького Кули.

Кузина Эвелина протиснулась вперед.

— Как мы поцелуем большого дядюшку Кули! — вскричала она, пухлыми руками протягивая болонку к благодетелеву лицу.

Перед этой атакой мистер Параден не устоял.

— Убери! — заорал он, торопливо отступая. — Значит, — сказал он, — мало вам самим тянуть из меня соки, вы еще и собак на меня спускаете?

Лицо кузины Эвелины исказилось удивлением и болью.

— Тянем соки, дядя Кули?!

Мистер Параден фыркнул. От волнения очки сползли, он раздраженно вернул их на место.

— Да, именно! Не знаю, Эвелина, учила ли ты

свою мерзкую собачонку фокусам, но если б она села на задние лапки и принялась просить, ее можно было бы с почетом принять в члены семьи. Это все, что вы умеете. Я возвращаюсь из двухмесячной поездки, а вы тут же бросаетесь ко мне с денежными просьбами.

Изумление. Дядя Джаспер оскалился. Дядя Отис сморгнул. Кузина Эвелина расправила плечи с той же заносчивостью, что и недавно перед Биллом.

— Гадкие грязные деньги, — сказала она оскорбленно, — это последнее, о чем я думаю.

Мистер Параден неприятно рассмеялся. Он явно возвратился из своих странствий в отнюдь не благодушном настроении. Вернулось то, что можно назвать его прежней манерой — досадная раздражительность, которая так осложняла семье деловые переговоры в те времена, пока еще не смягчилась под благотворным влиянием старых книг.

— Да, — сказал он горько, — последнее, о чем ты думаешь перед сном, и первое, о чем вспоминаешь утром. Вы все у меня в печенках сидите. Сборище…

— Стервятников, — подсказал Билл.

— Стервятников, — сказал мистер Параден. —

Все такие ласковые и такие бедные. Вот уже много лет вы ничего не делаете, только висите на мне, как скопище…

— Пиявок, — пробормотал Билл. — Пиявок.

— Пиявок, — сказал мистер Параден. — Сколько себя помню, я даю вам деньги — деньги, деньги, деньги. А вы всасываете их, как…

— Промокашка, — сказал Билл.

Мистер Параден сверкнул на него глазами.

— Заткнись! — прогремел он.

— Хорошо, дядя. Я просто хотел помочь.

— А теперь, — продолжал мистер Параден, расправившись с Биллом, — я хочу сказать вам, что моему терпению пришел конец. Я выдохся. Иссяк. Устал. — Он грозно зыркнул на Билла, словно ожидая, не выдаст ли тот еще синоним.

— Сегодня я собрал вас здесь, чтобы сделать объявление. У меня для вас маленькая неожиданность. Скоро у вас появится новый родственник.

Семья ошарашенно переглянулась.

— Новый родственник?! — в ужасе повторил Отис.

— Только не говори, — шепотом, словно у постели больного, выговорил дядя Джаспер, — что надумал жениться!

— Нет, не надумал, — сказал мистер Пара-

ден. — Родственник, о котором я говорю, — мой приемный сын. Гораций! Иди сюда, Гораций!

В дверь прошмыгнуло что-то маленькое в коротких штанишках.

— Гораций! — сказал мистер Параден. — Позволь представить тебя семье.

Мальчик с минуту таращился молча. Это был веснушчатый крепыш, стриженый, белобрысый, с ехидными глазами. Он перевел взгляд с дяди Джаспера на дядю Отиса, с маленького Кули на кузину Эвелину, впитывая их всех.

— Это семья? — спросил он.

— Семья.

— Обалдеть, ну и зануды, — произнес мальчик от всего сердца.

4

В молчании, последовавшем за этим искренним выражением чувств, к собравшимся присоединилось еще одно действующее лицо. Оно было высокое, благообразное и облачено в хламиду. По белой бороде Билл узнал недавнего Горациева спутника на лужайке. Даже издали он внушал почтение, вблизи же выглядел почти

что малым пророком[6]. Он улыбался отеческой улыбкой — единственной, кстати, улыбкой среди находящихся в комнате, поскольку менее веселое общество можно было отыскать в Америке разве что на похоронах. Дядя Джаспер поник, как увядшая лилия, у дяди Отиса глаза вылезли из орбит, кузина Эвелина собиралась лопнуть. Что до Горация, вид семьи, в которую ему предстоит войти, явно убил в нем всякую радость жизни.

Он заговорил первым, и стало ясно, какая ноша его гнетет.

— Я должен их всех поцеловать? — спросил он.

— Только не меня, — отрезал дядя Джаспер, выходя из ступора. Сопя, как тюлень, он двинулся на мистера Парадена. — Как это следует понимать, Кули? — осведомился он. Мистер Параден указал на новопришедшего.

— Профессор Эпплби объяснит.

Малый пророк поклонился. Если он и смущался, то умело это скрывал. Говоря, он продолжал ласково улыбаться.

— Сообщение, которое мой добрый друг Параден…

---

[6] Сноски: 6

Малые пророки — название относится к пророкам Осии, Иоилю, Амосу, Авдию, Ионе, Михею, Науму, Аввакуму, Софонии, Аггею, Захарию и Малахии, то есть ко всем, кроме Исайи, Иеремии, Иезекииля и Даниила.

— Что значит «мой добрый друг Параден»? — резко переспросил дядя Джаспер. — Как давно вы знакомы, хотелось бы мне знать.

— Я познакомился с профессором Эпплби в поезде из Сан-Франциско, — сказал мистер Параден. — Он-то и…

— Я-то, — мягко перебил профессор Эпплби, — и убедил мистера Парадена взять на воспитание этого малыша. — Он погладил мальчика по головке и вновь обратился к взбешенным слушателям. — Мое имя, — продолжал он, упреждая дядю Джаспера, который открыл уже было рот, — возможно, ничего вам не говорит, однако со всей скромностью могу заверить, что в некоторых кругах мои взгляды на евгенику почитаются достойными внимания. Рад сообщить, что мистер Параден вступил в число моих учеников. Я твердо поддерживаю взгляды мистера Бернарда Шоу, что надо создать новую расу из лучших представителей старой. Гораций прекрасно развит физически, смышлен, обладает золотым характером и редкой покладистостью. Я считаю — и с удовольствием констатирую, что мистер Параден согласен, — что ему лучше вкладывать средства в воспитание этого мальчика, чем тратиться на родственников, которые, позволю заметить, не

имеют будущего и, уж простите, мало что могут дать взамен. Мистер Параден намерен основать семью, которая нацелена вперед, а не назад. Семью… э… будущих, а не бывших.

Родственники заговорили хором. В продолжение речи они несколько раз пытались раскрыть рот, но профессора Эпплби так легко не перебьешь. Теперь, когда он смолк, они дали волю своим чувствам — кузина Эвелина первая, следом дядя Джаспер и дядя Отис.

— Это что-то неслыханное!

— Да он опасный безумец!

— Неужели ты и впрямь хочешь сделать этого неотесанного мальчишку наследником в обход собственной плоти и крови?

Профессор Эпплби мягко вмешался.

— Надо признать, — согласился он, — что Гораций и впрямь лишен определенного светского лоска. Но что с того? Хороший учитель исправит этот мелкий недостаток за пару месяцев. Главное — мальчуган исключительно здоров и сообразителен.

Мальчуган никак не подтвердил эти заслуженные хвалы. Он боролся с более близкой его сердцу проблемой.

— Я не буду их целовать, — громко объявил

он. — Разве что на спор. Я как-то на спор поцеловал козла.

Кузина Эвелина выбросила вперед руки, отчего Вилличка-песичка звонко шмякнулся на пол.

— Грубиян!

— Думаю, мой дорогой, — кротко сказал профессор Эпплби, — что разговор переходит на повышенные тона, поэтому мне стоит вывести Горация на улицу. Формирующемуся уму вредно слушать такие перепалки.

Кузина Эвелина воинственно напряглась.

— Пожалуйста, не беспокойте Горация в его доме. — Она прицепила к ошейнику Виллички-песички поводок и направилась к двери. — Прощай, дядя Кули, — сказала она, оборачиваясь. — Я считаю, что меня глубоко и жестоко оскорбили.

— Эй! — крикнул Гораций, указывая пальцем. — Ты вязанье уронила, оно разматывается.

С долгим, полным укоризны взглядом кузина Эвелина подхватила Вилличку-песичку на руки и вышла. Дядя Джаспер ринулся за ней.

— До свидания, Джаспер, — сказал мистер Параден.

— До свидания. Я немедленно приму меры, чтоб тебя освидетельствовала медицинская комиссия. Признают недееспособным. Это единственный

способ остановить твой безумный замысел.

— А я, — добавил дядя Отис, — скажу лишь одно, Кули. Эта поездка обошлась мне в три доллара семьдесят девять центов. Я пришлю своего адвоката. — Он взял маленького Кули за руку. — Идем, Джон, — сказал он горько. — Отныне тебя будут называть вторым именем.

Гораций с ехидцей наблюдал за исходом родственников.

— Похоже, меня тут любят, как холодный гренок с сыром! — заметил он.

Билл дружелюбно шагнул вперед.

— Знаешь, приятель, я ничего против тебя не имею, — сказал он. — Добро пожаловать в семью!

— Если это семья, — сказал Гораций, — то жалуй в нее сам.

И, протянув детскую ручонку профессору Эпплби, вышел из комнаты. Мистер Параден мрачно уставился на Билла.

— Ну, Уильям?

— Ну, дядя Кули?

— Полагаю, ты понял, что я не намерен больше платить тебе содержание?

— Понял.

Спокойствие юного родственника несколько

озадачило мистера Парадена. Тот заговорил почти виновато:

— Самое плохое, когда у юноши твоих лет куча незаработанных денег.

— В точности так и я думаю, — сказал Билл с жаром. — Мне надо работать! Позор, — продолжал он, — что юноша с моими способностями и умом не зарабатывает себе на жизнь. Стыд, да и только.

Красное лицо мистера Парадена побагровело.

— Очень смешно! — проревел он. — Очень смешно и остроумно. Что ты рассчитываешь выгадать…

— Остроумно! Ты же не думаешь, что я шучу?

— Думаю, что пытаешься.

— Да нет же, Господи! Я и приехал сюда, чтобы просить места.

— Долго же ты собирался!

— Да у меня не было времени рта раскрыть.

— И какую же работу ты хотел у меня попросить?

— В твоей фирме.

— Какую именно?

Слабое знакомство с премудростями целлюлозно-бумажного производства затрудняло Биллу ответ.

— Любую, — смело выкрутился он.

— Могу предложить тебе надписывать конверты за десять долларов в неделю.

— Отлично! — сказал Билл. — Когда приступать?

Мистер Параден с подозрением уставился сквозь очки.

— Ты серьезно?

— Еще как!

— Ладно, — заметил, помолчав, несколько растерянный мистер Параден. — Должен сознаться, ты меня удивил. — Билл чуть было не сказал, что дядя просто не воспринимал прежде его скрытых глубин, но вовремя прикусил язык. — Странно, Уильям, но ты единственный в этой семье, к кому я сохранил хоть каплю привязанности.

Билл благодарно улыбнулся.

— Конечно, — прогудел мистер Параден, — ты ленивый, никчемный тунеядец. И все же я подумаю. Ты не прямо сейчас едешь?

— Если я вам нужен, я подожду.

— Может, и понадобишься. Задержись на часок.

— Пойду прогуляюсь у пруда.

Мистер Параден смерил его внимательным взглядом.

— Не понимаю, — пробормотал он. — Работать захотел! Что это на тебя нашло? Не иначе как влюбился.

5

С четверть часа после того, как расстались дядя и племянник, дом и угодья мистера Кули Парадена пребывали в полнейшем мире. На шестнадцатой минуте Робертс, дворецкий, кайфовавший в буфетной за сигарой и повестью о разбитой любви, был извлечен из своего покоя оглушительным лязгом на аллее, перед самым домом. Отложив сигару и книгу, он вышел разобраться.

Неудивительно, что лязг побудил его вскочить. Под одним из декоративных столбов в колониальном стиле, поставленных архитектором, чтоб придать зданию индивидуальность, лежал покореженный красный двухместный автомобиль, из-под обломков которого выбирался долговязый человек в кожаной куртке. В следующее мгновение дворецкому предстали молодое лицо, длинный нос с горбинкой и выразительные зеленые глаза.

— Привет, — сказал молодой человек, сплевывая на гравий.

Робертс созерцал его с безмолвным изумлением. Покореженный двухместный автомобиль был покорежен так основательно, что просто не верилось, что из него может вылезти что-то целое.

— Вмазался чуток, — сказал молодой человек.

— Несчастный случай, сэр? — выдохнул Робертс.

— Если вы думаете, что я нарочно, — сказал молодой человек, — докажите! — Он с любопытством взглянул на смятый в лепешку автомобиль. — Машину, — произнес он после долгого вдумчивого осмотра, — придется малость подправить.

— Как это случилось, сэр?

— Да как всегда случается. Ехал на скорости, а тут на дорогу уселась птичка. Не хотел ее давить и, видать, слишком вывернул руль. Пролетел пару ярдов, пропорол шину и впечатался в дом.

— Боже правый, сэр!

— Пустяки, — успокоил молодой человек. — Я все равно сюда ехал.

Тут он заметил, что к его левой брови прилипло несколько камешков, и стряхнул их голубым шелковым платком.

— Ведь это дом мистера Парадена? — спросил он.

— Да, сэр.

— Отлично. Мистер Вест здесь?

— Да, сэр.

— Замечательно. Скажите ему, что я хочу его видеть. Меня зовут Кокер. Мистер Джадсон Кокер.

— Очень хорошо, сэр.

Что-то в манере дворецкого — некая невозмутимость, некое отсутствие чувств — явно огорчило молодого человека. Он слегка нахмурился.

— Джадсон Кокер, — повторил он.

— Да, сэр.

Джадсон ждал.

— Знакомое имя, а?

— Нет, сэр.

— Вы хотите сказать, что никогда его прежде не слышали?

— Что-то не упомню, сэр.

— Боже мой! — вскричал Джадсон.

Он протянул руку и остановил уходящего Робертса, попросту схватив того за фалду. Даже в нормальном своем состоянии Джадсон Кокер всегда был открыт и доступен для разговора: он готов был болтать с кем, когда и где угодно, а недавняя авария еще подстегнула его говорливость. На разных людей потрясение действуют по-разному — Джадсону оно еще больше развязало язык.

— Признайтесь мне честно, как мужчина мужчине, — недоверчиво произнес он, — вы и впрямь никогда не слышали о Джадсоне Кокере?

— Нет, сэр.

— Вы хоть когда-нибудь читаете «Бродвейские разговорчики»?

— Нет, сэр.

— А «Городские пересуды»?

— Нет, сэр.

— Боже мой!

При виде такого литературного невежества Джадсон совсем сник. Он выпустил фалду и погрузился в мрачное молчание.

— Принести виски с содовой, сэр? — спросил Робертс. До него наконец-то дошло, что молодой гость немного не в себе. Дворецкий тут же устыдился своей недогадливости. Другой бы уже давно превратился в доброго врача.

Вопрос немедленно вернул Джадсону обычную жизнерадостность. Такие вопросы всегда находили отклик в его душе.

— Конечно, старина, — отвечал он с пылом. — А то я все гадаю, когда мы перейдем к делу. Смешайте покрепче, ладно? Воды на полпальца, а виски столько, чтобы кролик укусил бульдога.

— Хорошо, сэр. Зайдете в дом?

— Нет, спасибо. С тем же успехом могу посидеть и здесь.

Дворецкий скрылся в доме и через несколько минут явился с целительной влагой. Он застал молодого друга задумчиво глядящим в небо.

— Я вот что, — сказал Джадсон, облегченно вздыхая и опуская наполовину опустошенный стакан, — все про то же. Вы ведь пошутили, когда сказали, что не знаете моего имени?

— Нет, сэр, уверяю вас.

— Ничего удивительнее я в жизни не слышал. Похоже, вы разбираетесь в мировых событиях не больше, чем курица в зубном порошке. Вы ни разу не слышали о Шелковом Клубе?

— Шелковом Клубе?

— Да. Шелковом Клубе с Пятой авеню.

— Нет, сэр.

— Боже мой! Знаменитейший прогулочный клуб. Собирался воскресным утром и шел по Пятой авеню в шелковых пижамах, шелковых носках, в шелковых шляпах и под шелковыми зонтиками, если сверху капало. Вы действительно ничего не слыхали?

— Нет, сэр.

— Держите меня! Вот она, слава! Я бы не подумал, что в этой стране найдется образованный

человек, который не слышал о Шелковом Клубе. Когда нас задержала полиция, воскресный выпуск «Американца» отвел нам целую страницу.

— Вот как, сэр?

— Честное слово. С моим портретом. Это я основал клуб.

— Да, сэр?

— Да. Я еще много чего сделал. Разбрасывал с самолета десятидолларовые бумажки. Удивительно, что вы обо мне не слышали.

— Мы тут в глуши мало что знаем, сэр.

— Да уж, — ободрился Джадсон. — Да, наверное, в этом и дело. Если так, вы могли и не слышать обо мне. Однако поверьте на слово, я в свое время чего только не наворотил. Шуму-то было! Все восхищались. Да если б не я, никто бы в Америке не догадался повязывать носовой платок вокруг рукава.

— Вот как, сэр?

— Клянусь!

Кого другого эти воспоминания захватили бы целиком, но только не Робертса, который остановился на одиннадцатой главе «Песка и страсти» и мечтал к ней вернуться. Он деликатно забрал графин, к которому Джадсон уже было потянулся, и вежливо постарался закончить разговор:

— Я спросил, сэр, и мне сказали, что мистера Веста в последний раз видели, когда он шел к пруду. Возможно, вы захотите его поискать?..

Джадсон встал.

— Вы совершенно правы, — пылко объявил он. — Абсолютно. Я немедленно иду искать старину Билла. Нарочно к нему приехал. Время не ждет. Где пруд?

— Там, сэр… А, вот и мистер Вест, идет по дорожке.

— А?

— Мистер Вест, сэр. Идет по дорожке.

И, указав на Билла посетителю, который смотрел куда угодно, только не в нужном направлении, Робертс укрылся в доме. В прихожей он задержался, чтобы позвонить в местный гараж и пригласить механика, потом вернулся в буфетную и возобновил чтение.

С зеленых берегов Билла прогнало непрошенное появление профессора Эпплби и малолетнего Горация. Он был не в настроении разговаривать, поскольку внезапно осознал, что должен крепко подумать. События в доме мистера Парадена развивались настолько стремительно, что Билл только сейчас понял, в каком оказался тупике. Теперь, по зрелом размышлении, он увидел, что

судьба поставила его перед неприятной необходимостью быть сразу в двух местах. Очевидно, чтоб доказать свою новообретенную страсть к работе, надо немедленно вступить в должность. Так же очевидно, что, немедленно вступив в должность, он не сможет вывезти Джадсона на рыбалку. Если он отправится на рыбалку, что подумает дядя Кули? Опять-таки, если отменить рыбалку, что останется думать Алисе — что он наобещал с три короба и обманул, бросил ее в трудную минуту жизни? Билл шатался под грузом навалившейся проблемы и так ушел в нее, что Джадсону пришлось окликнуть его второй раз.

— Ой, Джадсон, привет! Как тебя сюда занесло?

Он энергично пожал руку основателю Шелкового Клуба с Пятой авеню. С их несколько прохладного разговора его отношение к Джадсону серьезно изменилось. Теперь, когда его брак с Алисой — дело практически решенное, Билл готов был любить и все ее семейство. Его так и распирало от братской нежности, а в глубине сердца шевелилось робкое желание подружиться и с грозным отцом.

Он любовно стиснул Джадсону плечо. Внезапно стало ясно, что гнетущей его проблемы попросту нет. Он ошибался, когда полагал, что может быть

какой-то выбор. Сейчас, когда внезапное появление Джадсона, так сказать, усилило кокеровский мотив в ритме его жизни, Билл ясно видел, что перед ним открыт лишь один путь. Он должен хранить верность Алисе Кокер, чего бы это ни стоило и как бы ни повлияло на его финансовое будущее. Рыбалка остается, торжественное вступление в целлюлозно-бумажную гильдию отменяется.

— Привет, Билл, старина, — сказал Джадсон. — Тебя-то мне и надо. Я, кстати, за тем и приехал. Вмазался тут чуток, — добавил он, указывая на останки автомобиля.

— Боже правый! — Билл похолодел. Подумать только, Ее брат попал в аварию. — Тебя не ранило?

— Не. Тряхнуло немножко. Слушай, Билл, Алиса мне тут рассказала, чего дома творится. Это не треп, насчет рыбалки? Потому что если треп, мне каюк. Бабуля меня доконает.

— Не беспокойся. — Билл похлопал его по плечу. — Я обещал Алисе, и этого довольно. Все решено. — Билл замялся, покраснел. — Джадсон, старина, — продолжил он дрожащим голосом, — я предложил ей выйти за меня замуж.

— Не поверишь, завтрак каждое утро в пол-

восьмого, — сказал Джадсон. — А потом весь день вкалывать на ферме.

— За меня замуж, — повторил Билл чуть громче.

— Меня от этих поросят и кур с души воротит, — сообщил Джадсон.

— Я сделал предложение твоей сестре Алисе.

— А еще молебны, псалмы там всякие. Я просто не вынесу, старина, просто не вынесу.

— Она не дала определенного ответа.

— Кто не дал?

— Алиса.

— О чем?

Любовь Билла к семейству Кокеров несколько пошатнулась. Он чувствовал, что по крайней мере некоторые ее члены порой немного раздражают.

— Я попросил твою сестру Алису выйти за меня замуж, — сказал он холодно. — Но твердого обещания она мне не дала.

— Вот и хорошо, — сказал Джадсон. — Значит, ты еще можешь выкрутиться.

При всем своем негодовании — а он смотрел на друга с холодным отвращением, которое, несомненно, задело бы человека более чуткого, — Билл оставался тверд. Пусть у Джадсона меньше

чувств, чем у особо бездушного африканского бородавочника, он все равно Алисин брат.

— Жди здесь, — сказал он строго. — Я должен зайти к дяде.

— Зачем?

— Чтобы сказать ему о рыбалке.

— Он что, тоже едет? — испугался Джадсон.

— Он хочет, чтоб я немедленно вышел на работу в его контору. А я должен сказать, что это откладывается.

Билл не застал мистера Парадена в кабинете, но, зная его привычки, уверенно направился в библиотеку. Мистер Параден стоял на высокой лестнице и листал снятый с верхней полки том.

— Дядя Кули.

Мистер Параден воззрился с высоты, поставил книгу на место, слез.

— Я хотел тебя видеть, Уильям, — сказал он. — Садись. Я уже собрался звонить Робертсу, чтобы тебя позвали. — Он опустился в глубокое кресло, так заинтересовавшее недавно маленького Кули. — Я намерен кое-что тебе предложить.

— Я пришел сказать…

— Заткнись! — рявкнул мистер Параден.

Билл смирился. Дядя разглядывал его в упор — похоже, даже с одобрением.

— Интересно, будет от тебя хоть какой-нибудь прок, — сказал он.

— Я…

— Заткнись! — сказал мистер Параден.

Он грозно засопел. Билл пожалел, что не может сообщить суровому дяде ничего утешительного.

— Ты всегда был бездельником, — заключил мистер Параден, — как и все они. Однако кто знает? Может быть, если дать тебе дело, ты и расшевелишься. Как тебе понравится, если я еще месяца три буду выплачивать тебе содержание?

— Очень, — сказал Билл.

— Учти, его придется отрабатывать.

— Конечно, — согласился Билл. — Как только я вернусь с рыбалки…

— Сам я поехать не могу, — сказал мистер Параден задумчиво, — а послать кого-нибудь надо. Что-то там нечисто.

— Понимаете…

— Заткнись! Не перебивай! Дело обстоит так. Меня не устраивает доход нашего лондонского филиала. Давно не устраивает. Что там творится — не понимаю. Управляющий вроде хваткий. И все-таки доходы падают. Я пошлю тебя в Лондон, Уильям, чтобы ты разобрался.

— В Лондон? — опешил Билл.

— Именно.

— Когда же мне ехать?

— Прямо сейчас.

— Но…

— Ты хочешь спросить, — продолжал мистер Параден, неверно истолковавший колебания своего племянника, — что именно тебе предстоит делать в Лондоне. Что ж, откровенно, я сам не знаю, и не знаю, почему посылаю тебя. Думаю, мне просто хочется проверить, есть ли в тебе хоть капля разума. Я, конечно, не жду, что ты разрешишь загадку, которая вот уже два года ставит Слинсби в тупик…

— Слинсби?

— Уилфрида Слинсби, моего лондонского управляющего. Очень толковый работник. Повторяю, я не жду, что ты с ходу разберешься в проблеме, которая не по зубам Слинсби. Просто мне кажется, что если ты будешь внимательно смотреть, слушать, попытаешься разобраться в производстве и заинтересуешься управлением, то случайно набредешь на мысль — пусть самую глупую, но такую, что сможет дать Слинсби толчок в нужном направлении.

— Ясно, — сказал Билл. Его способности вывести фирму из затруднений дядя оценил нелестно,

но, ничего не попишешь, более или менее верно.

— Это будет для тебя хорошей школой. Встретишься со Слинсби, послушаешь его. Все это тебе пригодится, — добавил мистер Параден со смешком, — когда вернешься сюда и начнешь надписывать конверты.

Билл замялся.

— Я бы с удовольствием, дядя Кули…

— Корабль отходит в субботу.

— Можно мне полчаса подумать?

— Подумать! — Мистер Параден зловеще раздулся. — Это в каком еще смысле подумать? Ты хоть понимаешь, что тебе предлагают, жалкий ты…

— Понимаю, понимаю, только… Разрешите сбегать вниз, переговорить с приятелем?

— Что ты мелешь? — раздраженно спросил мистер Параден. — Зачем вниз? С каким приятелем? Ты бредишь.

Он бы продолжал, но Билл уже оказался у двери. Он снисходительно улыбнулся дяде, словно говоря: «Погодите, все будет, как надо» — и вылетел из комнаты.

— Джадсон, — сказал он, врываясь в прихожую и оглядываясь.

Его друг разговаривал по телефону.

— Минуточку, — сказал Джадсон в трубку. — Это Билл Вест. Я как раз говорю с Алисой, — объяснил он через плечо. — Папа вернулся и согласен отпустить меня на рыбалку.

— Попроси у нее, пусть узнает, не согласится ли он вместо этого отпустить тебя со мной в Лондон, — торопливо сказал Билл. — Дядя отправляет меня немедленно.

— В Лондон? — Джадсон с тоскою покачал головой. — И не мечтай! Дорогой дружище, ты ровным счетом ничего не понял. Вся суть в том, чтобы затолкать меня куда-нибудь, где бы я не мог…

— Попроси ее передать, — лихорадочно приказал Билл, — что я клянусь не давать тебе ни цента денег и ни капли выпивки с самого нашего отъезда. Скажи, что в Лондоне ты будешь со мной в такой же безопасности, как и…

Джадсон не дал ему договорить фразы.

— Гений! — пробормотал Джадсон, и лицо его озарилось безграничной радостью. — Абсолютный гений! Я бы никогда до такого не додумался. — Лицо его вновь омрачилось. — Только боюсь, это все равно не сработает. Отец, понимаешь ли, не дурак. Ладно, попробую.

Он заговорил в трубку, потом расслабился и

доложил об успехах.

— Пошла говорить. Однако я сомневаюсь, очень сильно сомневаюсь… Алло? — Он вновь повернулся к телефону и некоторое время слушал. Потом передал трубку Биллу. — Она хочет с тобой поговорить.

Билл взял трубку трясущимися руками.

— Да? — произнес он пылко. «Алло» прозвучало бы слишком грубо.

На другом конце провода зазвенел мелодичный голос Алисы Кокер:

— Кто это?

— Это я. Э… Билл.

— О, мистер Вест, — сказала Алиса. — Я говорила с папой о том, чтобы вам взять Джадсона в Лондон.

— Да?

— Сперва он не соглашался ни в какую, но я объяснила, что вы будете заботиться о Джадди…

— Буду! Обязательно!

— Вы действительно проследите, чтоб у него не было денег?

— Ни цента.

— И выпивки?

— Ни капли.

— Что ж, прекрасно, он может ехать. Спасибо

большое, мистер Вест.

Билл попытался в изящных фразах выразить, как рад оказать ей даже самую малую услугу, однако далекий щелчок сообщил ему, что его красноречие пропало бы втуне. Он в волнении положил трубку.

— Ну? — встревоженно осведомился Джадсон.

— Все уладилось.

Джадсон издал короткий восторженный вопль.

— Билл, ты чудо. Как это ты ввернул, что не дашь мне денег! Прямо-таки на полном серьезе! Это все и решило. Вот так с лету и придумал, — сказал Джадсон тоном искреннего восхищения. — Ну и загудим же мы в Лондоне! Всегда мечтал туда попасть. Все эти исторические места, про которые мы читали в английских книжках, — ну, знаешь, ресторан «У Романо», бар «Савой»… Билл, старина, мы так гульнем, что по доброму старому городу только пух полетит.

До сраженного ужасом Билла постепенно дошло, что Кокер-младший видит ситуацию совершенно под другим углом. Как явствовало из его высказываний, непутевый брат божественной Алисы принял недавние обещания Билла за шутку, за военную хитрость. Он задохнулся.

— Ты и вправду думаешь, — произнес он с растяжкой, перебарывая эмоции, — что я обману эту замечательную девушку?

— А то как же! — блаженно взвизгнул Джадсон.

Несколько долгих секунд Билл в упор смотрел на него. Потом, так ни слова и не сказав, зашагал к лестнице — известить мистера Парадена, что поступает в его полное распоряжение.

6

На зеленом лугу, раскинувшемся у пруда, прогуливался с малолетним Горацием профессор Эпплби. Он склонил седую голову, и сторонний наблюдатель заключил бы, что почтенный старец нашептывает юному другу мудрый совет — слова опыта, которые должны направлять его в будущем. Так оно и было.

— Слушай меня, — говорил он, — и запоминай. Я тебя в этот дом пристроил, дальше дело за тобой. Тебя сюда отправили не цветочки нюхать. Чтобы скоро и ловко все обчистил, вот чего мы от тебя ждем, молодой человек.

Мальчик кивнул. Малый пророк продолжал:

— Работать придется, конечно, в доме, но я пришлю Джо Щипача, будет рядом на случай

чего. Хотя, если ты не напортачишь, все должно пройти гладко. Ладно, Джо Щипач не помешает. Так что ты его высматривай.

— Ага.

— И не смей лениться только из-за того, что ты в уютном доме, где наверняка хорошо кормят. Это и плохо в тебе, слишком много думаешь о своем брюхе. Позволь тебе, будешь валяться в кресле, набивать рот, а про шайку и думать забудешь. Так каши не сваришь. Помни — мы неподалеку и ждем, чтобы ты быстро управился.

— Ты меня не гони, — возразил Гораций. — Мне, может, несколько недель понадобится. Надо ж дождаться, пока понаедут гости, чтоб собралось много теток с брюликами!

Профессор Эпплби гневно стиснул седую бороду.

— Тьфу ты, пропасть! — простонал он. — Ты и впрямь такой тупой или только прикидываешься? Разве я не говорил тебе сто раз, что мы сейчас ищем не бриллианты? Какие гости у такого затворника, как старый Параден? Разве я не охрип, повторяя тебе, что нам нужны его книги?

— Я думал, ты шутишь, — взмолился Гораций. — Кому они нужны, книжки эти?

— Если будешь делать, что тебе говорят, и не

рассуждать попусту, — сказал профессор Эпплби строго, — может, до чего-нибудь и доберемся. Может, эти книжки не нравятся такой шмакодявке, которая не видит дальше сегодняшнего обеда, но позволь тебе сказать, любая из них потянет на четырехзначную сумму, а то и на пятизначную.

— Правда? — переспросил Гораций с уважением.

— Правда. А тебе всего делов — разнюхать, где хранятся самые лучшие, и смотаться вместе с ними. Ясно?

— Ага.

— Заминок быть не должно, — сказал профессор Эпплби. — Тебе позволят разгуливать повсюду. Все идет как по маслу. Старик проглотил твои рекомендации вместе с крючком и леской.

— Еще бы ему не проглотить! — с чувством произнес Гораций. — Только вспомнить, сколько я ради них таскался в воскресную школу!

Профессор нахмурился, явно задетый этими словами.

— Гораций, — пожурил он, — не смей так говорить. Не желаю слышать ничего дурного о воскресной школе! Понял, малявка, или объяснить кулаком по башке?

— Понял, — сказал Гораций.

Глава III. Флик наносит визит

1

Ранняя английская весна чем-то напоминает дружелюбного, но робкого щенка. Она с надеждой делает шаг в вашу сторону, пугается, отпрыгивает назад, крадучись возвращается, наконец обретает уверенность и с радостным визгом бросается на нас. Приятный вечер, выманивший мистера Синклера Хэммонда в сад, сменился чередой отвратительных апрельских дней, когда солнце выглядывает украдкой и пугается первой же возникшей на его пути тучки, а всякого, кто осмелился выйти без зонта, подстерегает холодный душ. Но прошло лишь две недели, и наступило утро, каким не стыдно похвастаться самому июню. С запада дул приятный теплый ветерок, солнце царственно озаряло благодарный мир, и даже Уимблдонский луг, хоть и сохранял некий зловещий налет, присущий местам, где пролетариату позволено во всякое время швыряться бумажными пакетами, заметно повеселел, а уж сад Холли-хауса через дорогу от луга преобразился в истинный рай.

По крайней мере, так думала Флик, расхаживая по лужайке. Деревья у стены стояли в зеленом мареве первых листочков; землю фруктового садика усыпало снегом яблоневых лепестков; повсюду кивали головками нарциссы. Бодряще пахла вскопанная земля, воздух звенел разнообразными звуками — от серебряных трелей дрозда в живой изгороди до далекого контральто миссис Фрэнсис Хэммонд, бравшей в гостиной урок музыки. И таким волшебным был этот день, что даже последнее проявление весенних безумств не могло заглушить во Флик пьянящего восторга.

Она как раз пыталась разобраться в своих чувствах. Почему каждый нерв ее дрожит от восхищенного волнения? Разумеется, не потому, что в четыре тридцать она должна заехать за Родериком в контору, чтобы потом вместе выпить чая у Клариджа. Родерик очень мил, но при всех своих достоинствах не способен вскружить голову никому, даже своей нареченной. Нет, решила она, эта взбудораженность — всего лишь предвкушение чего-то замечательного, посещающее молодых по весне. Мы, седобородые старики, столько раз покупались на лживые посулы апреля, что уже не верим льстивым нашептываниям весеннего утра. Мы знаем, что ничего замеча-

тельного не поджидает нас за углом, а значит — не позволим увлечь себя пустому ожиданию радости. Однако в двадцать один все совсем иначе, и Флик чего-то ждала.

Она остановилась понаблюдать за рыбками в цементном бассейне. Усилившийся ветер морщил водную гладь, и рыбки выглядели отчасти синкопированными. Ветер тем временем все усиливался, он дул уже не с запада, а с востока; весна словно устыдилась своей несдержанности, воздух заметно похолодал. Белые облачка, пробегавшие по челу солнца, начали сгущаться. Флик повернула к дому, чтобы взять шаль. Ей предстояло пройти мимо кабинета мистера Хэммонда в первом этаже; и вот, когда она поравнялась с распахнутым окном, оттуда донесся возглас отчаяния и гнева, на улицу выпорхнули листы бумаги и весело закружились у Флик над головой. В окне появился мистер Хэммонд, взъерошенный, с чернильным пятном на лбу.

— Идиотка горничная, — сказал он, — открыла дверь настежь и подняла сквозняк. Будь умницей, подними.

Флик собрала бумаги и передала в окно. Мистер Хэммонд исчез, и в то же мгновение погода снова переменилась. Ветер улегся, солнце засияло ярче

прежнего, и Флик, позабыв о шали, вернулась к своей прогулке. Она как раз вышла на лужайку, когда увидела сиротливую бумажку, ускользнувшую от предыдущих поисков. Та вприпрыжку неслась к бассейну, а следом мчался селихемский терьер Боб, уверенный, видимо, что перед ним — одна из птичек, охоте на которых он посвятил свою жизнь.

Бумажка петляла и уворачивалась, как живая. Она подпустила Боба совсем близко, потом играючи умчалась прочь.

Наконец, поняв, что Боб шутить не намерен, она избрала единственный путь к спасению — нырнула в пруд. Боб с сомнением поглядел на воду, решил, что ну ее, птичку, развернулся и потрусил в кусты. Последний порыв ветра прибил водоплавающую бумажку к листу кувшинки, и Флик, вооружившись граблями, смогла подогнать ее к берегу. Она как раз наклонилась поднять листок, когда взгляд ее упал на первые слова:

«Сэр!

В ваших силах спасти человеческую жизнь…»

Флик, воспитанная в уважении к святости чужих писем, дальше читать не стала. Однако

сердце ее колотилось, пока она бежала по лужайке к кабинету мистера Хэммонда.

— Дядя Синклер!

Из-за окна послышалось сдержанно-недовольное восклицание. Мистер Хэммонд мучился над статьей для «Двухнедельного обзора» — «Крэшо[7] и Фрэнсис Томсон[8] — сходство и различие». После завтрака его прерывали уже в третий раз.

— Ну? — Он снова появился в окне и взглянул уже чуть менее сурово. — Это ты, Флик? Шли бы вы отсюда, сударыня, и не мешали взрослым работать. Иди, сплети себе венок из маргариток.

— Дядя, это ужасно важно. — Она протянула письмо. — Я нечаянно прочла первую строчку. Речь идет о человеческой жизни. Я подумала, надо немедленно тебе отдать.

Мистер Хэммонд осторожно пошарил у себя за спиной. В следующее мгновение фланелевая перочистка, описав дугу, угодила между взволнованных глаз племянницы.

— Метко! — похвалил себя мистер Хэммонд. —

---

[7] Сноски: 7

Ричард Крэшо (1613–1649) — религиозный английский поэт XVII века.

[8] Сноски: 8

Фрэнсис Томас (1859–1907) — религиозный поэт, близкий по духу современным ему «проклятым поэтам» во Франции, который боролся с зависимостью и вообще был идеальным, смиренным католиком.

Будешь знать, как отрывать меня от работы просительными письмами.

— Но…

— Я помню это письмо. Я их получаю пачками. Во всех говорится, что из-под бедной умирающей женщины продадут кровать, если не выслать ей с обратной почтой один фунт семь шиллингов и три пенса, и все написаны мерзкими небритыми мужиками. Если вздумаешь писать просительные письма. Флик, никогда не проси круглую сумму. Никто не даст тебе пять фунтов, но свет полон идиотами, которые встанут на уши, чтобы выслать один фунт три шиллинга или два фунта одиннадцать шиллингов и пять пенсов.

— Откуда ты знаешь, дядя Синклер? — настаивала Флик с чисто женским упорством.

— Потому что я вникал. Как-нибудь на досуге я покажу тебе статистику Общества милосердия. Она доказывает, что девять десятых просительных писем составлены профессионалами, которые очень неплохо с этого кормятся. А теперь оставь меня, дитя, только сперва верни перочистку. Если я еще раз увижу тебя до ленча, то проучу кочергой.

— А если это и вправду…

— Нет, не вправду.

— Откуда ты знаешь?

— Чутье. Иди, поиграй.

— А можно я его прочту?

— Можешь даже вставить в рамку. И не забудь про кочергу. Я человек отчаянный.

Флик вернулась на лужайку. Она читала на ходу, и солнце, хоть и старалось честно изобразить самый разгар лета, внезапно померкло. Уютный садик пронизало холодом запустения. Хорошо дяде Синклеру так говорить, но разве может он знать наверняка! Она впервые видела просительное письмо и впитывала его с тем мучительным замиранием сердца, на которое так надеется каждый попрошайка и которое ему так редко удается вызвать у адресата. Флик верила каждому слову и дрожала от горя при мысли, что такое случается на планете, которая еще десять минут казалась безмятежно счастливой.

Письмо было написано безыскусно, но проникновенно. Миссис Матильда Пол из квартиры номер девять, доходный дом «Мармонт», Баттерси, приоткрыла занавес в мир, о котором Флик прежде и не подозревала, — мир болезней и отчаяния, невыплаченной квартплаты, рыщущих у дверей волков и домохозяев. Флик ходила и читала, бледнея от сочувствия и ужаса, и удар гонга,

сзывающий к ленчу, прозвучал для нее криком насмешливого демона. Ленч! Горячее, сочное мясо… вкусные салаты… фрукты… картошка… хлеба сколько душе угодно… А миссис Матильда Пол из квартиры номер девять доходного дома «Мармонт», Баттерси, так унижена судьбой, что лишь три фунта шестнадцать шиллингов и четыре пенса спасут ее от неминуемой гибели.

И вдруг словно чей-то голос — возможно, миссис Пол — шепнул Флик в самое ухо, что у нее на втором этаже, в спальне, хранятся всякие безделушки — колечки, ожерелья, брошь…

Она пошла к дому, и на полдороге заметила вельветовый зад садовника Джона. Тот склонился над клумбой — приятный и достойный человек, с которым она в феврале почти подружилась в связи с вопросом о луковицах.

— Тюльпаны, — заметил Джон с некоторой отеческой гордостью, выпрямляясь при звуке ее голоса, — вылезут, оглянуться не успеете, мисс.

Час назад Флик с легким сердцем включилась бы в разговор о тюльпанах. Но не сейчас. Ее живой интерес к тюльпанам растаял как дым. Письмо миссис Пол вернуло им надлежащее место — среди прочих мелочей жизни.

— Джон, — сказала Флик, — вы когда-нибудь

что-нибудь закладывали?

Джон немного напрягся. В прошлом июле его рассказ о загадочном исчезновении секатора не вызвал сомнений, и все, казалось, прошло гладко. Однако в этом мире ни в чем нельзя быть уверенным, потому что мир полон сплетниками и сплетницами, которым ничего не стоит оговорить честного человека. Чтобы протянуть время, он подтянул вельветовые штаны и тупо уставился на мурлычущий в небе самолет. Он уже готов был обезопасить себя дальше, объявив, что в его детстве таких и в помине не было, однако Флик спасла его от этой необходимости.

— Я прочла в книге, как один человек заложил свои вещи, и заинтересовалась, как это делается.

Джон внутренне вздохнул. Раз вопрос стоит чисто отвлеченно, можно высказаться с полным знанием предмета, что он и сделал. Спустя несколько минут Флик вышла к ленчу знатоком процедуры, которую садовник Джон описывал как «снести в ломбард» или даже «загнать».

Флик не ошиблась: ленч был вкусный и хорошо приготовленный, однако он не встал ей поперек горла и не обернулся пеплом. Она нашла выход.

2

Что-то сродни искрометной радости, которая, несмотря на вторжение миссис Матильды Пол, переполняла Флик в Уимблдонском саду, преобразило в тот день и жизнь Билла Веста, когда тот весело шагал по Пиккадилли — кто в такой день едет в автобусе или на такси! — к ресторану «У Марио» на встречу с мистером Уилфридом Слинсби, лондонским управляющим целлюлозно-бумажной компании Парадена, Нью-Йорк. Биллу казалось, что не только погода утратила свою хмурость, но и сама жизнь. Сегодня утром впервые за две недели, прошедшие с отплытия из Нью-Йорка, Джадсон Кокер вышел из состояния черной подавленности и даже вроде повеселел. Просто удивительно, как налет бодрости преображает тесную меблированную квартирку.

Джадсон, бесспорно, тяжело воспринял дисциплинарные меры. С той поры как пароход «Аквитания» пересек трехмильную зону, он пережил всю гамму чувств от полного неверия до окаменелого отчаяния. Не успела эта важнейшая граница остаться за кормой «Аквитании», как он предложил Биллу зайти в курительную и принять по маленькой. Отказ поначалу его на-

смешил. Билл, решил он, всегда был комиком. Это ж надо — ни разу не улыбнулся, выдавая весь этот уморительный фарс про то, что не будет ни денег, ни жидкого довольствия. Однако к середине дня Джадсон пришел к выводу, что шутки шутками, и он не меньше других любит посмеяться, но розыгрыш не должен заходить слишком далеко: а когда Билл наотрез отказался заказать послеобеденный коктейль, без которого, как известно, пища просто не усваивается, перед Джадсоном замаячила трагедия. С этой минуты тени тюремного двора начали, так сказать, сгущаться вокруг несчастного, и наше нежное перо отказывается рисовать подробности. Довольно сказать, что Джадсон Кокер прибыл в Лондон мрачнее тучи, и лишь частые взгляды на фотографии Алисы помогали Биллу терпеть общество страдальца. Кроме всего прочего, жалобные мольбы дать хоть немного денег растрогали бы и самое черствое сердце; и жизнь в квартире, которую Билл, проведя два дня в дорогих отелях, нанял вместе с мебелью на три месяца, превратилась в сущий кошмар.

Однако сегодня все изменилось. То ли весна сказалась, то ли многострадальная Джадсонова печенка начала поправляться — этого Билл не

знал, — но факт остается фактом: трезвенник немного ожил. Дважды Билл замечал на его губах блуждающую улыбку, а за завтраком, впервые за тринадцать дней, Джадсон рассмеялся. Коротким, грустным, хриплым смешком — и, чтобы вызвать его, кухарке (она же прачка) пришлось запнуться о ковер и вылить пинту кофе Биллу на брюки, — но все же рассмеялся; что вселяет надежду. Дела, похоже, начали выправляться.

Ленч с мистером Слинсби явился итогом одного визита в контору и двух телефонных разговоров. Мистер Слинсби, возможно, и допустил снижение прибыли, но сложа руки явно не сидел. Он твердо помнил, что время — деньги, и лишь сегодня, спустя пять дней после того, как Билл у него побывал, выкроил минутку для основательного разговора.

Еще при первой встрече мистер Слинсби заметно подавил Билла. За те несколько минут, что управляющий смог уделить общему разговору, сама его личность произвела на Билла сильнейшее впечатление. Уилфрид Слинсби принадлежал к тем ярким, свежим, щеголеватым мужчинам от сорока до пятидесяти, которые всегда выглядят так, будто только побрились и через несколько часов должны будут бриться снова. Синеватые

щеки отлично оттеняли сверкающую улыбку.

Сверкающая улыбка встретила Билла и в прихожей ресторана. Мистер Слинсби бросился вперед, протягивая руку, излучая расторопность и доброжелательность, и вновь Билл почувствовал, что столкнулся с незаурядной личностью. Рядом с мистером Слинсби он ощущал себя ребенком — хуже, ребенком с плоскостопием и без одной лобной доли.

Мистер Слинсби провел Билла в зал, к заказанному ранее столику, сел сам, пригласил сесть Билла, поправил галстук и подозвал официанта. И сразу стало ясно — это один из тех властных людей, которые не церемонятся с официантами. Он обратился к официанту строго и повелительно. Он прикрикнул на официанта. Он орал на официанта, пока не появился другой, а первый не исчез неведомо куда. Оставалось лишь думать, что наутро из Темзы выловят труп в смокинге и с алым пятном на груди. Изгнанный мистером Слинсби с глаз долой явно глубоко переживал свой позор.

— Да, сэр? — поспешно сказал второй официант. Он был при блокноте и карандаше, которые отсутствовали у первого. Вообще, чем больше думаешь, те больше уверяешься, что первый

официант был вовсе и не официант в истинном и глубоком значении этого слова, но создание низшего разряда, чья миссия закончена, когда он подышал вам в затылок и поставил на стол тарелку с рогаликами. Новый был выкован из более прочного металла, и мистер Слинсби, распознав родственную душу, сменил гнев на милость. Он даже снизошел до того, чтобы спросить у официанта совета. Короче, к тому времени, когда заказ был сделан и появились hors d'oeuvres[9], за столом воцарился дух искренней сердечности, а мистер Слинсби настолько смягчился, что рассказал анекдот про ирландца. Под рыбу он уже непринужденно беседовал.

— Вы, значит, племянник нашего главного? — сказал мистер Слинсби. — Могучий старикан. Чем вы занимались с приезда?

Билл поделился скромной летописью своей первой недели в Лондоне, упомянул Джадсона, назвал два мюзикла, на которые успел сходить.

— Так вы видели «Девушку в розовой пижаме»? — заинтересовался мистер Слинсби. — И как вам? Стоит везти ее в Нью-Йорк? Понимаете, я совладелец этого шоу.

---

[9] Сноски: 9
Закуски *(фр.).*

Билл окончательно почувствовал себя существом низшего сорта. В отличие от Джадсона, ему был чужд театральный мир, и совладельцы шоу казались ему фигурами значительными.

— Вот как? — сказал он.

— Да, — небрежно отвечал мистер Слинсби. — Я частенько в этом участвую. — Он дружески кивнул проходящему щеголю. — Ренфрю, — пояснил он. — Играет главную роль в мьюзикле «Флирт доводит до добра». Обязательно посмотрите. Хороший спектакль. Жалко, я не вошел в долю, когда мне предлагали. Либретто не приглянулось. Да, бывает, и ошибешься.

Билл растерялся. Управляющий лондонским филиалом крупнейшей американской фирмы на удивление мало интересовался бумагой и целлюлозой. Он уже подумывал, что разгадка упавшего дохода куда проще, чем это видится дяде Кули. Что-то вроде неприязни к блестящему собеседнику шевельнулось в его душе. Мистер Слинсби подавлял его своей личностью, а Билл не любил, когда его давят. И какое право, с досадой спрашивал себя Билл, имеют некоторые подавлять других, если некоторые не способны управлять прекрасным производством, чтобы то давало прибыль? Он критически взглянул на мистера

Слинсби. Да, он ему не нравился. И если этот прохвост настойчиво пытается произвести на него впечатление своими мерзкими театральными прожектами и своими подлыми театральными друзьями, он рискует услышать в точности, куда ему следует идти.

Вот что, решил Билл, нечего откладывать, этот прохвост расскажет ему все прямо сейчас. Да, он у него в гостях, ест его hors d'oeuvres и мясо — но поскольку расходы наверняка будут отнесены на счет фирмы, церемониться нечего.

— Дядя Кули, — сказал он, немного грубо меняя тему, поскольку мистер Слинсби только что принялся рассуждать, заметив прошедшую мимо привлекательную особу, о хористках, их нравах и том, что человек, заинтересованный театром финансово, всегда имеет возможность насладиться их приятным обществом. — Дядя Кули, — сказал Билл холодно, окончательно уверившись, что его антипатия переросла в явное отвращение, — просил меня, пока я здесь, выяснить, почему лондонский филиал не приносит прежнего дохода. Он очень встревожен.

Последовало молчание. Холодный деловой тон ошеломил мистера Слинсби. Он выглядел изумленным, оскорбленным, недоумевающим,

обиженным, огорошенным и задетым за живое.

— Что?! — вскричал он голосом человека, которому лучший друг вонзил в спину кинжал. С четверть часа он обхаживал Билла, и вот вам результат. Уилфрид Слинсби был потрясен. Однако он взял себя в руки. Он рассмеялся. Он рассмеялся нехорошим смехом.

— Не приносит прежнего дохода? — сказал он, осуждающе глядя на Билла, не скрывая, что недавний товарищ застолья упал в его глазах до уровня первого официанта. — Если вы спросите меня, я скажу. Пусть ваш дядя радуется, что есть хоть какой-то доход. Да мало кто на моем месте мог бы так хорошо свести дебет с кредитом. Мало кто, поверьте. — Он мрачно взглянул на Билла. — Вы, разумеется, досконально знаете целлюлозно-бумажное производство?

— Нет, — коротко отвечал Билл. Именно такого вопроса следовало ожидать. Горький стыд за попусту растраченную юность наполнял Билла. Если б он посвятил эти потерянные часы изучению бумаги и целлюлозы — есть ли что-нибудь увлекательнее на пороге жизни? — он бы сейчас потягался с мистером Слинсби. А так, похоже, мистер Слинсби положит его на обе лопатки.

Он не ошибся. Мистер Слинсби тут же положил

его на обе лопатки.

— Ах, — сказал он высокомерно, — в таком случае мне вряд ли есть смысл входить в частности. Ладно, попробую объяснить на пальцах.

В представлении мистера Слинсби объяснить на пальцах значило высыпать на Билла кучу терминов вроде условий труда, обменного курса и экономической целесообразности, так что после первых же десяти слов тот начал задыхаться, словно выброшенная на берег рыба. Ни одна деревяшка на фабрике мистера Парадена не превращалась в целлюлозу так тщательно и основательно, как Билл по прошествии пятнадцати минут. А когда мистер Слинсби перевел дыхание и собрался начать главу вторую, Билл дрогнул. Он понимал, что отступает в беспорядке, бросая поле боя противнику, но деваться было некуда. Он взглянул на часы, пробормотал извинения и встал. Ободренный победой, мистер Слинсби вновь превратился в саму сердечность.

— Пора идти? — спросил он. — Я тоже, наверное, двинусь.

Он потребовал счет, размашисто подмахнул, бросил на тарелку серебряную монету, царственно кивнул растроганному официанту и первым вышел в дверь.

— Нам по дороге?

— Я собираюсь домой. Мне надо написать несколько писем.

— А почему не в клуб?

— Я не состою ни в одном из лондонских клубов.

— Надеюсь, вы хорошо устроились. Если вздумаете переехать, сошлитесь на меня в «Регале», вам все сделают.

— Я снял квартиру на три месяца, — сказал Билл, решивший никогда и ни при каких обстоятельствах не ссылаться на мистера Слинсби.

— А где?

— В Баттерси. Доходный дом «Мармонт».

Мистер Слинсби изогнул черную бровь.

— Баттерси? Как вас угораздило забраться в такую дыру?

— Там дешевле, — сквозь зубы процедил Билл.

— Такси! — вскричал мистер Слинсби, не желая углубляться в эту постыдную тему. И он укатил, словно римский император на церемониальной колеснице.

Так странно устроен человек, что именно это неприкрытое презрение к его скромному обиталищу окончательно скрепило Биллову неприязнь. Заносчивость промышленного воротилы,

театральная похвальба, целлюлозно-бумажная лекция — все это еще можно было бы снести. С трудом, но проглотить. Последнее оскорбление — никогда. Самый взятый в наем, самый что ни на есть меблированный дом — всегда дом, и гордому человеку обидно, если всякие синие подбородки начинают его хулить. К тому времени, когда Билл вставлял ключ в замок квартиры номер девять доходного дома «Мармонт», он достиг той степени злобной взвинченности, которую способны исцелить лишь сигара и домашний халат. Он снял пиджак, воротничок, галстук и ботинки; зажег трубку и расположился на диване в гостиной. Его одолело глубокое раздумье.

— Чертов пустозвон!

Снова раздумье.

— Он-то во всем и виноват.

Снова глубокое раздумье.

— Я уверен, что он мошенник. И буду за ним приглядывать.

Билл все еще обдумывал свое непреклонное решение, когда в дверь позвонили. Он неохотно поднялся, уверенный, что это Джадсон снова забыл ключ, прошел по коридору и открыл дверь.

Это был не Джадсон. Это была девушка.

3

Последовало молчание. Молодой человек, воспитанный в традиционных взглядах на одежду, всегда теряется, если выйдет встречать приятеля, не удосужась надеть пиджак, воротничок или ботинки, и столкнется нос к носу с незнакомой девушкой, к тому же — исключительно хорошенькой. Мы знаем, что Билл любил Алису Кокер, однако зрения он не утратил и потому был способен заметить, насколько девушка хороша. Девушки, разумеется, делятся на две категории — Алиса Кокер и все остальные, но невозможно скрыть, что эта занимала среди всех остальных весьма заметное положение. Она была стройная, белокурая, к ее складной фигурке очень шло платье из какой-то коричневой материи. Строго говоря, оно было бежевое, но Билл в таких тонкостях не разбирался. Он больше смотрел на глаза. Они были голубые-голубые и казались необыкновенно широкими. Девушка смотрела на Билла, да еще как, с недоверчивым ужасом, будто он ударил ее в самое больное место.

Билл покраснел и попытался спрятать ноги под коврик. В торговых рядах Барлингтона его носки выглядели великолепно, но сейчас он охотно

прикрыл бы ярко-зеленые и розовые полоски. Билл мрачно размышлял, как опрометчиво поступает молодой человек, когда в этом полном внезапностей мире средь бела дня снимает ботинки. Таким образом, в первые минуты он не сделал ничего, чтоб завязать оживленный разговор. Девушка заговорила первой.

— Господи! — вскричала она.

Билл чувствовал, что дела идут все хуже и хуже.

— Ведь это же, — продолжала она, моргая огромными голубыми глазами, — мистер Вест?

Вдобавок к прочим неловкостям Билл почувствовал, что покрывается холодным потом. Мало того что он вышел к этой исключительно хорошенькой девушке босым, беспиджачным, безворотничковым и, как он теперь видел, дырявоносочным: мало этого, она его помнит, а он ее напрочь забыл. Если бы он просто запамятовал имя и мучительно силился приклеить ярлык к знакомому лицу. Так нет, он ее не узнал, у него не возникло даже проблеска.

— Вы меня забыли!

— Забыл вас?! — стойко отвечал Билл, чувствуя, как кто-то могучий ворочает в его желудке колом. — Конечно нет! Забыть вас! — Он метал-

лически рассмеялся. — Тоже скажете! Просто… просто у меня ужасная память на имена.

— Фелисия Шеридан.

Билл понял, что становится серым.

— Фелисия Шеридан, — сказал он. — Шеридан. Ну конечно.

— Учитывая, что вы спасли мне жизнь, — сказала Флик, — мне было бы обидно, если б вы забыли меня совсем.

Одно из преимуществ героических поступков в том, что они легко вспоминаются. Билл, к счастью, лишь однажды спас чужую жизнь. Ему сразу и заметно полегчало.

— Силы небесные, ну конечно! — вскричал он. Теперь был его черед впиться глазами в ее лицо.

— Вы так изменились, — сказал он.

— Правда?

— А то! — захлебнулся Билл. — Последний раз я видел вас тощей девчонкой — одни ноги да веснушки… я хотел сказать… — Он сдался. — Может, зайдем?

Они вошли в гостиную. Билл поспешно сунул ноги в бесстыдно лежащие у дивана ботинки и лихорадочно начал пристегивать воротничок. Это заняло время, и потому Флик, деликатно смотревшая в другую сторону, успела разглядеть

комнату. При этом ей трудно было не заметить фотографии мисс Алисы Кокер. Если полдюжины и ускользнули от ее взгляда, то остальные шесть были на виду.

Что-то вроде тени пробежало по ее лицу. Она уговаривала себя быть разумной. Вряд ли можно было ждать, чтобы такой замечательный молодой человек за пять лет не угодил в чьи-нибудь сети. К тому же они встречались всего раз десять, и она была, как он только что сказал, тощей девчонкой, ноги да веснушки. Более того, она обручена с достойным молодым человеком, которого — да, да — очень и очень любит. И все равно по лицу ее пробежала тень.

Билл тем временем, обувшись и прикрыв наготу, успел задуматься о цели ее прихода, но так ничего и не смог предположить.

— Наверное, — сказала в эту минуту Флик, — вы гадаете, как я здесь оказалась. Боюсь, я ошиблась дверью. Полисмен на углу сказал мне, что это доходный дом «Мармонт».

— Он самый.

— Доходный дом «Мармонт», Баттерси?

— Доходный дом «Мармонт», Баттерси.

— Номер девять?

— Номер девять.

— Тогда кто тут, — спросила Флик, — миссис Матильда Пол?

Билл ничего не понял.

— Миссис Кто?

— Пол. Миссис Матильда Пол.

Билл покачал головой:

— Никогда о такой не слышал.

— Но она здесь живет.

Билл с негодованием отмел любые сомнения в холостяцкой добропорядочности своего скромного жилища.

— Она дала этот адрес в письме, — сказала Флик, роясь в сумочке. — Смотрите. Это пришло моему дяде сегодня утром.

Билл с изумлением взял письмо и начал читать. Изумление росло. И вдруг на глазах у Флик в его лице произошла разительная перемена. Оно расплылось в одной огромной улыбке; в следующее мгновение Билл обессиленно рухнул на диван, приник к нему, как к другу, и расхохотался.

— Это Джадсон, — простонал он, глядя в удивленные глаза и читая в них просьбу хоть как-то объяснить свое странное поведение.

— Джадсон?

Билл широким жестом указал на фотографии:

— Мой сосед по квартире. Джадсон Кокер. Брат

девушки, с которой я помолвлен.

— Ох! — сказала Флик.

Она говорила натянуто. Необъяснимые существа — женщины. С чего бы ей говорить натянуто? Она помолвлена с достойным человеком, которого очень, очень любит, и сейчас собирается заехать за ним, чтобы вместе выпить чаю у Клариджа. Какое ей дело, если малознакомый Билл Вест тоже помолвлен? И все же она говорила натянуто.

Билл утирал глаза.

— Я привез Джадсона из Америки. Он немного злоупотреблял спиртным, и меня приставили к нему вроде как нянькой. Денег ему не дают, так вот он что удумал! А я смотрю, он в последние день-два повеселел. Ничего себе! Я от него ждал чего угодно, но просительные письма — это что-то новенькое.

Флик тоже рассмеялась, но сухо. Приятно ли своенравной девушке слышать, что она ошибалась, а старшие были правы?

— Жаль, я не знала раньше, — сказала она. — Я заложила брошку, чтоб достать денег для миссис Матильды Пол.

Билл был тронут. В нем еще оставался большой запас нерастраченного смеха, но он счел за луч-

шее его придержать.

— Какая вы добрая! Не оставляйте их Джадсону.

— Не буду! А если вам захочется огреть своего друга чем-нибудь твердым и тяжелым, не отказывайте себе, я не обижусь. Хотела бы я это видеть!

— А что? Останьтесь. Он скоро вернется.

— Спасибо, не могу. Мне надо через полчаса быть на Флит-стрит. До свидания, мистер Вест. Правда, удивительная встреча? Как ваш дядя?

— Прекрасно. А ваш?

— Спасибо, замечательно.

Убедившись, что оба дядюшки благополучно здравствуют, молодые люди, видимо, исчерпали темы для разговора. Флик шагнула к двери.

— Я спущусь и посажу вас в такси, — сказал Билл.

— О, не беспокойтесь, — сказала Флик. — Погода такая прекрасная, я пройдусь пешком до Слоан-сквер.

Билл подумал, что мог бы ее проводить. Однако пароход отходит сегодня, а он еще не дописал второе за неделю письмо Алисе Кокер. Алиса — в первую очередь.

— Тогда до свидания, — сказал он. — Надеюсь, мы скоро увидимся?

— Надеюсь. До свидания.

Закрыв входную дверь, Билл внезапно вспомнил, что забыл спросить ее адрес. С минуту он колебался, не броситься ли ему вдогонку. Нет… Надо закончить письмо. Он вернулся в гостиную.

Флик шла по солнечной улице с чувством, что жизнь, такая многообещающая сегодня утром, в сущности очень, очень скучна. И, странное дело — но женщины вообще странные — она поймала себя на том, что злится на Родерика.

4

Билл закончил письмо — прочел, перечел еще раз, заклеил, налепил марку и надписал адрес, — когда в двери повернулся ключ и вошел Джадсон Кокер.

— Есть письма… э… кому-нибудь? — спросил он.

Вынужденная трезвость пошла Джадсону на пользу. Лицо его утратило прежнюю нездоровую бледность, а щеки прямо-таки порозовели. Более того, глазам вернулся незамутненный блеск, исчезла привычка моргать и дергать шеей. Однако в противовес этим материальным улучшениям приходится отметить и совершенно новую для

него серьезность. Джадсон держался как человек, взглянувший на жизнь и увидевший, что она не задалась.

— Ты уже второй день спрашиваешь про письма, — сказал Билл.

— А что тут такого? — отвечал Джадсон с вызовом. — Почему мне нельзя ждать писем?

— В любом случае, их нет, — сказал Билл. — Наберись терпения, дружище. Не все отвечают с обратной почтой.

Джадсон вздрогнул. Недавний румянец сбежал с его щек. Он облизнул губы.

— О чем ты?

— Я считаю, это свинство, — сказал Билл с жаром. — Если у тебя воспаление легких, просрочена квартплата и три дня не было во рту ни крошки, почему мистер Пол не возьмется за дело и не заработает тебе на жизнь?

Джадсон вытаращил глаза. Сквозь застилающее их марево он увидел, что его друг непристойно покатывается со смеху.

— Как ты узнал? — с трудом выговорил он.

Билл немного успокоился и выпрямился на диване, чувствуя слабость во всем теле. С отъезда из Америки он несколько раз жалел, что взял с собой Джадсона, но теперешнее лицо друга

искупало все.

— Сейчас приходила девушка, — сказал он. — Ее так растрогало твое письмо, что она заложила брошь и принесла тебе денег.

Джадсон встрепенулся.

— Где они? — спросил он жадно.

— Кто?

— Деньги, которые принесла девушка. — Лицо его приняло холодное выражение. — Вряд ли надо напоминать, Вест, — сказал Джадсон сухо, — что деньги эти — мои. По праву. Так что, если ты их прикарманил, будь добр вернуть.

— Боже, ты думаешь, я их взял?! Как только я понял, кто написал письмо, я велел ей забрать деньги обратно.

Джадсон попытался взглядом стереть Билла в порошок.

— И это называется друг! — сказал он и повернулся к двери.

Билл, нимало не пристыженный этими словами, встал и пошел за Джадсоном в коридор. Он хотел выяснить некоторые озадачившие его детали.

— Как тебе в голову пришло? — спросил он у Джадсона, который уже открывал дверь. — Я бы никогда не додумался.

— Отец вечно получает просительные письма, — холодно отвечал Джадсон. — Я подумал, почему бы и мне не попробовать.

— А почему ты выбрал именно мисс Шеридан?

— Я не писал никакой мисс Шеридан. Наверное, у нее есть дядя или кто-то еще на букву «Х». Я писал всем Ха из «Кто есть кто».

— Почему Ха?

— Книга на ней открылась.

Он гордо вырвал у Билла рукав своего пиджака и стал спускаться по лестнице. Билл перегнулся через перила, по-прежнему недоумевая. Ему вспомнилась еще одна загадочная сторона дела.

— Секундочку, — крикнул он. — Где ты взял денег на марки?

— Заложил золотой карандаш.

— У тебя не было золотого карандаша.

— У тебя был, — сказал Джадсон и выскочил на улицу.

Глава IV. Хлопоты Джадсона Кокера

1

Джадсон Кокер не отличался подвижностью и не любил спешки. В конце улицы Принца Уэльского он обернулся и, убедившись, что его не преследуют, перешел на шаг. Ленивой походкой он свернул на Кингс-роуд и вскоре оказался на мосту Челси. Здесь он решил остановиться. Джадсону Кокеру предстоял серьезный труд. Он намеревался пересчитать деньги.

Вынув их из кармана, он разложил на левой ладони три маленькие стопочки. Да, вот они, столько же, сколько сегодня утром, вчера и третьего дня: тринадцать шиллингов, два шестипенсовика и пять монеток достоинством в один пенс.

С моста Челси открывается прекрасный вид, но Джадсон не смотрел на Лондон. Самый упоительный городской пейзаж не мог тягаться со зрелищем, какое являла его ладонь. Тринадцать шиллингов, два шестипенсовика и пять монеток достоинством в один пенс — целое состояние. Почтовые расходы съели заметную часть вы-

ручки от продажи карандаша, но Джадсон не жалел. Он отлично знал: если не вложишь, то не получишь прибыли. Он еще полюбовался своим сокровищем, ссыпал его в карман и пошел дальше.

Исследователи человеческой натуры, наблюдающие за Джадсоном Кокером с его появления на этих страницах, дойдя досюда, возможно, обвинят летописца в ошибке — не может, такого быть, чтобы два дня назад Джадсон Кокер имел тринадцать шиллингов, два шестипенсовика и пять монеток по пенни, а сегодня — тринадцать шиллингов, два шестипенсовика и пять монеток по пенни. Так они скажут, и поторопятся с выводами. Они недостаточно вникли в его характер. Джадсон — не из тех мотов, которые тратят шестипенсовик здесь, пенни — там, пока не пустят на ветер весь капитал. Он намеревался, как это ни сложно, терпеть, а затем вложить все в один грандиозный кутеж, воспоминания о котором грели бы его в последующие худые дни.

Он шел, наслаждаясь блаженными муками растущей с каждым шагом жажды. Позади остались казармы и уютные домики нижней Слоан-стрит, где живут счастливые обладатели отдельных квартир. Ушей его коснулся деловитый рев несу-

щихся машин. Их сладостный пеан возвещал, что Джадсон близок к вожделенной гавани, куда стремилась его душа — Кингс-роуд, от края до края застроенной отличнейшими пивными, практически по одной на каждого жителя.

Прекрасный образчик такого рода заведений вознес гостеприимный фасад почти перед Джадсоном, и тот уже готовился юркнуть в дверь, словно кролик в родную норку, когда внезапно путь ему преградили железные ворота с замком.

Покуда он стоял и с робким изумлением трогал неожиданное препятствие, рядом остановился потрепанного вида господин в сюртуке, фланелевых штанах, розовой крикетной шапочке и рваных войлочных шлепанцах, причем из правого стыдливо выглядывал большой палец. К нему Джадсон и обратился с просьбой разъяснить причину постигшей его беды. Прохожий, судя по виду, должен был знать о пивных все.

— Не могу войти, — простонал Джадсон.

Бродяга хрипло прочистил горло.

— До полседьмого закрыто, — отвечал он. Дивясь, как это посреди Лондона, в сердце цивилизованного мира, стоит на улице человек и не знает такого фундаментального жизненного факта, он принялся подыскивать хоть какое-то

объяснение.

— Нездешний, что ли? — предположил он.

Джадсон признался, что это так.

— Иностранец, что ли?

— Да.

— Из Австралии, что ли?

— Из Америки.

— А! — кивнул бродяга и мастерски сплюнул. — Слыхал, у вас такой закон, чтобы ни-ни, даже если вот столечко.

Джадсон Кокер собирался отвести чудовищный поклеп на родную страну, перечислив места в Нью-Йорке, где (а) всякому нальют; где (б) особо избранным нальют, если на него, Джадсона, сослаться, но тут собеседник удалился, оставив страждущего в пустыне.

Джадсона окутал зловещий мрак. Засухе не виделось конца и края. Половина седьмого казалась недостижимой, она терялась где-то в тумане грядущего. Мысль, что придется ждать так долго, давила, словно лондонский смог. Внезапно решив, что, коли уж ждать, легче будет скоротать время в Вест-энде, он дошел до станции подземки на Слоан-сквер, купил билет до Чаринг-кросс и спустился на платформу.

Когда он шел по лестнице, поезд только что

тронулся. Джадсон, скучая, подошел к газетной стойке — не сыщется ли чего-нибудь любопытного. Взгляд его привлекла глянцевая обложка «Светских сплетен». О лондонских еженедельниках Джадсон не знал ничего, однако название казалось многообещающим. Он расстался еще с двумя пенсами. Подошел поезд. Джадсон сел и зашуршал страницами.

Два пенса окупились сполна. Возможно, Джадсона не увлек бы «Церковный вестник» или «Обозреватель», но «Светские сплетни» писались словно нарочно для него. Как ни старался малодушный Родерик выхолостить этот выпуск, молодой Пилбем не подкачал и теперь. Статья «Порок в храме» изобиловала сочными подробностями, вполне щекочущей была и заметка «Ночные клубы — сущий ад». Джадсону немного получшало.

И вдруг его затрясло, как будто он коснулся оголенного провода, как будто его ударили палкой по голове. Сердце остановилось, волосы зашелестели, с перекошенных губ сорвался крик, заставивший других пассажиров обернуться. Но Джадсон не видел устремленных на него глаз. Его взор прикопала заметка на шестой странице.

Заметкой этой Пилбем не особо гордился. Когда

Родерик накануне сдачи в печать выбросил из номера статью про букмекеров, на полосе образовалась дыра, и Пилбему пришлось срочно копаться в архивах. Итог его трудов был озаглавлен «Развращенные юнцы» и повествовал о возмутительных нравах американской золотой молодежи. Абзац, сразивший Джадсона Кокера, гласил:

«Можно упомянуть и о так называемом Шелковом Клубе на Пятой авеню, чьи члены взяли за правило в воскресенье утром дефилировать по упомянутой улице в шелковых шляпах, шелковых носках, шелковых пижамах и под шелковыми зонтиками. Клуб основал и возглавляет знаменитый Тодди ван Риттер, признанный вожак и заводила этих молодых бездельников».

Джадсон трясся, как в лихорадке. Даже наутро после встречи Нового года ему не бывало так худо. Величайший из подвигов, который, он верил, увековечит его имя, шедевр изобретательной выдумки приписан другому, и кому — Тодди ван Риттеру, его робкому последователю и подражателю! Нет, стерпеть это невозможно. Джадсон чувствовал, что падает в зияющую черноту.

«Знаменитый Тодди ван Риттер» (ха!), «при-

знанный вожак и заводила» (ха-ха!). Чудовищно. Чудовищно. Эти газетчики не думают, что пишут.

Поезд пыхтел, увозя взбешенного Джадсона на запад. Требовалось немедленно совершить что-то великое. За оскорбление надо мстить, и мстить грозно. Но что делать? Что делать?

Он думал было подать иск о клевете. Но для этого нужны деньги. Да и где уверенность, что правосудие свершится, добродетель — восторжествует? Оставалось одно: разыскать издателя и потребовать немедленных извинений, а также опровержения в одном из ближайших выпусков.

Джадсон просмотрел всю газету, но имени издателя не нашел. Выяснилось лишь, что лживый листок выпускает компания «Мамонт», расположенная по адресу Тилбери-хаус, Тилбери-стрит, Е. К., Уэлл. С этого можно было начать.

Поезд остановился. Джадсон сошел, холодный, как сталь, и преисполненный решимости. Его праведный гнев еще усугубила мелочность служителей лондонской подземки, которые требуют дополнительной платы от человека, в задумчивости проехавшего несколько лишних остановок. Бросив пенни и убийственный взгляд в придачу, Джадсон вышел на улицу и спросил, как быстрее

добраться до Тилбери-хауса.

2

Выйдя в Блэкфрайерсе, а не у Чаринг-кросс, Джадсон, сам того не ведая, сократил себе путь. Полисмен рядом со станцией ответил, что до Тилбери-хауса рукой подать. Джадсон пошел в указанном направлении и вскоре оказался в грязном проулке перед большим бесформенным зданием из тусклого кирпича. Грохот печатных станков наводил на мысль, что он у цели, это подтверждало и благоухание типографской краски, мужественно спорящее с запахом вареной капусты, которым почему-то пропитаны все лондонские задворки. Тем не менее Джадсон решил удостовериться и обратился к швейцару.

— Это Тилбери-хаус? — спросил он.

— У-у, — отвечал швейцар, мрачный человек с кислой физиономией, желтушным цветом глаз и редкими усами. Казалось, его грызет тайная тоска, и вид Джадсона Кокера растравляет ее еще больше.

— Здесь печатают «Светские сплетни»?

— У-у.

— Я хочу видеть издателя.

Швейцар попытался одолеть свою меланхо-

лию.

— Мистера Пайка?

— Я не знаю, как его зовут.

— Если вам издателя «Светских сплетен», то это мистер Пайк. Вот бланк, пишите, как вас зовут и что вам надо.

Бюрократическая проволочка разозлила Джадсона. Дух Тилбери-хауса проник и в него, ему хотелось Сделать Это Сейчас. Он, сопя, вписал свое имя. Из ниоткуда возник мальчик в блестящих пуговицах, в его взгляде Джадсону померещилась скрытая насмешка. Мальчик ему не нравился. Все говорило, что он участвует в заговоре, чья цель — приписать Тодди ван Риттеру чужие заслуги.

— Отнеси мистеру Пайку, — величественно сказал Джадсон.

— Джентльмен хочет видеть мистера Пайка, — пояснил швейцар, словно растолковывая невнятные бормотания иностранца.

Мальчик взглянул на бланк с видом школьного учителя, говорящего «Посмотрим, посмотрим, что вы тут накалякали».

— Вы не указали, зачем пришли, — подозрительно сказал он.

Не хватало только, чтобы мальчики в пуговицах критиковали его труды. Джадсон не сказал

ни слова, только грозно взмахнул палкой. Мальчик привычно увернулся, издал обидный клич и убежал. Швейцар взял со стола вечернюю газету.

— Придется вам подождать.

Он развернул страницу «Скачки» и углубился в чтение.

На третьем этаже, в редакции «Светских сплетен», Родерик, подобно швейцару, терзался глухой скорбью. Он тоскливо глядел, как молодой Пилбем весело и бодро строчит следующий выпуск. Родерик чувствовал, что его заперли в комнате с безумцем, а тот беспечно жонглирует брусочками динамита. Вердикт высшего суда развязал Пилбему руки, теперь никто не мешал младшему редактору «Светских сплетен» творить скандальную газету по своему разумению; и от избранных мест, которые он время от времени зачитывал, Родерика всякий раз бросало в холодный пот. Бедняга явственно видел, что самая безобидная из этих заметок неизбежно повлечет визит взбешенных граждан с пистолетами. Потом он вспоминал короткие, но выразительные обещания мистера Айзека Пули, и сердце его уходило в пятки.

Родерик частенько посещал скачки и знал о Парнях все. Они рыщут по миру бандами, воору-

женные до зубов. Кастеты и мешочки с песком для них то же, что для обычного мужчины галстук — вещь, без которой невозможно показаться на улице. Они подстерегают неугодных и забивают сапогами. Короче, если есть мыслящие существа, чьим мнением должен дорожить человек, пекущийся о благе своей страховой компании, то это Парни. А Пилбем из кожи вон лезет, чтобы задеть их за живое.

Родерик мысленно застонал и рассеянно обернулся, чтобы принять у вошедшего мальчика бланк.

— Что это? — спросил он, не сводя глаз с Пилбема, который в углу комнаты стучал на пишущей машинке. Тот, видимо, написал удачную фразу, потому что по-детски счастливо хрюкнул. Родерику же слышались раскаты адского смеха. Он разрывался между желанием узнать, что именно написал его помощник, и крепнущим чувством, что лучше бы этого не знать.

— К вам джентльмен, сэр.

Родерик с усилием оторвал глаза от вдохновенного очеркиста и взглянул на бланк. Как и мальчик, он первым делом заметил пропущенную графу.

— Он не пишет, зачем пришел.

— Он не стал говорить, чего ему надо, — упоенно сообщил мальчик. Он внутренне ликовал, предвкушая острые ощущения.

Что-то подобное представилось и Родерику.

— А почему? — с беспокойством спросил он.

— Не знаю, сэр. Не стал, и все тут. Я ему говорю: «Вы не написали, зачем пришли», а он вместо ответа хрясь меня палкой.

— Хрясь тебя палкой… — упавшим голосом повторил Родерик.

— Хрясь меня палкой! — радостно подтвердил мальчик. — Не знаю, какая муха его укусила, сэр, только он весь трясется от злости.

Родерик побледнел.

— Скажи, что я занят.

— Заняты, сэр? Да, сэр. Хорошо, сэр.

Малыш исчез. Родерик осел в кресло и уставился перед собой невидящими глазами. Машинка по-прежнему стрекотала, но Родерик ее не слышал. Гром грянул. Мститель явился. Родерик не знал, какой именно из газетных абзацев навлек на него беду, но не сомневался, что это может быть почти любой. Страшный сон обернулся явью.

Родерик Пайк, как легко заключить со слов его тети Фрэнсис, не родился героем. Она совершен-

но справедливо убеждала сэра Джорджа, что его сын — робкое и слабое существо. Один издатель, выпускающий рупор общественного мнения, призванный угождать литературным вкусам обитателей золотого прииска на Диком Западе, сидел в своем кабинете, когда пуля пробила окно и расплющилась о стену над его головой. Лицо газетчика озарилось счастливой улыбкой. «Ну вот! — вскричал он. — Что я говорил! Колонка „Личное“ пользуется успехом!» Родерик Пайк был полной противоположностью этому смельчаку. Он любил тишину и шарахался от жизни в бурных ее проявлениях. Кто-нибудь другой обрадовался бы, узнав, что к нему идет разъяренный незнакомец, который лупит палкой направо и налево; другой — но не Родерик. Он обмяк в кресле, ни жив и ни мертв от страха.

Полуобморочное состояние не прошло и с приездом Флик, которую ему предстояло поить в ресторане чаем.

3

Как ни явственно опечален был Родерик, Фелисия этого не заметила. Она целиком ушла в себя. Что-то случилось после расставания с Биллом, и выражалось оно в некоем смутном недоволь-

стве и одновременно странной задумчивости. Она машинально поздоровалась с Родериком, машинально кивнула Пилбему, когда их знакомили. Пилбем, записной дамский угодник, при ее появлении бросил печатать и учтиво встал. Редкое событие в Тилбери-хаусе проходило мимо Пилбема, и помолвка Родерика не была для него новостью. Значит, это племянница босса. Восхитительная девушка, Родерик такой не заслужил. Пилбем галантно поклонился, с улыбкой произнес пару комплиментов и открыл дверь. Молодые вышли. Пилбем вздохнул и вернулся к машинке. Точно. Родерик такой не заслужил. Пилбем невысоко ставил своего ближайшего начальника.

Родерик вместе с Фелисией спустился на первый этаж. Он вел ее тайными закоулками, избегая парадной лестницы и вестибюля, где дежурил швейцар. Конечно, он надеялся, что грозный посетитель ушел, поверив в его занятость, но предпочитал не испытывать судьбу. Они вышли через незаметную дверь чуть дальше по улице; пугливо оглядевшись, Родерик с облегчением увидел, что опасность миновала. Если не считать обычной местной фауны, представленной чумазыми типографскими грузчиками, Тилбери-стрит была пуста. Немного успокоившись, Родерик

продолжил путь.

Надо же было случиться, что в эту самую минуту швейцар дочитал про бега и вышел глотнуть свежего воздуха; а Джадсон, устав ждать и убедившись, что крепость охраняется надежно, решил отправиться домой. Они вышли почти одновременно; Джадсон отставал от швейцара на какой-то шаг, когда последний, завидев Родерика, преисполнился рвения (а может, надежды на скромные чаевые), козырнул и произнес роковые слова:

— Вызвать такси, мистер Пайк?

Джадсон замер, как вкопанный.

— Нет, давай лучше прогуляемся по набережной, — сказала Флик. — И зайдем не к Клариджу, а в «Савой». Погода чудесная.

Швейцар огорчился (хотя чего ждать от этой юдоли слез!) и шагнул обратно в дверь. Фелисия и Родерик свернули к набережной. А Джадсон, оправившись от столбняка, устремился в погоню. Немедленно путь ему преградил огромный грузовик, который подъехал и остановился у входа. Рабочие принялись таскать рулоны с бумагой. Пока Джадсон огибал препятствие, жертва скрылась.

Однако Джадсон слышал слово «набережная»

и умел делать выводы. Он поспешил к реке, и здесь, за остановившимся у тротуара такси увидел своего обидчика. Тот, видимо, убеждал спутницу ехать на машине, она же уговаривала пройтись. Джадсон рванул вперед.

— Вы издаете «Светские сплетни»? — прогремел он. Родерик повернулся на месте. Ему показалось, что он слышит архангельскую трубу. Он стоял спиной и не видел Джадсона, пока тот не заговорил; можно сердобольно предположить, что эта-то внезапность его и подкосила. Без оправданий, без каких-то смягчающих обстоятельств нам не обойтись, потому что при звуке этих слов Родерик распался. Сказалась роковая пугливость, горестное наследие бедняжки Люси. Он затравленно взглянул на Джадсона и, отбросив всякую рыцарственность, в безумной жажде самосохранения вскочил в такси, зашипел на ухо водителю и унесся прочь, словно троянский герой, исхищенный с поля боя чудесным облаком.

Его бегство повергло и Джадсона, и Флик во вполне понятное изумление. Джадсон оправился первым. С гневным кличем он кинулся вослед удаляющемуся такси.

Несколько мгновений Флик стояла неподвижно, провожая глазами бегущего Джадсона. Щеки

ее залил густой румянец, в лазурных глазах блеснула зловещая сталь. Тут с востока показалось другое такси. Флик замахала рукой, села в машину и укатила.

4

Подожди Флик еще минуту, она бы увидела, как вернулся Джадсон. Даже молодым и подвижным студентом Гарварда он не блистал в спорте, сейчас же его спринтерский дух иссякал на первых двадцати ярдах. Ради особого случая он пробежал пятьдесят, но потом ноги и легкие восстали против подобного надругательства, и Джадсон поневоле сдался.

Сдался? Ну нет! Ноги еще несли его к ограде парка, чтобы было куда прислониться, а в голове уже созрел план. Как только (если когда-нибудь) он отдышится, он пойдет к Тилбери-хаусу и кое-что выяснит. Сказано — сделано.

Когда он добрался до знакомого вестибюля, швейцар еще дышал свежим воздухом. На его месте сидел мальчик в пуговицах — не тот, с которым Джадсон недавно повздорил, а другой, куда более приветливый с виду. К нему-то Джадсон и обратился.

— Эй! — сказал Джадсон.

— Сэр? — учтиво отвечал отрок.

Джадсон пригнулся и понизил голос:

— Мне нужен домашний адрес мистера Пайка.

Мальчик покачал головой, и в его лице проступила незаметная прежде суровость.

— Нам запрещено давать домашние адреса.

Джадсон надеялся, что его не вынудят пойти на последнюю крайность, но увы, другого выхода не оставалось. Он молча полез в карман, молча вынул шиллинг и шестипенсовик.

Малыш дрогнул.

— Это против правил, — сказал он, жадно глядя на деньги.

Джадсон не проронил ни слова, только в задумчивости позвенел монетками. Юный страж волновался все больше.

— А зачем вам адрес? — произнес он дрожащим голосом.

Джадсон рассчитанным движением уронил шиллинг, подождал, пока тот прокатится по кругу, подхватил и снова звякнул им о шестипенсовик. Мальчик был не железный: он на цыпочках подошел к лестнице, прислушался, потом крадучись вернулся к Джадсону и зашептал ему что-то на ухо.

Деньги перешли из рук в руки, и Джадсон от-

правился дальше.

5

Было почти половина восьмого, когда Флик вернулась в Холли-хаус. Она доехала на такси до отеля «Савой» и долго сидела там, кусая ручку и глядя в никуда. Наконец она вырвала из блокнота лист, черкнула несколько строк, не перечитывая, заклеила письмо и оставила его у швейцара. Потом в странном воодушевлении вышла из гостиницы и села на подземку до Уимблдона. Настроена она была решительно, но спокойно. Она шла по аллее к дому, а сердце ее распевало ликующую песнь, грозную и пьянящую, как сама весна.

В холле она столкнулась с миссис Хэммонд — та как раз выходила из гостиной.

— Как ты поздно, Фелисия. Быстро переодевайся. Ужин в восемь. Дядя Джордж и Родерик вот-вот приедут.

Этого Флик не ожидала.

— Как приедут?

— Неужели он тебе не сказал? — удивилась миссис Хэммонд. — Мы еще утром договорились по телефону. У твоего дяди это единственный свободный вечер, завтра он едет в Париж и останется

на неделю. Придут Бэгшотты и еще несколько гостей. Очень странно, что Родерик тебя не предупредил.

— Мы расстались впопыхах, — отвечала Флик. — Думаю, он бы предупредил, если б не отвлекся.

— Бедный Родерик! Такой занятой! — сказала миссис Хэммонд. — И как наш дорогой мальчик?

— Очень прыток.

— Прыток? — Миссис Хэммонд вытаращила глаза. — Что ты имеешь в виду?

Флик остановилась перед лестницей.

— Тетя Фрэнсис, — сказала она, — я кое-что должна вам сообщить. Я не выйду за Родерика. Я написала ему, что разрываю помолвку.

Глава V. Ночные события в Холли-хаусе

1

Пока в штаб-квартире издательства «Мамонт», что на Тилбери-стрит, разворачивались волнующие события, Билл Вест предавался мрачным раздумьям на балконе доходного дома «Мармонт» в Баттерси. Сюда он сбежал от фотографий Алисы Кокер. Карточки смотрели с немой укоризной, и Билл не знал, куда деть глаза. Джадсон исчез, Билл не исполнил опекунского долга, и двенадцать фотографий, словно двенадцать ангелов-обвинителей, упрекали его в недосмотре.

«Почему, — вопрошали они, — ты забыл свой долг? Я доверила тебе брата. Почему ты не прибил его тапочкой? Как позволил уйти?»

Отвечать было нечего. Обладай Билл хоть каплей рассудка, он бы выбрал единственно возможный путь: спрыгнул бы Джадсону на плечи, пусть даже с высоты двух лестничных пролетов, но не позволил несчастному пьянице скрыться в огромном городе с деньгами в кармане. Кто теперь скажет, когда и в каком состоянии воро-

тится блудный наследник Кокеров?

Балкончики на улице Принца Уэльского замечательные. С их высоты можно видеть деревья в парке Баттерси и, если настроение позволяет, любоваться нежной зеленью и молодыми листочками. Видна и сама улица. Так вышло, что, едва начали сгущаться сумерки и внизу затеплились желтые фонари, Билл приметил на мостовой знакомую фигуру, бредущую к входу в доходный дом «Мармонт».

Сперва он не поверил своим глазам. Это не Джадсон. Джадсон в милях отсюда, где-нибудь в Вест-энде, заливает коктейлем двухнедельную жажду. Но вот прохожий оказался под фонарем. Сомнений больше не оставалось. Джадсон. Он вошел в дом. Билл ринулся к двери и еще на бегу услышал, как друг, пыхтя, преодолевает лестницу. Квартира была на пятом этаже без лифта; на оба обстоятельства Джадсон часто и красноречиво сетовал. Сейчас он появился, отдуваясь, и некоторое время не слышал обращенных к нему упреков.

— Э? — спросил он, немного придя в себя.

— Я сказал: «Явился-таки!», — отвечал Билл, выбрав самое мягкое из своих замечаний.

Джадсон проследовал в гостиную, плюхнулся

на диван и, как до него Билл, принялся стягивать ботинки.

— Гвоздь, что ли, — пояснил он.

— Ну хорош! — сказал Билл, возобновляя атаку. Джадсон не обнаружил и тени раскаяния.

— Между прочим, — дерзко отвечал он, — я трезв как стеклышко. Сперва выяснилось, что в этой чертовой стране заведения открываются в полночь или вроде того. Так что сначала я не нашел, где выпить. А потом мне было некогда.

— Некогда выпить?! — изумился Билл.

В полном ошеломлении он пошел за другом, который встал с дивана и направился в спальню, где немедленно отыскал другие ботинки, видимо, без гвоздя.

— Некогда выпить? — повторил Билл.

— Ну, недосуг, — сказал Джадсон, плеснул в таз воды, смыл с лица и рук дорожную грязь, подошел к зеркалу и провел щеткой по волосам. — Билл, старина, у меня случился неприятный день.

— Сколько у тебя было с собой денег?

— Не будем о деньгах, — отмахнулся от невежливого вопроса Джадсон. — Лучше послушай про неприятный день. — Он закурил и вернулся в гостиную. — Я сюда только на минутку, — сказал он. — Через секунду убегаю.

Билл делано рассмеялся.

— Убегает он!

— Ничего не поделаешь, надо, — сказал Джадсон. — Затронута моя честь. Я должен отыскать этого типа и восстановить справедливость.

— Упаси тебя бог, — сказал Билл, начиная сомневаться, что друг его так трезв, как утверждает. У Джадсона блестели глаза, и весь он был какой-то странный. — По справедливости ты давно бы сидел за решеткой.

Джадсон в задумчивости выпустил дым. Он, похоже, не слышал обидного замечания.

— Очень неприятный день. Билл, старина, ты когда-нибудь читал «Светские сплетни»?

— Нет. А что?

— Только то, — отвечал Джадсон, — что в них написано, будто Шелковый Клуб на Пятой авеню основал Тодди ван Риттер. Тодди ван Риттер! — С его губ сорвался леденящий смешок. — Ты не хуже меня знаешь, что бедняге Тодди и в миллион лет до такого не додуматься. Вот в этой моей головенке зародилась идея основать клуб, и я не позволю дурачить целую Англию. Тодди ван Риттер! — фыркнул Джадсон. — Нет, подумай! Тодди! — Сигарета обожгла ему пальцы, он бросил окурок в камин. — Я прочел этот бред в

подземке, отправился прямиком туда, где печатают грязный листок, и спросил издателя. Кошка знала, чье мясо съела, потому что он отказался меня принять. Я подкараулил его на улице, но он вскочил в такси и думал, что скрылся. Только не на такого напал! — продолжал Джадсон с мрачным смешком. — Не наступил еще день, чтоб поганый щелкопер безнаказанно надо мной смеялся. Я раздобыл его домашний адрес. Сейчас иду к нему, пусть извиняется и в следующем же номере печатает опровержение.

— Никуда ты не пойдешь.

— Пойду, и еще как.

Билл попытался воззвать к разуму:

— Ну что такого, если он написал, что клуб основал Тодди?

— Что такого? — У Джадсона округлились глаза. Он смотрел на друга, словно сомневался в его умственной полноценности. — Что такого?! Ты думаешь, я уступлю другому европейскую славу? Будь ты Маркони и напиши кто, что не ты изобрел радио, ты бы опустил? Ладно, некогда мне рассиживаться. Пока.

Шесть фотографий умоляюще глядели с камина. Три на этажерке, две на столе и одна на полочке у двери заглядывали в глаза и говорили:

«Прояви твердость».

— Где живет этот твой светский сплетник? — спросил Билл.

— Дом пять, особняк Лиддердейл, Слоан-сквер, — без запинки отвечал Джадсон. Ему даже не понадобилось свериться с клочком конверта в нагрудном кармане, ибо адрес врезался в его сердце. — Я отправляюсь к нему немедленно.

— Никуда ты не отправляешься, — сказал Билл, — без меня. Что, по-твоему, — он задохнулся, — что, по-твоему, скажет она, если я позволю тебе бегать по Лондону и нарываться на неприятности?

Джадсон взглянул, куда указывал Билл, но остался совершенно бесчувственным. Мало кто из братьев способен умилиться на фотографию сестры. Однако, не тронутый мыслями об Алисе и ее тревогах, он впервые обнаружил что-то вроде благоразумия.

— Ты хорошо придумал пойти со мной, — согласился он. — Вдруг этот тип — буйный. Тогда ты будешь его держать, пока я навешаю пенделей. С такими людишками иначе нельзя. Они другого обращения не понимают.

Билл не разделял столь суровых взглядов.

— Никаких пенделей, — сказал он твердо. — И

вообще, не встревай. Я все беру на себя. В таких делах главное — спокойствие и ясный ум. Усвой с самого начала — этим занимаюсь я. Ты стоишь в сторонке, я разговариваю. И чтоб без рук!

— Если он первый не полезет. А полезет, — продолжал Джадсон, — мы сплотимся в боевые ряды, сомнем его и выпустим мерзавцу кишки.

— С какой стати ему лезть? Надо думать, он охотно исправит ошибку.

— Пусть только не исправит! — мрачно сказал Джадсон.

2

Упади на крышу Холли-хауса большая бомба и взорвись она на ковре в гостиной, среди обитателей случился бы некоторый переполох, но уж не больше того, какой вызвало заявление Флик. Сэр Джордж, прибывший в роскошном лимузине через несколько секунд после несчастья, поспел аккурат к заседанию, созванному его сестрой для расследования причин трагедии.

— Она отказывается что-либо объяснять! — в десятый раз стенала миссис Хэммонд. Впервые за свою образцовую жизнь великая женщина растерялась. С обычной бедой она бы как-нибудь справилась, но эта сломила даже ее. И что

хуже всего — гром грянул с ясного неба. Ничто не предвещало грозы. Вскоре после двух Флик вышла из дома, окончательно и бесповоротно помолвленная с Родериком, в половине седьмого она вернулась, сверкая глазами, свободная от всяких сердечных обязательств. Вот и все, что было известно, потому что, как повторяла в одиннадцатый раз миссис Хэммонд, Флик отказалась что-либо объяснять. Случилось не просто ужасное, но и загадочное; быть может, сильнее всего миссис Хэммонд досадовала, что ее не посвятили в тайну. Она бушевала, не в силах ничего исправить, и, когда дворецкий Уэйс (с тем сдержанным трагизмом, каким дворецкие знаменуют разлад в семье) впустил сэра Джорджа, второй раз за последние три минуты срывалась на несчастного Синклера.

После второй просьбы ради всего святого не говорить глупостей, Синклер Хэммонд устранился от обсуждения. Обыкновенно его непросто было вывести из себя, если, конечно, не отрывать от работы и не приписывать Базию Секунду чувств, выраженных в действительности Аристидом из Смирны. Однако сегодня раздражение носилось в воздухе; Синклер Хэммонд обиженно ушел в уголок и углубился в первое издание «Стихов на

шотландском диалекте» Роберта Бернса, отпечатанное Джоном Вилсоном, Килмарнок, 1786, неразрезанное, в старинной синей обложке. О его чувствах можно судить по тому, что даже книга не вполне их пересилила.

Сэр Джордж с ходу включился в разговор. Поначалу он был таким же встревоженным и беспомощным, однако именно он первым указал на драматическое следствие — бедный Родерик еще не получил рокового письма и с минуты на минуту приедет в полном неведении о случившемся. Как (вопрошал сэр Джордж) поведать ему новость?

Вопрос породил целую череду новых. Как (срывающимся голосом спрашивала миссис Хэммонд) утаить скандал от полудюжины именитых уимблдонцев, которые званы нарочно, чтоб видеть будущую счастливую чету? Придут Уилкинсоны из Вересковой Поляны. Бинг-Жервуазы из Башен. Черешневый Приют делегировал полковника и миссис Бэгшотт. Как объяснить сливкам общества отсутствие Флик?

— Отсутствие Флик? — изумился сэр Джордж. — Это как — отсутствие Флик?

— Она отказывается спуститься к ужину!

— Скажи, что у нее болит голова, — посоветовал

мистер Хэммонд, поднимая глаза от Бернса.

— Помолчи, Синклер! — взмолилась страдалица-жена.

Мистер Хэммонд вернулся к чтению. Сэр Джордж, чьи лицо и манеры постепенно обретали напряженную серьезность, которая всякий раз напоминала служащим Тилбери-хауса о заспиртованной лягушке, надул щеки.

— Отказывается спускаться к ужину! Смех, да и только! Я с ней поговорю. Немедленно пошли за ней.

— Что толку посылать! — простонала миссис Хэммонд. — Она заперлась в спальне и не выходит.

— Где ее комната?

— Вторая дверь налево после первого пролета. Что ты хочешь, Джордж?

Сэр Джордж обернулся на пороге.

— Я. Поговорю. С ней, — объявил он.

Прошло три или четыре минуты. В гостиной висела тяжелая тишина. Миссис Хэммонд застыла в кресле. Селихемский терьер Боб дремал на коврике. Мистер Хэммонд отложил Бернса, встал, открыл стеклянную дверь в сад и остался стоять, глядя в теплую ночь. Сад спал под звездами, в траве шелестел ветер. Покой, всюду покой, кроме

этого злополучного дома. Доносящиеся сверху глухие раскаты возвещали, что сэр Джордж все еще «говорит с ней».

Раскаты смолкли. На лестнице послышались шаги. Показался сэр Джордж. Лицо его было багровым, дыхание — несколько затрудненным.

— Девчонка взбесилась, — коротко объявил он. — Делать нечего, надо как-то выкручиваться перед гостями. Скажи, что у нее болит голова.

— Превосходная мысль, — с жаром подхватила миссис Хэммонд. — Так мы и скажем.

— Полковник и миссис Бэгшотт, — объявил дворецкий Уэйс. Его чуть выкаченные глаза обвели собравшихся. В них сквозило почтительное участие. «Сделайте что-нибудь, — говорили они. — Я бессилен!»

3

Такси остановилось у дверей особняка Лиддердэйл, что на Слоан-сквер. Билл Вест вышел из машины и заговорил в окошко.

— Сиди здесь, — сказал Билл. — Я поднимусь и поговорю.

Джадсон взглянул с сомнением.

— Ну не знаю, — сказал он. — Дело не из простых. Ты уверен, что справишься?

— Если не будешь путаться под ногами, я в две минуты все улажу, — твердо сказал Билл.

Он чувствовал необычные спокойствие и уверенность. Не очень ловко идти к незнакомому человеку и просить об одолжении, но Билл не смущался. Он предвидел забавный разговор. Только на втором или третьем этаже, когда лифтер спросил, куда ему надо. Билл вспомнил, что забыл узнать у Джадсона имя издателя. Он попросил спустить его на первый этаж. Лифтер, сочтя, очевидно, что перед ним любитель покататься на дармовщинку, соответственным образом выразил свое недовольство. Из дома Билл вышел уже не таким бодрым, каким вошел.

— Ну? — с жаром спросил Джадсон, высовываясь из машины, словно кукушка из часов. — Что он сказал?

— Я его не видел, — объяснил Билл. — Не догадался спросить тебя, как его зовут.

— Слушай, — встревоженно начал Джадсон, окончательно теряя веру в своего посла. — Ты уверен, что справишься? Может, лучше я?

— Сиди и не рыпайся, — отозвался Билл. Все его спокойствие улетучилось.

— Ох, чую я, что ты напортачишь.

— Не дури. Как его зовут?

— Пайк. Но…

— Пайк. Отлично. Это все, что я хотел знать.

Он снова зашел в лифт и доехал до третьего этажа, только чтобы столкнуться со следующей неудачей. Человек суеверный понял бы, что знамения неблагоприятны и затею пора бросать. Слуга, открывший Биллу дверь, сообщил, что мистер Пайк вышел.

— Минуту назад, сэр.

— Но я сейчас поднимался, — возразил Билл. — Почему мы не встретились?

— Наверное, мистер Пайк спустился по лестнице, сэр.

Это звучало правдоподобно. Так или иначе, издатель ушел. Билл, не желая снова беспокоить лифтера, тоже спустился по лестнице и, выйдя на улицу, обнаружил Джадсона в состоянии, близком к горячечному. Джадсон приплясывал на мостовой.

— Говорил я, что ты напортачишь! — вскричал он. — Тип улизнул минуту назад. Пытался сесть в мое такси!

— Пытался сесть в твое такси?

— Да. Думал, оно свободно. Заглянул внутрь, увидел меня, побелел, как смерть, и… — Джадсон оборвал свою речь и указал рукой. — Смотри! Бы-

стрее! Вот он садится в другое такси! В машину! Прыгай, болван!

История, начинавшаяся так размеренно и толково, приняла неожиданный оборот. Билл растерялся. Когда Джадсон рывком втащил его в такси, он перестал что-либо понимать. А когда Джадсон перегнулся через него и бросил в окошко водителю фразу, знакомую всем по детективным романам: «Гони вон за той машиной» — затея окончательно превратилась в кошмарный сон.

Одно дело — зайти к незнакомому человеку и вежливо попросить, чтобы тот исправил нечаянную оплошность в газете, и совсем другое — преследовать его по городу на такси. Билл, как всякий нормальный человек, не любил сцен и чувствовал, что гонка непременно закончится сценой самого безобразного свойства. Джадсон уже принялся хрипло бормотать угрозы в адрес человека, чье такси стремительно летело по направлению к Слоан-сквер. Джадсон не сомневался, что тип подкуплен Тодди ван Риттером; иначе с чего бы ему отпрыгивать на десять футов при каждой их встрече. За всем этим явно проглядывала весьма неблаговидная подоплека. Джадсон кипел благородным гневом и даже пообещал, поймав негодяя, начистить ему рыло.

Время шло, и Биллу начало казаться, что человек в такси телепатически уловил эти намерения. Во всяком случае, он мчался все дальше и дальше, и теория, что он едет к кому-то обедать, представлялась все менее вероятной. Кто ездит обедать в такую даль? Такси уже вырулило на Фулем-роуд и явно не собиралось останавливаться. Вот позади остался мост Патни; машины, урча, взбирались на Патни-хилл, а объект все не сбавлял скорость. Даже Биллу пришлось с неохотой отказаться от банального объяснения, будто Пайк просто едет обедать. Создавалось впечатление, что он мчится к побережью, чтобы броситься в море.

Приписывая Родерику этот странный каприз, Билл и Джадсон ошибались. Да, заглянув в машину и увидев там давешнего таинственного незнакомца, Родерик перепугался до полусмерти, но успокоился, едва сел в другое такси. Ему и в голову не приходило, что за ним гонятся. У Холли-хауса он расплатился с водителем и позвонил в дверь, даже не оглянувшись. Пока он ждал, чтобы Уэйс отворил дверь, хруст гравия за спиной заставил его повернуть голову. О ужас! По аллее ехало такси. В первую минуту Родерик еще надеялся, что это мирное такси, доставившее к тете Фрэнси приличного гостя, но надежда умерла при

виде разгоряченного Джадсона, который в азарте высунул голову из окошка. Родерик в отчаянии нажал на кнопку звонка. Он ждал Уэйса, как герцог Веллингтон в другую отчаянную минуту дожидался Блюхера.

Такси остановилось. Из одной дверцы выскочил Джадсон, из другой — Билл. У Родерика остекленели глаза. Он снова нажал на звонок.

Как ни странно, доконал его именно Билл; а ведь Билл-то горел духом чистейшего пацифизма. Он так резво выпрыгнул из такси, чтобы опередить Джадсона и не допустить рукоприкладства, о котором тот всю дорогу твердил. Билл — разумный, хладнокровный, здравомыслящий — намеревался воспрепятствовать насилию. Но Родерику он показался самым ужасным за этот ужасный день.

Джадсон тоже напугал Родерика, но в Джадсоне была одна утешительная черта — его явная хилость, отсутствие бицепсов и трицепсов. С Джадсоном можно было бы в крайнем случае потягаться. Другое дело — Билл. Правый полузащитник гарвардской футбольной команды должен отвечать некоторым требованиям. Тут мало обаяния или доброго нрава — нужны литые ноги, туловище, как шкаф, и борцовские

плечи. Всеми этими качествами Билл обладал. Прибавьте рост пять футов одиннадцать дюймов и девяносто три фунта живого веса — неудивительно, что Родерик без колебаний отвел ему роль главного исполнителя в предстоящей сцене убийства.

В итоге, когда Уэйс открыл дверь, а Билл как раз добежал до ступеней. Родерик посчитал, что остается одно — дорого продать свою жизнь. Он в отчаянии размахнулся палкой и со всей силы опустил ее на голову преследователю. Билл от неожиданности покачнулся и упал; подбежавший Джадсон споткнулся о Билла, а Родерик, воспользовавшись замешательством, юркнул в дом и захлопнул за собой дверь.

Мало что может так действенно изменить разумный, хладнокровный, здравомыслящий взгляд на мир, как резкий удар тяжелой палкой по голове. Ужас придал Родерику сил, а поскольку Билл на бегу потерял шляпу, ничто не смягчило удара. Довольно долго он сидел, ошарашенно глядя на дорожку, а когда наконец встал, его настроение было уже в корне иным. От недавнего миролюбия не осталось и следа. Ему хотелось бить и крушить. Глаза застилал багровый туман.

Вид бестолково скачущего Джадсона привел

Билла в бешенство. Он был в том состоянии, когда люди, обыкновенно терпимые к ближним, загораются внезапной ненавистью ко всякому, кто окажется рядом. Он страшно зыркнул глазами.

— Иди сядь в машину, — процедил он сквозь зубы.

— Но послушай, Билл, старина…

— Иди! Я сам разберусь.

— Что ты намерен делать?

Билл давил на кнопку звонка. Каких-то несколько часов назад жизнь лежала перед ним, полная множества увлекательных начинаний. Он собирался разбогатеть, жениться на Алисе Кокер, разоблачить Уилфрида Слайнсби. Теперь все эти радужные видения померкли, осталась одна-единственная цель: попасть в дом, отыскать того, кто ударил его палкой по голове, и пинками вышибить ему позвоночник. В таком вот угаре древние викинги превращались в берсерков, а современные малайцы впадают в амок и колют сограждан длинными ножами. Как многие крупные люди, Билл Вест отличался добродушием. Его не так легко было обидеть. Однако стукните его ни за что ни про что палкой по голове, и вам придется пожалеть. Он продолжал давить на кнопку звонка.

— Я намерен поговорить с этим типом по душам, — мрачно отвечал он.

Джадсон чувствовал себя ребенком, который беспечно играл в ножички рядом с водохранилищем и вдруг обнаружил, что сделал дырку в плотине. Он выпустил на волю страсти, которых сам и испугался. Сколько бы он ни грозился отдубасить продажного Родерика, у него и в мыслях не было действительно прибегнуть к насилию. Джадсон отлично знал, что не уйдет дальше слов. Однако в программе Билла слова явно не значились. Джадсон в ужасе смотрел, как Билл скалит зубы, сверкает глазами, а по лбу у него стекает струйка крови. Что делать, Джадсон не знал. Бледный, на ватных ногах, он вернулся в такси. И тут дверь отворилась.

Дворецкого Уэйса рассердил настойчивый трезвон. Он вышел с намерением сделать выговор. Однако составленная в голове фраза так и не облеклась в слова. Что-то огромное и твердое оттолкнуло Уэйса; обернувшись, он увидел, что верзила без шляпы бежит через холл к гостиной.

— Эй! — слабо выговорил дворецкий.

Верзила словно не слышал. Он на мгновение остановился, видимо, не зная, куда идти, потом ринулся на голоса. Его пальцы сомкнулись на

дверной ручке.

— Эй! — повторил дворецкий. — Стойте!

Билл не остановился. Он ворвался в гостиную.

Она была полна нарядно одетыми мужчинами и женщинами в ожидании пиршества. Мистер Уилкинсон из Вересковой Поляны беседовал с миссис Хэммонд о погоде; миссис Бинг-Жервуаз из Башен рассказывала хозяину дома о новых спектаклях. Полковник Бэгшотт пил херес и развлекал миссис Уилкинсон отчетом о последней стычке в местном совете. Сэр Джордж и мистер Бинг-Жервуаз говорили о политике. Родерик одиноко стоял у открытой двери в сад.

В это утонченное собрание и ворвался рыщущим волком Билл. Родерик вместе со всеми обернулся на звук открываемой двери, увидел взбешенное лицо и принял единственно верное решение. В четвертый раз за сегодня ему приходилось бежать от необоримой силы, и все его дневное проворство померкло перед теперешним стремительным рывком. Он пулей вылетел в сад, на полмгновения опередив Билла.

4

Молодость требует чуткого обращения. В жизни самой смирной и послушной девушки бывают

минуты, когда лишь понимание и такт могут отвратить несчастье; а с тех пор, как Флик Шеридан выпалила оглушительную новость, ее близкие обнаруживали что угодно, кроме такта и понимания. Ах, как неправа была миссис Хэммонд, когда в своем вечном стремлении оттеснить мужа от решения житейских проблем в грубой форме воспрепятствовала добродушному Синклеру подняться и поговорить с племянницей. Таким образом она устранила единственного человека, которого заупрямившаяся Флик выслушала бы спокойно. Вместе тихой беседы с дядей Синклером Флик пришлось выдержать сражение с тетей Фрэнсис. Из него она вышла непобежденной, но заметно вымотанной; а вслед за тем сэр Джордж произнес свою короткую речь перед закрытой дверью. В то время, когда две машины, одна с Родериком, другая с Биллом и Джадсоном, взбирались на Патни-хилл, Флик сидела на кровати и думала о будущем.

Оно не сулило ничего хорошего, особенно для смелой девушки, которая, как Флик, привыкла сама распоряжаться своей жизнью. Впереди маячили громкие ссоры, оскорбленное молчание и вечная обида. Вечная, если только Флик не пойдет на попятный и не согласится выйти за

Родерика. Выйти за Родерика! При этой мысли Флик клацнула зубами и мятежно заморгала. Никогда! Она любит Билла Веста. Дядя Синклер подтрунивал над юношескими увлечениями, но сегодняшняя удивительная встреча с Биллом доказала, что это не повод для шуток. Это суровая и мучительная правда жизни.

О, разумеется, она понимала, как глупо любить Билла. Знала, что он без ума от этой большеглазой американской кошки, что до Флик ему дела нет, но это ничего не меняет. Раз она не может выйти за Билла, она не выйдет ни за кого. А особенно — за Родерика, который прыгает в такси и бросает невесту на милость людей, изумляющих сходством с эрдельтерьерами.

Она непроизвольно вскинула голову. В этом движении была дерзкая решимость. Флик уже поняла, что сделает. В следующую минуту она рылась в сумочке, ища деньги, добытые сегодня утром для спасения гибнущей миссис Матильды Пол. Еще через мгновение груда хрустящих бумажек лежала на кровати. Зрелище это придавало отваги. Если бы Флик заколебалась, ее укрепил бы вид денег. Ей казалось, что это целый капитал, как раз такой, на который бережливая девушка сумеет прожить неопределенно долго. А если в

далеком будущем состояние проестся, она всегда сможет продать остальные драгоценности. Флик больше не колебалась.

Она обошла шкафы, перерыла ящики; вытащила из-под кровати чемодан. Довольно долго она выбирала и укладывала самое необходимое, потом черкнула карандашом записку и приколола к подушечке для булавок. Затем она сдернула с кровати простыню, завязала узлами, приладила на спинку кровати, подтащила кровать к окну и успела распахнуть раму, когда из сада донесся внезапный гомон. Тихую ночь разорвали крики и хруст ломаемых кустов.

Флик с интересом перегнулась через подоконник. Если есть в мире уголок, свободный от тревог и перемен, то это аристократическая часть Уимблдона, где в цепочке больших особняков по периметру луга Богатство и Добропорядочность вкушают сон, оградясь от остального мира. За пять лет жизни в Холли-хаусе Флик не видела ничего, что хоть как-нибудь тянуло на Драму. И вот, если слух ее не обманывает, Драма разгуливает посередь ночи неприкрыто, словно в оживленном районе Москвы. Темные фигуры носились по газону и орали до хрипоты. Флик различала басистый лай полковника Бэгшотта из Черешне-

вого Приюта и тявканье мистера Бинг-Жервуаза из Башен. Дядя Джордж рычал, чтоб немедленно вызвали полисмена.

Все это было так увлекательно, что Флик позабыла про свои беды. Она высунулась еще дальше, досадуя, что почти весь сад закрывает крыша пристройки прямо под окном. Несколько минут назад она благодарила неведомых строителей, устроивших эту крышу словно нарочно для побега; сейчас она готова была их убить. Дух Юности требовал не упустить и малейшей подробности, потому что это здорово; и Флик изводилась при мысли, что упускает почти все.

Крики делались громче. Мечущиеся фигуры продолжали метаться. И вдруг по саду раскатился оглушительный всплеск. Даже наблюдатель, чей кругозор ограничивался пристройкой, мог понять, что этот звук означает; Флик истолковала его безошибочно. Кто-то упал в пруд. «Хоть бы это был дядя Джордж», — подумала Флик.

5

Это был дядя Джордж. Он так требовательно взывал из глубины, что погоня прекратилась и все сбежались на выручку пострадавшему.

Все, кроме Билла. У того хватало других забот.

Вырвавшись из круговерти на лужайке, он пригнулся за большим кустом и раздумывал, куда угодил.

Первый приступ горячки, увлекший Билла в гостиную и через дверь в сад, длился минуты две. По прошествии этого времени забытая садовником тачка напомнила ему, как глупо гоняться за людьми в чужих, да еще темных, садах. Тачка была низкая, подвешенная ниже осей, совершенно неразличимая в потемках; Билл, перелетев через нее и вмазавшись лбом в дерево, решил было, что в окрестностях Уимблдона случилось землетрясение. Молодой человек, менее привыкший к падениями на футбольном поле, возможно, остался бы лежать, но Билл, шатаясь, поднялся на ноги и вдруг обнаружил, что охотничий азарт улетучился.

Так он стоял, ошалело мечтая оказаться в другом месте, и постепенно перед ним забрезжило, что в мире произошли серьезные перемены. Только что это было огромное пространство, включающее его и Родерика, и вдруг невесть откуда понабежало людей. В просторном саду сделалось тесно, погоня, которая только что была их с Родериком частным делом, получила неожиданный резонанс. Вокруг творилось что-то

вроде Вальпургиевой ночи. Всюду проносились призраки. Адские голоса выкрикивали советы и угрозы. Невидимая собака заходилась лаем.

Билл смутился. Чем плохо берсеркам — сперва ты очертя голову бросаешься в глупейшую авантюру, затем боевой задор гаснет и выбирайся как знаешь. На Билла накатил стыд. Теперь он видел, в чем была его ошибка. С самого начала следовало вести себя более достойно: не бросаться за незнакомым человеком в дом, изрыгая ноздрями пламя, сметая все на своей дороге, а спокойно удалиться с тем, чтобы назавтра пойти к хорошему адвокату и подать на Пайка в суд за телесное оскорбление.

Не пойдя по этому мудрому пути, он угодил в довольно неприятную переделку.

Падение сэра Джорджа в пруд с золотыми рыбками дало Биллу передышку, но увы, недолгую. Вражеским станом завладел дух мщения, снова раздавались голоса, требующие вызвать полицию. Надо было уходить из проклятого сада, причем быстро, пока не начали прочесывать кусты. К несчастью, пробиваться пришлось бы с боем: одни преследователи уже кричали другим, чтобы те стерегли выход. Оставалось одно — найти какое-то прибежище, какой-то спасительный

уголок, где б его не смогли сыскать.

Ночь, как загадочным образом случается, если всматриваться в нее достаточно долго, заметно посветлела. Начали проступать невидимые раньше предметы, в том числе — пристройка у стены, футах в шести от куста, за которым притаился Билл. Ему хватило секунды, чтобы осознать — вот оно, безопасное место. Силы преследователей сосредоточились у бассейна с золотыми рыбками: судя по плеску, там загарпунили и тянули на берег кита. Билл воспользовался минутой с проворством истинного стратега: выскользнул из-за куста, одним прыжком оказался на крыше, упал плашмя и затаился.

Никто, похоже, его не заметил. Часть вражеских сил прошла под самой пристройкой, сопровождая чавкающего ботинками сэра Джорджа. Остальные время от времени перекликались, шаря по кустам. Никому не пришло в голову заглянуть на крышу. Спустя какое-то время — может, десять минут, а может, и десять часов — охота прекратилась сама собой. Один за другим загонщики ушли в дом, и в саду вновь воцарилась дремотная тишина.

Билл не шевелился. В минуты сильных страстей мы напрягаемся до предела, и амок, улетучив-

шись, оставил по себе крайнее изнеможение. Впереди была вся ночь, и Билл решил перестраховаться. Чем дольше он пролежит, тем больше вероятность ускользнуть без потасовки. Потасовок ему на сегодня хватило.

Прошло довольно много времени — во всяком случае, Биллу начало казаться, что он лежит на крыше всю сознательную жизнь, — прежде чем он счел, что может двинуться без опаски. Он бесшумно сел и растер застывшие ноги. И вот, когда он уже изготовился вскочить и спрыгнуть на землю, все его нервы встали дыбом и зашевелились. Что-то плюхнулось на крышу в двух футах от него. Повернувшись волчком, Билл увидел, что это чемодан. Он не мог даже вообразить, зачем в такой час кидаться из окна чемоданами.

Его размышления прервало еще более удивительное зрелище — темная фигура ползла по стене дома.

6

Человеку, на которого ополчился весь свет — или, во всяком случае, часть Уимблдона, — естественно повсюду видеть врагов; Билл крайне воинственно воспринял вторжение на крышу, с которой он сроднился и которую привык считать

своей. Он отступил на полшага и приготовился к броску. В темноте было не разглядеть, но фигура на стене казалась довольно тщедушной, и это ободрило Билла. Он не побоялся бы схватиться с громилой, но всегда приятно, если твой противник немного не дотягивает до среднего роста. Билл мог бы проглотить этого задохлика, что и намеревался сделать, если задохлик попрет на рожон.

Неизвестный коснулся ногами крыши, и в то же мгновение Билл прыгнул. Кто-то испуганно завизжал, и Билл, к своему изумлению, обнаружил, что держит девушку. Тут вся его воинственность испарилась, уступив место раскаянию. Мужчину, который коснется женщины иначе чем с лаской, общество справедливо презирает. Что же сказать о мужчине, который бросается на даму, словно это вражеский центрфорвард? Билл сгорал от стыда.

— Извините! — воскликнул он.

Флик не ответила. Когда она спускалась по простыне, ей в голову не приходило, что из темноты начнут выскакивать буйные великаны. От потрясения она едва не лишилась чувств, а теперь стояла и тяжело дышала.

— Мне страшно неловко, — продолжал Билл. —

Я думал… Я не знал… Я и предположить не мог…

— Я уронила сумочку, — слабо выговорила Флик.

— Позвольте мне! — сказал Билл.

Вспыхнула спичка; Билл, стоя на четвереньках, светил на крышу. Огонек озарил его лицо.

— Мистер Вест! — изумленно вскричала Флик.

Билл, который только что нашел сумочку, вскочил. Из всех невероятных событий сегодняшней ночи это было самое ошеломляющее.

— Я — Фелисия Шеридан, — сказала Флик.

Билл так опешил, что в первую минуту имя ничего ему не сказало. Потом он вспомнил.

— Боже правый! — вскричал он. — Что вы здесь делаете?

— Я здесь живу.

— Я хотел сказать, что вы делаете на крыше?

— Бегу.

— Бежите?

— Бегу из дома.

— Вы бежите из дома? — повторил обескураженный Билл. — Не понимаю.

— Не кричите, — прошептала Флик. — Нас могут услышать.

Это показалось Биллу разумным. Он понизил голос.

— Почему вы бежите из дома? — спросил он.

— Почему вы оказались на крыше? — спросила Флик.

— Что вам в голову взбрело? — полюбопытствовал Билл.

— Что случилось в саду? — парировала Флик. — Я слышала шум и крики.

Билл понял, что картина прояснится быстрее, если он перестанет задавать вопросы и ответит первым. Иначе они простоят всю ночь, спрашивая на два голоса. Растолковать, что привело его в дом, было нелегко, зато остальная история выглядела исключительно простой. Билл вкратце передал события.

— Этот тип огрел меня палкой по голове, — заключил он, — и я словно ополоумел. Позабыл все на свете и бросился за ним. Теперь я понимаю, как это глупо. А тогда казалось — самое оно.

— Огрел вас палкой по голове! — недоверчиво повторила Флик. — Кто же?

— Тот тип. Пайк.

— Родерик!

— Нет, Пайк.

— Его зовут Родерик Пайк, — пояснила девушка. — Поэтому я и бегу из дома.

Биллу это показалось нелогичным. Женщины

способны на странные поступки, но чтобы самая горячая девушка сбежала из дома, потому что кого-то зовут Родерик Пайк?

— Они хотят, чтоб я вышла за него замуж.

Загадка разрешилась. Билл вздрогнул от ужаса и сострадания. Минуту назад он считал, что Флик неправа, и намеревался при первой возможности ее отговорить. Теперь все изменилось. Немудрено, что она сбежала. Всякая сбежит. Что бы ни предприняла девушка ради спасения от человека, ударившего его палкой по голове, Билл не усмотрел бы в этом крайности. Его отношение к побегу полностью изменилось. Теперь он от всего сердца одобрял Флик и готов был помочь чем может.

— Выйти за этого мерзавца! — воскликнул он, не веря своим ушам.

— Конечно, у Родерика есть свои хорошие стороны.

— Нет! — сказал Билл и потрогал раненую макушку. Расходившемуся воображению шишка под волосами представилась горным пиком.

— Так или иначе, я за него не выйду, — сказала Флик. — Вот и пришлось бежать. Одно плохо, — горько заметила она. — Я совершенно не знаю, куда идти.

— Самое разумное — отправиться ко мне, — сказал Билл. — Дома мы все обсудим и что-нибудь придумаем.

— Считаете, что так будет лучше?

— Не оставаться же на крыше. В любой момент нас могут увидеть.

Флик заволновалась.

— А мы сумеем выбраться незаметно?

— По-моему, в саду никого нет.

— Я, во всяком случае, никого не слышу. Наверное, они ужинают. У нас сегодня званый ужин, а попробуйте не покормить полковника Бэгшотта вовремя! Который, по-вашему, час?

— Понятия не имею. Думаю, около девяти. Я приехал без чего-то восемь.

— Вот что я скажу. Прыгайте на землю и ползите к парадной двери. Если соседнее окно горит и доносятся голоса, значит, они ужинают.

— Отлично. Если все хорошо, я свистну.

Флик осталась ждать в темноте. Трепетное волнение, в котором она спускалась по простыне, улеглось. Казалось, Билла послали ей в трудную минуту небеса. Она очень смутно представляла, что будет делать за пределами Холли-хауса, но теперь ей есть на кого опереться. Билл такой большой и надежный. Каменная стена. В своем

энтузиазме она несколько преувеличивала его умственные способности, и потому верила, что для Билла нет неразрешимых задач.

Тихий свист прорезал ночные шорохи. Флик свесила голову с крыши.

— Все хорошо, — сказал Билл. — Бросайте чемодан.

Флик бросила чемодан, Билл умело подхватил. Флик сползла с крыши. Сильные руки поймали ее и мягко поставили на землю.

— Они ужинают. Нам идти через главный вход или есть другой?

— В стене за лужайкой — калитка. Лучше пройти через нее.

Они крадучись пересекли лужайку. В темноте сопело что-то маленькое и белое. Флик с плачем наклонилась.

— Боб! — Она выпрямилась, на руках у нее был песик. Впервые ощутила она горечь сиротства. — Я не могу оставить Боба.

— Так берите с собой, — отвечал Билл.

Флик задохнулась. Ее сердце распирала благодарность к сказочному герою, который не воздвигает препятствий, не ставит жестоких условий. Боб, радуясь славно проведенному вечеру и вообще жизни, бурно лизал ей лицо. Они

вышли за калитку.

Прощально стукнула щеколда. Холли-хаус остался в прошлом. Флик стояла на пороге мира.

— Все хорошо? — участливо спросил Билл.

— Все хорошо, спасибо, — отвечала Флик, но голос ее дрожал.

7

Билл стоял спиной к камину и вдумчиво курил трубку, радуясь тому, что он снова — в надежном затворе своей меблированной квартирки. Радость была и духовной — все же легче, когда ты за несколько миль от дома, который с твоей помощью покинула молодая беглянка, — и плотской, из-за тепла. Как только они покинули сад, погода испортилась, подул резкий восточный ветер, и пришлось продрожать не меньше мили, пока не нашлось такси. Теперь они дома, камин пылает, все хорошо.

Он посмотрел на Флик. Она откинулась в кресле и прикрыла глаза, а Боб, селихемский терьер, дремал у нее на коленях. Почему-то радость уменьшилась, но, как ни странно, углубилась, словно в каждое ухо кто-то пылко говорил: 1) «Идиот, во что ты вляпался?» и 2) «Уютно, когда в кресле — девушка, а у нее на коленях — со-

бачка!»

Он сопоставил эти высказывания. Первое было явно весомей. Не юридически, конечно, и даже не нравственно, а, скажем так, романтически он отвечает за эту девушку. Боги приключений не дозволяют уводить девушек из дома, да еще ночью, а потом отпускать их на все четыре стороны. Как мы уже знаем, Билл навечно отдал свое сердце Алисе Кокер, чьи фотографии не без суровости смотрели сейчас на него. Но вот Флик, и он просто обязан оградить ее от бед.

Через некоторое время ему удалось подусмирить первый голос, предположив, что из дома не бегут, если нет хорошего плана. Мало того, заметил он, у тех, кто живет в таких роскошных домах, обычно есть деньги. В общем, она не пропадет. Можно послушать и второй голос.

В нем тоже что-то было. И впрямь, здесь стало гораздо уютней. Конечно, Флик — не Алиса, но в данный момент почему-то это его не мучило. Ну хорошо, ты отдал Алисе сердце, но только дурак не согласится с тем, что в декоративном, эстетическом смысле она тут очень уместна. С этой комнатой как раз гармонирует нежная, цветочная прелесть, а не та царственная красота, которую робкий человек назвал бы и грозной.

Прекрасная Алиса затмевала или, лучше сказать, взрывала любую комнату, да еще при звуках фанфар.

Прежде чем Билл успел проникнуть в самые глубины анализа, Флик коротко вздохнула и выпрямилась. Кроме того, она огляделась.

— Не сразу поняла, где я, — призналась она. — Я спала?

— Вздремнули на минутку.

— Как невежливо!

— Ничего, ничего! Вам лучше?

— Конечно, только я с двух часов не ела.

— Ой, боже мой!

— Да и тогда… Разве можно набиваться едой, если люди три дня голодают? Кстати, вы говорили, что тут живет ваш приятель. Где же он?

Билл просто ахнул.

— Господи! — воскликнул он. — Я совершенно о нем забыл. Он где-то бегает.

— Когда вы его видели?

— Когда этот Пайк меня стукнул, я сказал, чтобы он посидел в такси. Может, еще сидит?

— Это очень дорого. Наверное, счетчик отщелкивает по три пенса?

— Вряд ли. Но вообще-то он, скорее всего, ушел. Бог его знает, где он.

Флик, здоровую девушку с очень здоровым аппетитом, проблема эта занимала все-таки меньше, чем еда.

— У вас нет печеньица? — спросила она. — Или баранины, или сыра, или еще чего-нибудь?

— Ох, простите! — всполошился Билл, припомнив о том, что он хозяин. — Что ж я сам не предложил? Пойду пошарю в кладовке.

Он убежал, но вскоре вернулся с уставленным подносом, который чуть не уронил, заслышав негромкий плач. Вилки и ножик все-таки упали, и Флик обратила к ним заплаканное лицо.

— Ничего, это я так, — сказала она. Билл поставил поднос на столик.

— В чем дело? — спросил он, как все мужчины, теряясь от женских слез. — Как вам помочь?

Флик отерла слезы и слабо улыбнулась.

— Отрежьте мне ветчины. Ужасно есть хочу!

— Нет, вы скажите…

Флик впилась в ветчину. Видимо, как все женщины, она легко меняла настроение.

— Это кофе? — восхитилась она. — Красота какая! И согревает, — она отхлебнула глоток, — и подбодряет. А плакала я… Ну, расстроилась… и вспомнила дядю Синклера.

— Дядю Синклера?

— Вы его забыли? Он тоже у вас гостил, когда вы меня спасли. Они с тетей Фрэнси еще не были женаты, мы с ним совершенно не расставались. — Она как будто поперхнулась и пискнула: — Ой, какой кофе горячий!

— Конечно, я его помню, — сказал Билл. — Господи, прямо как сейчас! Он мне очень нравился.

— И мне, — признала Флик, — Я его люблю.

Они помолчали.

— Еще ветчины? — спросил Билл.

— Спасибо, хватит.

Флик смотрела на огонь.

— Очень трудно с ним расстаться, — сказала она. — А что поделаешь?

Билл вдумчиво кивнул.

— Надо было бежать.

Билл кашлянул, прикидывая, как бы поделикатней осведомиться о планах на будущее.

— Вот вы говорите, бежать, — осторожно начал он. — А куда, об этом вы думали?

— Нет. Куда угодно, только бы уйти.

— Ага, ага…

— Вы хотите спросить, что я собиралась делать?

— Вообще, хотел бы…

Флик подумала.

— Сейчас мне кажется, — сказала она, — что тогда я понятия не имела. А теперь… Надо бы им написать. Я приколола записку к подушечке для булавок, что я не хочу выходить за Родерика.

— Правильно, — твердо сказал Билл. — Выходить за него нельзя ни в коем случае.

— Я и не выйду, я твердо решила. А письмо написать надо, что я вернусь, если они от меня отстанут.

— Почему вы вдруг догадались, — спросил Билл, — что вам этого не потянуть?

— Понимаете, мы шли по набережной, к нам подбежал какой-то тип, а Родерик испугался и сбежал, бросив меня одну.

— Господи! — воскликнул Билл, наливая ей еще кофе. — Наверное, это был Джадсон. Пишите это письмо. Согласятся на ваши условия — пусть сообщат в «Дейли Мейл». У вас деньги есть?

— Спасибо, есть. Просто куча!

— Тогда сидите и ждите. Я думаю, сдадутся через неделю.

— Не знаю, — усомнилась Флик. — Дядя Джордж и тетя Фрэнси очень упрямые. Дядя — из этих коротышек с бульдожьей челюстью, в жизни никому не уступил. Это он упал в пруд, — с удовольствием прибавила она.

— Правда? — обрадовался Билл. — Какой был всплеск, приятно вспомнить!

— Жаль, что он свалился вечером. Хотела бы я это увидеть!

— Днем он бы не свалился.

— Да, правда. — Флик встала. — Теперь мне гораздо лучше. Когда уходишь, комната особенно уютна, вы не замечали?

— Уходишь? В каком смысле?

— Надо же где-то жить! — Она взглянула на терьера, который догрызал косточку. — Куда я Боба пристрою? Вряд ли хозяйка его примет. У них всегда кошки, а он так волнуется…

— Какие хозяйки? — решительно начал Билл. — Никуда вы не уйдете. Это мы с Джадсоном уйдем. Вы останетесь здесь.

— Куда же вам уйти?

— Да в сотню мест.

Флик заколебалась.

— Спасибо большое…

— Не за что. К нам ходит уборщица, она и стряпает. Придет с утра — скажите, чтобы дала вам завтрак.

— Она испугается.

— О, нет! Она тетка крепкая. Ну, спокойной ночи.

— Спокойной ночи, мистер Вест.

Теперь заколебался Билл.

— Не называйте меня так, — сказал он. — Когда вы у нас гостили, вы называли меня Биллом.

— Да, наверное. — Она погладила терьера, тот покосился на нее, не отрываясь от еды. — А вы меня — Флик.

— Флик! — вскричал Билл. — Правда. Как я все забываю!

— А я вот помню.

— Ну, спокойной ночи, Флик.

— Спокойной ночи, Билл.

Глава VI. Гораций передумал

1

Уютные владения мистера Парадена (Уэстбори, Лонг-Айленд) дремали на апрельском солнце. Стоял один из тех дней, когда обычные люди так и рвутся на воздух, но собиратели книг предпочитают библиотеку.

Мистер Параден сидел за письменным столом, на котором лежали новейшие приобретения. Поскольку их надо созерцать, изучать, обдувать от дерзкой пылинки, особенно не распишешься. Вообще-то он писал письмо в Англию, старому другу, но в тот момент, какой мы застали, не двинулся дальше слов «Дорогой Хэммонд».

Однако, собравшись, решительно обмакнул перо и продолжил:

«Спасибо Вам за письмо, оно пришло на прошлой неделе, спасибо и за приглашение. К счастью, принять я его могу. Если ничего не случится, надеюсь отплыть к Вам в середине следующего месяца, и радостно предвкушаю нашу встречу.

Есть у меня и что показать Вам. Когда распродавали библиотеку Мортимера, мне посчастливилось купить всего за 8000 долларов экземпляр „Полины“, принадлежавший Браунингу (Сандерс и Отли, 1833), его же экземпляры „Парацельса“ (Э. Уилсон, 1835) и „Страффорда“ (Лонгманс, 1837). Я уверен, что Вы оцените другую мою находку, рукопись девятой песни „Дон Жуана“, почерк, несомненно, Байрона. Именно этой песни недостает в коллекции Пирпонта Моргана, но я бы ее не продал и за 20 000! Есть и еще кое-что, менее ценное.

Может быть, Вам будет интересно узнать, что в недавнее время у меня появился приемный сын, превосходный мальчик…»

На этом самом месте в дверь постучали.

— Войдите, — сказал мистер Параден, отрываясь от письма.

Английский язык так тонко передает оттенки смысла, что просто грех употреблять для недавних звуков слово «постучали». Больше подошло бы «заколотили»; и мистер Параден нахмурился. Он не привык, чтобы колотили в дверь его кельи. Как же удивился он, когда увидел дворецкого!

Именно дворецкие из всех смертных возвели стук в дверь на высоты искусства. До сей поры

деликатный звук, производимый Робертсом, скорее ласкал, чем тревожил душу. Мистер Параден решил, что дворецкий совершенно забылся, и, взглянув на него, понял, что прав. Из Робертса просто била пена.

Выражение это обычно употребляют в переносном смысле, однако в данном случае все было не так. Нижнюю часть лица окутала пузыристая желто-белая масса. Как только он стирал ее платком, появлялась новая. Если бы дворецким служила собака, мистер Параден имел бы право ее застрелить. Поскольку это был человек, мало того — верный слуга, пришлось на него уставиться.

— Что такое… — начал хозяин.

— Разрешите спросить, сэр, — выговорил Робертс.

— Да?

— Я хотел бы знать, останется ли в доме мастер Гораций.

Слова эти показались хозяину опасными, что там — зловещими, как крохотная, но темная тучка на горизонте. Посудите сами: дворецкий явно не одобрял превосходного мальчика.

— Да, — твердо отвечал он, ибо отличался упрямством.

— Тогда, — заметил дворецкий, пуская пузыри, — прошу вас принять мою отставку.

К чести мистера Парадена, такие заявления были редкостью. Слуги, как правило, не уходили от него. За четырнадцать лет он только раз сменил кухарку, дворецкий же пришел восемь лет назад и казался прочным, как колонны у входа. Если уж он, изрыгая пену, просит отставки, это, видимо, страшное сновидение.

— Что? — едва произнес хозяин.

Дворецкий был явно огорчен разлукой. Тон его стал мягче.

— Мне очень жаль, сэр, — сказал он не без трепета. — На вашей службе я был исключительно счастлив. Но оставаться в одном доме с ним я не могу и не хочу.

Казалось бы, пресеки такие дерзкие речи, но любопытство сильнее строгости. Мистер Параден знал: если он отпустит Робертса, не выяснив, почему тот пенился, тайна его истерзает. Возникнет, строго говоря, что-то вроде тех исторических загадок, которые веками мучают людей.

— Чем он вам не угодил? — спросил мистер Параден. Робертс какое-то время складывал и даже комкал платок.

— Мои возражения, — сказал он, — имеют и

частный, и общий характер.

— Что это значит?

— Разрешите объяснить…

— Да, да!

— Нам, слугам, неприятна его манера. Один из лакеев выразил это на днях удачным словом «нахал». Мы так преданы вам, сэр, что решили терпеть. Но сегодня…

Мистер Параден подался вперед. Любопытство вытеснило все другие чувства и страсти. Сейчас, понял он, откроется тайна пены.

— Несколько дней назад я запретил мастеру Горацию лазать в кладовую.

— Правильно, — одобрил хозяин. — Он и так толстеет.

— Он принял это дурно, обозвав меня… нет, забыл. Но сегодня перед прогулкой он попросил прощения, замечу — с исключительной теплотой, и протянул пирожное. Я его взял, люблю сладкое, но отведал не сразу, и потому, что был сыт, и потому, что мастер Гораций посоветовал отложить удовольствие. Когда же…

Мистер Параден, человек немолодой, был некогда и мальчишкой.

— Господи! — вскричал он. — Мыло.

— Вот именно, сэр, — подтвердил дворецкий,

извергнув пузырь-другой.

Они многозначительно помолчали. Мгновенье-другое мистера Парадена томило, как ни странно, не возмущение, а то печальное чувство, которое древние римляне именовали desiderium[10].

— Лет пятьдесят я так не делал… — тихо прошептал он.

— Я, — сообщил дворецкий, — не поступал так никогда. И со мною так не поступали.

— Какой ужас, — сказал хозяин, с трудом подавляя смех. — Нет, какой ужас. Вот мерзавец! Я с ним поговорю. Конечно, если посмотреть с его точки зрения…

— На это я не способен, сэр, — сухо вставил Робертс.

— Знаете, мальчик — мальчик и есть…

Робертс так поднял бровь, что мистер Параден поспешил сказать:

— Нет, нет, я его не оправдываю. Что вы, что вы! Ни в коей мере. Но нельзя же, честное слово, бросать прекрасную службу из-за…

— Поверьте, сэр, мне очень жаль.

— Никуда вы не уйдете! Я без вас и дня не обойдусь.

---

[10] Сноски: 10
Тоска по утраченному *(лат.)*.

— Спасибо, сэр.

— Я с ним поговорю. Он попросит прощения. Да, да! Мы все уладим. Хорошо?

— Э… хм, сэр…

— Только не уходите.

— Если вы желаете, сэр…

— Желаю? Конечно! Господи, мы с вами восемь лет! Идите к себе, выпейте вина.

— Спасибо, сэр.

— Да, Робертс! Я возмещу убытки. Каждый месяц будете получать на десять долларов больше. Уйти! Нет, что же это такое! Чепуха, полная чепуха.

Дворецкий, словно месяц март, явившийся львом, ушел агнцем, а хозяин его остался, в задумчивости грызя перо. Собственно говоря, он и сам удивлялся Горацию. Усыновление еще не закончилось, это дело долгое, но такой упрямый человек не мог отступить. Да и какой жест, какой афронт этим подхалимам! И все же, все же… Он пытался отвлечься от таких мыслей, вернуться к письму, но они не уходили, тем более что за окном появился герой событий с Шерманом Бастаблом, своим наставником.

Учитель и ученик пересекли лужайку и скрылись за углом. Гораций казался усталым и угрю-

мым, в отличие от бодрого Бастабла. Недавний студент, тот был поджарист и любил пешую ходьбу. Гораций, по всей видимости, не разделял его пристрастий.

Мистер Параден и раньше удивлялся, что его приемный сын, вроде бы вполне крепкий, вечно валяется по шезлонгам. Разве так создашь сверхчеловека? Нет, не создашь. Он рассердился.

Именно тогда за дверью раздался топот, и в комнату ворвался Бастабл.

— Мистер Параден! — кричал он. — Я больше не могу!

Хозяин совсем оторопел. До сей поры учитель поражал мягкостью манер и речи, но сейчас они удивили бы и команду грузового судна. Лицо у него горело, кулаком он стукнул по столу, заорав при этом:

— Хватит!

Мистер Параден воззрился на него, а воззрившись — понял, что так удивляет в его внешности. Здесь, в святилище своего хозяина, Шерман Бастабл не снял шляпу!

— Хва-атит! — кричал он.

— Снимите шляпу! — закричал и мистер Параден.

Казалось бы, одумайся, смутись — но он засме-

ялся, да еще каким-то особенно гнусным смехом.

— Интересно! — воскликнул он. — Ха-ха, снимите шляпу! Ну, знаете!

— Вы пьяны! — возмутился хозяин, багровея.

— Ничего подобного!

— Пьяны. Врываетесь сюда в шляпе…

— Вот именно! А почему, хотите узнать? Потому что этот гаденыш смазал ее клеем. И вот что я вам скажу…

То, что он сказал, отличалось такой силой, что мы это опустим, приведя лишь последние фразы.

— С меня довольно! Ухожу. За миллион долларов не останусь.

Звук, произведенный дверью, замер, но мистер Параден еще не очнулся. Он размышлял. Потом подошел к шкафу, вынул тонкую трость, со свистом рассек воздух — и вышел из комнаты.

2

Тем временем в саду, за кустами рододендронов, под большим рожковым деревом отдыхал от прогулки виновник домашних смут. Развалившись в шезлонге, положив ноги на столик, да еще и смежив веки, он восстанавливал жизнеспособность тканей. Рядом, в траве, стоял стакан, лишь кусочком льда напоминающий о лимонаде, а

внимательный наблюдатель различил бы на жилете Горация крошки от печенья.

Тепло весенних лучей располагало его ко сну, а потому легкий свист не сразу проник в истомленное сознание. Поначалу Гораций приписал его птичкам, но постепенно он так усилился, что исключил возможность ошибки. Открыв глаза, Гораций сонно вгляделся в кусты и увидел лицо.

Слово это мы употребляем в самом широком значении. Точнее было сказать «конгломерат кое-как сляпанных черт». Нос, к примеру, подошел бы человеку поменьше, тогда как подбородок привлек бы внимание, будь он у гиганта. Узкая полоска лба не гармонировала с ушами непомерной величины, да еще под прямым углом.

Такое сборное рагу удивило бы многих, но Гораций не дрогнул, только зевнул.

— Привет, Джо, — сказал он. — Ты, что ли?

— А то! — отозвался гость. — Пришел поглядеть, чего делаешь. Так я и знал, ровным счетом ничего.

— Я раз-мы-ши-ляю, — сообщил Гораций.

Джо (ибо это был он) оглядел тихий садик и, убедившись, что он пуст, вылез из кустов. Тем самым прояснился его профессиональный статус: преступник, спора нет, но не из руководящих, а,

скажем так, из исполняющих. Если вам нужны тонкие замыслы, он вам ни к чему. Если надо кого-то стукнуть — просим, кричите «Эврика!» Сам по себе он был невысок, коренаст, сутуловат, но с широкими плечами, словно набычился раз и навсегда. Ноги у него оказались большие и разлапые.

— Прям, счас! — усмехнулся он. — Ты у меня смотри! Не для того я перся. Как дела-то, а? Шеф беспокоится.

— Дэ-э? — сказал Гораций.

— Дэ. Торчишь тут, с жиру бесишься… Зажрался!

— Тут особо не зажрешься.

— Ну прям! Лежит, а! Я б на твоем месте…

— Дэ?

— Дэ. Чего волынишь? Чего тянешь мочалу?

Гораций угнездился попрочнее в шезлонге и твердо посмотрел на собеседника.

— Я думаю, — ответил он.

— Время нету, — укоризненно сказал Джо. — Давай, работай.

— Я думаю, — продолжал Гораций, — может, не надо у него воровать?

— Чего? — задохнулся Джо. — Чего это ты?

— Вот ходил я тут в киношку, — поведал юный

злоумышленник. — Так воры, это, исправляются. Сопрешь — сел, исправишься — порядок! Штаны хорошие, пиджак…

Джо нервно облизнул губы, явственно ощущая, что цензура в кино недостаточно строга.

— Вот один, — рассказывал Гораций, — подговорил мальчишку, сопри, грит, у старичка. Ну, поселили его к старикану, живет чин-чинарем, а тут этот, первый, явился, красть пора. Мальчишка-то и скажи: «Не буду! Хочу в люди выйти». А вор ему и ответь: «Слава богу! Я тебя просто ис-пы-ты-вал». Здорово, а?

— Жуть какая, — пылко отвечал Джо.

— Да ладно, — хихикнул Гораций, — это я так, шучу.

Джо с облегчением вздохнул.

— Чего мне киношка? — пояснил Гораций. — Я сам красть не буду. Ты гришь, заигрался. Эт верно. Житуха тут — во! Прям счас, буду я книги брать! Сам бери. Мне и так хорошо.

Мы уже упоминали, что Джо не был особенно умен. Такую измену он осмыслить не мог. Когда он пытался угадать, как сообщить об этом шефу и как отреагирует шеф, не любивший проколов, из дома кто-то вышел. Пришлось нырнуть в кусты, что он и сделал, тяжко страдая.

3

Спугнул его сам хозяин, с тростью в руке. Пока тот спускался по ступеням и шел по лужайке, гнев его возрастал, глаза сверкали, губы сжимались. Он вступил на тропу войны.

Гораций ждал его спокойно, не чуя опасности. Юная совесть, будучи толстокожей, ничего ему не подсказала.

— Привет, папаша! — воскликнул он. Мистер Параден был человеком действия.

— Я тебе покажу, — сказал он, — как кормить дворецкого мылом! Я тебе покажу, как клеить учителя клеем! — И после этой преамбулы приступил к самому уроку. Нелегко привить сладость и свет юноше типа Горация, но все, что можно сделать с помощью трости, мистер Параден сделал. Случайный прохожий, повстречавшись с ним на улице, мог бы счесть его слишком хилым, но Гораций бы внес исправления. Он знал, что к чему, из первых рук.

— Ну все! — сказал наконец приемный отец, тяжко отдуваясь, и, повернувшись, направился к дому.

Пока он не скрылся, Джо из кустов не вылезал. Когда же скрылся, вылез, невольно ухмыляясь.

Вопли юного друга усладили его слух. Жалел он только о том, что социальные условности не позволяют ему принять участие в столь добром деле.

— Что, съел? — заметил он, оглядывая страдальца. — Так тебе и надо. Будешь вилять!

Гораций еще не пришел в себя после нежданного побоища. Он и не знал, что в новоявленном отце таится такой пыл.

— Эт кто виляет? — осведомился он.

— Ты, кто ж еще! — ответил Джо. — Жаль, я руку не приложил. Дружков предавать, это надо же!

Гораций обиделся, особенно — потому, что упрек показался ему несправедливым. За последние минуты взгляды его резко изменились. Сдуру он принял этот дом за земной рай, теперь — осознал свою ошибку.

— Кто вас предает! — вскричал он. — Скажи шефу, стащу эти книги, тресну — а стащу.

— Вот это разговор! — одобрил Джо. — Это я понимаю!

Глава VII. Мистер Слинсби вызывает подозрения

Английская весна особенно пленяет тем, что некоторые, нет — практически все дни, особенно к вечеру, побуждают растопить камин. Огонь, освещавший гостиную одной из квартир в доходном доме «Мармонт» дней через десять после известного нам побега, пылал весело и ярко, бросая золотистые отсветы на собачку, которая спала на ковре; на Билла, который курил в кресле; на Флик, чья светлая головка склонилась над чьими-то носками. Трубка курилась хорошо, мысли были приятны.

Жизнь после бурной ночи вошла в свою колею. Флик поселили рядом, у почтенной дамы, которая, к вящему счастью, встретила Боба с материнской нежностью, а теперь перекармливала, что немедленно сказалось на его фигуре. Кроме того, она хорошо готовила, что нечасто бывает у хозяек, и Флик была вполне довольна. Казалось бы, после роскошеств Холли-хауса нелегко счесть роскошной крохотную квартирку, но, кроме угрызений, возникавших при мысли о дяде,

она поистине наслаждалась жизнью. Ей нравилось неведомое чувство свободы, ей нравился дух приключений, а уж особенно нравились ей ежедневные визиты к Биллу и Джадсону. Не нравились в новом мире только фотографии Алисы, презрительно глядевшие на нее с двенадцати сторон. Теперь она точно знала, что эта девица ей противна.

Билл тоже не жаловался. Он смутно ощущал, что вечно так длиться не может, но не позволял этой мысли омрачать свое счастье. Не выйдя из лет, когда не слишком часто заглядывают в будущее, он радовался мгновенью, освещенному уютным светом очага. Никто еще не штопал ему носков, он просто носил их, пока дыры не становились огромными даже на его непридирчивый взгляд, — и преспокойно выбрасывал. Глядя из кресла на проворные пальчики Флик, он думал о том, что именно такая жизнь и зовется счастливой.

Пальчики остановились. Флик подняла глаза и спросила:

— А что с мистером Кокером?

К Джадсону она искренне привязалась. Он преодолел привычку разевать рот, как рыба, при ее появлении, и теперь они были в дружбе.

Собственно, отношения их можно сравнить с отношениями Дездемоны и Отелло. Флик любила Джадсона за муки, он ее — за состраданье. Никогда еще его так не жалели. Поистине, в этом злом мире Флик возвращала ему веру в людей.

— Вроде бы пошел к Слинсби, — отвечал Билл, и совесть кольнула его, как бывало всегда при упоминании лондонского представителя. Шустрый Слинсби выскользнул из его жизни, и мысль эта была неприятна. Пребывание в Лондоне ни в малой мере не шло на пользу дяде, все больше обретая сходство с чем-то средним между путешествием и отдыхом. Конечно, так нельзя, но что же делать? Как заметил сам дядя, если уж Уилфрид Слинсби не понимает, почему упали доходы, куда это понять какому-то новичку!

— Вот как? — заметила Флик. — Они знакомы?

— Да, я его туда водил.

Флик вернулась к носку.

— Я все думаю, — сказала она, — не нравится мне ваш Слинсби.

— Что вы, он совсем ничего! — ответил Билл с той терпимостью, какую порождает удобство.

— Какой-то он подозрительный… — не уступала Флик.

Билл мягко улыбнулся. Вот оно, думал он,

женское чутье! Здравый смысл давно разрушил сомнения в честности лондонского представителя.

— Да нет, — сказал он, — вообще-то он мне не очень нравится, но подозревать его незачем. Да, доходы упали, и все же…

— Вы говорили, он хороший работник.

— Он мне все объяснил, когда мы с ним завтракали. Правда, я не все понял, сложное дело. Условия там всякие…

— М-да… — проговорила Флик, и они помолчали. Билл переменил тему.

— Я тоже думаю.

— Вот как?

— Да. Я думаю, что у вас там делают. Почему в газетах ничего нет?

— Дядя Джерри не допустит. Он боится скандала.

— Никакого ответа… А если вообще не ответят, что вы делать будете?

Флик встряхнула головкой, ее васильковые глаза задорно сверкнули. Биллу это очень нравилось. Он непременно припоминал вспугнутого котенка.

— Пойду куда-нибудь служить. Я хорошо печатаю, знаю стенографию. Дяде помогала. Во всяком

случае, за Родерика не выйду.

— Еще бы! — согласился Билл и назидательно прибавил: — Нельзя выходить замуж без любви. Надо подождать, любовь того стоит. Когда-нибудь вы встретите человека…

— Встречу?

— Конечно. Р-р-аз — и готово! Как молния.

— Вы думаете?

— Я уверен. Когда я встретил Алису…

— Расскажите мне о ней, — прервала его Флик. — Какая она?

— Какая?.. — Билл не умел описывать богинь. — Ну, скажем… Да я вам тысячу раз говорил!

— Правда, говорили, — признала Флик.

— Хорошо, когда есть кому рассказать, — продолжал хозяин. — От Джадсона толку мало. Другое дело — вы. Настоящий друг! Вам я…

— Она бы чинила вам носки? — спросила гостья.

Билл растерялся. Недавно он понял, что штопка — одно из самых достойных занятий (для женщины, конечно), и ему не хотелось находить недостатки в Алисе. Но против правды не пойдешь. Алису, штопающую носки, он не мог себе представить.

— Понимаете, — сказал он, — она в другом ду-

хе… такая светская.

И с удивлением заметил, что тон у него виноватый.

— А, вон что! — откликнулась гостья.

Они помолчали. На решетку выпали угольки. Терьер взвизгнул во сне; вероятно, ему снилась охота.

— Вы пишете ей по вторникам? — беспечно осведомилась Флик.

— Ой, господи! — Билл уронил трубку. — Совсем забыл.

— Идите пишите, а то почту упустите.

Билл с удивлением заметил, что секунду, одну секунду ему было лень вылезать из кресла. Письма он писал в столовой — только там стол не качался, как лилия; а приятно ли уходить из такого уютного уголка?

Однако лучшее, высшее «я» быстро одержало победу. Он встал и вышел. Флик отложила работу и стала смотреть на огонь. Потом, нетерпеливо дернувшись, снова взялась за иголку и штопала минут пять, когда пришел Джадсон.

— Здравствуйте! — сказала Флик. — А мы уже беспокоились. Случилось что-нибудь?

Джадсон опустился в кресло, покинутое Биллом. Он был явно расстроен и явно нуждался в

сочувствии.

— Да уж! — отвечал он. — Вам я расскажу, вы поймете. Кто-кто, а вы смеяться не будете.

— Конечно!

— Ну вот. Вы знаете не хуже меня, что бывают тяжелые минуты. Особенно в этой жуткой стране. Ветер дует, все промозгло… В общем, надо выпить, а то простудишься. Спросите любого врача. Правильно? Надо?

— Если вам от этого лучше…

— Вот. А разве тут выпьешь? Билл — прямо как полиция.

— Он говорит, он о вас заботится.

— Уж он скажет! — холодно отозвался Джадсон.

— Потом, он обещал вашей сестре.

— Противно смотреть! — взволновался Джадсон. — Смотреть противно, как он перед ней пресмыкается. Она на него чихать хотела.

— Да?

— А то как же!

— Я думала, они жених и невеста.

— Все может быть. Но вы уж мне поверьте, она его просто использует. Вообще-то она ничего, меня не обижает, но одно дело брат, другое — прочие люди. Ей бы только пококетничать.

Вечно у нее человек десять на привязи. Помяните мое слово, бросит его, как миленького! Врежет — будь здоров.

Хотя предмет беседы очень нравился Флик, она решила, что продолжать ее нечестно, и с большим трудом предложила новую тему.

— Ай-я-яй! — заметила она. — Да, что вы хотели рассказать? Ну, помните! Вы еще говорили, что я пойму, не буду смеяться.

— Да, да, — согласился Джадсон, переходя в минор. — Значит, так: в плохую погоду надо выпить. А тут не разгуляешься. Решил я попытать счастья на стороне.

— Что ж вы сделали? — спросила Флик, представляя себе, как он падает на улице, чтобы ему дали хлебнуть бренди.

— Пошел к этому Слинсби.

— К Слинсби! Зачем?

— Ну, он служит у Парадена, а Билл — Параденов племянник, а я — друг Билла. Все-таки связь. В общем, пошел. А время выбрал плохо. Он очень сердился, только что рассчитал стенографистку.

— Почему?

— Не знаю. Он вообще сердитый. Лучше бы уйти, а я ждал, выпить хотелось. В общем, досидел до шести, смотрю — выпускает кошку и говорит:

все, закрываем. Ну, я говорю, мне делать нечего, я еще с вами побуду.

— Наверное, к этому времени он вас нежно полюбил, — предположила Флик.

— Да не знаю, — отвечал Джадсон. — Вроде он был какой-то мрачный.

— Странно. А почему, как вы думаете?

— Кто его разберет! Мне-то было не до того, я выпить хотел.

— Кстати, — перебила Флик, — у вашей истории конец хороший?

— Э?

— Я говорю, выпили вы?

Джадсон скорбно рассмеялся.

— Выпить-то выпил… Я к тому и веду. Сели мы в его машину…

— У него есть машина? Какая?

— Не помню. «Винчешир», что ли.

— «Винчестер-мерфи»?

— Вот-вот. Серая такая, здоровая, вроде лимузина.

— То есть дорогая?

— Уж не без того. Нет, вы подумайте! Купается, можно сказать, в деньгах, возьми и пригласи пообедать. Так нет же! Поехали мы к нему, у него свой дом…

— Дом? И машина, и дом? А где?

— На Бертен-стрит? Нет, на Бретон-стрит. Рядом с этим, как его…

— Беркли-сквер?

— Именно. Повернуть направо, пройти немного, по левую руку. Большой такой дом. Ну, мы вышли, открыл он дверь и смотрит, вроде ждет. Я вошел. Подождал немного и спрашиваю, как человека: «Выпить можно?» — «Да, — говорит, — без всяких сомнений».

— Странно, — задумчиво сказала Флик.

— Да уж!

— Нет, как странно! Дорогая машина, такой район…

— И знаете, что он мне дал?

— Там жуткие цены.

— Какао! — мрачно вымолвил Джадсон. — Чашку какао на подносике. Ну, я оцепенел, как говорится, а он и скажи, что Билл его предупреждал, я совершенно не пью. Это Билл! Да мы пятнадцать лет дружим! Я говорю, он что-то спутал, может, у вас есть виски? А он говорит с такой усмешечкой: какао гораздо питательней, оно согревает и еще содержит жиры. «Простите, — говорит, — мне надо переодеться к обеду».

— Не понимаю, — сказала Флик, — получается,

что он очень богат.

— А то! Вот и гнусно…

— Мистер Параден ему столько не платит. Интересно, какой оклад у таких вот представителей?

— Ясно, — оживился Джадсон. — Вы думаете, он мухлюет? Очень может быть.

— Конечно, он мог получить наследство.

— Да, да…

— Но он бы бросил службу, завел свое дело. Я думаю, ему платят не больше тысячи в год.

— А то и меньше.

— Как же это он?.. Надо подумать. Билл вроде бы говорит, что мистер Параден не слишком занимался фирмой в последние годы. Все запустил из-за этих книг. Тут-то мошеннику и разгуляться.

— Кто-кто, а этот Слинсби…

— Вы думаете, у него хватит ума?

— Не в том дело. Человек, который поит гостя этой гадостью, способен на все. Что хочешь смухлюет и еще посмеется, как последний гад.

Глава VIII. Дельце для Перси Пилбема

Уилфрид Слинсби занимал не только Фелисию Шеридан и Джадсона Кокера. Наша цивилизация столь сложна, что передвижениями управляющего заинтересовался сам Перси Пилбем, тайный глава газеты, которую явно и неохотно возглавлял Родерик Пайк.

Наутро после той беседы, о которой мы рассказали, Родерик сидел в редакции, глядя на корректуру статьи о злодеях-букмекерах — статьи, в которой Айк Пуля упоминался по меньшей мере трижды и без малейшей симпатии. Серия разоблачений, порожденная Пилбемом, пресеченная Родериком и властно воскрешенная его отцом, вообще отличалась остротою; но, с отвращением признавал ее подневольный покровитель, на сей раз она переострила самое себя. Перед Пилбемом, обличавшим козни Пули, сам Ювенал казался робким миротворцем.

Родерик отирал бледный лоб, страдая не столько из-за сбежавшей невесты, сколько из-за пламенной статьи. Бегство буквально сотрясло семью; однако жених сохранял присутствие духа, что там — он даже насвистывал. А вот на первом

же абзаце статьи свист исчез, как Фелисия. Когда Родерик совсем спекся, вошел Пилбем, сияющий, наглый, бойкий, бодрый и неумолимый. Он был молод (двадцать три года), плюгав, или, если хотите — тщедушен, носил клетчатый костюм, лелеял похожие на мох усики, а черные волосы смазывал бриолином.

Поздоровался он радушно, ибо, по тактичности, не хотел подчеркивать свою победу. Формально Родерик был начальством; это он тоже учитывал.

— А! — заметил он. — Читаете мою вещицу.

Резко вздрогнув, Родерик выронил вещицу, словно ядовитого паука.

— Ну, как вам? — осведомился подчиненный, но ответа дожидаться не стал. — Прямо скажем, повезло. На таку-у-ую штуку вышел, с ума сойти! Дадим в следующий номер.

Родерик облизнулся — нет, не плотоядно, губы как-то ссохлись. Мысль о следующем номере вызывала тупую боль под ложечкой.

— Что там у вас? — мрачно спросил он. Пилбем снял пиджак, повесил на вешалку, надел куртку с эмблемой крикетного клуба, куда ходил по субботам, и ловко вырезал из старой обложки новые нарукавники.

— Захожу к Марио, — начал он. — А там один тип с девицей. Хористка, что ли, платье такое розовое. Не иначе из театра. А его я знаю, он тут был, Слинсби фамилия. Видали?

Родерик ответил, что не удостоился этой чести.

— Уилфрид Слинсби, — пояснил Пилбем. — Сколько спустил на эти всякие шоу! Как говорится, ба-альшой хват. Прихожу я, значит, — он там. Сидит с девицей. А тут… Такую Лилию Бум не знаете?

Родерик сообщил, что не удостоен и этой чести, явственно намекая, что не вращается в лондонском полусвете.

— Американка, — продолжал Пилбем. — На манер испанки. Волосы черные, глаза — во! И сверкают.

Родерик задрожал. Именно этот женский тип он особенно ненавидел и робко надеялся, что Пилбем не собирается печатать мемуары огненной Лилии.

— Ну, входит она с каким-то типом, — рассказывал тот. — И ка-ак закричит, ка-ак завизжит! Бац всю посуду, хрясь ему в морду! Э? А? Ловко? Сразу вывели беднягу. Не успел спросить, с чего бы это она.

Почему Пилбем сочувствует девице, которой

вполне подходит фамилия, но не совсем подходит имя, Родерик не понял.

— Так вот, я что думаю, — продолжал рассказчик. — Пойду возьму интервьюху, дадим в следующий номер. У него контора на Сент-Мэри Экс. Зайду, значит, побеседую, к вечеру будет статья.

Родерик смотрел на энтузиаста, думая о том, что судьба все-таки перестаралась. Теперь взъярится эта Лилия, судя по давешней драме — женщина опасная. Словно в хрустальном шаре увидел он свою с ней встречу.

— Зачем? — осведомился он. — Не наш материал.

Пилбем уставился на него в полном изумлении.

— Ну прям! — сказал он. — Самый наш. Этого типа все знают.

Родерик уцепился с горя за последнюю фразу.

— Вот видите! Наверное, они дружат с отцом.

— Да они не знакомы!

— Почему? — упорствовал Родерик. — Помните, что было после статьи про сэра Клода Мопси и домик в Брайтоне? Я бы на вашем месте не рисковал.

Пилбем задумался. Инцидент, упомянутый на-

чальством, пятнал его чистый щит. Материалец — оближешься; а что вышло? Ближайший друг сэра Джорджа. Да, рисковать не стоит. Но тут его осенило.

— Пойду спрошу, — сказал он, снял нарукавники, заменил куртку плащом и пошел наверх, к Главному.

Там, на четвертом этаже, Шеф совещался с сестрой. Естественно, речь шла о Фелисии.

— Ты смотри, — говорила гостья, — как мы не знали ничего, так и не знаем.

— Да, — вдумчиво произнес хозяин. — О да.

В этот день он был особенно похож на чучело лягушки. Недавний мятеж глубоко его поразил.

— Надеюсь, — сказал он, пройдясь раза два по комнате, как делал и Наполеон, — надеюсь, ты не думаешь сдаться? Нет, что же это, в «Дейли Мейл»!

Слова эти он выговорил с трудом. Как она могла?! В какой-то чужой газете…

— Ну, что ты! — отвечала сестра. — Просто надо что-то сделать. Кроме тебя некому, Джордж. Синклер не годится. Иногда мне кажется, что он ей сочувствует.

Сэр Джордж глубокомысленно нахмурился.

— Я, — сообщил он, — поручил дело опытному

сыщику.

— Сыщику!

— Под полным секретом. Я сказал, что это дочь моего старого друга, у которой что-то с памятью. Ничего мысль, а? Пока ответа нет. Работать не умеют, только деньги дерут.

Именно в эту минуту деликатно звякнул телефон. Шеф взял трубку и услышал:

— Мистер Пилбем спрашивает, сэр Джордж, можно к вам зайти?

Сэр Джордж просто подскочил.

— Что случилось? — спросила сестра.

— Нет, ты подумай! Да, именно он. Ну, Пилбем, помнишь? Делает буквально все в этих «Сплетнях». Голова! То самое, что нам нужно.

— Где он? — вскричала миссис Хэммонд.

— Сейчас придет.

Опытная гостья с первого взгляда поняла, что брат ее совершенно прав. Да, эстет осудил бы яркую клетку, физиономист — маленькие глазки и неприятную улыбку, но в том ли дело? Истинный, прирожденный вынюхиватель самых сокровенных секретов. Когда сэр Джордж знакомил ее с Пилбемом, она благосклонно улыбнулась.

— Вы хотели меня видеть? — спросил Шеф.

— Да так, — отвечал Пилбем. — Пустячное

дельце. Вышел на такого Слинсби — Уилфрид Слинсби, слыхали? — и думаю, спрошу-ка, не ваш ли он друг.

— Слинсби? Слинсби… В жизни своей не слышал. А кто это?

— У него какая-то контора. А так, ба-альшой театрал. Как говорится, известен в театральных кругах. Дал кое-что на два мюзикла.

— Прекрасно! Как раз для наших читателей.

— Вот я и подумал.

— Что же с ним случилось?

— Влип, понимаете, в историю. Сидит в ресторане… Тут девица… Бамц, блямц! В общем, верняк.

— Ага, ага, ага… Прекрасно. Разузнайте все как следует.

— Спасибо, сэр Джордж.

— Минутку! Постойте. Вот, прошу.

Шеф вынул фотографию; Пилбем внимательно в нее вгляделся.

— Это, — сказал Шеф звонким и чистым голосом, каким говорят, когда собираются солгать, — это… м-м-м… мисс…

Как всегда бывает в таких случаях, он не мог припомнить ни одной сносной фамилии. Но тут вмешалась сестра.

— Фарадей, — сказала мисс Хэммонд. — Мисс Фарадей.

— Вот именно, — обрадовался Шеф, — Анджела Фарадей. Да, Анджела. Единственная дочь моего старого друга. Надо ее найти.

— Она ушла из дома, — сказала гостья.

— Да, да, — поддержал хозяин. — Исчезла.

— В сущности, — пояснила честная гостья, — она сбежала. Видите ли, мистер Пилбем, у нее был грипп.

— А! — сказал Пилбем. — А-а!

— Мы думаем, — подхватил Шеф, обретая почву, — у нее что-то с памятью.

— Да, да, да, — сказала мисс Хэммонд. — Посудите сами, никаких… — …причин, — продолжал ее брат. — Аб-со-лютно никаких. Счастливая, тихая жизнь…

— Ясно, ясно, — сказал Пилбем.

Сказал он это спокойно, а как мучился! У него была прекрасная память, и он сразу узнал девицу, заходившую к ним не так давно. Выйти на такой скандал и ничего не написать — нет, невыносимо. Даже тогда, когда один дядя спустил его с лестницы вместо того, чтобы честно открыть, почему жена уехала в Уганду, даже тогда, повторим, Перси Пилбем мучился меньше.

— Вы всюду бываете, — продолжал Шеф, — все подмечаете. Возьмите фотографию, Пилбем, и — за дело! Стоит ли говорить, что оно сугубо конфиденциальное?

— Что вы, что вы!

— Тогда — все. Старайтесь.

— Хорошо, сэр Джордж. А к Слинсби я забегу после перерыва.

— Пожалуйста. Да, насчет… э… мисс Фарадей, о расходах не заботьтесь.

— Хорошо, сэр Джордж. Хорошо.

Голос его был звóнок, и это означало, что где-где, а здесь на него положиться можно.

Глава IX. Охота начинается

1

В самом сердце лондонской толчеи, неподалеку от Лиденхоллского рынка, приютился маленький ресторанчик под вывеской «У Пиранделло». Кроме густых ароматов, он привлекает публику витриной, где лежат на блюде свиная голова умильного вида, два помидора и вялый салат. Глубже, в зале, маячат печальные потомки Борджиа, хлопотливо поддерживающие традицию своей семьи.

Часа через два после того как Пилбем ушел от Шефа, Билл и Джадсон стояли у дверей и смотрели на прохожих, явно кого-то поджидая.

— А ты не ошибся? — спросил Джадсон, которого допекла загадочная улыбка свиньи. — Точно здесь?

— Ну, смотри сам, — отвечал его друг, показывая телеграмму. — «Пиранделло, Лиденхолл-стрит». Значит, у Пиранделло, на этой улице.

— Странно, — сказал Джадсон, угрюмо глядя на Джоконду свиного мира, — очень странно.

Но тут Билл воскликнул: «Идет!» — и шагнул

на мостовую, завидев, что Флик лавирует между машинами. В отличие от Джадсона, она сияла.

— Получили? — сказала она. — Очень хорошо! Идем туда, а то я умру с голода.

— Вы собираетесь тут есть? — проверил Джадсон.

— Конечно. Замечательный ресторан. Генри сюда ходит.

— Генри? — удивился Билл. — А кто это?

— Наш рассыльный.

— Чей?

— Наш.

— Это где?

— У меня на службе.

— Э? А?

— Да, я теперь служу. В лондонском отделении целлюлозно-бумажной компании.

— Что?!

— Потом объясню. Праздный богач не поймет, как хочется есть после работы.

Они растерянно пошли за ней. В лицо им ударил теплый, сладкий запах.

— Какао, — сказала Флик. — Ах, ка-кое ка-као! Правда, мистер Кокер? Ка-ка-о Ко-ке-ра…

Поглядев на друга, Билл увидел, что тот с немым укором смотрит на спутницу, которая, заметим,

села к столику и что-то заказывала. Официант записывал столь отрешенно, словно снял с себя всякую ответственность.

— Так, — сказала она, когда смертоносные яства уже стояли на столе. — Теперь поговорим. Я выбрала эту дыру, потому что здесь никто не бывает.

— Разве что спьяну, — мрачно заметил Джадсон. Менее разборчивый Билл интересовался не этим.

— Вы служите у Слинсби? — спросил он. — Господи, почему?

— Потому что я решила за ним следить.

— Нет, что это? — воскликнул Джадсон, проглотив какой-то кусок. — Да, знаю, парафин — но с чем?

— Все равно непонятно. Когда вы к нему поступили?

— Сегодня утром.

— Прямо взяли и пришли?

— Взяла и пришла. Им нужна стенографистка.

— Откуда вы узнали?

— От мистера Кокера. Он заходил вчера к Слинсби. Тот его просто не отпускал. Правильно, мистер Кокер?

— А? Что?

— Я говорю, вы были у Слинсби.

Джадсон сердито забормотал.

— Видите! — сказала Флик — Мистер Кокер тоже его не любит. Когда вы ушли писать письмо, мы поговорили и решили, что Слинсби — плохой человек.

— Почему?

Флик отпила мутной жидкости, которую здесь смеха ради называли какао.

— Вот, смотрите. Получает он примерно тыщу, а у него роскошная машина, живет он на Бретон-стрит…

— Ну и что? — спросил Билл, плохо знавший Лондон.

— Это у Беркли-сквер. Самый шикарный район. В общем, тут тысячей не обойдешься.

— Может, театр что-то дает?

— Хорошо, а как он смог вложить туда деньги? Не спорьте, Билл, он мерзавец. Потом, у него подбит глаз.

— Естественно, — вставил Джадсон. — Жаль, не я вмазал.

— Глаз подбит? Как же это?

— А так. Бывают у приличных людей фонари под глазом?

— Нет.

— То-то и оно. В общем, сразу видно, мошенник.

— Самого последнего разбора, — прибавил Джадсон.

— Откуда ты знаешь?

— Неважно. Знаю, и все.

Билл снова повернулся к Флик.

— Расскажите по порядку, — сказал он.

— Хорошо. Лежу я ночью и думаю про Слинсби. Что-то тут не то... И вдруг я вспомнила: мистер Кокер сказал, что тот был не в духе, потому что у него ушла машинистка. Ну, я и решила пойти туда пораньше, пока не вызвали из агентства. Пошла, успела. Он даже рекомендации не спросил.

Неопытный Билл и то удивился, но разгадка была проста — в это утро, по случайности, мистер Слинсби питал отвращение к могучим пылким брюнеткам, и тоненькая милая блондинка пленила его. Чтобы он отказал ей, она должна была бы вообще не знать стенографии.

— Значит, поступила я к нему, — продолжала Флик, — села за работу. Там у них есть старичок, служил еще до него, при трех правителях. Он мне рассказал, что дела из рук вон плохи. Конечно, я хорошо с ним обращалась, но он бы кому угодно рассказал. Сколько я узнала!

Она торжествующе замурлыкала, а недоверчивый Билл задумался, что же такое она могла узнать. Пока он думал, перед ним встала другая проблема.

— Зачем вы все это делаете? — спросил он. — Столько хлопот!

Флик посмотрела на него ласково и быстро, как котенок.

— Что вы, какие хлопоты! — сказала она — Мы же друзья, правда?

Повисло неловкое молчание. Ничтожную часть секунды Билл чувствовал, что воздух потрескивает от электричества. Флик странно смотрела на него. Что же это? А, да, да, да… вот, вот… Но озарение спугнул Джадсон.

— Дайте мне его труп! — сказал он, выйдя из комы. — Пошлю своим в Нью-Йорк.

Мгновенно утратив серьезность, Флик засмеялась.

— И привереда же вы! — воскликнула она. — Больше вас никуда не приглашу. Очень вкусно готовят. Смотрите, как я ем.

— У женщин, — отвечал Джадсон, — луженые желудки.

— Что вы! При мужчинах!

— Женщина поест трупного яда, промоет чаем

— и как стеклышко! Моя сестра Алиса лопает такие вещи, от которых я бы просто умер.

Имя отсутствующей мисс Кокер снова погрузило всех в молчание, но ненадолго.

— Я говорила про старичка? — проверила Флик. — Так вот, он невысокого мнения о вашем Слинсби. Всего не упомнишь, но одно меня поразило — всю эту целлюлозу продают по очень низким ценам каким-то Хиггинсу и Беннету.

— Ну и что? — сказал Билл.

— Разве не странно? По очень низким ценам.

— Вы не понимаете! Он как раз говорил мне, особенности…

— Ерунда! Он мухлюет, и вы это чувствуете. Вот вам еще: одна фирма предлагала приличную цену, и как в воду канула. Значит, он отказал. А? Что?

— Да, странно.

— То-то и оно. *Очень* странно. В общем, буду следить. Ладно, мне пора, а то уволят в первый день. Генри говорит, перерыв — сорок пять минут, не больше.

Пока они шли к конторе, Билл думал.

— А тут не опасно? — спросил он. — Еще встретите кого-нибудь.

— Ну что вы! Дядя Джордж не бывает в Сити.

— Да? Это хорошо.

Они остановились перед зданием, на третьем этаже которого располагалось лондонское отделение. Именно в эту минуту на улицу вышел молодой человек в клетчатом костюме, с близко посаженными глазками и намеком на усы.

— Pardon, pardon, — сказал он, едва не врезавшись в Фелисию.

Она милостиво улыбнулась.

— До свидания, — сказала она Биллу. — До свидания, мистер Кокер.

— До свидания, — сказал Джадсон. — Вечером зайдете?

— Конечно.

Она вошла в дом и поднялась по лестнице. Клетчатый незнакомец, завязывающий шнурок на ботинке, выпрямился и осторожно, словно барс, последовал за ней.

Первый этаж. Второй. Третий… Девушка вошла в ту самую дверь, откуда недавно вышел сам Пилбем. Оставалось подождать. Пилбем сел на ступеньку.

Когда прошло довольно много времени, а ее все не было, он побежал вниз. В дверях он остановился, нацарапал записку, дал вместе с шиллингом мальчику. И пристроился неподалеку, чтобы

поджидать сэра Джорджа.

2

Однако Перси Пилбем совершил тактическую ошибку. Да, Флик его не узнала, но позже, на лестнице, подсознание (как ему, к счастью, и свойственно, работавшее на свой страх и риск) забило тревогу. Смутно, туманно, ощупью она поняла, что где-то встречалась с клетчатым костюмом. Где же? Когда?

На втором этаже включилась память. А, вот где! У Родерика, в тот злосчастный день, с которого все началось. Как бишь его? Пилбем? Да, да, Пилбем. Работает в этой газете. Опять же к счастью, озарение явилось внезапно, словно Флик чем-то стукнули, и у нее дернулась голова. Так и вышло, что краем глаза она успела заметить Пилбема прежде, чем он метнулся в тень.

Одно из самых мерзких ощущений в этом мире — ощущение, что тебя преследуют. Флик охватила паника, но она взяла себя в руки и пошла дальше. Опасность обостряет ум; она поняла, что делать. Бесценное подсознание подсказало ей, что в кабинете есть еще одна дверь. Теперь все зависело от того, куда она ведет. Если это стенной шкаф, делать нечего. Но надежда нашептывала,

что у людей с подбитым глазом, которые платят низкую цену, когда им предлагают приличную, обычно есть запасный выход.

В конторе грохотал злобный голос, предупреждая, что там парит смятение. Действительно, Слинсби бушевал, обрушив гнев на юного Генри.

Винить его мы не будем. Встреча с прекрасной Лилией достаточно расстроила его, завтрак — немного успокоил, но тут, откуда ни возьмись, явился Пилбем. Выдержишь ли тут свист рассыльных? Нет, не выдержишь. Вот почему мечтательный Генри, едва досвистев до середины самый новый шлягер, ощутил, что на него скачет кавалерийский эскадрон; и узнал о себе то, чего ему не сказали даже вполне откровенные товарищи праздных часов. У мистера Слинсби, особенно во гневе, словарь был значительно больше.

Инстинкт самосохранения поистине правит нами. За эти часы Флик привязалась к мистеру Смиту (он был из Смитов лондонских) и при других обстоятельствах бросилась бы его защищать. Сейчас она просто отметила, что хозяин не у себя, и ринулась в святилище.

Дверь там была. Флик открыла ее и с облегчением увидела, что за ней — не шкаф, но площадка, а уж за нею — черная лестница. Спустившись в

темный дворик, забитый кадками и ящиками, беглянка пробралась на улицу и кинулась бежать, оставив навеки бумажно-целлюлозную компанию.

Примерно через полчаса перед домом остановился кэб, а из него выскочил владелец «Мамонта». Пилбем кинулся к нему, ликуя и прыгая, как верный пес.

— Где она? — спросил немногословный издатель.

— Там, — отвечал еще более немногословный газетчик.

— Вы не ошиблись?

— Нет.

— Что ей тут делать, идиотке? — пробормотал сэр Джордж уже перед дверью.

Пилбем, терзавшийся той же загадкой, от рассуждений удержался. Они вошли в контору. Кроткий, очищенный страданием Генри отнес в святилище карточку высокого гостя. Мистер Слинсби, внешне спокойный, внимательно ее изучил.

— Кто это? — осведомился он.

— Мзна, сэр.

— Что ему нужно?

— Мзна, сэр.

— Веди его, трам-та-ра-рам, — завершил беседу хозяин. Мы видели Уилфреда Слинсби в беде, но за то недолгое время, которое прошло с нашей встречи, на него обрушился еще один удар. Ко всем этим Лилиям, Пилбемам и свищущим Генри прибавилась исчезнувшая стенографистка. Обычно сочувствуют тем, кто оделся для бала, а идти некуда, однако не лучше и тем, кто собирался диктовать, а диктовать некому. Так стоит ли удивляться, что лондонский представитель впал в глубокую скорбь?

Исчезновение стенографистки (как назвал бы он все это, если бы писал детективы) отличалось какой-то тошнотворной загадочностью. Он видел собственными глазами, что она появилась в конторе — и что же? Мало того — когда нервные центры дошли до ручки, в кабинет вместе с гостем вплыл мерзкий Пилбем.

Всякий, кто варил яйца, знает одну занятную штуку: вода, которая просто плевалась и буйствовала, достигнув точки кипения, внезапно утихает. Случилось это и с мистером Слинсби. Да, он зыркнул на гостей неподбитым глазом, но не вскочил и не укусил их. Да, он сжал тяжелую чернильницу, но тут же и отпустил.

— Сэр Джордж Пайк, издательство «Мамонт», —

сказал Пилбем. — Мистер Слинсби.

— Это вы издаете «Светские сплетни»? — мрачно спросил хозяин.

— Среди множества других газет, — отвечал гость.

Мистер Слинсби сжал и отпустил чернильницу. Пилбем перешел к делу. Со старичком он уже поговорил.

— Нам удалось узнать, — начал он, — что у вас служит дочь нашего старого друга. Она ушла из дома.

— Амнезия, — вставил сэр Джордж.

— Именно, — поддержал Пилбем.

— Вот как? — зловеще и спокойно осведомился мистер Слинсби.

Сэр Джордж не собирался вести пустые разговоры. Он знал, откуда синяк, и хозяином гнушался.

— Я ее забираю, — сообщил он.

— Вот как?

— Бедная девочка нуждается в присмотре.

— Ах вот как?

— Буду очень обязан, — властно вымолвил гость, — если вы ее вызовете.

Слинсби, чей разум во время беседы работал холодно и скоро, дождался своего часа. Кое-что — немного, но кое-что — урвать у судьбы он мог.

— Как же, как же! — сказал он. — Только ее нету.

— Она сюда вошла.

— Вошла — и ушла. Голова заболела.

— Она не выходила! — вскричал приметливый Пилбем.

— Докажите! — вскричал сэр Джордж.

— Прошу, — сказал хозяин. — Вот ключи от сейфа. Вот мой стол, ящики не заперты. Корзинка. — Тут его осенило: — Видите ли, она воспользовалась той дверью. Ушла домой…

— Адрес знаете?

— Как же, как же! Эрлсфилд, Райский тупик, 7.

Место это он выбрал неслучайно: недавно там кого-то убили. А вдруг, войдя во вкус, обитатели займутся его гостями? И вообще, места гнусные.

— Благодарю, — сказал сэр Джордж.

— Не за что, не за что.

— Мерси, — сказал Пилбем.

— Ну что вы, какой пустяк!

Когда дверь закрылась, измученное лицо озарила слабая улыбка.

Глава X. Охота в полном разгаре

Все кому не лень, особенно — поэты, сетовали на равнодушие природы к человеческим бедам. Если бы у нее было хоть какое-то сердце, следующий день выдался бы мрачным и дождливым. Но нет; такого сияния Лондон не видел с прошлого лета. Тилбери-стрит, чьи обитатели по-прежнему рьяно варили капусту, плавала в солнечном свете, и настолько, что лошади понурили голову, а сильные мужчины, вывалив язык, считали минуты, чтобы успеть в пивную. Мостовую перед «Мамонтом» устилали золотые пластины, воробьи радостно чирикали — словом, природа не страдала.

В отличие от нее, как мы заметили выше, люди страдали, и первый из них — Перси Пилбем. Дожидаясь перерыва, он томился и маялся. Нет слов печальней, чем «почти, почти»; и мысли об упущенной удаче терзали его, словно ястребы.

Начальники наполеоновского типа плохи тем, что от подчиненных им нужен успех и только успех. Чуть-чуть у них не считается. Пилбем понимал, что сэр Джордж ценил бы его больше, если бы истории с Флик вообще не было. Хозяин

ругал его теперь буквально за все.

Когда, просадив уйму денег на такси, они добрались до места, оказалось, что под номером 7 расположена достаточно вонючая лавка, где продают птиц и рептилий. Не очень чистый, но веселый старик с седыми бакенбардами, в черной шапочке, на вопросы ответить не смог, зато непрестанно предлагал что-нибудь купить. Сэру Джорджу показалось, что он крутит. Решили подождать. Воспоминание об этих часах глубоко уязвило душу Пилбема, особенно те минуты, когда он обнаружил, что у него на коленях прикорнула зеленая змея.

Догадавшись одновременно, что низкий Слинсби просто обманул их, они уехали, хотя старик еще предлагал им купить попугая. Пробираясь среди местных убийц, они видели, что он стоит посреди улицы, с попугаем на плече, и вдохновенно снижает цену.

Пилбем горько вздохнул — в редакции он сидел один, Родерик простудился — и принялся было за статью «Злачные места в Вест-энде», когда вошел мальчик-рассыльный.

— К вам пришли, сэр, — сообщил он, протягивая карточку.

Пилбем ее взял. Страдания пришибли его, ли-

шили обычной живости, и он едва не сказал, что его нету, как вдруг его взгляд упал на слова:

Джадсон Кокер

Что-то шевельнулось в его душе. Кокер? Он где-то слышал такую фамилию. Кокер… Да, знакомо. Почему?

И тут у него перехватило дыхание. «До свидания, мистер Кокер»! Именно это сказала мерзкая девица тогда, перед домом. Да, да, да. Потом он спросил, зайдет ли она вечером, и она ответила: «Конечно». Значит, она запросто заходит к этому Кокеру.

— Какой он? — вскричал несчастный Пилбем. Мальчик растерялся. Редакторы «Светских сплетен» обычно не просили описывать посетителей.

— Ну, такой дядя, — туманно ответил он.

Пилбем решил не тратить времени попусту. Он не смел надеяться на чудо — но, теребя свои усики, все же надеялся. Дверь открылась. Сердце у него чуть не выскочило. Надежда сбылась. Выпал единственный шанс из миллиона. Именно этого типа видел он тогда с Флик.

— Заходите! — восторженно крикнул он. — Садитесь!

— Спасибо, — сказал Джадсон, немного сму-

щенный, но и подбодренный его пылом.

В редакцию его привела вчерашняя беседа с Фелисией. Преследование она описывала подробно и вдохновенно, но ему запало в душу, что в этих «Сплетнях» служит не только Родерик. Он плохо разбирался в газетном деле и думал, что ошибку может исправить один лишь редактор — а можно ли ждать правды от человека, который дал Биллу по голове? Если у него есть помощник, все еще не так плохо.

Конечно, он понимал, какая тут нужна осторожность. Кто-кто, а этот субъект не должен знать, что они с Флик знакомы. Подумать смешно, что бы он дал, чтобы узнать адрес человека, к которому она заходит каждый день!

— Что у вас? — спросил Пилбем.

— Понимаете, — начал Джадсон, — недельки две назад…

Пилбем взглянул на часы.

— Однако! — заметил он — Вы не голодны?

— Вообще-то поел бы, — отвечал Джадсон, дрожа с головы до ног от внезапной надежды. О такой удаче он и не мечтал.

— Перекусим, а? Вижу, у вас интересное дельце. Обсудим за столиком.

— Хорошо! — пылко согласился Джадсон. —

Обсудим!

— Если не ошибаюсь, вы из Америки?

— Да.

— Тогда пойдемте в «Чеширский сыр». Там побывать надо. Вы, часом, не трезвенник?

— Нет! — вскричал Джадсон — О, нет!

— Понимаете, там есть такой портвейн…

— Портвейн… — прошептал Джадсон.

— Заметьте, светлый.

Джадсон прикрыл глаза в молитвенном экстазе.

— Идемте, — почтительно и тихо проговорил он. Исторический кабачок очень ему понравился. Кресло доктора Джонсона оставило его равнодушным, а вот прославленный пирог с почками он съел с большим восторгом. Омытый пивом, пирог всколыхнул все лучшее в нем; и, когда явился портвейн, он искренне считал своим ближайшим другом несколько расплывчатое существо по ту сторону столика.

Кроме пива и портвейна, Пилбем пленил его своим отношением к делу. Он недоумевал, он возмущался, он надеялся, что такой умный человек понимает, как сложно делать газету («Конечно, конечно»). Ошибки так и лезут, так и лезут («Вот именно!»). Дадим в следующем номере.

— Спасибо вам большое, — сказал Джадсон.

— Не за что, — сказал Пилбем.

— Ну что вы! Спасибо.

— Пустяки!

— Спасибо!

— Незачтонезачтонезачто.

— Спа-си-бо! — упорствовал Джадсон, допив портвейн и преданно глядя на лучшего из смертных.

— Сам напишу, — сказал тот. — И пошлю вам гранки, все проверите.

— Э?

— Проверите.

Джадсон широко повел рукой.

— Не надо! Я полагаюсь на вас.

— А все-таки… Куда вам послать? Где вы живете?

— Баттерси, «Мармонт», квартира семь.

— Прекрасно! А теперь, — прибавил смягченный Пилбем, — расскажите мне про ваш клуб. Это же надо придумать! Вы просто гений.

В самом начале третьего, окрыленный успехом, Пилбем попрощался с Джадсоном и поспешил к себе на работу. Лимузин у тротуара говорил о том, что хозяин вернулся, и триумфатор побежал к нему на четвертый этаж.

— Да? — сказал сэр Джордж.

Сказал он это холодно, сухо, но Пилбем другого и не ждал. Ничего, думал он, сейчас лед растает.

— У меня хорошие новости, — сообщил он. — Я узнал, где можно застать мисс… э…

Он замолчал, пытаясь вспомнить фамилию, которую забыл и хозяин. Однако тот, после неловкой паузы, решился на откровенность.

— Видимо, лучше сказать вам правду, — молвил он. — Вы понимаете, строго между нами…

— Еще бы, еще бы!

— Это моя племянница.

— Быть не может!

— Племянница, — мрачно и весомо повторил сэр Джордж.

— Тем больше я радуюсь, — сказал Пилбем, — что я ее нашел.

— Нашли?!

— Узнал, где она бывает.

Рассказывал он сжато и умело, как человек, привыкший втискивать в полторы колонки весь смрад большого города. Хозяин слушал не дыша.

— Пилбем, — сказал он, все выслушав, — я знал, что вы не подведете.

— Спасибо, сэр Джордж, спасибо.

— Видно, я хорошо тренирую своих сотруд-

ников. Вы умный человек, да, умный. Отнесите кассиру эту записочку.

— Сейчас! Спасибо!

Сэр Джордж встал.

— Что ж, поеду туда, в этот доходный дом. Повидаю вашего Кокера.

— Вряд ли он там, — подсказал Пилбем. — Он собирался вздремнуть в парке.

— Ничего, подожду. А уж потом, — прибавил сэр Джордж, — он у меня не отвертится.

Когда сэр Джордж прибыл в эпицентр своих бедствий, он увидел, что у дома стоит большой автомобиль, а рядом, поставив ногу на подножку, курит какой-то вполне сносный молодой человек. Тот на него посмотрел, гадая, где ж они встречались. Вроде бы незнакомы, думал он, а что-то такое было, неприятное.

Сэр Джордж взглянул на самый дом. Шофер заверял, что это «Мармонт» и есть, но вывески он найти не мог и решил проверить.

— Вы не скажете, — спросил он, — где доходный дом «Мармонт»?

— Вот тут, — приветливо ответил молодой человек.

— Спасибо.

— Не за что. Какая погода, а?

— Великолепная, — признал сэр Джордж и вошел в дом. Молодой же человек, явно кого-то поджидавший, вдруг улыбнулся, а там — помахал рукой. Посреди улицы быстро шла девушка в бесформенной котиковой шубке.

Шофер сэра Джорджа, важно сидевший у руля, одобрительно ее оглядел. Даже шубка не скрыла от него, что незнакомка исключительно хороша собой.

— Вот и я, — сказала Флик. — Как вам мое манто?

— Шик! — сказал Билл.

— Не совсем. Заняла у хозяйки, а то замерзну.

Она влезла в машину и уютно там угнездилась. Мысль о том, что надо бы нанять машину и покатать бедную Флик, пришла Биллу в голову, когда они сидели в кафе, в безопасной зоне. Оба они заметили, как разгулялась погода, и решили, что грех этим не воспользоваться.

У Билла к тому же чесались руки, еще не отвыкшие от руля.

— Куда поедем? — спросил он.

— Может, в Хиндхед?

— Ладно. Дорогу знаете?

— Или вниз по реке.

— Что ж, выбирайте.

Однако в тот день им не довелось увидеть ни величавые высоты Хиндхеда, ни серебристую ленту Темзы. Флик еще думала, когда решение просто вырвали у нее из рук. Билл, откинувшийся на спинку сиденья, услышал крик, а потом и увидел, что спутница его смотрит куда-то совершенно круглыми глазами. Он обернулся и обнаружил давешнего джентльмена.

— Скорей! — выдохнула Флик. — Ой, скорее!

Билл не отличался особым умом, но сообразил, что спрашивать некогда, и рванул с места. Давешний джентльмен взвыл и кинулся за ними.

Появление сэра Джорджа объясняется тем, что он устал звонить в седьмую квартиру. Догадавшись, что в ней никого нет, он решил ждать в лимузине. Тут он и увидел Флик; и (как Пилбем вчера у конторы) решил, что Провидение печется о праведнике. Приятно ли понять после этого, что племянницу увезли?

С горя он потерял голову. Он орал, он скакал по мостовой, все втуне. Только тогда, когда ярдах в пятидесяти машина свернула к западу, ему пришло в голову, что гнаться удобней на колесах.

— Эй! — крикнул он шоферу, размахивая руками, словно семафор. — Эй! Бриггз! Сюда, идиот!

Шофер бесстрастно и важно подъехал к разъ-

яренному Шефу. Тот прыгнул на сиденье, обеими руками указывая в сторону Альберт-роуд и крича при этом:

— Там! Там!

Шофер отчужденно кивнул. Да, надо ехать за той машиной, но зачем беспокоиться? Огастес Бриггз, слава богу, выше таких эмоций.

— Это был дядя Джордж, — сказала Флик. Билл обернулся через плечо и заметил:

— Это и сейчас он.

После чего нажал на акселератор.

Глава XI. Конец охоты

1

Если уж кто-то от кого-то бежит, инстинкт ведет его все дальше. Тем самым Билл не сразу избавился от желания быть где-нибудь еще, и как можно скорее, но все же минут через десять или четверть часа проверил ситуацию разумом. Что же до этого, первого периода он думал только о том, как стряхнуть погоню, нажимая большой ступней на акселератор и отмахиваясь от критики полицейских.

Он спешил, он мчался вперед и думал, а верней — ощущал только одно: как удачно, что он взял напрокат хорошую машину. Просто как будто предвидел, когда отказывался от всяких развалин и рыдванов! Наметанным глазом он опознал стоящую вещь и оказался прав. Мягко, почти без усилий машина пожирала асфальт.

Перемахнув набережную Челси, он пронесся по Окли-стрит и свернул налево, на Фулем-роуд. Сам того не зная, он ехал тем самым путем, каким ехали они с Джадсоном, преследуя Родерика. На Патни Хай-стрит им удалось вырваться вперед,

поскольку лимузину перегородила путь подвода с пивом. Сэр Джордж явственно вскипел, шофер Огастес принял удар спокойно, тогда как Билл, удачно подражая приемам затравленного зайца, свернул по Леси-роуд на Чарлвуд-роуд, потом — на Фелшелл-роуд и так, вернувшись на свои следы, снова пересек мост Патни и понесся на Фулем Пэлейс-роуд, чтобы вынырнуть в Хаммерсмите, на оживленной Кинг-стрит. Маневр этот мог решить дело, но Огастес Бриггз, при всей своей невозмутимости, был далеко не прост. Взглянув через плечо, Билл увидел, что лимузин следует за ними.

Именно тогда и стал он проверять ситуацию.

— А что это, собственно, такое? — спросил он.

— Это дядя Джордж.

— Знаю. Почему мы бежим?

— Потому что я не хочу, чтобы он нас поймал.

— А что?

Флик онемела, Билл заполнил перерыв в беседе тем, что, обогнув омнибус, резко свернул на Аддисон-роуд.

— То есть как? — спросила наконец его удивленная пассажирка.

— Ну поймает, — объяснил водитель, ловко избегая убийства поворотом руля. — Что он вам

сделает?

Его гордый дух уже раздражало, что приходится удирать от коротышки с двойным подбородком, который ему, как говорится, на один палец. Начнись смертный бой, и он их уложит за две минуты, и этого дядю, и шофера. По удачному слову Айзека Пули, он их размажет по мостовой. Но нет, он бежит от них, как грешник из псалма, он дает им гонять себя по всему городу. Гордость Вестов не могла этого стерпеть.

— Что он сделает? — повторил Билл. — Силком домой не потащит!

— Да, да, — сказала Флик. — Я просто не хочу его видеть.

— Почему? — настаивал Билл, только что избежавший возможности уменьшить на одну персону несовершеннолетнее население Ледброк-гроув.

— Не знаете вы дядю Джорджа, — покачала Флик головой. — Он такой настырный. Так и давит, так и давит.

— Ну прям! — возразил Бидл.

— Нет, правда. Уставится, прикажет — и все выполняют. Когда он смотрит на меня, я себя чувствую кроликом перед удавом.

— То есть как?

— Ну как будто он меня загипнотизировал. Если бы я тогда не заперла дверь и он бы вошел и посмотрел, я бы сразу слиняла и пошла к ним, обедать. Так и теперь. Поймает — я вернусь с ним домой.

— Чепуха какая! Да не трусьте вы!

— Что поделаешь! Так уж оно есть.

Билл, в сущности, был прост душой, но достаточно долго жил в этом мире, а потому знал, что женские причуды надо почитать, какими бы дикими ни были они со здравой, мужской точки зрения. Смутно, приблизительно он Флик понимал — когда-то его вот так же завораживал Риджвей. У этого достойного слуги были свои взгляды на шляпы и галстуки, дававшие ему силы преодолеть вкусы человека, у которого он служил. О людях не спорят, если кто могуч, тот могуч, надо это принимать. Если Флик сжимается от одной мысли о встрече с дядей Джорджем, значит, надо бежать от него до последней капли бензина.

Он крутанул руль, они полетели к востоку, и погоня обрела странное сходство со сном, устранявшее самую возможность связных размышлений. Билл понятия не имел, куда они едут; он заблудился в Лондоне, как героиня мелодрамы,

и просто нырял в любую улицу, если та маломальски для этого подходила. Лимузин следовал за ним. Уйти от него в потоке машин никак не удавалось, Билл уповал на сельскую местность. Внезапно домов стало меньше, и он с удивлением понял, что этот чертов город и впрямь кончается. Петлял он так, что каким-то образом оказался на Хертфордширской дороге.

— Ну, — сказал он сквозь зубы, — теперь мы им покажем!

Машину он взял напрокат, но за время погони полюбил ее как родную. Она и впрямь была хороша, а показать себя могла именно на широком шоссе. Настоящей, вдохновенной машине как-то претят рельсы и всякий транспорт. Ей нужен простор. Она его обрела и радостно взревела всем своим мотором. Стрелка указывала сорок, потом — сорок пять.

— Что, съели? — крикнул Билл через плечо. — Ну-ка, посмейтесь!

Огастес Бриггз словно бы услышал эти слова. Смеяться он не стал, гильдейские правила допускают разве что легкую усмешку, и все же на мгновение уголок его рта сдвинулся. Самую мысль о том, что какая-то поганая машинка бросает вызов «Браун-Виндзору», он встретил почти

веселым презрением и так рванул вперед, что курица, собравшаяся неспешно перейти дорогу, спасла свою жизнь лишь безумным прыжком в последнюю долю секунды.

Так пролетели они Нью Барнет, Хедли Вуд, Поттерс Бар и Сент Миммз, а у самого Хатфилда долгая, долгая охота внезапно окончилась.

Билл замечал, что она уже не та, что охотник приналег, и довел стрелку до пятидесяти. Острое чувство возможного поражения несколько охладило его. Что-то подсказывало ему, что лимузин идет именно на той скорости, которая уже опасна. Однако он не сдавался, пытаясь выжать из своей машины то, на что она не рассчитана, когда опасения его оправдались.

Машина завертелась на шоссе так, что он едва не выпустил руль. Когда ему удалось с ней справиться, раздался звук, известивший его о том, что, как это ни ужасно, в самый разгар охоты он выведен из строя лопнувшей покрышкой.

Случилось это почти напротив невысоких ворот, за которыми виднелся опрятный невысокий домик, отделенный от дороги живой изгородью и садиком. Билл оглянулся и увидел, что ярдах в двухстах лимузин несется вперед, словно галеон под ветром. Он схватил спутницу за руку. Пришло

время быстрых действий.

— Сюда! — крикнул он, и, выпрыгнув из машины, они кинулись в ворота.

Садик, в который они попали, был одной из тех нарядных и опрятных заводей, где каждый листик и лепесток говорит о нежной любви его владельца. Аккуратные палочки поддерживали невысокие растеньица. Аккуратные дорожки петляли меж аккуратных клумб. Если беззаботная улитка забредет в такое место, она покраснеет и попятится, признав, что оно — святое. На Билла и Флик оно должно было воздействовать точно так же.

Но Билл и Флик спешили, а когда спешишь, забываешь свое лучшее «я». Петлять по лабиринту дорожек они не стали. Схватив Флик за руку, Билл побежал наискосок, к кустам, сулившим временное пристанище.

В окне первого этажа виднелось лицо, посиневшее от чистой злобы. Они слышали, как чьи-то руки колотят о стекло и чей-то жуткий крик, напоминающий о страждущем бесе, летит за ними.

Однако не остановились, чтобы объясниться или извиниться, но, прыгая через клумбы, добежали до кустов. Там они передохнули; а вскоре — и заметили, что в ворота, словно снаряд, во-

рвался сэр Джордж.

2

Сэр Джордж торжествовал; ему казалось, что неприятный случай — это кара, настигнувшая злодеев. Чувства эти так раззадорили его, что, вновь обретя неодолимую стремительность, он не стал дожидаться, пока его довезут до места, но забарабанил по стеклу, а там — и выскочил примерно в двадцати ярдах от ворот. Долгое безделье тела сказалось на нервах. Во всю прыть, какая возможна, когда у вас короткие ноги, он понесся вперед.

Пробежав по следам, а значит — по клумбам, с полдороги он услышал столь пронзительный крик, что мгновенно остановился:

— Стой! Эй, вы! Какого черта вы тут скачете?..

Крупный краснолицый субъект в штанах для гольфа размахивал руками на крыльце.

— ...! ...! ...! — прибавил субъект для верности.

Сэр Джордж был настолько поглощен своим делом, что слова, при всем их блеске, вряд ли задержали бы его. Субъект употребил два прилагательных и один глагол, которых он в жизни не слышал, но лингвистическая любознательность не остановила бы погони. Остановило ее

то, что из-за кустов появился другой субъект, уже в вельветовых штанах, а главное — с вилами и (словно этого мало) с жилистой беспородной собакой, которая, быстро протрусив к нему, строго и тихо обнюхала его ноги. Сэр Джордж на нее посмотрел, и она на него посмотрела, вращая красным глазом. Видимо, даже в спокойном состоянии она не поражала красотой, теперь же ее значительно портило то, что из-под верхней губы торчали большие зубы. Словом, как ни спешил сэр Джордж, он решил задержаться.

Тем временем подошел и человек в гольфах.

— …! …! — начал он, обогащая словарь газетного магната еще одним существительным.

Хотя владелец опрятного домика мог напоминать отставного полковника, служившего прежде в Индии, на самом деле он занимался весьма мирным делом. То был не кто иной, как Монтегю Грейсон, известный автор светлых, солнечных книг. Увидев его сейчас, читатели испытали бы немалый шок, но, взвесив факты, признали бы, что гнев его праведен.

Посудите сами: часа три Монтегю Грейсон писал как не знаю кто, стремясь к тому чтобы решающая сцена была и занятной, и трогательной. Когда, взглянув в окно, он увидел Флик и Билла на

дорогих сердцу клумбах, вся ненависть к герою и героине перекинулась на них. Он думал, что это предел, но вышел, заметил сэра Джорджа и понял, что чувства к первой паре — лишь бледная тень того, что можно испытывать к образу Божьему. Будь он Данте, он немедленно начал бы новую главу, чтобы поместить мерзавца в самый страшный круг ада; а так — выскочил в садик, кипя и пыхтя.

— …сэр! Да, да, …сэр! — взревел он, нависая над сэром Джорджем, словно грозовая туча (прибавим, кстати, что утром ему не удалась партия в гольф). — Что вы тут делаете?

Сэр Джордж выпрямился со всем возможным достоинством, не забывая о том, что собака только и ждет хозяйского слова, чтобы дать волю дурным страстям.

— Моя племянница… — начал он.

— Врывается в сад, топчет… клумбы!..

— Простите, моя племянница…

— Вот разорвать бы вас, хр-р-р, да под розы!..

Субъект с вилами закивал, явно одобряя замысел, который принес бы пользу цветочкам. Собака задышала, как хороший астматик.

— Разрешите объяснить…

— А что объяснять? Нет, что объяснять? Безоб-

разие какое!

— Я…

— Вы посмотрите на клумбы! Вон, вон ваши копыта!

— Племянница…

Беглецы услышали из кустов только реплики хозяина, но этого хватило, чтобы побежать дальше со всей возможной скоростью. Уважение к чужой собственности глубоко сидит почти во всех нас, и они осознали всю тяжесть своего злодеяния. Ступив на чужую клумбу, мгновенно становишься ребенком. Билл и Флик ощутили, что им лет по десять. Именно за такие дела, чувствовали они, оставляют без варенья; и это чувство сменилось радостью лишь тогда, когда перед ними открылся луг, усеянный овцами. Что ж, при всей своей порочности действия их помогли спастись. Беседа между хозяином и сэром Джорджем явно обещала затянуться.

— Осторожно! — крикнула Флик, падая на траву. Билл тоже упал, да так, словно его подкосили.

— Что такое? — сварливо спросил он, поскольку нервы у него все-таки сдали.

Флик показала пальцем на силуэт лимузина, рядом с которым на бледном небе четко вырисовывался профиль шофера, спокойного тем

спокойствием, какое возможно, если ты умеешь выключить разум. Только дым от сигареты показывал, что он — живой.

Билл вгляделся в шофера. Он думал. В нем медленно зрел великолепный план. Судьба ему подыграла — рядом появился небольшой мальчик.

— Привет, — сказал ему Билл, ободряя улыбкой.

— Привет, — ответил мальчик с должной осторожностью. Его остренькое личико свидетельствовало о том, что заботы мира сего его гнетут. Вероятно, он терзался печалью о Вселенной.

— Полкроны заработать хочешь?

— А гдей-то?

— Вот.

— Хочу.

— Машину видишь?

— Вижу.

— Дам полкроны, если будешь швырять в нее камнями.

— Камнями?

— Да.

— Эт, значит, камнями?

— Да.

— Эт в машину?

— Да.

— А мне, значит, полкроны?

— Да, да, да.

Только что казалось, что измученный мальчик не может улыбнуться, но сейчас его лицо как бы треснуло по горизонтали. Окаменев на мгновение оттого, что ему заплатят кучу денег за такое приятное дело, он быстро пришел в себя, взял монету, попробовал на зуб, положил в рот — и удалился. Пока он неспешно шел через луг, царили мир и тишина. Овцы щипали траву, птицы щебетали, шофер курил.

3

Потом начались события.

Шофер стоял так спокойно не потому, что выключил разум, а потому, что наслаждался долгожданным отдыхом. Думать он как раз думал, вспоминая совет дворецкого насчет завтрашних бегов. Этот знающий человек рекомендовал ставить на Мыльного и, чем больше шофер размышлял, тем больше убеждался, что завтра, в это самое время, он будет богаче на десять шиллингов.

Раздумья его смягчили. Приближающийся мальчик не вызвал в нем особого раздражения.

Вообще-то он их не любил, но сейчас — ничего, терпел как-то. Снисходительно поглядев на него, он снова предался мыслям. Значит, ставим два шиллинга…

Что-то просвистело над дорогой и ударилось о капот. Оторопев на мгновение, шофер увидел, что это большой камень. Тут же над изгородью появилась ухмыляющаяся морда.

— А, чтоб тебя! — вскипел Огастес Бриггз. Тем временем в капот ударился второй камень.

Шофер наш не отличался тонкостью чувств. Кто-кто, а он мог бы сказать: «Цветочек нежный у ручья — простой цветочек для меня, и больше ничего». Но машину он любил пылкой, чистой любовью. Прикосновение камня к сверкающей глади принесло ему такую боль, какой он не испытал бы, попади злодей в него. Коротко и страшно вскрикнув, он кинулся к изгороди.

Однако прорваться сквозь нее он не смог. Сквозь такие изгороди удачно шныряют мальчики, но не шоферы в форме. Пришлось ограничиться словами. Пока он сообщал мерзавцу, что бы он с ним сделал (конечно, не все, сразу всего не вспомнишь), беглецы вылезли из укрытия. Когда шофер обернулся на знакомый звук, машина уже трогалась с места. Когда он подбежал к шоссе, она,

ведомая беззаконной рукой, уже исчезла вдали.

4

Мы рады сообщить вам, что, вернувшись в столицу, Билл первым делом отвел машину на Манчестер-сквер, к сэру Джорджу, и оставил у дверей. Дорогу показывала Флик. Потом он кликнул кэб и повез свою даму в ресторан. Ему хотелось подкрепиться после таких треволнений, и оба понимали, что положение надо спокойно, неспешно обсудить.

— Понять не могу, — сказал он, когда лакей отошел от столика, который, заметим, стоял в тихом уголке, — как ваш дядя узнал, где вы! Ведь он за вами явился?

— Да, конечно. Зачем ему ехать в Баттерси?

— В общем, он знает, что вы где-то там. Что будем делать?

Флик чертила вилкой на скатерти небольшие узоры. Она жила тихо, бывала только в таких общепризнанных пристанищах маммоны, как Риц, Кларидж или Карлтон, и здесь ее все удивляло. Она гадала, занятны или вульгарны лица за соседними столиками, когда Билл спросил снова:

— Что будем делать?

— Вот и я думаю, — сказала Флик, но как-то

рассеянно, она устала. — А как называется этот ресторан?

— «Марио».

— Почему вы его выбрали?

— Вряд ли сюда заходит ваш дядя Джордж. Меня водил сюда Слинсби. А что? Вам тут не нравится?

— Мне… Ой!

Флик смотрела на дверь, и Билл с удивлением увидел, что румянец, возвратившийся под воздействием еды и питья, мгновенно исчез. Глаза так округлились, что Билл на секунду подумал, не выскочил ли чудом ее злосчастный дядя. Он повернулся и понял, что этого все-таки нет. Кто-то вошел, кто-то продвигался между столиками, но не король прессы, а молодой человек в клетчатом костюме, с противными усиками, а так — вроде бы безобидный. Вопросительно взглянув на Флик, Билл заметил, что она еще не порозовела.

— Вы видели? — прошептала она.

— Кого? Этого типа в клеточку?

Флик кивнула.

— Это Пилбем!

Билл, взявшийся снова за нож и вилку, положил их. Да, понял он, за ними следят. Конечно, к Марио могут зайти все, кто только живет в Лондоне, но Билла, которого его хозяин прогнал

по сотне дорог, человек разозлил ровно так же, как разозлил упомянутый хозяин автора светлых книг.

Итак, за ними следят. Билл резко отодвинул кресло: встал, выпятив челюсть.

— Куда вы? — спросила Флик.

Но сразу поняла это. Билл продвигался к столику, за который только что усадили новоприбывшего. Подойдя, он тяжко оперся о скатерть и пронзил издателя «Светских сплетен» невыносимым взглядом. Перси Пилбем давно не видел таких крупных и одновременно недружелюбных людей, а потому — вжался в кресло.

— Вы Пилбем? — спросил Билл. Пилбем глотнул и выговорил:

— Д-дэ.

Билл наклонился ниже и тихо, зловеще осведомился:

— Вы заметили, что я обедаю с мисс Шеридан?

Пилбем попытался сказать: «Дэ», но слово это застряло в горле.

— Хорошо, — признал Билл. — А вам известно, что вы сейчас сделаете?

Пилбем очень слабо улыбнулся, показывая этим, что готов принять любые предложения.

— Вы посидите тут, — проворковал мучитель,

сжимая и разжимая непозволительно большой кулак, — пока мы не кончим обедать. Тогда вы тоже тут посидите не меньше десяти минут, а лучше бы — и больше, я буду следить за дверью. Ясно?

Пилбему это было ясно.

— Так. Надеюсь, не забудете?

Пилбем обещал не забыть. Билл серьезно кивнул и вернулся к столику. Потом все тот же Пилбем медленно взял вилку и слабо тыкнул в сардину.

— Что он сказал? — спросила Флик. Билл подумал.

— Да так, ничего. А понять — понял.

— Понял?

— Что надо сидеть тихо, когда мы уйдем.

— Да не будет он! Сразу выскочит.

— Не думаю. Нет, не думаю. Может, поменяемся местами? Тогда я смогу за ним следить, хотя это не обязательно. Ну, ну! Чушь какая! Ешьте. Попробуйте эту рыбу, вроде хорошая.

Заботливо проследив за тем, чтобы она пообедала, Билл, к своему облегчению, снова увидел румянец, когда же лакей принес кофе, решил, что пришла пора обсудить ситуацию. Сперва сэр Джордж пронюхал, где она живет, теперь еще

этот Пилбем… Нет, обсудить надо.

— Давайте разберемся, что к чему, — предложил он. — Совсем уж на хвост наступают!

Флик кивнула. Метафора была ей внове, но смысл она поняла.

— Значит, так, — продолжал Билл. — Вы хотели подождать, пока ваши не сдадутся. Верно?

— Да. Но сейчас они знают, где вы живете, в любую минуту могут меня найти.

— Вот именно! Значит, там вам жить нельзя.

— Конечно.

— Есть два выхода. Можно переехать…

— Я все равно буду думать, что дядя откуда-нибудь выскочит.

— Именно это я и хотел сказать. Что вы в конце концов, загнанная лань? Так и двух дней не вынести. Лучше совсем уехать.

— Как? Куда?

— В Нью-Йорк.

— В Нью-Йорк?

— Я все обдумал. Между нами, красота, а не план! Паспорт получите за один день.

— А что мне там делать?

— Есть два выхода. Можно пойти к моему дяде Кули, в Вестберн — ну, где мы познакомились.

Флик покачала головой.

— Нет, это опасно. Он пошлет телеграмму дяде Синклеру. Они очень дружат.

— Да, правда. Берем другой вариант. Я даю вам письмо к Алисе, она вам поможет.

Если бы Билл не потянулся за спичками, он бы заметил, что Флик очень удивилась. Неужели он думает, что она обратится к этой Алисе?! Да, конечно, она ему не говорила, что, на ее взгляд, лучше бы той вообще не было — но можно в конце концов догадаться! Флик прикусила губу, голубые глаза затуманились.

— Замечательная девушка! — продолжал Билл с неуместным энтузиазмом. — Вам она понравится.

— Да? — пискнула Флик.

— Вот что, я ей сейчас напишу. — Он кликнул лакея и спросил чернила, перо, бумагу. — Мировой план!

— Какой?

— Ну, хороший. Лучше не бывает. Все устроится.

Пока он писал, Флик сжимала под скатертью руки, чувства в ней сменяли друг друга — то ей хотелось дать ему по голове, то уткнуться лицом в ладони и заплакать. Второе желание было особенно трудно побороть. Нет, как можно! Просто

выбросил из жизни, даже не сказал, что будет скучать! Да, да, он хочет помочь ей, нелогично так думать. Но женщины вообще нелогичны.

План, конечно, хороший, в Лондоне остаться нельзя. И впрямь, нельзя жить как эта загнанная лань. Денег у нее много, Нью-Йорк — далеко…

— Ну, вот! — сказал Билл.

Флик взяла письмо и положила в сумку.

— Спасибо, — сказала она. — Может, пойдем? Я что-то устала.

— Пошли. Я посажу вас в кэб, а сам погуляю тут на всякий случай. Как бы наш друг чего не выкинул.

Но друг их не выкинул ничего. Когда они проходили мимо, он ел куриную ногу, не поднимая глаз. Пилбем рисковать не любил.

Билл захлопнул дверцу кэба, сказав напоследок:

— Пока! Письмо не потеряйте.

— Нет, нет, — ответила Флик. — Пока.

Билл постоял у ресторана. Кэб свернул на Шафтсбери-авеню. Из окна помахала ручка.

Тот же кэб еще не доехал до Ковентри-стрит, когда та же ручка снова высунулась. На сей раз она держала обрывки письма. Разжавшись, она швырнула их на дорогу и скрылась.

Пароход «Гомер» стоял на стапеле, готовясь к своему плаванию. Палубы и проходы были запружены пассажирами и провожающими. Флик, опершись на перила, глядела вниз, на воду; Билл глядел вверх, на чаек. Беседа как-то разладилась, оба смущались.

— Скоро отплывете, — сказал Билл, чтобы хоть что-то сказать.

Чайки метались по синему небу, голося, как котята.

— Говорят, кораблик — высший класс, — заметил Билл.

— Да?

— Удобно будет.

— Да.

— Они тут очень стараются.

— Это хорошо.

Билл не совсем понял, обрадовал его или огорчил крик «На бе-е-рег!», который кладет конец тяжкому обряду провожания. Вроде бы все шло прекрасно, в дороге они болтали, да и здесь Флик была совсем веселая, так на тебе — нахмурилась, молчит, едва отвечает…

— Я думаю, мне пора, — сказал Билл.

— Да, наверное.

— Надеюсь, скучать тут не будете.

— Спасибо.

— Смешно, честное слово! Сколько лет в Америке не были.

— Да.

— За Бобом я присмотрю.

— Спасибо.

— Ну, я пошел.

— Да.

Чайка пронеслась так близко от его лица, что он отдернулся и нервно засмеялся.

— Сколько народу, а?

— Да.

— Друзей, наверное, провожают.

— Очень может быть.

Голосом страдающей сирены стюард призвал сойти на берег.

— Вот что, — сказал Билл, — я пойду.

— Да, идите.

— Ну, пока.

— Пока.

— Письмо не потеряете?

— Какое?

— Как это какое?! К Алисе.

— А, да!..

— Она вам так поможет!

— Да?

Они подошли к трапу. По нему, как пчелы в улей, двигались люди. Что-то было такое в этом зрелище, отчего Билл внезапно опечалился. Он взглянул на Флик. Ему стало как-то больно — все-таки, она уж очень маленькая на таком большом пароходе…

— Ах ты, господи! — воскликнул он. — Как я без вас останусь? Квартира не квартира, если вы не сидите в кресле. Будем там сидеть со старым Бобби…

Он замолчал. У Флик задергалось лицо. Она нетерпеливо вытерла глаза платочком.

— Что ж это… — начал он.

— Я… я из-за Боба. — Флик протянула руку. — Пока. — И она исчезла.

Билл постоял, глядя на скрывшую ее толпу.

— Вот это да! — пробормотал он. — Как она любит эту собаку!

И он спустился на берег, погруженный в думы.

Глава XII. К мистеру Парадену пришли

1

Если верно, что Действие придает нашей жизни особую пряность, то не менее верно и другое — временами ее полезно разбавить капелькой Бездействия. А посему после бурных — а порою и буйных — сцен, которые автор вынужден был привести, дабы сохранить целостность повествования, приятно пересечь Атлантику и немного отдохнуть в жилище ученого-анахорета. Через месяц после того, как Фелисия Шеридан отплыла в Америку, мы вновь оказываемся в доме мистера Кули Парадена на Лонг-Айленде, в мансарде, выходящей окнами на залитый солнцем сад; в той самой мансарде, где занимается приемный сын мистера Парадена Гораций. Мы входим в ту минуту, когда мистер Шерман Бастабл преподносит питомцу урок французского.

Да. Несколько недель назад мистер Бастабл решительно объявил, что не останется и за миллион; но человек, приклеенный к шляпе, не отвечает за свои слова и может отказаться от них под влиянием ножниц, теплой воды и доводов

разума. Через полчаса после того, как шляпу отделили от его волос, мистер Бастабл, поначалу не желавший слушать о миллионе, настолько остыл, что поддался на лишние пятьдесят долларов в неделю. Соответственно, мы вновь видим его на посту.

Однако нынешний Шерман Бастабл сильно отличается от себя прежнего. От восторженной приветливости не осталось и следа. Теперь это подозрительный деспот, которому мистер Параден велел не церемониться с подопечным; и вот, как было велено, он ожесточил свое сердце.

В данную минуту он как раз демонстрировал произошедшую в нем перемену. Видя, что Гораций засмотрелся на залитый солнцем сад, педагог грохнул кулаком по столу.

— Будешь слушать? — заорал он. — У тебя в одно ухо…

— Ладно, ладно, — печально отвечал Гораций. Эти вопли раздражали его все больше и больше. Вольное дитя подворотен тяжело воспринимало дисциплинарные меры; порой ему казалось, что мистер Бастабл перенял худшие черты покойного Саймона Легри[11]. Он оторвал взгляд от лужайки

---

[11] Сноски: 11

Саймон Легри — жестокий надсмотрщик из «Хижины дяди Тома» Гарриет Бичер-Стоу (1811–1896).

и широко зевнул.

— Прекрати! — заорал наставник.

— Ладно.

— Никаких «ладно»! — гремел злопамятный учитель, который при виде питомца мгновенно вспоминал клей. — Когда я к тебе обращаюсь, говори «да, сэр», четко и уважительно.

— Да, сэр, — буркнул Гораций.

Ревнитель дисциплины подметил бы недостаточную четкость и уважительность этих слов, но наставник удовольствовался буквой, или сделал вид, что удовольствовался, и снова перешел к уроку.

— Во французском языке, — произнес мистер Бастабл, — перед существительными мужского рода ставится неопределенный артикль un, например, un homme — мужчина, un oiseau — птица.

— Ща села на дерево, — заметил Гораций, плавно переходя к уроку естествознания.

Мистер Бастабл попытался испепелить его взглядом.

— Не отвлекайся! — взревел он. — И не «ща», а сейчас.

— Вот и я про что, — сказал Гораций.

— …и une — перед существительными женско-

го рода, например une dame — дама, une allumette — спичка, une histoire — история, une plume — перо. Ясно?

— Да вроде.

— Что значит «вроде»?

— Ну, — спокойно отвечал Гораций, — вроде киселя. Чего-то тебе ложат, а чего — непонятно.

Педагог вцепился в редеющие волосы и застонал. С пятьюдесятью долларами в неделю набегала внушительная сумма, но он все чаще думал, что дешево оценил свои страдания.

— «Ложат»! — в отчаянии повторил он. — Разве культурные люди так говорят?

— Не знаю, — упорствовал Гораций, — я с такими людями не говорю.

— Сэр, — машинально поправил мистер Бастабл.

— Сэр.

— И не «людями», а «людьми». — Он с тоской воззрился на ученика. Припекало, его слабые нервы начали сдавать. — Ты неисправим. Не знаю, что с тобой делать. Тебя совершенно не интересуют занятия. Я думал, ты осознаешь свое положение. Возможности, которые перед тобой открываются.

— Знаю, — устало отвечал Гораций, — надо

пользоваться случаем и выправляться, сколько могешь.

— Можешь.

— Ладно.

— Да, сэр! — Глаза мистера Бастабла зловеще блеснули.

— Да, сэр.

Педагог с размаху плюхнулся на стул, тот обиженно заскрипел.

— Ты понимаешь, что тысячи мальчиков, глядя на тебя, подыхают с зависти?

— Так культурные люди не говорят, — возразил Гораций. Ненавистные уроки, как ни странно, порой накрепко застревали в его памяти. — Вот вы и попались. Не «подыхают», а «умирают». Не «с» зависти, а «от». Вы меня поправляете, я вас. Что, съели?! (При этом вопросе наставник не впервые подумал, что Ирод Великий — его любимый исторический персонаж.) — Сами ж мне и талдычили.

Каждый учитель в душе политик. Мистер Бастабл, сознавая шаткость своих позиций, перешел в контратаку, избрав мишенью выговор своего питомца.

— Да научишься ты как следует произносить слова?! — заорал он. — Можно ли так коверкать!

Вот, — он вытащил толстую книгу. — Что толку учить французский, если ты на своем говорить не умеешь. Читай вслух. По-людски, а не… — он задумался, подбирая сравнение, — не как мальчишка для гольфа.

— А чего такого? — спросил Гораций, который водил дружбу с представителями этой почтенной профессии и сам на досуге не брезговал потаскать клюшки.

Мистер Бастабл не дал сбить себя на спор.

— Читай, — сказал он. — С девяносто девятой страницы.

Гораций открыл книгу, озаглавленную «Путеводные огни истории», том второй, «Средние века», с отвращением, которое даже не пытался скрыть.

— В ету епоху, — уныло начал он.

— Эту эпоху.

— В эту эпоху монастыри Эвропы…

— Европы.

— Я и прочел «Эвропы», — обиделся Гораций, — в эту эпоху монастыри Эвропы богатели, их церквы соперничали со сборами…

— Соборами.

— В размере и красоте убранства. Святой Бернард, или Сен-Бернар по-французски… — Он

перестал читать, впервые ощутив проблеск интереса. — У одного типа есть сенбернар. Лохматый такой, глазищи красные…

— Не отвлекайся, — рявкнул мистер Бастабл.

— …по-французски, величайший и самый яркий предт-т-дста-ви-тель средне-веко-вого монашества… Вау! — выдохнул Гораций, нежно поглаживая занывшую челюсть, — родился в 1101 году в Бурбундии.

— Бургундии.

— …Бурбундии, в благородном семействе. У его матери было шесть сыновей и дочь, которую та еще в младенчестве посвятила Богу. Третий сын, Бернард, красивый, утон-чен-ный, образованный юноша отличался высоким ростом, его белое лицо обрамляли золотистые кудри, голубые глаза лучились невиданной простотой и кротостью.

Гораций в гневе запнулся. Он плохо разбирался в святых, но вкусы свои знал. Что-то подсказывало: святой Бернард ему не понравится.

— Девчонка! — фыркнул он.

Мистер Бастабл изготовился миру явить нового Легри, когда в дверь негромко постучали.

— Простите, что прерываю, сэр, — сказал Робертс, дворецкий, почтительно замирая на пороге.

— Ничего, Бобби, я не в обиде, — великодушно заверил Гораций.

— В чем дело, Робертс?

— Профессор Эпплби к мастеру Горацию, сэр. Мистер Параден просит ненадолго отпустить его в библиотеку.

Новость вызвала всеобщее ликование. Гораций просиял, словно жители Гента[12], получившие добрую весть, да и мистер Бастабл не огорчился. Он готов был, стиснув зубы, длить занятие еще час, но двери темницы внезапно распахнулись и впереди засияла воля.

— Конечно, конечно, — сказал он.

— Я тоже не возражаю, — объявил Гораций. Он радостно выбежал из застенка, а мистер Бастабл расправил плечи, с которых упало непомерное бремя, положил ноги на стол и закурил.

2

Почтенный профессор вошел десять минут назад и нарушил привычный распорядок мистера Парадена. Тот только что слез с лестницы и прибавил еще стопу к внушительной груде на столе,

---

[12] Сноски: 12

Речь идет о поэме Р. Браунинга «Как мы доставили добрые вести из Аахена в Гент».

когда Робертс объявил посетителя.

С минуту мистер Параден чувствовал себя псом, у которого украли кость, но природная учтивость возобладала, и, когда профессор вошел, хозяин уже лучился улыбкой.

— Спасибо, что заглянули, — сказал он.

— Да вот, проезжал мимо, — сказал профессор, — и взял на себя смелость проведать нашего подопечного. Как он? Учится, конечно?

— Наверное. Присядете?

— Большое спасибо.

Профессор Эпплби блаженно опустился в кресло, утер белым платочком высокий лоб и расправил бороду. Сейчас он еще больше походил на малого пророка в хорошем настроении. Его кроткие глаза устремились на книжные полки, хищно блеснули и тут же приняли обычное благостное выражение.

— Теплый денек, — заметил профессор.

— Да, жара. Вам не душно?

— Ничуть. Я люблю запах старых книг.

Мистер Параден проникся новой симпатией к собеседнику.

— А как Гораций? — спросил профессор.

— Здоровье — лучше некуда, — отвечал мистер Параден. — А вот…

Профессор остановил его движением руки.

— Знаю, что вы сейчас скажете, знаю. У мальчика душа не лежит к занятиям.

— Есть отчасти, — признался мистер Параден. — Мистер Бастабл, его учитель, говорит, что Горация трудно заинтересовать.

— Так я и предполагал. Нет должного рвения?

— Ни малейшего.

— Придет, — сказал профессор. — Всему свое время. Спокойствие, Параден, терпение. Будем подражать полипу, который кропотливо возводит коралловый риф. Я это предвидел, когда советовал взять неиспорченное дитя народа, и по-прежнему считаю, что был прав. Насколько лучше работать с таким ребенком, пусть поначалу успехи едва заметны, с чистой доской, не исписанной чужими руками. Не тревожьтесь. Куда проще было бы усыновить мальчика из хорошей семьи, но мое мнение — и я в нем уверен! — результаты были бы куда более жалкие. Гораций — непаханая почва. Рано или поздно он взрастит вам достойный плод. Рано или поздно — говорю с полной убежденностью — мальчик переймет ваш образ мыслей, ваш вкус, просто в силу постоянной близости к вам.

— Удивительно, что вы так сказали, — заметил

мистер Параден.

— Ничуть. — Профессор мягко улыбнулся. — Мой психологический опыт редко меня подводит. А что вас удивило? Должен ли я понимать, что вы уже подметили какие-то признаки?

— Да. Поверите ли, Эпплби, но, кроме еды, Гораций интересуется только библиотекой.

Профессор деликатно кашлянул и отрешенно поглядел в потолок.

— Вот как! — мягко выговорил он.

— Постоянно крутится здесь, спрашивает, какие книги самые редкие да какие самые ценные.

— Проблеск разума. Да, проблеск разума. Юный интеллект тянется к свету, как росток — к солнцу.

— Меня это слегка обнадеживает.

— Я с самого начала верил в Горация, — сказал профессор. — И не ошибся.

— Возможно, после двух лет в английской школе…

— Что?! — вскричал профессор Эпплби.

Мгновение назад казалось, что его просветленное спокойствие несокрушимо, однако сейчас он подался вперед и с тревогой уставился на собеседника. Челюсть у него отвисла, белоснежная борода возбужденно тряслась.

— Вы отправляете Горация в Англию? — выдохнул он.

— Беру с собой, — поправил мистер Параден. — Я отплываю через несколько дней. Давно обещал погостить у старого друга Синклера Хэммонда. Прихвачу Горация, отдам в школу. Может быть, в Винчестер. Там учился Хэммонд.

— Разумно ли это? Не слишком ли опасно?

— Я решил, — сказал мистер Параден с тем воинственным раздражением, которое частенько задевало его родственников.

Профессор Эпплби с явным недовольством потянул себя за бороду. Мистер Параден на мгновение удивился, чего тот так убивается.

— Да разве там образование! Все пишут, что оно слишком поверхностно, слишком механистично. Почитайте современные английские романы…

Мистера Парадена передернуло.

— Я не читаю романов! — сказал он.

— И опять-таки, поездка в Англию… Вы не боитесь оставить без присмотра свои книги?

Мистер Параден довольно хохотнул; собеседнику этот смех показался заупокойным звоном.

— Можно подумать, я никогда не выхожу из дома. Я все время в дороге. Мы с вами и познакомились в поезде. А если вы думаете, что книги

остаются без присмотра, попробуйте взломать стальные ставни. Или дверь. Эта библиотека — сейф.

— Да уж… — печально произнес профессор.

— К тому же книги застрахованы, а самые ценные я возьму с собой.

— Вот как? — Профессор Эпплби вздрогнул, словно его пальцы нашарили в бороде змею. — С собой, говорите?

— Да. Хэммонд — библиофил. Он обрадуется им как своим собственным.

— Неужели? — Профессор просветлел, словно летнее небо, когда солнышко выглянет из-за тучки.

— Да, редкий человек. Ни тени ревности.

— Замечательно!

— Вам бы он понравился.

— Наверняка… В Англии вы, безусловно, поместите книги в банк?

— Зачем? Книги — не бриллианты. Никто не знает, сколько они стоят. Воришка, если и заберется к Хэммонду, не додумается прихватить стопку потрепанных книг.

— Верно. Верно.

— Я положу их в обычный чемодан, буду держать в спальне.

— Очень мудро.... Ах, — сказал профессор, оборачиваясь, — вот и наш юный друг. Здравствуй, Гораций.

— Привет, — сказал юный друг.

Профессор Эпплби взглянул на часы.

— Господи, я заговорился, пора идти. Только-только успеваю на поезд. Может быть, вы позволите мальчику вместо урока проводить меня на станцию? Спасибо. Беги за шляпой, Гораций. Мы спешим.

Однако за дверью он торопиться не стал, а двинулся медленно, словно человек, страдающий от мозолей.

— Очень удачно, что я заехал, — возбужденно обратился он к спутнику. — Знаешь, что случилось? Старому жуку не сидится на месте. Везет тебя в Англию.

Гораций застыл, ошеломленный не меньше, чем прежде профессор.

— В Англию? Зачем?

— В школу отдать.

— Меня?!

— Тебя.

— Окосеть можно! — возмущенно вскричал Гораций. — Усыновил, называется! Надо ж было так влипнуть! Здесь-то жуть, все дергают, заставляют

учить французский, но я хоть знаю, что сбегу. В школу! — Он решительно нахмурился. — Нет, дудки! Не пойду в школу, и в Англию не поеду…

— Заткнись, — оборвал его профессор. — Если ты дашь мне вставить слово, я тебе все скажу. Ни в какую школу ты не пойдешь. Старик едет в Англию к приятелю. Тот тоже свихнулся на книжках. Вот он и повезет ему лучшее. Прихватишь их и слиняешь. Они у него будут в чемодане, в спальне.

— Как же, жди! — возразил Гораций. — Оставит он их в чемодане! Да он над ними трясется, будто они золотые.

— Говорю, оставит. Сам мне сказал. Думает, никто за ними не полезет. Кому лезть-то? Форточнику, что ли? Зачем ему книжки?

— Верно, — согласился Гораций.

— Я пришлю Джо, вы все обговорите.

— Идет, — согласился Гораций. — Ух ты, какая классная!

Замечание это вызвала светловолосая девушка с мальчишеской фигурой, которая устало брела от станции. Пока она проходила мимо, Гораций успел придирчиво ее оглядеть, и настолько утвердился в своем мнении, что так и остался стоять с разинутым ртом, глядя ей вслед, за что в

воспитательных целях получил подзатыльник.

— Некогда на девок пялиться, — сказал профессор Эпплби тоном малого пророка, обличающего людские грехи. — Ты слушай, что тебе говорят, и мотай на извилину.

— Ладно, ладно, — сказал Гораций.

3

Девушка, которая так понравилась Горацию, дошла до владений мистера Парадена и, миновав ворота, двинулась к дому. Дорога была ей знакома. Она сама удивлялась, до чего отчетливо помнит все мелкие приметы местности. Вот старая, крытая дранкой крыша, вот окошко комнаты, где она жила, прудик за деревьями. При виде воды глаза ее затуманились, дыхание сперло. Две пляжные кабинки, мостик — все, как столетия назад, когда она была шестнадцатилетней, тощей и веснушчатой.

Она позвонила в колокольчик. Мистер Параден, только-только взобравшийся снова на лестницу, услышал голос дворецкого.

— Э? — рассеянно спросил мистер Параден.

— К вам дама, сэр.

Мистер Параден чуть не свалился с лестницы. Дама? К нему?

— Кто такая?

— Мисс Шеридан, сэр.

Трогательной встречи у Флик с Робертсом не вышло. Каждый полагал, что видит другого впервые. Флик смутно помнила, что пять лет назад здесь был какой-то дворецкий, но внешность его не врезалась ей в память. Что до Робертса, он если и сохранил какие-то воспоминания о девочке, которая останавливалась в доме на третьем году его служения, никак не связывал их с нынешней миловидной особой.

— Она сказала зачем?

— Нет, сэр.

— Где она?

— Я провел ее в гостиную.

— Пригласите сюда.

— Сейчас, сэр.

У мистера Парадена закралось неприятное подозрение, что пришли за деньгами для местной церковной общины, но оно развеялось, едва Флик вошла. Местная церковная община засылает матрон постепеннее. Он так явственно недоумевал, что Флик, несмотря на расстроенные чувства, слабо улыбнулась.

— Вы не помните меня, мистер Параден?

— Э… если честно…

— Мы давно не встречались. Пять лет назад я гостила у вас с дядей, Синклером Хэммондом.

— Господи! — Мистер Параден, который перед тем ограничился кивком, шагнул вперед и крепко пожал ей руку. — В жизни бы не узнал! Вы были совсем ребенок. Конечно, я вас прекрасно помню. Опять в Америке? Или вы здесь живете? Вышли замуж?

— Я не замужем.

— Просто гостите? Ну, ну! Страшно рад вас видеть. Вы меня еле застали. Вот совпадение: я как раз уезжаю в Англию к вашему дяде.

— Знаю. Поэтому я и пришла. Дядя Синклер просит, чтобы вы взяли меня с собой. Вы получили телеграмму?

— Телеграмму? — переспросил мистер Параден. — Нет, не помню. — Он позвонил. — Робертс, мне в последнее время приносили телеграмму?

— Да, сэр, вчера. Если вы вспомните, сэр, я принес ее сюда. Вы стояли на лестнице и сказали, чтобы я положил на стол.

Стола было не видно под слоем книг. Мистер Параден зарылся в них и вскоре победно вынырнул с конвертом в руке. Оправданный Робертс вышел.

— Прошу прощения, — сказал мистер Пара-

ден. — У меня дурная привычка закладывать почту бумагами. И все равно, Робертс должен был напомнить. Телеграммы — это серьезно. — Он распечатал конверт и прочел. — Да, это она. Ваш дядя сообщает, что вы зайдете, и мы вместе поедем в Англию. Понятно. Очень рад. Где вы остановились? В Нью-Йорке, у друзей?

— Нет, я одна.

— Одна! — Мистер Параден надел свалившиеся очки и вытаращился на Флик. — Как же дядюшка вас отпустил?

— Я сбежала, — просто ответила Флик.

— Откуда?

— Из дома, а теперь… — она дернула плечом и криво улыбнулась, — бегу обратно.

Даже очки не помогли мистеру Парадену рассмотреть Флик достаточно пристально. Он шагнул вперед и оторопело уставился на нее.

— Сбежали из дома? Зачем?

— Меня хотели выдать за человека, который мне не нравится. Дядя Синклер, — продолжала она быстро, — тут ни при чем. Это все тетя Фрэнси и дядя Джордж.

Мистер Параден предпочел бы, чтоб здесь поместили сноску, разъясняющую, кто эти персонажи, но не посмел прерывать взволновавший

его рассказ.

— Дома, — продолжала Флик, — стало ужасно неуютно, и я сбежала. Думала, устроюсь тут на работу.

— Неслыханно!

— Вот так мне везде и отвечали. Я не знала, что можно быть настолько ненужной. У меня были кое-какие деньги, я думала их потянуть, но они куда-то исчезали. Когда у меня украли кошелек, это оказалось последней каплей. Я крепилась еще дня три, потом на последние два доллара послала дяде телеграмму.

Мистер Параден, хоть порой и преображался в вулкан, был мягкосердечным романтиком. Он растрогался.

— А дальше?

— Я получила ответ: идти к вам, вы меня приютите и возьмете в Англию.

— Милое дитя! Конечно. Вам сейчас же приготовят спальню. Ту, в которой вы жили пять лет назад.

— Боюсь, я доставила вам уйму хлопот.

— Да ничуть! — вскричал мистер Параден. — Какие хлопоты! О чем речь! Хотите чаю?

— Если это не очень трудно.

Мистер Параден позвонил, радуясь, что может

хоть таким образом скрыть смущение. Какая кроткая девушка! И какая сила духа: бежать из дома, чтобы пытать счастья по другую сторону Атлантики! Пока не принесли чай, он ходил по комнате и переставлял книги, чтобы не смотреть на Флик.

— Но раз вы едете домой, — сказал он, подождав, пока она выпьет чаю, — вам придется выйти за человека, который вам противен.

— Да нет, не противен, — безжизненным голосом ответила Флик. — Мне очень нравится человек, которому я не нравлюсь, поэтому я решила, что могу с тем же успехом выйти за Родерика. В Нью-Йорке я оказалась без единого цента и поняла, как хорошо иметь дом и деньги. Надо смотреть на вещи практично, не правда ли? — Она встала и заходила по комнате. — Сколько у вас книг! Даже больше, чем у дяди Синклера!

— Зато у него есть экземпляры, которым я завидую, — великодушно признался мистер Параден.

Он хотел бы больше узнать о человеке, который нравился Флик; однако она явно считала разговор оконченным и обиделась бы на дальнейшие расспросы. Он подошел и похлопал ее по плечу. Флик обернулась — в глазах ее стояли слезы. Наступило смущенное молчание; чтобы сгладить

неловкость, мистер Параден взял фотографию, на которую она смотрела. Карточка запечатлела крепкого молодого человека в футбольной форме. Он был снят во весь рост и смотрел с бравой уверенностью, свойственной молодым людям в подобном наряде.

— Мой племянник Уильям, — сказал мистер Параден. Флик кивнула.

— Знаю.

— Ну да, конечно, — сказал мистер Параден. — Он здесь был, когда вы с дядей у меня гостили.

Флик почувствовала, что надо как-то ответить.

— Он, наверное, очень сильный, — заметила она.

— Очень, — согласился мистер Параден. — И, — добавил он ворчливо, — совершенно никчемный.

— Ничего подобного! — вскричала Флик. — Ой, простите! Я хотела сказать, вы, наверное, не знаете, как настойчиво он разузнает, что там с вашим лондонским филиалом.

— Постойте-ка! — Мистер Параден нацепил очки. — Откуда вы знаете?

— Я… я его видела.

— В Лондоне?

— Да.

— Странно. Где же?

— Э… в нашем саду.

— Ну вот! — воскликнул мистер Параден. — Что я говорю? Шляется по гостям.

— Вовсе не по гостям, — сказала Флик. — Он старается выяснить, отчего падают прибыли.

— Конечно-конечно!

— Нет, правда! — настаивала Флик. Она решила, что не позволит себя запугать. Да, мистер Параден говорит резко, но он держит фотографию в библиотеке, своей святая святых, это кое-что значит. — Я вам скажу, что он уже обнаружил. Мистер Слинсби продает почти всю бумажную массу неким Хиггинсу и Беннету по очень низкой цене, хотя ему не раз предлагали куда больше.

— Что?

— Истинная правда. Я думаю — мы оба думаем, — что мистер Слинсби не совсем чист на руку.

— Глупости! На редкость толковый и честный работник. Я-то разбираюсь.

— Не очень-то разбираетесь, если назвали Билла никчемным, — с жаром отвечала Флик.

— Что-то вы очень к нему расположены.

— Расположена.

— Да вы едва знакомы!

— Я знаю его много лет.

— Ну, можно, конечно, сказать и так. Любопытно, что вы говорили о ценах на бумажную массу. Уильям сообщил, откуда ему это известно?

— Нет, но он очень, очень умный.

— Хм! Что-то не замечал.

— А зря. Если вы возьмете его в дело, он вас еще удивит.

Мистер Параден хохотнул.

— Если я решу организовать клуб почитателей Уильяма, то знаю, кто его возглавит.

— По-моему, он обижается, что вы ни разу не поинтересовались, как у него дела.

— Ручаюсь, он обо мне и не вспомнил, — отвечал бесчувственный мистер Параден, — но раз вы думаете, что он такой обидчивый, так и быть — пошлю с корабля телеграмму и договорюсь о встрече.

— Обязательно пошлите!

— Я даже не знаю на какой адрес.

— Девять, доходный дом «Мармонт», улица Принца Уэльского, Баттерси-парк, Лондон, — без запинки отвечала Флик.

— Откуда вы знаете?

— Он мне сказал.

Мистер Параден взглянул на нее с любопыт-

ством.

— Не знаю, как долго вы говорили в саду, — заметил он, — но, похоже, Билл многое успел рассказать. Костерил меня, небось, на чем свет стоит?

— Он сказал, что вы — просто прелесть, — возразила Флик. — Стараетесь казаться злым, но никто в это не верит.

Она нагнулась и быстро поцеловала мистера Парадена в окруженную седой щеточкой лысину.

— Я пойду в сад, — сказала она. — Хочу проверить, не переделали ли там чего-нибудь с нашего отъезда. Если переделали, я вас убью.

Мистер Параден проводил ее округлившимися глазами, потом вспомнил недавний рассказ и сердито фыркнул.

— Человек, которому не нравится такая девушка, — пробормотал он, — полный болван!

Он взял фотографию. Губы его скривились в улыбке. Хорош, бездельник. Этого у него не отнимешь. Он положил фотографию и побрел к лестнице.

Глава XIII. Билл совершает открытие

1

Облаченный в цветастый халат, Джадсон Кокер завтракал в гостиной дома номер девять по улице Принца Уэльского, Баттерси. В открытое окно проникал легкий ветерок, запах весенней листвы мешался с ароматом крепкого кофе и жареной ветчины. К кофейнику был прислонен номер «Нью-Йорк Уолд», прибывший сегодня утром с американской почтой. Часы показывали 10:30.

Джадсона переполняло неизъяснимое блаженство. Он откусил еще ветчины и привычно задумался, откуда такая легкость во всем теле. Здесь есть чем заинтересоваться врачам: вот уже два месяца он лишен возможности регулярно подкреплять организм алкоголем, как рекомендует — нет, требует — медицина, и на тебе — так и пышет здоровьем. Он в превосходной форме. Почему в Нью-Йорке он с утра шарахался от ветчины, словно испуганная лошадь, а сейчас ни свет ни заря задумался о второй порции?

Не иначе как дело в бодрящем лондонском воздухе. Джадсон пришел к выводу, что вторая

порция необходима, и двинулся на кухню. Когда он вернулся, то застал Билла Веста, который с тоской созерцал заставленный стол.

— Привет, — весело сказал Джадсон. — Перекусить решил? Садись и придвигай стул. Я хотел сказать, придвигай стул и садись. Вскорости подоспеют спасатели с провизией.

Билл не откликнулся на дружеский призыв.

— Я позавтракал три часа назад, — сказал он мрачно. — Ты еще не закончил? Мне нужен стол, написать письмо.

Живительный лондонский воздух, пробудивший вторую молодость в Джадсоне, видимо, обошел Билла стороной. В последние несколько недель тот сделался раздражителен, часто срывался по пустякам, чем очень огорчал своего друга. Джадсон, проникшись сентиментальной любовью ко всему сущему, хотел видеть вокруг только улыбки.

— У тебя весь день впереди, — заметил он. — Садись и смотри, как я ем. Я быстро.

— Тебе письмо, — сказал Билл. — В гостиной лежит. От Алисы.

— Да? — отозвался Джадсон с поистине братским безразличием. Он глядел в газету. — Вот послушай: «Признание в эфире. Веллингтон, штат

Массачусетс. Вчера вечером здешняя жительница мисс Луэлла Фипс включила радиоприемник в ту самую минуту, когда ее возлюбленный Джеймс Дж. Ропер из Нью-Йорка объявил в эфире об их помолвке. Радиолюбитель рассчитывал порадовать невесту, во всеуслышание сообщив о грядущем радостном событии…»

— Зачем печатают такую чушь? — кисло произнес Билл.

— Разве не трогательно? — спросила новая Поллианна[13] из-за кофейной чашки. Счастливый Джадсон готов был умиляться чему угодно.

— Нет!

— Ох! — Джадсон вернулся к литературным изысканиям. — «Догонят ли чудо-пловчиху мисс Бауэр?»

(Он как раз дошел до спортивного раздела.)

— Кто догонит?

— Тут сказано просто «догонят». Дружки, наверное. «Во время шестидневных соревнований по плаванию мисс Бауэр поставила четыре мировых рекорда и два американских».

— Ну и что?

Джадсон перевернул страницу и хихикнул.

---

[13] Сноски: 13

Поллианна — героиня одноименной повести Элинор Портер (1868–1920), которая во всем видит хорошую сторону.

— Горничная спрашивает постояльца: «Вам кофе в постель?». — «Нет, — отвечает он, — пожалуйста, в чашку».

Он с надеждой взглянул на друга, но на лице у Билла не дрогнул ни единый мускул. Джадсон, испробовав трогательные истории, спорт и юмор, взглянул на него встревоженно.

— Что стряслось?

— Ничего.

— Ты кислый, как дождливое воскресенье в Питсбурге. Вот уже несколько дней ходишь мрачнее тучи. Тебе чего-то не хватает.

— Всего мне хватает.

— Откуда ты знаешь? — с жаром произнес Джадсон. — Симптомы налицо. Ты весь дерганый, сто лет не улыбался. Я тебе объясню, в чем дело. Нам просто необходимо держать в доме чуточку бренди на такие случаи.

— Вот как?

— Я слышал, безнадежно больных спасали чуточкой бренди. Известное дело. Прямо-таки из могилы вытаскивали. Вот сюда и поставим. В этот шкаф. Места совсем не займет.

Минуту он с надеждой глядел в непреклонное лицо Билла, потом сник.

— Ладно, — сухо сказал он. — Для твоей же

пользы предлагал.

Прибыла вторая порция ветчины; разобиженный Джадсон набросился на нее, затем убрался в гостиную. Билл расчистил место за столом и сел писать.

2

Билл писал Алисе Кокер по вторникам и пятницам. Сегодня была пятница, соответственно, ему предстояло сочинить любовное послание. Казалось, глаза его должны сиять, но нет, они были тусклы и безжизненны; после первых пяти слов он остановился и начал грызть ручку.

Литературный процесс часто бывает долгим и мучительным, но молодого человека, который пишет возлюбленной, должны переполнять гениальные фразы. Вот уже некоторое время Биллу все труднее становилось заполнить лист, и это его смущало. Как ни кощунственно предположить, что писать Алисе — смертная скука, приходилось честно признать, что он спозаранку выставил Джадсона из-за стола, чтобы поскорее отделаться и забыть.

Он почесал в затылке. Никакого эффекта. Слова не шли.

Все это было тем более странно, что в начале

лондонской жизни он составлял свои поэмы в прозе с вдохновенной легкостью. Стоило сесть, перо начинало летать по бумаге. Выражения самых достойных чувств рождались так быстро, что он не успевал записывать. То, что издают огромными тиражами в розовато-лиловых обложках, давалось ему без всяких усилий. И вот нате — ни единой мысли.

Он встал и прошел в гостиную. Если что и может его вдохновить, так это двенадцать фотографий. Алиса Кокер царственно улыбалась с каминной полки, этажерки и столика. Билл рассматривал третью карточку слева, смутно чувствуя, что она не дает ему ни малейшего толчка, когда глухой голос воззвал к нему из глубины кресла.

— Билл, старина, — сказал голос. Билл резко обернулся.

— Чего еще? — рявкнул он.

Разумеется, не следует так грубо отвечать верному другу, но, признаем, сейчас для этого был повод. Джадсон ел его глазами, в которых была написана какая-то странная жалость. Это Билла доконало. В теперешнем раздраженном состоянии он и так с трудом переносил Джадсона, эта же гримаса скорби окончательно вывела его из себя.

— Что ты на меня пялишься? — спросил он.

Джадсон не ответил. Он встал, подошел, похлопал Билла по плечу, молча стиснул ему руку, потом еще раз похлопал по плечу и наконец вернулся в кресло.

— У меня для тебя известия, — глухо сказал он.

— Какие?

— Билл, старик, — трагически произнес Джадсон. — Ты был не прав. Поверь мне. Насчет бренди.

— Какие известия?

— Кто угодно, — сказал Джадсон, — может заболеть. В любую минуту. Поэтому в каждом доме нужно держать наготове небольшой запас бренди. Я читал. Оно широко применяется в медицине как легкоусвояемый и питательный продукт. К тому же это возбуждающее, ветрогонное и снотворное средство. Что, убедил?

— Перестанешь ты нести околесицу? Что случилось?

— Сколько раз было, что при дурных известиях совершенно здоровые люди падали в обморок и могли бы умереть, если б не стопочка бренди. Дай мне денег, Билл, я сгоняю на угол за пинтой-двумя.

— Какие известия?

— Помню, отец рассказывал, когда он сильно погорел в биржевую панику девятьсот седьмого… Нет, — поправился Джадсон. — Вру, не отец, его приятель. Он потерял все. Так вот, он пошел домой, открыл бутылку, хватил два стакана подряд и сразу почувствовал, что заново родился. Мало того, бренди так его вдохновило, что он спас половину состояния. Больше половины. Тут близко. Прямо на углу. За десять минут обернусь.

— Слушай, — прохрипел Билл, — если ты не скажешь, что за известия, я сверну тебе шею.

Джадсон печально покачал головой, словно горюя о том, как опрометчива и нетерпелива юность.

— Ладно, — сказал он. — Дело твое. Алиса слиняла. Обручилась со сталепрокатчиком. Просила тебя подготовить.

3

Билл вытаращил глаза. Роковые слова медленно проникали в его сознание.

— Обручилась?

Джадсон скорбно кивнул.

— Со сталепрокатчиком?

— С ним самым.

Последовало долгое молчание. Билл внезапно

осознал, что испытывает непомерное облегчение: письмо можно не заканчивать! Все утро оно давило на него тяжелым грузом, и теперь он, как ни старался, не мог удержать переполнявшего грудь восторга.

Он понимал, что это неправильные чувства. Стыдно человеку, чьи мечты разбиты, радоваться из-за какого-то недописанного письма. Да разве это труд — дописать письмо? Вывод напрашивался один: он — бесчувственная скотина.

Поглощенный своими усилиями побороть неуместную радость, Билл вдруг заметил, что наследник Кокеров ведет себя как-то чудно. Джадсон снова покинул кресло и теперь совал ему в руку листок бумаги. Исполнив тяжелый долг, он вздохнул, еще раз похлопал Билла по спине и, крадучись, двинулся к дверям. На пороге он задержался, дважды горестно кивнул и выскользнул на лестницу. Только через несколько секунд до Билла дошло, что так выражалось дружеское участие. Джадсон был уверен, что мужчину надо оставить наедине с его горем.

Оставшись один, Билл решил честно выполнить, что полагается. Он взглянул на листок. Почерк Алисы. Видимо, то самое письмо. Вероятно, Джадсон считает, что Билл будет его читать.

Но зачем? Коли уже выяснилось, что девушка, которую ты считал своей невестой, слиняла со сталепрокатчиком, какой смысл узнавать подробности? Билл бросил непрочитанное письмо на стол.

Внезапно ему пришло в голову утешительное объяснение. Да, он ничего не чувствует. Это шок, который наступает от сильной боли, спасительное отупение. Он просто оглушен. Дальше, без сомнений, начнется агония.

Заметно успокоившись, он решил выйти на свежий воздух и там терпеть душевную муку. Он смутно помнил, что именно так поступали страдальцы в книгах. В этих книгах селяне, пасущие скот на открытых холмах, вздрагивали, завидев высокого подтянутого мужчину с бледным напряженным лицом, который шагал сквозь завывания ветра, сурово стиснув губы, глаза его метали молнии, невидящий взор из-под надвинутой шляпы был устремлен вдаль.

Билл надел ботинки и принялся искать шляпу. И тут перед ним возникло затруднение.

Двенадцать снимков Алисы Кокер… Что с ними делать?

С фотографиями вероломных можно поступить двояко. Можно переложить их лавандой

и созерцать до конца дней, седея год от года, а можно уничтожить недрогнувшей рукой. Как ни удивительно, когда по некотором размышлении Билл остановился на последнем варианте, в душе его ничего не шевельнулось. Он без всякого сожаления завернул фотографии в оберточную бумагу, словно бакалейщик ветчину. Безусловно, это шок.

Билл решил, что избавится от воспоминаний прошлого где-нибудь на лоне природы. В последнюю неделю было тепло, камин не топили, так что этот путь был для него отрезан, а разорвать фотографии и выбросить в корзину мешал страх перед Джадсоном. Не хватало только выслушивать его замечания! Билл порадовался, что друг настолько равнодушен к фотографиям сестры. Он ненаблюдателен и вряд ли заметит внезапную пустоту.

С точки зрения обманутого возлюбленного, у Лондона есть один недостаток — тут трудно сыскать пустынное место, по которому можно брести, вперив невидящий взор в пространство. На открытые ветрам холмы больше всего походил парк Баттерси. Туда-то Билл и устремился с пакетом, крадучись, чтобы не потревожить селихемского терьера Боба. Прознай тот, что

кто-то собирается на прогулку, обязательно увязался бы следом. При всем уважении к Бобу Билл предпочел бы обойтись без него. Четвероногим без поводка вход в парк запрещен, а Билл не мог представить себя на пару с упирающимся псом. В любую минуту может начаться агония, а страдать надо в одиночестве. Он на цыпочках вышел за дверь и бегом спустился по лестнице.

Утро было чудесное. Не раз отмечено, что Природа равнодушна к людским страданиям, и довольно будет сказать, что сейчас она не изменила своему правилу. В такой день даже самые мнительные выходят без зонтика. Билл шел по зеленым аллеям, слышал веселые возгласы играющей детворы и не мог избавиться от странного ощущения, что жизнь — прекрасна. Не будь он уверен в противоположном, он сказал бы, что в душе закипает радость. Дойдя до укромного уголка, он — мы вынуждены употребить это слово — зашвырнул пакет куда подальше. Тот шлепнулся о землю, Билл, нимало не удрученный, зашагал по дорожке, но тут сзади раздался пронзительный крик:

— Дяденька!

От неожиданности Биллу показалось, что его зовет пакет. Вроде бы на сотню ярдов вокруг не

было ни души; однако у лондонских парков есть печальное свойство — здесь невозможно полностью укрыться от чужих глаз. Из земли выросла маленькая девочка в ситцевом платье, ее чумазое личико светилось желанием помочь. Левой рукой она тащила малолетнего родственника, который, в свою очередь, тянул родственника поменьше, а правой держала пакет.

— Вы книжку уронили!

Не мог же Билл обидеть ребенка! Он изобразил крайнюю признательность, взял пакет и с фальшивой улыбкой протянул доброй девочке шестипенсовик. Семейство исчезло.

Билл пошел дальше. Событие подействовало на его нервы, и он, не замедляя шага, прошел несколько укромных местечек, устроенных лондонским магистратом словно нарочно для пакетов с фотографиями неверных девушек, которые линяют со сталепрокатчиками. И вот в своих бесцельных скитаниях он очутился перед водной гладью, и здесь, подобно Аластору[14] на длинном хорезмийском берегу, остановился.

У пруда копошились дети и собаки, на поводках и привязанные к скамейкам. Няньки степенно

---

[14] Сноски: 14

Имеется в виду стихотворная аллегория Перси Биши Шелли (1792–1822) «Аластор, или Дух Одиночества».

беседовали, дети пускали кораблики, собаки лаяли. Посреди пруда был островок с деревом, которое облюбовала шумная колония грачей. Место было веселое, но Билла оно очаровало главным образом тем, что все присутствующие — няньки, дети, собаки и грачи — глубоко погрузились в свои дела. Они и не заметят, если хорошо одетый молодой человек подойдет и станет швырять в пучину бурые бумажные пакеты. Такой случай нельзя упустить. Рассеянно глядя на грачей и беспечно насвистывая, Билл бросил пакет. Раздался всплеск, потом еще, такой громкий, что Билл испугался; неужели какое-то крупное дитя поправляло паруса своей яхты и свалилось в воду? Стыдно сказать, но первой его мыслью (а он ведь уже спас одного утопающего) была досада — вот, сейчас придется прыгать в холодную воду.

Однако он возвел на ребенка напраслину. Тот по-прежнему стоял на бережке. В воду прыгнул огромный пес — черный, лохматый, с неподдельной тупостью на морде, — теперь, не жалея лап, плыл к пакету. Он доплыл, поймал пакет мощными белыми зубами, развернулся к берегу, а через мгновение сложив добычу к ногам Билла, встряхнулся, обдавая его с головы до пят, и блаженно оскалился, явно предлагая поиграть еще.

Билл подобрал пакет и двинулся прочь. На него накатило отчаяние. Злила не мокрая одежда, и не то, что кто-то спустил собаку с поводка в нарушение четко обозначенных правил; нет, злила глухая ненависть к пакету и всему, что с ним связано. Билл не мог понять, с чего он взял, будто любит Алису Кокер. Мало того что она выходит за всяких сталепрокатчиков — есть что-то зловещее в девушке, от чьих фотографий невозможно избавиться. Проклятие какое-то! Сумрачный, как Юджин Арам[15], Билл зашагал прочь от пруда и углубился в тихую лиственную аллею.

Если что и могло успокоить бушевавшую в его сердце ярость, то именно эта мягкая зелень в безлюдном уголке парка, куда, по всей вероятности, не ступала людская нога. Слева пели на ветках птицы, справа гудели над клумбами шмели. Однако Билл не поддался на лесные чары и не бросил пакет. Его преследовало суеверное чувство, что ему недолго оставаться одному в этом заброшенном уголке. Предчувствие не обмануло. Через долю секунды из-за большого куста на повороте показались двое, молодой человек

[15] Сноски: 15

Арам Юджин (1704–1759) — школьный учитель, убивший своего друга в 1745 году. Преступление открылось много позже, и он был казнен.

и девушка.

Девушка была хорошенькая, ладная, но внимание Билла привлек ее спутник. Он был высокого роста, кареглазый, с каштановыми волосами, в длинном развевающемся галстуке розовато-лилового шелка, из-за чего казался похожим на художника. В чертах его Биллу померещилось что-то смутно знакомое. Вроде бы они уже встречались.

Молодой человек поднял глаза, и на лице его появилось выражение, которого Билл не понял. Это было узнавание — но не только. Не будь предположение настолько нелепым, Билл сказал бы, что это страх. Карие глаза расширились, каштановые волосы зашевелились от ветра (шляпу он нес руке), и Биллу почудилось, что они встали дыбом.

— Привет, — сказал Билл. Он не мог вспомнить, кто это, но, судя по его реакции, они знакомы.

— Привет, — сипло произнес молодой человек.

— Хороший денек, — заметил Билл.

Неведомый знакомец явно успокоился, словно ожидал от Билла враждебности и приятно изумлен его вежливым тоном. Тонкое лицо просветлело.

— Чудесный, — сказал он. — Чудесный, чудес-

ный, чудесный.

Наступило неловкое молчание. И тут на Билла что-то нашло. Повинуясь непреодолимому порыву, он выбросил вперед руку.

— Держите! — выпалил он, сунул молодому человеку пакет и быстро зашагал прочь. Чувства в нем бурлили, но сильнее всего было непомерное, ошеломляющее облегчение. Он вспомнил, как в детстве впервые прочел рассказ Стивенсона — тот самый, в которым надо продать бутылку с чертиком дешевле, чем ты ее купил. С той поры прошло лет двенадцать, но сейчас отчетливо вспомнилось то мгновение, когда пьяный шкипер забирает у героя бутылку. Ощущение — в точности то же самое. Молодой человек, вполне вероятно, сочтет его сумасшедшим, но вряд ли побежит следом. Если же побежит, придется держаться твердо.

Билл остановился. Плавный ход его мыслей резко застопорился — он внезапно сообразил, где видел этого молодого человека. Ну конечно же, в саду Холли-хауса, когда гонялся за ним, чтобы учинить расправу! Это Родерик Пайк.

Билл мрачно улыбнулся. Родерик Пайк! Нет, Родерик Пайк не побежит возвращать пакет.

И тут мысли его понеслись с такой быстротой,

что он перестал за ними поспевать. Если это Родерик Пайк, то с какой стати он разгуливает по парку рука об руку с девушкой? Ему положено брести, не разбирая дороги, и думать о сбежавшей невесте! Как смеет человек, лишившийся Флик, вести себя настолько бездушно!

Тут мысли приняли новое направление, и были они так тяжелы, что Биллу пришлось сесть.

Флик! Конечно, он и на минуту по-настоящему не забывал ее, но именно встреча с Пайком воскресила в памяти ее образ, да так живо, будто он только что вспомнил. Флик!.. Он видел ее так явственно, словно она рядом… Флик радостная, улыбающаяся; Флик усталая, в слезах; Флик испуганная, ищущая у него защиты… целая галерея портретов, один милее другого. И вдруг, как если бы он знал это все время, Билл понял, что любит Флик.

Конечно… Какой же он болван, что не догадался раньше! Джадсон говорит, что он хмурый, как дождливое воскресенье в Питсбурге. Правильно. Так и есть. А почему? Потому что с отъездом Флик жизнь стала пустой и бессмысленной. Это и терзало его в последние недели.

Билл встал. Горя тем жаром, который находит в минуты прозрения, он полез в карман за трубкой

— сейчас определенно требовалось выкурить трубочку, а то и две — и обнаружил, что забыл ее дома. Поскольку без трубки думать невозможно, он повернул назад.

Джадсон, образец такта, по-прежнему где-то гулял. Билл порадовался — он предпочитал побыть в одиночестве. Трубка отыскалась на обеденном столе рядом с недописанным письмом; Билл забрал ее и ушел в гостиную.

На столике лежала телеграмма. Билл распечатал ее, втайне надеясь, что она от Флик, и с разочарованием прочел, что дядя Кули прибывает завтра в Саутгемптон и рассчитывает увидеть его в три часа в Клубе букинистов на Пэлл-Мэлл.

Билл не знал, что мистер Параден собирается в Англию, и пожалел, что не сможет сообщить ничего ошеломляющего о мистере Уилфреде Слинсби. Да, дядя Кули приезжает совсем некстати.

Однако от него нельзя просто отмахнуться. Билл посчитал, что произведет лучшее впечатление, если не станет дожидаться трех, а поедет на вокзал Ватерлоо встречать поезд из Саутгемптона. Приняв решение, он сел и погрузился в сладкие мечты о Флик.

Глава XIV. Чудо на вокзале Ватерлоо

1

На следующее утро Билл легкой походкой шагал через мост. Он шел на вокзал. Часть предыдущей ночи он провел без сна и временами даже сомневался в цельности своего характера. Он спрашивал себя, способен ли на подлинные чувства человек, так легко переходящий к новой любви? Или это пустой, мелкий тип, достойный всяческого презрения? С двенадцати тридцати до без четверти два он склонен был ответить отрицательно на первый вопрос и положительно на второй, но в час сорок пять его разгоряченный ум наткнулся на утешительную мысль о Ромео.

И впрямь, Ромео. Поколения влюбленных видели в нем свой образец, а ведь Шекспир сам описывает, как, скажем, в 21:30 друзья потешаются над его страстью к Розалине, а в 21:45 он уже боготворит Джульетту. А уж Ромео никто не назовет мелким и пустым.

Нет, все в порядке. Просто повязка упала с его глаз, а это может случиться с каждым. Чем ближе Билл подходил к вокзалу, тем больше убеждался,

что Флик создана для него. То, что он испытывал к Алисе Кокер, было типичным заблуждением наивного юноши. Он оглядывался на два месяца назад и жалел себя тогдашнего, словно кого-то другого.

Успокоив таким образом душевные сомнения, он немедленно продумал практическую сторону дела. С первым же кораблем он отправляется в Америку, находит Флик и открывает ей свое сердце. Каждая минута, проведенная за три тысячи миль от нее, потеряна безвозвратно.

Странное дело, при мысли о том, чтобы открыться Флик, он не испытал того нервного оцепенения, в котором опрометчиво изливал свои чувства Алисе Кокер. Флик — другое дело. Флик — это Флик. Она — товарищ. На Вестминстерском мосту он уже улыбался прохожим и сообщал полисменам, что сегодня чудесное утро; на Йоркской дороге он дал лоточнику полкроны за коробку спичек, отчего старый скептик немедленно уверовал в чудеса. Под шумные своды вокзала Ватерлоо он вбежал веселой рысцой, которая перешла в галоп, когда носильщик сообщил, что поезд из Саутгемптона высаживает пассажиров на тринадцатой платформе.

Билл без труда отыскал эту платформу. Желез-

ная поступь прогресса лишила вокзал Ватерлоо былой таинственности. Когда-то это была загадочная, сумрачная Страна Чудес, по которой беспомощно метались ошалелые существа, тщетно пытаясь что-то вызнать у таких же ошалелых служителей. Теперь здесь все четко и упорядоченно. Билл, не заставший романтических дней, не мог и пожалеть о колоритной дикости. Он купил перронный билет и шагнул в водоворот толпы за барьером.

Платформу заполнили пассажиры, их друзья и родственники. Природная смекалка подсказала Биллу, что дядя Кули — в дальнем конце поезда, приглядывает за выгрузкой багажа. Он ринулся туда с намерением проявить расторопность, избавить дядю от хлопот и продемонстрировать деловую прыть. Отодвинув мальчишку, который пытался продать ему апельсины и шоколад, он пустился бегом и был вознагражден занятным зрелищем: мистер Параден прыгал в арьергарде толпы, словно низкорослый болельщик на собачьих бегах.

— Здравствуйте, дядя Кули! Как вы? — прытко осведомился он. — Хорошо доехали? Позвать носильщика?

— Уильям! — сердечно воскликнул, оборачи-

ваясь, мистер Параден. — Не ожидал. Спасибо, что встретил.

— Я решил, что смогу помочь вам с чемоданами.

— Спасибо, я сам. У меня книги, с которыми я предпочитаю не расставаться. Встретимся на платформе. Там Гораций.

Перспектива посудачить с Горацием не очень вдохновила Билла, но мистер Параден уже поймал проходящего носильщика и указывал на чемоданы с видом коллекционера, демонстрирующего собрату коллекцию драгоценных камней. Он явно торопился избавиться от племянника.

— Иди, поговори с ним, — сказал он. — Вот этот большой, тот маленький и еще пять. (Это уже носильщику). — Кстати, встретишь кое-кого знакомого. По крайней мере она говорит, что вы виделись.

— Она?

— Да. Фелисия Шеридан. Племянница Синклера Хэммонда, у которого я останавливаюсь.

Вокзал Ватерлоо всегда бурлит, но при этих словах Биллу показалось, что все вокруг зашипело и запенилось. Путешественники, их друзья и знакомые, носильщики, газетчики, начальник вокзала, мальчишка, упорно пытавшийся

всучить ему апельсины и шоколадки, — все замелькало в дикой сарабанде. Прочная платформа качнулась. Свисток паровоза прозвучал ликующим воплем.

— Флик! — выдохнул он. — Флик здесь?!

Мистер Параден не ответил. Вместе с носильщиком он оказался в центре водоворота и теперь гнался за своими чемоданами, как терьер — за кроликом. Билл, которому хотелось задать несколько вопросов, с уважением отнесся к его занятию и, набрав в грудь воздуха, напролом ринулся по перрону, словно по футбольному полю. Возмущенное человечество рассеивалось на его пути. Возбудив в ближних больше негодования, чем судья на школьном чемпионате, он оказался на сравнительно открытом месте. И здесь, за руку с несносным Горацием, стояла Флик.

2

Из всех, кто при встрече с Горацием желал ему провалиться сквозь землю, никто не чувствовал этого сильнее, чем Билл. Даже мистер Шерман Бастабл в минуты наибольшего отвращения не находил своего питомца настолько невыносимым. Раздражало уже само его присутствие, но еще хуже была стервозная улыбка на веснуш-

чатом лице. От такой ухмылки всякое нежное чувство должно испуганно съежиться. На мгновение Билл ощутил себя побежденным. Гораций врос в перрон. «Попробуйте меня согнать! — говорил его вид. — Скорее вам удастся сдвинуть платформу». Билл совсем было растерялся, но тут пришло озарение. Редкий мальчик откажется перехватить чего-нибудь вкусненького. С какой стати Гораций окажется исключением?

— Привет, Гораций, — сказал он. — Что-то ты совсем осунулся. На, возьми. Буфет — вон там.

Желудок Горация обладал свойством, которое обычно приписывают лестнице Фортуны, — наверху всегда оставалось место. Без единого слова (поскольку короткое сопение, призванное, вероятно, выразить благодарность, словом не назовешь) он выхватил у Билла монетку и был таков. Билл повернулся к Флик, которая во все время деловой беседы смотрела на него круглыми от изумления глазами.

— Флик! — сказал Билл.

— Билл! — сказала Флик.

— Я люблю тебя, — сказан Билл. — Я люблю тебя, я…

— Апельсины и шоколадки, — раздался бесстрастный голос у его плеча, — апельсины,

бутерброды, шоколадки…

Билл обернулся, помышляя об убийстве. Мало того что его отвлекли в такую минуту — да за это одно можно огреть дубиной по голове! Несколько минут назад он раз и навсегда выразил свое отношение к шоколадкам. Вопрос был самый простой, чтоб уладить его, сторонам требовалось лишь немного разума и минимум доброй воли. Мальчик считал, что Биллу нужны апельсины и шоколадки. Билл полагал иначе, что и высказал вполне внятно. Теперь же оказалось, что они перекрикивались через бездну непонимания.

— Не надо мне апельсинов, — прохрипел Билл.

— Шоколадки? — предложил мальчик. — Для дамы?

— Дама не хочет шоколада…

— Бутербродик?

— Нет.

— Булочки, конфеты, шоколадки, трубочки с орехами, апельсины, яблоки, пирожки, бананы! — нежно пропел мальчик. У него был чистый, мелодичный голос, он выводил трели, словно дрозд в мае. Для шлягера не хватало только музыки Джерома Керна[16].

---

[16] Сноски: 16

Джером Дэвид Керн (1885–1955) — американский композитор, автор музыки ко многим фильмам и бродвейским постановкам.

Билл схватил Флик за руку и потащил по платформе. Считается, что влюбленные не видят и не слышат ничего, но Билл, хоть и сгорал от страсти, не сумел достичь подобного состояния. Вокзал казался ему исключительно перенаселенным. Непонятно, откуда столько народа? Можно подумать, не только все лондонцы, но и все жители Британских островов сговорились с американскими гостями, чтоб не дать ему поговорить с Флик.

— С тех пор как ты уехала, — продолжал он, останавливаясь за багажной тележкой, — я…

Багажная тележка внезапно ожила и въехала между ними, словно джаггернаут[17]. Когда она миновала и Билл снова собрался заговорить, кто-то энергично постучал пальцем по его плечу.

— Извините, — произнес голос с сильным американским акцентом. — Не скажете, где здесь телеграф?

В трудную минуту все мы становимся стратегами. Билл схватил американца за руку и развернул на сто восемьдесят градусов.

— Сам не знаю, — отвечал он, — но вот тот

[17] Сноски: 17

Джаггернаут — колесница со статуей Кришны, которую вывозят на ежегодном празднике; в религиозном экстазе верующие бросаются под колеса, она едет по ним.

мальчик вам объяснит. Видите, с апельсинами и шоколадками.

— Спасибо, сэр. Спасибо.

— Не за что. Флик, милая, — продолжал Билл, — с тех пор как ты уехала, я сам не свой. Сперва не мог понять, в чем дело, и вдруг до меня дошло. Я должен говорить быстро, так что вот. Я люблю тебя. Я… Виноват? — ледяным голосом произнес он, оборачиваясь на резкий тычок под ребра, нанесенный, видимо, острием зонтика.

Мощная дама в шляпе с коричневой вуалью повторила вопрос.

— Где вам найти носильщика? — с нажимом переспросил Билл. Интересно, почему все считают его справочным бюро? Вроде бы скорчил суровую рожу, так нет, стекаются тучами, словно он — их ангел-хранитель. — Да где угодно! Их здесь как собак нерезанных. Вон, около мальчика с апельсинами.

— Не вижу.

— Только что был.

Мощная дама недовольно двинулась прочь, тряся вуалью. Билл повернулся к Флик.

— Разрешите, сэр.

На этот раз носильщик с тележкой. Вот ведь ирония судьбы. Носильщик, без сомнения, разыс-

кивает мощную даму с чемоданами, которая только что отвлекала Билла расспросами о носильщике. Ему бы свести эти родственные души, но он занят другим.

— Знаю, что ты скажешь, — продолжал он. — Ты скажешь: «А как же Алиса Кокер?» Забудь про нее. Это было наваждение. Обычное наваждение. Я люблю тебя, и только тебя. Да что там, я полюбил тебя с первой встречи.

Он удивился, как легко это выговорил. Самый вид Флик пробуждал красноречие. Она светилась доверием. Точно так же он сказал бы старому другу, что рад его видеть. Никакого смущения, никаких заиканий, как под царственным взором Алисы. Что на него тогда нашло? Как мог он подумать, что влюблен в девушку, чей взгляд наводит на него робость? Самая суть любви (а Билл полагал себя специалистом в этом вопросе), что тебе легко и радостно, как будто любимая — часть тебя.

— Флик, — сказал он, — давай поженимся, и побыстрее.

Ее глаза улыбались, самые яркие, самые голубые глаза в мире; вокзал Ватерлоо тоже лучился нездешним светом. Эта улыбка пронизывала каждую клеточку его тела счастьем, о котором

немыслимо и мечтать, словно перед путником на снежной равнине затеплилось светлое окошко. Пользуясь тем, что на этом замечательном перроне все целовались, Билл нагнулся и без лишних слов поцеловал Флик, как будто скрепил подписью давным-давно согласованный договор, много раз обсужденный и устраивающий обе стороны. Очень просто и естественно. Как-то так вышло, что все сразу стало на удивление правильным и ясным, и впервые с их встречи в кипящем водовороте Билл сумел произнести связную человеческую фразу.

— Как ты здесь очутилась? — спросил он. — Я собирался за тобой в Америку.

— У меня кончились деньги. Пришлось телеграфировать домой, и мне ответили телеграммой, чтобы я шла к твоему дяде. Он меня и привез.

— А разве Алиса Кокер о тебе не позаботилась?

— Я у нее не была.

— Почему? Ах да, конечно. — Только теперь до Билла дошло. — Какой же я болван! Чем чаще я оглядываюсь на себя, тем больше убеждаюсь, что я — законченный кретин.

— Неправда.

— Правда. Столько времени не понимать, что люблю тебя! Ты меня на самом деле любишь?

— Конечно. Всегда любила.

— Не понимаю, за что, — честно признался Билл. — Вижу, что любишь. Чувствую. Но за что?

— За то, что ты — самый лучший.

— С ума сойти! Наверное, правда. Во всяком случае, когда ты так на меня смотришь, я в это верю.

Флик ухватила его за руку.

— Билл, милый, что нам делать?

Билл удивился.

— Пожениться, конечно. Чем скорее, тем лучше. К слову, мне придется искать работу, не можем же мы жить без денег. Но это устроится. Я чувствую, дядя Кули поможет. Главное — начать.

— Это будет очень трудно.

— Ничуть! Вот увидишь!

— Я про себя. Все считают, раз я вернулась, значит, согласна выйти за Родерика.

— Что? — честно изумился Билл. — Ты хочешь сказать, эту глупость еще не забыли? В двадцатом веке кто-то еще верит, будто девушку можно выдать замуж насильно?

— Если дядя Джордж и тетя Фрэнси что-то решили, неважно, в каком веке это происходит.

— Но ты не выйдешь? — встревоженно спросил Билл.

— Конечно, не выйду, — твердо отвечала Флик. — Только надо быстро что-нибудь придумать. Я точно знаю, что меня запрут. Я себя запятнала, я — беглая. Мне лучше не сопротивляться, пока ты все не устроишь. Как будет готово, сообщи.

— Я напишу.

— Нет, они увидят твое письмо, и тогда все пропало.

Она осеклась. Билл, не сводивший глаз с ее лица, увидел, что она вздрогнула.

— Что такое? — спросил он.

— Билл, — быстро зашептала Флик. — Не двигайся. Стой, где стоишь, и делай вид, что ты мне никто. Сюда идет тетя Фрэнси. Надо было догадаться, что она приедет встречать.

Женщина, идущая по перрону, настолько отвечала представлениям Билла о сестре сэра Джорджа, что ему на мгновение показалось, будто они знакомы. Тем не менее он занервничал. Тетя Фрэнси с трудом огибала багажную тележку, и Флик воспользовалась этой заминкой.

— Не двигайся. Она решит, что мы познакомились в дороге.

— Как с тобой связаться? — быстро сказал Билл. (Враг уже обогнул чемоданы.) — Придумал. Ка-

кую газету вы читаете по утрам?

— «Ежедневный обзор». Дядя Джордж издает.

— Смотри в колонке «Крик души».

Флик кивнула и быстро обернулась к величественной тетке.

— Тетя Фрэнси! — вскричала она.

С заметной холодностью миссис Синклер Хэммонд подставила беглянке щеку. Ее распирало от желания сказать то, что не принято говорить при чужих. Длиннейшая нотация дожидалась лишь той минуты, когда Билл отойдет.

Флик повернулась к Биллу.

— До свидания, мистер Роулинсон, — весело сказала она, протягивая руку. — Спасибо, что помогли с вещами.

Билл понял намек. Он поклонился величественной тете Фрэнси и пошел прочь, чувствуя себя средневековым рыцарем, который за более спешными делами оставил деву дракону.

Глава XV. Джадсон встречает старую знакомую

Официант, подав кофе и сигары, удалился, и Билл, перегнувшись через стол, заговорил доверительным шепотом.

— Джадди, старик, — сказал он, — я должен тебе кое-что сообщить.

За время еды он не единожды собирался с духом, чтобы начать, но всякий раз оркестр (имевший дурную привычку неожиданно вступать с «Богемой» или еще более громкой классикой) разражался очередным пароксизмом. Билл, который испытывал острую потребность излить душу, бесился. Со встречи на вокзале Ватерлоо прошла неделя. Всю эту неделю он носил в сердце тайну, и она с каждым днем все сильнее рвалась наружу.

Пришло время поделиться ею хоть с кем-нибудь, а во всем большом городе на роль слушателя годился один Джадсон. Друг с удовольствием затянулся.

— Валяй, — добродушно произнес он.

Во-первых, у него самого была припасена приятная тайна, во-вторых, он был сегодня рас-

положен ко всему миру, а к Биллу — особенно. За последнюю неделю между ними восстановилось прежнее уважение. Сникший было друг внезапно ожил, словно политый цветок. Он насвистывал, расхаживая по квартире, а сегодня превзошел самого себя, пригласив Джадсона пообедать в «Регенте», а после закатиться на ревю в «Альгамбру». Джадсон всецело одобрял перемену.

Билл опасливо огляделся. Официант исчез. Ближайшие посетители сидели достаточно далеко. Оркестр вышел из очередного приступа и теперь медленно оправлялся, неспособный временно производить шум. Билл решил, что можно продолжать.

— Ты не заметил, что в последние дни я несколько изменился? — спросил он.

— Еще как! — от души поддержал Джадсон. — Прямо солнечный луч.

— Так я скажу тебе отчего. Джадди, старина, я понял, что такое любовь.

— Как, опять?! — воскликнул Джадсон.

Билл нахмурился. Он ждал большего такта.

— Если ты про Алису, — сухо сказал он, — то это было наваждение.

— Ясно.

— Теперь все по-настоящему.

— А!

— Что значит «а!»? — обиженно переспросил Билл.

— Ничего. Просто «а!». Можно же, — сказал свободолюбивый Джадсон, — воскликнуть «а!».

— Это прозвучало так, словно ты сомневаешься в моих словах.

— Да ничуть. Я просто подумал…

— Что?

— Ну, не слишком ли скоро? То есть неделю назад ты сходишь с ума по Алисе, а через семь дней забываешь ее и влюбляешься в другую. Нет, я тебя не виню, — милостиво заключил Джадсон. — Я вообще за быстроту.

Билл уронил пепел в кофейную чашку. Он жалел, что вынужден изливать ему душу. Бесчувственный чурбан — вот Джадсон Кокер в двух словах. Потрепаться о пустяках — пожалуйста, но никакого сердца.

— Я не знаю, что ты считаешь быстротой, — сказал Билл.

— Может, тебе показалось, что это было не так и скоро, — сказал примирительно Джадсон.

— Я знаю Флик много лет.

— А, Флик! — с жаром подхватил Джадсон. — Таких девушек поискать. Если бы ты полюбил

Флик…

— Я полюбил.

— Давай-ка разберемся, — сказал Джадсон и отхлебнул кофе, чтобы прояснить мысли. Вечер проходил в сугубо безалкогольном духе, тем не менее в голове у него слегка мутилось. — Неделю назад ты был без ума от Алисы. Потом ты влюбился в другую девушку и рассказал мне о ней. Теперь ты говоришь, что любишь Флик. Не понимаю. По-моему, это верная дорога к двоеженству. Я сам, — великодушно добавил Джадсон, — ничего против двоеженства не имею. Наверное, очень приятно, когда у тебя два дома.

Билл внутренне застонал. Лучше изливать душу диктофону, чем тратить слова на это бессмысленное существо.

— Нет, какой болван! — в сердцах произнес он. — Неужели до тебя не дошло, что я с самого начала толкую о Флик?

— То есть девушка, в которую ты влюбился, — Флик? — изумленно произнес Джадсон. — Не вторая, в смысле не третья?

— Нет никакой третьей девушки, — сквозь зубы процедил Билл.

— Ты сказал, что есть.

— Ничего я не говорил. Я внезапно понял, что

всегда любил только Флик.

— А! Теперь ясно. Ты всегда любил только Флик? Жаль, ты не понял раньше, когда она не уехала в Америку.

— Если б она не уехала в Америку, я бы этого не понял.

— Что же ты будешь делать? Пошлешь телеграмму?

— Она вернулась.

— Неужели?

— Да. В субботу я встречал дядю и увидел ее. — Голос Билла дрогнул. — Джадди, я сказал, что люблю ее, и она ответила, что любит меня.

— Обалдеть.

— Что она во мне нашла? Ума не приложу.

— Я тоже, — согласился Джадсон.

— Но тут есть одна загвоздка. Понимаешь, она вернулась, чтобы выйти за Пайка.

Джадсон содрогнулся.

— За того, который написал, что Тодди ван Риттер основал Шелковый Клуб? Слушай, Билл, ты должен вмешаться. Это же ни в какие ворота. Я ничего не имею против Тодди. Тодди, доложу тебе, повел себя крайне благородно — сегодня я получил от него письмо, — но вот Пайк… Ты должен любой ценой ее остановить, чтоб она за

него не вышла.

— Она и не выйдет, — твердо сказал Билл. — Ты пойми, она осталась на мели, струсила и послала своим телеграмму, что хочет домой. Они все устроили, но теперь считают, что она выйдет за Пайка…

— За эту скотину! — возмутился Джадсон. — За последнего подонка! Это невозможно.

— Этого и не будет, — нетерпеливо произнес Билл. — Но пойми, она не может снова сбежать из дома, пока не уверена, что я смогу о ней позаботиться. А загвоздка в том, что я не могу о ней позаботиться, пока не докажу дяде, что способен работать.

— Разоблачишь проходимца Слинсби, и дело в шляпе.

— Откуда я знаю, что он проходимец?

— Проходимец, — с жаром произнес Джадсон. — Я не говорил тебе раньше, но я попросил у него выпить, а он дал мне чашку какао и сказал, что оно питательное.

— Теперь она пишет, что ее торопят со свадьбой, — продолжал Билл. — Я каждый день даю объявление, а сегодня получил письмо, что свадьба через неделю. Получается, что я сам их на это толкаю! — Он застонал. — Пусть только

попробуют! Я выкраду Флик, женюсь и устроюсь на любую работу. На любую. Только бы продержаться какое-то время, пока я стану на ноги.

— Мда, — с сомнением произнес Джадсон. — По-моему, это дохлый номер.

— В каком смысле?

— Знаешь, у некоторых слишком мало мозгов, чтоб владеть улицами, но слишком много, чтобы их мести.

— Буду мести, если до этого дойдет! Ты не знаешь, что такое любовь, а то понял бы, что ради нее можно пойти на все.

Беззаботная холостяцкая жизнь настолько устраивала Джадсона, что он не мог как следует посочувствовать.

— Не скажу, чтобы мне самому хотелось жениться, — задумчиво произнес он, — но, похоже, что-то в этом все-таки есть. Приятно, наверное, встать и сказать: «Баста, ребята! Мне больше не наливать! Я — домой. Жена заждалась».

— Вот именно, — согласился Билл, приятно удивленный, что чурбан способен на такие возвышенные чувства.

— И все-таки, — в раздумье продолжал Джадсон, — есть другая сторона. В три утра ты проскальзываешь в дом, на цыпочках поднимаешься

по лестнице, вставляешь ключ в замочную скважину, которую накануне заботливо смазал маслом, — и обнаруживаешь, что жена закрылась на цепочку. Нужно посмотреть со всех точек зрения.

Билл подозвал официанта, который снова возник и многозначительно мялся рядом. От возмущения он просто не мог говорить. Еще раз пожалев, что вынужден поверять свои тайны бесчувственному животному, он молча расплатился и вышел.

— Вот что я подумал, — сказал Джадсон, устремляясь за ним к дверям. — Возьми-ка специальное разрешение. Вдруг надо будет расписываться сей момент. Без разрешения нельзя.

— Я взял, — холодно произнес Билл. После этого он молчал, пока они не заняли места в «Альгамбре», да и здесь открыл рот лишь однажды: чтобы сказать «Заткнись!» спутнику, которого программка привела в неимоверный восторг.

— Да это же она, — с жаром возразил Джадсон, тыча ему в лицо программку и указывая на имя одной из исполнительниц. — Лилия Бум — редкое сочетание. Говорю, это она. Мы познакомились в Нью-Йорке, она танцевала в «Фолли». Скажу точно, как только выйдет кордебалет… Да! Она!

Вторая с краю. Провалиться мне! Кто бы подумал, что она здесь!

Он на мгновение смолк, но тут же возбужденно залопотал, как однажды вечером они с Джимми Булем, Фредди Осгудом, мисс Бум и ее приятелем — имя на языке вертится, вроде бисквит, но не бисквит, — закатились в Гринвич-Виллидж отмечать день рождения Джимми, а Фредди так накачался, что полез играть на барабане, хотя трезвый Фредди сам бы первый сказал, что смыслит в барабанах, как…

— Заткнись! — сказал Билл.

— Ладно, — огорчился Джадсон, — это все равно она.

В современном ревю есть некоторая лихорадочность, которая веселит человека беспечного, но раздражает тех, кто снедаем тяжкой заботой. Вскоре Билл, которого не отпускали мысли о Флик и ее письме, пожалел о своей идее. Грохот музыки и бессмысленное мельтешение кордебалета действовали ему на нервы. К концу первого отделения он понял, что сыт по горло. Ему хотелось на воздух.

— Я еду домой, — объявил он.

— Домой? — изумился Джадсон. — Да ты что?

— Хочешь досидеть до конца, оставайся. А мне

надо пройтись и подумать.

— Ах, подумать! Тогда ясно. До скорого.

Билл вышел из «Альгамбры» и, перейдя Лестер-сквер, бессмысленно побрел в сторону Пиккадилли. После жаркого и шумного театра прохладный ночной воздух действовал успокаивающе. В загадочной небесной сини проступили звезды, они подмигивали Биллу, словно сочувствовали ему и жалели, что не могут помочь. В такую ночь положено стоять под окном у любимой и…

Билл остановился так резко, что его чуть не сбило такси. Как же он не додумался раньше! Ясно, что в такую ночь для него есть лишь одно место в мире. Он замахал таксисту, который, высказав, что думает по его поводу, собрался уже ехать дальше.

— В Уимблдон, — сказал Билл.

Глава XVI. Свидание для Билла

Когда Билл свернул на улицу принца Уэльского, Лондон был пуст и безжизнен. Даже кофейня в конце улицы стихла, покинутая завсегдатаями. Он не знал, что уже давно за полночь, часы его встали, как и само Время. Он смутно ощущал приятную усталость, поскольку, как перед тем Джадсон, пришел из Уимблдона пешком — но не по необходимости, как тот, а потому, что в теперешнем возбужденном состоянии не мог передвигаться иначе.

Влюбленные — странный и непредсказуемый народ. Если б Билла спросили, чего он добился, проторчав три часа под окнами Холли-хауса, он бы не ответил, однако чувствовал, что потратил время не зря. Его рвение не угасил даже тот факт, что он, не зная расположения комнат, не мог определить, какое из гаснущих одно за другим окон принадлежит Флик. Очень может быть, что он обращал свой душевный пыл к окошку дяди Кули или даже миссис Хэммонд; его это не огорчало. Он сделал единственно возможное и теперь готов был рухнуть в постель, чтобы увидеть во сне внезапное богатство и время, в котором они с

Флик будут жить долго и счастливо.

Он поднялся на пять лестничных маршей к номеру девять доходного дома «Мармонт» и, ступая тихо, чтобы не разбудить Джадсона, прошел в спальню. Через десять минут он уже спал. Невозможно сказать, когда именно Билла разбудил шум — ему показалось, что рушится потолок. Вероятно, он проспал несколько часов, поскольку прямоугольник окна из черного превратился в серый. Он уже решил было, что грохот ему приснился, когда веселое похохатывание за дверью вернуло его к реальности. Кто-то колобродил в доме, и, как ни мало ему хотелось вылезать из постели, надо было пойти и разобраться. Только помешанный станет орудовать с таким хохотом, но серьезный жилец обязан вышвырнуть и помешанного грабителя. Билл сунул ноги в шлепанцы, вооружился стулом и ринулся вперед.

Шум, очевидно, произвела упавшая вешалка, а уронил ее Джадсон Кокер в попытке повесить шляпу. Теперь он стоял, удобно прислонившись к входной двери, и радостно обернулся в сторону Билла. Он по-прежнему был в вечернем костюме, но уже без белого галстука — его место заняла голубая лента, какую девушки обычно вплетают в косу; она шла наискосок поверх рубашки и

придавала Джадсону смутное сходство с послом. Волосы его были всклокочены, лицо светилось дружеским расположением. Во всем Баттерси не было сейчас человека счастливее Джадсона Кокера.

— Привет, Билл! — весело вскричал он. — Слушай, я никак не могу справиться с этой штуковиной. Я ставлю, а она падает, я опять ставлю, она опять падает, а я опять… О чем я?

Билл опустил стул и сурово посмотрел на Джадсона, потом наклонился и возвратил вешалку в вертикальное положение. Джадсон, наблюдавший за ним с напряженным волнением, словно Билл идет по проволоке над Ниагарским водопадом, восторженно закричал:

— С первого раза! — В его голосе не было и тени зависти, одно восхищение. — Вот так взял и поставил! Ты лучше меня, Гунга Дин[18]!

— Прекрати орать! Оглохнуть можно!

Джадсон покорно кивнул.

— Ты прав, Билл, то есть абсолютно. Ты всегда абсолютно прав. Это большое дело. Знаешь, Билл, я ужинал. Помнишь, я показал тебе девушку в Аль… аль… альбам… Погоди! — важно произнес

---

[18] Сноски: 18

Эти слова в стихотворении Р. Киплинга английский солдат обращает к убитому индусу-водоносу.

Джадсон, вскидывая руку. — Многие считают, что я не могу выговорить это слово. Считают, считают! На весь Лондон раззвонили, что я не могу выговорить слово «Аль-бам-бра». А я могу, могу, могу. И я рад! рад!! рад!!! О чем я?

Билл слегка отошел от суровости, охватывающей нас при внезапном насильственном пробуждении. Ему даже стало интересно.

— Ты кого-то встретил и тебя позвали ужинать? — спросил он.

— Нет, сэр! — отвечал Джадсон с некоторой даже заносчивостью. — Я позвал. Знаю, что ты сейчас спросишь. Ты спросишь, откуда у меня деньги? Очень честно с твоей стороны задать подобный вопрос. По-мужски, как я это называю, по-мужски. У меня завелись деньги, Билл, потому что у меня есть голова.

— Завтра она о себе напомнит, — жестоко заметил Билл.

— Светлая рассудительная голова, — продолжал Джадсон. — У других ее нет. И где они? Метут улицы. Знаешь, что я сделал? Послушай, послушай. Ты человек молодой, хочешь пробиться в жизни, тебе это полезно. Аль-бам-бра! Раз скажешь, а дальше уже и нетрудно. Помнишь, как во всех лондонских газетах пропечатали, будто

Тодди ван Риттер основал Шелковый Клуб? Так вот, я вырезал заметку, послал Тодди и приписал, так и так, ты молодой человек, стремишься пробиться в жизни, а я вот сделал тебе доброе дело, напечатал это во всех лондонских газетах. И там же — главное, Билл, не упускай из виду слово «Аль-бам-бра» — попросил прислать мне сотню зелененьких. Что он сделал? Прислал. Сегодня утром принесли. Если кто думает, будто после легкого ужина я не могу произнести слово «Аль-бам-бра», так это вранье! Вранье. — (При этих словах Джадсон взмахнул рукой и чуть не упал, ему пришлось ухватиться за вешалку.) — Подлое, гнусное вранье. А ты, Билл, не хуже меня знаешь, что нет ничего страшнее вранья.

— Шел бы ты спать, — сказал Билл.

— Пойду, — согласился Джадсон, мудро кивая светлой рассудительной головой. — Вот прямо сейчас и пойду. Хотел бы я видеть человека, — он с внезапной свирепостью воззрился на вешалку, — который помешает мне улечься в постель. Да, я такой! Решительный и откровенный. Кому не нравится, так и не надо. Я иду спать. Прямо сейчас!

— Сюда, — сказал Билл. — Осторожней, не споткнись.

— Надо же, — хихикнул Джадсон. — Ровно эти слова сказала та девушка. Из Аль-бам-бры. — Он остановился. — Билл, я что-то собирался тебе сказать. Очень важное. Но что? Ага! Снова забыл. Ладно, вспомню. Учти, Билл. Сколько б небо ни хмурилось, сколько б погода ни портилась, я вспомню. Спокойной ночи, Билл. Заболтал ты меня! — И с коротким вскриком «Аль-бам-бра!» Джадсон исчез в комнате.

В окно уже струился розовый утренний свет, и птичье население парка Баттерси приветствовало его звонким чириканьем. Свет и гомон не дали Биллу заснуть; оно и к лучшему, потому что через час дверь отворилась, и вошел Джадсон в синей пижаме.

— Пришел сказать тебе, что собирался, — произнес Джадсон. — Минуту назад вспомнил.

— Ну?

Джадсон на мгновение погрузился в задумчивость.

— Извини. Опять забыл, — сказал он. — Доброй ночи, старик.

Он ушел. Билл прикрыл глаза. Ему показалось, что прошло несколько минут, но когда он открыл их снова, утро было в самом разгаре — распахнув дверь, он услышал приятное звяканье сковород-

ки. Из-за двери в комнате Джадсона раздавался храп. Под это мелодичное сопровождение Билл прошел в ванну.

Он успел позавтракать и читал воскресную газету, когда наследник Кокеров вышел из спальни. Джадсон был слегка бледен, но тем не менее выглядел много лучше, чем можно было предположить несколько часов назад. Мысли его, видимо, тоже пришли в порядок. Он дружески, хотя и чуть приглушенно, пожелал Биллу доброго утра, потом быстро выпил четыре чашки кофе подряд.

— Мне приснилось, — сказал он, — или я вчера немного шумел? Вроде бы врезался во что-то…

— Ты уронил вешалку.

— Вешалку! — радостно повторил Джадсон. — Вот она, зацепка! Теперь я все вспомнил. Сколько я успел вчера рассказать? Или я не рассказывал? Мне вроде помнится, что мы болтали.

— Ты сказал, что Тодди ван Риттер прислал тебе сто долларов.

— Верно. — Джадсон налил себе еще чашку, но от яичницы отказался легким движением головы и печальной улыбкой страдающего святого. — Вообще-то, — сказал он, имея в виду предложенное ему питательное блюдо, — мне трудно на нее

смотреть. Загороди тарелку газетой, Билл. Вот так. Странная вещь с яичницей после этого дела. Вроде как она на тебя глядит. — Он жадно отхлебнул кофе. — Ну так вот. Я говорил, что угощал ужином Лилию Бум?

— Ты сказал, что пригласил кого-то поужинать.

— Ну да. Лилию Бум. Я ее тебе показывал. Хорошая нью-йоркская знакомая. Напомни потом, чтобы я рассказал, как мы с ней, с Джимми Булем и Фредди Осгудом…

— Спасибо, — отвечал Билл. — Об этом ты рассказал в «Альгамбре».

— Правда? Так вот, вчера она прыгала по сцене, потом я подошел и пригласил ее ужинать. Мы отлично провели время.

— Это я заметил.

— Собрали классную компанию и закатились к одному домой. Немножко посидеть. Соседи снизу вызвали полицию только в половине четвертого. Так вот, что я пытаюсь тебе рассказать. Лилия мне сказала потрясную вещь. Ты будешь скакать от радости. Я бы еще вчера тебе передал, да из головы вылетело.

— Теперь-то ты вспомнил?

— Конечно. Это про гада Слинсби.

— Слинсби! — Билл отложил вилку и нож. Только сейчас он отважился поверить, что у Джадсона действительно важная новость. — Он-то тут при чем?

Джадсон печально тряхнул головой, словно сокрушаясь об испорченности этого мира.

— Слинсби подло обошелся с Лилией, Билл. Точно не расскажу, потому что, между нами, плоховато соображал, но суть в том, что у Слинсби с ней что-то было, а потом он слинял и закрутил с девицей из «Гейти». Ну, Лилия долго не раздумывая, поставила ему фингал и навсегда исчезла из его жизни.

— Фингал? Так вот, значит…

— Именно. Это было вечером накануне того, как Флик пришла к нему на работу. Но речь о другом. Я перехожу к самому главному. Разговор зашел о тебе, я упомянул, что ты племянник старого Парадена, приехал в Лондон узнать, чего у бедняги падают прибыли. Тут Лилия сказала, что тебя-то ей и надо — она объяснит, в чем финт.

Билл взволнованно выпрямился.

— Так Слинсби и вправду финтит?

— Насколько я понял с ее слов, давно и на полную катушку. В том-то и суть. К тому времени я набрался, можно сказать, до бровей, но это я усек.

Слинсби, тоже, надо думать — с пьяных глаз, сделал ужасную глупость, выболтал ей все. До последней подробности! Где труп зарыт, и все такое. Не пойму, как эти хваленые умники дают маху с женщинами. Возьми хоть Самсона. Или, скажем, Марка Антония. Чем выше они[19], — вздохнул Джадсон, — тем больнее им падать.

— Так в чем дело? Что там у Слинсби за афера?

— А вот этого, — отвечал Джадсон, — она мне не сказала. Для тебя преберегает. Хочет рассказать лично, чтобы ты передал старику. Решила насолить Слинсби. Я все устроил. Сегодня вечером угощаешь ее обедом.

— Сегодня?

— Ну да. Если хочешь, пойду с тобой.

— Спасибо, не надо.

— Ты уверен? Меня бы нисколько не затруднило.

— Уверен, спасибо.

— Ладно, — обреченно произнес Джадсон. — Наверное, ты прав, — добавил он после недолгого раздумья. — Может, не так и плохо посидеть вечером в тишине, лечь пораньше. Не знаю, с чего бы это, но мне сегодня неможется. Голова, то-се.

---

[19] Сноски: 19

Слова, произнесенные перед боем Бобом Фитцсимонсом, боксером, чемпионом мира в тяжелом весе с 1897 по 1899 год.

Погода, наверное. Ладно, встречаетесь у Марио в четверть девятого. Ты ее узнаешь. Высокая такая брюнетка, похожа на танк.

— У Марио? — повторил Билл. — Нет, нет…

— А? Почему?

— Это место свято. Когда Флик уезжала в Америку, мы устроили там прощальный обед.

— Поедешь к Марио, и без никаких! — твердо произнес Джадсон. — Господи, неужели она станет все переигрывать из какого-то твоего каприза? Скажи спасибо, что она вообще согласилась с тобой встретиться.

— Да, — сказал Билл. — Наверное, ты прав.

— Четверть девятого, в вестибюле. Ты сразу ее узнаешь. Она будет в красном платье. На испанку похожа, глаза блестят, полон рот зубов…

— Ух!

— Что? — забеспокоился Джадсон.

— Ничего.

— Отличная девушка. Огонь! Тебе понравится.

— Обязательно, если расскажет что-нибудь важное о Слинсби. Джадди, ты понимаешь, что это все меняет? Если ты прав, дядя Кули мне ни в чем не откажет.

— А то! — согласился Джадсон.

— Тогда можно будет забрать Флик от этих

ужасных людей и сразу пожениться. Господи! Джадди, ты представить не можешь, как я люблю Флик. Она просто фея какая-то. Порой, когда я сижу один, я отчетливо вижу ее прекрасное лицо, сияние синих глаз…

Джадсон потянулся за спортивной газетой и водрузил ее перед собой. Обязанности друга тоже не безграничны.

— Потом, потом, старик, — сказал он.

Глава XVII. Воскресный вечер у Марио

1

Ничего похожего на дух дружества и оптимизма, воцарившийся по адресу Баттерси, доходный дом «Мармонт», 9, не проникло с приездом Флик в Холли-хаус, Уимблдон. Хотя возвращение блудной племянницы сопровождалось почти библейским ликованием, разве что без упитанного тельца, Флик не радовал вновь обретенный кров; день за днем она заставляла себя думать о Билле, чтобы окончательно не впасть в тоску.

Лекция, которую тетя Фрэнси начала на вокзале Ватерлоо, длилась без остановки целую неделю, а к семи часам вечера в воскресенье она переросла в такой поток красноречия, что мистер Синклер Хэммонд сбросил оковы возраста и проявил свирепую решимость, тем более устрашающую, что исходила она от человека мягкого.

— Флик, — сказал мистер Хэммонд странным, напряженным голосом, перебив монолог жены.

— Да, дядя Синклер?

— Вышла бы ты на минутку.

Миссис Хэммонд устремила на мужа взгляд, под

которым он в прежние времена тут же уткнулся бы в книгу. Но сегодня это не подействовало. Ад не ведает той ярости, на которую способен мирный покладистый человек, когда наконец решается дать отпор. Мистер Хэммонд неделю кипел на медленном огне, и силы в нем скопилось с избытком. Подобно тому, как другой мягкий человек, Билл Вест, рассвирепел от удара палкой, так и Синклер Хэммонд бросился в бой, слыша, как его любимую племянницу учат и учат, песочат, воспитывают и вообще терзают.

— Я говорю с Флик, — холодно сказала миссис Хэммонд.

— Выйди, Флик, — с кривой полуулыбкой произнес мистер Хэммонд.

Флик вышла.

Миссис Хэммонд величаво повернулась к мужу. Некому было сказать ей, как некогда французскому королю, что это не бунт, а революция, которая положит конец ее безраздельному владычеству, и она думала, что подавит его привычным способом.

— Помолчи, — сказал мистер Хэммонд. Миссис Хэммонд замолчала.

— Тебе придется прекратить это, Фрэнси, — сказал мистер Хэммонд, но глаза его, устремленные

на жену, горели огнем. — У тебя было вдоволь времени высказать Флик все, что надо, и даже больше, а теперь довольно. Ты поняла? Я не позволю мучить бедного ребенка. А чтобы у тебя не было соблазна, я еду с ней ужинать. Отвезу туда, где музыка, огни и добрая тяжелая пища. Оркестр будет играть, свет — заливать зал. Кто знает, может, я даже с ней потанцую. А когда мы вернемся — часам так к шести утра, — ты встретишь ее своей знаменитой улыбкой, заключишь в материнские объятия и будешь беспечно болтать исключительно о светлых сторонах жизни. Я понятно выразился?

— Синклер, — возразила миссис Хэммонд, и в голосе ее звучала испуганная мольба. — Ты не можешь увезти Фелисию. Сегодня приедет Джордж!

— Твой брат Джордж, — сказал мистер Хэммонд, — человек во многих отношениях замечательный. Я нередко им восхищаюсь. Но в застольные собеседники Флик он сейчас не годится. Он будет ей выговаривать, а я не намерен этого допустить.

— Он удивится, если Флик не будет за обедом! — простонала миссис Хэммонд.

Мистер Хэммонд нежно поцеловал ее в лоб. Он очень любил свою Фрэнси.

— Зато, — игриво сказал мистер Хэммонд, — он сможет написать об этом статью. «Знаменитые племянницы, которые удивляли своих знаменитых дядюшек». Ладно, пойду одеваться. Боюсь, что случай требует белого жилета. — Он вздохнул. — Ладно, в этой жизни все мы должны приносить жертвы.

Он снова поцеловал миссис Хэммонд и, напевая, вышел из комнаты.

— Флик! — позвал он. Флик появилась из гостиной.

— Флик, — сказал мистер Хэммонд, — мы с тобой — двое молодых лоботрясов. Как насчет того, чтобы где-нибудь пообедать? В каком-нибудь отвратительном кабаке. Давай поедем в ночной клуб из тех, о которых пишут «Светские сплетни», и где царит сущий ад.

Флик с недоверчивым ужасом подняла на него глаза. Она очень любила дядю, но понимала, чего он может и чего не может. Это был открытый мятеж — все равно как если б мистер Хэммонд выбросил флаг со скрещенными костями.

— Это было бы здорово! — сказала она.

— Это будет здорово, — поправил мистер Хэммонд.

— Но сегодня приезжает дядя Джордж, — на-

помнила Флик.

— Знаю. Представляешь, как весело пировать, зная, что дядя Джордж засел в этой гостиной. Все равно что включить холодный душ и смотреть на него из-за порога.

Флик бросилась ему на шею.

— Какой ты милый, дядя Синклер!

— Ну, мне показалось, что пора немного встряхнуться. Куда едем? Ты знаешь хорошенькое злачное местечко?

— Поехали к Марио.

— К Марио? Не слыхал. Для разнузданного юнца, о которых сейчас столько пишут, я плоховато знаю лондонский Вест-энд. Достаточно ли оно злачное? Я хочу поехать в такое место, где кидаются хлебными катышками. Как у Марио с этим?

— Отлично! Молодой лорд Тревельян как-то уложил шестерых официантов шестью выстрелами.

— Шестерых, — задумчиво повторил мистер Хэммонд. — Ладно, посмотрим, что получится у нас. Откуда ты знаешь этот притон?

— Я была там. — Флик замялась. — С одним человеком.

— Хм? О? А! — Мистер Хэммонд чуть пристальнее взглянул на племянницу. Голос его стал

серьезным. — Кто водил тебя к Марио, Флик?

— Билл Вест. Племянник мистера Парадена. Помнишь, я рассказывала в саду.

— Помню. Так значит, он в Англии и вы встретились?

— Да.

— Флик, — сказал мистер Хэммонд, — знаю, ты считаешь меня старым занудой, но, боюсь, вечер в ресторане придется начать с разговора. Не обидишься?

— На тебя — никогда.

— Ладно, — бодро сказал мистер Хэммонд, — к рыбе я уже закончу. А там начнем кидаться хлебом. Этот лорд Тревельян, он как их бил, сидящих или на лету?

— На вспорхе.

— Вот как? — сказал мистер Хэммонд. — Ладно, попробуем. Беги одевайся. Мне надо выкопать из нафталина белый жилет.

2

— Кликни-ка официанта, дорогуша, — сказала мисс Лилия Бум, указывая на несчастного, который метался между столиками, пытаясь выполнить работу двух обычных людей, — и напомни, что он, когда был маленьким мальчиком,

обещал нам бутылку лансона.

Билл расплылся в вежливой улыбке и повернулся исполнить ее приказ.

— Официант!

— Громче, — посоветовала мисс Бум. — Поменьше от пекинеса, побольше от сенбернара.

— Официант!

— Уже лучше. Голос у тебя хороший. Если будешь тренировать, тебя возьмут объявлять поезда на станции.

Билл снова расплылся. Ему казалось, что это длится уже целую вечность.

Если верно, что можно улыбаться, улыбаться и быть подлецом[20], то не менее верно и другое: можно расплываться, расплываться и сидеть как на иголках. Билл не испытывал ни малейшей радости от прославленного ночного клуба «У Марио».

Даже в те далекие нью-йоркские дни, когда он таскался на вечеринки вместе с Джадсоном Кокером, они не доставляли ему особенного удовольствия. Еще до того как он ошибочно вообразил, что влюбился в Алису Кокер, и вследствие этого обратился мыслями к более серьезным

---

[20] Сноски: 20

Можно улыбаться, улыбаться... Гамлет, V, 1.

вещам, Билл пришел к твердому заключению, что эти вечеринки — скука смертная. Чтобы быть там на своем месте, надо обладать хорошо подвешенным языком. Надо заслужить репутацию уморительного хохмача и классного прикольщика, а к тому же иметь желудок из асбеста и нержавейки. Билл определенно не мог похвастаться этими качествами. Его желудок возмущался уже после второго или третьего коктейля, и никто лучше него самого не знал, что язык у него подвешен так себе, что хохмач он убогий, и ни один сколь-нибудь беспристрастный критик не назовет его прикольщиком.

Сегодня ему пришлось еще хуже. Раньше он был один из многих, сейчас весь груз ответственности лег на его плечи. И нелегкий, надо сказать, груз. Мало того что обедать здесь с кем-нибудь, кроме Флик, граничило со святотатством, бурная натура мисс Лилии Бум подавила его с первых секунд. Оставалось только дивиться, как верно описал ее Джадсон Кокер.

Джадсон сказал, что она похожа на танк. Чистая правда. Джадсон пообещал, что на ней будет красное платье. Тоже верно, хотя сказано слабовато. Еще Джадсон сказал, что она огонь. Ошибся он в одном: ему казалось, что мисс Бум понравится

его другу. Биллу трудно было бы назвать живое существо, которое вызвало бы у него большую неприязнь. Ему не нравились большие блестящие глаза, эффектная внешность, слово «дорогуша», которое она начала употреблять еще за супом. А больше всего ему не нравилось, как она подается вперед, хохочет ему в лицо и, пошутив, хлопает его по руке. Мистер Слинсби убедился ранее, что рука у Лилии тяжелая, а теперь она похлопывала ею, как разыгравшаяся лошадь копытом.

Однако он терпел. Мисс Бум, при всех своих внешних недостатках, обладала одним существенным достоинством — она знала, где мистер Слинсби зарыл труп. Так что Билл, хотя и подумывал с опаской, на что она станет похожа, когда официант принесет наконец бутылку, собрал бульдожье мужество Вестов и решил, стиснув зубы, держаться до конца.

Какой именно труп зарыл мистер Слинсби, еще предстояло выяснить. Пока тянулся бесконечный обед, мисс Бум наотрез отказывалась говорить о «делах».

К тому времени, как принесли кофе, Билл узнал одно: секрет этот — настоящая конфетка, ради которой стоит и потерпеть; и все это время он так старательно развлекал мисс Бум, что даже

заслужил похвалу. Она назвала его «хорошим мальчиком». Все знают, что от хорошего мальчика лишь один шаг до уморительного хохмача, а там недалеко и до классного прикольщика. Вскоре после того как Билл был произведен в хохмачи, мисс Бум выразила желание потанцевать.

Билл вежливо встал. Мысль о том, чтобы танцевать с очаровательной спутницей, наполняла его отвращением, но он взял себя в руки. В то самое время, когда они второй раз кружили по залу, Флик с дядей Синклером вошли в ресторан и поднялись по лестнице на балкон. Уступив старомодным приличиям, мистер Хэммонд решил сесть на балконе, а не в основном зале. В зале было слишком много блистательных созданий, безусловно, добрых сердцем и внимательных к родителям, на которых он тем не менее предпочитал смотреть издали. Балкон, оставленный для тех, кто приходит к Марио без вечерних костюмов, представлялся на девяносто девять процентов свободным. Здесь его белый жилет пропадет втуне, но ничего не попишешь.

Сколько Билл танцевал, он бы сказать не мог — ему казалось, что целую вечность. Время от времени музыка смолкала, они ненадолго возвращались к столику, чтобы через мгновение

вновь устремиться на зов саксофонов. Когда Билл уже начал подозревать, что мощная фигура мисс Бум отлита из каучука, та неожиданно выразила желание отдохнуть. Они сели, и Билл, чувствуя, что, если упустит эту возможность, к следующей уже ничего не будет понимать от усталости, подался вперед.

— Рассказали бы вы мне о Слинсби, — взмолился он.

— Тебе это интересно? — игриво осведомилась мисс Бум.

— Очень.

— Тогда слушай хорошенько, — сказала мисс Бум. — Рассказываю!

Билл придвинул стул еще на несколько дюймов ближе и расплылся в улыбке, преданно глядя мисс Бум прямо в глаза. Та для затравки хлопнула его по ноющему плечу и начала.

3

Мистер Хэммонд одернул жилет, который с последнего появления на людях загадочным образом съежился, и заинтересованно взглянул через перила на праздничную толпу.

— В нашей современной жизни нет ничего более символичного, — сказал он, — чем отношение

порядочного круга к воскресному вечеру. Такие места, как это, — внешний и внутренний знак внешних и внутренних перемен в английской семье. Двадцать лет назад уважаемый семьянин вроде меня и помыслить не мог, чтобы выйти воскресным вечером из дома. Двадцать лет назад я бы проводил последние священные часы выходного дня под родимым кровом в окружении любящих домочадцев. Мы бы ужинали довольно жесткой холодной говядиной, довольно мокрым салатом, довольно клеклым яблочным пирогом, бланманже и очень большой, очень желтой головкой сыра. Затем мы бы пели псалмы или, в чуть менее строгой семье, играли в застольные игры с карандашиком и листком бумаги. То, что я здесь и с трудом перебарываю соблазн уронить сардинку на голову вот того лысого джентльмена, означает Поступь Прогресса. — Мистер Хэммонд подцепил на вилку кусок закуски. — Теперь, когда я изложил сии прозаические наблюдения, — сказал он, — давай вернемся к твоему прошлому появлению в этом месте. Как ты тут оказалась?

— Меня привел Билл. Он бывал здесь однажды с мистером Слинсби. Это лондонский управляющий мистера Парадена.

— Значит, Билл… — сказал мистер Хэммонд. — Ну что же, выкладывай.

Флик внимательно поглядела на дядю. Насколько разумно рассказывать ему все? Что она любит Билла, Билл любит ее, мало того, она обещала бежать с ним по первому его слову. Не лучше ли дядю пощадить? Конечно, приятнее было бы открыться, И дядя ее не выдаст, но ему это будет стоить душевного спокойствия. Нет, ни за что!

— Я встретила его на следующий день после того, как ушла из дома. Ну, и поскольку я оказалась совсем одна, мы довольно много виделись.

— Ясно, — с сомнением произнес мистер Хэммонд.

— Мы частенько обедали вместе.

— Ясно.

Мистер Хэммонд начал скатывать хлебный шарик.

— Помнится, тогда, в саду ты сказала, что Уильям был предметом твоих девичьих грез. Очаровал ли он тебя и на этот раз?

— Он очень милый, — осторожно промолвила Флик.

— Надеюсь, ты не сказала, что некогда боготворила почву под его ногами?

— Когда мы встретились, Билл был влюблен

в другую.

Мистер Хэммонд явно обрадовался.

— А! — сказал он.

— Отчаянно и безнадежно, — быстро добавила Флик. — Держал дома двенадцать ее фотографий.

Мистер Хэммонд окончательно успокоился и с аппетитом принялся за жареного цыпленка.

— Должен признаться, Флик, — сказал он, — что ты сняла огромный камень с моей души. Может быть, ты порою подозревала, что я питаю к тебе отцовские чувства. Я старая развалина и живу только ради…

— Кажется, ты сказал, что принадлежишь к молодому поколению.

— Неважно. Для целей моей речи я старая развалина и живу только ради счастья моей золотоволосой доченьки.

— Вот бы я и вправду была твоя дочь! — с чувством сказала Флик.

— Чтобы крутить мной уж совсем как тебе вздумается? Тогда, наверное, да. Я тревожился о тебе, Флик. Я бы очень хотел, чтобы ты приняла правильное решение, и пришел к выводу, что такое решение — выйти за Родерика. Самый факт, что со временем он унаследует несколько миллионов фунтов, придает ему в моих глазах

особенный блеск.

— Я не знала, что ты такой жадный! Если б я кого полюбила, меня не остановила бы его бедность.

— Смелые слова. Но не забывай, бедность — банановая кожура на пороге любви… Куда это ты смотришь так зачарованно?

Флик смотрела на кружащиеся пары. Когда дядя заговорил, она вздрогнула и отвела взгляд, но тут же стала снова смотреть вниз. Будь мистер Хэммонд наблюдательнее, он бы заметил, что глаза ее расширились и застыли, а уголки губ странным образом поджались; но он не имел обыкновения примечать мелочи. Мало того, сейчас он курил сигару, которую приобрел с некоторым сомнением, а она оказалась такого редкого качества, что привела его в мечтательно-отрешенное состояние духа.

— Я гляжу на танцующих, — сказала Флик.

— Пропащие создания, — произнес мистер Хэммонд, уютно попыхивая сигарой.

Флик ложечкой чертила на скатерти иероглифы.

— Дядя Синклер, — сказала она наконец, — я думаю, молодые люди всегда любят девушек?

— Случается, — согласился мистер Хэммонд.

— Я хочу сказать, любят не какую-то определенную девушку, а… не знаю, как сказать. Наверное, есть мужчины, которые делают вид, что влюблены, и ведут себя так, будто действительно влюблены, и уверяют в этом, а сами проводят время с другими, и забывают тебя через день или два.

— Да, — отвечал мистер Хэммонд, — это довольно распространенное явление, если молодые люди не сильно изменились с моих дней. Постоянство — хрупкий цветок, который раскрывается лишь под солнцем зрелости. Конечно, — торопливо добавил он, — это не относится к Родерику. Он так не поступит.

— Я не о Родерике, — сказала Флик. Она чертила на скатерти очередной замысловатый узор, в уголках ее губ образовались маленькие складочки. — Думаю, ты прав.

— Насчет чего?

— Насчет разумного решения. Ну, то что ты назвал бы романтической любовью, довольно глупо, а главное — быть разумной.

— Во всяком случае, я так считаю. Хотя ты не можешь пожаловаться, что Родерик недостаточно романтичен. Да он дышит романтикой. Посмотри на его галстуки!

— Дядя Синклер, будь вы девушкой, вы бы вышли за человека, которому не можете доверять?

— О чем ты?

— Ну, если бы кто-то притворялся, что любит тебя, а сам бы встречался с другими… обедал с ними… танцевал… и, — Флик быстро взглянула через перила, — расплывался, глядя в их мерзкие рожи, — зловеще продолжала она. — Не почувствовал бы ты, что делаешь ошибку?

Мистер Хэммонд отечески похлопал ее по плечу.

— Не тревожься, Флик, — сказал он. — Родерик не такой. Будь он такой, я бы первый отсоветовал тебе за него выходить. От ненадежных людей лучше держаться подальше.

Глава XVIII. Черный понедельник

В наш поспешный век утро понедельника — самое тяжелое время. Именно тогда разнежившиеся за субботний вечер и воскресный день люди мучительно поеживаются при мысли о том, чтобы вновь взвалить на плечи бремя белого человека и тащиться на работу.

Однако мистер Слинсби, который на следующий день после встречи Билла и мисс Бум завтракал у себя, на Брэтон-стрит, не испытывал подобных чувств. Все было хорошо в этом лучшем из миров. Глаза его сверкали, сердце наполнялось покоем. Он ел почки с поджаренным хлебом и читал утренние газеты из сложенной рядом стопки.

Большинство людей за завтраком довольствуются одной газетой. Некоторые сибариты прочитывают две. Мистеру Слинсби приносили все утренние лондонские газеты. Ни один, даже самый скромный, листок не миновал этой внушительной стопки.

Однако чтение газет для него было отнюдь не праздным занятием. Мистер Слинсби разворачивал газету, мгновенно пробегал глазами и бросал

на пол. Его интересовало одно — театральные рецензии. В прошлую субботу в «Бижу» прошла премьера новой комедии «Расскажи папочке», замечательной тем, что мистер Слинсби финансировал ее в одиночку. Судя по сегодняшним, да и по воскресным газетам, он раскопал золотую жилу.

Мистер Слинсби дочитал последнюю рецензию и счастливо откинулся в кресле. Мечта всех алхимиков, вступающих на театральное поприще, — отыскать философский камень, поставить комедию, которая войдет в историю. Раз в двадцать лет такое случается: спектакль делает рекордные сборы в Лондоне и потом бесконечно идет в провинции. Судя по газетным откликам и по тому, как вела себя публика на премьере, мистер Слинсби осуществил эту мечту. Он закончил завтрак, неторопливо докурил сигару и позвонил, чтобы подавали автомобиль — ехать в Сити.

Мистер Слинсби был совершенно счастлив. Ему ничто не угрожало. Теперь можно бросить торговлю и зажить в свое удовольствие. Отныне все его дела — неспешно курить толстые сигары и говорить автору, что второй акт придется начисто переделать. Из автомобиля он вышел с ликующим сердцем. Нет, жаворонки не запели

в небе[21] над шпилем Св. Марии, но мистеру Слинсби чудилось, что поют. Так радостно было у него на душе, что он отечески улыбнулся рассыльному Генри и даже подумал, не дать ли тому полкроны.

— К вам джентльмен, сэр, — сказал Генри.

— Джентльмен? — переспросил мистер Слинсби и едва не добавил: «Тра-ля-ля-ля!» — Где он?

— Я провел его в ваш кабинет, сэр.

— Все пра-а-а-вильно, — пропел мистер Слинсби и с трудом удержался, чтобы не выкинуть коленце. — Он назвал свое имя?

— Мистер Вест, сэр.

— Мистер Вест? А, мистер Вест! Да, да!

Он, пританцовывая, вошел в кабинет.

— А, Вест, — бодро произнес мистер Слинсби. В воздухе гремели цимбалы и флейты. — Надеюсь, я не заставил вас ждать?

Заставил, конечно, но Билл был не в претензии. Он встал рано и собирался задержаться надолго.

— Доброе утро, — сказал Билл холодно, не испытывая никаких чувств к этому синему подбородку. Он собирался, фигурально выражаясь, огреть мистера Слинсби обухом по голове и доса-

---

[21] Сноски: 21

Имеется в виду строка из стихотворения Вордсворта «…Займется сердце, как услышу я жаворонка в небе».

довал на его бьющее через край дружелюбие.

— Садитесь. Устраивайтесь поудобнее. Сигару?

Билл сел, но от сигары отказался с тем холодным высокомерием, с каким палач отверг бы ящичек, протянутый ему осужденным. Он и впрямь чувствовал себя палачом. После разговора у Марио Билл окончательно уверился, что мистер Слинсби открыл мисс Бум, где зарыт труп, да какой! Билл дивился, как тот, пусть и под мухой, пусть в порыве страсти, решился выболтать подобную тайну.

— Я пришел сюда… — начал он.

— Вы случаем не были в субботу на премьере «Расскажи папочке»? — перебил его мистер Слинсби.

— Нет, — сказал Билл. — Я…

— Фурор, мой дорогой, просто фурор! — вскричал мистер Слинсби. — Все вчерашние и сегодняшние газеты посходили с ума. Это первая постановка, которую я финансировал в одиночку, и самый шумный успех со времен «Тетки Чарлея». Кстати, я не удивлюсь, если сборы будут еще больше. Расходов практически никаких: три действия, одна перемена декораций, самый простой реквизит — и, похоже, года на два полные залы обеспечены. Забавно, как люди упускают

богатство, когда оно само плывет в руки. Я совершенно точно знаю, что до меня несколько человек отказались от этой пьесы. Ко мне она попала совершенно случайно. Но я-то умею отличить хороший сценарий и, как только прочел первое действие…

— Лучше я вам сразу скажу… — вставил Билл.

— …понял — будет успех. Тогда я, конечно, не знал какой. Но видел — эта пьеса не провалится. Там есть сцена, в которой с героя спадают штаны…

Всего сюжета Билл не услышал лишь потому, что мистер Слинсби замолк и начал прикуривать сигару. Билл воспользовался паузой, чтобы перевести разговор в деловую плоскость. Он чувствовал, что его нарочно сбивают, поэтому торопился и не смог заговорить достаточно веско. Впрочем, он надеялся, что сама тема произведет желаемое впечатление.

— Вчера я обедал с мисс Лилией Бум, — сказал он, чувствуя, что только эти слова могут отвлечь мистера Слинсби от «Расскажи папочке».

Он не ошибся. Мистер Слинсби положил сигару и уставился в стол. Он не сказал: «Продолжайте, ваш рассказ меня странным образом захватил!» — но его молчание убеждало Билла, что

цель достигнута.

— И могу вам сказать, — продолжал Билл сурово, — что знаю о ваших штучках.

Это прозвучало слабовато, но лучше, чем если б он не сдержался и выпалил: «Знаю все!»

— А! — сказал мистер Слинсби. Он в третий раз взял спичку, чтобы зажечь сигару. Рука его не дрожала, голос звучал-ровно, только темные глаза горели. — Что же вы знаете?

— Знаю, что вы и есть «Хиггинс и Беннет»!

— «Хиггинс и Беннет»? — изумленно повторил мистер Слинсби. — «Хиггинс и Беннет»?

Эта детская попытка уйти от ответа вывела Билла из себя.

— Да. «Хиггинс и Беннет», — повторил он. — Загадочная фирма, которая скупает бумажную массу дяди Кули по самой низкой цене. Это был простой, отличный, гениальный трюк! Вы стали лондонским управляющим дяди Кули, одновременно создали фирму под другим именем, продавали товар себе же и немедленно сбывали дальше с огромной прибылью. Не удивляюсь, что вам хватало денег на всякие «Рассказывай папаше»!

— «Расскажи папочке», — поправил мистер Слинсби. — Гораздо более удачное название.

— Какая разница! — сурово произнес Билл.

— Огромная, — возразил мистер Слинсби. — Не поверите, сколько хороших постановок на корню сгубили названия. Вы сами поймете, если задумаетесь. «Расскажи папочке» — это звучит. Это хорошо смотрится на афише. Это…

— Я здесь не за тем, чтобы обсуждать названия, — сказал Билл. — Я хочу знать, что вы собираетесь делать.

Мистер Слинсби поднял одну бровь.

— Делать? — переспросил он. — В каком смысле? Всегда был шанс, что все выплывет на поверхность. Пока у вас нет ни малейшего доказательства, но это, увы, ровным счетом ничего не меняет. Теперь, когда вы напали на след, доказательства — вопрос времени. Мне надо смываться. Это очевидно и не подлежит обсуждению.

Сцена развивалась неправильно, и Билла это угнетало. Даже побежденный, собеседник давил его своей личностью. Почти как в прошлой беседе, Билл чувствовал себя жалким сопляком. Собрав все свои силы, он взял жестокий тон, понимая, что ничего этим не изменит. Второй корабельный помощник или кто-нибудь из му-

жественных героев мисс Этель Делл[22] мог бы успешно взять жесткий тон в разговоре с мистером Слинсби, но Билл, едва заговорив, понял, что ему это не удастся. Он даже не потрудился стукнуть кулаком по столу.

— Смыться? — Он хотел, чтобы это прозвучало грозно, но вышло скорее виноватое блеяние. — А если я сообщу в полицию и вас арестуют?

Мистер Слинсби взглянул с изумлением, давая понять, что ему больно слышать этот бессмысленный лепет.

— В полицию? — сказал он. — Опомнитесь! Думаете, дядя вас поблагодарит, если история получит огласку и он выйдет круглым дураком? Да он только обрадуется, если все удастся замять.

Он взглянул так, словно ждал извинений, и настолько силен был его магнетизм, что Билл чуть не попросил прощения. Мистер Слинсби подытожил разговор.

— Никогда, — сказал он, — не лезьте в такую историю, если не готовы исчезнуть в любой момент. — (Билл едва не сказал: «Хорошо, не полезу».) — Мне хватило ума все подготовить загодя. Мои средства вложены в южноамери-

---

[22] Сноски: 22

Этель М. Делл (1881–1939) — английская романтическая писательница.

канские бумаги, следующим же пароходом я отплываю в Буэнос-Айрес. — Он помолчал, потом продолжил: — Нет, сперва я отправлюсь в Нью-Йорк и договорюсь о гастролях «Папочки». Скажите мне, — произнес он, отметая в сторону тривиальный вопрос о мошенничестве, — вы долго жили в Нью-Йорке, кого бы вы посоветовали в администраторы прекрасной комедии, где на три действия всего одна смена декораций? Денег ей не надо. Она сама о себе позаботится. Все, что мне нужно, — найти честного человека.

Совершенно уничтоженный, Билл попытался перейти в контратаку.

— Какие дела могут быть у вас с честным человеком? — горько спросил он.

Мистер Слинсби нисколько не обиделся.

— Незачем переходить на личности, — мягко пожурил он. — У вас нет повода держать на меня зло. Скорее уж я — пострадавшая сторона. Вы лишаете меня дохода. По счастью, я могу без него обойтись. «Расскажи папочке» обеспечит мои скромные потребности до конца жизни. Вам не за что на меня наскакивать. Старый Параден вас озолотит. И потом, вы получили ценный урок, который очень пригодится вам в будущем. Никогда, — здесь мистер Слинсби положил бы

Биллу руку на плечо, но тот брезгливо отстранился, — никогда не выбалтывайте своих деловых секретов. Никогда! А особенно — не доверяйте их девушкам, чтобы пустить пыль в глаза. Никакого толку. И вообще, держитесь от девушек подальше. Скользкие штучки. Никаких представлений о порядочности… Кстати, как Лилия? — дружески поинтересовался он.

Билл услышал свой голос, который произнес, что у мисс Бум все, кажется, неплохо.

— Девица, по-своему, вполне ничего, — великодушно произнес мистер Слинсби. — С норовом, конечно, и продаст, недорого возьмет, но в целом — да, ничего. Думаю, что смогу дать ей роль горничной в каком-нибудь гастрольном спектакле. А теперь, мой дорогой, — он переложил какую-то бумажку, показывая, что разговор окончен, — я, к сожалению, попрошу вас уйти. Мне надо кое-что здесь расчистить. Кстати, буду очень признателен, если вы пока повремените сообщать дяде. Я отбываю в среду. Очень мило с вашей стороны было бы отложить разговор до этого дня. Если я буду здесь, остается незначительный шанс, что ваш дядя поведет себя опрометчиво. Лучше не ставить его в известность, пока я в Лондоне. А? Как вы полагаете?

— Хорошо, — отвечал Билл.

Он не знал, почему сказал так — наверное, иначе не мог.

— Замечательно! — Мистер Слинсби сверкнул великолепными зубами. — Значит, до свидания. Да, пока вы не ушли. — Он черкнул несколько слов на визитной карточке. — Возьмите. Передайте администратору в «Бижу», и он сделает вам два места на любой удобный для вас вечер. Если можно, не в субботу. Спектакль вам понравится. Лучший второй акт в истории театра.

В доходный дом «Мармонт» Билл вернулся только под вечер. Добирался он долго, потому что то и дело останавливался, ошалело глядя перед собой; к двенадцати он дошел только до Стрэнда. Здесь он заглянул в тихий ресторанчик, и еда подействовала на него так благотворно, что вышел он едва ли не веселее мистера Слинсби.

Он сообразил, что за растерянностью и досадой упустил из виду самое главное. Неважно, раздавлен мистер Слинсби или торжествует, в тюрьме он или нет. Раздавленный, торжествующий, за решеткой или на воле, мистер Слинсби сыграл свою роль. При всех своих человеческих изъянах мистер Слинсби позволил ему, Биллу, оказать серьезную услугу своему дяде и выполнить то,

ради чего он приехал в Лондон.

Да, дядя Кули этого не забудет. Теперь он, как выразился мистер Слинсби, его озолотит. А раз так, последнее препятствие между Биллом и Флик пропало.

Билл поднимался по лестнице, а в ушах его звучали ликующие колокола.

На столе лежала записка. Колокола зазвучали еще громче: это почерк Флик.

Билл разорвал конверт.

Колокола смолкли, будто их вырубили из сети. Билл рухнул на тахту. В ушах звенело, дальняя стена куда-то уплывала, ее затянуло туманом; живот схватила тупая боль, словно невидимый кулак ударил его под дых.

Он перечитал письмо. Какая-то ошибка!

Да, ошибка. Так и написано в письме: «…уверена, что мы совершаем ошибку… были бы только несчастливы… выхожу за Родерика в среду… единственное, что остается…» И для этой невероятной, ужасной, немыслимой перемены она не привела никакого основания. Ровным счетом никакого.

Билл уставился перед собой. Комната медленно погружалась во мрак.

Глава XIX. Билл лезет через забор

Сад Холли-хауса покоился под луной. Деревья отбрасывали на газон длинные тени, в кустах шептал ветерок. Человеку, чьи мысли спокойны, это место показалось бы волшебным приютом умиротворения, но Билла, который тревожно затаился в кустах, не трогало романтическое очарование ночного сада. Мысли его были отнюдь не спокойны.

На этот раз он забрался в сад не для того, чтобы в смутном томлении глядеть на горящие окна. Сегодня он пришел сюда, чтобы действовать. Несколько часов он ломал голову над загадочным письмом и пришел к выводу, что оно написано по указке, возможно, слово в слово, со всеми точками и запятыми, продиктовано ужасной женщиной, разлучившей их на вокзале. Да, чем больше он думал, тем яснее видел между строк руку демонической тетки.

Человек действия отправляется на такое предприятие не иначе как с продуманным планом. У Билла был такой план. Он предполагал содействие кого-то из младшей прислуги Хэммондов. Этого-то неведомого помощника Билл и ждал,

сидя в лавровом кусте сбоку от дома. Он все продумал. Бессмысленно прибегать к услугам почты. Такая женщина, как та, с вокзала, исполнена низости и коварства, и, без сомнения, читает всю корреспонденцию Флик. Она, как ястреб, караулит почтальона, чтобы перехватить письмо. Обращаться к местным рассыльным — только зря переводить деньги. Нет, остается ждать, пока кто-нибудь из слуг не выйдет подышать воздухом, а там хватать его (или ее) за воротник и сулить несметные богатства, чтобы он (или она) передал Флик письмо, которое сейчас жгло Биллу левый нагрудный карман.

Письмо было замечательное. Билл потратил на него часа полтора, но результат того стоил. На шести плотно исписанных страницах говорилось все, что можно сказать о неувядающей любви, в самых радужных красках описывалось их будущее после того, как дядя Кули узнает о преступлениях Слинсби, и подробно излагалось, как Флик на следующий день тайно выйдет из дома, встретится с Биллом под часами на Чаринг-кросс, откуда они поспешат в отдел регистрации, где он уже договорился о спешном бракосочетании. В анналах любовной переписки едва ли найдется письмо разом столь пылкое и столь практичное.

Оставалось лишь найти для него гонца.

Однако, казалось бы, очевидные чары залитого серебром сада не действовали на прислугу Холли-хауса. Ветерок шептался в кустах, лунные лучи плясали на лужайках, неведомые цветы источали сладостный аромат, но не выманили в черную дверь даже мальчишки-чистильщика. Билл (он уже ерзал, разминая затекшие ноги) мало-помалу проникался презрением к английской прислуге. Такая дивная ночь, а эти пошлые люди сидят в душной кухне, при закрытых окнах и жарко натопленной печке, обсуждая какие-нибудь фильмы или читая вслух душещипательные романы.

Наконец, после того как часы пробили дважды, у него иссякло терпение. Он вылез из кустов, подошел к парадной двери и позвонил.

Долго не отвечали, наконец вышла горничная. Билл ожидал увидеть дворецкого и боялся, что тот его узнает. При виде женщины он испытал мгновенное облегчение и даже подумал было: вот она, младшая прислуга, которую он ждал все эти часы. Однако хватило взгляда, чтобы пальцы, уже сжимавшие в кармане письмо, разжались. Горничная была в очках, и глаза за стеклами горели такой суровостью, что Билл немедленно

заподозрил в ней приспешницу, если не правую руку демонической тетки.

Однако надо было как-то объяснить свое появление, и Билл смело ринулся в бой:

— Я хотел бы видеть мисс Шеридан.

Очки сверкнули недоверчивым возмущением. Видимо, горничная читала книги о хороших манерах и знала, что верх неприличия — посещать молодых леди в столь поздний час. Билл почувствовал себя героем картинки «Найдите двенадцать погрешностей против этикета».

— Мисс Шеридан дома нет, сэр, — ледяным голосом отвечала горничная.

— Могу я видеть мистера Парадена?

— Мистера Парадена дома нет, сэр. — Она наградила Билла убийственным взглядом и начала закрывать дверь. По справедливости, ее нельзя за это винить. Из кустов Билл вылез довольно всклокоченным и вообще не тем молодым человеком, какого хочется видеть у своих дверей после наступления темноты. — Все ушли в театр.

Это была правда. Доброму мистеру Хэммонду показалось, что Флик выглядит задумчивой и удрученной, и он, продолжая свою мудрую политику, предложил пообедать в городе, а после пойти в театр. По иронии, которая так часто

присутствует в наших земных делах, поход этот обогатил мистера Уилфрида Слинсби, поскольку ложу они взяли в театре «Бижу».

Билл, однако, не поверил горничной. Нарочитая, как ему почудилось, ложь, подкрепила уверенность, что он говорил с орудием тети Фрэнси. Он уныло побрел прочь, выждал несколько минут и снова скрылся в кустах. Одна горничная еще ничего не значит. В таком большом доме должна быть куча прислуги, может выйти кто-то более сговорчивый. Он устроился в лавровом кусте и стал ждать.

Прошло минут десять, и тут на Билла снизошло озарение. В ту ночь, когда он спрятался на крыше сарайчика. Флик спустилась по простыне из окна сразу над этой крышей — надо полагать, из своей спальни. Глупо, что он не вспомнил об этом раньше. Надо только найти сарайчик, взобраться на крышу, и готово. Если окно горит, он тихо свистнет, и она выглянет; если света не будет, значит, ее нет в комнате; тогда он завернет письмо в платок вместе с увесистым камнем и бросит в окно, а Флик найдет его, когда придет ложиться. Не тратя времени, Билл вылез из куста и пошел в обход дома.

Крыша оказалась там, где он оставил ее в про-

шлый раз. Уже хорошо. Однако окошко над ней не горело. Билл поискал камень, нашел и уже заворачивал в платок, когда над головой у него со стуком распахнулась рама и тихий, но высокий голос позвал:

— Эй!

Человеку, который весь день был на взводе, не понравится, когда в чужом саду ему кричат «Эй!» из окон верхнего этажа. Билл прикусил язык, выронил письмо и метнулся в тень за пристройкой. Здесь он затаил дыхание и стал ждать, как будут разворачиваться события.

Почти сразу стало ясно, что лишь неспокойная совесть заставила его принять окрик на собственный счет. Из темноты раздался ответный свист, и Билл понял, что не он один забрался в чужой сад. Ветерок, который уже некоторое время крепчал, разогнал скрывавшие луну тучи, и сцена осветилась, как если бы включили софит. Сам Билл оставался в тени, но сад залило яркое сияние, и он прекрасно все видел. Из окна, вполне узнаваемый в серебристом свете, высунулся приемный сын его дяди Гораций; внизу, безжалостно топча сортовые бегонии, стоял кто-то здоровенный — кто-то, кого Билл не знал и с кем предпочел бы не знакомиться. На этом человеке было написано

«мордоворот», да так ясно, словно он носил на груди табличку. Мы-то встречали Джо при свете дня и знаем, что он не похож на картинку из модного журнала. В темноте он казался истинной химерой.

Гораций высунулся еще дальше.

— Они у меня, — сказал он.

Ветер настолько усилился, что шептать стало невозможно, пронзительный мальчишеский голос отчетливо донесся до Билла, как и ответ мордоворота.

— Отлично! — сказал мордоворот. — Бросай.

Только в это мгновение Билл, который по-прежнему не понимал, что происходит, почуял недоброе. Может быть, беседа с мистером Слинсби поколебала его веру в людскую честность. Во всяком случае, он с первых слов догадался, что замышляется дурное, и хорошо, потому что больше слов не последовало. Гораций исчез, потом появился снова. В руках он держат что-то тяжелое, кажется, мешок. Он перегнулся через подоконник, бросил мешок вниз, точно в руки мордовороту, и закрыл окно, а мордоворот, в дальнейшем именуемый Джо, прошел по бегониям и стал красться по дорожке мимо пристройки. Он поравнялся с Биллом, когда тот заговорил.

— Стой! — сказал Билл. — Что это у тебя?

В обычной жизни Джо был натурой флегматичной. Его непросто было вывести из себя, самое большее, что он себе позволял, — лениво приподнять бровь. Однако сейчас случай был особый. Все его чувства пришли в величайшее волнение. Он сдавленно вскрикнул, обернулся через плечо и бросился по газону так быстро, как только позволяли его жирные ноги.

Это была ошибка. Даже в обычной жизни Билл дал бы ему на ста ярдах пятьдесят ярдов форы; а теперь, промаявшись несколько часов в кустах, он превратился в чемпиона по спринту. К тому же Джо сковывал тяжелый мешок. Гонка закончилась на середине газона. Джо почувствовал на затылке горячее дыхание, обернулся, бросил мешок — и кинулся на Билла.

Тот только этого было и ждал. У Джо, стоявшего под окном, была самая что ни на есть бандитская рожа, но и это его не охладило. Билл пережил тяжелый день, и сейчас чувствовал: чем хуже, тем лучше. Когда Джо сомкнул пальцы на его горле, Билл вынудил их разжаться резким апперкотом, который, судя по звуку, пришелся точно в цель. Последовали беспорядочные удары, потом Джо ухватил Билла, оторвал от земли, и оба упали

— Билл снизу, Джо сверху.

Однако у всякого борца есть свое уязвимое место: у кого-то — нежная челюсть, у кого-то — чувствительный нос. У Ахиллеса, как мы помним, была пята. Джо не страдал ни одной из перечисленных слабостей. Можно было с размаху лупить его молотом по носу, и ничего не добиться; удар в челюсть не свернул бы его с намеченного пути. Но и он был всего лишь смертный. Была у него слабая сторона, частенько подводившая его в прежних потасовках. Джо боялся щекотки. Достаточно было тронуть его кончиком пальца, и он выбывал из боя.

Именно это случайно сделал Билл. Силясь ухватить и сбросить противника, он скользнул рукой по его ребрам, ближе к подмышке. Джо страшно взвыл и вскочил на ноги.

Билл тоже поднялся. Ничто в их знакомстве не наводило на мысль, что безопасно оставаться лежачим, когда Джо стоит.

С этого мгновения удача изменила вору. Как правило, он брал не столько умением, сколько весом. В ближнем бою преимущество было на его стороне, в дальнем — оборачивалось недостатком. Ветер стих так же неожиданно, как и поднялся, луна спряталась за облаками, однако

Биллу хватало и оставшегося света. Он размахнулся, двинул Джо в глаз, резко повернулся и почувствовал, как кулак впечатался противнику в ухо. Снова размахнувшись, вмазал ему в другой глаз. Этот-то удар, в который он вложил всю злобу, скопившуюся за утреннюю беседу со Слинсби, дневные размышления над отказом Флик и вечернее сидение в кустах возле Холли-хауса, — этот удар и решил исход боя. Джо не выдержал. Он пошатнулся, отступил на несколько шагов, потом побежал, вломился в кусты, выбрался на открытое место и припустил во все лопатки. Больше они с Биллом не виделись.

Билл стоял, силясь отдышаться. Стычка пошла ему на пользу. Он почувствовал себя сильным и смелым. Устранив противника, он поднял мешок и направился к сарайчику искать оброненное письмо. И здесь его ждало последнее за день потрясение.

Письмо исчезло. Платок тоже. Их унесло в темноту недружественным ветром.

Билл искал долго и тщательно, но не мог обшарить весь сад; мало-помалу на него накатило отчаяние, подобное тому, в какое сам он поверг противника. Все кончено. Рок ополчился против него, нет смысла бороться.

Он убито поплелся через сад и дальше по дороге. Через полмили его догнало такси. Он устало плюхнулся на сиденье и поехал домой, где Джадсон при виде его искренне изумился.

— Господи! — воскликнул Джадсон. — Билл, старик, что ты сделал со своим лицом?

Билл не знал, что с его лицом что-то неладно. Посмотрев в зеркало и убедившись, что Джо, размахивая руками, по крайней мере один раз угодил ему в нос, он положил мешок на стол и пошел в ванную.

Когда он вернулся, чистый и посвежевший, то обнаружил, что Джадсон в простодушном любопытстве открыл мешок.

— Зачем тебе старые книги, Билл?

— Книги? — До Билла начало что-то доходить. — Наверное, этот Гораций входит в воровскую шайку. Совершенно точно, это он бросил мешок из окна тому типу, с которым я дрался. — И он коротко изложил события. Джадсона охватило радостное волнение.

— Господи, Билл, старик! — вскричал он. — Ну, повезло тебе! Старый Параден отвалит теперь никак не меньше половины состояния. Он же чокнулся на своих книжках. Отец мне все уши прожужжал, рассказывая о его библиотеке. Все,

теперь ты его самый любимый родственник. Смотри не продешеви, старик! Стой насмерть. Полмиллиона в год, и ни центом меньше.

— На что они мне теперь? — горько сказал Билл. — Завтра Флик выходит за Родерика Пайка!

— Что?! Мне казалось, она собирается за тебя.

— Уже нет. Видимо, на нее насели. Я получил письмо. Вот почему я отправился в Холли-хаус. Рассчитывал увидеть ее или хоть что-нибудь узнать.

У Джадсона отпала челюсть. Он был потрясен такой бедой.

— Флик! — вскричал он. — За этого типа, который написал, что Тодди ван Риттер основал Шелковый Клуб? Пока я жив, этому не бывать!

— Что же ты собираешься делать? — устало спросил Билл.

— Делать? — повторил Джадсон. — Делать? Ну… — Он задумался. — Убей меня бог, не знаю!

Глава XX. На шесть пенсов риса

1

Утро среды, одиннадцать часов, ясный, погожий денек. Бесстрастный, погруженный в собственные дела и титанически равнодушный ко всему остальному, Лондон жил раз и навсегда заведенной будничной жизнью. От Патни до Слоан-сквер, от Криклвуда до Риджент-стрит, от Сайднем-хилл до Стрэнда безостановочно катили желтые с красным омнибусы. Полисмены поддерживали порядок, биржевые маклеры продавали и покупали акции, попрошайки попрошайничали, бездельники бездельничали, пекари что-то пекли, аптекари что-то толкли, машины мчались по парку, мальчишки дожидались дневных газет, отставные полковники в клубах на Пиккадилли и Пэлл-Мэлл предавались грезам о ленче. На необычность этого дня хоть как-то намекали полосатый навес перед церковью Св. Петра на Итон-сквер да красная ковровая дорожка на мостовой, означавшие, что под знаменитыми сводами назначено бракосочетание.

Кроме Билла в неброском сером костюме с

едва заметной красной искрой и селихемского терьера в светло-бежевом ошейнике и с грязным пятном на носу, у навеса толкались старухи и помятые личности. Старухи вспоминали прежние свадьбы; помятые личности обсуждали, что это дело — верняк, а то — обязательно выгорит. Для полноты картины тут был младенец в коляске, без которого не может обойтись ни одно значительное событие.

Только Билл пришел сюда не из праздного любопытства, но зачем именно, он бы объяснить не сумел. Он явно не ждал удовольствия от того, что увидит Флик, входящую в церковь, а затем выходящую под руку с мужем, — даже того скромного удовольствия, на которое надеялись старухи и потертые личности. Нет, зрелище будет для него сплошной пыткой, однако его не удержали бы дома даже канатами. Есть в людях глубоко сидящий инстинкт, который заставляет их поворачивать нож в ране и травить себе душу; этот-то инстинкт и привел Билла сюда.

Даже сейчас, когда жених и невеста еще не прибыли, он не испытывал и капли радости, хотя бы потому, что сражался с Бобом. Достойный песик тяжело переносил ожидание. Собачья душа возмущалась. Он чувствовал, что его кругом

обманули. Увидев, что Билл собрался на улицу. Боб в последнее мгновение проскользнул в дверь и вежливо попросил взять его на прогулку. Билл по видимости согласился, и сначала все шло как положено, а теперь его уже двадцать минут мариновали на тесном мощеном пятачке; мало того, было похоже, что это навсегда. Соответственно, он выразил протест, несколько раз кряду пытаясь удавиться на поводке, который предварительно наматывал Биллу на ноги. Во время пятой или шестой попытки бодрый ветерок, налетевший из-за угла, сорвал с Билла шляпу и покатил по улице.

Теперь, вдобавок к своим страданиям, Билл сделался посмешищем уличной черни. Из всех зрелищ, которые радуют незатейливую лондонскую публику, самое захватывающее — человек, который в ветреный день догоняет свою шляпу. Когда этого человека грозит в любую секунду стреножить скачущий пес, восторг достигает вершины. Сценка, разыгранная Биллом, имела шумный успех; когда он вернулся, в шляпе, но злой на человеческий род, обнаружилось, что Флик приехала и вошла в церковь. Зрители, в чьи ряды он снова влился, уже сравнивали ее с прежде виденными невестами.

Мнение было в целом благоприятное. Одна дама в матерчатой кепке и с кавалерийскими усами объявила, что невесту не мешало бы подкормить, но за этим исключением Флик собрала хорошую прессу. Вся критика досталась на долю «папаши». Билл знал, что папаши у Флик нет, и заключил, что речь идет о дяде Синклере, которому, несомненно, поручили роль посаженного отца. Его собравшиеся не одобрили. Мужчина в свитере и драном котелке едко прошелся по поводу стрелок на его брюках.

— А где жених? — поинтересовалась дама, которой не понравилась фигура невесты. — Опаздывает.

— Так уж заведено, — отозвался кто-то из знатоков. — Выжидает, чтоб она сделала первый шаг, — пояснил он, видимо, припоминая, что слышал о привычках боксеров.

— Бледненькая она какая-то, — заметил робкий голос. Видимо, говорящий был относительным новичком и чувствовал шаткость своей позиции.

— Это они завсегда, — холодно отвечал знаток. — Ты бы и сам побледнел на ее месте. Я жениха в сегодняшнем «Обозрении» видел. Жуткий тип.

— Да?

— Ну! — Знаток не принадлежал к числу тех, кто готов дать скидку на метаморфозы, которые претерпевает лицо в дешевой утренней газете. Ему в голову не пришло, что такого чудовища, каким предстал Родерик в «Обозрении», просто не может быть. — Мрачный, жуткий тип, пятно через всю харю. Если хотите знать, он ее лупить будет!

Билл не выдержал. Перед ним открывались три пути: двинуться прочь; свалить говорящего ударом и пройтись по его останкам; войти в церковь. Последний путь был самый мучительный, и Билл выбрал его — пересек сквер, нашел табачную лавочку, купил табаку в страшного вида коробке, поручил Боба ошалевшему от радости лавочнику, вышел, выбросил табак, смело вошел в церковь и сел на ближайшую скамью.

Там царили полумрак, прохлада и легкие шорохи. Помимо воли Билл почувствовал умиротворение, которое мгновенно рассеялось от деликатного шепота.

— Билет? — произнес голос над его ухом.

Говорил розовый, сильно смущенный юнец. Билл состроил такую зверскую гримасу, что тот смутился еще больше, отступил на шаг, заморгал

и, подумавши, отстал. Его до глубины души возмущало, что на столь важной свадьбе присутствует мужчина в сером костюме, да еще и без билета, но даже в менее священном месте Билл выглядел бы устрашающе. Серые костюмы всегда прибавляют роста, а этот костюм был очень серый.

Билл остался сидеть. Люди взглянули на его костюм и, видимо, пришли к выводу, что чего только не бывает, нельзя же на все обращать внимание; он погрузился в мрачные мысли.

По рядам побежал шепоток. В воздухе повисло беспокойство. Билл, занятый своим, не сразу это заметил, но, раз заметив, понял совершенно определенно. Люди наклонялись друг к другу и тихо переговаривались. Они елозили ногами по полу. Что-то явно разладилось.

Важного вида господин с карточкой на груди вышел в проход между скамьями. Он остановился у соседнего с Биллом ряда и зашипел что-то на ухо разодетой даме. Дама изумленно вскрикнула:

— Откладывается?

Господин с карточкой печально кивнул и снова что-то зашептал.

— Так нет смысла ждать? — сказала дама.

— Нет, — отвечал господин с карточкой.

Остальные, видимо, получили ту же информа-

цию. Церковь начала пустеть. Билл устремился следом за остальными и оказался на улице, где разочарованные зеваки с изумлением глазели на выходящих. Они много видали свадеб, но такую, где никто не женится, — впервые.

Билл отыскал доброго лавочника, забрал Боба и бесцельно пошел назад. Он проходил под навесом, когда кто-то тронул его за руку. Он обернулся и увидел непривычно серьезного Джадсона. Наследник Кокеров был бледен, глаза его опухли. Только сейчас Билл сообразил, что не видел Джадсона с восьми часов вчерашнего вечера. В таких обстоятельствах невозможно упомнить все. Вот Джадсон и вылетел у него из головы. Теперь он припоминал, что вскоре после обеда тот вышел — видимо, на прогулку. Прогулка эта затянулась на целую ночь.

— Свадьбы не будет? — спросил Джадсон.

— Что-то там случилось, — сказал Билл.

Джадсон улыбнулся. Видимо, улыбка причиняла ему боль, но в ней светилось торжество.

— Еще бы! — сказал он. — Вчера вечером я похитил жениха.

2

Джадсон замолчал и начал щекотать Боба, который любовно вытирал лапы о его брюки.

— Похитил! — вскричал Билл. Друг выразился вполне ясно и определенно, но Биллу его слова показались загадочным ребусом. — Похитил жениха!

Джадсон отвлекся от Боба.

— Ну не то чтоб совсем похитил, — сказал он. — Этого не потребовалось. Когда я явился к нему и объяснился, как мужчина с мужчиной, оказалось, что он сам хочет себя похитить. Дальше все пошло просто и весело.

— Не понимаю!

— Чего ты не понимаешь? — терпеливо произнес Джадсон. Он мучительно скривился — мимо, без всякого уважения к человеку, у которого была тяжелая ночь, беспардонно прогрохотал грузовик.

— Ты пошел к Пайку?

— Да. — Грузовик проехал, и Джадсону чуть-чуть полегчало. — Когда ты сказал, что Флик собирается за него, я понял — надо принимать крутые меры. Решил проникнуть к нему и запугать страшными карами, если он не исчезнет.

Как можно ошибаться в человеке! Он оказался отличным малым, очень свойским и радушным. Конечно, я этого не знал. Когда я пришел, его не было дома, но я убедил слугу, и тот меня пустил. Я сел, а слуга, умница такой, спросил, не хочу ли я выпить. Я сказал, что хочу. После третьей пришел Пайк. — Он замолк, и лицо его вновь исказилось болью. На этот раз виновником был Боб, который резко и хрипло залаял на кошку. — Сперва он здорово струхнул, потом успокоился, и я перешел к делу. Я сказал, что лучше обойтись без неприятностей, но если он не исчезнет, будет худо. Мало-помалу выяснилось, что он сам только об этом и мечтает. Больше всего на свете ему не хочется жениться на Флик. Есть другая девушка, она работала стенографисткой в газете, он давно ее любит с такой… в общем, он описал мне свои чувства, и, поверь, ему можно посочувствовать.

— Наверное, это с ней я его видел в парке, — сказал Билл.

— Скорее всего. Если ты видел его с девушкой в парке, значит, это девушка, с которой ты видел его в парке. Он сказал мне, что они украдкой встречаются. Да он бы давным-давно сбежал с ней, но боится отца. Отец — это тот жирный, что гнался за тобой на машине?

— Да. Сэр Джордж Пайк. Флик он дядя.

— Ну вот, сына он загипнотизировал. Я принялся убеждать. Принесли еще выпивки, разлили. После каждого бокала он все больше склонялся к моей точке зрения. Теперь я с этим завязал, но одно точно: при всем вреде для здоровья бренди помогает набраться смелости. Около часа ночи старина Пайк заходил по комнате и сказал, что сейчас позвонит отцу и все ему объяснит. «Совершенно незачем, — сказал я. — Просто исчезните». — «Хорошо», — сказал он. «Отлично», — сказал я. «Вы правда так, считаете?» — сказал он. «Правда», — сказал я. «Мне бы сделать это раньше», — сказал он. «Лучше позже, чем никогда», — сказал я… Выяснилось, что с деньгами у него порядок. Какое-то время назад старый Пайк, чтобы обмануть налоговую инспекцию, перевел на его имя крупную сумму, чтобы Родди — к этому времени я уже звал его Родди — потом ее вернул. «Будьте мужчиной, — сказал я. — Снимите денежки, отбейте прощальную телеграмму и валите за границу». Он рыдал, жал мне руку и говорил, что я — один из величайших гениев эпохи. Заметь, тут он не сильно ошибся, совет и правда очень дельный. Оказывается, он всю жизнь мечтал уехать в Италию и писать сти-

хи. Правда здорово, сказал он, прошвырнуться в Неаполь или Флоренцию? Оттуда он смог бы написать своей девушке, чтоб она приехала, а там они поженятся, будут писать стихи, есть спагетти и наслаждаться счастьем до конца дней. Я сказал, что это не план, а песня, в жизни такого не слышал. Короче, он уехал девятичасовым поездом в Дувр. Вот так-то, Билл, старик.

Билл потерял дар речи. Он молча пожал Джадсону руку. Его вера в связный, осмысленный план, правящий нашим беспорядочным с виду миром, полностью восстановилась. Это прекрасный, замечательно устроенный мир, в котором есть толк даже от Джадсона.

— А теперь, — продолжал тот, — я перехожу к самому главному. Как я сказал, мы отлично посидели, я остался ночевать на диване, ушел часов в девять утра. Мне надо было убить два часа, прежде чем искать тебя здесь, и я решил посидеть в парке. Ну вот, иду я по Бромтон-роуд к парку, по пути вижу, как народ валит валом в какую-то дверь. Думаю: надо зайти — а то дальше не дойду.

К тротуару подкатил большой автомобиль. Билл шагнул в сторону, чтобы удержать Боба, который нацелился прямехонько под колеса.

— И чтоб мне сдохнуть, Билл, старик, — продолжал Джадсон с жаром, — если я не очутился на самой что ни на есть антиалкогольной лекции. Я, конечно, ужаснулся, но сил не было никаких, вот я и остался сидеть. Билл, это самая большая удача в моей жизни. Я вышел оттуда другим человеком. Совершенно и абсолютно другим. Все, с этого дня — ни капли. Честное слово, я даже близко не предполагал, что делает с человеком спиртное. Разрушает внутренности, вот что. Они становятся как мятый дубовый лист. Я всегда считал, что это лекарство, ветрогонное, что ли, но когда этот тип показал на экране печень запойного пьяницы…

Билл широко открытыми глазами смотрел Джадсону через плечо. Из церкви вышел приятного вида немолодой человек под руку с девушкой в подвенечном платье. Они перешли тротуар и сели в машину.

— …а потом, — говорил Джадсон, — он взял червяков и угостил их бренди. Хочешь верь, хочешь не верь, Билл, но им тут же пришел каюк. Такие были славные, веселые червячки… думали, опрокинем по рюмашке за счет заведения… а через минуту…

Он осекся, поняв, что говорит в пустоту. Билл вышел из транса. Машина только что тронулась;

он метнулся за ней, распахнул дверцу и без единого слова плюхнулся на сиденье. Боб воздушным змеем пронесся по воздуху, сдавленно тявкнул и тоже исчез в машине.

3

— Флик, — сказал Билл.

Некоторое время никто больше не говорил, главным образом из-за терьера. Бобу хватило двух секунд, чтобы разобраться, что к чему. Подвенечное платье пахло странно и незнакомо, но дальше он узнал Флик и принялся даровито разыгрывать шестерых селихемских терьеров, запертых в одном лимузине. Подпрыгнуть, лизнуть Флик в лицо, отскочить назад, лягнуть Билла в глаз, сбить с мистера Хэммонда шляпу и снова, тяжело дыша, напрыгнуть на Флик — все это заняло одно мгновение. Он походил на героя старой мелькающей киноленты, и эта вспышка собачьих чувств, последовавшая за неожиданным вторжением Билла, на какое-то время лишила всех способности разговаривать.

Однако мистер Хэммонд не потерял присутствия духа. Он поднял шляпу из угла, куда ее закатил Боб, и кротко обратился к Биллу.

— Если вам такси, — произнес он, — то, навер-

ное, стоит пройти дальше по улице.

— Флик, — сказал Билл, наматывая поводок на руку, — я получил твое письмо. Я понял. Я все понял. Я догадался, что его продиктовала твоя кошмарная дура-тетка…

— Моя жена, — вставил мистер Хэммонд, радуясь, что угадал. — А теперь, если это не грубый вопрос, кто вы такой?

Тихий голосок в углу произнес:

— Это Билл Вест, дядя Синклер.

Все помолчали.

— Флик, — продолжал Билл, — я о письме. Я понял, почему ты его написала.

— Ты видел меня? — Глаза у Флик стали совсем круглые.

— Тебя?

— У Марио.

Билл совершенно оторопел.

— Видел тебя у Марио? О чем ты?

— Но ты сказал, что понял.

— Я…

Флик тихонько всхлипнула и протянула ему руки.

— Мне все равно. Я видела тебя с той девицей, но мне все равно. Забери меня отсюда, Билл!

Билл машинально взял ее за руки.

— Ты видела меня… О господи! — вскричал он, наконец-то прозревая. — Не хочешь же ты сказать, что видела меня в воскресенье?

— Да, но мне все равно. Я хочу, чтобы ты меня забрал.

Билл сунул поводок мистеру Хэммонду.

— Подержите секундочку, — сказал он, потом крепче стиснул Флик за руки и притянул к себе, не обращая внимания на заинтересованный взгляд мистера Хэммонда, который подобрал сбитые Бобом очки и рассматривал его как редкое первое издание.

— Флики, милая моя Флики! — вскричал Билл. — Я все объясню. Мне пришлось угостить эту кошмарную девицу. Мне страшно не хотелось, но надо было через это пройти. Она знала про Слинсби. Джадсон увидел ее и договорился о встрече, чтоб она мне рассказала. И она рассказала! Господи, она рассказала такое! На следующий день я был у Слинсби и выложил, как он все эти годы обманывал дядю Кули, и он тут же слинял, а теперь, как только я скажу дяде Кули, будет прекрасно. Он нас обеспечит, так что можно жениться прямо сейчас.

Мистер Хэммонд кашлянул.

— Так вы собираетесь жениться на моей пле-

мяннице? — с любопытством осведомился он.

— Да! — Билл снова повернулся к Флик. — Поехали прямо сейчас, Флики! Родерик сбежал и женится на стенографистке.

— Ну, ну! — сказал мистер Хэммонд. — Скажите, — продолжал он, оборачиваясь к Биллу, — вы удивительно похожи на человека, который несколько месяцев назад ворвался в Холли-хаус и гонял по саду моего племянника. Это случаем не вы?

— Я, — сказал Билл.

— Так это из-за вас мой знаменитый шурин, сэр Джордж Пайк, упал в пруд?

— Из-за меня.

Мистер Хэммонд тепло пожал ему руку.

— Выходи за него, Флики, — сказал он. — Лучшего мужа я не мог бы тебе пожелать. Господи, человек, который вытащил тебя из воды… чей образ ты хранила в сердце все эти томительные годы! — Он взял переговорную трубку и обратился к шоферу. — Йетс, вы знаете хороший регистрационный отдел? — Потом повернулся к Биллу и Флик. — Он говорит, что не знает.

— А я знаю! — с жаром вскричал Билл. — Пимлико, Бомонт-стрит, одиннадцать.

— Йетс, — сказал мистер Хэммонд. — Поезжайте

по адресу Пимлико, Бомонт-стрит, одиннадцать.

Он повесил трубку и откинулся на сиденье.

— Ой, дядя Синклер! — выдохнула Флик.

— После церемонии, — сказал мистер Хэммонд, — думаю, тебе разумней будет вернуться домой, хотя бы на день-два. Сегодня мне трудно было бы объяснить твое отсутствие. Дальше атмосфера станет чуть менее напряженной. — Он снова взял переговорную трубку. — Йетс, — сказал он, — остановитесь у ближайшей бакалейной лавки. Я хочу купить на шесть пенсов риса.

Глава XXI. Поразительное смирение дядюшки

Яркое летнее солнце играло на шпиле Св. Марии. Мистер Кули Параден вышел из такси перед зданием лондонского филиала своего целлюлозно-бумажного предприятия и, волоча ноги, поднялся на три лестничных пролета. Ниобея так не сокрушалась над детьми, как мистер Параден — над жемчужинами своего собрания. Загадочное происшествие угнетало его невероятно. Когда они вернулись после буйного вечера (театра и ужина в ресторане), то не заметили никаких следов взломщика, ровным счетом никаких. Однако книги исчезли. С того самого времени мистер Параден беспрерывно ломал голову над таинственной историей, и загадка попроще — с чего бы племянник вызвал его телеграммой, в которой настоятельно просил заехать сегодня в контору, — меркла в сравнении с предыдущей.

— Мистер Вест здесь? — ворчливо осведомился он.

Рассыльный Генри шагнул вперед, весь улыбка и расторопность. Любезность и быстрота в при-

сутствии начальства — вот так молодые люди и достигают вершин в деловом мире.

— Сюда, сэр.

Дверь кабинета открылась, и Билл поднял голову. Он сидел на стуле мистера Слинсби, но тут же вскочил и шагнул вперед с любезностью и быстротой, которых не смог бы повторить даже рассыльный Генри.

— Привет, дядя Кули.

Мистер Параден сердито оглядел комнату. Он был в том настроении, когда после ссоры становится чуть легче, и решил поссориться с Биллом, не то чтобы совсем поссориться, но хоть устроить выволочку. За что, он еще не знал, но, без сомнения, повод сыщется.

— Где Слинсби? — проворчал он, как только Генри, выполнив свой долг, бесшумно вышел и закрыл дверь.

— Слинсби уехал, — сказал Билл.

— Уехал! В середине рабочего дня! Куда?

— В Америку.

— В Америку!

Билл нагнулся и выразительно похлопал дядю по плечу.

— Не лапай меня! — рявкнул мистер Параден. — Чего ты меня лапаешь?!

— Слинсби, — сообщил ему ничуть не напуганный Билл, — мошенник и негодяй. Я с самого начала его заподозрил, но вы утверждали, что он — само совершенство.

— Слинсби — мошенник? Что ты несешь?

По мере того как Билл рассказывал, манера мистера Парадена менялась самым разительным образом. Ярость выходила из него, как воздух из лопнувшего баллона. Несколько минут молчал, потом глубоко вдохнул.

— Мне нужна сиделка, — объявил он. — Вот что мне нужно. Меня нельзя оставлять одного.

Билл расплылся в ободряющей улыбке.

— На самом деле, — сказал он, — вам нужен толковый молодой человек, вроде меня, который вел бы ваши дела.

Мистер Параден глядел на него с непривычным смирением.

— Ты хотел бы войти в мое дело, Билл? — жалобно спросил он.

— Я готов учиться.

— Тогда давай. Назови свое жалованье.

— Сколько скажете, дядя. Только чтоб хватило на двоих. Мне надо кормить жену.

Мистер Параден сморгнул.

— Жену!

— Да. Кажется, вы ее знаете. Это племянница вашего друга Синклера Хэммонда.

— Что? Когда это случилось?

— Пока это тайна, но, может, вы мягко подготовите нашу с ней тетю. Это случилось вчера.

— Вчера!

— Да.

— Вчера она должна была выйти за другого.

— Да. Но я ее встретил, мы поговорили, и она вышла за меня. Мы, молодые бизнесмены, действуем быстро. Время — деньги. — Он нагнулся под стол. — Кстати, дядя, кажется, это ваше.

Как ни часто мистер Параден разглядывал книги, которые выложил перед ним Билл, он никогда не смотрел на них так пристально. Казалось бы, большего изумления невозможно себе представить — но нет, когда он поднял глаза на Билла, то выглядел еще более ошарашенным.

— Где… откуда… как они к тебе попали?

— Ну, я случайно увидел, как ваш приемный сын Гораций передает их в окно своему дружку. И тут, и там — всюду я! Очень неприятно говорить, но Гораций — член воровской шайки. Его нарочно подсунули вам, чтобы украсть книги.

Мистер Параден глубоко вздохнул.

— Сиделку! — пробормотал он. — Сиделку…

Они помолчали.

— Билл, — убитым голосом произнес мистер Параден, — я беру назад все, что сгоряча говорил о родственниках. Конечно, они обормоты, но ты с лихвой перевешиваешь остальных. С этой минуты, — произнес он, вставая, — я без тебя ни на шаг.

— Тогда вам придется побыть здесь еще. Я обещал жене, что дождусь ее. Она вот-вот будет. Может, останетесь, поболтаете?

Мистер Параден покачал головой.

— В другой раз, Билл, — сказал он. — Передай ей мой самый теплый привет, но сейчас я не могу. Еду в Уимблдон. — Он воинственно взмахнул палкой. — Да, я выставил себя круглым дураком, но эту работу надо довести до конца. Я сделаю Горация достойным членом общества, даже если мне придется каждый день до конца жизни самолично его сечь. Отправлю в хорошую школу, найму десять гувернеров с обрезами присматривать за ним на каникулах. Он у меня еще станет героем поучительных книжек! До свидания, Билл. Заходи как-нибудь в Клуб букинистов, пообедаем. Ты молодчина!

— Дядя Кули, вы забыли книги.

Мистер Параден, который уже подошел к две-

рям, вернулся.

— Так и есть, — смиренно произнес он. — Так и есть. Мне точно нужна сиделка. Если знаешь хорошую, пришли мне.

Флик, приехавшая через несколько минут, увидела своего мужа, который таращился в стенку. Недавняя беседа подействовала на него как хорошая доза наркотика. Потребовалось присутствие жены, чтобы напомнить о реальности мира.

— Ну? — с жаром спросила Флик.

Билл снова улыбнулся, все так же остекленело глядя перед собой.

— Все замечательно, — сказал он. — Лучше не бывает. Дядя Кули ушел, пообещав мне несметные богатства и считая меня самым великим человеком на свете.

— Ты такой и есть, — сказала Флик. Билл задумчиво нахмурился.

— Не знаю, — сказал он. — Самый счастливый — это да. Посмотришь на тебя — и все ясно. А великий… Видишь ли, я вот тут думал: ведь с начала и до конца я ничего не сделал сам. Ты первая вышла на след Слинсби. Джадсон познакомил меня с Лилией Бум. Лилия Бум сказала, где Слинсби закопал тело. Гораций любезно выбросил книги из окна в тот самый момент, когда я

случился рядом. Джадсон в последнюю минуту убрал с пути Родерика…

Флик нежно взъерошила ему волосы.

— По-моему, тут нечего думать, — сказала она. — Разве ты не знаешь? Главный признак поистине великого человека — в том, что все на него работают. Возьми Пирпонта Моргана, Генри Форда, Селфриджа, да кого хочешь. Они не работают. Они сидят, а за них все делают остальные. По этому и видно, что они — великие.

— Что-то в этом есть, — благодарно сказал ее муж. — Да, несомненно, что-то в этом есть… — Он притянул ее к себе.

Рассыльный Генри, который стоял на табуретке и подглядывал в щелочку, тихонько вздохнул. Он любил трогательные сцены.

Неприметный холостяк

Глава I

1

Мы на крыше многоквартирного дома «Шеридан» рядом с Вашингтон-сквер в Нью-Йорке. Давайте осмотримся. В свое время на этой крыше развернутся бурные события, и неплохо бы заранее познакомиться с местом действий.

Стоит «Шеридан» в самом сердце богемного, артистического квартала. Бросьте камнем из любого окошка и непременно угодите по голове молодому декоратору по интерьеру или сверхсовременному скульптору, а на худой конец сочинителю новомодных верлибров (правильно, так им и надо). Крыша «Шеридана» — небольшая, уютная, высоко (на десять этажей) взлетевшая над улицей, — выложена черепицей и окружена низкой стеной, с одного края которой — железная пожарная лестница. Спустившись по ней в случае крайности, вы окажетесь в открытом зале ресторана «Лиловый цыпленок», одном из многих оазисов огромного города, где, несмотря на сухой закон, всегда можно, если вас тут знают, произнести несколько слов доверительным

шепотом и получить «это самое». Сведения полезные, советую запомнить.

На другой стороне крыши, напротив пожарной лестницы, находится то, что именуется маленькой холостяцкой квартирой. Это домик с белыми стенами и красной крышей, а неприметный холостяк, его владелец, — весьма достойный молодой человек по имени Джордж Финч. Родом из Ист Гилиэда (штат Айдахо), он стал благодаря недурному наследству, доставшемуся ему от дядюшки, неотъемлемой частицей Латинского квартала, только не в Париже, а в Нью-Йорке. Ему не нужно зарабатывать на жизнь, и он, дав волю потаенным желаниям, прикатил в большой город попробовать себя в живописи. С раннего детства ему хотелось стать художником, и он стал им, возможно — самым дрянным из всех, кто когда-либо брал в руки кисть.

Вот эта штуковина на крыше, похожая на привязной аэростат, — бак для воды, а приземистая продолговатая пристройка, похожая на беседку, — веранда, служащая Джорджу Финчу летней спальней. Растения, похожие на кусты в горшках, — и есть кусты в горшках. Крепкий парень с метлой — камердинер Джорджа, его повар, лакей и вообще работник на все руки. Зовут его

Муллет.

Импозантный же господин с квадратным подбородком, в роговых очках, сверкающих на солнце, как бриллианты, — это Дж. Хамилтон Бимиш собственной персоной, автор знаменитых «Брошюр Бимиша» («Читайте их, и вы превратите мир в уютную раковину!»). Да, тот самый Бимиш, который столько сделал, чтобы научить жителей Соединенных Штатов наблюдательности, проницательности, предприимчивости, рассудительности, решительности, деловитости, организованности, властности, самоуверенности, напористости, оригинальности — в общем, практически всему, начиная с того, «как выводить цыплят», до умения сочинять стихи.

Любой читатель «Брошюр», увидев автора во плоти, помимо вполне естественного трепета, который охватывает нас, когда мы лицезреем великих, скорее всего, удивился бы, как он молод. Хамилтону Бимишу шел третий десяток. Мозг гения созревает быстро, и те, кто удостоился знакомства с Бимишем в начале его карьеры, утверждают: судя по его повадке, он знал все, что следует знать, уже в десять лет.

Выбравшись на крышу, Хамилтон сделал несколько глубоких вздохов — носом, разумеет-

ся. Потом, поправив очки, бросил мимолетный взгляд на Муллета и, понаблюдав его секунду-другую, поджал губы.

— Все неправильно! — изрек он, качая головой.

Голос у него был резкий и звучный, что и подобает тем, кто властвует над людьми. В сущности, голос этот походил на рев тюленя, просящего рыбы. Услышав его прямо за спиной, Муллет, напряженный как тетива, подскочил дюймов на восемнадцать и нечаянно сглотнул жвачку. И то сказать, без предупреждения! Великий мыслитель носил туфли на резине («Они спасают ваш позвоночник!»).

— Все неправильно! — подтвердил свое заключение Бимиш.

Уж если Хамилтон Бимиш говорит «Все неправильно!» — значит, так оно и есть, ибо думал он ясно, судил смело, без всяких этих недомолвок, резал без обиняков.

— Неправильно, сэр? — выговорил Муллет, когда, убедившись, что это не бомба, сумел заговорить.

— Да, неправильно. Неэффективно. Слишком много движений пропадает впустую. От мускульного напряжения, которое вы вкладываете

в работу, коэффициент полезного действия — процента 63–64. Так нельзя. Пересмотрите свою методу. Полисмен тут, случайно, не появлялся?

— Полисмен, сэр?

Хамилтон досадливо прицокнул языком. Да, пустая трата энергии, но даже у экспертов есть чувства.

— Ну да, полисмен! По-ли-цей-ский.

— А вы, сэр, ждете полисмена?

— Ждал и жду.

Муллет откашлялся.

— Ему что-то нужно, сэр? — нервно осведомился он.

— Ему нужно стать поэтом. И я сделаю из него поэта.

— Поэта, сэр?

— А что такого? Я могу сделать поэта из двух палок и апельсиновой корки. Только бы они тщательно изучали мою брошюру. Этот тип написал мне, объяснил все обстоятельства и выразил желание развивать свое высшее «я». Меня его случай заинтересовал, и я взялся обучать его по специальной методе. Сегодня он посмотрит на город с крыши и опишет этот вид своими словами. А я выправлю текст, объясню ошибки. Простенькое упражнение!

— Понятно, сэр.

— Однако он опаздывает на десять минут. Надеюсь, у него основательные причины. А кстати, где мистер Финч? Мне бы хотелось поговорить с ним.

— Мистер Финч вышел, сэр.

— Все время он куда-то уходит. Когда его ждете?

— Не знаю, сэр. Все зависит от барышни.

— А, так мистер Финч ушел с барышней?

— Нет, сэр. Он ушел на нее смотреть.

— Смотреть? — Автор популярных брошюр снова прицокнул языком. — Что за чепуха! Никогда не болтай чепухи, это пустой расход энергии.

— Мистер Бимиш, это совершенная правда! Он с ней не говорит, а только смотрит на нее.

— Не понимаю.

— Ну, как бы это объяснить?.. Недавно я приметил, что мистер Финч стал — м-м… э-э-э… — ужасным привередой…

— То есть как это привередой?

— Ну, разборчивый очень, сэр. Когда одежду выбирает.

— Так и говорите, Муллет, — разборчивым. Избегайте жаргона. Стремитесь к чистому стилю. Почитайте мою брошюру «Английский язык».

Значит, он…

— Разборчив в одежде, сэр. Наденет синий костюм с розоватой искрой, а потом вдруг остановится у лифта, вернется и переоденется в серый. А галстуки, мистер Бимиш! На него просто не угодишь! Вот я и подумал: «Ага! Пахнет жареным!».

— Что вы подумали?

— Пахнет жареным, а, мистер Бимиш?

— Почему вы употребили эту отвратительную фразу?

— Да я, сэр, хочу сказать: «Ну, пари держу, влюбился!».

— И как, выиграли?

— А то, сэр! — Муллет искрился лукавством. — Очень уж меня разобрало, и чего это с ним творится? Ну, я и позволил себе вольность, пошел за ним, проследил до 79-й стрит.

— А на 79-й?

— А на 79-й он стал так это прохаживаться мимо большущего дома, там ведь дома все такие, большущие. Ну, вышла эта барышня, уставился он на нее, а она мимо прошла. Он посмотрел ей вслед, повздыхал да и пошел прочь. На другой день я опять позволил себе пройтись за ним, опять то же самое, только на этот раз она вернулась из парка, верхом там ездила. Уставился он на нее, а

она вошла в дом. Тогда он уставился на дом и так надолго застрял, что мне пришлось уйти, ведь нужно было обед готовить. Это я вот к чему: когда придет мистер Финч, зависит от барышни. Когда она возвращается, он задерживается подольше. Так что вернуться он может каждую минуту, а может и до обеда не прийти.

— Муллет, — задумчиво нахмурился Бимиш, — мне это не нравится.

— Не нравится, сэр?

— Это похоже на любовь с первого взгляда.

— Похоже, сэр.

— Вы читали мою брошюру «Разумный брак»?

— Да знаете, сэр, то одно, то другое, то по дому дел полно…

— В этой брошюре я выдвигаю веские аргументы против любви с первого взгляда.

— Правда, сэр?

— Разоблачаю такую любовь как разновидность психоза. Брачные пары должны создаваться в результате разумного процесса. А что это за барышня?

— Очень привлекательная, сэр.

— Высокая? Низенькая? Крупная? Изящная?

— Изящная, сэр. Такая, знаете, пупочка…

— Не употребляйте вульгаризмов! Вы хотите

сказать, что она низенькая и толстая?

— Нет, что вы, сэр! Какая там толстая! Ну просто кукол-ка… как бы это?.. Симпампулечка.

— Муллет, я не позволю, чтоб в моем присутствии так определяли человека. Понятия не имею, где вы такого набрались, но у вас отвратительный, ужаснейший лексикон!.. Ну, что еще?

Камердинер с выражением глубочайшей тревоги смотрел ему за спину.

— Почему вы гримасничаете, Муллет? — Хамилтон обернулся. — А, Гарроуэй, наконец-то! Вы должны были прийти десять минут назад.

2

Полисмен тронул кепи. Он был долговязый, жилистый и выпирал буграми из своей полицейской формы в самых неожиданных местах, будто у Природы, взявшейся ваять констебля, остался излишек материала — выбрасывать остатки жалко, но и приладить к месту, не нарушая общего рисунка, не удалось. У него были крупные, узловатые, ярко-алые руки и те самые четыре или пять лишних дюймов шеи, из-за которых человека лишают чести участвовать в конкурсе красоты. Если взглянуть на него под определенным углом, то казалось, будто весь он — одно адамово яблоко,

но глаза у него были добрые, голубые.

— Извините за опоздание, мистер Бимиш, — начал он, — меня задержали в участке. — Он неуверенно вгляделся в Муллета. — Кажется, этого джентльмена я уже где-то встречал.

— Что вы, что вы! — поспешно заверил Муллет.

— Лицо у вас какое-то знакомое…

— В жизни вас не видел!

— Подойдите сюда, Гарроуэй, — резко перебил их Хамилтон. — Нам некогда терять время на пустую болтовню. — И он повел полицейского к краю крыши. — Так. А теперь скажите мне, что вы видите? — И он широко раскинул руки.

Взгляд полисмена погрузился в глубину.

— Вон там «Лиловый цыпленок», — сказал он. — Скоро наведем шороху в этом местечке.

— Гарроуэй!

— Сэр?

— Я прилагаю немалые усилия, обучая вас *английскому* языку. Видимо, мои усилия пропадают впустую.

— Извините, мистер Бимиш, — зарделся полисмен. — Нечаянно с языка сорвалось. Все из-за общения с ребятами, с коллегами моими то есть, в полицейском участке. Они так несдержанны на

язык. Я хотел сказать, в ближайшем будущем мы проведем в «Цыпленке» облаву. Нам сообщили, что там, забывая о восемнадцатой поправке, по-прежнему торгуют алкогольными напитками.

— Оставим «Лилового цыпленка». Я позвал вас сюда, чтобы проверить, как вы сумеете своими словами описать открывающийся отсюда вид. Прежде всего, поэту следует развивать наблюдательность. Итак, какое он производит впечатление?

Неуверенным взором Гарроуэй окинул горизонт. Взгляд его полз по крышам, убегающим вдаль, к водам Гудзона, посверкивая на солнце. Он подергал кадыком, как человек, погрузившийся в глубокую задумчивость, и наконец выговорил:

— Ничего вид. Приятный.

— Приятный?! — Глаза Хамилтона сверкнули. Сейчас вам бы и в голову не пришло, что «Дж.» в его имени означает «Джеймс», а некоторые люди звали его когда-то попросту «Джимми». — Ну, знаете!

— А что, сэр?

— Он — жесткий.

— Жесткий, сэр?

— Жесткий и угрюмый. От него щемит сердце.

Поневоле задумаешься, сколько же горестей и низостей таится под этими крышами, и сердце у тебя защемит. Могу сказать сразу: если вы, расхаживая по городу, воспринимаете его как «приятный», современного поэта из вас не получится. Будьте едким и колким, мой друг! Едким и колким!

— Да, сэр. Я постараюсь. Изо всех сил.

— Так возьмите блокнот и набросайте описание того, что видите. А мне надо спуститься к себе, кое-что сделать. Заходите завтра.

— Да, сэр. Извините, сэр, но кто все-таки этот джентльмен? Ну, который подметает крышу. Его лицо такое знакомое…

— Это Муллет. Он служит у моего друга Джорджа Финча. Но дело не в нем. Принимайтесь за работу! Сосредоточьтесь! Сконцентрируйтесь!

— Да, сэр. Конечно, мистер Бимиш!

Полисмен с собачьей преданностью взглянул на мыслителя и, лизнув кончик карандаша, приступил к работе.

А Хамилтон Бимиш, развернувшись на бесшумно-резиновых пятках, прошествовал к лестничной двери.

3

После его ухода на крыше «Шеридана» несколько минут царила тишина. Муллет снова взялся за подметание, а офицер Гарроуэй трудолюбиво царапал в блокноте. Почувствовав, очевидно, что пронаблюдал уже все, что можно, он спрятал блокнот и карандаш в глубины мундира и, подойдя к Муллету, подверг того мягкому, но пристрастному допросу.

— Мистер Муллет, — приступил он, — я все-таки видел ваше лицо.

— Ну что вы! — запальчиво отозвался камердинер.

— А может, у вас, мистер Муллет, есть брат?

— И не один, с десяток наберется. Мать, и та не могла различить нас.

— А я сирота! — вздохнул полисмен. — Ни братьев у меня, ни сестер.

— Не повезло.

— Да, едкий я такой, — согласился полисмен. — Очень колкий и жесткий. А как вы считаете, мистер Муллет, не мог я видеть где-нибудь ваше фото?

— Сто лет не снимался.

— Да, странно! — задумчиво протянул Гар-

роуэй. — Почему-то, не могу точно сказать — почему, ваше лицо ассоциируется у меня с фотографиями.

— Не очень у вас сегодня хлопотный денек выдался, да?

— Я сейчас не на дежурстве. Так вот, видел я вашу фотографию — и даже в нескольких ракурсах — в одном альбоме…

Теперь не оставалось сомнений, что разговор Муллету неприятен. Слушал он с таким видом, словно его гложет тревога — а как там астма у его любимой тети из пригорода? — и уже развернулся, чтобы уйти, когда на крышу вышел молодой человек в сизо-сером костюме.

— Муллет! — окликнул он.

Тот благодарно поспешил к нему, кинув полисмена задумчиво обозревать собственные (заметим, огромные) ноги.

— Да, мистер Финч?

Рассказчик с верной системой ценностей вынужден отметить, что появление Джорджа Финча после того, как появился Хамилтон Бимиш, снизило впечатление. Бимиш заполнял собой все пространство. Аура авторитетности двигалась перед ним, словно огненный столп перед израильтянами в пустыне. При виде Дж. Хамилтона

Бимиша, еще до того, как он заговорит, каждого ударял по мозгам паровой молот, отшибая их напрочь. При появлении Финча ничего подобного не происходило. Внешность его вполне соответствовала сущности — да, неприметный холостяк; именно такие существа мелькают в этом городе на каждом шагу. С одного взгляда было ясно, что ни единой брошюры он не написал, более того, не напишет. Сложения он был стройного, лицом — приятен, но непримечателен. Карие глаза время от времени обретали выражение больной овечки; волосы были русые или, если хотите, светло-каштановые. Рассмотреть это было можно — шляпы на голове у Джорджа не было, он держал ее в руках.

Да, держал, и благоговейно, как величайшую ценность, что странно, поскольку мы вправе назвать ее никудышной. Нет, возможно, когда-то она и была отличной шляпой, но теперь выглядела так, будто по ней хорошенько прошлись, а потом еще и попинали ее ногами.

— Муллет, — распорядился Джордж, окидывая эту реликвию мечтательным взором, — возьмите шляпу и уберите ее.

— То есть выкинуть, сэр?

— Ни в коем случае! Уберите, и очень, очень

бережно! У вас есть оберточная бумага?

— Да, сэр.

— Тогда заверните ее поаккуратней и положите на стол в моей гостиной.

— Слушаюсь, сэр.

— Извините, что перебиваю, — проговорил позади вежливый голос, — но не могли бы вы, мистер Финч, уделить мне минутку вашего драгоценного времени?

Офицер Гарроуэй, покинув свой наблюдательный пост, стоял позади Джорджа в несколько неловкой позе. В добрых глазах его светилась застенчивость.

— Простите, что перебиваю, — повторил он.

— Ничего, ничего.

— Я полисмен, сэр…

— Да, я вижу.

— И боюсь, — печально продолжил Гарроуэй, — мне придется выполнить довольно неприятный долг. Очень бы хотелось избежать его, если б я только мог согласовать это со своей совестью. Но долг есть долг. Нам, полисменам, мистер Финч, приходится иногда поступать не по-джентльменски.

— Несомненно, — поддакнул Джордж.

Муллет опасливо сглотнул. На лице у него про-

ступило загнанное выражение. Гарроуэй ласково и озабоченно оглядел его.

— Замечу, — продолжил он, — что никакой личной вражды я к мистеру Муллету не питаю. За свое короткое знакомство с ним я не наблюдал никаких признаков, которые опровергли бы впечатление, что собеседник он приятный, работник — ревностный. Тем не менее я обязан сообщить, что мистер Муллет находился в тюрьме.

— В тюрьме?

— Но исправился, — поспешно вставил Муллет.

— Насчет этого ничего сказать не могу, — заметил Гарроуэй. — Говорю только о том, что знаю. Очень возможно, что мистер Муллет, как он утверждает, исправился. Но это не меняет того факта, что он отбыл срок в тюрьме. Во исполнение своего долга я вряд ли могу скрыть это от джентльмена, который в данный момент держит его у себя на службе. Как только нас познакомили, я сразу обнаружил нечто знакомое в его лице, а там и припомнил, что видел его недавно в фотоальбоме преступников в главном управлении полиции. Возможно, сэр, вам известно, что осужденных преступников вносят в картотеку, то есть фотографируют в различных ракурсах,

когда начинается их срок заключения. Что и было проделано с мистером Муллетом полтора года назад, когда его приговорили за кражи к году тюремного заключения. Могу я поинтересоваться, как мистер Муллет оказался у вас на службе?

— Его прислал мистер Бимиш. Хамилтон Бимиш.

— В таком случае, сэр, мне добавить нечего. — Полисмен склонился перед столь почитаемым именем. — Несомненно, у мистера Бимиша были самые достойные причины его рекомендовать. Поскольку мистер Муллет уже отбыл срок наказания, мне вряд ли стоит упоминать, что полиция против него ничего не имеет. Просто я счел своим долгом сообщить вам о его прошлом. Вдруг вам неприятно держать на службе человека с такой биографией. А теперь вынужден оставить вас. Долг обязывает меня вернуться в участок, на службу. До свидания, мистер Финч.

— До свидания.

— До свидания, мистер Муллет. Приятно было познакомиться. Вы случайно не встретились в Синг-Синге с молодым человеком по кличке Горилла Джо? Нет? Извините. Он из моего родного городка. Хотелось узнать, как он сейчас.

После ухода Гарроуэя царило долгое молчание.

Джордж неловко переминался с ноги на ногу. Он был доброжелательный молодой человек и неприятных сцен не любил.

— Э… Муллет… — начал Джордж и покосился на Муллета. Тот уставился в небо.

— Сэр?

— Неудачно получилось.

— Очень неприятно для всех заинтересованных лиц, сэр.

— Мистер Бимиш мог бы меня предупредить.

— Вероятно, посчитал излишним, зная, что я совсем исправился.

— Да, но все-таки… Э… Муллет…

— Сэр?

— Полицейский говорил о кражах… Что вы, в сущности, делали?

— Нанимался на службу камердинером, сэр, и выжидал, пока не подвернется удобный случай, а потом удирал, прихватив все что можно.

— Вон оно что!

— Да, сэр.

— Хм… Мистер Бимиш все-таки мог бы хоть намекнуть мне, тонко как-нибудь. О господи! Наверное, я часто вводил вас в соблазн!

— Нередко, сэр. Но я только рад соблазну. Каждый раз, оставаясь наедине с вашими жемчуж-

ными запонками, сэр, я с ним сражался. «Почему бы тебе не украсть их, Муллет? — нашептывал он. — Ну почему бы не украсть?» Превосходная, сэр, нравственная тренировка.

— Н-да, наверное…

— Да, сэр. Жутко вспомнить, на что он только не подталкивал. Иногда, когда вы спали, он нашептывал: «Сунь ему под нос губку с хлороформом и сматывайся с добычей!». Представляете, сэр?

— Да…

— Но я, сэр, побеждал. Не проиграл ни одной битвы, с тех пор как нахожусь у вас на службе, мистер Финч.

— И все-таки, Муллет, вряд ли вы останетесь у меня.

Муллет безропотно склонил голову.

— Я боялся этого, сэр. С той самой минуты, как этот плоскостопый коп вылез на крышу, у меня возникло предчувствие — быть беде. Но я был бы очень вам благодарен, сэр, если б вы переменили решение. Могу заверить вас, я полностью исправился!

— Вера повлияла?

— Нет, сэр. Любовь.

Слово это, по-видимому, затронуло тайную струнку в душе Джорджа. Лицо его утратило су-

ровое, решительное выражение. Он взглянул на собеседника почти растроганно.

— Муллет! Вы влюблены?

— Да, сэр. Ее зовут Фанни. Фанни Уэлч. Она карманная воровка.

— Карманная воровка?

— Да, сэр. Самой высшей квалификации. Умеет стащить часы из кармана так, что вы поклялись бы — она и на ярд к вам не приближалась. Вот это искусство! Но она пообещала мне стать честной, если честным стану я. И я уже откладываю деньги на покупку мебели. Так что очень надеюсь, сэр, что вы передумаете. Меня здорово подкосит, если я сейчас лишусь работы…

— Не следовало, конечно… — Джордж собрал лоб в гармошку.

— Так вы не уволите меня?

— По слабости… да, по слабости…

— Нет, сэр, что вы! Это истинно христианский поступок.

Джордж впал в задумчивость.

— Сколько вы уже у меня, Муллет?

— Месяц, сэр.

— И мои жемчужные запонки на месте?

— Лежат, сэр, все в том же ящике.

— Ладно, Муллет. Можете остаться.

— Премного вам благодарен, сэр!

Снова повисла пауза. Заходящее солнце набросило на крыши золотистый ковер. Наступил час, когда человека тянет на откровенность.

— Знаете, Муллет, — произнес Джордж Финч, — любовь — удивительная штука!

— Движет солнца и светила, сэр, я частенько говорю.

— Муллет…

— Сэр?

— Сказать вам кое-что?

— Если желаете, сэр.

— Я тоже влюблен.

— Быть не может!

— Вы заметили, Муллет, что я стал очень разборчив в одежде?

— Что вы, сэр! Внимания не обратил.

— Да, я стал разборчив. И тому есть причины. Она живет, Муллет, на 79-й стрит. Первый раз я увидел ее, Муллет, в ресторане «Плаза» с женщиной, очень похожей на императрицу Екатерину. Вероятно, мать.

— Вполне возможно, сэр.

— Я шел за ней следом, до самого дома. Сам не знаю, почему я все это рассказываю.

— Да, сэр.

— С тех пор я частенько прогуливаюсь у ее дома. Вы знаете, где 79-я стрит?

— Ни разу не бывал там, сэр.

— К счастью, улица не очень оживленная, не то меня давно бы арестовали как подозрительную личность. До сегодняшнего дня, Муллет, я и словечка с ней не сказал.

— А сегодня, сэр, поговорили?

— О да! Вернее, она со мной поговорила. Голосок у нее, Муллет… Так щебечут весной птички.

— Другими словами, мелодичный, сэр.

— Вернее сказать, небесный! Все, Муллет, случилось так. Я стоял у ее дома, когда она вышла гулять со скотч-терьером. Ветер сорвал с меня шляпу, та покатилась мимо нее, и она ее остановила. Наступила на нее ножкой, Муллет!

— Вот как, сэр?

— Да! На ту самую шляпу, которую вы видите. Наступила! Она! Вот на эту самую шляпу!

— А потом, сэр?

— Из-за переполоха она выпустила поводок, и скотч-терьер удрал за угол, в сторону Бруклина. Я погнался за ним, и мне удалось поймать его на Лексингтон-авеню. Шляпа у меня снова слетела, и ее переехало такси. Но поводка я не выпустил и благополучно вернул песика хозяйке. Она сказа-

ла — обратите особое внимание на ее слова — она сказала: «О! Спасибо вам большое!».

— Так прямо и сказала, сэр?

— Представляете? Не просто «спасибо» или там «о, спасибо!», а «спасибо вам большое!» — Джордж устремил острый взгляд на своего лакея. — Муллет, это очень знаменательно.

— Да, сэр. Чрезвычайно.

— Если бы она хотела положить конец знакомству, разве она говорила бы с такой теплотой?

— Ни в коем случае, сэр!

— А я еще не все рассказал! Она добавила: «Знаете, он такой шалунишка, правда?». Муллет, вы постигаете всю тонкость этих слов? «Он такой шалунишка» — просто утверждение, но, добавив «правда?», она как бы спросила, что я думаю. Как бы решила посоветоваться. Знаете, Муллет, что я сделаю, когда переоденусь?

— Пообедаете, сэр?

— Какой обед! — передернул плечом Джордж. — Нет! Бывают минуты, когда сама мысль о еде оскорбительна. Мы не животные, Муллет. Как только я переоденусь — а оденусь я со всем тщанием, — я вернусь туда, позвоню в дверь, войду, так вот прямо, и осведомлюсь о собаке. Как там ваш песик… Ну и так далее. В конце концов этого

требует элементарная вежливость! Эти скотч-терьеры такие изнеженные... Очень нервные собачки. Никогда не угадаешь, как скажутся на них бурные переживания. Да, Муллет, так я и сделаю. Вычистите костюм, как не чистили никогда!

— Слушаюсь, сэр.

— Подайте мне несколько галстуков. Ну, скажем, дюжину!

— Слушаюсь, сэр.

— А... заходил утром бутлегер?

— Да, сэр.

— Тогда смешайте виски с содовой, да покрепче, — распорядился Джордж. — Что бы ни случилось, сегодня вечером я должен быть в отменной форме.

4

В упоительные мечтания Джорджа, резко выдернув его в реальность, ворвался грохот трехфунтовых гантелей, покатившихся по крыше к нему. Такой дикий, омерзительный грохот обескуражил бы и Ромео. Следом появился Дж. Хамилтон Бимиш, как ни странно, на четвереньках. Твердо веря в здоровое тело, равно как и в здоровый дух, он регулярно проделывал на свежем

воздухе получасовую зарядку с гантелями и с лестницы кувыркнулся не впервые.

Вернув себе в три расчетливо-экономных движения равновесие, гантели и очки, он узрел Джорджа.

— А, вот и ты! — воскликнул Хамилтон.

— Да, — отозвался Джордж, — и…

— Что это я слыхал от Муллета?

— А что ты слыхал от Муллета?

— Муллет говорит, ты дуришь из-за какой-то барышни.

— Муллет говорит, ты знал, что он бывший заключенный.

Хамилтон решил разделаться с пустяком, а уж потом перейти к делу серьезному.

— Ну да, знал. Надеюсь, ты читал мои статьи «Как быть с исправившимся преступником»? Там я четко изложил, что человек, только что освободившийся из тюрьмы, менее всех остальных склонен к преступлениям. Это же логично! Подумай сам. Если ты пролежал год в больнице после того, как спрыгнул с крыши и расшибся, какой спорт покажется тебе самым отвратительным? Разумеется, прыжки с крыши!

Джордж по-прежнему недовольно хмурился.

— Все это распрекрасно, но как-то неприятно,

когда в доме у тебя болтается бывший преступник.

— А, чепуха! Избавляйся от старомодных предрассудков. Тюрьма — своего рода университет, который обучает справляться с трудностями внешнего мира. С моральной точки зрения, заключенные — те же студенты. Ты ведь не замечал за Муллетом недостатков?

— Нет как будто.

— Работает он хорошо?

— Да.

— Ничего у тебя не украл?

— Нет.

— Так в чем дело? Выкинь все страхи из головы. И лучше расскажи-ка мне про эту девушку.

— Откуда ты про нее узнал?

— Муллет рассказал.

— А он откуда узнал?

— Следил за тобой и все видел.

Джордж зарделся.

— Нет, какой змей! Сейчас же пойду и уволю его!

— Ничего подобного. Он действовал из чистого усердия и преданности. Заметил, что ты все уходишь куда-то, бормоча что-то себе под нос…

— А я бормотал? — удивился Джордж.

— Еще как! Бормотал, вел себя крайне странно. Естественно, добрый усердный слуга пошел за тобой приглядеть, как бы ты не угодил в беду. Он доложил, что большую часть досуга ты проводишь, таращась на какую-то девицу с 79-й стрит.

Джордж зарделся еще пуще и помрачнел.

— Ну и что с того?

— Вот и я бы хотел узнать, что с того?

— Почему бы мне на нее не смотреть?

— А зачем тебе смотреть?

— Затем, — объяснил Джордж, раздувшись, точно лягушка, — что я люблю ее!

— Какая чушь!

— Ничего не чушь!

— Ты читал мою брошюру «Разумный брак»?

— Нет, не читал.

— Я доказываю, что любовь — разумная эмоция, возникающая из общности вкусов. Растет она постепенно, не спеша. Как ты можешь любить девушку, если и словом с ней не перемолвился и даже имени ее не знаешь?

— Имя я знаю.

— Каким же это образом ты узнал?

— Пролистал телефонный справочник и узнал, кто живет в доме № 16 на 79-й стрит. Мне понадобилась целая неделя, потому что…

— Дом № 16 по 79-й стрит? Уж не хочешь ли ты сказать, что таращился на крошку Молли? На Молли Уоддингтон?

Джордж вздрогнул.

— Да, верно, Уоддингтон. Сигсби Х. — Джордж задохнулся от избытка чувств и благоговейно взглянул на друга. — Хамилтон! Хэмми, старик! Ты… ты хочешь сказать, что знаком с ней? Нет, ты правда знаком с ней?

— Разумеется, знаком. И очень близко. Много раз видел ее в ванне.

Джорджа с головы до пят пробрала дрожь.

— Это ложь! Низкая, грязная…

— Когда она была маленькой.

— Ах, маленькой? — Джордж немного поостыл. — То есть ты знаешь ее с детства? Значит, ты и сам в нее влюблен?

— Ничего подобного!

— То есть как?! — не веря своим ушам, переспросил Джордж. — Ты знаешь эту изумительную девушку много лет и не влюблен в нее?

— Вот именно.

Джордж окинул друга ласково-жалостливым взглядом. Единственным объяснением могло быть одно: в Хамилтоне Бимише кроется какой-то изъян. Печально, потому что вообще он

преотличнейший человек.

— При одном взгляде на нее тебя не охватывало чувство, что ради ее улыбки ты готов забраться на небо, сорвать все звезды и бросить к ее ногам?

— Конечно нет. Если учесть, что ближайшая звезда находится на расстоянии в несколько миллионов…

— Ладно, — перебил Джордж. — Ладно. Оставим. А сейчас, — попросил он, — расскажи мне о ней. О ее семье, о доме. Какой она была, когда впервые остригла волосы, кто ее любимый поэт, в какую школу она ходила, что она ест на завтрак…

Хамилтон призадумался.

— М-да… Я познакомился с Молли, когда была жива ее мать…

— Да она и сейчас жива! Я ее видел. Очень похожа на Екатерину Великую.

— Нет, это ее мачеха. Несколько лет назад Сигсби опять женился.

— Расскажи мне про Сигсби.

Хамилтон Бимиш задумчиво крутанул гантель.

— Сигсби Х. Уоддингтон — из тех людей, кого в годы созревания мул по голове тяпнул. Если мужчины — кости домино, то Сигсби — две пу-

стышки. Его невозможно воспринимать всерьез. Во-первых, он мнимый ковбой…

— Мнимый ковбой?

— Да. Это малоизвестный, но быстро размножающийся подвид. Сродни мнимому южанину. Этот любопытный типаж тебе, наверное, знаком.

— Да нет, вряд ли.

— Ерунда! Разве тебе не приходилось бывать в ресторанах, где играет джаз?

— Да, бывал.

— Ты наверняка замечал, что кто-то из посетителей, испуская дикие вопли, вскакивает на стул и размахивает салфеткой. Как правило, это продавец верхней одежды, какой-нибудь Розенталь или Бекстейн, родившийся в штате Нью-Джерси и южнее Фар Роквея в жизни не бывавший. Вот это и есть мнимый южанин. Ему кажется, что он — с Юга.

— А-а, понятно.

— Ну а Сигсби Уоддингтон — с Запада. Вся его жизнь, за исключением одного летнего отпуска, когда он ездил в Мэн, прошла в штате Нью-Йорк. Однако послушать его — можно подумать, что он ковбой-изгнанник. Скорее всего, насмотрелся вестернов. То ли причиной Том Микс, киношный злодей, то ли слабый ум Сигсби вконец

сломался от кадров, где Уильям Харт целует свою лошадь, — сказать не берусь, но факт остается фактом: он тоскует о безбрежных просторах прерий. Желаешь поладить с ним, тебе только и надо упомянуть, что родился ты в Айдахо. Деталь биографии, которую, надеюсь, обычно ты тщательно утаиваешь.

— Непременно скажу! — с жаром заверил Джордж. — Не могу передать, Хамилтон, как я тебе благодарен.

— Не стоит. Все равно пользы от этих сведений нет. Женившись во второй раз, Сигсби Уоддингтон продался в рабство со всеми потрохами. Назвать его нулем, и то будет чересчур. Он выполняет все, что прикажет жена, и ничего кроме этого. Вот ее расположения добиваться надо.

— А как?

— Никак. Все равно не добьешься.

— Железная дамочка? — тревожно осведомился Джордж.

— Что за выражения! — нахмурился Хамилтон. — Из лексикона Муллета, а мало от чего мыслящий человек содрогается сильнее, чем от его словечек. Тем не менее, в определенном смысле, это вульгарное словцо неплохо передает суть миссис Уоддингтон. На Тибете существует

древнее поверье, будто человечество произошло от женщины-демона и обезьяны. Многое в Сигсби и его жене подтверждает эту теорию. Не хотел бы дурно отзываться о женщине, но бесполезно скрывать, что миссис Уоддингтон — особа наглая, высокомерная, злая, и душа у нее похожа на изнанку замшелого камня. Любит она только богатых и знатных. Кстати, я случайно узнал, что некий английский лорд повадился к ним в дом, и за него она прочит выдать Молли.

— Только через мой труп!

— Ну, это она с легкостью организует. Мой бедный Джордж, — Хамилтон ласково погладил друга гантелей, — ты берешься за неподъемную ношу, стараешься прыгнуть выше головы. Ты ведь не из отважных Лохинваров. Ты — мягкий, застенчивый, робкий, неуверенный в себе. Я бы отнес тебя к белым мышам. Женщине вроде миссис Уоддингтон потребуется не более двух минут с четвертушкой, чтобы разжевать тебя и выплюнуть… как выразился бы Муллет, — сконфуженно добавил Хамилтон.

— Ей меня не сжевать! — доблестно вскричал Джордж.

— Хм, не знаю… Она не вегетарианка.

— Я вот подумал, а может, ты введешь меня в

дом, представишь?

— И твоя кровь обагрит мои руки? Нет-нет!

— Да что ты, какая кровь? Ты так говоришь, словно это не женщина, а банда головорезов. Не боюсь я ее. Ради того, чтобы познакомиться с Молли, — Джордж сглотнул, — я бы и с бешеным быком сразился!

Хамилтон был тронут. Великим людям не чуждо ничто человеческое.

— Хорошо сказано, Джордж. Да, прекрасно сказано! Правда, твоей безрассудной непродуманной методы я по-прежнему не одобряю. Тебе не помешало бы прочитать мой «Разумный брак», иначе ты не поймешь любви. Но твоим боевым духом я восхищаюсь. Если хочешь — что ж, ладно, введу тебя в дом, представлю миссис Уоддингтон. И Бог тебе в помощь…

— Ой, спасибо! Сегодня вечером, ладно?

— Нет, не сегодня. Сегодня я читаю лекцию о современной драме «Дочерям Минервы». Как-нибудь в другой раз.

— Тогда сегодня я, пожалуй, пойду погуляю по 79-й стрит и… — слабо покраснел Джордж. — Погуляю, в общем.

— Да что толку?

— Могу я хотя бы на дом полюбоваться?

— Молодая кровь! — снисходительно бросил Бимиш. — Молодая кровь!

И, твердо встав на бесшумные подошвы, он мощным рывком вскинул гантели.

5

— Муллет! — окликнул Джордж.

— Сэр?

— Вы уже погладили мой костюм?

— Да, сэр.

— А почистили?

— Да, сэр.

— А галстуки разложили?

— Аккуратным рядком, сэр.

Джордж кашлянул.

— Муллет!

— Сэр?

— Вы помните наш разговор?

— Сэр?

— О молодой леди, и… э… а…

— Да, сэр.

— Как я понял, вы ее видели?

— Так, сэр, мельком.

Джордж кашлянул опять.

— Э… правда, она довольно хорошенькая?

— Весьма, сэр. Настоящий симпампончик.

— Вот именно, Муллет.

— Правда, сэр?

— Симпампончик… очень точное слово!

— Я тоже так считаю, сэр.

Джордж кашлянул в третий раз.

— Таблетку от кашля, сэр? — озабоченно осведомился Муллет.

— Нет, спасибо.

— Слушаюсь, сэр.

— Муллет!

— Сэр?

— Знаете, мистер Бимиш — близкий друг этой семьи.

— Подумать только, сэр!

— Он познакомит меня с *ней.*

— Как хорошо, сэр!

— Ах, Муллет! — мечтательно вздохнул Джордж. — Жизнь прекрасна.

— Для тех, кто любит ее, сэр.

— Что ж, пошли к галстукам!

Глава II

1

В половине восьмого, когда Джордж примерял пятый галстук, в византийском будуаре дома № 16 по 79-й стрит стояла женщина, меряя шагами комнату. Фраза на первый взгляд представляется противоречивой. «Что такое? — удивится придирчивый критик. — Стояла и одновременно мерила шагами комнату?» Ответим: да, это вполне возможно, если человек взволнован до глубины души. Происходит это так: вы устраиваетесь на облюбованном местечке и перебираете ногами, словно кошка, которая месит лапами каминный коврик. Порой только так сильные женщины и спасаются от истерики.

Миссис Сигсби Х. Уоддингтон женщиной была сильной, и настолько, что посторонний мог бы счесть ее тяжелоатлетом. Не то чтобы она была очень высокой, но столь щедро раздалась во все стороны, что на первый взгляд казалась поистине огромной. Ни про один театральный зал нельзя было сказать, что он почти пуст, если туда заглянула эта дама; а ораторы, если она

присутствовала на их выступлении, тешились иллюзией, будто обращаются к подавляющему большинству американцев. Когда она прикатывала в Карлсбад или еще куда-нибудь на воды, городские власти нервно сбивались в кучку, гадая, хватит ли этих вод.

Все это было одним из многих огорчений ее мужа. Когда он женился на ней, она была вполне стройной и к тому же — вдовой покойного П. Хомера Хорлика, Сырного короля, который оставил ей с десяток миллионов долларов. Чуть ли не все проценты она растрачивала на калорийную пищу.

Итак, миссис Уоддингтон стояла и мерила шагами комнату, когда дверь открылась.

— Лорд Ханстэнтон, — объявил Феррис, дворецкий.

Образчики мужской красоты, появлявшиеся до сих пор в этой истории, были не очень высокого уровня, но вошедший сейчас джентльмен резко поднял планку. Высокий, стройный, элегантный, с ясным взглядом голубых глаз (один был увеличен моноклем) и с усиками — такими, знаете, тоненько подстриженными — он поистине поражал взоры. Костюм его был сшит мастером, а отглажен гением. Галстук — ну просто воздушная

белоснежная бабочка, слетевшая прямиком с небес и парившая над запонками воротничка, словно над экзотическим цветком! (При виде этого Джордж, трудившийся сейчас над галстуком номер восемь и только что сложивший его вчетверо, взвыл бы от зависти!)

— Вот и я! — объявил лорд Ханстэнтон и, выдержав секундную паузу, добавил: — А что? — точно чувствовал, что на такой вопрос рассчитывают.

— Очень любезно, что сумели зайти, — ответила, повернувшись вокруг собственной оси, миссис Уоддингтон и запыхтела, словно загнанный олень, устремившийся к ручью.

— Ах, что вы, что вы!

— Я знала, что могу на вас положиться.

— Вам стоит только приказать.

— Вы такой преданный друг, хотя мы и знакомы совсем недавно.

— Так что же случилось? — осведомился Ханстэнтон.

К немалому своему удивлению, он почему-то очутился в 7:40 там, куда был зван на 8:30. Когда он одевался, позвонил дворецкий миссис Уоддингтон и передал, что хозяйка просит приехать немедленно. Сейчас, отметив ее крайнюю нервозность, лорд понадеялся про себя, что обед не

сорвется.

— Все хуже некуда!

Лорд Ханстэнтон неслышно вздохнул. Неужели весь обед сведется к холодному мясу и пикулям?

— У Сигсби приступ!

— То есть он заболел?

— Нет, не заболел. Раскапризничался. И надо же этому случиться в такой вечер! Вы потратили столько сил на его совершенствование! Я сотни раз говорила, с тех пор как вы появились у нас, Сигсби стал совершенно другим человеком. Знает про всякие вилки, умеет порассуждать про суфле…

— Я очень рад, если те маленькие подсказки, какие я сумел…

— А когда я беру его на прогулку, он держится с внешней стороны тротуара. И на тебе! Сорвался! Да еще когда у меня званый обед!

— Он буйствует?

— Нет. Впал в угрюмость.

— Из-за чего же?

Миссис Уоддингтон жестко поджала губы.

— На него опять напала тоска по Западу.

— Да что вы!

— То самое. Затосковал по великим, безбрежным просторам. Твердит, что восточные штаты

— для неженок, а он желает очутиться там, среди молчаливых каньонов, где мужчина — это мужчина. Если хотите знать мое мнение — кто-то опять подсунул ему книжонку.

— И ничего нельзя поделать?

— Можно. Будь у меня время, я б вправила ему мозги. Прекратила б выдавать на карманные расходы, и все. Но — требуется время! А тут остался всего какой-то час до обеда, такого важного! На него приглашены самые богатые и знаменитые люди Нью-Йорка. Гости вот-вот явятся, а Сигсби наотрез отказывается надевать парадный костюм. Он говорит, что настоящему мужчине нужно одно: подстрелить бизона, отрезать бок да и зажарить мясо под ночным небом. А мне, хотела б я знать, что прикажете делать?!

Лорд Ханстэнтон раздумчиво покрутил усики.

— Н-да, тупиковая ситуация…

— Я подумала, вот если б вы пошли поговорили с ним…

— Сомневаюсь, что выйдет толк. А на обеде без него не обойтись?

— Тогда нас за столом будет тринадцать.

— Понятно… — Лорд улыбнулся. — Придумал! Пошлите-ка к нему мисс Уоддингтон!

— Молли? Думаете, ее он послушает?

— Он очень ее любит.

Миссис Уоддингтон призадумалась.

— Что ж, попробовать стоит… Поднимусь наверх, взгляну, одета ли она. Молли очень мила, правда, лорд Ханстэнтон?

— Очаровательна, очаровательна.

— Люблю ее, как родную дочку.

— Это видно!

— Хотя, разумеется, я не потворствую ее глупостям. В наши дни столько девушек испорчены глупым потворством…

— О, как верно!

— Я так хочу, лорд Ханстэнтон, чтоб в один прекрасный день она вышла замуж за хорошего человека!

Английский пэр прикрыл дверь за миссис Уоддингтон и несколько минут стоял, погрузившись в глубокие размышления. Скорее всего, он прикидывал, когда, самое раннее, удастся получить коктейль. А может, размышлял и над чем покрепче. Хотя что крепче коктейля?

2

Миссис Уоддингтон поплыла наверх и остановилась перед дверью на второй площадке.

— Молли!

— Да, мама?

Миссис Уоддингтон нахмурилась. Сколько раз она просила эту девочку называть ее «maman»!

Ну да ладно! Это пустяк, сейчас не до того. Она опустилась в надсадно скрипнувшее кресло. Какой бы сильной миссис Сигсби ни была, она, как и кресло, могла вот-вот сломаться.

— Господи, мама! Что случилось?

— Отошли ее! — шепнула миссис Уоддингтон, кивнув на горничную.

— Хорошо, мама. Джули, вы мне больше не нужны. Я справлюсь сама. Дать воды, мама?

Молли ласково и встревоженно смотрела на мачеху, жалея, что у нее нет ничего покрепче воды. Покойная мать воспитала ее в глупом, ограниченном духе, как раньше все старомодные мамаши воспитывали дочерей: каким бы невероятным ни показалось это в наше просвещенное время, Молли, достигнув двадцатилетнего возраста, не пила крепких напитков. Сейчас, глядя на мачеху, хватавшую ртом воздух, точно лось, на которого свалилась беда, конечно, пожалела, что она не из тех здравомыслящих, современных девушек, которые всегда таскают при себе фляжку, инкрустированную драгоценными камнями.

Хотя ущербное воспитание и не позволило

ей стать полезной в нужную минуту, никто не посмел бы отрицать, что вот так, еще не совсем одевшись для обеда, Молли Уоддингтон была на редкость хороша собой. Если б Джордж увидел ее… Если б он ее увидел, то, как и подобает джентльмену, закрыл бы глаза, потому что на этой стадии одевания наряд ее не предназначался для мужского взгляда.

Однако он успел бы заметить, что Муллет еще точнее определил ее, чем ему казалось. Вне всяких сомнений, Молли была именно симпампончиком. Ножки в шелковых чулках сужались к золотистым туфелькам. Розовые пальчики держали синий домашний халатик, отороченный лебяжьим пухом. Короткие кудряшки обрамляли круглое личико с чуть вздернутым носиком. Глаза у нее были большие, а зубки — маленькие, беленькие, ровные. Сзади на шее виднелась коричневая родинка… Короче, доведись Джорджу взглянуть на нее в эту минуту, он, безусловно, совсем ошалел бы от восторга и, свалившись на бок, затявкал по-собачьи.

Миссис Уоддингтон задышала полегче и распрямилась в кресле с тенью былого величия.

— Молли, — спросила она, — ты давала отцу книжки про ковбоев?

— Конечно нет!

— Ты уверена?

— Абсолютно. Да вряд ли у нас в доме они вообще есть.

— Значит, он опять улизнул в кино и смотрел эти фильмы…

— Вы хотите сказать?..

— Вот именно! У него опять приступ!

— Сильный?

— Настолько, что он не хочет одеваться к обеду. Говорит, что если этим парням, — миссис Уоддингтон передернуло, — если этим парням не нравится, что он во фланелевой рубашке, так он и вообще не спустится. Лорд Ханстэнтон предложил, чтобы я послала к нему тебя…

— Лорд Ханстэнтон? А он уже пришел?

— Я его вызвала. С каждым днем я все больше и больше полагаюсь на лорда Ханстэнтона. До чего же он милый!

— Да-а? — с сомнением протянула Молли. Лично ей этот пэр не очень нравился.

— И красивый!

— Да-а?

— А какой воспитанный!

— Наверное…

— Я была бы просто счастлива, — заключила

миссис Уоддингтон, — если бы такой человек предложил тебе стать его женой.

Молли теребила опушку халатика. Не в первый раз тема эта всплывала у них в разговоре. Только что переданная фраза была, в представлении миссис Уоддингтон, тонким намеком, подпущенным невзначай.

— Однако… — замялась Молли.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Вам не кажется, что он немножечко чопорный?

— Чопорный?!

— Ну, капельку напыщенный?

— Если ты имеешь в виду, что его манеры безупречны, я вполне с тобой согласна!

— Не уверена, что мне нравится, когда у мужчины совсем уж безупречные манеры, — раздумчиво проговорила Молли. — Разве вам не кажется, что застенчивый человек гораздо привлекательнее? — Она поцарапала носком золотистой туфельки каблук другой. — Мне куда больше нравится, — мечтательно продолжила она, — чтобы мужчина был… худенький, невысокий, с красивыми карими глазами и золотистыми-презолотистыми волосами. Он любуется девушкой на расстоянии, потому что не смеет заговорить

с ней. А когда ему наконец-то подворачивается случай, он давится словами и краснеет, ломает пальцы, издает всякие смешные звуки и спотыкается о собственные ноги… Такой, понимаете, ягненочек…

Миссис Уоддингтон грозовой тучей поднялась из кресла.

— Молли! — закричала она. — Кто этот молодой человек?!

— Да никто. Это я просто фантазирую.

— А-а! — облегченно вздохнула миссис Уоддингтон. — А говоришь так, будто его знаешь.

— Что за идея!

— Если какой молодой человек действительно смотрит на тебя издалека и издает смешные звуки, ты должна окатить его презрением.

— Ну конечно.

Миссис Уоддингтон опомнилась.

— Однако из-за всей этой чепухи я совсем забыла про твоего отца! Ну-ка, живо! Надевай платье и отправляйся к нему. Если он не спустится к обеду, нас за столом будет тринадцать, и весь мой вечер погиб!

— Сейчас, сейчас! А где он?

— В библиотеке.

— Иду.

— А повидаешься с ним, ступай в гостиную и поболтай с лордом Ханстэнтоном. Он там совсем один.

— Хорошо, мама.

— Maman!

— Maman, — послушно повторила Молли. Она была милой, послушной девушкой.

3

Но не только. Молли, к тому же, умела подольщаться и убеждать. Лучшим доказательством служит то, что, когда стрелки часов уткнулись в десять минут девятого, краснолицый человечек с торчащими седыми волосами и насупленным лицом прошаркал по лестнице и, приостановившись в холле, пронзил Ферриса взглядом, полным отвращения. Это и был Сигсби Х. Уоддингтон, уже полностью (правда, несколько неряшливо) одетый по моде, принятой в светском кругу.

Хронология примечательных событий всегда любопытна, и потому опишем подробно, что в библиотеку Молли зашла без семи восемь, подольщаться и уговаривать начала точно без шести минут сорока семи секунд восьмого. В семь пятьдесят четыре Сигсби начал сдаваться, в семь пятьдесят семь оборонял последний окоп, а в

семь пятьдесят девять, клянясь и божась, что ни в жизнь не согласится, согласился.

Доводы, выдвинутые Молли, приводить подробно нет надобности. Достаточно сказать так: если у человека не каменное сердце и к нему приходит дочка и говорит, что с нетерпением ждала званого обеда, специально надела новенькое платье, а потом добавляет, что без него все удовольствие пойдет прахом, то человек этот непременно уступит. У Сигсби сердце было не каменное. Многие достойные уважения судьи отмечали, правда, что голова у него — из бетона, но сердце еще никто не порочил. Точно в восемь он рылся в парадной одежде. А сейчас, в десять минут девятого, стоял в холле, пронзая Ферриса уничижительным взглядом, поскольку думал о том, что Феррис — разъевшийся кабан.

А в мыслях у Ферриса мелькнуло, что стыднова-то все-таки выходить к людям в этаком галстуке. Но мысли — не слова. Вслух Феррис почтительно осведомился:

— Коктейль, сэр?

А Сигсби ответил:

— Тащите скорее!

Наступила пауза. Уоддингтон, все еще не умиротворенный, смотрел все так же пасмурно. Фер-

рис, вновь обретя гранитную невозмутимость, отдался привычным мыслям о шропширской деревушке, где он служил дворецким первые, счастливые годы.

— Феррис? — наконец окликнул его Уоддингтон.

— Сэр?

— Бывали вы на Западе?

— Нет, сэр.

— А хотелось бы вам туда?

— Нет, сэр.

— Это почему же? — обиделся Уоддингтон.

— Мне кажется, сэр, в западных штатах Америки ощущается недостаток комфорта и бытовое обслуживание оставляет желать лучшего.

— А ну, дорогу! — взревел Уоддингтон, устремляясь к парадной двери.

Все душило его здесь. Ему требовался воздух. Он жаждал, пусть хоть несколько коротких мгновений, побыть наедине с молчаливыми звездами.

Было бы бесполезно отрицать, что Сигсби Х. Уоддингтон находился в опасном настроении. История наций свидетельствует, что самые бурные восстания происходят у тех народов, которые угнетали наиболее жестоко; верно это и в отношении отдельных личностей. В короткие моменты

случайной ярости нет человека страшнее, чем муж-подкаблучник. Даже миссис Уоддингтон признавала, что, как бы ни был всевластен ее контроль над ним, в минуты приступов он становился свирепым, словно слон-отшельник. Она старалась не попадаться ему на глаза, пока не спадет возбуждение, а уж потом сурово наказывала.

Мрачный, стоял Сигсби у дома, упиваясь бензиново-пыльной смесью, сходившей в Нью-Йорке за воздух, и глядя на то жалкое подобие звезд, какое мог предоставить ему Восток. Глаза его метали молнии, и он вполне был готов к убийствам, хитростям и злодействам. Молли ошибалась, в доме были книги о ковбоях. У Сигсби Уоддингтона имелся личный запасец, запертый в секретном ящике, и с раннего утра он не выпускал из рук «Всадников полынного штата», а днем, вдобавок, ухитрился улизнуть в кинотеатр на Шестой авеню, где показывали фильм «Эта крошка с ранчо» с Хендерсоном Гувером и Сарой Свелт. Сигсби, стоявший на тротуаре в своем лучшем костюме, походил на лакея из пьесы, но в сердце своем ему представлялось, что на нем — кожаные ковбойские штаны и ковбойская шляпа стетсон, а люди зовут его «Двуствольный Том».

Когда к тротуару подкатил «роллс-ройс», мистер

Уоддингтон отступил шага на два. Из машины вылез толстяк и помог выбраться даме, которая была еще толще. Уоддингтон узнал их — мистер и миссис Брустер Бодторн. Новый гость был первым вице-президентом «Объединенных Зубных Щеток» и купался в деньгах.

— Бр-р! — прорычал хозяин, и отвращение пробрало его до костей.

Пара исчезла в доме, и вскоре подкатил еще один «роллс-ройс», а за ним «испано-сюиза». Вышел «Объединенный Попкорн» с женой, а потом «Говядина» с дочкой, стоимостью в восемьдесят, а то и сто миллионов.

— Доколе? — простонал Уоддингтон. — Доколе?

И тут, когда дверь его дома закрылась, он заметил буквально в нескольких шагах от себя молодого человека, который вел себя очень странно.

4

Причиной странного поведения было то, что застенчивый Джордж не умел подчинять поступки свету чистого разума. Обычный толстокожий молодец с нахальной физиономией и непробиваемой наглостью армейского мула, решись

он зайти к девушке и справиться о здоровье ее песика, двинулся бы напролом — поддернул манжеты, поправил галстук и, поднявшись прямо на крыльцо, ткнул кнопку звонка. Джордж действовал не так прямолинейно.

У него были иные методы. Да, иные. Он был изящен и по-своему красив, но совсем, совсем иной. Для начала Джордж постоял минут десять на одной ноге, пожирая глазами дом. Потом, словно дружеская рука всадила штык дюйма на три ему в ногу, метнулся ошалелым рывком вперед. Совладав с собой у самого крыльца, он попятился шага на два и вновь застыл неподвижно. Через несколько секунд штык вонзился снова, и Джордж бойко взбежал по ступенькам, но тут же мигом слетел на тротуар. Когда хозяин дома решил заговорить с ним, он расхаживал мелкими кругами, приборматывая что-то себе под нос.

Сигсби Уоддингтон был не в том настроении, чтобы любоваться подобным зрелищем. Такие действия, горько думал он, совершают только на прогнившем Востоке. Там, на Западе, мужчины — это мужчины, они не вытанцовывают на крыльце. Возьмем Вентерса из «Всадников полынного штата». Вот, пожалуйста: «Он стоял, высокий и прямой, расправив широкие плечи,

мускулы на руках играли, а в глазах полыхало синее пламя вызова». Как же отличается от него этот слабоумный юнец, вполне довольный тем, что растрачивает весну своей жизни на идиотские игры!

— Эй! — резко крикнул он, застигнув Джорджа врасплох — тот как раз выполнял стойку на одной ноге. Джордж потерял равновесие и наверняка свалился бы, не вцепись он, очень находчиво, Уоддингтону в левое ухо.

— Извините, — пробормотал он отцепляясь.

— Что толку в извинениях? — проворчал пострадавший, нежно ощупывая ухо. — Какого дьявола вы тут вытворяете?

— Я в гости…

— Что-что?

— Я пришел сюда с визитом… Ну, в этот дом…

— Какой еще дом?

— Вот этот. Номер 16. К Сигсби Х. Уоддингтону.

Уоддингтон взглянул на него с нескрываемой враждебностью.

— Вон как? Тогда, может, вам интересно, что я и есть Сигсби Х. Уоддингтон и знать вас не знаю. Да!

Джордж судорожно глотнул.

— Вы — Сигсби Х. Уоддингтон? — благоговейно

переспросил он.

— Он самый.

Джордж уставился на отца Молли, точно на прекраснейшее произведение искусства — скажем, на несравненное полотно, за которое дерутся любители живописи и которое в конце концов достается доктору Розенбаху за триста тысяч долларов. Но и это дает читателю лишь приблизительное представление о том, что способна творить любовь; ведь, если взглянуть на Сигсби Х. Уоддингтона спокойно и беспристрастно, мы обнаружим, что смотреть-то не на что.

— Мистер Уоддингтон, — проговорил Джордж, — я горд! Я счастлив!

— Вы — что?

— Горд и счастлив.

— Почему это? — неприветливо буркнул Сигсби.

— Мистер Уоддингтон, а знаете, я родился в Айдахо.

Немало написано о том, как усмиряет океанские волны вылитое на них масло, и документально зафиксировано, что святой Грааль, скользящий вдоль радуги, успокаивал яростные страсти молодых рыцарей; но еще ни разу, с самого начала писаной истории, не было столь внезапной

перемены от враждебности к лучащейся благожелательности. Когда приведенные выше слова, точно волшебное заклинание, достигли ушей Сигсби, он мгновенно забыл, что его уху здорово досталось от цепких пальцев незнакомца. Ярость испарилась, словно роса под лучами солнца. Он рассиялся улыбками и с отеческой нежностью уцепил Джорджа за рукав.

— Вы правда с Запада? — вскричал он.

— Да.

— Из райской страны? С великого, чудесного Запада, с вольных просторов, где мужчины дышат воздухом свободы?

Джордж не совсем в таких тонах описал бы Ист Гилиэд, этот унылый городишко, где не хватало воды, а киоск с содовой был самым паршивым в Айдахо, но тем не менее согласно покивал.

— Запад! — Уоддингтон смахнул слезу. — Да ведь он мне как мама родная! Какие просторы!.. Какие вершины!.. Цветы… холмы…

Джордж подтвердил, что все это есть.

— Таинственный сумрак равнин, дрожащее золотое марево…

— Ах! — вздохнул Джордж.

— Тускло освещенные верхушки елей!.. Осины, клонящиеся под ветром, точно волны в бурю!..

— И не говорите!.. — вставил Джордж.

— Буйный шум дубовых лесов, проблески огня!..

— О! А! Э!

— Вот именно! Нам нельзя так сразу расстаться. Нам есть о чем потолковать. Заходите! Приглашаю вас на обед.

— Сейчас?

— Прямо в эту самую минуту. К нам пожаловали с десяток тухлых миллионеров, но черт с ними! Плюнь и разотри! А после обеда улизнем ко мне в кабинет и уж там поболтаем!

— Миссис Уоддингтон, наверное, станет возражать против неожиданного гостя?

Уоддингтон напыжился и похлопал себя по груди размашистым жестом.

— Еще чего! Как тебя зовут? Финч? Слушай, Финч, неужели я похож на человека, которым командует жена?

Именно на такого человека он походил, но сейчас не тот был момент, чтобы высказывать это мнение.

— Очень любезно с вашей стороны…

— Любезно? Хо-хо! А если б я мчался верхом по этим бескрайним прериям и меня настигла гроза рядом с твоим ранчо, разве ты стал бы суетить-

ся?! Любезно — нелюбезно! Сказал бы попросту: «Давай, заходи, приятель! Мой дом — твой дом!» И все.

Уоддингтон достал ключ.

— Феррис, — распорядился он в холле, — прикажите этим растяпам на кухне, чтобы поставили еще один прибор. Мой приятель с Запада заскочил ко мне перекусить.

Глава III

1

Безупречная хозяйка всегда старается ни при каких обстоятельствах не выказывать замешательства, прикладывая все усилия, чтобы в минуты испытаний вести себя как индеец на костре. И все-таки настал миг, когда миссис Уоддингтон, увидев Сигсби, вводящего в гостиную Джорджа, и услышав, как муж объявляет звенящим голосом, что этот прекрасный сын западных прерий заглянул к ним пообедать, заметно вздрогнула.

Правда, она быстро оправилась. Все женское в ней подталкивало ее схватить Сигсби за оттопыренные уши и трясти, пока голова не отскочит, но она переборола соблазн. Постепенно остекленевший взор утратил глянец мертвой рыбины, и она усмехнулась, подобно Смерти в поэме, «жуткой призрачной усмешкой», с напускной любезностью протянув Джорджу подрагивающую руку, вместо того чтоб влепить мужу оплеуху от души этой самой ручкой.

— Как ми-и-ило! — пропела миссис Уоддингтон. — Очень, очень рада, что сумели зайти к

нам, мистер…

Она приостановилась, и Джордж, уставившись на нее замутненным взором, сообразил, что она хочет узнать его имя. Он бы с радостью ответил ей, но, как на грех, сам начисто забыл, как его зовут. В мозгах смутно брезжило что-то не то на «Ф», не то на «Д», но дальше зияла пустота.

Дело в том, что, пожимая руку хозяйке, Джордж краем глаза заметил Молли.

На ней было новое вечернее платье, о котором она с таким чувством толковала отцу в их недавнем разговоре, и Джорджу почудилось, будто с глаз его упала пелена и видит ее в первый раз. Он и прежде смутно догадывался, что у нее есть руки, плечи и волосы, но только сейчас разглядел, что они действительно есть. И руки, и плечи, и волосы — в самом глубоком, священном смысле этих слов. Словно богиня сбросила покрывало. Словно ожила прекрасная статуя… Словно… Ну, в общем, передать мы хотим одно: Джордж Финч был потрясен. Глаза его округлились до размеров блюдец, кончик носа задергался, как у кролика, а кто-то невидимый принялся окатывать спину ледяной водой.

Миссис Уоддингтон, окинув его долгим пристальным взглядом, от которого на лбу у него

выступила испарина, отвернулась и завела разговор с содовым королем. Особо пылкого желания узнать фамилию Джорджа она не испытывала, хотя с превеликим удовольствием прочитала бы ее на надгробном камне.

— Обед подан! — провозгласил Феррис, появляясь бесшумно, точно джинн, вызванный волшебной лампой.

Джорджа увлек поток миллионеров. Он все еще слабо сглатывал, пытаясь что-то выговорить.

Нет большей неловкости для человека застенчивого и впечатлительного, чем званый обед, когда чутье нашептывает ему, что гость он нежеланный. В данном случае это нашептывал взгляд миссис Уоддингтон, который она периодически метала, превращая Джорджа в бесформенную пульпу, и подгадывая как раз те моменты, когда ему казалось, что, если б с ним обходились мягче и ласковей, он в конце концов воспрял бы духом.

Взгляд этот, будто термос, то становился обжигающе горячим, то пронзал ледяным холодом. Джордж наткнулся на него за супом, и ему показалось, что его обдал самум в африканской пустыне. Потом взгляд просверлил его, когда он ковырялся в рыбе, и он испытал то, что испытывают на полюсе, если неожиданно возникла

снежная буря. Но, обдавал ли взгляд холодом или жаром, в нем присутствовало неизменно болезненное отвращение. Оно, чувствовал Джордж, не исчезает, как бы он ни старался. Такому взгляду, пожалуй, поразился бы Сисара, заметь он его случайно, еще до того, как Иаиль, жена Хевер, начала примериваться гвоздем к его голове. Да, друга Джордж приобрел, но одного, не двух.

Словом, нам нечего сообщить о лепте, внесенной Джорджем в пиршество остроумия на этом званом обеде. Он не порадовал гостей эпиграммой, не развлек забавной историей. Единственное слово он обронил одному из лакеев, и было это «хересу…», хотя на самом деле он предпочел бы рейнвейн.

Но даже будь условия более благоприятными, сомнительно, чтобы Джордж стал душой общества. При подборе гостей миссис Уоддингтон ограничилась богачами, а беседа богачей, хотя по-своему и занимательна, но все-таки несколько специфична для человека обыкновенного.

За супом гость, походивший на карикатуру капиталиста в социалистической газете, заметил, как он рад видеть, что «Вестинхаус коммон» опять пошли на повышение. Второй, который вполне мог бы сойти за его брата, согласился:

да, акции очень недурно подскочили перед закрытием биржи; падение же «Уобэш Преф. А» до 73 и 7/8 достойно сожаления. Однако очень неплохо выглядят «Ройял Датч Ойл Ординарис» на отметке 54 и 3/4.

За рыбой Говядина взялся рассказывать остроумную, хотя несколько затянутую историю о боливийских концессиях, суть которой сводилась к тому, что один боливийский синдикат, выкупив у боливийского правительства землю и перспективные концессии, теперь станет именоваться «Боливийская Концессия Лтд.», а капитал их составит миллион долларов, заключенный в двухстах тысячах акций «А» по пять долларов и двухстах тысячах акций «В» по полдоллара, и так как никаких выплат не будет, то продавцу выделили в компенсацию все акции «В». Рассказчик вел к тому, что акции эти должны получить половину всей прибыли и уравняются с акциями «А» при распределении активов.

История прошла хорошо, беседа оживилась. Добродушно поворчали насчет эластичности кредита, предоставляемого коммерческими банками, и кто-то вызвал смешок, хитро намекнув на резервный фонд, противостоящий обращению акций и совокупным депозитам. Что касается

дополнительной ответственности держателей акций, тут разгорелся спор, но обстановка, уже накалявшаяся, несколько разрядилась, когда миссис Уоддингтон подала сигнал и дамы вышли из комнаты. Был подан кофе, раскурены сигары. Магнаты сбились за одним концом стола, вокруг мистера Уоддингтона. Но он ловко выскользнул от них и пошел к Джорджу.

— Там, у нас, — сообщил он оглушительным шепотом, злобно сверля взглядом Объединенные Зубные Щетки, который завел разговор о предстоящей межконтинентальной конференции в Сен Луисе, — ему бы выстрелили под ноги, и все дела!

Джордж ему поддакнул.

— Ох уж эти мне жители Востока! — вздохнул Уоддингтон. Джордж признался, что и его одолевает утомление.

— Как подумаешь, — продолжал Уоддингтон, — что в этот самый миг где-то в Аризоне или Юте сильные мужчины пакуют седельные сумки, закрепляя их к седлам, то прям и не знаешь, смеяться или плакать. Верно?

— Куда уж вернее!.. — подтвердил Джордж.

— М-дэ… м-дэ… Сплавлю я сейчас всех этих пузанов наверх, а мы с тобой улизнем в мой кабинет

и уж поболтаем там всласть!

2

Ничто так не портит доверительной беседы между новыми друзьями, чем склонность к молчаливости со стороны старшего, и, стало быть, очень удачно получилось, что, когда Сигсби уселся напротив Джорджа в своем кабинете, дурманящее влияние книжек и щедрые возлияния склонили его к болтливости. Он достиг стадии, когда мужчины начинают бранить своих жен. Три раза постукав Джорджа по коленке, он уведомил нового друга, что ему очень нравится его лицо, и приступил к жалобам.

— Уинч, ты женат?

— Финч, — поправил Джордж.

— Как это — Финч? — удивился Уоддингтон.

— У меня такая фамилия.

— Ну и что?

— А вы меня назвали Уинч.

— Почему?

— Наверное, решили, что так меня зовут.

— Как?

— Уинч.

— А ты только что сказал — Финч!

— Ну да, я и говорю…

Уоддингтон снова постучал его по коленке.

— Юноша, возьми себя в руки. Если ты — Финч, так и говори. Не нравятся мне эти увертки! Ковбои так не делают. Вот тут, на Востоке, они сами не знают, чего им надо. Да что с них взять! Почки больные, вдов, сирот обижают… Если ты Пинч, так признайся. Сам знаешь, да — так да, а если нет, то нет! — сурово наставлял Уоддингтон, поднося зажженную спичку к авторучке, которую — как случается с лучшими из нас в минуты бурных чувств — ошибочно принял за сигару.

— В общем нет.

— Что — нет?

— Не женат.

— А разве я говорил, что ты женат?

— Вы спросили, женат ли я.

— Да?

— Да.

— Ты уверен? — уточнил Уоддингтон.

— Вполне. Сразу, как только мы сели, вы спросили, женат ли я.

— А ты что сказал?

— Нет, не женат.

Уоддингтон вздохнул с превеликим облегчением.

— Ну вот, наконец мы все и выяснили. И чего ты

топтался вокруг да около, понять не могу! Так вот что я тебе скажу, Пинч, и скажу серьезно, я ведь старше, мудрее, красивее. — Уоддингтон задумчиво попыхтел авторучкой. — Вот тебе мой совет, Пинч. Позаботься, чтоб денежки твои, когда ты женишься, остались при тебе, и держи их крепко. Нельзя вечно клянчить у жены! У мужчины свои расходы. Возьми, к примеру, хоть меня. Когда я женился, я был богат. У меня были собственные деньги, и меня все любили. А уж щедрый я был, нет слов! Купил жене — это о первой — жемчужное ожерелье, отвалил пятьдесят тысяч.

Он вскинул на Джорджа блестящие глаза, а тот, почувствовав, что от него ждут комментариев, заметил, что такой подарок делает ему честь.

— Честь тут ни при чем. Тут денежки потребовались. Наличные. Пятьдесят тысяч. И что дальше? Женился я снова, а потом потерял все свои деньги и вот, завишу от второй жены. Да, Уинч, перед тобой — разоренный человек! Скажу тебе, Пинч, еще кое-что. Этого я никому не говорил и тебе не сказал бы, да уж очень ты мне нравишься. Я не хозяин в своем собственном доме!

— Ну?!

— Да-да! Не хозяин в собственном доме! Я желаю жить на великом, славном Западе, а жена

настаивает, чтобы мы оставались на Востоке, где человеку губят душу. Признаюсь тебе еще кое в чем. — Запнувшись, Уоддингтон досадливо осмотрел авторучку. — Чертова сигара! Не раскуривается никак! — раздраженно пожаловался он.

— Мне кажется, это ручка.

— Ручка? — Прижмурив один глаз, Уоддингтон проверил это сообщение и обнаружил, что оно верно. — И то! — с угрюмым удовлетворением согласился он. — Ну скажи мне, разве на Западе так бывает? Человек просит сигару, а ему подсовывают ручку! Ни честности, никакого понятия о добросовестной…

— Мисс Уоддингтон была так хороша за обедом, — заметил Джордж, робко затрагивая предмет, близкий его сердцу.

— Да, Пинч, — не сбился с темы Уоддингтон, — жена меня обижает.

— Как ей идет стрижка! — сказал Джордж. — Просто чудо!

— Не знаю, заметил ты за обедом типа с тупой такой физиономией и с усиками вроде зубной щетки? Лорд Ханстэнтон. Изводит меня всякими этикетами.

— Очень любезно с его стороны, — не к месту

заметил Джордж.

Уодцингтон глянул на собеседника так, что тот мигом понял свою ошибку.

— То есть как это — любезно? Наоборот, очень нагло. Пристал, как чума. В Аризоне бы этого не потерпели. Запустили б ему в постель скунса-другого, и весь разговор! К чему мужчине этикет? Если мужчина храбр, честен и бесстрашно смотрит миру в глаза, важно ли, что он возьмет не ту вилку?

— Вот именно!

— Или наденет не ту шляпу.

— Мне особенно понравилась та шляпка мисс Уоддингтон, которая была на ней в первый раз, когда я ее увидел, — поделился Джордж. — Из мягкой такой ткани, бежевая и…

— Моя жена… то есть вторая — первая, бедняга, умерла — прямо прилепила ко мне этого Ханстэнтона! По финансовым причинам, черт его дери, я не могу дать ему в нос. А надо бы, ах, надо бы! Догадайся, что теперь она забрала себе в голову?

— Представить не могу.

— Желает, чтоб Молли вышла замуж за этого субъекта.

— Я бы не советовал! — вскинулся Джордж. — Нет и нет! Нив коем случае! Англо-американские

браки редко бывают счастливыми.

— Я — человек широких взглядов и крайне чувствительный, — как бы кстати, а на самом деле ни к тому ни к сему обронил Уоддингтон.

— А кроме того, мне не понравилась его внешность.

— Чья это?

— Лорда Ханстэнтона.

— Не говори про этого субъекта, он у меня в печенках сидит!

— У меня тоже, — согласился Джордж. — Вот я и говорю…

— Открыть тебе кое-что?

— Да?

— Вторая моя жена — заметь, не первая! — желает, чтоб Молли вышла за него замуж! Ты заметил его за обедом?

— Да, — терпеливо подтвердил Джордж. — И мне не нравится его внешность. Мне он показался холодным и зловещим. Из тех мужчин, которым ничего не стоит разбить сердце юной увлекающейся девушки. Мисс Уоддингтон нужен муж, который отдаст ей все! Который пожертвует чем угодно, только бы ее порадовать! Который будет обожать ее, возведет на пьедестал, из кожи вылезет, чтобы дать ей счастье!

— Жена у меня полновата, — заметил Уоддингтон.

— Прошу прощения?

— Толстая чересчур.

— У мисс Уоддингтон, осмелюсь сказать, на редкость красивая фигура!

— Слишком много ест и не двигается, вот в чем беда. Ей бы пожить с годик на ранчо да поскакать верхом по прериям…

— Как-то на днях я случайно увидел мисс Уоддингтон в костюме для верховой езды. До чего же он ей идет, просто восхитительно! Очень многие девушки так нелепы в бриджах, только не она! Они подчеркивают необыкновенную, я бы сказал, мальчишескую легкость осанки! По-моему, одно из главных…

— Она у меня поскачет! — взорвался Уоддингтон. — Еще как! Я человек женатый, Линч, женатый дважды — первая моя жена, бедняга, уже умерла, — и могу тебе кое-что посоветовать. Чтобы иметь власть над женой, мужчине требуется полная финансовая независимость. И не старайся подчинить жену, если через пять минут придется клянчить у нее на сигару. Полная финансовая независимость, Минч, — вот главное. И скоро я ее добьюсь. Недавно я наскреб некоторую

сумму — какими способами, говорить не будем, и купил большой пакет акций в голливудской кинокомпании. Слыхал? Это в Калифорнии. Не слыхал, так услышишь. Компания разрастается, скоро я сделаю огромное состояние!

— Кстати, о кино, — живо откликнулся Джордж. — Не стану отрицать, многие актрисы необыкновенно красивы, но им недостает — да-да, недостает! — этой глубокой чистоты. Для меня мисс Уоддингтон…

— Огромный куш отхвачу!

— Сразу видишь, что она…

— Тысячи и тысячи долларов. А уж потом…

— Поэт писал, что одна девушка «ступила робкой ножкою на грань, где встретились река и ручеек, прекраснейшее место…».

— Да, и тесто тоже, — покивал головой Уоддингтон, — но самая большая беда — сладкое. Если женщина напихивает в себя столько пудингов, например хоть сегодня, так обязательно наберет вес. Сколько я ей говорил…

Что мистер Уоддингтон намеревался сказать, навсегда останется еще одной тайной истории. Когда он набрал воздуха, дверь приотворилась, и возникло лучистое видение. Хозяин оборвал фразу на середине, а сердце гостя, кувыркнувшись

три раза, стукнулось о передние зубы.

— Мама просила посмотреть, что с тобой, — сказала Молли. Уоддингтон постарался приосаниться и совсем немного не дотянул до благородного, достойного вида.

— Ничего, душенька, со мной не стало. Урвал минутку спокойно побеседовать с молодым другом…

— Папочка! Какие могут быть сейчас беседы? В доме полно важных гостей.

— Подумаешь! Важные! — фыркнул Уоддингтон. — Сборище тухлых пузанов. Там, у нас, их бы линчевали за один внешний вид!

— Особенно тобой интересовался мистер Брустер Бодторн. Он хочет сыграть с тобой в шашки.

— Ну его к лешему! — величаво изрек Уоддингтон.

Молли, обняв отца за шею, ласково его поцеловала, что исторгло у Джорджа страдальческий всхлип, похожий на захлебывающийся вскрик сильного пловца.

— Ну, папочка! Не капризничай. Ступай наверх и будь с ними полюбезнее. А я останусь здесь и развлеку мистера…

— Его зовут Пинч, — подсказал Уоддингтон, нехотя поднимаясь и направляясь к двери. —

Встретил его на тротуаре. Там, где мужчины — это мужчины. Попроси, пусть тебе расскажет про Запад. Заслушаешься! Очень, очень занимательно. Прямо заворожил меня своими историями. Решительно заворожил. А меня зовут, — несколько непоследовательно заключил он, нашаривая дверную ручку, — Сигсби Хорейшо Уоддингтон. И мне плевать, пусть весь свет знает!

3

Главный недостаток человека застенчивого — то, что в кризисные минуты жизни он совершенно не походит на смелое и предприимчивое существо, каким рисуется себе в одиноких мечтаниях. Джордж Финч, очутившись в ситуации, какой так часто жаждал, — наедине с *нею*, почувствовал, что его истинное «я» подменили неуклюжим дублером.

Тот, кого он знал по дневным мечтаниям, был обаятелен, раскован, остроумен и красноречив. Что там, он был красив, и сразу было понятно, как он добр. Умен — вне всякого сомнения, это сразу становилось ясно, но не в той холодной, сухой манере, которая модна в наши дни. Какими бы искрами ни блистал его разговор, было ясно, что человек он сердечный и, несмотря на все свои да-

рования, не чванлив. Глаза приятно сияют, губы складываются в чарующую, обаятельную улыбку, руки изящны и прохладны, а накрахмаленная грудь рубашки ни капельки не топорщится. Короче, Джордж мечтаний был истинным ответом на девичьи молитвы.

И как же отличался от него тот отвратительный субчик, застывший на одной ноге в библиотеке дома № 16! Во-первых, тот явно не причесывался несколько дней, редко мыл руки и отчего-то весь напыжился. Кроме того, брюки у него пузырились на коленках, галстук съехал к левому уху, а накрахмаленный перед рубашки топорщился, словно грудь нахохлившегося голубя. Да-а, тошнотворная картинка!

Однако внешность, как известно, еще не все. Если б эта жалкая личность сумела блистать хоть десятой долей того остроумия, каким блистал воображаемый Джордж, кое-какие обломки крушения еще можно было бы спасти. Так нет же! Этот жалкий недотепа еще и онемел! Он мог только кашлять, прочищая горло. Попробуй завоюй сердце хорошенькой девушки хрипловатым покашливанием!

Лицу, как он ни старался, не удавалось придать никакого мало-мальски сносного выражения.

Когда он попытался изобразить обаятельную улыбку, получилась кривоватая усмешка. А когда усмешку убрал, лицо застыло в зловещем оскале.

Но больше всего жгла душу Джорджа неспособность выдавить хоть слово. После ухода Уоддингтона протянулось едва ли секунд шесть, но Джорджу показалось, что прошло не меньше часа. Подхлестнув себя, он сипло выдавил:

— Я не Пинч.

— Да? — живо откликнулась девушка. — Как забавно!

— И не Уинч.

— О-о! Еще интереснее!

— А Финч. Джордж Финч.

— Замечательно!

Казалось, что она и вправду довольна, поскольку сияла улыбками, словно он принес ей добрую весть из дальних стран.

— Ваш отец, — продолжал Джордж, не решаясь углубить тему, но и не бросая ее, — решил, что я Пинч. Или Уинч. Но это не так. Моя фамилия Финч.

Взгляд его, нервозно скачущий по комнате, ненароком задел Молли, и он до крайности изумился, не различив в ее глазах потрясенного омерзения, какое должны бы вызвать его внеш-

ность и речи у любой здравомыслящей девушки. Да, она удивлялась, но смотрела на него довольно ласково, даже по-матерински; и слабенький проблеск света забрезжил во тьме. Сказать, что он взбодрился, мы не смеем, но в окутывавшей его ночи на секундочку проблеснула одинокая звезда.

— А как вы познакомились с папой?

Ответить Джордж мог. Отвечать на вопросы он был вполне в силах. Вот придумывать темы — дело другое.

— Встретил его у вашего дома. Он узнал, что я с Запада, и пригласил меня к обеду.

— То есть как? Он что, накинулся на вас, когда вы проходили мимо?

— О, нет! Я не то чтобы проходил… Я… э… я в общем-то стоял у входа. Во всяком случае…

— У входа? Почему?

Уши его стали красными, как два спелых помидора.

— Я… это… шел, в общем… в гости.

— В гости?

— Да.

— К маме?

— Нет, к вам.

— Ко мне? — Глаза ее округлились.

— Да. Я хотел спросить…

— О чем же?

— О вашем песике.

— Не понимаю…

— Я подумал… может, из-за нервной встряски… всех этих переживаний… он прихворнул.

— Это когда он убегал?

— Ну да…

— Значит, вы решили, что у него нервный срыв?

— Тут такое движение… — лепетал Джордж. — Его могла машина переехать… Все-таки страшно. Нервы… то-се…

Женская интуиция — поразительнейшая штука. Скорее всего, любой психиатр, дослушав до этого места, прыгнул бы на Джорджа и, прижимая его к полу одной рукой, другой подписал бы необходимое свидетельство. Но Молли проникла в самую суть и умилилась. Она поняла одно: этот молодой человек столь высокого мнения о ней, что, несмотря на всю свою болезненную застенчивость, все-таки решился проникнуть в дом под идиотским предлогом. Словом, она опять убедилась, что Джордж — сущий ягненочек, и ей захотелось погладить его по головке, поправить сбившийся галстук, поворковать над ним.

— Как мило с вашей стороны!

— Люблю собачек, — хрипло выдавил Джордж.

— Это видно.

— А вы любите собачек?

— Просто обожаю!

— И я тоже. Обожаю.

— Да?

— Да. Обожаю. Некоторые их не любят, а я вот люблю.

На Джорджа напало красноречие. Блеснув глазами, он нырнул с головой в волны истинной литании.

— Да. Люблю! Эрдельтерьеров, и скотч-терьеров, и сэлихемских, и фокстерьеров. И пекинесов, и абердинцев, мопсов, мастифов и далматинцев. И водолазов, и сенбернаров, пуделей, шпицев…

— Ах, вон что! — перебила Молли. — Вы любите всяких собак.

— Да, — подтвердил Джордж. — Очень люблю. Всяких.

— И я тоже. Есть в них что-то такое…

— Есть. Конечно, и в кошках…

— Да, правда?

— И все-таки кошки — не собаки.

— Да, я тоже заметила…

Наступила пауза. Страшно страдая — ведь на

этой теме он мог бы развернуться, — Джордж сообразил, что для Молли предмет исчерпан, и застыл в задумчивом молчании, облизывая губы.

— Значит, вы приехали с Запада? — поинтересовалась она.

— Да.

— Там, наверное, красиво.

— Да.

— Прерии всякие…

— Да.

— А вы не ковбой?

— Нет. Я — художник!

— Художник? Пишете картины?

— Да.

— И у вас есть студия?

— Да.

— А где?

— Да. То есть на Вашингтон-сквер. В доме «Шеридан».

— «Шеридан»? Правда? Тогда, наверное, вы знакомы с мистером Бимишем?

— Да. Да. Конечно.

— Он такой душечка, правда? Я знаю его всю жизнь.

— Да.

— Наверное, это так увлекательно — быть ху-

дожником?

— Да.

— Мне бы очень хотелось посмотреть ваши картины.

Теплое блаженство разлилось по телу Джорджа.

— Могу я прислать вам одну? — проблеял он.

— О, конечно!

Джордж так воспрял от такого непредвиденного поворота, что невозможно и предугадать, к каким вершинам красноречия он воспарил бы, побудь еще минут десять в обществе этой девушки. То, что она готова принять его картину, их очень сблизило. Еще ни один человек не брал его картин. И впервые с начала беседы он почувствовал себя почти легко.

К несчастью, в эту минуту дверь открылась и, словно струя ядовитого газа, вплыла миссис Уоддингтон.

— Что ты тут делаешь, Молли? — осведомилась она. Джорджа она одарила одним из своих достославных взглядов, и только что обретенная свобода духа пожухла на корню.

— Я разговариваю с мистером Финчем. Представляешь, как интересно! Мистер Финч — художник! Он пишет картины!

Миссис Уоддингтон не ответила, разом лишившись дара речи от чудовищного открытия. До этого она Джорджа толком и не рассматривала — так, кинула взгляд, полный того отвлеченного омерзения, каким любая хозяйка одарила бы пенек, выскочивший без пяти минут до тщательно спланированного обеда. Лицо его, хотя и противное, не вызывало никаких личных чувств.

Но сейчас все переменилось. Противные черты обрели грозный смысл. Описания Молли обеспокоили миссис Уоддингтон еще в спальне, и теперь они вынырнули из глубин подсознания, как безобразные чудовища из темных вод. «Стройный, невысокий, с красивыми карими глазами и такими золотистыми-презолотистыми волосами…» Миссис Уоддингтон уставилась на Джорджа. Ну да! Стройный. И невысокий. Глаза у него хотя и некрасивые, но карие, а волосы, несомненно, светлые.

Кажется, она говорила, что он будет задыхаться, краснеть, ломать пальцы, странно булькать, пыхтеть и топтаться… Точно так и вел себя молодой человек, стоявший сейчас перед ней. Взгляд ее оказал самое дурное воздействие на Джорджа Финча, и редко за всю его карьеру удавалось ему кашлять так хрипло, алеть так пунцово, перепле-

тать пальцы так замысловато, извлекать из горла такие забавные звуки и усерднее спотыкаться о собственные ноги. Сомнений у миссис Уоддингтон не оставалось. Портрет, нарисованный Молли, превратился в живую, явную напасть. Вот она, пожалуйста!

Да еще художник! Миссис Уоддингтон содрогнулась. Из множества индивидуумов, составлявших калейдоскоп нью-йоркской жизни, художников она не жаловала больше всех. У них никогда нет денег. Они распущенны и безалаберны. Они ходят на танцы в странных нарядах, а то и бренчат на гавайской гитаре. И он — один из них!

— Наверное, — сказала Молли, — нам лучше подняться наверх?

Миссис Уоддингтон очнулась от транса.

– *Тебе* лучше подняться наверх!

Интонация ее пробрала бы и самого толстокожего человека.

— Я… э… наверное… — пролепетал Джордж. — Уже поздновато…

— Вы не уходите? — забеспокоилась Молли.

— Разумеется, мистер Финч уходит, — промолвила миссис Уоддингтон, и что-то в ее манере подсказывало, что она готова сгрести его одной рукой за шиворот, а другой — за брюки и вы-

швырнуть вон. — Если у мистера Финча есть дела, мы не должны его задерживать. Доброй ночи, мистер Финч!

— Доброй ночи. Спасибо за... э... приятный вечер.

— О-о-чень лю-ю-безно с вашей стороны!..

— Заходите к нам еще, — сказала Молли.

— Мистер Финч, — возразила миссис Уоддингтон, — очень и очень занят. Ступай наверх, Молли, и немедленно! До-о-оброй вам ночи, мистер Финч!

Она сверлила его взглядом, не совсем соответствующим старым добрым традициям американского гостеприимства.

— Феррис, — крикнула хозяйка, едва за Джорджем захлопнулась дверь.

— Мадам?

— Ни под каким видом не впускайте в дом человека, который только что вышел отсюда.

— Слушаюсь, мадам!

4

На следующее утро, солнечное и светлое, Джордж Финч бойко взбежал по ступенькам дома № 16 на 79-й стрит и нажал звонок. На нем был его сизый костюм, а под мышкой он держал

огромную картину в оберточной бумаге. После долгих раздумий он решил подарить Молли свою любимую работу «Привет тебе, веселая весна!». Картина изображала молодую девушку, слегка задрапированную и явно страдающую в запущенной форме пляской святого Витта. Она танцевала с барашками на лугу, усеянном цветами. Когда Джордж писал ее, она, судя по выражению лица, больно порезалась об острый камень. И все-таки то был его шедевр, и он намеревался подарить его Молли.

Дверь открылась. Возник Феррис, дворецкий.

— Товары, — сообщил он, бесстрастно глядя на Джорджа, — доставляют с черного хода.

— Я к мисс, — выговорил Джордж, — Уоддингтон.

— Мисс Уоддингтон нет дома.

— А могу я увидеть мистера Уоддингтона? — спросил Джордж, смиряясь с такой заменой.

— Мистера Уоддингтона нет дома.

Джордж чуть замешкался. Но любовь побеждает все!

— А можно тогда видеть миссис Уоддингтон?

— Миссис Уоддингтон нет дома.

Пока дворецкий это произносил, с верхних этажей донесся властный женский голос, вопро-

шающий невидимого Сигсби, сколько раз ему нужно повторять, чтобы он не курил в гостиной.

— Но я же ее слышу!

Дворецкий отчужденно пожал плечами, как бы отказываясь вникать в мистические происшествия.

— Миссис Уоддингтон нет дома, — повторил он.

Они помолчали.

— Приятный сегодня денек, — заметил Джордж.

— Да, погодка ничего, — согласился Феррис. На этом разговор и завершился.

Глава IV

1

— Расскажи мне все, — сказал Хамилтон Бимиш. Джордж рассказал. Вид у него был самый плачевный.

Несколько часов он в смятении бродил по улицам и теперь приполз к другу в надежде, что более проницательный разум сумеет уловить в сгустившихся тучах серебряный проблеск.

— Так, — продолжил Хамилтон. — Ты позвонил?

— Да.

— И дворецкий отказался тебя впустить?

— Да.

Хамилтон сочувственно оглядел побитого друга.

— Бедный ты мой, тупоголовый Джордж! Такую кутерьму устроил! Испортил все из-за своей поспешности. Почему ты не подождал? Я бы ввел тебя в дом нормально, прилично, на правах друга семьи. А ты допустил, что тебя воспринимают как изгоя какого-то.

— Но ведь старик Уоддингтон пригласил меня

к обеду! Представляешь? Взял да и пригласил…

— Надо было дать ему в глаз и удирать со всех ног, — твердо перебил Хамилтон. — После всего, что я тебе рассказал о Сигсби Уоддингтоне, ты не мог питать иллюзий. Он из тех мужей, которым стоит только выказать симпатию к кому-то, как жены сразу решают, что это истинный подонок. Ему не удастся привести к обеду и принца Уэльского. А когда он кладет на коврик такого субъекта (я употребляю это слово в самом лучшем смысле), да еще за пять минут до званого обеда, путая весь распорядок и вызывая самые черные мысли на кухне, можешь ли ты винить его жену? Мало того, вдобавок ко всему прочему ты прикинулся художником!

— Я и есть художник! — не без воинственности возразил Джордж. На этот предмет он придерживался твердой точки зрения.

— Спорно, спорно… Во всяком случае, тебе следовало скрыть это от миссис Уоддингтон. Женщины ее типа смотрят на художников как на позор для общества. Говорил же я тебе, для нее мерило людей — их счет в банке.

— Так у меня же полно денег!

— Откуда ей знать? Ты сказал, что ты художник, и она вообразила, что…

Прервав поток его мыслей, задребезжал звонок. Бимиш нетерпеливо поднял трубку, но заговорил ласково и снисходительно.

— А-а, Молли!

— Молли! — вскричал Джордж. Хамилтон не обратил на него внимания.

— Да. Он мой большой друг.

— Я? — выдохнул Джордж.

Хамилтон все так же не обращал на него ни малейшего внимания, как и подобает человеку, поглощенному телефонной беседой.

— Да, он мне сейчас рассказывает. Да, здесь.

— Она хочет, чтобы я поговорил с ней? — завибрировал Джордж.

— Конечно, приду. Сейчас же.

Бимиш положил трубку и постоял с минуту в задумчивости.

— Что она сказала? — в сильнейшем волнении допытывался Джордж.

— Н-да, любопытно…

— Что она сказала?!!

— Придется несколько пересмотреть мою точку зрения…

— Что она сказала?!!

— Однако я мог бы и предвидеть…

— Что — Она — Сказала?

Хамилтон созерцательно поскреб подбородок.

— Странно, как работает ум у девушек…

— Что она сказала?

— Это Молли Уоддингтон, — сообщил мыслитель.

— Что она сказа-а-а-а-ла?!!

— Теперь я почти уверен, — продолжил Хамилтон, по-совиному поглядывая на Джорджа сквозь очки, — что все к лучшему. Я упустил из виду, что такое девушка с нежным сердцем, окруженная мужчинами с шестизначным доходом. Такую девушку непременно привлечет художник без гроша в кармане, с которым, вдобавок, мать запрещает встречаться.

— Да что же она сказала?!

— Спросила меня, действительно ли ты мой друг.

— А потом? Потом?

— А потом сказала, что мачеха запретила пускать тебя в дом и строго-настрого приказала никогда с тобой не встречаться.

— А после этого?

— Попросила меня к ней зайти. Хочет поговорить.

— Обо мне?

— Надо полагать.

— А ты пойдешь?

— Сейчас же и отправлюсь.

— Хамилтон, — дрожащим голосом выговорил Джордж. — Хамилтон, я тебя прошу, наддай там жару!

— Ты хочешь, чтобы я преподнес тебя в лучшем виде?

— Да, именно! Как ты красиво все умеешь сказать!

Хамилтон надел шляпу.

— Странно, — отрешенно проговорил он, — что я берусь помогать тебе в таком деле.

— Просто ты очень добрый! У тебя золотое сердце.

— Ты влюбился с первого взгляда, а мои взгляды на такую любовь известны всем.

— Но неверны!

— Мои взгляды не бывают неверными!

— Нет, не все взгляды! — поспешно заверил Джордж. — Понимаешь, иногда, в определенных, в отдельных случаях возможна и такая любовь.

— Любовь должна быть разумной.

— Если встречаешь такую девушку, как Молли? Нет!

— Когда я женюсь, это произойдет в результате тщательного, выверенного расчета. Сначала,

после хладнокровного размышления, я решу, что уже достиг возраста, наиболее подходящего для женитьбы. Затем просмотрю список моих приятельниц и выберу ту, чей ум и вкусы совпадают с моими. А потом…

— Разве ты не поменяешь? — перебил его Джордж.

— Поменяю? Что именно?

— Да костюм! Ты ведь идешь к *ней!*

— А потом, — продолжал Хамилтон, — внимательно понаблюдаю за ней в течение длительного периода, чтобы убедиться, что не позволил страсти ослепить меня, проглядев различные недостатки. После же этого…

— Нет, ну никак невозможно, чтобы ты заявился к *ней* в таких брюках! — снова вскричал Джордж. — А рубашка не подходит к носкам. Ты должен…

— После же этого, при условии что за этот период я не подберу более подходящей кандидатуры, я пойду к ней и в нескольких простых словах попрошу стать моей женой. Сообщу, что дохода моего хватит на двоих, что моральные мои нормы безупречны, что…

— Неужели у тебя нет костюма покрасивее? И туфель поновее, и шляпы не с такими обвис-

шими…

— …характер у меня приятный, а привычки размеренны. И тогда мы с ней заключим Разумный Брак.

— А манжеты!

— Что с моими манжетами?

— Ты намерен явиться к *ней* с обтрепанными манжетами?

— Вот именно.

Больше Джорджу добавить было нечего. Настоящее святотатство, но что тут поделаешь?

2

Когда примерно через четверть часа Хамилтон Бимиш ловкими, экономными движениями вскочил на ступеньку зеленого автобуса, дожидавшегося его на Вашингтон-сквер, летний денек расцвел во всю свою силу. Полнокровное, стопроцентное американское солнце сияло с лазурного неба, но в воздухе уже веял намек на вечернюю прохладу. Именно в такие дни лирические поэты вдруг открывают, что «любовь с небес полна чудес», — восхищаются рифмой и мчатся, сопя, поскорее накропать очередной шлягер. В воздухе была разлита сентиментальность, и потихоньку, незаметно, семена ее начали прорастать в каме-

нистой почве Хамилтонова сердца.

Да, мало-помалу, пока автобус катил по улицам, в Хамилтоне начали набухать почки ласковой терпимости. Он уже не осуждал так безоглядно склонность других мужчин внезапно испытывать к противоположному полу ту теплоту эмоций, которая, согласно науке, возникает лишь вследствие длительного и близкого знакомства. Впервые он подумал о том, что какие-то резоны есть и у тех, кто, подобно Джорджу Финчу, влюбляется, очертя голову, в практически незнакомую девушку.

Именно в тот момент, когда автобус проезжал по 29-й стрит, откуда открывался красивый и многозначительный вид на церковку-за-углом, он вдруг заметил девушку, сидевшую напротив него.

В девушке этой несомненно были chic и èlan[23]. Можно было пойти дальше и признать в ней espèglerie, je ne sais quoi[24]. Опытный глаз, мало того, смаху оценил ее элегантность: безупречный жакет на шелковой подкладке, платье из узорчатого креп-марокена (юбка — плиссиро-

[23] Сноски: 23
Легкость и порыв (*фр.*).

[24] Сноски: 24
Шаловливость, особое очарование (*фр.*).

ванная) с маленьким воротничком, отделанным присборенным рюшем. Как известно любому школьнику, такие платья бывают бежевыми, серыми, жемчужными, голубыми, терракотовыми, коричневыми, синими и черными. У нее оно было темно-голубое.

Еще один взгляд дал возможность разглядеть ее шляпку. Шляпка была премиленькая, из тонкой соломки, отделанная шелком и повязанная вокруг тульи репсовой лентой, словом — оригинальная, но не броская, а поистине изысканная. Из-под полей выбивался один-единственный локон примерно того же цвета, каким пленяет нас шерстка породистого пекинеса. Судя по нему, Хамилтон вывел, что девушка чуть смочила волосы особой жидкостью, придав им блеск, мерцание, мягкость, свежесть и пышность. Несомненно, рекламу тоника она прочитала в газете и теперь, купив флакон, убедилась, какими здоровыми и живыми выглядят волосы после применения чудесного средства.

Туфли на ней были черные, лакированные, чулки — серо-стального цвета, цвет лица — юной девушки и кожа, до которой так и тянет дотронуться… Все эти детали тренированный глаз Хамилтона отметил, быстро стреляя вбок и об-

ратно. Но особое внимание привлекло ее лицо. Не выстрой он столь тщательно свою концепцию Разумной Любви, оно сильно взбудоражило бы его чувства. Даже и теперь этот сильный, теоретически подкованный ум не смог подавить, выходя из автобуса, укола той тоскливой печали, какую испытывают мужчины, позволяя уплывать от себя чему-то поистине прекрасному.

Как грустно, думал он, стоя у дома № 16 и готовясь нажать кнопку звонка, что ему никогда больше не увидеть этой девушки. Разумеется, человек его сорта не влюбляется в девушек с первого взгляда, но все-таки он не мог скрыть от себя, что больше всего ему хотелось бы познакомиться с ней и, тщательно изучив ее характер, через годик-другой, пожалуй, решить, что именно се Природа предназначила ему в спутницы.

Именно тогда он заметил, что девушка стоит рядом с ним.

Бывают минуты, когда даже самым хладнокровным экспертам трудно сохранить самообладание. Хамилтон явно растерялся, и, будь он слабее духом, мы бы сказали, что он вытаращил глаза. Во-первых, он как раз думал о ней, и думал с нежностью, а во-вторых — все-таки неловко стоять бок о бок с незнакомой девушкой. В подобной

ситуации очень трудно сообразить, как же себя вести. Поднапрячься и создать иллюзию, будто он и ведать не ведает, что рядом кто-то есть? Отпустить непринужденное замечание? Ну хорошо — но какое?

Хамилтон все еще ломал голову над этой проблемой, когда девушка ее решила. Чуть нахмурясь — лицо ее анфас оказалось еще привлекательнее, чем в профиль, — она воскликнула: «О-о!»

Прежде всего Бимиш обрадовался, как радуется человек чувствительный, когда выясняется, что у хорошенькой девушки к тому же и голос красивый. Слишком часто случалось ему восхищаться кем-нибудь издалека, а потом обнаруживалось: голос у данной особы — как у павлина, накликающего дождь. Однако он тут же понял, что соседка его страдает, и сердце его переполнилось активным сочувствием. Ее мучения пробудили и жалость настоящего мужчины, и рвение блестящего эксперта.

— Вам что-то попало в глаз? — спросил он.

— Пылинка, что ли…

— Позвольте!

Одна из труднейших задач для обычного человека — извлечь инородное тело из глаза незнакомки. Но Хамилтон не был обычным.

Через десять секунд он убирал носовой платок в карман, а девушка благодарно моргала.

— Огромное вам спасибо!

— Не за что.

— Врач и то бы лучше не справился!

— У меня свой способ.

— Почему это, — удивилась девушка, — когда в глаз залетает кро-охотная пылинка, кажется, что она огромная, как мир?

На это он ответить мог, предмет он знал досконально.

— Конъюнктива века, то есть слой слизистой оболочки, который обволакивает глаз изнутри, соприкасается с глазным яблоком, и соприкосновение это, формирующее нервный пучок, крайне чувствительно, особенно в той точке, где пластинки волокнистой ткани прикрепляются к орбитальной щели внешними и внутренними лигаментами.

— А-а, вон что!

Они помолчали.

— А вы пришли к миссис Уоддингтон? — поинтересовалась девушка.

— Нет, к мисс.

— С ней я не знакома.

— Значит, вы не всю семью знаете?

— Нет, только миссис Уоддингтон. Пожалуйста, нажмите звонок.

Хамилтон нажал.

— А я заметил вас в автобусе, — сообщил он.

— Правда?

— Да. Я напротив сидел.

— Как странно!

— Чудесный сегодня денек, правда?

— Да. Просто замечательный…

— Солнце.

— Да.

— Небо.

— Да.

— Я вообще люблю лето.

— И я тоже.

— Если не слишком жарко.

— Да.

— Хотя в сущности, — развил свою мысль Хамилтон, — плохо переносит человек не жару, а влажность.

Слова его ясно доказали, что даже опытные эксперты, влюбляясь с первого взгляда, несут всякую ерунду, как и любой другой смертный. Неведомые до сей поры чувства бушевали в груди Хамилтона Бимиша, и, отшвырнув прочь все принципы, он признался себе, без стыда, что к

нему наконец-то пришла любовь — не исподволь, потихоньку, согласно науке, но бесцеремонно, пустив в ход локти, словно ошалелый житель пригорода, врывающийся в пригородный поезд. Да, он влюбился. Силу его чувства, притупившего интеллектуальные способности, доказывало то, что ему казалось, будто он блещет красноречием.

Дверь открылась. Возник Феррис, взглянувший на гостью не с тем холодным отвращением, какое выказал раньше, при виде Джорджа Финча, а с отцовской симпатией. Окружность его талии была уже неохватна, но Красоту он еще воспринимал.

— Миссис Уоддингтон просила передать, мисс, — сказал он, — что ее вызвали по срочному делу, а потому ваша встреча отменяется.

— Могла бы позвонить! — жалобно воскликнула девушка.

Феррис позволил себе чуть вскинуть бровь, стараясь передать, что, хотя он ей сочувствует, дух преданности запрещает ему критиковать хозяйку.

— Миссис Уоддингтон просила узнать: удобно ли вам, мисс, если она придет к вам завтра ровно в пять часов?

— Да, удобно.

— Благодарю вас, мисс. Мисс Уоддингтон ожидает вас, сэр.

Хамилтон смотрел вслед девушке, которая, дружелюбно кивнув ему, беспечно удалялась из его жизни.

— Кто это, Феррис? — спросил он.

— Не могу сказать, сэр.

— Как не можете? Вы же ее узнали!

— Нет, сэр. Эту даму я никогда не видел. Но миссис Уоддингтон сказала, что она зайдет в это время, и попросила передать ей сообщение, которое я и передал.

— Разве миссис Уоддингтон не сказала, кто зайдет?

— Сказала, сэр. Одна дама.

— Осел! — крикнул Хамилтон, однако — не вслух. Даже этому сильному человеку недостало на это сил. — Неужели она не назвала ее имени?

— Нет, сэр. Пожалуйста, заходите, и я провожу вас к мисс Уоддингтон. Она в библиотеке.

— Забавно все-таки, что миссис Уоддингтон не сказала, как зовут эту даму.

— Да, сэр. Очень забавно.

3

— О, Джимми! — воскликнула Молли. — Как мило, что вы зашли!

Хамилтон рассеянно похлопал ее по руке. Слишком занятый своими мыслями, он не заметил, что она назвала его ненавистным именем.

— Со мной произошло нечто поразительное, — признался он.

— И со мной. По-моему, я влюблена.

— Я уделил вопросу самое пристальное внимание, какое возможно в ограниченное время, бывшее в моем распоряжении, — продолжал Хамилтон, — и пришел к выводу, что тоже влюблен.

— Кажется, я влюблена в вашего друга Джорджа Финча.

— А я влюблен… — Хамилтон приостановился, — не знаю в кого. Очаровательная девушка! Просто прелесть! Сначала я заметил ее в автобусе, а потом мы поговорили немножко у дверей. Я вынул пылинку у нее из глаза.

Молли недоверчиво на него взглянула.

— Быть не может! Вы влюбились в девушку, даже не зная, как ее зовут? Вы же всегда говорили, что любовь — чувство разумное.

— Взгляды меняются. Интеллектуальное восприятие не застывает на мертвой точке. Человек склонен развиваться.

— В жизни я так не удивлялась!

— Я и сам удивлен, — признал Хамильтон. — Тем более что я даже не знаю, как ее зовут, где она живет. Ничего не знаю. Кроме того, что она как будто бы приятельница, во всяком случае, знакомая твоей мачехи.

— А, она знает маму?

— Очевидно. Она пришла к ней.

— Кто только к маме не приходит! Мама — почетный секретарь самых разных обществ.

— Девушка эта среднего роста, поразительно грациозная, с блестящими каштановыми волосами. На ней — репсовый жакет, платье из креп-марокена с плиссированной юбкой и с маленьким воротничком с присборенным рюшем. Шляпка — из тонкой соломки, с репсовой лентой. Лакированные туфельки, шелковые чулки, а глаза — нежно-серые, словно утренний туман, плывущий над волшебным озером. Говорит тебе что-либо это описание?

— Нет, не припоминаю. Судя по вашим словам, она прехорошенькая.

— Так оно и есть. Я смотрел ей в глаза всего

минутку, но никогда их не забуду. Они глубже тихих вод.

— Я могу спросить у мамы, кто это.

— Буду крайне признателен. Объясни, что это та, к кому она собирается зайти завтра в пять. И позвони мне, скажи имя и адрес. Ну а теперь, дитя мое, расскажи про себя. Кажется, ты обронила, что тоже влюблена?

— Да! В Джорджа Финча!

— Прекрасный выбор.

— Он — ягненочек!

— Что ж, если хочешь, пусть ягненочек.

— Я попросила вас прийти, чтобы вы посоветовали мне, что делать. Понимаете, маме он не понравился.

— Да, это я понял.

— Она запретила пускать его в дом.

— Так-так…

— Наверное, потому, что у него нет денег.

Хамилтон уже порывался возразить, что денег у Джорджа почти неприличное количество, но прикусил язык. Зачем же рушить девичьи мечтания? Сердце ее Джордж завоевал как романтический бедный художник. Жестоко открывать, что он богат, а художник — хуже не бывает.

— Твоя мачеха односторонне судит о людях, —

заметил он.

— А мне безразлично, пусть у него хоть совсем ни гроша. Знаете, когда я выйду замуж, мне достанется то ожерелье, какое отец подарил моей маме. Продам и получу тысячи долларов. Так что все у нас будет в порядке!

— Да, вполне…

— Конечно, я не хочу убегать из дома. Только в самом крайнем случае. Мне хочется, чтобы свадьба была, как положено, — с подружками, тортом, подарками, фотографиями. Ну, все-все чтоб было!

— Естественно.

— Значит, Джордж должен маме понравиться. А теперь, Джимми, дорогой! Мама должна встретиться со своей хиромантшей, она же вечно по всяким хиромантам ходит…

Хамилтон покивал. Об этой склонности миссис Уоддингтон он, правда, не слышал, но ждал от нее чего угодно. Теперь, вдумавшись, он признал, что она именно из тех женщин, которые, если не сидят у косметички с зеленой грязью на лице, бегают по хиромантам.

— А от вас я хочу вот чего. Зайдите к хиромантке раньше мамы и подкупите ее. Пусть скажет, что все мое счастье зависит от художника со

светлыми волосами, у которого имя начинается на «Д»!

— Вряд ли даже хиромантке удастся убедить в этом миссис Уоддингтон.

— Она верит всему, что мадам Юлали видит в хрустальном шаре.

— Но уж такому-то вряд ли.

— Может, вы и правы. Тогда уговорите хотя бы эту мадам, пусть настроит маму против лорда Ханстэнтона. Вчера вечером она прямо сказала, чтобы я вышла за него замуж. И он вечно торчит у нас! Ужас какой-то!

— Это я, разумеется, могу сделать…

— И сделаете?

— Конечно.

— Спасибо! Наверное, за десять долларов она согласится.

— Самое большее — за двадцать.

— Хорошо. Я знала, что могу на вас положиться. Кстати, вы сможете обронить кое-что невзначай Джорджу?

— Все, что хочешь.

— Намекните ему, что, если завтра днем он случайно будет прогуливаться в Центральном парке около зоологического сада, может, мы нечаянно встретимся.

— Ладно.

— А теперь, — попросила Молли, — расскажите мне про Джорджа. Как вы познакомились, и что вы подумали о нем, когда впервые его увидели, и что он ест на завтрак, и что он сказал обо мне…

4

Можно было бы ожидать, что по прошествии времени, получив возможность неторопливо поразмышлять о нелогичном характере влюбленности, которую он себе позволил, такой ясный, четкий и суровый мыслитель раскается. Но случилось все не так, совсем не так. Сидя на следующий день в приемной мадам Юлали, Хамилтон упивался своим безрассудством, а когда лучшее его «я» осмелилось попенять ему, что он позволил себе обольститься смазливым личиком, то есть чисто случайным сочетанием молекул белковой и жировой ткани, он строго приказал этому «я» засунуть голову в мешок и умолкнуть. Он влюбился, и ему это понравилось! Он влюбился и гордился этим! Его единственной связной мыслью, пока он ждал в приемной, была мысль о том, как бы изъять из обращения брошюру «Разумный брак» и написать какие-нибудь стихи.

— Мадам Юлали сейчас примет вас, сэр, — объ-

явила горничная, врываясь в его мечтания.

Хамилтон прошел в кабинет и, едва войдя, застыл как вкопанный.

— Это вы!

Она быстро поправила волосы — так реагируют женщины на неожиданную ситуацию; а Хамилтон Бимиш, глядя на нее, убедился, что прав во вчерашних предположениях. Волосы, как он и предполагал, лежали сверкающей массой, искрящиеся, свежие, роскошные.

— Как поживаете? — проговорила *она.*

— Превосходно!

— Судьба все время сталкивает нас…

— А я с судьбой никогда не спорю.

— Не спорите?

— Да! — твердо заверил Хамилтон. — Подумать только, так это вы!

— Кто именно?

— Ну, вы! — Он подумал, что, пожалуй, изъясняется не вполне ясно. — Понимаете, меня прислали сюда с поручением к мадам Юлали, а ею оказались — вы!

— Поручение? От кого это?

— От кого же? — поправил Хамилтон. Даже в тисках любви специалист по чистоте языка себе не изменил.

— Ну я же так и сказала!

Хамилтон снисходительно улыбнулся. Мелкие промахи можно исправить позднее — скажем, в медовый месяц.

— От Молли Уоддингтон. Она попросила меня…

— А, так вы пришли не за тем, чтобы я почитала вам по руке?

— Больше всего на свете, — откликнулся Хамилтон, — я хочу, чтобы вы почитали мне по руке…

— Чтобы определить ваш характер, читать по руке мне совсем не нужно. Я и так все вижу.

— Да?

— Конечно. У вас сильная, властная натура и острый, проницательный ум. Очень широкий кругозор, железная решимость, поразительная проницательность. Однако при всем этом у вас нежное сердце, очень доброе и щедрое сверх всякой меры. Вам присущи качества лидера. Вы напоминаете мне Юлия Цезаря, Шекспира и Наполеона.

— Говорите! Говорите еще!

— Если вы когда-нибудь влюбитесь…

— Если когда-нибудь влюблюсь…

— Если вы когда-нибудь влюбитесь, — продолжила она, поднимая на него глаза и делая к нему

шажок, — то вы…

— Мистер Деланси Кабо, — сообщила горничная.

— Ах ты, господи! — воскликнула мадам Юлали. — Совсем забыла, что назначила ему встречу. Пусть заходит.

— Можно мне подождать? — преданно выдохнул Хамилтон.

— Да, пожалуйста. Я недолго. — Она повернулась к двери. — Входите, мистер Кабо.

Хамилтон обернулся. Долговязый жилистый человек деликатно вошел в комнату. Одет он был нарядно, и даже сверх меры: сиреневые перчатки, гвоздика в петлице, а на шее, намекающей, что, возможно, он дальний отпрыск жирафа, — белоснежный воротничок. Над воротничком торчало адамово яблоко, которое могло принадлежать лишь одному человеку.

— Гарроуэй! — вскричал Хамилтон. — Как вы сюда попали? И что означает весь этот маскарад?

Полисмен растерялся. Лицо у него стало красным, в тон запястьям. Если б не железный обруч воротничка, то челюсть у него отвалилась бы.

— Не ожидал, мистер Бимиш, встретить вас тут, — виновато произнес он.

— А я не ожидал встретить вас. Да еще под именем де Курси Белвилль.

— Деланси Кабо, сэр.

— Хорошо, Деланси Кабо.

— Мне оно понравилось, — пояснил новоприбывший. — Наткнулся на него в книге.

Она тяжело задышала.

— Этот человек — полисмен?

— Да, — подтвердил Хамилтон. — Его фамилия Гарроуэй, и я учу его писать стихи. Скажите на милость, — прогремел он, поворачиваясь к незадачливому полисмену, чье адамово яблоко скакало, словно ягненок по весне, — чего вы сюда заявились, прерывая мой… прерывая наше… короче, прерывая? Ваше дело — выполнять свои обязанности или сидеть тихонько дома, изучая Джона Дринкуотера. Жду ответа!

— Понимаете, мистер Бимиш, — кашлянул Гарроуэй, — я ведь не знал, что мадам Юлали — ваш друг.

— Неважно, чей она друг!

— Нет, мистер Бимиш, это большая разница. Теперь я могу вернуться в участок и доложить, что мадам Юлали — вне всяких подозрений. Видите ли, сэр, меня послало сюда начальство, по делу.

— По какому еще делу?!

— Чтобы произвести арест, мистер Бимиш.

— Так и говорите. Избавляйтесь от неясностей в языке.

— Да, сэр. Я стараюсь, сэр.

— Говорите четко и ясно.

— Да, сэр. Конечно, мистер Бимиш.

— С какой стати вас посылают арестовать эту леди?

— Моему начальству, мистер Бимиш, доложили, что мадам Юлали предсказывает будущее за деньги. Это противозаконно.

— Чушь какая! — фыркнул Хамилтон. — Если таков закон, исправьте его!

— Сделаю, что смогу, сэр.

— Я видел, как мадам Юлали показывает свое искусство, и она не говорит ничего, кроме чистейшей правды. Так что ступайте к своему начальству и посоветуйте ему прыгнуть с Бруклинского моста!

— Да, сэр. Так и передам, сэр.

— А теперь оставьте нас. Нам надо поговорить.

— Да, мистер Бимиш.

После того как дверь закрылась, *она* несколько минут смотрела на Хамилтона изумленными глазами.

— Этот человек и вправду полисмен?

— Да.

— И вы с ним так обошлись? Разговаривали таким тоном, а он только и отвечал: «да, сэр», «нет, сэр». И уполз на четвереньках. — Она испустила глубокий вздох. — По-моему, вы — самый подходящий друг для одинокой девушки в большом городе!

— Рад, что сумел оказать вам услугу.

— Да еще какую! Мистер Бимиш…

— Меня зовут Хамилтон.

— Неужели вы *тот самый* Хамилтон Бимиш? — удивленно воскликнула она. — Тот самый, который написал все эти брошюры?

— Я действительно написал несколько брошюр…

— Вы же мой любимый автор! Если б не вы, я б до сих пор прозябала в захолустном городишке, где даже приличного киоска с содовой нет. Но я прочитала ваши брошюры из серии «А вас не заела рутина?», упаковала вещички и прикатила в Нью-Йорк. Знай я вчера, что вы тот самый Хамилтон Бимиш, я бы поцеловала вас прямо там, у входа!

Хамилтон хотел было сказать, что комната с опущенными шторами и закрытой дверью еще удобней для такой процедуры, но его впервые в

жизни охватила непонятная застенчивость. Не хочется, следуя современной моде (которую автор резко осуждает), выставлять в неприглядном свете великих, но честность обязывает говорить откровенно: да, Хамилтон издал глуповатый смешок и принялся ломать пальцы.

Однако странная слабость миновала, и, снова став самим собой, он твердо поправил очки.

— Не могли бы вы… не захотели бы вы… — проговорил он, — как вы считаете, не могли бы вы со мной пообедать завтра?

— Ну, как неудачно! — вскричала она. — Никак не сумею!

— А послезавтра?

— Вы уж простите. Я выпадаю из оборота на три недели. Завтра я просто бегу на поезд, навестить родню в Ист Гилиэде. В субботу папин день рождения, я никогда его не пропускаю.

— В Ист Гилиэде?

— Да, штат Айдахо. Вы, конечно, и не слыхали про такое местечко, но оно существует.

— Как раз слышал. Мой лучший друг приехал из Ист Гилиэда.

— Не может быть! Кто же это?

— Один юноша по имени Джордж Финч.

— Неужели вы знаете Джорджа? — весело рас-

хохоталась она.

— Он — мой лучший друг.

— Тогда, надеюсь, что он уже не такой тюхтя!

Хамилтон призадумался. Можно ли назвать Джорджа тюхтей? Насколько точно может человек оценить это качество у лучшего друга?

— Под словом «тюхтя» вы подразумеваете?..

— Тюхтю и подразумеваю. Человека, который не может и на гуся шикнуть.

За общением с гусем Джорджа заставать не доводилось, но Хамилтон подумал, что умеет судить о людях и у друга его достанет храбрости на совершение этого поступка.

— По-моему, Нью-Йорк его изменил, — поразмыслив, ответил он. — Вообще-то я зашел к вам из-за него. Дело в том, что он безумно влюбился в Молли Уоддингтон, падчерицу вашей клиентки.

— Вот это да! И так стесняется, что на милю боится к ней подойти.

— Ну нет! Позавчера вечером он прорвался в дом — да, именно прорвался, — и теперь миссис Уоддингтон запретила ему видеться с Молли, опасаясь, что он загубит ее планы. Она хочет выдать бедную девочку замуж за некоего лорда Ханстэнтона.

Мадам Юлали удивленно взглянула на него.

— А вы правы! Джордж переменился.

— И мы с Молли подумали, что хорошо бы склонить вас… ну, не пошли бы вы… э… на одну великодушную хитрость… Миссис Уоддингтон придет к вам сегодня. Может быть, взглянув в хрустальный шар, вы скажете ей, что Молли угрожает опасность со стороны темноволосого человека с моноклем.

— Конечно, скажу.

— Скажете?!

— Не такая уж большая услуга в благодарность за то, что вы сделали для меня.

— Спасибо, спасибо! Я сразу понял: таких, как вы, — одна на миллион. Простите… а не согласились бы вы пообедать со мной на следующий день после возвращения?

— С удовольствием.

— Я оставлю вам свой номер телефона.

— Спасибо. Передайте Джорджу привет. Хотелось бы увидеться с ним.

— Увидитесь. До свидания.

— До свидания, мистер Бимиш.

— Хамилтон.

Она заколебалась.

— Не очень-то мне нравится это имя… «Хамилтон»… Какое-то чопорное…

Хамилтон вступил в короткую борьбу с собой.

— У меня есть и другое, Джеймс. Когда-то многие звали меня Джимми. — Чуть содрогнувшись, он храбро повторил: — Джимми.

— Добавьте к ним и меня! — сказала мадам Юлали. — Джимми — куда лучше. До свидания, Джимми!

— До свидания, — отвечал Хамилтон.

Так кончилась первая стадия любовной истории великого человека. Несколько минут спустя он шел танцующей походкой по улице. У Вашингтон-сквер он подарил мальчишке доллар и осведомился, не желает ли тот стать когда-нибудь президентом.

5

— Джордж, сегодня я встретил твою знакомую, — сказал Хамилтон, — из Ист Гилиэда.

— Как ее зовут? Молли просила что-то передать?

— Мадам Юлали.

— Не помню. А Молли просила что-то передать?

— Она тоненькая, грациозная, а глаза у нее нежно-серые, точно туман, плывущий над озером в волшебной стране.

— Определенно не припоминаю. А Молли просила передать мне что-то?

— Нет.

— Нет?! — Джордж в отчаянии рухнул на стул. — Это конец!

— А, да! — вспомнил Хамилтон. — Из головы как-то вылетело. Просила тебе передать, что если ты случайно будешь прогуливаться завтра в Центральном парке поблизости от зоологического сада, то вы нечаянно встретитесь.

— Сегодняшний день, ах, нынешний день, он лучше рая! — завопил Джордж.

Глава V

1

Мадам Юлали всмотрелась в хрустальный шар, который держала в изящных руках. Лицо, заставившее Хамилтона Бимиша отречься от принципов всей своей жизни, было сосредоточенно и серьезно.

— Туман начинает рассеиваться, — пробормотала она.

— А-а! — выдохнула миссис Уоддингтон. Она очень на это надеялась.

— Есть некто близкий к вам…

— Дух? — нервно поинтересовалась миссис Уоддингтон, боязливо косясь через плечо. Ей всегда чудилось, что нечто в этом роде может замаячить в углу этой тускло освещенной, пахнущей ладаном комнаты.

— Нет, вы не поняли меня, — мрачно поправила ведунья. — Я хочу сказать, что в шаре проступают очертания человека, очень близкого вам, вероятно — родственника…

— Не мужа, случайно? — огорченно осведомилась миссис Уоддингтон. Она знала цену деньгам,

и ее вовсе не прельщала перспектива выбросить десять долларов за встречу с Сигсби.

— Имя вашего мужа начинается на «М»?

— Нет! — облегченно выдохнула миссис Уоддингтон.

— В тумане складывается буква «М».

— У меня есть падчерица Молли.

— Высокая и темноволосая?

— Нет. Маленькая, блондинка.

— Значит, это она! Вижу ее в подвенечном наряде. Она идет по церковному проходу. Рядом темноволосый мужчина с моноклем… Такой человек вам знаком?

— Лорд Ханстэнтон.

— Да, я чувствую букву «Х»…

— Лорд Ханстэнтон — мой большой друг и очень предан Молли. Вы действительно видите, что она выходит за него замуж?

— Я вижу, что она идет по церковному проходу…

— Ну, это одно и то же!

— Нет! До алтаря она с ним не дойдет.

— Почему? — спросила справедливо раздосадованная миссис Уоддингтон.

— Из толпы выскакивает женщина. Она преграждает им путь. Что-то говорит. Быстро, с

большим жаром. Человек с моноклем отпрянул, лицо у него исказилось жуткой гримасой. Он вскидывает руку. Ударяет женщину. Та отлетает. Выхватывает пистолет… И потом…

— Ну? — закричала миссис Уоддингтон. — Ну?

— Виденье растаяло, — кинула мадам Юлали, резко вставая, как человек, отработавший десятку сполна.

— Этого не может быть! Это невероятно!

— Хрустальный шар не обманывает.

— Лорд Ханстэнтон — такой милый человек…

— Несомненно, и женщине с револьвером он казался милым… на ее беду.

— А может, вы ошиблись? Многие мужчины темноволосы и носят монокль. Каков этот мужчина собой?

— А лорд Ханстэнтон каков?

— Высокий, стройный, с голубыми глазами и маленькими усиками. Он их вечно крутит.

— Тогда это он.

— Что же мне делать?

— Очевидно, вы не должны разрешать мисс Уоддингтон общаться с этим человеком.

— Но он сегодня придет обедать…

Мадам Юлали, девица импульсивная, чуть не крикнула: «Отравите ему суп!» — но, вовремя

опомнившись, заменила совет сдержанным пожатием плеч.

— Миссис Уоддингтон, я предоставляю вам самой выбрать наилучший курс поведения. Советовать я не могу, могу только остерегать. Если у вас только крупные купюры, могу дать сдачу, — присовокупила она, внося в разговор деловую ноту.

Всю дорогу до 79-й стрит миссис Уоддингтон напряженно раздумывала. Она была не из тех, кто привык напрягать мозги, и пока добралась до дома, испытала все ощущения человека, которого огрели по голове тяжелым мешком. Больше всего в мире, чувствовала она, ей требуется полное уединение; и на своего мужа она воззрилась весьма желчным взглядом, когда, несколько минут спустя после ее возвращения, он пришаркал туда, где она укрылась для дальнейших размышлений.

— Ну что тебе, Сигсби? — утомленно спросила миссис Уоддингтон.

— А-а, вот ты где! — заметил Сигсби.

— Тебе что-то нужно?

— И да, и нет.

Миссис Уоддингтон с раздражением отметила, как грубейшая ошибка ее жизни елозит ногами

по паркету, будто разучивая новый танец.

— Да стой ты смирно! — прикрикнула она.

— Не могу! Я нервничаю.

Миссис Уоддингтон прижала руку к пульсирующему виску.

— Тогда сядь!

— Попробую, — с сомнением отозвался Сигсби и опустился было на стул, но тут же и вскочил, словно бы сиденье наподдало его электрическим током. — Нет, не могу! Я просто извелся!

— Да что с тобой, господи?

— Я должен тебе кое-что сказать и не знаю, как начать.

— Что же?

— Вообще-то и говорить-то ничего не хотел бы, — откровенно признался Сигсби. — Но обещал Молли. Она только что вернулась.

— Ну и что?

— Я в библиотеке сидел. Она разыскала меня там и сказала…

— Будь так добр, Сигсби, держись, пожалуйста, ближе к сути.

— Я обещал ей, что сообщу тебе исподволь, не сразу…

– *Что* сообщишь? С ума сойти можно!

— Помнишь того парня с Запада, ну, Пинча? Он

еще заскочил к нам позавчера? Замечательный, веселый такой…

— Вряд ли я забуду этого субъекта. Я отдала строжайший приказ — никогда не пускать его в дом.

— Так вот, этот замечательный молодой человек…

— Меня нисколечко не интересует мистер Финч. По-моему, его зовут именно так.

— А я думаю, Пинч…

— Финч. Да какое вообще это имеет значение?!

— А такое, что Молли хочет носить эту самую фамилию. Понимаешь, она пришла и объявила, что они с Винчем обручились и скоро поженятся.

2

Выговорив эти слова, Сигсби выпучил глаза на жену с зачарованным ужасом человека, который, просверлив дырку в дамбе, наблюдает, как потихоньку сочится вода, зная, что поправить уже ничего невозможно. У него с самого начала брезжило подозрение, что новость поразит ее, и теперь догадка подтверждалась прямо на глазах. Ничто не могло подвигнуть женщину такого сложения «выпрыгнуть из кресла», но она стала

медленно приподниматься, словно воздушный шар, наполовину наполненный газом, и лицо ее так исказилось, а глаза так выпучились, что любой компетентный медик с азартной искоркой поставил бы семь против четырех, что у нее через несколько минут будет апоплексический удар.

Но каким-то чудом беды — если это можно назвать бедой — не произошло. На какое-то время страдалице отказали голосовые связки, слов не получалось, она только квакала. Потом, гигантским усилием воли овладев собой, она выговорила:

— Что — ты — сказал?

— Ты слышала, — угрюмо буркнул Сигсби Х., ломая пальцы и желая оказаться сейчас в штате Юта, где он бы занялся угоном скота.

— Я правильно поняла? — Миссис Уоддингтон облизала губы. — Ты сказал, что Молли помолвлена с этим Финчем?

— Да. И, — быстро прибавил Сигсби, давая бой в первом окопе, — не вздумай взваливать вину на меня! Я тут ни при чем!

— Ты привел его в дом!

— Д-да… — Это слабое звено в обороне Сигсби проглядел. — Ну, я…

На миссис Уоддингтон снизошло призрач-

ное спокойствие, вроде того, что подергивает поверхность расплавленной лавы за миг до извержения.

— Вызови Ферриса! — приказала она. Сигсби позвонил.

— Феррис, — распорядилась миссис Уоддингтон, — попроси мисс Молли прийти сюда.

— Слушаюсь, мадам.

В промежутке, протекшем между уходом дворецкого и приходом заблудшей дочери, беседа была не настолько блестящей, чтобы поведать о ней. Сигсби промямлил «э…», на что миссис Уоддингтон прикрикнула: «Умолкни!» — вот и все. Когда Молли вошла, мачеха смотрела прямо перед собой, грудь ее тихонько вздымалась и опадала, а Сигсби Х. только что успешно расколотил фарфоровую статуэтку, которой, сняв ее с ближайшего столика, пытался пожонглировать на кончике ножа для резания бумаги.

— Феррис сказал, вы зовете меня, мама, — сказала Молли, радостно впорхнув в комнату и глядя на родителей сияющими глазами. Щеки у нее прелестно раскраснелись, и ее окружало такое сияние невинной, девичьей веселости, что миссис Уоддингтон с превеликим трудом сдержалась, чтоб не швырнуть в нее бюстом Эдгара По.

— Да, я тебя звала, — подтвердила страдалица. — Пожалуйста, объясни мне, что это за чушь про тебя и… — она поперхнулась, — мистера Финча.

— И скажи наконец, — вставил Сигсби, — кто он все-таки? Финч или Пинч?

— Конечно Финч.

— Ах ты!.. Никудышная у меня память, — посетовал Сигсби. — Помню, учился в колледже с таким Фолансби, и представьте себе, ну никак не мог выкинуть из головы, что его фамилия Фергюссон! Я…

— Сигсби!

— Да?

— Умолкни! — Миссис Уоддингтон снова обратила все внимание на Молли. — Твой отец говорит, ты рассказала ему какую-то чушь, будто ты…

— Помолвлена с Джорджем? — подхватила Молли. — Ну да! Это истинная правда! Помолвлена. По совершенно необыкновенной случайности мы встретились сегодня днем в Центральном парке, у зоологического сада…

— Все собираюсь туда сходить, — снова вставил Сигсби, — но так ни разу и не выбрался.

— Сигсби!

— Да ладно, ладно. Я ведь только говорил…

— Мы оба ужасно удивились, — продолжала Молли. — Я сказала: «Подумать только, и вы здесь!». А он отвечает…

— У меня нет ни малейшей охоты узнать, что ответил Финч.

— В общем, погуляли мы немножко, посмотрели на зверей — и вдруг, у клетки сибирского яка, он попросил меня выйти за него замуж.

— Ну уж нет! — с неожиданной твердостью воскликнул Сигсби, решивший хоть раз в жизни настоять на своем. — Замуж ты выйдешь в церкви святого Фомы, как приличная девушка!

— Да нет! У клетки он сделал мне предложение.

— А-а, понятно! — облегченно вздохнул Сигсби. Мечтательное выражение затуманило глаза Молли. Ее губки сложились в нежную улыбку, как будто она вновь переживала тот чудесный в жизни любой девушки миг, когда мужчина, которого она любит, позвал ее отправиться с ним в рай.

— Вы бы видели его уши! — хихикнула она. — Они стали — ну абсолютно малиновыми!

— Не может быть! — тоже хихикнул Сигсби.

— Прямо алыми! А когда он попытался говорить, то только булькал.

— Вот бедняга! Поистине недотепа…

Молли, сверкая глазами, набросилась на отца:

— Как ты смеешь обзывать моего Джорджа недотепой?

— А как ты смеешь называть этого недотепу своим Джорджем? — парировала миссис Уоддингтон.

— Потому что он и есть мой Джордж! Настоящий ягненочек! Я его люблю! И выйду за него замуж.

— Ничего подобного! — Миссис Уоддингтон трясло от ярости. — Ты что, воображаешь, я позволю тебе губить жизнь? Он жалкий охотник за приданым.

— Нет!

— Он нищий художник.

— Он страшно умный и сумеет продавать свои картины за большие деньги.

— Ха!

— А кроме того, — вызывающе добавила Молли, — когда я выйду замуж, я получу жемчужное ожерелье, отцовский подарок маме. Я продам его, и этих денег нам хватит на долгие годы.

Миссис Уоддингтон готова была возразить — и без сомнения, возражение это было бы весьма метким, как любое, слетавшее с уст этой дамы, но

ее перебил страдальческий стон.

— Ну что еще, Сигсби? — раздосадовано спросила она. Судя по всему, он сражался с бурным волнением, таращась на дочку выпученными глазами.

— Ты сказала… Ты хочешь продать ожерелье? — заикаясь, пролепетал он.

— Ах, да успокойся ты, Сигсби! — оборвала миссис Уоддингтон. — Какое это имеет значение? При чем тут жемчуг? Эта заблудшая девушка намеревается броситься в объятия убогого мазилы, бренчащего на гавайской гитаре…

— На гитаре он не играет, он мне говорил…

— …когда могла бы выйти замуж за превосходнейшего человека, с прекрасным старинным титулом, который…

Миссис Уоддингтон запнулась. В памяти ее всплыла сцена у мадам Юлали.

Молли живо воспользовалась заминкой и ринулась в контратаку.

— За лорда Ханстэнтона я не выйду! Даже если бы на свете не было других мужчин…

— Знаешь, солнышко, — тихо проговорил Сигсби, — лично я на твоем месте ожерелье продавать не стал бы.

— Ну что ты, непременно продам! Когда мы

поженимся, нам понадобятся деньги.

— Вы не поженитесь, — опомнилась миссис Уоддингтон. — Любая разумная девушка отвергла бы этого обтрепанного, убогого типа. Да ведь он настолько труслив, что даже не осмелился прийти сюда и объявить мне эту ужасающую новость. Все спихнул на тебя…

— Джордж не смог прийти! Его арестовали.

— Ха-ха! — торжествующе воскликнула миссис Уоддингтон. — И за такого субъекта ты собираешься выйти замуж! Арестант! Хулиган!

— Нет, тут дело в том, что он очень добрый, — возразила Молли. — Он был очень счастлив, что мы обручились, и стал раздавать прохожим доллары. Это было на углу Пятьдесят девятой стрит и Пятой авеню. Через две минуты собралась толпа до Мэдисон-сквер и образовалась пробка. Транспорт встал на несколько миль, вызвали полицейских, Джорджа увезли на патрульной машине, а я позвонила Хамилтону Бимишу, чтобы он его выкупил под залог и привел сюда. Так что с минуты на минуту они приедут.

— Мистер Хамилтон Бимиш и мистер Джордж Финч! — объявил от дверей Феррис. По выразительной интонации, с какой он произнес эти имена, любой смышленый слушатель сразу смек-

нул бы, что Хамилтон Бимиш — почетный гость, а объявить о Джордже его просто вынудили, мистер Бимиш приказал, сокрушив его сквозь очки ледяным взглядом.

— Вот и мы! — сердечно сообщил тот. — Как раз вовремя, чтобы поучаствовать в оживленной семейной дискуссии.

Миссис Уоддингтон уничтожающе взглянула на Джорджа, который пытался укрыться за столиком с откидной крышкой, осознавая, что вид у него непрезентабельный. Ничто так не отражается на внешности, как арест и путь в тюремную клетку с отрядом нью-йоркской полиции. Воротничок болтался, на жилетке не хватало трех пуговиц, а правый глаз приобрел неприятный оттенок — благородный полицейский, остро уязвленный тем, что Джордж разбрасывает доллары, и уж совсем распалившийся из-за того, что разбросал он все без остатка, от всей души врезал ему, когда они ехали в патрульном фургоне.

— Никакой дискуссии нет, — сказала миссис Уоддингтон. — Вы же не предполагаете всерьез, что я разрешу своей дочери выйти замуж за такого человека?

— Ну-ну-ну! — пропел Хамилтон. — Сейчас он, разумеется, не в лучшем виде, но умоем,

почистим — и вы его не узнаете! Какие у вас возражения против Джорджа?

Миссис Уоддингтон растерялась. Хоть кого спроси так вот, врасплох, — а почему ему не нравится слизняк, змея или черный таракан, и тот затруднится с ходу разложить по полочкам свои предубеждения. Антипатию к Джорджу она считала вполне естественной, само собой разумеющейся. В сущности, она возражала против Джорджа, потому что он — Джордж. Ее оскорбляла его сущность как таковая. Но видя, что от нее ожидают аналитического подхода, она напрягла мыслительные способности.

— Он… художник.

— Микеланджело тоже был художником.

— А это еще кто?

— Очень знаменитый, даже великий человек.

Миссис Уоддингтон вздернула брови.

— Я абсолютно отказываюсь вас понимать, мистер Бимиш. Мы обсуждаем этого молодого человека с синяком под глазом и с грязным воротничком, а вы уводите разговор в сторону, на какого-то мистера Анджела?

— Я просто хочу напомнить, — холодно отвечал Хамилтон, — что звание художника не всегда порочит человека.

— А я не хотела бы, — еще холоднее парировала миссис Уоддингтон, — говорить на подобные темы.

— К тому же и художник-то он — препарши-вый.

— Ну, в этом я не сомневаюсь!

— Понимаете, — поправился Бимиш, чуть покраснев из-за того, что допустил вульгаризм, — рисует он так плохо, что его едва ли можно назвать художником.

— Вот как? — воскликнул Джордж, в первый раз подав голос.

— А я уверена, что Джордж — один из лучших художников! — вскричала Молли.

— Нет! — прогремел Хамилтон. — Он любитель! И весьма слабенький!

— Вот именно! — подхватила миссис Уоддингтон. — А значит, надежды сделать деньги у него нет.

Глаза за стеклами очков засверкали.

— Это ваше главное возражение?

— Что именно?

— То, что у Джорджа нет денег.

— Да у меня… — вмешался было Джордж.

— Умолкни! — оборвал друга Хамилтон. — Я спрашиваю вас, миссис Уоддингтон, дали бы вы

согласие на брак, если бы мой друг Джордж Финч был богатым?

— Пустая трата времени! К чему обсуждать такую…

— Так дали бы?

— Хм, возможно…

— Тогда позвольте сообщить вам, — торжествующе проговорил Хамилтон, — что Джордж Финч весьма и весьма богат! Его дядя Томас, все состояние которого он унаследовал два года назад, был главой широко известной юридической корпорации «Финч, Финч, Финч, Баттерфилд и Финч». Джордж, дружище, позволь тебя поздравить. Все уладилось! Миссис Уоддингтон сняла свои возражения.

Миссис Уоддингтон фыркнула, но то было фырканье женщины, разбитой наголову превосходящим интеллектом.

— Но…

— Нет! — поднял руку Хамилтон. — Можно ли отступить от своих же слов? Вы недвусмысленно заявили, что, если бы у Джорджа были деньги, вы дали бы согласие на брак.

— Не пойму, что за суета, — вмешалась Молли. — Я все равно выйду за Джорджа замуж, кто бы что ни говорил!

Миссис Уоддингтон капитулировала.

— Отлично! Как вижу, я тут никто. И слова мои неважны.

— Мама! — укоряюще воскликнул Джордж.

— Мама?! — ошеломленно вздрогнув, отозвалась миссис Уоддингтон.

— Теперь, когда все счастливо разрешилось, я, конечно, смотрю на вас как на мать.

— О, вот как?

— Да, конечно.

Миссис Уоддингтон неприятно фыркнула.

— Меня силой вынудили согласиться на брак, который я решительно не одобряю. Но позвольте и мне вставить словечко. Лично у меня есть предчувствие, что свадьба не состоится.

— О чем это вы? — встрепенулась Молли. — Конечно, состоится! А как иначе?

Миссис Уоддингтон опять фыркнула.

— Мистер Финч — художник, пусть и очень слабый. Он долгое время жил в самом сердце Гринвич-Виллидж и ежедневно якшался с публикой весьма сомнительной нравственности…

— На что это вы намекаете? — перебила Молли.

— Я и не думаю намекать, — с достоинством возразила миссис Уоддингтон. — Я говорю все

напрямик. Не являйся *ко мне* за сочувствием, когда выяснится, что нравственность у этого твоего Финча такая, какую и следует ожидать у человека, сознательно, по собственной воле поселившегося на Вашингтон-сквер. Повторяю, у меня есть предчувствие — браку этому не бывать. Такое же предчувствие было у меня насчет моей золовки и одного субъекта по имени Джон Портер. Я сказала тогда: «Ох, не бывать этой свадьбе!» — и была права. В тот самый момент, когда Портер входил в церковь, его арестовали по обвинению в многоженстве!

— Я не женат! — вскрикнул Джордж.

— Это вы так говорите.

— Уверяю вас! Когда дело касается женщин, я одну от другой не отличаю.

— Именно так говорил и Портер, когда его спросили, почему он женился на шести разных девушках.

— Ну что же, — взглянул на часы Хамилтон, — теперь, когда все благополучно улажено…

— Вы так думаете? — не утерпела миссис Уоддингтон.

— …когда все благополучно улажено, — повторил Хамилтон, — я оставляю вас. Мне еще надо зайти домой и переодеться. Надо сегодня вечером

выступить на обеде Литературного общества.

Тишину, воцарившуюся после его ухода, нарушил Сигсби.

— Молли, дорогая моя, — начал он, — насчет этого ожерелья… Теперь, когда выяснилось, что твой Уинч очень богат, ты ведь не захочешь продавать его?

Молли чуть сдвинула бровки.

— Нет, наверное, все-таки продам. Мне оно никогда особенно не нравилось. Слишком уж роскошное. Продам и накуплю подарков для Джорджа. Бриллиантовых булавок для галстука… или часы… или машину. В общем, что-нибудь. И каждый раз, взглянув на них, мы будем, дорогой папочка, вспоминать тебя.

— Спасибо, — хрипло просипел Уоддингтон. — Спасибо.

— Редко, — заметила миссис Уоддингтон, выходя из комы, в которую было погрузилась, — редко меня одолевало такое сильное предчувствие.

— О, мама! — воскликнул Джордж.

Хамилтон, беря шляпу в холле, почувствовал, как кто-то дергает его за рукав. Опустив глаза, он увидел Сигсби.

— Ух, ух! — приглушенно стонал Сигсби. — Э… А…

— Что-то случилось?

— Да уж, можете спокойно прозакладывать свои роговые очки! — жарко прошептал Сигсби. — Нам нужно поговорить. Мне нужен совет!

— Я тороплюсь.

— Сколько у вас времени осталось до этого обеда?

— Обед, о котором вы говорите, начинается в восемь часов. Поеду я туда на машине, из дома выйду в двадцать минут восьмого.

— Ага, значит, сегодня нам никак не встретиться… Тэк, тэк-с! А завтра вы дома будете?

— Да.

— Договорились! — воскликнул Сигсби.

Глава VI

1

— Тэк, тэк-с! — воскликнул Сигсби.

— Продолжайте, — сказал Хамилтон.

— Тэк, тэк-с!

— Я вас слушаю.

— Тэк, тэк-с! — не унимался Сигсби.

Хамилтон нетерпеливо покосился на часы. Даже на обычном уровне слабоумия Сигсби иной раз терзал его критический ум, а сейчас тот вроде бы достиг невиданных глубин.

— Я могу уделить вам семь минут, — сказал Хамилтон, — после чего буду вынужден уйти. Я выступаю у Молодых Американских Писательниц. Вы пришли ко мне, чтобы что-то сообщить. Пожалуйста, приступайте.

— Тэк, тэк-с!

Хамилтон сурово поджал губы. Даже от попугаев он слышал монологи поумнее. На него напало странное желание — огреть этого человека обрезком свинцовой трубы.

— Тэк, тэк-с! Вляпался я по самую маковку.

— То есть попали в неловкое положение?

— Именно.

— Изложите суть дела. — Хамилтон снова взглянул на часы. Быстро и нервно Уоддингтон покосился через плечо.

— Дела? Хорошо. Вы слышали, Молли вчера сказала, что хочет продать жемчужное ожерелье?

— Да, слышал.

— Так вот. — Уоддингтон понизил голос и вновь опасливо оглянулся. — Это не жемчуг.

— А что же это?

— Фальшивка!

— То есть, — поморщился Хамилтон, — имитация?

— Она самая. Что мне теперь делать?

— Все проще простого. Возбудите иск против ювелира, который продал вам жемчуг за подлинный.

— Когда он продавал, жемчуг и был подлинный! Никак вы не поймете!

— Да, я не понимаю.

Сигсби облизал губы.

— Слыхали о кинокомпании «Самые лучшие фильмы»? В Голливуде, штат Калифорния?

— Будьте любезны, не отклоняйтесь. Мое время ограниченно.

— Но в том-то и суть! Некоторое время назад

один тип сказал мне, что компания эта станет — о-го-го!

— Какой она станет?

— О-го-го. Он уверял, что она разрастется, и посоветовал, пока не поздно, воткнуться туда. Такой шанс, говорит, выпадает раз в жизни.

— Ну и что?

— Ну и… Денег-то у меня не было, а шанса упускать не хотелось. Я, значит, сел и принялся думать. Думал я, думал, и вдруг будто кто шепнул мне: «А что? У тебя есть жемчужное ожерелье. Вот оно, бери. Лежит себе, кушать не просит». Мне и деньги-то требовались всего на несколько недель, пока компания не станет приносить прибыль… В общем, взял я ожерелье, вставил туда фальшивые камни, настоящие продал и купил акции. И вот он я, весь в сливках-наливках.

— В чем, простите?

— В сливках-наливках. Так мне показалось.

— А почему вы переменили мнение?

— Понимаете, встретил я тут человечка одного на днях, и он сказал, акции эти гроша ломаного не стоят. Вот они у меня с собой. Взгляните.

Хамилтон с отвращением перебрал бумаги.

— Человек этот был прав, — изрек он. — Когда вы впервые упомянули эту компанию, она пока-

залась мне знакомой. Теперь я вспомнил почему. Генриетта Бинг Мастерсон, президент Литературного общества, говорила про нее вчера. Она тоже купила эти акции и очень сокрушалась. Самое большое, на что они тянут, — десять долларов.

— Да я отдал за них пятьдесят тысяч!

— Значит, ваши бухгалтерские книги покажут убыток в сорок девять тысяч девятьсот девяносто долларов. Сочувствую.

— Что же мне делать?

— Спишите убыток как расходы на приобретение опыта.

— Черт раздери! Как же вы не понимаете! Что будет, когда Молли попытается продать это ожерелье?

Хамилтон покачал головой. Большинство бытовых проблем он щелкал как орешки, но эта, честно признаться, была ему не по зубам.

— Жена меня убьет.

— Очень сочувствую.

— Я думал, вы что-нибудь присоветуете!

— Боюсь, ничего не могу придумать. Разве что выкрасть ожерелье да швырнуть в Гудзон.

— А такой умный человек! — укоризненно сказал Уод-дингтон.

— Из такого тупика человеческий мозг выхода

найти не может. Остается выжидать, как станут развиваться события, и довериться времени, великому целителю.

— Да, помощи от вас…

Хамилтон пожал плечами. Сигсби Х. Уоддингтон злобно рассматривал акции.

— Если бумаги ничего не стоят, зачем понаставили все эти знаки на обороте? Дурачат людей! А печати! Взгляните только на печати! И все эти подписи!

— Сочувствую, — повторил Хамилтон и, подойдя к окну, вдохнул летний воздух. — Какой славный денек!

— Да уж, славный! — буркнул Уоддингтон.

— Вам, случайно, не знакома некая мадам Юлали? Она хиромантка, — мечтательно поинтересовался Хамилтон.

— Какие еще хироманты! Что мне с акциями делать?

— Я уже сказал, ничего тут не поделаешь. Разве только выкрасть ожерелье.

— Должен же быть выход! Как бы вы поступили на моем месте?

— Сбежал бы в Европу.

— Какая Европа? У меня даже на билет денег нет.

— Так застрелитесь… Бросьтесь под поезд… Ну что угодно, — нетерпеливо бросил Хамилтон. — А мне пора. До свидания.

— Что ж, до свидания. Огромное спасибо за помощь.

— Пожалуйста. Не за что. Всегда рад помочь.

И, кинув последний взгляд на фото, стоявшее на каминной полке, Хамилтон ушел. До Уоддингтона донеслась старинная французская песенка — Хамилтон ждал лифта, — и мелодия только усилила его мрачное настроение.

— Индюк надутый! — угрюмо проворчал страдалец. Свалившись в кресло, он отдался печальным раздумьям.

Некоторое время он думал о том, до чего же противный тип этот Хамилтон Бимиш. Расхаживает себе с умным видом, а стоит обратиться к нему с детской проблемкой, которую полагалось бы раскусить за пять минут, выложив с десяток решений на выбор, так он, видите ли, сочувствует да советует застрелиться или броситься под поезд. Старайся ни старайся, но как сохранить оптимизм в мире, где обретают такие вот Бимиши?

— А это его идиотское предложение — выкрасть ожерелье?! Как это, интересно…

Сигсби вдруг подобрался. В глазах у него заго-

релся живой блеск. Он фыркнул. А такое ли оно идиотское?

Сигсби бросил взгляд в будущее. Фальшивые жемчуга лежат в банковском сейфе. Но если Молли и вправду выйдет замуж за молодого Пинча, их, конечно, заберут оттуда и выставят на обозрение среди других свадебных подарков. Так что очень скоро, как говорится, наступит лучшая пора, когда человек решительный, с проворными пальцами, смог бы…

Он опять обмяк, глаза у него потускнели. Философы уверяют нас, что ни один человек по-настоящему не познал себя; но Сигсби познал себя достаточно, чтобы понять, что у него и в помине нет хладнокровия, необходимого для такого поступка. Кража ожерелий — не для любителя. Заняться кражами в зрелом возрасте, без предварительной тренировки — немыслимо. Чтобы добиться успеха, нужно готовиться тщательно, упорно, с раннего детства. Начать с бутылок молока или чемоданов на вокзале и потихоньку прокладывать путь к вершинам. Короче, для столь тонкой операции требуется зрелый профессионал. И тут, с горечью понял Сигсби, встает проблема, крайне осложняющая жизнь, прямо скажем — трагическая: как раздобыть специали-

ста, когда он вам позарез нужен? Все эти книжки, вроде справочника по профессиям, не включают самых важных специалистов, которые помогают в кризисных ситуациях. Там есть нарезчики стекол — кому они нужны, даже если их и отыщешь? Есть производители пивных дрожжей или лоскутных одеял, а человеку позарез требуется производитель отмычек и специалист по краже фальшивых жемчугов!

Уоддингтон застонал в полнейшем отчаянии. Да, странно устроена жизнь! Изо дня в день газеты вопят о преступности; изо дня в день тысячи удачливых мошенников удирают на машинах с тюками награбленного. И вот на тебе! Ему позарез нужен один-разъединственный преступник, а он знать не знает, где же его отыскать.

В дверь несмело постучали.

— Войдите! — раздраженно крикнул Уоддингтон.

И, подняв глаза, увидел долговязого полисмена, топчущегося на пороге.

2

— Извините, сэр, если побеспокоил. — Полисмен попятился. — Я к мистеру Бимишу зашел. Конечно, надо было сначала договориться…

— Эй! Эй! Куда же вы?

Полисмен нерешительно застрял у дверей.

— Так если мистера Бимиша нет…

— Проходите, поболтаем. Присаживайтесь, дайте роздых ногам. Разрешите представиться: Уоддингтон.

— А я — Гарроуэй, — любезно ответил офицер.

— Приятно познакомиться.

— И я, сэр, очень рад.

— Сигару не хотите?

— Спасибо, с удовольствием.

— Интересно, где же он их держит? — Поднялся, осматривая комнату, Сигсби. — А, вот они. Спичку?

— Благодарю. Спички у меня есть.

— Отлично.

Сигсби Уоддингтон снова уселся и ласково оглядел нового знакомца. Всего секунду назад он скорбел о том, что не ведает, где ему раздобыть мошенника; и что же? Посланцем небес явился, можно сказать, ходячий справочник по этой части.

— Люблю полисменов, — дружелюбно заметил Уоддингтон.

— Очень приятно слышать, сэр.

— И всегда любил. Что доказывает, какой я

честный, ха-ха! Будь я мошенником, напугался бы, наверное, до смерти. Не стал бы сидеть да разговаривать с вами. — Уоддингтон пыхнул сигарой. — Наверное, много преступников встречаете? Э?

— К несчастью, да, — вздохнув, согласился Гарроуэй. — Буквально на каждом шагу. Только вчера вечером, сижу себе, подыскиваю важное прилагательное, а меня срочно вызывают — надо арестовать какую-то сомнительную личность, изготавливающую самогон. Она, то есть он ударил меня по подбородку, и все мое вдохновение улетучилось.

— Да, плачевный случай, — посочувствовал Уоддингтон. — Но я-то говорю о настоящих преступниках, которые пробираются в дома и крадут жемчужные ожерелья. Таких вам доводилось встречать?

— Сколько хочешь! Выполняя свой долг, полисмен вынужден, помимо собственной воли, якшаться с сомнительными личностями. Может, моя профессия оказала влияние, но у меня острая неприязнь к ворам.

— Однако не было бы воров, не было бы и полисменов!

— И то правда, сэр.

— Спрос и предложение.

— Да, именно.

— Меня, — Уоддингтон выпустил облако дыма, — интересуют преступники. Хотелось бы познакомиться с экземпляром-другим.

— Заверяю вас, знакомство не покажется вам приятным, — покачал головой офицер. — Пренеприятные, невежественные личности, абсолютно не желающие развивать свою душу. Исключение я делаю, однако, для Муллета. Вот он человек как будто неплохой. С таким хотелось бы встречаться почаще.

— Муллет? А кто это?

— Бывший заключенный, сэр. Работает у мистера Финча в квартире наверху.

— Не может быть! Бывший заключенный и работает у мистера Финча? На чем же он специализировался?

— Кражи в домах, сэр. Насколько я понимаю, теперь он перевоспитался и стал достойным членом общества.

— Но был все-таки грабителем?

— Да, сэр.

— Тэк, тэк-с!

Наступило молчание. Офицер Гарроуэй, старавшийся подобрать подходящий синоним (он

слагал стихи), рассеянно уставился в потолок. Уоддингтон энергично жевал сигару.

— Тэк, тэк-с! — повторил он. — Сэр!

Полисмен вздрогнул и очнулся.

— Предположим, — начал Уоддингтон, — предположим, ну так, для разговора, что какой-нибудь безнравственный человек пожелал бы, чтобы преступник выполнил для него гнусную работенку. Что ж, ему платить придется?

— Несомненно, сэр. Эти люди крайне корыстны.

— А сколько?

— Думаю, сотню-другую долларов. Зависит от объема предполагаемого преступления.

— Сотню-другую?

— Да. Долларов двести, а то и триста.

Снова наступило молчание. Офицер Гарроуэй возобновил обзор потолка. Ему требовалось слово, характеризующее улицы Нью-Йорка. «Мерзкие» и «гнусные» он уже использовал во второй строфе… О! «Бесстыжие» — вот оно, в самую точку! Он обкатывал словечко на языке, когда до него вдруг дошло, что новый знакомый вновь обращается к нему.

Глаза Уоддингтона блестели особым блеском. Подавшись вперед, он постукал Гарроуэя по ко-

ленке.

— Тэк, тэк-с! Мне нравится ваше лицо, любезный Ларраби.

— Простите, я — Гарроуэй.

— Неважно. Мне нравится ваше лицо. Тэк, тэк-с! А не хотите ли вы огрести кучу денег?

— Хочу, сэр.

— Ну что же, могу сказать вам, вы мне сразу пришлись по вкусу! Я сделаю для вас то, что сделал бы не для многих. Слыхали про компанию «Самые лучшие фильмы», в Голливуде, штат Калифорния?

— Нет, сэр.

— Поразительно! — чуть не ликуя, воскликнул Уоддингтон. — Ну никто про нее не слыхал! Да, это не из тех затрепанных названий, которые у всех уже в зубах навязли. Компания новехонькая. И знаете, что я сейчас сделаю? Продам вам пакет акций, буквально по номиналу. Было бы оскорбительно для вас, отдай я вам их даром. Но я и так, считай, даром отдаю. Вот этот пакет акций стоит тысячи и тысячи долларов, а вы получите его всего за триста. У вас есть триста долларов? — обеспокоенно осведомился Уоддингтон.

— Да, сэр. Такая сумма у меня найдется, но…

Уоддингтон помахал сигарой:

— Никаких «но»! Знаю, что вы пытаетесь сказать! Что я граблю самого себя. Да, граблю, ну так что с того? Что такое для меня деньги? Я думаю так: когда человек уже нажил себе состояние, когда ему хватает на семью, самое малое, что он может сделать как истинный гуманист, — отдать лишнее людям. Вы, наверное, нуждаетесь в деньгах, как и прочие?

— Разумеется, сэр.

— Так вот вам! — И Уоддингтон помахал пачкой акций. — Вот на этом вы и сделаете деньги! Можете мне поверить — после изобретения Маркони кинокомпания — самое выгодное дельце!

Офицер Гарроуэй взял акции и задумчиво их перебрал.

— Да, напечатаны красиво…

— А как же! Какие знаки на обороте! А печати! Бросьте-ка взгляд на все эти подписи! Кое-что все это да значит! Что такое кино, вы знаете. Индустрия покрупнее мясной! «Самые лучшие фильмы» — величайшая кинокомпания. Она — не то что другие! Ну, во-первых, не расходует деньги попусту на дивиденды.

— Нет?

— Что вы, сэр! Не выбрасывает ни цента.

— Все деньги там?

— Да, все там. Более того, она не выпустила ни одного фильма.

— Все там?

— Да, до единого. Лежат себе на полках, полеживают. А возьмем сверхрасходы — то, что разоряет другие компании. Большие студии… дорогие режиссеры… высокооплачиваемые звезды…

— Они все там?

— Нет, сэр. В том-то и соль! Они не там. Эти «Фильмы» не нанимают всяких Гриффитов или Глорий Свенсон, съедающих их капиталы. У компании даже и студии нет…

— Даже студии?

— Нет, сэр. Ничего. Одна компания. Говорю же вам, прибыльное дельце!

Добрые голубые глаза Гарроуэя расширились.

— Такой шанс, сэр, выпадает раз в жизни!

— Раз в десять жизней! — поправил Уоддингтон.

— А ведь так и завоевывают мир, хватаясь за шанс! Что такое Биг Бэн, если разобраться? Простые часы, разглядевшие свой шанс и вцепившиеся в него! — Уоддингтон приостановился. Лоб у него заиграл морщинками. Выхватив пачку акций из рук собеседника, он положил их в карман. — Нет! Не могу! Все-таки не могу их

продать!

— Сэр!

— Нет! Слишком большой куш!

— Но, мистер Уоддингтон…

Сигсби Х. Уоддингтон словно очнулся от транса. Встряхнувшись, он уставился на полисмена, будто спрашивая: «Где это я?», — и издал глубокий, скорбный вздох.

— Да, деньги — бесовское искушение, — заметил он. — Как подрывают они все принципы, все добрые намерения! Вот и меня искусила жадность, или, если хотите, алчность. Ведь у меня миллионы в банке — и что же? Я пытаюсь противиться великодушному порыву! Кошмар! — Он выхватил из кармана пачку и перебросил полисмену. — Вот, держите, и скорее, пока я опять не поддался слабости. Быстро, давайте мне триста долларов, и я бегу…

— Не знаю, сэр, как уж и благодарить вас.

— Не надо меня благодарить! Раз, два, три, — пересчитывал купюры Уоддингтон. — Всегда к вашим услугам!

3

А наверху, на кухне у Джорджа, пока велась эта самая беседа, Фредерик Муллет развлекал свою

невесту Фанни Уэлч легкими закусками. Трудно выказывать преданность, когда рот у вас набит холодным мясом; трудно — но возможно, Муллет ведь это проделывал. Он смотрел на Фанни приблизительно так же, как Джордж смотрел на Молли, Хамилтон — на мадам Юлали, а миллионы других молодых людей в Нью-Йорке и его окрестностях смотрят или посмотрят на миллионы других молодых девушек. Из-за хлопотной жизни любовь пришла к нему довольно поздно, но когда пришла, то уж навечно.

Внешне Фанни была вполне достойна его чувств — невысокенькая, хорошенькая, с бойкими черными глазками на круглом личике. Обращала на себя внимание изящная лепка ее рук с длинными чуткими пальцами. Для карманной воровки такие руки — величайшее преимущество.

— А мне здесь нравится, — произнесла она озираясь.

— Правда, кисанька? — нежно спросил Муллет. — Я так и надеялся. Потому что у меня есть для тебя маленький секретик.

— А какой?

— Здесь мы проведем наш медовый месяц.

— Что? На этой кухне?

— Нет, что ты! В нашем распоряжении будет вся квартира, да еще и крыша!

— А что на это скажет мистер Финч?

— Он и знать не будет. Понимаешь, лапочка, мистер Финч и сам помолвлен. Он скоро женится и уедет в свадебное путешествие. Так что вся квартира останется на это время нам. Ну, что скажешь?

— Неплохо…

— Через минуту-другую я тебе ее покажу. Это лучшая такая квартира во всем квартале. Большая красивая гостиная с окнами на крышу. Есть и летняя веранда, можно там спать, когда тепло. И ванная есть, с душем. Квартирка — уютнее не найдешь. Мы будем с тобой как птички в гнездышке. А когда месяц пройдет, переедем на Лонг-Айленд, купим там утиную ферму и заживем счастливо.

На лице Фанни отразилось сомнение.

— Фредди, а ты можешь представить меня на утиной ферме?

— Тебя? — Глаза его засияли. — Конечно, могу! Ты стоишь в льняном фартучке на старой кирпичной дорожке между розовыми кустами и смотришь, как Фредерик-младший играет под яблоней.

— Младший — *кто?*

— Фредерик.

— О? А ты заметил, как маленькая Фанни льнет к моей юбке?

— Да, а Уильям Джон лежит в колыбельке на веранде…

— Знаешь, пожалуй, хватит, — сказала Фанни, — что-то наша семья чересчур быстро растет.

Муллет восторженно вздохнул.

— Зато как все спокойно и мирно после той бурной жизни! Утки крякают, пчелы жужжат… Положи назад эту ложку, заинька. Ты же знаешь, она не твоя.

Фанни извлекла ложку из потайных складок платья и с некоторым удивлением оглядела ее.

— Не пойму, как она туда попала?

— Ты слямзила ее, дорогая, — ласково подсказал Муллет. — Твои маленькие пальчики на минутку зависли над ней, точно пчелка над цветком, и — р-раз — ложка исчезла. Красиво проделано, но положи обратно. Ты же покончила со всем этим.

— Да-а, наверное… — с сожалением протянула Фанни.

— Нет, не наверное, кроличек, — поправил ее будущий муж, — а точно. Так же, как и я.

— Фредди, а ты правда стал честным?

— Конечно, правда. Честен, как белый день.

— По ночам работаешь, значит? Муллет — человек-моль! Роешься в хозяйской одежде, будто ревнивая жена.

Муллет снисходительно засмеялся.

— Все та же малютка Фанни! Как ты любишь поддразнивать! Да, куколка, я с этим покончил. Навсегда. Не украду и костяной запонки, даже если моя матушка придет и будет на коленях меня умолять. Мне нужны только маленькая женушка и домик в деревне.

— А тебе не кажется, — Фанни капризно сдвинула бровки, — что на утиной ферме слишком спокойно? Какая-то… вялая жизнь, а?

— Вялая? — удивился Муллет.

— Ну, может и нет. Понимаешь, Фредди, что-то мы слишком рано уходим на покой.

Лицо Муллета стало озабоченным.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что тебя еще тянет к старой игре?

— Ну а что, если тянет? — задиристо спросила Фанни. — И тебя ведь тоже, если уж начистоту!

— Ничего подобного! — Озабоченность его сменилась чувством собственного достоинства. — Честное слово, Фанни, меня теперь не соблазнишь. И мне очень хочется, чтобы ты испытывала те же чувства.

— Да я не говорю, что стану связываться с какой-то мелочевкой. Но правда, Фредди, просто преступно уйти в сторонку, если что стоящее подвернется. У нас ведь не так много денег. Кое-что я стащила по мелочам в магазинах, да и ты, наверное, тоже что-то сберег… Но кроме этого — ничего. Так, немножко наличных, сколько удалось сэкономить. Мы должны быть практичными.

— Лапочка, подумай, на какие ужасные неприятности ты рискуешь нарваться!

— Я не боюсь. Если меня сцапают, я приготовила сказочку насчет старенькой бедной мамы…

— У тебя нет матери!

— Нету, конечно. А сказочка есть. Бедная старенькая мама будет та-ак плакать!.. Вот послушай! «Не сдавайте меня в полицию, мистер! Я сделала это только ради матери, моей бедной старушки! Если б у вас долгие месяцы не было работы, и вы помирали с голоду, и вам пришлось бы сидеть и смотреть, как ваша бедная старая мать горбится над лоханью…»

— Не надо, Фанни, пожалуйста! Слушать этого не могу, хотя и знаю, что все — вранье! Я… Эй! Звонят в дверь. Может, натурщица зашла насчет работы. Подожди меня, ладно? Сплавлю ее и мигом вернусь.

4

Однако прошел миг, и второй, и только через несколько минут Фредерик вернулся на кухню, найдя невесту совсем не в том приятном расположении духа, как оставил. Она стояла, скрестив руки, а температура в комнате заметно упала.

— Ну как, хорошенькая? — ледяным тоном поинтересовалась Фанни, не успел Муллет перешагнуть порог.

— Э?

— Ты сказал, что сплавишь натурщицу мигом, а я дожидаюсь тебя уже почти четверть часа. — Фанни сверилась по часам, загадка исчезновения которых с витрины до сих пор оставалась покрыта мраком тайны для процветающей ювелирной фирмы на Пятой авеню.

Муллет стиснул невесту в объятиях, что было трудновато, потому что она отбрыкивалась.

— Совсем и не натурщица! Это джентльмен. С седыми волосами и красным лицом.

— Да? И чего ему понадобилось?

Муллет, и так не худенький, раздулся от глубоких чувств.

— Фанни, он явился соблазнять меня.

— Соблазнять?

— Да, именно. Сначала выяснил, я ли это, а потом предложил мне совершить преступление за триста долларов.

— Правда? А какое?

— Я даже не стал дожидаться, пока он скажет. С ходу отверг его предложение. Вот тебе доказательство, исправился ли я. Легкая, приятная работенка, соблазнял он, уйдет на нее пара минут.

— И ты его отшил?

— Само собой. Решительно и бесповоротно.

— А потом ушел?

— Прямо сюда.

— Так послушай, — стальным голосом сказала Фанни, — время-то не сходится! Говоришь, предложение он тебе сделал после того, как услышал твое имя? Почему же тебе потребовалась четверть часа, чтобы вернуться на кухню? Если желаешь знать, что я думаю, — не краснолицый это мужчина с седыми волосами, а девица с Вашингтон-сквер.

— Фанни!

— Да я ведь тоже кое-что читала. Знаю, что тут творится, в вашем богемном квартале. У всех этих художников, натурщиц и всяких этих…

Муллет подобрался.

— Твои подозрения, Фанни, больно ранят меня. Если дашь себе труд выйти на крышу и заглянуть в окошко гостиной, сама его увидишь. Он дожидается, чтобы я принес ему выпить. Я отсутствовал так долго, потому что ему потребовалось десять минут, чтобы спросить, как меня зовут. Первые десять минут он сидел и что-то лопотал.

— Ладно, веди на крышу.

— Ну, видишь! — минуту спустя воскликнул Муллет. — Веришь мне теперь?

Через балконные двери гостиной был виден человек, вне всяких сомнений, в точности такой, как описывал Муллет. Фанни мгновенно раскаялась.

— Значит, я обидела своего бедненького маленького Фредди?

— Да. И очень.

— Ну прости! Вот!

И она его поцеловала, а он тут же растаял.

— Теперь я должен вернуться и принести ему выпить.

— А мне пора бежать.

— Ой, нет! Погоди! — взмолился Муллет.

— Нет-нет! Пора! Мне еще заглянуть в пару магазинов…

— Фанни!

— Надо же девушке обзаводиться приданым!

— Только, пожалуйста, — тревожно вздохнул Муллет, — будь поосторожнее, лапочка!

Муллет ушел, а Фанни, послав ему воздушный поцелуй изящными пальчиками, вышла на лестницу.

Минут через пять, когда Муллет сидел на кухне, погруженный в золотые мечтания, а Сигсби Х. Уоддингтон потягивал виски с содовой, неожиданный дробный перестук по стеклу двери заставил гостя конвульсивно вздрогнуть, и большая часть виски выплеснулась ему на жилет.

Сигсби вскинул глаза. У балконной двери стояла девушка и, судя по жестам, просила впустить ее в гостиную.

5

Однако дверь он открыл не сразу. Существуют, несомненно, женатые мужчины более низменного сорта, которые только порадовались бы встрече с хорошенькой девушкой, подающей знаки через окно. Но Сигсби был не из них. По натуре и воспитанию он был человеком осмотрительным; а потому какое-то время просто стоял и таращился на Фанни. Только когда взгляд ее стал совсем уж властным и практически загипнотизи-

ровал его, он заставил себя отодвинуть щеколду.

— Давно пора! — досадливо бросила Фанни, бесшумно проникая в комнату.

— Что вам нужно?

— С вами потолковать. Что это такое я слыхала, будто вы просите людей совершить преступление?

Совесть Сигсби металась сейчас в такой лихорадке, что слова гостьи оглушили его, будто взрыв динамита. Его бурному воображению тотчас представилось, что девушка, столь близко знакомая с его личными делами, агент секретной службы, а те, как известно, из кожи вон лезут, чтобы омрачить жизнь преступникам-любителям.

— Не понимаю, — хрипло выговорил он.

— Ну прямо! — нетерпеливо бросила Фанни. Девушкой она была деловой и терпеть не могла всяческой канители. — Мне Фредерик Муллет все рассказал. Вам требуется сделать для вас работенку, а он отказался. Что ж, вот вам заместитель. Это я. Если дельце по моей части, я готова!

Уоддингтон все еще опасливо таращился на незнакомку. Теперь он решил, что она расставляет ловушку, чтобы выудить у него признание, а потому не издавал ни звука, только трудно и хрипло дышал.

Однако Фанни, девушка ранимая, истолковала его молчание неправильно. Ей показалось, что он не верит в способности женщин.

— Если это может проделать Фредди, могу и я! — сказала она, и Уоддингтону показалось, что она как-то качнулась, словно марево перед глазами. — Вот, смотрите!

Фанни подняла тонкими пальчиками часы и цепочку.

— Что это? — выдохнул Сигсби.

— А на что похоже?

Уоддингтон прекрасно видел, на что, и ошалело ощупал свой жилет.

— А я не заметил, как вы их вытащили!

— Никто никогда не замечает, как я вытаскиваю! — горделиво ответила Фанни, и то была истинная правда. — А теперь, когда вы видели мою работу, вы мне поверите. Что сумеет Фредди, сумею и я!

Прохладная, целительная волна облегчения накатила на измученную душу Сигсби Х. Уоддингтона. Он понял, что ошибался в посетительнице. Вовсе не детективом она оказалась, а блестящим специалистом, до того ловко вытаскивающим всякую всячину из чужих карманов, что никто и не замечает. Как раз такая девушка ему и тре-

бовалась.

— Конечно, сможете! Конечно! Не сомневаюсь, что сможете! — жарко воскликнул он.

— Так что за работа?

— Я хочу, чтобы вы стащили для меня жемчужное ожерелье.

— А где оно?

— В сейфе, в банке.

На живом личике Фанни отразились разочарование и досада.

— Эх, что толку и обсуждать? Я по сейфам не работаю. Я девушка тонкая, благовоспитанная и в жизни не держала в руках оксиацетиленовой паяльной трубки.

— Нет, вы не поняли! — заторопился Уоддингтон. — Когда я говорю, что ожерелье в банке, я имею в виду — *пока что.* Вскоре его оттуда вынут и положат среди других свадебных подарков.

— А-а, вот теперь похоже на дело!

— Конечно, имен упоминать я не могу…

— Да мне и ни к чему.

— Просто скажу, что «А», то есть владелица ожерелья, вскоре выходит замуж за «Б».

— Про это я и сама догадалась. Могу добавить, заполняя пробелы, — они любят друг друга.

— У меня есть основания предполагать, что вен-

чание состоится в Хэмстеде, на Лонг-Айленде, где у мачехи (назовем ее «В») имеется летний домик.

— А почему не в Нью-Йорке?

— Потому что, — не стал скрывать Уоддингтон, — я высказал желание, чтобы венчание состоялось в Нью-Йорке.

— А вы тут при чем?

— А я — «Г». Муж этой «В».

— Ага. Тот субъект, который заполняет резервуар водой за шесть часов пятнадцать минут, тогда как «В» заполняет другой за пять часов сорок пять минут? Приятно познакомиться.

— А теперь я и сам — целиком за венчание в Хэмстеде. В Нью-Йорке труднее ввести вас в дом. А в Хэмстеде высокие стеклянные двери столовой, где выставят на обозрение подарки, выходят прямо на лужайку. Вы сможете спрятаться в саду, карауля удобный момент.

— Проще пареной репы!

— Вот и я так подумал. А значит, сегодня вечером изо всех сил примусь настаивать, чтобы венчание состоялось в Нью-Йорке, и уж тогда оно точно будет в Хэмстеде.

— Как забавно!.. — задумчиво оглядела его Фанни. — Если вы — «Г» и муж «В», а «В» — мачеха, так вы, стало быть, отец «А». Зачем же вам тогда

понадобилось воровать ожерелье у дочери?

— Ну-ну-ну! — пылко завел Уоддингтон. — Дельце это деликатное, и прежде всего вам надо усвоить — *никаких вопросов!*

— Да я так, просто девичье любопытство.

— Вот и запрячьте его подальше, завяжите бантиком. Повторяю, дело деликатное, и меньше всего мне нужно, чтобы кто-то разнюхивал мотивы и доискивался причин. Словом, за работу, как и подобает пай-девочке! Раздобудете ожерелье, передадите его мне, пока никто не смотрит, а потом — выкиньте все из своей хорошенькой головки раз и навсегда!

— Как скажете. А теперь, переходя к делу, что мне с этого будет?

— Триста долларов.

— Да ну! Совсем не та сумма!

— Это все, что у меня есть.

Фанни призадумалась. Триста долларов — деньги, конечно, жалкие, но все-таки деньги. Всегда пригодятся на меблировку молодоженам, а работа, как ее описали, совсем простенькая.

— Да ладно! — уступила она.

— Так беретесь?

— Ну!

— Умница! — похвалил Уоддингтон. — Где я

смогу вас найти?

— Вот мой адрес.

— Черкну вам записочку. Вы все поняли?

— А то! Я прячусь в кустах, выжидаю, пока никого не будет, а потом проскользну в комнату, стяну ожерелье…

— И передадите его мне!

— Само собой.

— Я буду ждать в саду под окнами и встречу вас, как только вы появитесь. Таким образом, — Уоддингтон устремил на свою юную помощницу спокойный, многозначительный взгляд, — мы избежим всяких фокусов-покусов.

— Каких еще фокусов-покусов? — поинтересовалась Фанни.

— Да так, никаких, — небрежно махнул рукой Уоддингтон. — Фокусов-покусов, и все!

Глава VII

Каждому известно, что есть много способов измерять время; и с давних пор ученые мужи жарко отстаивают каждый свой. Гиппарх Родосский злорадно усмехался, стоило упомянуть при нем Марина Тирского; а взгляды Ахмеда ибн Абдаллы из Багдада до колик смешили Пурбаха и Региомонтана. Пурбах, в обычной своей грубовато-добродушной манере, говорил, что человек этот, видимо, настоящий осел, а когда Региомонтан, чьим девизом было «Живи и другим не мешай», убеждал, что Ахмед просто молод и честолюбив, а потому не следует судить его слишком сурово, Пурбах спросил: «Да-а?» — и Региомонтан отвечал: «Да, да» — на что Пурбах воскликнул, что от Региомонтана его просто тошнит. Так случилась их первая ссора.

Тихо Браге мерил время широтами, квадрантами, азимутами, крестовинами, армиллярными сферами и параллактическими линейками и частенько говаривал жене, выводя азимут и выставляя кошку на ночь: «Самое верное дело!». А потом, в 1863 году, явился Доллен с его «Die Zeitbesttimmung vermittelt des tragbaren

Durchgangsinstrument im Verticale des Polarstens» (ставший бестселлером в свое время, а впоследствии экранизированный под названием «Грехи в багровых тонах») и доказал, что Тихо, перепутав как-то вечерком, после бурного ужина в Копенгагенском университете, амиллярную сферу с квадрантом, все свои исчисления вывел неправильно.

Истина же в том, что время измерить невозможно. Для Джорджа Финча, наслаждавшегося обществом Молли, следующие три недели мелькнули как одно мгновение; а для Хамилтона Бимиша, чья любимая девушка укатила в Ист Гилиэд, штат Айдахо, представлялось невероятным, что хоть один разумный человек может предположить, будто в сутках всего двадцать четыре часа. Случались моменты, когда Хамилтону чудилось, будто с луной что-то стряслось и время застыло на одной точке.

Но вот наконец три недели миновали, и в любую минуту Хамилтон мог услышать, что Юлали вернулась в мегаполис. Весь день напролет он расхаживал со счастливой улыбкой на лице, и сердце у него колотилось и пело от избытка чувств, когда он вышел встретить Гарроуэя, который только что появился в его квартире.

— А, Гарроуэй! — воскликнул Хамилтон. — Ну, как дела? Что привело вас ко мне?

— Как я понял, сэр, — ответил полисмен, — вы просили принести вам мои стихи, когда я их закончу.

— Ах да, конечно, конечно! Запамятовал. С памятью у меня что-то последнее время. Итак, вы написали первые свои стихи, а? Про любовь, молодость и весну, наверное…

Их перебил телефонный звонок.

— Простите. — Хотя аппарат разочаровывал его последние дни раз за разом, Хамилтон все-таки возбужденно подскочил и сорвал трубку.

— Алло?

— Алло-о?

На этот раз разочарования не последовало. Голосок был тот самый, так часто звучащий в его мечтаниях.

— Мистер Бимиш? То есть — Джимми?

Хамилтон глубоко вздохнул и до того обрадовался, что в первый раз с тех пор, как он достиг совершеннолетия, сделал вдох через рот.

— Наконец-то! — закричал он.

— Что вы сказали?

— «Наконец-то!» С тех пор как вы уехали, каждая минута тянулась для меня, будто час.

— И для меня тоже.

— Вы серьезно? — страстно выдохнул Хамилтон.

— Да. В Ист Гилиэде минуты всегда так тянутся.

— А, да-да, — несколько обескураженно пробормотал Бимиш. — А когда вы вернулись?

— Четверть часа назад.

Хамилтон воспарил снова.

— И сразу позвонили мне?

— Да. Хотела узнать телефон миссис Уоддингтон в Хэмстеде.

— И это *единственная* причина?

— Конечно нет. Я хотела узнать, как вы…

— Правда? Правда?

— …и скучали ли обо мне.

— Скучал ли!

— Значит, скучали?

— Конечно! Конечно!

— Как мило с вашей стороны! А я уже подумала, вы о моем существовании и думать забыли.

— У-ух! — в полном расстройстве выкрикнул Бимиш.

— А хотите, я что-то скажу? Я тоже скучала.

Хамилтон сделал еще один глубокий, абсолютно ненаучный вдох и уже готов был излить всю

душу в аппарат, отчего провода наверняка бы расплавились, как вдруг нахальный мужской голос ударил по барабанным перепонкам.

— Эд, это ты?

— Нет! — загремел Хамилтон.

— А это — Чарли. Эд, в пятницу годится?

— Нет! — прогрохотал Хамилтон. — Слезь с провода, болван! Убирайся, чтоб тебя!

— Разумеется, если хотите, — отозвался нежный женский голосок, — но…

— Прошу прощения. Простите, простите и еще раз простите! Какой-то дьявол в образе человеческом затесался в наш разговор, — поспешно объяснил Хамилтон.

— А-а! Так о чем мы говорили?

— Я намеревался…

— А-а, вспомнила. Телефон миссис Уоддингтон. Я как раз просматриваю свою почту и, представьте, наткнулась на приглашение от мисс Уоддингтон на свадьбу. Как я вижу, свадьба завтра! Подумать только!

Хамилтон предпочел бы поговорить о другом, не о пустяках вроде женитьбы Джорджа Финча, но тему сменить оказалось трудно.

— Да. Венчание в Хэмстеде завтра. Джордж живет там в гостинице.

— Значит, тихая деревенская свадьба?

— Да. Наверное, миссис Уоддингтон постарается не афишировать Джорджа.

— Бедняга этот Джордж!

— Я поеду туда поездом в час тридцать. Может быть, поедем вместе?

— Не уверена, что вообще сумею выбраться. Накопилось много дел, меня ведь так долго не было. Давайте пока оставим вопрос открытым.

— Хорошо, — безропотно согласился Хамилтон. — Но в любом случае, вы согласны пообедать со мной завтра вечером?

— С большим удовольствием.

Глаза Хамилтона прикрылись, и он стал переминаться с ноги на ногу.

— Так какой же номер миссис Уоддингтон?

— Хэмстед, 4076.

— Благодарю.

— Пообедаем в «Лиловом цыпленке», хорошо?

— Чудесно.

— Туда всегда можно попасть, если вас там знают.

— А вас знают?

— И очень близко.

— Ну и прекрасно. До свидания.

Несколько минут Хамилтон простоял в глубо-

кой задумчивости, а отвернувшись от аппарата, с удивлением наткнулся взглядом на офицера Гарроуэя.

— А я и забыл про вас совсем. Так, дайте вспомнить, вы сказали, что пришли?…

— Прочитать вам стихи.

— Ах да, конечно.

Полисмен застенчиво кашлянул.

— Это, мистер Бимиш, маленькое произведение — так, учебный набросок, можно сказать, об улицах Нью-Йорка. Как они видятся патрульному полисмену. Мне бы хотелось прочитать их, с вашего позволения…

Офицер Гарроуэй перекатил вверх-вниз адамово яблоко и, прикрыв глаза, стал декламировать тем особым голосом, какой приберегал для свидетельских показаний мировому судье.

— Улицы!

— Это заголовок, да?

— Да, сэр. А также — первая строка.

— Это что же, — вздрогнул Хамилтон, — верлибр?

— Сэр?

— Нерифмованные стихи?

— Да, сэр. Как я понял, вы говорили, что рифмы — прием затасканный.

— Неужели я действительно так говорил?

— Действительно, сэр. И знаете, без рифм гораздо удобнее. Сочинять такие стихи очень легко.

Хамилтон недоуменно взглянул на него. Наверное, он и вправду говорил то, что процитировал сейчас его собеседник, и все же: неужели он намеренно пожелал лишить собрата-человека чистой радости срифмовать «любовь» и «вновь»? В нынешнем его настроении поверить этому немыслимо!

— Странно! — пробормотал он. — Весьма странно! Однако продолжайте.

Офицер Гарроуэй опять проглотил что-то крупное и острое и опять прикрыл глаза:

Улицы!

Мрачные, безжалостные, мерзкие улицы!

Мили и мили мучительных улиц

На восток, на запад, на север,

А уж тем более на юг!

Печальные, унылые, безрадостные

Улицы!

Хамилтон Бимиш вздернул брови.

Я меряю эти скорбные улицы,

Невыносимо страдая.

— Почему? — поинтересовался Хамилтон.

— Это, сэр, входит в мои обязанности. Каждый патрульный прикреплен к определенному району города.

— Нет, я имел в виду — почему вы страдаете?

— Потому что, сэр, сердце истекает кровью.

— Кровью? Это сердце?

— Да, сэр. Я смотрю на всю мерзость, и сердце — ну, истекает.

— Ладно, продолжайте. Мне это кажется весьма странным. Но — продолжайте.

Я вижу, как мимо снуют серые люди,

Кося и виляя взглядом,

Глаза их блестят смертоносной злобой,

Они – прокаженные улиц…

Хамилтон как будто порывался что-то сказать, но сдержался.

Мужчины, которые были мужчинами,

Женщины, бывшие когда-то женщинами,

Дети, сморщенные обезьянки,

И псы, которые скалятся, кусают,
рычат, ненавидят.
Улицы!
Мерзкие, зловонные улицы!
Я шагаю по этим бесстыдным улицам
И смерти взыщу!

Офицер Гарроуэй замолчал и открыл глаза, а Хамилтон, подойдя к нему, энергично похлопал его по плечу.

— Так, понятно! — сказал он. — У вас нелады с печенью. Скажите, случаются у вас боли под ложечкой и в спине?

— Нет, сэр.

— Высокая температура?

— Нет, сэр.

— Значит, гепатита еще нет. Вероятно, легкая атония пищевого тракта. Мой дорогой, вам самому должно быть ясно, что эти стихи совершенно неправильны. Что за абсурд? Разве вы не замечаете, патрулируя улицы, сколько приятных и красивых лиц? На улицах Нью-Йорка полно милейших людей. Я вижу их всюду. Беда в том, что вы смотрите на них желчным взглядом.

— Так вы же сами велели мне быть неистовым и едким, мистер Бимиш.

— Ничего подобного! Видимо, вы неправильно меня поняли! Едкость в поэзии совершенно неуместна. Стихи должны дышать красотой, очарованием, чувством. А тема у них всегда одна — сладчайшее и божественнейшее из всех человеческих чувств, Любовь! Только она способна вдохновить истинного барда. Любовь, Гарроуэй, — это огонь, который сверкает и разгорается, пока наконец не воссияет над всеми людьми, над сердцем Вселенной и не осветит весь мир и всю природу щедрыми лучами! Шекспир говорит об экстазе любви, а уж он знал, что делал. Ах, Гарроуэй! Лучше жить в убогой хижине с милой, чем одному — в огромном дворце! В мирное время любовь исторгает звуки из пастушьей свирели, во время войны пришпоривает боевого коня. В чертогах красками сверкает, в селеньях нивы освещает своим немеркнущим огнем. Она везде, где мы вдвоем с подругой нежной пребываем, шалаш убогий станет раем, когда она сияет нам, иль мы по голубым волнам плывем, не ведая разлуки… В общем, уясните все это своей тупой головой, и, возможно, тогда вы напишете приличные стихи. Если же вы будете придерживаться таких нелепых взглядов — зараза какая-то, собаки — впустую потратите время. Уж лучше

вам сразу взяться за титры к фильмам.

Офицер Гарроуэй был тихим человеком. Он смиренно склонил голову перед бурей.

— Хорошо, мистер Бимиш. Я вас понял.

— Очень надеюсь. Изложил я все достаточно ясно. Что за тенденция у молодых писателей сосредоточиваться на трупах, сточных канавах и отчаянии? Писать надо про любовь. Говорю вам, Гарроуэй, любовь — это второе солнце, которое рождает добродетель, куда ни упадут ее лучи. Она сладка, она ясна, как свет. Ее прекрасный голос не устанет. Она — великий дар, которым Бог благословил лишь только нас, людей. Она — отметьте это особо, Гарроуэй, — не жаркий огнь воображения, который вспыхнет и тотчас угаснет. Не похотью питается она и не живет страстями. Нет, любовь — серебряная цепь, святая связь, соединяющая сердце с сердцем, с душою — душу, человека — с Богом… Вам ясно?

— Да, сэр. Именно, сэр. Теперь мне все совершенно понятно.

— Тогда ступайте, перепишите свои стихи в таком ключе.

— Да, мистер Бимиш. — Полисмен засмеялся. — Только вот еще одно дельце…

— В мире нет дел важнее любви!

— Видите ли, сэр, это насчет фильмов… Вы упомянули о титрах…

— Гарроуэй! Надеюсь, вы не намерены сообщить мне, что после всех моих стараний вы все-таки хотите опуститься до работы в кино?

— Нет, что вы, сэр! Правда, нет! Но несколько дней назад я приобрел по случаю акции кинокомпании и до сих пор, как ни стараюсь, не могу их сбыть. Я подумал, раз уж я тут, спрошу-ка вас, может, вы что про них знаете.

— А что за компания?

— «Самые лучшие фильмы», в Голливуде, штат Калифорния.

— Сколько же акций вы купили?

— На пятьдесят тысяч долларов.

— А заплатили сколько?

— Триста долларов.

— Вас надули. Все эти акции — просто бумага. Кто вам их продал?

— К несчастью, забыл его имя. Такой старикан с красным лицом и седыми волосами. Только бы мне его встретить… — тепло и сердечно добавил Гарроуэй. — Так его отколочу, что на внуках отзовется. Сладкоречивый крокодил!

— Любопытно, — задумчиво произнес Хамилтон, — где-то в глубине памяти что-то такое у

меня смутно шевелится, именно в связи с этими акциями. Кто-то консультировался со мной насчет них. Хм… Нет, бесполезно! Никак не вспоминается. Слишком я был занят последнее время, у меня все вылетело из головы. Ну а теперь ступайте, Гарроуэй, и принимайтесь за стихи.

Полисмен насупился. В его добрых глазах полыхнуло бунтарское зарево.

— Нечего их переделывать! Там все правда!

— Гарроуэй…

— Я написал, что Нью-Йорк — плохой город, так ведь он и правда плохой. Тьфу, мерзость! Вот уж поистине зараза! Вползут к тебе в душу, всучат эти собачьи акции… Стихи у меня правильные, и я их исправлять не буду. Вот так-то, сэр!

Хамилтон покачал головой.

— Ничего, Гарроуэй, — сказал он, — однажды в сердце у вас проснется любовь, и вы поменяете свои взгляды.

— Однажды, — холодно возразил полисмен, — я встречу этого втирушу и попорчу ему физиономию. А тогда уж не у меня одного сердце будет разрываться!

Глава VIII

День свадьбы Джорджа Финча расцвел светло и ярко. Солнце сияло так, как будто Джордж, женясь, оказывал ему личное одолжение. Ветерки несли с собой слабый, но отчетливый аромат апельсинового цвета, а птицы, как только покончили с практическими делами, то есть закусили ранним червячком, все до единой, на много миль вокруг, занялись одним: усевшись на ветках, вовсю распевали «Свадебный марш» Мендельсона. Словом, денек был из тех, когда человек колотит себя по груди, заливаясь «Тра-ля-ля-ля!», что Джордж и проделывал.

Шагая из гостиницы после ланча, он думал только об одном — через несколько коротких часов их с Молли унесет волшебный поезд, и каждый поворот колес будет приближать их к Островам Блаженства, уносить (что еще приятнее) все дальше от миссис Уоддингтон.

Мы не станем отрицать, что за последние три недели будущая теща досаждала Джорджу дальше некуда. Ее попытки — всегда безуспешные — скрыть муки, какие ей причинял один его вид, обескураживающе действовали на впечат-

лительного молодого человека. Нельзя сказать, чтоб Джордж страдал особым тщеславием, и если б мачеха Молли удовольствовалась тем, что смотрела на него просто как на ошметок, что приволок из мусорного бака кот, он и то воспрял бы духом. Но нет! Миссис Уоддингтон зашла еще дальше. Все ее взгляды кричали о том, что кот, вглядевшись в Джорджа попристальнее, разочаровался напрочь. Увидев, что за ошметок он извлек из бака, кот, досадливо поморщившись, как всегда морщатся кошки при открытии, что все их труды пропали впустую, отправился на новые розыски. Для влюбленного, считающего минуты до того дня, когда единственная девушка в мире соединится с ним, все, буквально все вокруг сияет радостью и счастьем. Но Джордж, несмотря на серьезнейшие старания, вынужден был исключить из «всего» миссис Уоддингтон.

Однако мелкие досады были в конце концов пустяком, и мысль, что в доме, к которому он приближается, обитает страдалица, которую печалят всякие напоминания о нем и ничто не может утешить, ничуть не снизило бьющего через край блаженства. Тихонько мурлыча под нос, Джордж вошел в сад, а на дорожке наткнулся на Хамилтона Бимиша, задумчиво раскуривающего

сигарету.

— Привет! — воскликнул Джордж. — Ты здесь?

— Да, здесь, — согласился Хамилтон.

— Ну, как ты нашел Молли?

— Очаровательной. Правда, видел я ее мельком, она убегала.

— Как так — убегала?

— А так. Какая-то маленькая закавыка. Разве ты не знал?

Джордж схватил друга за руку.

— Боже мой, в чем дело?

— О-ой! — охнул Хамилтон, выдирая руку — Нечего так волноваться! И всего-то, со священником произошел несчастный случай. Только что позвонила его жена и сообщила, что, пытаясь дотянуться до ученого тома на верхней полке, он свалился со стула и растянул лодыжку.

— Бедняга! — посочувствовал Джордж. — Чего ему понадобилось лезть куда-то в такое время? Человек все-таки должен раз и навсегда решить в самом начале своей карьеры: либо он священник, либо акробат, — а уж потом не отклоняться от выбранного пути. Хамилтон, что за чудовищная новость! Я должен немедленно подыскать замену. О господи! Всего какой-то час до свадьбы, и нет священника.

— Угомонись ты, Джордж! Все хлопочут и без тебя. Миссис Уоддингтон с радостью все отменила бы, но Молли сразу принялась действовать, и очень активно. Позвонила всюду, куда можно, и наконец ей удалось разыскать незанятого священника. Они с мамашей отправились за ним на машине. Вернутся часа через полтора.

— То есть я, что же, — побледнел Джордж, — не увижу Молли еще полтора часа?

— В разлуке любовь разгорается только сильнее. Это я цитирую Томаса Хейнса Бейли. А Фредерик Уильям Томас (начало девятнадцатого века) развивает эту мысль в следующих строках:

Говорят, что разлука губит любовь,
Но прошу вас, не верьте тому!
Разлучался с тобою я вновь и вновь,
А тебя забыть не могу.

Будь мужчиной, Джордж! Крепись. Попробуй мужественно перенести разлуку!

— Но это так больно…

— Мужайся! Я вполне понимаю твои чувства. Я сам терплю мучения разлуки.

— Ужасно больно! А еще священник называется! На стул не может залезть, чтоб не звездануться! — Внезапная мысль ударила его. — Хамилтон!

А к чему это, когда священник падает со стула и растягивает лодыжку в день венчания?

— Что-что?

— Ну, может, это дурная примета?

— Для священника — несомненно.

— А тебе не кажется, что это дурное предзнаменование для жениха и невесты?

— Никогда про такую примету не слыхивал. Научись-ка обуздывать свои фантазии. Сам доводишь себя до нервного состояния, а потом…

— Ну а в каком состоянии, по-твоему, может быть человек, если в утро его свадьбы священник кувыркается со стула?

Хамилтон терпеливо улыбнулся.

— Н-да, в таком случае некоторая нервозность неизбежна. Я заметил, что даже Сигсби, не главное, казалось бы, действующее лицо, и то весь издергался. Гулял он тут по лужайке, а когда я, подойдя сзади, положил ему руку на плечо, подпрыгнул, словно вспугнутый олень. Будь у него ум, я бы сказал — у него что-то на уме. Определенно, опять замечтался о своем Западе.

По-прежнему ярко сияло солнышко, но Джорджу почему-то казалось, что вокруг стало облачно и прохладно. Дурное предчувствие охватило его.

— Ну что за досада!

— Так сказал и священник.

— Такую хрупкую, чувствительную девушку, как Молли, огорчают в такой день!

— По-моему, ты преувеличиваешь. Мне показалось, она ничуть не потеряла самообладания.

— Она не побледнела?

— Ни в малейшей степени.

— И не расстроилась?

— Она была в нормальном, обычном состоянии.

— Слава богу! — воскликнул Джордж.

— Вообще-то она сказала Феррису, отъезжая…

— Что же? Что?

Хамилтон, оборвав фразу, нахмурился.

— С памятью у меня что-то кошмарное. Разумеется, из-за любви. Только что помнил…

— Так что же сказала Молли?

— А теперь забыл. Зато вспомнил, что меня просили передать тебе, как только ты приедешь. Любопытно, как часто бывает — называешь имя, и это подстегивает память! Сказал «Феррис», и мне тут же вспомнилось: а ведь Феррис передал для тебя сообщение.

— К черту Ферриса!

— Попросил, когда увижу тебя, передать, что утром тебе звонила женщина. Он ей объяснил,

что живешь ты в гостинице, и посоветовал перезвонить туда, но она ответила — ничего, неважно, она все равно сюда едет. И добавила, что она твоя старая знакомая по Ист Гилиэду.

— Да? — безразлично обронил Джордж.

— Фамилия, если не перепутал, не то Даббс, не то Таббс, а может, и Джаббс или… ах, да вот! Вспомнил! Память-то у меня лучше, чем я предполагал. Мэй Стаббс. Вот как ее зовут. Говорит тебе что-то это имя?

Глава IX

Легко и небрежно бросив имя, Хамилтон ненароком взглянул вниз и заметил, что у него развязался шнурок. Наклонившись его завязать, он не заметил, как изменилось у Джорджа лицо, и не услышал (ведь он был из тех, кто даже простейшей задаче отдает все внимание своего великого ума), как тот с присвистом чем-то подавился. Мгновение спустя, однако, он заметил какое-то движение и, оглянувшись, увидел, что ноги Джорджа странно вихляют.

Хамилтон выпрямился. Теперь он видел Джорджа прямо перед собой, во весь рост, и сразу убедился, что переданное сообщение угодило в центр нервной системы его друга. Симпатичное лицо подернулось зеленоватым отливом. Глаза выпучились. Нижняя челюсть отвисла. Ни один человек, хоть раз побывавший в кино, ни на миг не усомнился бы, что Джордж выражает глубочайшее смятение.

— Джордж, дорогой мой! — встревожился Хамилтон.

— Че… чу… чте… — Джордж судорожно глотнул. — Что за имя ты назвал?

— Мэй Стаббс. — Хамилтон с неожиданным подозрением взглянул на друга. — Джордж, расскажи-ка мне все! Незачем притворяться, что это имя тебе незнакомо. Совершенно очевидно, что оно всколыхнуло в тебе потаенные и явно неприятные воспоминания. Очень надеюсь, Джордж, что это не брошенная невеста. Не сломанный цветок, который ты бросил погибать у дороги!

Совершенно ошалелый Джордж таращился в пространство.

— Все кончено! — еле ворочая языком, выговорил он.

— Расскажи мне все, — смягчился Хамилтон. — Мы ведь друзья. Я не стану судить тебя строго.

Внезапная ярость расплавила лед оцепенения.

— А все священник виноват! — страстно вскричал он. — Мне сразу как стукнуло — дурной знак! Ух, вот райское местечко был бы наш мир, если бы священники не грохались со стульев да не подворачивали лодыжки! Все, я погиб!

— Кто такая Мэй Стаббс?

— Знал я ее в Ист Гилиэде, — безнадежно поведал Джордж. — Мы вроде как были помолвлены.

— Ты неряшливо построил фразу, — поджал губы Хамилтон, — что, возможно, и простительно при данных обстоятельствах, но вдобавок я не

понимаю, что значит в данном случае «вроде как». Человек или помолвлен, или нет.

— Не там, откуда я приехал. В Ист Гилиэде есть такое… молчаливое взаимопонимание.

— И между тобой и мисс Стаббс оно было?

— Ну да. Так, детский роман. Сам знаешь, как это бывает. Ты провожаешь девушку разок-другой из церкви. Приглашаешь на пикник… Над тобой начинают из-за нее подшучивать… Ну и вот вам. Видимо, она решила, что мы помолвлены. А теперь прочитала в газетах про мою свадьбу и прикатила устроить шум.

— Вы с ней что, поссорились?

— Да нет. Так, разбежались в разные стороны. Я думал, все кончено и забыто. А когда увидел Молли…

— Джордж, — опустив руку на плечо друга, перебил Хамилтон, — послушай меня очень внимательно, сейчас мы подошли к сути дела. Писал ты ей письма?

— Десятки. Уж, конечно, она их сохранила! Клала, наверное, под подушку.

— Плохо дело, — потряс головой Хамилтон. — Очень плохо.

— Помню, она как-то говорила, что надо судить людей, которые бросают девушку…

Хамилтон стал совсем уж чернее тучи, точно бы печалясь о кровожадности современных девушек.

— Ты считаешь, она едет сюда, чтобы устроить шум?

— А для чего же еще?

— Н-да, наверное, ты прав. Я должен подумать.

С этими словами Хамилтон резко повернул налево и, задумчиво наклонив голову, принялся медленно описывать по лужайке круги. Глаза его обрыскивали землю, словно бы тщась почерпнуть из нее вдохновение.

Редкое зрелище так бодрит, как вид великого мыслителя, погруженного в глубокое раздумье. Однако Джордж, наблюдая за другом, все больше злился. Он жаждал — что и простительно — скорых результатов; а Хамилтон, хотя и расхаживал весьма солидно, результатов никаких не выдавал.

— Надумал что-нибудь? — не вытерпел Джордж, когда его друг в третий раз отправился по кругу.

Хамилтон в молчаливом укоре вскинул руку и зашагал дальше. Наконец он приостановился.

— Ну? — подался к нему Джордж.

— Относительно этой помолвки…

— Да не было никакой помолвки! Детские глу-

пости, и все.

— Относительно этих глупостей. Слабое звено в твоей линии защиты, несомненно, тот факт, что сбежал ты.

— Да не сбегал я!

— Ладно, я употребил неточное выражение. Надо было сказать — инициативу проявил ты. Ты уехал из Ист Гилиэда в Нью-Йорк. Следовательно, формально ты бросил эту особу.

— Знаешь, ты такими словами не бросайся. Как ты не можешь понять? Это были вполне невинные отношения. Они разваливаются сами собой.

— Я смотрю на дело с точки зрения адвоката. И разреши мне указать, отношения ваши явно на закончились. Я стараюсь четко прояснить для себя все. Если ты желал, чтобы отношения закончились, тебе следовало до отъезда из Гилиэда принять меры, чтобы вашу помолвку расторгла сама мисс Стаббс.

— Не было у нас помолвки!

— Хорошо, расторгла глупости. Вот тогда бы ты стер прошлое. Надо было сделать что-нибудь такое, чтобы она прониклась к тебе отвращением.

— Как я мог? Я не умею!

— И даже сейчас, сумей ты совершить что-нибудь крайне омерзительное, чтобы мисс Стаббс

отшатнулась от тебя с гадливостью…

— К примеру?

— Я должен подумать.

Хамилтон прокрутил еще четыре круга.

— Предположим, ты совершишь какое-то преступление, — сказал он, возвращаясь к исходной точке. — Предположим, ей станет известно, что ты — вор. Она не захочет выходить за тебя замуж, если ты на пути к Синг-Сингу.

— Правильно. Но тогда и Молли не захочет.

— Хм, верно. Ладно, подумаю еще…

Несколькими минутами спустя Джордж, уже посматривающий на друга с той неприязнью, которую вызывают носители высшего разума, когда не могут выдать стоящего совета, заметил, что друг этот внезапно вздрогнул.

— Вот оно! — закричал Хамилтон. — Нашел!

— Ну? Ну?

— Мисс Стаббс… Скажи-ка мне, она очень нравственная? Деревенские девицы обычно… такие, ну… недотроги.

Джордж призадумался.

— Не помню. Да ведь я ничего и не делал!

— Думаю, мы можем исходить из предположения, что, проживя всю жизнь в Ист Гилиэде, она все-таки нравственна. А следовательно, решение

проблемы очевидно: надо внушить ей, что ты стал распутником.

— Кем?

— Ну, Дон Жуаном. Сердцеедом. Бабником. Это очень легко. Наверняка она насмотрелась фильмов из нью-йоркской жизни, и нетрудно внушить ей, что ты тут испортился. Теперь наш план действий выстраивается четко и просто. Все, что нам требуется, — раздобыть девушку. Пусть явится сюда и заявит, что ты не имеешь права жениться ни на ком, кроме нее.

— Что?!

— Я прямо воочию вижу эту сцену! Мисс Стаббс сидит рядом с тобой, серенькая мышка в самодельном деревенском платьице. Вы вспоминаете старые дни. Ты поглаживаешь ей руку. Внезапно дверь распахивается, ты вскидываешь глаза и вздрагиваешь. Появляется девушка, вся в черном, с бледным лицом. У нее страдальческие глаза, волосы в беспорядке, в руке она сжимает маленький узелок…

— Нет! Только не это!

— Хорошо. Обойдемся без узелка. Она простирает к тебе руки. Неверным шагом идет к тебе. Ты бросаешься поддержать ее. Очень похоже на сцену из «Прохожих» Хэддона Чемберса.

— А что там такое?

— А что может быть? Невеста видит, что у погубленной девушки больше прав на ее жениха, соединяет их руки и тихо, молча уходит.

Джордж невесело рассмеялся.

— Ты проглядел одно. Где это, интересно, мы раздобудем бледную девушку?

— Н-да, проблема. Я должен подумать.

— А пока ты думаешь, — холодно заметил Джордж, — я предприму единственно возможные меры. Поеду на станцию встречать Мэй. Поговорю с ней и постараюсь убедить…

— Что ж, и это неплохо. Но все-таки мой план — идеален. Только бы найти девушку. Как неудачно, что у тебя нет темного прошлого!

— Мое темное прошлое еще впереди, — горько бросил Джордж.

И, развернувшись, поспешил по тропинке, а Хамилтон, погруженный в глубокое раздумье, зашагал к дому.

Дойдя до лужайки и остановившись закурить сигарету в помощь своим раздумьям, он увидел сцену, побудившую его отшвырнуть спичку и быстро вернуться под укрытие дерева.

Там Хамилтон встал, смотря во все глаза и слушая. Выйдя из зарослей рододендронов,

незнакомая девушка тихонько кралась в обход лужайки к высоким дверям столовой.

Девичество — пора мечтаний. И Фанни Уэлч, задумавшуюся над положением дел после получения последних инструкций, посетила затейливая мыслишка, залетевшая на ум ненароком, будто пчелка на цветок: пожалуй, если она навестит дом на часик пораньше условленного срока, то, стащив ожерелье, сумеет оставить его себе.

Изъян в первоначально изложенном плане заключался, видимо, в том, что руководство взял на себя заказчик. Он заберет у нее добычу в тот самый миг, как она получит ее. Слегка видоизмененный план обрел несравненно большую привлекательность, и она начала претворять его в действие.

Удача как будто сопутствовала Фанни. Поблизости никого, дверь чуть приоткрыта, а на столе лежит то, что сейчас она уже рассматривала как награду за остроту ума. Фанни осторожно выбралась из тайного укрытия и, тихо обойдя лужайку, проникла в комнату, а там — зажала футляр в руке, как вдруг ей открылось, что удача не так уж и сопутствует ей. На плечо легла тяжелая рука, и, обернувшись, она увидела импозантного мужчину с квадратной челюстью.

— Так-так, моя милочка, — сказал он.

Фанни тяжело задышала. Мелкие неприятности составляли риск ее профессии, но от того, что она это понимала, сносить их философски ничуть не легче.

— Положите на место футляр.

Фанни положила. Наступила пауза. Хамилтон подошел к двери, загораживая отступление.

— Ну и что? — спросила Фанни. Хамилтон поправил очки.

— Ну, застукали вы меня. И что теперь будете делать?

— А как вы считаете?

— Полиции сдадите?

Человек у двери коротко кивнул. Фанни заломила руки. Глаза у нее наполнились слезами.

— Ах, пожалуйста, мистер! Не сдавайте меня быкам! Я пошла на это только ради своей матери!

— Все неправильно!

— Если бы вы сидели без работы, и голодали, и смотрели, как ваша бедная старая ма гнется над лоханью…

— Все неправильно! — твердо повторил Хамилтон.

– *Что* неправильно?

— Изображаете примитивную бродвейскую

мелодраму. Такая чушь, может, кого и обманет, но только не меня.

— Решила попробовать, — пожала плечами Фанни.

Хамилтон пристально рассматривал ее. Живой ум никогда не дремлет, а теперь он заработал в еще более интенсивном режиме.

— Вы актриса?

— Я? Да нет, не сказала бы. Родители бы не пустили.

— У вас есть определенный актерский дар. В околесице, которую вы несли, проскальзывали вполне искренние ноты. Ваш монолог многих обманул бы. Думаю, что могу использовать вас в маленькой драме. Давайте заключим сделку. Мне не хотелось бы отправлять вас в тюрьму…

— Вот это разговор!

— Хотя, конечно, следовало бы.

— Так-то оно так, да ведь куда забавнее поступать не так, как следует, правда?

— Дело в том, что один мой друг попал в затруднительное положение, и мне пришло в голову, что вы могли бы его выручить.

— Со всем моим удовольствием.

— Мой друг сегодня женится. Но он только что услышал, что его прежняя невеста, про которую

он в волнении, обычно сопутствующем новой влюбленности, напрочь запамятовал, едет сюда.

— Поднять бузу хочет?

— Вот именно.

— Ну а как я тут могу помочь?

— А вот так. Я хочу, чтобы на пять минут вы преобразились в жертву моего друга. Сыграете?

— Что-то не пойму.

— Объясню проще. Очень скоро эта девушка приедет. Возможно, уже с моим другом, который отправился на станцию ее встречать. Вы подождете тут, в саду, а в подходящий момент ворветесь в комнату, протянете руки и закричите: «Джордж! Джордж! Почему ты бросил меня? Ты не принадлежишь этой девушке! Ты принадлежишь только мне!»

— Еще чего!

— А?

Фанни гордо выпрямилась.

— Еще чего! — повторила она. — А что, если про это ненароком прознает мой муж?

— Вы замужем?

— Вышла замуж сегодня утром в церковке-за-углом.

— И явилась сюда красть! В день свадьбы!

— А что такого? Вам не хуже моего известно,

сколько стоит в наши дни обзавестись хозяйством.

— Для вашего мужа, конечно же, будет жестоким ударом, когда он узнает, что вы угодили за решетку. Думаю, лучше проявить благоразумие.

Фанни скребла пол носком туфли.

— А это попадет в газеты?

— Боже сохрани!

— И еще одно. Предположим, устрою я это представление, но кто же мне поверит?

— Девушка поверит. Она совсем простушка.

— Да уж, если на такое купится…

— Что с нее взять, неискушенная провинциалка.

— Ну а если ко мне пристанут с расспросами? Что да как?

— Не пристанут.

— Ну а если? Предположим, девушка спросит: «А где вы познакомились? Когда все это было? И какого черта…» — и, ну, сами знаете. Что мне тогда отвечать?

Хамилтон Бимиш обдумал вопрос.

— Думаю, самое лучшее сразу же после произнесенных реплик разыграть, будто вы, от переизбытка чувств, упали в обморок. Да, так лучше всего. Выкрикнув свой монолог, воскликните:

«Воздуха! Воздуха! Мне душно!» — и стремглав вылетайте из комнаты.

— Вот теперь дело говорите. Вот это мне нравится — стремглав из комнаты. Умчусь так, что они меня и разглядеть толком не сумеют.

— Значит, вы согласны?

— Похоже, придется.

— И прекрасно! Будьте любезны, прорепетируем монолог. Я должен убедиться, что вы знаете слова.

— Джордж! Джордж!

— Перед вторым «Джордж!» выдержите паузу. И вдохните. Помните, глубина и громкость голоса зависят от амплитуды колебаний голосовых связок, а высота тона — от количества колебаний в секунду. Тон усиливается резонансом воздуха в глоточной и ротовой полости. Еще раз, пожалуйста.

— Джордж!.. Джордж! Почему ты бросил меня?!

— Протяните руки! Так!

— Ты не принадлежишь этой девушке!

— Пауза. Вдох.

— Ты принадлежишь *мне!*

Хамилтон со сдержанным одобрением кивнул.

— Недурно. Совсем недурно. Мне бы хотелось

осмотреть, как эксперту, ваши связки, но некогда. Жалко, что у вас нет времени изучить мою брошюру «О голосе»... Однако сгодится. А теперь ступайте и спрячьтесь в рододендронах. Та девушка может появиться с минуты на минуту.

Глава X

Хамилтон вышел в холл. Он заработал сигарету — кое-что попробовал, кое-что предпринял — и как раз раскуривал ее, когда послышалось шуршание шин по гравию, и в открытую дверь он увидел мадам Юлали. Она выпорхнула из красного двухместного автомобильчика. Хамилтон радостно кинулся ей навстречу.

— Вы все-таки сумели приехать!

Мадам Юлали пожала ему руку — коротко, но дружелюбно. Еще одно качество, составляющее ее очарование.

— Да. Но мне придется сразу же разворачиваться и уезжать обратно. У меня на сегодня назначены три встречи. А вы, наверное, останетесь на свадьбу?

— Да, хотел бы. Я обещал Джорджу, что буду его шафером.

— Жаль. А то я могла бы подбросить вас в Нью-Йорк.

— О, я легко могу все переиграть, — заторопился Хамилтон. — Что я и сделаю, как только вернется Джордж. Он без труда раздобудет себе другого шафера. Десяток!

— Когда… вернется? Куда же он уехал?

— На станцию.

— Вот досада! А я приехала его повидать. Ну да ладно, неважно. Встречусь тогда с мисс Уоддингтон на минутку.

— А ее нет.

Мадам Юлали вскинула брови.

— Что? В этих краях не принято сидеть дома в день свадьбы?

— Понимаете, приключилось маленькое происшествие, — пустился объяснять Бимиш. — Священник растянул лодыжку, и миссис Уоддингтон с Молли уехали во Флашинг за заменой. А Джордж отправился на станцию…

— Зачем, интересно?

Хамилтон засмеялся. Однако он не мог ничего скрывать от этой девушки.

— Вы умеете хранить секреты?

— Не знаю. Никогда не пробовала.

— Так вот, строго между нами. У бедняги Джорджа неприятности.

— Еще худшие, чем у всякого жениха?

— Мне не нравятся такие шуточки, — огорчился Хамилтон. — Вы как будто смеетесь над любовью.

— О, нет! Ничего против любви не имею.

— Спасибо, спасибо.

— Прошу!

— Любовь — единственное стоящее чувство в мире! В мирное время Любовь настраивает свирель, а в войну пришпоривает коня…

— Да, все верно. Вы хотели рассказать мне про неприятности Джорджа.

— Дело в том, что в день его венчания внезапно объявилась старая подружка.

— Так-так.

— Джордж написал ей несколько писем. И она до сих пор хранит их.

— Ай-я-я-яй!

— Если она затеет скандал, то венчание сорвется. Миссис Уоддингтон ухватится за любой предлог, лишь бы запретить свадьбу. Она уже высказывалась вполне недвусмысленно, что подозревает Джорджа в безнравственности.

— Что за нелепость! Это Джорджа-то! Да он чист, как свежевыпавший снег.

— Вот именно. Превосходнейший человек. Что там говорить, помню даже, как-то раз он ушел на холостяцком ужине из-за стола, потому что кто-то рассказал неприличный анекдот.

— Потрясающе! А что за анекдот?

— Не помню. И тем не менее у миссис Уоддинг-

тон такое мнение о бедняге.

— Очень занимательно. Что же вы предпримете?

— Джордж отправился на станцию перехватить эту мисс Стаббс. Попытается ее урезонить.

— Мисс Стаббс?

— Да, так ее зовут. Кстати, она тоже из вашего городка, Ист Гилиэда. Не знаете ее?

— Что-то смутно припоминаю. Значит, Джордж отправился урезонить ее?

— Да. Разумеется, она захочет сюда приехать.

— Н-да! Паршиво.

Хамилтон улыбнулся.

— Не так паршиво, как вы думаете. Видите ли, я пораскинул мозгами и могу сказать — держу ситуацию под контролем. Я урегулировал все.

— О, вот как?

— Да.

— Вы, наверное, ужасно умный!

— Ну… — смутился Хамилтон.

— Хотя, конечно, я поняла это, как только прочитала ваши брошюры. У вас сигаретки не найдется?

— О, прошу!

Мадам Юлали вынула сигарету из его портсигара и закурила. Хамилтон, вытянув спичку из ее

пальчиков, задул ее и трепетно спрятал в левый карман жилета.

— Продолжайте же! — попросила она.

— Ах, да! — очнулся он от транса. — Оказывается, у Джорджа, перед тем как ему уехать из Ист Гилиэда, была… Он говорит, было взаимопонимание, а как мне представляется, самая что ни на есть обычная помолвка с этой мисс. До чего ж пошлая фамилия!

— Кошмарная просто. Я непременно сменила бы!

— Потом Джордж, унаследовав деньги, укатил в Нью-Йорк и напрочь забыл про девицу.

— Но она про него не забыла?

— Очевидно, нет. Мне она рисуется эдакой жалкой серенькой мышкой — ну, знаете, каковы эти провинциалки, без малейшего шанса заиметь другого мужа. Вот она и вцепилась в этот свой единственный вариант. Наверное, считает, что, явившись сюда в такой день, вынудит Джорджа жениться на ней!

— Но вы не допустите?

— Вот именно.

— О, вы просто изумительны!

— Очень любезно с вашей стороны, что вы так считаете. — Хамилтон одернул жилет.

— Как же вы все урегулировали?

— Видите ли, главная трудность та, что помолвку порвал сам Джордж. Итак, когда приедет мисс Стаббс, я хочу, чтобы она прогнала Джорджа по собственной воле.

— Как же вы этого добьетесь?

— Очень просто. Принимаем как само собой разумеющееся, что девица эта — чистоплюйка. Исходя из этого я сочинил маленькую драму, в результате которой Джордж предстанет перед ней завзятым ловеласом.

— Это Джордж-то!

— Она будет потрясена. В ней зародится отвращение, и она тут же порвет с ним.

— Ясно. И вы сами все это придумали?

— Целиком и полностью!

— Для одного человека у вас слишком много ума.

Хамилтону показалось, что настал момент высказаться откровенно, без уверток и виляния. Открыть в самых отточенных фразах любовь, которая разрастается в его сердце, точно дрожжи, с той самой минуты, как он извлек пылинку из глаза этой девушки на ступеньках дома № 16 (79-й стрит). И был уже готов приступить, когда мадам Юлали взглянула мимо него и приятно

рассмеялась:

— А вот и Джордж Финч!

Вполне понятно, раздраженный Хамилтон обернулся. Всякий раз, как он предпринимал попытку заговорить о своей любви, возникала какая-то помеха. Вчера этот тошнотворный Чарли в телефоне, а теперь вот — Джордж. Тот стоял в дверях, раскрасневшись, будто от быстрой ходьбы, и смотрел на девушку взглядом, возмутившим Хамилтона. Выражая свое возмущение, он резко кашлянул.

Но Джордж и внимания не обратил, по-прежнему не отрывая взгляда от прекрасной хиромантки.

— Ну как ты, Джорджи? Такую занимательную историю перебил.

— Мэй! — Джордж сунул палец за воротничок, будто бы пытаясь ослабить удушье. — Мэй! А я… я только что ездил на станцию встречать тебя.

— Я на машине приехала.

— Мэй?! — воскликнул Хамилтон. Страшный свет истины открылся ему.

Мадам Юлали быстро повернулась к нему.

— Да. Та самая жалкая, серенькая мышка.

— Совсем не жалкая и не серенькая! — Думать сейчас Хамилтону было не под силу и сконцен-

трировался он лишь на одном неоспоримом факте.

— Была, когда Джордж знал меня.

— И зовут вас Юлали…

— Это мое профессиональное имя. Разве мы с вами не согласились, что имя Мэй и фамилию Стаббс всякому захочется поменять как можно быстрее?

— Неужели вы действительно Мэй Стаббс?

— Да.

Хамилтон закусил губу и холодным взглядом окинул своего друга.

— Поздравляю тебя, Джордж. Ты помолвлен с двумя самыми хорошенькими девушками, каких я видел.

— Как мило, Джимми, с твоей стороны, — заметила мадам Юлали.

Лицо Джорджа конвульсивно исказилось.

— Мэй, честно!.. Имей же сердце! Ты ведь не считаешь всерьез, что я с тобой действительно помолвлен?

— А что?

— Но… но… я считал, ты и думать про меня забыла.

— Что! После всех твоих красивых писем?

— Юношеский роман! — пускал пузыри

Джордж.

— Неужто?

— Но, Мэй!..

У Хамилтона, слушавшего этот обмен репликами, температура быстро ползла вверх, лихорадочно колотилось сердце. Никто не скатывается к первобытному состоянию, воспламенившись огнем любви, быстрее человека, проведшего всю жизнь в прохладных эмпиреях интеллекта. Двадцать с лишним лет Хамилтон полагал, что он выше примитивных страстей, но когда любовь захватила его, то захватила накрепко. И теперь при разговоре этих двоих его пронзила такая ревность, что он не в силах был молчать. Хамилтон Бимиш, мыслитель, прекратил свое существование, и на его место встал Хамилтон Бимиш, потомок предков, улаживавших свои любовные дела с помощью крепкой дубинки. Видя соперника, они не тратили время впустую, а обрушивались на него, будто тонна кирпича, изо всех сил стараясь откусить ему голову. Если б сейчас нарядить Хамилтона в медвежью шкуру и снять с него очки, то вот он, доисторический человек, перед вами!

— Эй! — окликнул Хамилтон.

— Мэй, ты же знаешь, что не любишь меня…

— Эй! — неприятным, злобным голосом опять окликнул их Хамилтон.

И пала тишина.

Пещерный человек поправил очки, буравя ядовитым взглядом былого друга. Пальцы у него подергивались, ища дубинку.

— Слушай, ты! Да гляди, не ошибись! Завязывай с этой своей трепотней. Она — тебя — не — любит. Доехало? А то подойду сейчас да как вмажу по сопелке! Я ее люблю, ясно? И замуж она выйдет за меня! Просек? За-ме-ня. Если хочешь что сказать, скорее извещай своих друзей, где тебя похоронить. Любит она его, ишь, выдумал! Размечтался! Меня она любит. Просек? Меня! И точка!

И скрестив руки, мыслитель приостановился в ожидании ответа.

Ответ последовал не сразу. Джордж, не привыкший к примитивным взрывам страстей, ошарашенно застыл на месте, проглотив язык, так что держать речь выпало на долю мадам Юлали.

— Джимми! — слабо пискнула она.

Хамилтон властно, по-хозяйски обнял ее и поцеловал одиннадцать раз.

— Вот так! — заключил он.

— Да, Джимми…

— Ты любишь только меня!

— Да, Джимми.

— И завтра же поженимся!

— Да, Джимми.

— Ну, тогда все нормально! — заключил Хамилтон.

Джордж очнулся, точно заводная игрушка.

— Хамилтон! Дружище! Поздравляю тебя!

— Спасибо, спасибо.

Говорил Хамилтон ошеломленно и недоуменно помаргивал. Фермент начал угасать, и Бимиш, пещерный человек, быстро уступал место Бимишу, автору брошюр. В уме его смутно забрезжило, что высказывался он жарковато, пуская в ход словечки, какими вообще-то изъясняться бы не стал. Но тут он поймал взгляд Юлали, устремленный на него, и все угрызения совести и всякая неловкость растаяли.

— Спасибо! — еще раз поблагодарил он.

— Мэй — чудесная девушка! — заверил Джордж. — Вы будете очень счастливы. Уж я-то ее знаю. Как ты всегда умела сочувствовать мне!

— Правда?

— Безусловно. Разве ты не помнишь, что все свои неприятности я нес к тебе, и мы сидели вдвоем на диванчике перед каминным огнем в

твоей гостиной?

— И всегда боялись, что кто-то подслушивает у двери.

— Если и подслушивали, все равно ничего бы не услышали.

— Эй! — резко вклинился Хамилтон.

— То были счастливые дни… — вздохнула она.

— А помнишь, как твой маленький братишка дразнил меня? Апрельский ливень!

— Вон как! — фыркнул Бимиш. — Это еще почему?

— Потому что я всегда приносил Мэй цветы.

— Ну хватит! — оборвал их Хамилтон. — Хотелось бы напомнить тебе, Финч, что эта леди помолвлена со мной.

— Конечно, конечно.

— Попрошу и впредь не забывать! А впоследствии, когда станешь заходить к нам, чтобы разделить с нами трапезу, уж постарайся обходиться без воспоминаний о старых добрых днях! Понял?

— О, вполне!

— Тогда мы уезжаем. Мэй нужно вернуться в Нью-Йорк, я еду с ней. Придется поискать другого шафера. И тебе очень повезло, что венчание вообще состоится. До свидания, Джордж. Пойдем,

моя дорогая.

Двухместный автомобильчик уже катился по подъездной дороге, когда Хамилтон хлопнул себя полбу.

— Надо же! Совсем из головы вон!

— Что ты забыл, Джимми, дорогой?

— Кое-что надо было сказать Джорджу. Подожди меня здесь…

— Джордж, — возвращаясь в холл, начал Хамилтон, — я только что вспомнил. Позови Ферриса и вели ему оставаться в комнате со свадебными подарками. Пусть не уходит оттуда ни на минуту. Небезопасно, что валяются они вот так, без присмотра. Тебе следовало бы нанять детектива.

— Мы и хотели, но мистер Уоддингтон так настаивал, что миссис Уоддингтон отмела эту идею. Пойду и немедленно скажу Феррису.

— Да, пожалуйста.

Хамилтон вышел на лужайку и, приблизясь к рододендронам, тихонько посвистел.

— Ну, что еще? — высунула голову Фанни.

— Ах, вот вы где!

— Да, тут! Когда начнется шоу?

— Оно не начнется, — сказал Хамилтон. — События повернулись так, что наша маленькая комедия стала ненужной. Так что можете возвра-

щаться домой к мужу, как только пожелаете.

— О?

Сорвав рододендроновый листик, Фанни медленно раскрошила его.

— Я вроде и не спешу никуда… Мне тут нравится… Воздух… солнце… птички поют. Погуляю еще немножко.

Хамилтон со спокойной улыбкой посмотрел на нее.

— Разумеется, как хотите. Должен, однако, сообщить, что, если намереваетесь сделать еще одну попытку, то есть украсть драгоценности, распрощайтесь с этой мыслью. С этой минуты здоровяк дворецкий будет неотлучно находиться в столовой и следить за ними. Так что могут выйти неприятности.

— О-о? — задумчиво протянула Фанни.

— Да.

— Обо всем позаботились, да?

— Уж я такой, — отозвался Хамилтон.

Глава XI

Мешкать Джордж не стал. Совет Хамилтона показался ему на этот раз даже разумнее обычного. Он звонком вызвал Ферриса.

— Э, Феррис, — приступил Джордж, — мистер Бимиш считает, вам надо бы посидеть в этой комнате со свадебными подарками. Покараулить их.

— Слушаюсь, сэр.

— На случай, если вдруг кто-то попытается что украсть.

— Понятно, сэр.

Облегчение, как это случается всегда, подтолкнуло Джорджа к разговорчивости. Ему хотелось уцепить кого-нибудь за лацкан и болтать, болтать, болтать. Он предпочел бы, конечно, кого другого, не Ферриса, так как ранние эпизоды их знакомства еще не выветрились из его памяти, и, как ему казалось, в манерах дворецкого и до сих пор чувствовалась застоявшаяся неприязнь. Но рядом оказался Феррис, и Джордж принялся болтать с ним.

— Приятный денек, правда, Феррис?

— Да, сэр.

— Чудесная погодка!

— Да, сэр.

— И места такие красивые!

— Нет, сэр.

Джордж растерялся.

— Вы сказали — «Нет, сэр»?

— Да, сэр.

— Ах, «Да, сэр»! А мне послышалось — «Нет, сэр».

— Да, сэр. Нет, сэр.

— То есть вам здешние места не по вкусу?

— Нет, сэр.

— Почему же?

— Я их не одобряю, сэр.

— Почему, почему?

— Не та сельская местность, к какой я привык. Совсем не похожа на окрестности нашей деревни.

— А где это?

— В Англии, сэр.

— Наверное, английская деревня красива?

— Полагаю, сэр, она удовлетворяет всех.

Разговорный пыл Джорджа подостыл. В своем приподнятом настроении он надеялся, что Феррис сумеет забыть роль дворецкого, окунувшись в роль друга.

— Что же вам не нравится в здешних местах?

— Я, сэр, не одобряю комаров.

— Да их совсем мало!

— Я не одобряю, сэр, даже и одного.

Джордж сделал новый заход.

— Наверное, все внизу, Феррис, взбудоражены из-за венчания?

— Внизу, сэр?

— Ну, э… слуги…

— Я не собирал их мнений, сэр. Со своими коллегами я общаюсь крайне редко.

— Не одобряете их, наверное? — колко ввернул Джордж.

— Да, сэр.

— Почему же?

Дворецкий поиграл бровями. Он бы предпочел, чтобы низшие слои среднего класса не выказывали столько любопытства. Однако до объяснений снизошел.

— Многие из них, сэр, шведы, а остальные — ирландцы.

— А шведов вы не одобряете?

— Нет, сэр.

— Отчего же?

— Головы у них, сэр, совсем квадратные.

— И ирландцев не одобряете?

— Да, сэр.

— А их почему?

— Потому что они — ирландцы, сэр.

Джордж тревожно переступил с ноги на ногу.

— Надеюсь, венчания, Феррис, вы одобряете?

— Нет, сэр.

— Отчего же?

— Мне они представляются печальными событиями.

— А вы сами, Феррис, вы женаты?

— Вдовец.

— Разве вы, когда женились, не были счастливы?

— Нет, сэр.

— А миссис Феррис?

— Ей церемония как будто бы доставляла определенное удовольствие, сэр, но скоро все развеялось.

— Чем же вы это объясняете?

— Не могу сказать, сэр.

— Жалко, Феррис, что венчания навевают на вас грусть. Конечно, когда двое людей любят друг друга и намереваются любить вечно…

— Брак, сэр, не способствует длительной любви. Он мумифицирует ее труп.

— Но, Феррис, если б не было браков, что сталось бы с потомством?

— В потомстве, сэр, я не вижу необходимости.

— Вы его не одобряете?

— Вот именно.

Задумчивый и печальный, Джордж отправился на подъездную дорогу перед домом. Он понимал, как сильно упало блаженное состояние души, подвигнувшее его завязать беседу с дворецким. Теперь он отчетливо видел, что беседовать в день венчания с Феррисом — грубейшая ошибка. Феррис — собеседник подходящий, и даже идеальный, в день похорон — резко диссонировал со звоном свадебных колоколов.

Сдержанно, протрезвевшим взглядом Джордж оглядел красивый сад; а оглядывая, наткнулся на приближающегося Сигсби Х. Уоддингтона, производившего впечатление человека, услышавшего дурные вести или сделавшего открытие, сорвавшее его планы.

— Тэк, тэк-с! — закричал Сигсби. — Какого такого дьявола этот чертов дворецкий толчется в комнате со свадебными подарками?

— Караулит их.

— И кто это распорядился?

— Я.

— Черт раздери!

И, одарив Джорджа непонятным взглядом,

Сигбси исчез. Будь наш жених более расположен анализировать взоры своего будущего тестя, он, пожалуй, разглядел бы в них сильнейшее отвращение. Но не в таком расположении духа пребывал Джордж. Вдобавок, не того сорта человек был Сигсби, чтобы его взоры еще и анализировать; не успевал он скрыться с глаз, как о нем забывали. И Джордж почти немедленно стал забывать о нем. Он еще забывал, когда из-за поворота показался автомобиль и, затормозив рядом с ним, высадил Молли, миссис Уоддингтон и человека с лошадиным лицом. Замена заболевшему, сообразил Джордж по его клерикальному одеянию, священник из Флашинга.

— Молли! — закричал Джордж.

— Вот и мы, мой ангел!

— И мама с вами, — с меньшим пылом добавил Джордж.

— Мама! — совсем уж холодно повторила миссис Уоддингтон.

— А это — его преподобие Гедеон Вулес, — представила священника Молли. — Он нас поженит.

— А это, — адресовалась к священнику миссис Уоддингтон тоном, показавшимся чувствительному уху Джорджа слишком уж виноватым, — наш жених!

Преподобный Гедеон Вулес глянул на Джорджа глазами снулой рыбины. Человеком, брызжущим жизнерадостностью, он жениху не показался. Но в конце концов, когда вы женитесь, то женитесь, и не все ли равно, если священник походит на снулую рыбину?

— Как поживаете? — вяло осведомился Гедеон.

— Превосходно! — откликнулся Джордж. — А вы?

— В преотменном здравии, благодарю.

— Вот и расчудесно! С лодыжками порядок?

Преподобный Гедеон покосился вниз и остался вполне доволен видом этой части нижних конечностей, хотя они и были скрыты белыми носками.

— Да, с ними все в порядке, спасибо.

— А то сейчас столько священников, — пояснил Джордж, — грохаются со стула и растягивают себе лодыжки. А потом передвигаться не могут.

— Нет, я со стула никогда не падал.

— Тогда вы — именно тот человек, которого я искал! Будь все священники вроде вас…

— Не желаете ли стакан молока? — пробудилась к жизни миссис Уоддингтон.

— Нет, благодарю вас, мама, — поблагодарил Джордж.

— Я не вам предлагала, — вскинулась миссис Уоддингтон, — а мистеру Вулесу! Он совершил длинную поездку, и ему, конечно, хочется освежиться.

— Конечно, конечно! — подхватил Джордж. — О чем я только думаю! Да, вам непременно следует подзаправиться, чтобы сохранить силы. А то еще в обморок хлопнетесь посреди церемонии.

— У него будут все основания, — подпустила шпильку миссис Уоддингтон.

И направилась в столовую, где на столике были расставлены легкие закуски, а сам столик украшен присутствием Сигсби. Он потягивал джин с тоником и косился на массивного, непрошибаемого дворецкого. Феррис свадебных подарков не одобрял, но сторожил их зорко и преданно.

— Чего вы тут толчетесь, Феррис? — осведомилась миссис Уоддингтон.

Дворецкий вскинул преданные глаза.

— Охраняю подарки, мадам.

— Кто распорядился?

— Мистер Финч, мадам.

Миссис Уоддингтон метнула гадливый взгляд на Джорджа.

— В этом нет ни малейшей необходимости.

— Слушаюсь, мадам.

— Только слабоумный мог отдать такое распоряжение.

— Именно, мадам.

И дворецкий удалился. Сигсби, проводив его взглядом, печально вздохнул. Вот, теперь Феррис ушел… В комнату сейчас набьется полно народу. Уже начали подкатывать автомобили, и поток свадебных гостей устремился к столику с закусками.

Преподобный Гедеон Вулес, вдумчиво набивая бездну желудка сэндвичами с ветчиной, увлек Джорджа в уголок и попытался познакомиться с ним поближе.

— Мне всегда нравится поболтать немножко перед церемонией с женихом, — поделился он, — так приятно почувствовать, что он, в некотором роде, твой личный друг.

— Очень любезно с вашей стороны, — ответил тронутый Джордж.

— Венчал я недавно во Флашинге молодого человека по имени Миглетт… Клод Р. Миглетт. Вам не знакомо это имя?

— Да нет…

— А! Я думал, может, читали в газетах. Про это дело столько писали. У меня не проходит ощущение, что, не установи я с ним личный контакт до

церемонии, после несчастья мне не удалось бы утешить его.

— После несчастья? Какого же?

— Невесту задавил грузовик, как раз когда они выходили из церкви.

— Господи!

— Да, мне это показалось на редкость несчастливым происшествием. Но, с другой стороны, на венчаниях, которые провожу я, всегда почему-то что-то да случится. Прямо рок какой-то! За неделю до того венчал я прелестную молодую пару, так оба погибли, не прошло и месяца. На них балка упала, когда они проходили мимо строящегося здания. А у другой пары, ее я венчал в начале года, жених заразился слабой формой скарлатины. Отличнейший молодой человек, но весь пошел розовыми пятнами. Все мы очень расстроились. — Священник повернулся к миссис Уоддингтон, оттертой в угол наплывом гостей. — Рассказываю нашему молодому другу о всяких необыкновенных случайностях. А в последних двух венчаниях, которые я совершал, женихи, оба, умерли буквально через несколько дней после свадьбы.

Лицо миссис Уоддингтон подернулось легкой завистью. Выражение его как бы намекало: да,

такое везение долго не держится!

— Лично у меня, — поделилась она, — с самого начала возникло предчувствие, что венчание это ни за что не состоится.

— Как любопытно! — откликнулся преподобный Гедеон. — Я в предчувствия верю.

— И я тоже.

— Я считаю, они посылаются, чтобы остеречь нас. Помогают нам подготовить себя к бедствиям.

— В нашем случае слово «бедствие», по-моему, не совсем…

Неверной походкой Джордж уковылял прочь. Снова в душу ему вползло тусклое предчувствие, уже навещавшее его сегодня. Настолько угнетена была его нервная система, что он отправился искать утешения в обществе Сигсби. В конце концов, подумал он, каковы бы ни были недостатки этого человека, но он хотя бы друг. Философ, принимающий близко к сердцу будущее рода человеческого, возможно, и вздохнул бы тяжко при одном взгляде на Сигсби, но Джорджу в холодном неприветливом мире особо привередничать не приходилось.

Минуту спустя на него обрушилось неприятное открытие: чересчур оптимистично было пред-

полагать, будто он нравится будущему тестю. Взгляд, каким тот одарил его, когда он приблизился, любящим мы не назвали бы. Такой взгляд старый джентльмен, будь он шерифом в штате Аризона, мог бы бросить на конокрада.

— Чего ты лезешь? — сварливо прошипел Сигсби. — Суешься куда не следует.

— Э? — растерялся Джордж.

— Надо ж придумать! Взял да приказал дворецкому торчать здесь, караулить подарки!

— Боже мой, неужели вы не понимаете, что, если б я не распорядился, сюда могли бы пробраться и что-то украсть?

На лице Уоддингтона проступило то выражение, которое проступает у ковбоя, который, бросившись в постель, обнаруживает, что озорной дружок засунул ему кактус под простыню. И Джордж уже намеревался, в полном упадке духа, отступить к столику с закусками, чтобы поесть картофельного салата, когда от сгрудившейся у столика толпы отделился массивный, ярко разодетый толстяк, дожевывающий бутерброд с икрой. Джорджу смутно припомнилось, что он видел его среди гостей на том, первом званом обеде, в доме № 16. И память не подвела его — это был не кто иной, как Соединенная Говядина.

— Привет, Уоддингтон! — окликнул Говядина.

— У-ур! — прорычал Сигсби. Тип этот совсем ему не нравился — мало того что тот когда-то отказался одолжить ему деньги, так еще и до такой низости дошел, что процитировал себе в подмогу Шекспира.

— Послушай-ка, Уоддингтон, — продолжил Говядина, — верно ли мне помнится, что ты вроде как-то заходил и советовался насчет этой кинокомпании? Подумывал деньги в нее вложить, да?

Мучительная тревога исказила лицо Уоддингтона. Он болезненно сглотнул.

— Нет, это не я, — поспешно возразил он. — Не я! Не хотел я купить никакие акции. Я думал только, если они хороши, может, жена заинтересовалась бы…

— Ну, это одно и то же.

— Нет!

— А не знаешь, купила твоя жена акций?

— Нет-нет, не купила! Позже я услыхал, компания эта никуда не годится, и даже говорить ей ничего не стал.

— Н-да, обидно… — протянул Говядина. — Очень и очень…

— Почему это?

— Да видишь ли, случилась поразительнейшая штука. Прямо настоящий роман. Компания эта, ты правильно заметил, и вправду никуда не годилась. Ничего не умели сделать толком. Но вчера, когда рабочий начал копать землю под табличку «НА ПРОДАЖУ», представь себе, он наткнулся на нефть!

Очертания нехуденькой Говядины маревом расплылись перед глазами Уоддингтона.

— Нефть? — пробулькал он.

— Ну, представь себе! Нефть! Да какой фонтан! Видно, крупнейший на юго-западе!

— Но… но… ты что же, хочешь сказать, акции и вправду чего-то стоят?

— Миллионы, всего-навсего! Да-с! Миллионы! Вот досада, что ты тогда не купил! А икра, — задумчиво жуя, добавил он, — очень недурственная. Да, Уоддингтон, очень и очень. Пойду еще тостик возьму.

Миллионера, устремившегося за икрой, остановить сложно, но Уоддингтону удалось, вцепившись мертвой хваткой ему в рукав, на минутку застопорить бег.

— А когда ты про это услышал?

— Сегодня утром, как раз когда сюда выезжал.

— Как думаешь, еще кто знает?

— На бирже — наверняка.

— Послушай! — не отставал Уоддингтон. — Послушай-ка! — Он отчаянной хваткой цеплял икролюбивого гостя. — Знаком мне один тип, к бизнесу никакого отношения не имеет, у которого есть пакет этих акций. Как считаешь, есть шанс, что он еще не слыхал?

— Вполне вероятно. Если хочешь перекупить у него, так поторопись. Возможно, история попадет в вечерние газеты.

Слова эти ударили Сигсби с силой электрического разряда. Он выпустил рукав гостя, и тот устремился к столику с закусками, словно домашний голубь на родную голубятню. Уоддингтон ощупал карман, чтобы убедиться, что по-прежнему обладает тремястами долларами, предназначавшимися для Фанни Уэлч, и пулей вылетел из комнаты, из дома и из ворот, а там — одним махом одолев широкую, длинную дорогу до станции, запрыгнул в поезд, который словно бы специально дожидался его. Ни разу в жизни ему не удавалось так быстро и удачно сесть в поезд. Счастливая примета! С бодрой уверенностью предвкушал он разговор с полисменом, которому — в минуту ложной щедрости — продал свои драгоценные акции. Полисмен этот показался ему

простодушным, из тех именно людей, с которыми так приятно делать бизнес. Уоддингтон принялся репетировать начальные фразы беседы.

— Тэк, тэк-с! Тэк, тэк-с, дорогой мой…

И резко выпрямился. Имя полисмена вылетело у него из головы!

Глава XII

Несколько часов спустя, когда уже проклюнулись первые звезды, а птицы сонно шуршали на деревьях, можно было наблюдать одинокую фигуру, медленно ковыляющую по подъездной дорожке к парадной двери летнего дома Уоддингтонов в Хэмстеде, на Лонг-Айленде. Это возвращался из своего путешествия Сигсби.

Шагал он крадучись, словно кот, ждущий, что в него вот-вот швырнут кирпичом. «О-о, — говорит поэт, — вернуться домой! Опять домой!» Но Сигсби никак не мог заставить себя разделить этот радостный взгляд. Теперь, когда выдалась минутка поразмышлять, он ясно понял, что под крышей дома его ждут крупные неприятности. Случалось ему и раньше, отбывая второй срок женатой жизни, совершать поступки, вызывавшие неодобрение жены — и неодобрение свое она высказывала откровенно и бурно, но никогда прежде не совершал он преступления, под бременем которого его шатало сейчас. Ведь он — ни больше ни меньше — удрал со свадьбы единственной дочери! И это после того, как его специально обучали передавать ее жениху перед

алтарем! Если его жена не выскажется на эту тему в манере, от которой содрогнется сама Гуманность, — что ж, тогда Сигсби решит, что весь его прошлый опыт ничего не значит, а он в роли справочника никуда не годится.

Уоддингтон безотрадно вздохнул. В настроении он пребывал угнетенном и разбитом. Не хватало еще и выслушивать горькие истины о себе. Ему хотелось одного — полежать на диване, сбросив туфли, и чтоб стаканчик вина стоял рядом. В большом городе ему пришлось несладко.

Возможно, в этом повествовании уже не раз упоминалось, что Сигсби был из тех, у кого от усиленных размышлений разбаливается голова; но, даже рискуя заработать головную боль, он размышлял глубоко и усиленно, пока ехал в Нью-Йорк, пытаясь выудить из глубин своего топкого подсознания имя полисмена, которому он продал акции. К тому времени, когда поезд прибыл на вокзал Пенсильвания, Сигсби добился ограничения поисков до двух имен — или Малкэхи, или Гаррити.

У человека, бродящего по Нью-Йорку в розысках полисмена Малкэхи, работы невпроворот, как и у человека, разыскивающего Гаррити. Ну а уж тому, кто разыскивает обоих, скучать не

приходится ни минутки. Мечась взад-вперед по городу и расспрашивая всех встречных стражей порядка, Сигсби исходил много миль. Регулировщик на Таймс-сквер подсказал, что рядом с Могилой Гранта стоит один Малкэхи, а несколько Гаррити обретаются на Колумбус-серкл и Ирвинг плейс. Малкэхи-у-могилы, выразив сожаление, порекомендовал навестить Малкэхи со 125-й стрит или — на выбор — еще одного на Третьей авеню и 16-й стрит. Гаррити на Колумбус-серкл с большой похвалой отозвался о Гаррити рядом с Баттери, а Гаррити на Ирвинг плейс ничуть не усомнился, что его кузен в Бронксе вполне отвечает цели розысков. Когда часы пробили пять, Уоддингтон пришел к однозначному заключению — если мир хочет стать лучше, чище, ему следует проредить несметные ряды Малкэхи и подправить их качество. В 5:30, вернувшись из Бронкса, он всей душой проголосовал бы за любую поправку к Конституции, пожелай Конгресс ее ввести, о полнейшем запрете всех Гаррити на территории США. А точнехонько в 6:00 вдруг проникся непоколебимой убежденностью, что имя разыскиваемого полисмена и вовсе Мэрфи.

В эту минуту Уоддингтон шагал по Мэдисон-сквер, только что обежав 14-ю стрит в поисках

еще одного Малкэхи, но теперь им так глубоко завладела новая идея, что он просеменил к скамейке и, свалившись на нее, тяжело застонал. Момент был переломный; Уоддингтон решил бросить все и отправляться домой. У него болела голова, ныли ноги, онемел зад. Первый прекрасный, безоглядный порыв, с каким он бросился на поиски, засох на корню. Если и был человек в Нью-Йорке, абсолютно не способный расхаживать по городу в поисках Мэрфи, то человеком этим был Сигсби Уоддингтон. Кое-как доковыляв до вокзала Пенсильвания, он ближайшим поездом отправился домой — и вот он приближается к концу пути.

Дом показался ему каким-то слишком тихим; хотя, конечно, так и должно быть. Венчание состоялось уже давным-давно, счастливая пара отбыла на медовый месяц. Давным-давно ушел и последний гость, теперь под этой мирной крышей осталась только миссис Уоддингтон, наверняка оттачивающая разъяренные фразы в уединении будуара — то отбросит раскаленное прилагательное, заменяя его еще более ядовитым, только что всплывшим на ум; то решит, что словечко «червь» слишком уж ласково, и кинется разыскивать в словаре что-нибудь похлеще.

Уоддингтон приостановился на крыльце, думая о том, не сбежать ли в поисках уединения в сарайчик для инструментов.

Возобладали намерения более мужественные. К тому же в сарайчике выпить нечего, а его страждущая душа буквально жаждала выпивки. Он переступил порог и резко подскочил, когда от телефона отделилась темная фигура.

— У-ух! — произнес он.

— Сэр? — вопросила фигура.

Ему стало легче — слава богу, не жена! Это Феррис; а именно Феррис в данный момент ему и требовался, потому что только Феррис мог проворнее всех его напоить.

— Тш-ш! — прошипел Сигсби. — Есть тут кто?

— Сэр?

— Где миссис Уоддингтон?

— В будуаре, сэр.

На это Сигсби и рассчитывал.

— А в библиотеке кто-нибудь есть?

— Нет, сэр, никого.

— Тогда принесите туда выпивку, Феррис, и никому ни словечка!

— Слушаюсь, сэр.

С трудом волоча ноги, Уоддингтон доплелся до библиотеки и бросился на большой мягкий

диван. Потекли блаженные, покойные минуты, а скоро послышалось музыкальное треньканье. Вошел Феррис с подносом.

— Вы не дали точных инструкций, сэр, — сказал дворецкий. — Поэтому, действуя по собственной инициативе, я принес вам виски с содовой.

Говорил он холодно, потому что не одобрял Уоддингтона. Но тот не мог анализировать оттенки его интонаций. Он схватился за графинчик, глаза его увлажнились благодарностью.

— Феррис, вы молодец!

— Спасибо, сэр.

— Вам бы жить на Западе, где мужчины — это мужчины!

Дворецкий морозно шевельнул бровью.

— Все, сэр?

— Да. Но не уходите, Феррис. Расскажите-ка мне обо всем.

— По какому именно пункту, сэр, желаете получить информацию?

— Расскажите, как прошло венчание. Я не мог присутствовать. Дело, понимаете, и очень важное. В Нью-Йорке. Потому не мог присутствовать. Очень оно важное.

— Вот как, сэр?

— Чрезвычайной, понимаете, важности. И в

Нью-Йорке. Невозможно пренебречь. Ну, так как венчание? Все нормально?

— Не совсем, сэр.

— Как это?

— Венчание, сэр, не состоялось.

Уоддингтон напряженно выпрямился. Что за ерунду бормочет дворецкий? А уж когда совсем не хочется слушать дворецких, бормочущих ерунду, так это после утомительного рыскания по Нью-Йорку в розысках не то Малкэхи, не то Гаррити.

— Как это — не состоялось?

— Так, сэр.

— Почему же?

— В последний момент возникла закавыка.

— Только не говорите, что и этот священник вывихнул лодыжку!

— Нет, сэр. Священник находился в отменном состоянии. Помеха возникла из-за молодой женщины. Она ворвалась в комнату, где собрались гости, и устроила скандал.

Глаза у Сигсби выпучились.

— Расскажите-ка мне все.

Дворецкий вперил загадочный взгляд в стену напротив.

— Сам я при этой сцене не присутствовал, сэр.

Но один из младших слуг — он случайно оказался у открытой двери — уведомил меня о подробностях происшествия. Вот как все случилось, сэр. Когда все намеревались отправиться в церковь, через стеклянные двери с лужайки вбежала молодая женщина и, остановившись у порога, закричала: «Джордж! Джордж! Почему ты покинул меня? Ты не принадлежишь этой девушке! Ты принадлежишь *мне!*» Обращалась она, как я понял, к мистеру Финчу.

Глаза у Сигсби вытаращились уже и опасно. Хлопни его сейчас кто резко по плечу, они бы выскочили из орбит.

— Вот так номер! А потом что?

— Как передавал мне слуга, поднялась суматоха. Жених совсем растерялся и очень жарко протестовал. Миссис Уоддингтон клялась, что нечто подобное она предвидела с самого начала. Мисс Уоддингтон, как я понимаю, очень расстроилась. Гости пребывали в немалом замешательстве.

— И я их не виню.

— Да, сэр.

— А потом?

— Молодую женщину стали расспрашивать, но она совсем разнервничалась, только вопила, как

передавал мне слуга, и заламывала руки. Потом, неверным шагом дойдя до стола с подарками, упала на него в обморок, однако почти сразу же очнувшись, с криками: «Воздуха! Задыхаюсь!» — вылетела в стеклянные двери. Насколько я знаю, сэр, после этого ее никто больше не видел.

— А что же случилось потом?

— Миссис Уоддингтон отказалась дать разрешение на свадьбу. Гости вернулись в Нью-Йорк. Мистер Финч, что-то бормоча — слов слуге расслышать толком не удалось, — уехал тоже. А миссис Уоддингтон уединилась в будуаре с мисс Уоддингтон. Очень, сэр, неприятное происшествие. Такого ни за что не могло бы произойти в Брэнгмарли Холле.

Не хотелось бы этого писать, но факт остается фактом: Сигсби почувствовал облегчение. Он не думал о разбитой любви и не испытывал жалости к несчастной девушке, сыгравшей главную роль в трагедии. Сильнее всего тронуло его то, что он все-таки не влип. Возможно даже, его отсутствие прошло незамеченным. Значит, жена ругаться не будет.

Потом сквозь облегчение пробилась некая мысль.

— Хм. А как выглядела та девушка? Которая с

лужайки вбежала?

— Судя по описанию, сэр, невысокая, вполне грациозная. У нее, простите, вздернутый носик и черные глаза.

— О господи! — Уоддингтон спрыгнул с дивана и, несмотря на гудящие от боли ноги, резво ринулся через холл. Вбежав в столовую, он включил свет и метнулся к столу с подарками. На первый взгляд, все они лежали на месте. Но второй взгляд открыл, что подозрения его обоснованны.

Исчез футляр с ожерельем.

Глава XIII

Один из наиболее благотворных даров, каким обладает человек, — это его способность усматривать светлую сторону в любой беде. До настоящего момента Сигсби этим даром не пользовался. Однако, возможно, в силу того что он только что ублажил душу целебной выпивкой, он вдруг с прозрачной четкостью понял: а ведь исчезновение фальшивого ожерелья — это для него, пожалуй, самое лучшее.

Он не собирался разрешать молодой помощнице, чтобы она использовала ожерелье в своих целях, но раз уж так случилось, из-за чего, собственно, мучиться? Главное — ожерелье исчезло. Если смотреть в корень — произошло именно то, что и было его целью с самого начала.

Сейчас, когда суматоха улеглась, при нем остались триста долларов наличными, и, следовательно, он сумеет, если все-таки разыщет того полисмена, а полисмен случайно еще не прослышал про новость…

На этом месте раздумья Уоддингтона внезапно прервались, и он испустил пронзительный крик. Перед его глазами огненными буквами начерта-

лось одно слово: «ГАЛЛАХЕР».

Все поплыло у него перед глазами. Галлахер! Ну да, конечно! Так его и зовут! Не Малкэхи! И не Гаррити! И даже не Мэрфи. А Галлахер!

Как и многие достойные люди до него, Сигсби разозлился на то слабоумие, с каким вела себя память. Ну с какой такой стати она взяла и подсунула ему всяких Малкэхи и Гаррити, да еще и Мэрфи в придачу? Ведь он же просил сообщить про Галлахера! Сколько времени пропало впустую!

Однако еще не поздно. Он сейчас же отправится в Нью-Йорк и возобновит поиски. К тому же судьба подкидывает ему замечательный предлог для поездки в Нью-Йорк. Когда у хладнокровного, ясномыслящего человека украли жемчужное ожерелье, он непременно должен с первым же поездом отправиться в Нью-Йорк и изложить факты в полицейском управлении.

— Все очень даже неплохо, — поведал Уоддингтон своей бессмертной душе и на деревянных ногах, но с легким сердцем заковылял к будуару.

Когда он открыл дверь, до ушей его донеслись голоса, оборвавшиеся при его появлении. Миссис Уоддингтон раздраженно взглянула на мужа.

— Где ты пропадал, хотела бы я знать?

К такому вопросу Сигсби был готов.

— Я гулял. Такая, знаешь, долгая загородная прогулка. Я был так потрясен, удивлен и огорошен этой кошмарной сценой, что дом буквально душил меня. Я отправился на долгую загородную прогулку. Только что вернулся. Нет, какая беда! Феррис утверждает, что в Брэнгмарли Холле ничего такого ни за что бы не случилось!

Молли, с покрасневшими глазами и с мятежной складкой у губ, подала голос в первый раз.

— А вот я не сомневаюсь, что этому есть объяснение!

— Пхе! — произнесла миссис Уоддингтон.

— Есть! Я знаю!

— Тогда почему же твой драгоценный Финч не соизволил его дать?

— Растерялся очень.

— Ничего удивительного.

— Я уверена, произошла какая-то ошибка.

— Да, правильно, — вступил Уоддингтон и успокаивающе похлопал дочку по руке. — Все было подстроено.

— Пожалуйста, Сигсби, говори разумно.

— Я и говорю разумно.

— Это по-твоему, но ни один человек, кроме слабоумных, не назовет твои слова разумными.

— Да? — Уоддингтон засунул большие пальцы в проймы жилета, чувствуя себя победителем. — Так вот, позволь тебе сообщить, девица эта попросту прикинулась. Чтобы одурачить тебя и чтобы все подумали, что она — не она.

Миссис Уоддингтон страдальчески вздохнула.

— Ступай отсюда, Сигсби.

— Хорошенькое дело! Говорю тебе, девица эта — воровка. По-другому в дом она проникнуть не могла, вот и пустила в ход этот затрепанный трюк. Она охотилась за свадебными подарками.

— Тогда почему же она не стащила их?

— Стащила! Стащила жемчужное ожерелье!

— Что?!

— Ты слышала. Она украла жемчужное ожерелье Молли.

— Чушь!

— Но оно исчезло.

Молли с сияющими глазами вскочила со стула.

— Я так и думала! Значит, мой милый Джордж и правда не виноват!

Очень немногим в цивилизованном обществе удалось видеть сбитую с толку тигрицу, но любой, наблюдающий сейчас за миссис Уоддингтон, получил бы вполне наглядное представление, как эти тигрицы выглядят.

— Не верю!

— Да, но ожерелье исчезло! — повторил Сигсби. — Ты ведь не думаешь на кого-то из гостей? А? Хотя лично я ожидаю от лорда Ханстэнтона чего угодно. Конечно же, стащила ожерелье эта девица. В обморок она упала на стол с подарками, так? Закричала, что ей нужен воздух, и удрала, так? И никто ее после этого не видел, так? Если бы не моя загородная прогулка, я бы уж давно все раскусил.

— Сейчас же еду в Нью-Йорк, разыщу Джорджа и расскажу ему! — возбужденно дыша, заявила Молли.

— Ничего подобного! — отрубила, поднимаясь, миссис Уоддингтон.

— А я поеду в Нью-Йорк заявить в полицию, — проговорил Сигсби.

— Ни в коем случае. Я сама поеду в Нью-Йорк и заявлю в полицию. А вы с Молли сидите здесь.

— Но послушай…

— И хватит дискуссий! — Миссис Уоддингтон нажала на звонок. — А что до тебя, — повернулась она к Молли, — неужели ты вообразила, что я разрешу тебе ходить ночью ко всяким ловеласам?

— Он не ловелас!

— Конечно нет, — вмешался Сигсби. — Прекрас-

нейший молодой человек. Приехал из Айдахо.

— Нет, подумай сама! — горячилась Молли. — То, что рассказал папа, совершенно обеляет Джорджа! Да эта девушка с таким же успехом могла ворваться и заявить, что это папа бросил ее!

— Эй-эй! — заволновался Уоддингтон.

— Ей требовался только предлог проникнуть в дом.

— Возможно, — признала миссис Уоддингтон, — в данном случае Джордж Финч не так уж и виноват. Но что это меняет? Он мужчина, к которому любая мать, пекущаяся о счастье дочки, отнесется с глубочайшим подозрением. Он художник. Он по собственной воле выбрал для жилья квартал Нью-Йорка, печально известный своим вольномыслием и богемными нравами. Он…

Дверь открылась.

— Вы звонили, мадам?

— Да, Феррис. Велите Бассету немедленно приготовить машину. Я еду в Нью-Йорк.

— Слушаюсь, мадам. — Дворецкий кашлянул. — Простите, мадам, за вольность, но не позволите ли вы мне поехать тоже? Я сел бы рядом с шофером.

— А это еще зачем?

В жизни всякого человека случаются моменты,

когда объяснять подлинные мотивы своих поступков утомительно. Действительная причина была та, что дворецкий хотел зайти к редактору блестящего и очень популярного еженедельника «Городские сплетни», чтобы честно заработать, сообщив о сенсационном скандале, случившемся в высшем обществе. Сразу после того, как подробности скандала стали ему известны, Феррис стал дозваниваться до «Сплетен», но ему каждый раз отвечали, что директора нет в городе. Однако при последней его попытке осторожный помощник, убедившись наконец, что у него и вправду имеются интересные новости, но он не намерен открывать их нижестоящим сотрудникам, посоветовал наведаться к Л. Ланселоту Биффену, главному редактору, домой, на девятый этаж дома «Шеридан», рядом с Вашингтон-сквер. Мистер Биффен, как считал помощник, вернется после обеда.

Все это дворецкий мог бы, конечно, открыть хозяйке, но, как и все люди высокого интеллекта, не любил долгих объяснений.

— Я только что получил сообщение, что моя близкая родственница заболела, мадам.

— Да? Ну что ж, езжайте.

— Спасибо, мадам. Сейчас же передам Бассету.

— А кроме того, — добавила миссис Уоддингтон, когда дверь закрылась, — нам ведь ничего не известно. История этой девушки, возможно, все же правдива, а кража жемчуга — это так, плод внезапного соблазна.

— Мама!

— А что? Я полагаю, она нуждается в деньгах. Без сомнения, этот твой Финч, с присущим ему бессердечием, никак не помогал ей.

— Ты все поняла неправильно, — вмешался Сигсби.

— А что, тебе про это что-то известно?

— Нет, ничего, — осмотрительно поспешил с ответом Сигсби.

— Тогда воздержись, будь любезен, от пустой болтовни.

И с тяжеловесной величественностью миссис Уоддингтон покинула комнату; а Сигсби, по-прежнему сохраняя осмотрительность, плотно притворил за ней дверь.

— Тэк, тэк-с! — заметил он. — Молли! Мне нужно поехать в Нью-Йорк! Просто позарез!

— И мне тоже. Я непременно должна увидеть Джорджа. Наверное, он вернулся к себе.

— Что же нам делать?

— Как только уедет мама, я подвезу тебя на

своем двухместном авто.

— Молодчина! — с жаром одобрил Уоддингтон. — Вот это разговор!

И ласково поцеловал дочку.

Глава XIV

1

Полицейские в полицейском управлении показались миссис Уоддингтон премилыми. Правда, некоторое время они находились под впечатлением, что явилась она, чтобы признаться в краже драгоценностей, но когда все объяснилось, то с горячим рвением принялись за ее дело, хотя описание воровки, данное ею, ничего им не говорило. Но если бы сказало что-то, заверили они, она бы изумилась, с какой беспощадной быстротой закрутились бы колеса закона.

Будь эта воровка, к примеру, высокой и худой, с рыжеватыми волосами и модной стрижкой, они мигом бы раскинули сети на Китти-Чикаго. Если б у нее был курносый нос и две родинки на подбородке, тогда каждый полицейский участок предупредили бы: не упустите Сью-Цинциннати. А вот если б она чуть прихрамывала и шепелявила, то Эдну-Индианополис арестовали бы буквально в считанные часы. Однако в теперешнем случае, признали полицейские, они — в полном тупике. Удалилась миссис Уоддингтон с ощущением, что,

не будь у нее достаточно денег, она и сама могла бы заняться кражей драгоценностей, все равно не поймают. Конечно, некрасиво обзывать главного детектива толстомордым невежей, но ведь она, как-никак, немножко разозлилась.

В сильной досаде вышла она на улицу, где чуть подуспокоилась на приятном вечернем воздухе, и сумела понять, что кража ожерелья — дельце в конце концов второстепенное. Ей предстоит работенка похлеще, чем поймать воровку. Главная цель, на которую нужно бросить все силы, — это низвержение Джорджа Финча.

Тут ей пришло на ум, что ей требуется союзник, сочувствующий пособник, который будет с ней рядом, выполнит все ее распоряжения и вообще окажет всяческую помощь и поддержку в довольно-таки рискованных действиях. Зайдя в телефонную будку, она опустила пятицентовик в прорезь «местные звонки».

— Лорд Ханстэнтон?

— Алло?

— Это миссис Уоддингтон.

— О? А? Очень рад.

— Чем вы сейчас заняты?

— Подумывал, как бы выскочить и перекусить.

— Встречайте меня в «Ритц Карлтон» через

десять минут.

— Ладно. Благодарю. Встречу. Да. Спасибо. Хорошо. Прекрасно. Абсолютно.

И вот мы видим миссис Уоддингтон в вестибюле отеля «Ритц Карлтон». Она сидит и следит за дверью, точно кошка за мышиной норкой, нетерпеливо постукивая по ковру широченной своей туфлей. Как и любому другому, кому доводилось ждать знакомого в ресторане, ей казалось, что сидит она здесь уже часов десять, не меньше. Наконец терпение ее было вознаграждено. У входной двери замаячила элегантная фигура и поспешила к ней, сияя от счастливого предвкушения. Лорда Ханстэнтона отличал волчий аппетит, но он совсем не любил платить за угощение, а потому перспектива обеда за чужой счет весьма его прельщала. Впрямую он не облизывался, но весьма живо поглядывал на лестницу, по которой сновали услужливые официанты с едой для довольных посетителей, и на лице у него играла радужная улыбка.

— Надеюсь, не опоздал, — проговорил лорд Ханстэнтон.

— Сядьте! — велела миссис Уоддингтон. — Я хочу поговорить с вами.

Говорила она долго и пространно. Лорд Ханст-

энтон жалобно мигал.

— Э, э… Простите, пожалуйста, — вклинился он в паузу, потребовавшуюся собеседнице для вдоха, — все это крайне занимательно, но я как-то не улавливаю сути. Что, если мы обсудим все неспешно, в обеденном зале? За бифштексом или еще за каким блюдом?

Миссис Уоддингтон окинула его взглядом, полным отвращения и граничащим с презрением.

— Надеюсь, вы не воображаете, что я стану тратить время на еду?

— Как? — Челюсть у его светлости отпала. — Разве мы не будем обедать?

— Разумеется нет! Я повторю то, что сказала. А вы, пожалуйста, слушайте на этот раз повнимательнее.

— Но как же!.. Обеда не будет?

— Нет.

— И супа?

— Нет!

— А рыбы? И закусок?

— Разумеется нет! У нас нет времени! Мы должны действовать. Быстро и незамедлительно!

— Может, хоть сэндвич…

— При этой кошмарной сцене вы присутствовали, — перебила миссис Уоддингтон, — так что

описывать ее нужды нет. Вы помните, как вбежала эта особа, как она обличала Джорджа Финча…

— Да, помню. Очень занятно.

— К сожалению, все было неправдой.

— Э?

— Это была уловка. Особа разыграла представление, чтобы стащить жемчужное ожерелье, принадлежащее моей падчерице. Оно лежало среди других свадебных подарков.

— Нет, неужели? Подумать только!

— Сомнений, к сожалению, нет. Однако, вместо того чтобы прийти в ужас от нравственной развращенности Финча, моя падчерица относится теперь к нему как к человеку пострадавшему и желает, чтобы брак все-таки состоялся. Вы слушаете?

Лорд Ханстэнтон вздрогнул. Его дразнили ароматы из обеденного зала, дивные запахи мяса и соуса, и внимание его рассеялось.

— Извините! Отвлекся на минутку. Вы говорили, мисс Уоддингтон ужаснулась нравственной развращенности Финча.

— Нет, наоборот. Не ужаснулась.

— Вот как? Какие же, однако, у современных девушек широкие взгляды! — заметил лорд Ханстэнтон, отворачиваясь и стараясь не вдыхать

слишком глубоко.

— Пусть в этом, отдельном случае Финч и невиновен, — продолжала миссис Уоддингтон, — однако его нравственность, если покопаться, такая же, как у всех художников. Я прямо чувствую, что этот Джордж — тот еще гусь!

— Гусь! — простонал лорд Ханстэнтон.

— И я пришла к решению. Если я хочу раскрыть истинную его сущность, необходимо наведаться к нему домой. Квартиру он снимает на Вашингтон-сквер. Порасспросим его слугу насчет его личной жизни. Отправимся мы туда немедля.

— Послушайте, я-то вам зачем?

— Как — зачем? Без вас не обойтись. Вы что, воображаете, я одна сунусь в логово *такого* мужчины?

Через верхнюю площадку лестницы прошмыгнул официант, от блюда на его подносе поднимался парок. Лорд Ханстэнтон проводил его измученным взглядом и тут же пожалел об этом: в зале, у столика, другой официант нарезал жареного цыпленка. Да какого! Про таких в старости рассказывают внукам. Его светлость испустил слабый стон.

— Ладно, — поднялась миссис Уоддингтон, — пойдемте!

Возразить этой властной женщине лорд Ханстэнтон не смел, никто никогда не противоречил ей, и через несколько минут такси подкатило к дому «Шеридан». Две фигуры стали подниматься по лестнице. Одной из приятнейших особенностей «Шеридана» было то, что лифт в доме практически не работал.

Добравшись до верхнего этажа, лорд Ханстэнтон позвонил. Перезвон слабым эхом раскатился по квартире.

— Вероятно, никого нет, — заметил английский пэр, снова нажимая на звонок.

— Значит, подождем.

— Что, здесь?

— На крыше.

— А как долго?

— Пока не вернется слуга этого Финча.

— Он может не вернуться еще несколько часов.

— Значит, и ждать будем несколько часов.

Томящийся желудок лорда Ханстэнтона подталкивал его к протесту. «А ну, похрабрее!» — бурчал он. И хотя на категорический отказ храбрости лорд не набрался, с предложением выступить все-таки осмелился.

— Может, тогда я сбегаю за угол, перекушу

немножко? Я хочу сказать, а вдруг слуга разъярится? Горой встанет за своего молодого хозяина. Если я поем, я стану настоящим мужчиной. Подкреплюсь тарелочкой бобов или еще чем, греющим желудок, и сумею постоять за нас.

— Ну ладно, — окинула его презрительным взглядом миссис Уоддингтон, — только возвращайтесь побыстрее.

— О, разумеется, разумеется! Наскоро перекушу — и мигом назад. Вы даже и заметить не успеете, что я уходил.

— Найдете меня на крыше.

— На крыше. Договорились! До свидания, — бросил лорд и сбежал по лестнице.

Миссис Уоддингтон, взобравшись еще на один пролет, вышла под просторный свод небес, где могла любоваться либо видом сверкающего огнями города, либо темными окнами Финча. Выбрала она окна и принялась неотрывно следить за ними.

Следила она довольно долго, когда вдруг стеклянная дверь осветилась. Миссис Уоддингтон шагнула вперед: сбылись заветнейшие ее мечтания. На желтой шторе промелькнула тень, принадлежащая, несомненно, молодой девушке, и такой низкой нравственности, что в любом дру-

гом месте неодобрительно вздернули бы брови и резко, осуждающе вздохнули. Подойдя к двери, миссис Уоддингтон властно постучалась.

Изнутри донесся испуганный вскрик. Штора отодвинулась, явив плотного человека в черном костюме. В следующий момент дверь открылась, и плотный человек высунул голову.

— Кто тут? — осведомился он.

— Я, — ответила миссис Уоддингтон.

— О господи! — воскликнул толстячок.

2

Весь день Фредерик Муллет находился в нервном расположении духа, еще более нервном, чем положено нормальному жениху в день бракосочетания. Он гадал: куда уезжала невеста?

Любой жених расстроится, если невеста бросит его сразу после венчания и сбежит, сказав: «Я по важному делу» — и пообещав, что увидятся они позднее. А Фредерик расстроился тем более. Тревожило его не столько то, что он планировал блаженный день веселья, включая посещение Кони-Айленда, а все сорвалось. Конечно же, это было разочарованием; но по-настоящему терзался он душой, думая о том, что, с точки зрения Фанни, можно назвать важным делом. Ее скрыт-

ность испортила ему весь день.

Короче, был он именно в том настроении, когда человек, женившийся на карманной воровке, исчезнувшей по важному делу, совершенно не желает слышать резких стуков в дверь. Пробеги в тот момент по полу мышка, Фредерик Муллет и то заподозрил бы, что это замаскированный детектив. С холодным ужасом взирал он на миссис Уоддингтон.

— Что вам угодно?

— Я хочу поговорить с молодой женщиной, которая находится в квартире.

Во рту у Муллета пересохло, по позвоночнику пробежал озноб.

— Какая такая женщина?

— Да будет вам, будет!

— Нет тут никакой женщины.

— Ах, ах!

— Правда нет, уверяю вас.

Прямолинейный ум миссис Уоддингтон возмутился.

— Я заплачу. Вам выгодно сказать правду.

Муллет отшатнулся. При мысли, что его просят продать жену в день свадьбы, его пронзило отвращение. Нельзя сказать, чтобы он, конечно, продал ее в другой день; но такое предложение

превратило его, как выразился бы Гарроуэй, в человека едкого и колкого.

С омерзением захлопнув дверь, он выключил свет и неровными прыжками достиг кухни, где у плиты стояла, переворачивая гренки с сыром, вернувшаяся после отлучки миссис Фредерик Муллет.

— Привет, милый! — проворковала новобрачная, вскидывая на него глаза. — Я только что приготовила кролика. И супчик готов.

— Вот и мы попали, как курица в суп! — глухо отозвался Муллет.

— Почему это?

— Фанни, где ты была днем?

— Да так, в деревню ездила, дорогой. Я же тебе говорила.

— Но не сказала зачем.

— А вот это пока что секрет, миленький. Хочу, чтоб получился сюрприз. У нас скоро будут деньги.

Муллет несмело смотрел на нее.

— Фанни, ты сегодня провернула работенку в деревне?

— Ну, Фредди! Что за мысль!

— Тогда чего сюда завалились быки?

— Быки?!

— Там на крыше стоит здоровенная сыщица. Спрашивает тебя.

— Меня? — вытаращила глаза Фанни. — Да ты спятил!

— Она сказала: «Хочу поговорить с молодой женщиной, которая находится в квартире».

— Пойду гляну, кто такая.

— Только чтоб она тебя не заметила! — встревожился Муллет.

— Уж это вряд ли!

И Фанни вполне хладнокровно прошла в гостиную, не угрызаясь ни малейшим беспокойством. Спокойная совесть — лучшее утешение. Хорошо при этом знать, что не оставил за собой следов. Фанни была убеждена, что, удрав из дома Уоддингтонов, она чисто обрубила все хвосты. Никакая, даже самая коварная сыщица не могла проследить за ней до квартиры. Муллет, не сомневалась Фанни, просто ошибся.

Чуть отодвинув штору, она осторожно выглянула. Незваная гостья стояла так близко, что ее можно было прекрасно разглядеть даже и при неверном свете, и то, что Фанни увидела, убедило ее. С хорошими вестями она вернулась к своему встревоженному мужу.

— Никакая она не сыщица! Сыщиков я за милю

чую!

— Тогда кто же?

— Вот сам ее и спроси. Пойди отвлеки ее, а я улизну из дома. Как закончишь с ней, сразу и встретимся где-нибудь. Стыд и позор, конечно, что пропадет такой вкусный ужин, но зато сходим в ресторан. Слушай, буду ждать тебя у «Астора».

— Если это не сыщица, так чего бы нам не остаться дома?

— Ты же не хочешь, чтоб люди знали, что я тут? Предположим, прослышит твой хозяин…

— И то правда. Тогда ладно, жди меня у «Астора». Хотя чересчур уж шикарное местечко…

— Сегодня наш свадебный вечер, да? Разве ты не хочешь в шикарном местечке отпраздновать?

— Ты права.

— Я всегда права. — Фанни ласково ущипнула мужа за щеку. — Это первое, что ты должен накрепко запомнить.

Вернувшись в гостиную, Муллет снова включил свет. Дух его укрепился. Несколько нагловато он открыл стеклянную дверь.

— Итак, про что вы говорили, мадам?

— Что вы себе позволяете? — накинулась на него миссис Уоддингтон. — Захлопываете дверь у меня перед носом!

— Дела на кухне были, мадам. Могу я вам чем помочь?

— Да! Я желаю знать, что за молодая женщина находится в квартире!

— В квартире, мадам, нет никаких женщин.

Миссис Уоддингтон почувствовала, что за дело она взялась не с того конца. Рука ее нырнула в сумку.

— Вот вам десять долларов.

— Спасибо, мадам.

— Хочу задать вам несколько вопросов.

— Пожалуйста, мадам.

— И отблагодарю, если ответите правдиво. Сколько вы уже на службе у мистера Финча?

— Около двух месяцев, мадам.

— И что вы думаете о его нравственности?

— Она — выше всяких похвал, мадам.

— Чушь! Не старайтесь меня обмануть. За время вашей службы вы частенько впускали в квартиру девушек? Так?

— Только натурщиц, мадам.

— Натурщиц!

— Мистер Финч — художник, мадам.

— Это я знаю. — Миссис Уоддингтон содрогнулась. — Итак, вы утверждаете, что у мистера Финча образ жизни вполне достойный?

— Да, мадам.

— Тогда, — заявила миссис Уоддингтон, аккуратно вытягивая десятку из его пальцев, — может, вам интересно узнать, что я вам не верю!

— Эй, послушайте! — глубоко задетый, вскричал Мул-лет. — Вы же сами ее мне дали!

— А теперь — забрала обратно! — Миссис Уоддингтон спрятала купюру в сумку. — Вы не заслужили денег.

Оскорбленный в лучших чувствах Муллет захлопнул дверь. Несколько минут он стоял, бурля негодованием, потом, совладав с ним, выключил свет и вышел из квартиры.

Он уже дошел до лестницы, когда услышал, как его окликнули, и, обернувшись, увидел долговязого полисмена, рассматривавшего его с мягким дружелюбием.

— Мистер Муллет? — проговорил полисмен. — Правильно?

— Да! — в замешательстве откликнулся Муллет. Привычки искореняются не вдруг, а ведь недавно только миновали времена, когда от одного лишь вида полисмена он дрожал, точно осенний лист.

— Помните меня? Я — Гарроуэй. Мы познакомились недели две назад.

— А, конечно! — с облегчением отозвался

Муллет. — Вы пишете стихи. Как говорится, стихотворец.

— Очень любезно с вашей стороны, — самодовольно произнес Гарроуэй. — Иду сейчас к мистеру Бимишу с последним моим произведением. Как мир обходится с вами, мистер Муллет?

— Ничего, неплохо. А у вас? Все путем?

— Вполне. Ну, не буду задерживать вас. Вы, несомненно, спешите по важному поручению.

— Да, верно. Послушайте! — Муллета внезапно осенило. — Вы сейчас на службе?

— В данный момент — нет.

— Но помочь можете?

— Конечно. Я всегда готов — и даже стремлюсь исполнять свои обязанности.

— Понимаете, на нашей крыше как раз сейчас находится одна подозрительная личность. Мне не понравился ее вид.

— Правда? Так-так, очень интересно…

— Вынюхивает что-то, заглядывает в наши окна. Видимо, на уме у нее что-то недоброе. Не могли бы вы пойти туда и выяснить, что ей тут понадобилось?

— Немедленно займусь этим делом.

— Будь я на вашем месте, я бы арестовал ее по подозрению. До свидания.

— Доброй ночи, мистер Муллет.

И Муллет в приподнятом настроении, которое всегда наступает после похвального дела, бодро двинулся вниз. А офицер Гарроуэй, помахивая дубинкой, задумчиво стал подниматься вверх на крышу.

3

Мнимую сыщицу между тем перестала удовлетворять политика бдительного наблюдения. Она не сомневалась, что тень, мелькнувшая на шторе, принадлежит молодой женщине, и инстинкт подсказывал ей, что очень скоро в квартире на Вашингтон-сквер начнут бурлить события. Уж конечно, человек, которого она расспрашивала, предупредил эту особу о ее посещении, и теперь та, скорее всего, уже улизнула. Но она вернется. Тут вопрос терпения, только и всего.

Но с крыши надо уйти. Крыша — первое место, которое кинется осматривать виновная пара. А найдут крышу пустой, и страхи их улягутся. Самый верный стратегический ход — спуститься вниз и караулить на улице.

Она уже намеревалась уйти и даже сделала шаг к лестничной двери, когда внимание ее привлек легкий скрип, и с удивлением она увидела, что

дверь эта открывается.

Приотворилась она дюймов на шесть и от порыва ветра захлопнулась снова. Чуть спустя опять раздался скрип, и опять дверь приоткрылась. Очевидно, страдая от утраты десяти долларов, слуга забыл ее запереть.

Миссис Уоддингтон застыла, подошла на шаг ближе, приоткрыла стеклянную дверь и заглянула в темноту. В комнате было пусто, но женщиной миссис Уоддингтон была осторожной.

— Эй, уважаемый!

Никто не отозвался.

— Я хотела бы с ва-а-ами поговорить…

По-прежнему тихо. Миссис Уоддингтон прибегла к самому крепкому испытанию.

— Хочу вернуть вам десятку.

И снова тихо. Теперь она убедилась, что в комнате действительно никого нет. Переступив порог, она ощупью, по стенке, двинулась в поисках выключателя. И тут до нее сквозь вибрирующую темноту донеслось… нет, донесся…

Запах супа!

Миссис Уоддингтон замерла, будто собака, сделавшая стойку. Хотя, сидя в вестибюле «Ритц Карлтона» с лордом Ханстэнтоном, она оставалась невосприимчивой к благоухающим

ароматам, так сильно действовавшим на его светлость, она тоже была человек. Давно миновал обычный час ее обеда, а когда речь шла о еде, она была женщиной устоявшихся привычек. Еще на крыше она ощущала какое-то томление, а теперь поняла, уже вне всяких сомнений, что голодна, и задрожала с головы до пят. Запах супа взывал к самым глубинам ее существа, будто голос старой-старой любви.

Двигаясь вперед словно в трансе, она, все так же ощупью, по стенке, добралась до открытого проема двери, ведущей, по всей видимости, в коридор. Здесь, вдали от окна, темнота совсем уж сгустилась, но если видеть она не могла, то запах очень даже ощущала, так что другой поводырь, кроме собственного носа, ей и не понадобился. Миновав коридор, миссис Уоддингтон принюхалась у открытой двери, и в нос ей шибанул столь сильный аромат, что у нее чуть голова не закружилась. Теперь запах стал многослойным, и преобладал в нем мотив гренок с сыром. Миссис Уоддингтон нащупала выключатель, надавила кнопку и увидела, что она на кухне, а там, над кастрюлькой на плите, маревом зыбился пар.

Выпадают моменты, когда даже самые целеустремленные женщины позволяют себе

отклониться от главной цели. Миссис Уоддингтон достигла стадии, когда суп показался ей самым важным — а может, и единственно важным — в жизни. Она сняла крышку, и мясной дух защекотал ей ноздри, словно поцелуй.

Глубоко вдохнув, она налила супа в тарелку. Отыскала ложку. Хлеб. Соль. Перец.

И, когда она любовно окропляла суп перцем, голос позади произнес:

— Вот я тебя и сцапал!

4

Мало что могло оторвать внимание миссис Уоддингтон от тарелки. Землетрясение, например, могло бы. Или взрыв бомбы. Но этот голос оторвал мгновенно. С резким вскриком она обернулась; сердце у нее скакало, будто бы исполняя танец Южных морей, популярность которого она всегда находила достойной сожаления.

В дверях стоял полисмен.

— То есть я вас арестовал, — поправился он, сильно расстроенный тем, что в возбуждении от встречи опять оплошал, нарушив чистоту слога.

В карман за словом миссис Уоддингтон никогда не лезла, но теперь все слова куда-то порастерялись. Она стояла молча и прерывисто дышала.

— Вы уж простите, — любезно продолжал полисмен, — но будьте любезны последовать за мной. Мы избежим множества неприятностей, если вы пойдете спокойно.

Оцепенение от шока у миссис Уоддингтон потихоньку рассасывалось.

— Я могу все объяснить! — закричала она.

— У вас будут все возможности сделать это в полицейском участке, — отвечал полисмен. — В ваших же собственных интересах я бы посоветовал вам до тех пор говорить как можно меньше. Должен предупредить вас, что я, исполняя свой долг, запишу все ваши слова. Видите, блокнот и карандаш у меня наготове.

— Я не сделала ничего дурного…

— Это решать судье. Едва ли стоит указывать, что одно ваше присутствие в чужой квартире — и то по меньшей мере двусмысленно. Вы проникли через стеклянную дверь — действие это квалифицируется как взлом и вторжение. Более того, вы присваиваете собственность владельца квартиры, а именно — суп. Боюсь, вам придется сопровождать меня.

Миссис Уоддингтон начала было в отчаянной мольбе ломать руки, но внезапно почувствовала, что жесту этому мешает какое-то препятствие.

Вдруг она увидела, что по-прежнему сжимает в руках перечницу. Пышной розой расцвела неожиданно пришедшая мысль, и чело ее просветлело.

— Ха! — воскликнула она.

— Простите? — переспросил полисмен.

Все в мире, даже самое незначительное происшествие, про которое мы всего лишь прочитали, предназначено, как убеждают нас философы, вооружить нас для битв жизни. Согласно этой теории, совсем не случайно несколькими днями раньше миссис Уоддингтон прочитала и подсознательно запомнила статейку о краже со взломом у некоего выдающегося гражданина Уэст-Оринджа, штат Нью-Джерси. Статья была специально послана в помощь ей.

Мелкие детали этого события в памяти ее не удержались, но одна характерная черта вспомнилась сейчас с силой озарения, посланного свыше. Загнанный в угол негодующим владельцем дома, взломщик умудрился удрать, применив нехитрое средство: швырнул две унции перца в лицо хозяину.

Раз уж это сумел заурядный и, скорее всего, необразованный взломщик, то такая женщина, как она, — почетный президент двадцати трех

благотворительных обществ и хорошо известный лектор (тема — воспитание детей) уж как-нибудь справится. Жеманно потупясь, она принялась лихорадочно отвинчивать крышечку перечницы.

— Поймите, — умоляюще продолжал полисмен, — мне крайне неприятно…

И оказался прав. «Неприятно», как он понял минуту спустя — слово самое точное, его выбрал бы и педантичный стилист. Вселенная вдруг взорвалась огромным облаком перца. Перец щипал ему рот, перец забил ноздри, перец ел глаза и припорошил адамово яблоко. Секунду Гарроуэй слепо дергался, а потом, схватившись за стол, принялся чихать, как заводной.

Под звуки титанического чихания миссис Уоддингтон с грохотом неслась в потемках, пока не достигла стеклянной двери и, галопом промчавшись по крыше, не метнулась к пожарной лестнице.

5

Единственной ее политикой, или планом действия, было смутное желание удрать куда подальше от представителя закона, пока тот не прочихался и, открыв глаза, не начал оглядываться. Но когда нога ступила на первые перекладины

лестницы, у нее начали складываться замыслы постройнее. Пожарная лестница, если спускаться по ней достаточно долго, ведет на землю, и она решила выбраться туда по ней. Однако, спустившись до девятого этажа и глянув вниз, обнаружила, что данная лестница выходит не в какой-то проулок, а на ярко освещенную веранду ресторана.

Зрелище это вынудило ее остановиться, и даже, если уж быть точным, окоченеть на месте. Разволновалась она не напрасно. Тем из читателей этой хроники, которым доводилось швыряться перцем в лицо полицейскому, а потом удирать по пожарной лестнице, прекрасно известно, что у пожарных лестниц, хотя они и считаются недурным средством спасения, есть один дефект — уж очень они на виду. В любой момент, опасалась миссис Уоддингтон, полисмен может подойти к краю крыши и заглянуть вниз, а обдурить его, прикинувшись мусорным баком или молочной бутылкой, как она прекрасно понимала, актерских способностей у нее не хватит.

Инстинкт самосохранения не только обостряет находчивость, но и притупляет нравственную разборчивость. Это и случилось с миссис Уоддингтон. Ее обострившийся интеллект в один

миг подсказал: если она влезет в окно, рядом с которым сейчас стоит, то скроется от любопытных глаз. Притупленная же нравственность отказывалась вспоминать, что такое действие равносильно, как объяснял деликатный полисмен, взлому и вторжению, а значит, достойно порицания. Один взлом и одно вторжение она уже сегодня совершила, но аппетит, как известно, приходит во время еды. Словом, через несколько секунд миссис Уоддингтон опять пробиралась ощупью в потемках по чьей-то чужой квартире.

Ощутимый запах жира, капусты и влажных полотенец подсказал ей, что крадется она по кухне. Темнота была такой непроглядной, что она ничего не различала. Единственное, что она могла сообщить определенно про эту кухню, — в ней есть метла. Уверенность основывалась на том факте, что миссис Уоддингтон только что наступила на нее и ручка больно стукнула ее по лбу.

— У-ух! — не удержавшись, вскрикнула несчастная женщина.

Никаких комментариев высказывать она не намеревалась — тому, кто крадется по чужой кухне, следует сохранять молчание и не терять бдительности; но внезапная боль была столь острой, что вскрик вырвался невольно. К своему

ужасу миссис Уоддингтон обнаружила, что он услышан! В потемках раздался странный звук, будто кто-то вынимает пробку, и неприятный гортанный голос осведомился:

— Кто там?

Миссис Уоддингтон застыла. При данных обстоятельствах ей не доставила бы удовольствия даже самая мелодичная речь, хотя нежный, сочувственный голос, несомненно, вызвал бы меньше мук и тревог. Этот же, скрипучий и злобный, явно принадлежал человеку, лишенному всякой жалости. В мыслях миссис Уоддингтон тут же понеслись крупные заголовки:

«ВИДНАЯ ДЕЯТЕЛЬНИЦА НАЙДЕНА УБИТОЙ НА КУХНЕ!»

— Кто там?

«РАСЧЛЕНЕННЫЙ
ТРУП ПОД РАКОВИНОЙ!»

— Кто та-ам?

«ОТРЕЗАННАЯ ГОЛОВА ПРИВЕЛА СЫЩИКОВ НА МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ!»

— Кто та-а-ам?

Миссис Уоддингтон сглотнула.

— Я — миссис Сигсби Х. Уоддингтон, — пролепетала она; и как бы изумился Сигсби, услышь он сейчас жену. Оказывается, она способна говорить с такой приятной кротостью!

— Кто там?!

— Миссис Сигсби Х. Уоддингтон с 79-й стрит и из Хэмс-теда, Лонг-Айленд. Простите, что я так странно…

— Кто там?!?

От досады ужас миссис Уоддингтон чуть ослабел. Глухие всегда раздражали ее; как и большинство властных и нетерпеливых женщин, она твердо придерживалась мнения, что все они прекрасно услышат, если дадут себе труд слегка поднапрячься. Повысив голос, она повторила уже с некоторой холодностью:

— Я уже сообщила вам, я — миссис Сигсби Х. Уоддингтон…

— Возьми орех, — предложил, меняя тему, собеседник.

Зубы миссис Уоддингтон звонко клацнули. Всякие эмоции, владевшие ею, вмиг исчезли, сменившись холодной яростью. Какое унизительное открытие для гордой женщины! Потратить

столько времени на уважительную беседу с попугаем! Скандалу помешало лишь то, что в темноте невозможно обнаружить, где он. Иначе, несомненно, птичке пришлось бы туго.

— Брысь! — Мисси Уоддингтон пришлось ограничиться словесным излиянием. Игнорируя совершенно неуместную и бестактную просьбу — подойти и почесать попочке голову, — она рванулась дальше, на поиски дверей.

После пережитых страхов она стала почти спокойной. Тревога, терзавшая ее несколько минут назад, исчезла; теперь миссис Уоддингтон двигалась энергично и деловито. Отыскав дверь, она ее открыла. За ней тоже лежали потемки, но света, проникавшего через незанавешенное окно, вполне хватило, чтобы она разглядела гостиную. В одном углу стоял диван с высокой спинкой. В другом — письменный стол с двумя тумбами. А на мягком ковре расположились кресла, в одно из которых миссис Уоддингтон при других обстоятельствах с удовольствием бы погрузилась.

На ногах она была уже давненько, но осмотрительность остерегала: «Нельзя поддаваться соблазну. Сейчас время действовать, а не отдыхать». Она повернула к двери, ведущей, предположительно, в холл, а оттуда — на лестницу, к

безопасности. Но не успела открыть ее, как раздалось щелканье ключа.

Миссис Уоддингтон прореагировала стремительно. Странное спокойствие, владевшее ею, сменилось паническим ужасом. Она метнулась обратно в гостиную и, одним вдохновенным скачком подлетев к дивану, прилегла за ним, стараясь не пыхтеть.

— Долго ждали? — осведомился невидимый человек, включая свет и обращаясь к невидимому собеседнику.

Голос ей был незнаком, но другой, ответивший, она знала, и очень даже хорошо, а потому — застыла, едва обуздывая свои чувства. То был голос Ферриса, ее дворецкого, которому, если б он говорил правду, полагалось сидеть у чьей-то постели!

— Некоторое время, сэр. Совсем недолго.

— Почему вы хотели меня видеть?

— Я говорю с мистером Ланселотом Биффеном, главным редактором «Городских сплетен»?

— Да, именно. Выкладывайте, что у вас, да поживее. Через минутку я опять должен убегать.

— Как я понял, мистер Биффен, «Городские сплетни» охотно берут любопытные новости, касающиеся известных членов нью-йоркского

светского общества, и выплачивают солидное вознаграждение. У меня есть такие новости.

— Про кого?

— Про мою хозяйку, миссис Сигсби Х. Уоддингтон.

— А что с ней такое?

— Это долгая история…

— Тогда у меня нет времени.

— Это насчет скандала, помешавшего венчанию падчерицы миссис Уоддингтон…

— Так что, венчание не состоялось?

— Нет, сэр. И обстоятельства, воспрепятствовавшие ему…

Биффен нетерпеливо вскрикнул, видимо, взглянув на часы и поразившись, до чего ж быстро летит время.

— Мне пора! У меня встреча в «Алгонкине» через четверть часа. Приходите завтра в редакцию…

— Боюсь, это будет невозможно, сэр…

— Тогда вот что. Вы когда-нибудь писали?

— Да, сэр. Там, в Англии, я часто писал коротенькие статейки в приходской журнал. Викарий очень их хвалил.

— Тогда садитесь и напишите все своими словами. А я потом отшлифую. Вернусь через час.

Если желаете, подождите.

— Хорошо, сэр. А как насчет вознаграждения?

— Это обсудим позже.

— Хорошо, сэр.

Биффен вышел. Из его спальни донесся приглушенный грохот; видимо, он что-то разыскивал. Потом хлопнула парадная дверь, и на квартиру снова опустилась тишина.

Миссис Уоддингтон все так же лежала, припав к полу. Сразу вслед за уходом Биффена она уже было приподнялась, чтобы предстать перед вероломным дворецким и сообщить ему, что он больше у нее не служит, но новое соображение удержало ее. Да, прельстительно было бы внезапно появиться над спинкой дивана и посмотреть, как съежится под ее взглядом дворецкий, но ситуация — слишком сложная, и нельзя позволить себе такой поступок. Оставшись, где была, она коротала время, пытаясь избавиться от онемения нижних конечностей.

До нее доносилось мягкое поскрипывание пера. Феррис явно усердствовал изо всех сил. Видимо, он, как и Флобер, не щадил трудов в стремлении к абсолютной ясности и мог исправлять до бесконечности. Миссис Уоддингтон уже казалось, что бдению ее конца не предвидится.

Но в суетливом городе вроде Нью-Йорка редко какому творцу позволят сосредоточиться. Резкая дребезжащая трель телефонного звонка вторглась в тишину, и миссис Уоддингтон впервые за долгое время порадовалась: телефон был в коридоре, а не в комнате. Необузданная радость, сродни чувствам заключенного, которому отсрочили смертный приговор, охватила ее, когда она услышала, как поднимается из-за стола дворецкий. Вскоре его размеренный голос доносился издалека, сообщая невидимому собеседнику, что Биффена нет дома.

Страдалица поднялась из-за дивана. В ее распоряжении было секунд двадцать, и она не потеряла понапрасну ни единой. К тому времени, пока Феррис вернулся и вновь окунулся в литературные труды, она уже была на кухне.

Стоя у окна, миссис Уоддингтон оглядывала пожарную лестницу. Теперь-то уж, прикинула она, безопасно снова подняться на крышу. И решила: «Сосчитаю очень медленно до трехсот и рискну».

Глава XV

Молли и Сигсби (который беспрерывно приборматывал «Галлахер, Галлахер, Галлахер», боясь, как бы магическое имя опять не вылетело из памяти) выехали в двухместном автомобиле через четверть часа после отъезда миссис Уоддингтон. На полпути к Нью-Йорку, однако, спущенная шина остановила их продвижение, а неумелость Сигсби задержала еще дольше. Добравшись наконец до Нью-Йорка, Молли высадила отца у полицейского управления и к дому «Шеридан» подъехала, когда миссис Уоддингтон уже совершила опрометчивый поступок, расстроивший офицера Гарроуэя.

Поспешно поднявшись по лестнице, Молли позвонила в квартиру Джорджа. Некоторое время ей казалось, что звонок не нашел отклика, но через несколько минут в коридоре раздались шаги. Дверь открылась, и на Молли уставились воспламененные глаза полисмена.

Она с удивлением смотрела на него. Никогда прежде она не видела этого человека, и у нее мелькнуло чувство, что она предпочла бы не видеть его и сейчас. Нос, глаза и уши у него ярко

пламенели, со спутанных волос капала вода. Чтобы ослабить жжение, Гарроуэй какое-то время держал голову под краном и теперь выглядел точь-в-точь как труп, который извлекли из реки после нескольких дней пребывания в воде. Мелкое отличие состояло в том, что он чихал.

— Что вы тут делаете? — воскликнула Молли.

— А-апчхи!

— Что? — переспросила Молли.

С благородством, заслуживавшим продвижения по службе, полисмен подавил новый чих.

— Грубое насилие, — сообщил он.

— Мистер Финч не пострадал? — всполошилась Молли.

— Он — нет. Я — да.

— А кто вы?

— Гар-оо-чхи… чхи…

— Как?

— Гар-иш-чхи-и-и… Гарроуэй! — чуть успокаиваясь, сумел выговорить полисмен.

— А мистер Финч где?

— Не могу сказать, мисс.

— У вас что, простуда?

— Нет, мисс, не про… — чх-упчх-апчхи! Женщина швырнула мне в лицо перцем.

— Не надо водить знакомства с такими особа-

ми, — строго попеняла Молли.

Несправедливость укора ужалила Гарроуэя.

— Она мне не знакомая! Я ее арестовывал.

— А, понятно.

— Она вторглась в чужую квартиру.

— О господи!

— А когда я довел до ее сведения, что вынужден арестовать ее, она взяла да и швырнула мне перцем в лицо! И сбежала!

— Ах вы бедняга!

— Спасибо, мисс, — признательно отозвался Гарроуэй. Человеку всегда приятно сочувствие, а уж тем более от молодой прелестной девушки, глядящей на вас огромными голубыми глазами. Именно в эту минуту офицер почувствовал явное улучшение.

— Принести вам что-нибудь? — осведомилась Молли.

— Нет, мисс, — печально покачал он головой. — Это противозаконно. Вообще-то я должен участвовать в облаве сегодня вечером. Там, в ресторане, продают спиртные напитки.

— Нет, я имела в виду — из аптеки что-нибудь. Скажем, мазь…

— Спасибо, мисс, не смею доставлять вам такие хлопоты. Я сам загляну в аптеку по пути в уча-

сток. А сейчас я вынужден оставить вас, мне надо одс… пчх… а-апчхи!

— Что-что?

— Одеться, мисс.

— Да вы одеты!

— Для рейда, о котором я только что упомянул, необходим полный вечерний костюм… пчхи… апчхи! Чтобы обмануть служащих ресто… пчхи!.. усыпить их бдительность. Ничего не получится, если мы нагрянем туда в полицейской форме. Сразу насторожатся.

— Ой, как интересно! А в каком ресторане будет облава?

— Видите ли, мисс, — заколебался офицер Гарроуэй, — это служебный секрет, но если вы никому не скажете — обла… пчхи… а-пчхи! — будет в «Лиловом цыпленке». Это здесь, за углом. Так что пожелаю вам, мисс, доброй ночи, а мне пора бежать.

— Минуточку! Я ведь пришла к мистеру Финчу! Вы его не видели?

— Нет, мисс. Никто не заходил в квартиру, пока я был тут.

— Тогда я подожду. Доброй ночи. Надеюсь, вам станет получше.

— Мне уже лучше, мисс, — галантно сообщил

Гарроуэй, — благодаря вашему сочувствию. Доброй вам… апчхи-и! — ночи, мисс.

Молли, выйдя на крышу, встала там, глядя на миллионы переливающихся огней. На такую высоту голос Нью-Йорка доносился едва слышным шепотом. Воздух был прохладен и душист. Легкий ветерок шелестел кустами в горшках, за которыми с таким рвением ухаживал Муллет. Укоризненно сиял полумесяц, словно понимая, что предстает он не в самом выгодном свете. Как и Сигсби Х. Уоддингтону (гонявшемуся сейчас за третьим Галлахером), луне, чтобы выразить себя, нужны широкие просторы.

Молли, однако, не увидела в серебристом сиянии повода для критики. К луне она испытывала собственнический интерес. То была ее личная, персональная луна, она должна была бы светить сейчас в окошко поезда, уносящего ее в свадебное путешествие. В том, что путешествие пока что откладывалось, луна ни капельки не виновата. Глядя на светило, несчастная невеста попыталась продемонстрировать своим поведением, что воспринимает все правильно.

Именно тогда в покой ночи ворвалось приглушенное восклицание, и, обернувшись, Молли увидела Джорджа.

Джордж стоял в лунном свете, поедая ее оловянными глазами. Хотя фигурка перед ним обладала всеми признаками Молли и хотя опрометчивый наблюдатель с ходу признал бы — да, это Молли и есть, казалось настолько невозможным, чтобы она очутилась здесь, что Джордж решил — он страдает галлюцинациями. Видимо, его подкосило нервное напряжение такого тяжелого дня, доведя до того состояния, в каком находится путник, которому мерещатся миражи. Поэтому он остался стоять, где стоял, не смея шевельнуться. Ему ведь было известно, что стоит дотронуться до человека во сне — и он исчезает.

У Молли склад ума был более практичный. Она двадцать миль проехала ради того, чтобы увидеть Джорджа, прождала его уйму времени, и вот он наконец-то здесь! Тогда она совершила самый разумный поступок — слегка вскрикнув от восторга, скакнула к нему, словно кролик.

— Джордж! Мой дорогой!

Человек учится, пока живет. Джорджу стало ясно, что он здорово промахнулся; надо пересмотреть все эти предвзятые идеи насчет того, что может и чего не может произойти во сне. От прикосновения Молли не исчезла, а наоборот, с каждой секундой становилась реальнее.

Прикрыв глаза, он нерешительно поцеловал ее. Потом открыл их. Молли по-прежнему стояла рядом.

— Так это и правда ты? Наяву?

— Да, это я, наяву.

— Как же… Что?..

Уровень интеллекта у него был вполне приличный, и тут до него дошло, что он портит золотой миг бессмысленной болтовней. Он прекратил всякие расспросы, и на крыше воцарилось молчание. Луна смотрела сверху, весьма довольная. Не очень-то большой интерес рассматривать огромный город. Вот такое зрелище куда приятней. Единственное зрелище, если подумать, ради которого и стоит светить.

Джордж прильнул к Молли, а Молли прильнула к Джорджу, точно двое уцелевших после кораблекрушения, случайно встретившиеся на омываемом волнами берегу. Забытый мир уходил от них все дальше и дальше.

Но мир никогда не позволяет забывать о себе надолго. Вдруг Джордж оторвался от Молли, вскрикнул, подбежал к стене и взглянул вниз.

— Что случилось?

Успокоенный, Джордж вернулся. Тревога оказалась ложной.

— Мне показалось, что я увидел кого-то на пожарной лестнице.

— На пожарной лестнице? Кто ж там мог быть?

— Подумал, может, сосед с этажа ниже. Пренеприятный тип. Очень любопытный, вечно всюду сует нос. Некий Ланселот Биффен. Он и раньше сюда захаживал. Редактор «Городских сплетен». Меньше всего нам нужно, чтоб он за нами подсматривал.

— А ты уверен, — тревожно спросила Молли, — что его там не было?

— Абсолютно.

— Если кто увидит меня здесь…

Джордж выругал про себя чересчур живое воображение, которому почудился темный силуэт на фоне летнего неба. Разрушил сам золотой миг, и его уже не вернуть.

— Не пугайся, дорогая. Даже если он и видел тебя, то ни за что не догадается, кто ты.

— Ты хочешь сказать, что ему не в диковинку, что ты кого-то целуешь?

Джордж пребывал в том расположении духа, когда человек не вполне отдает себе отчет, что он говорит, но он был уверен, что ничего подобного не имел в виду, и язык у него узлом заплетался,

когда он попытался выразить это тремя разными способами.

— Да-а, после того, что произошло сегодня днем… — протянула Молли.

И отодвинулась. Она была доброй, но общеизвестно, что любая особа женского пола обожает помучить мужчину, которого любит. Женщина может быть ангелом милосердия, исцеляя муки и страдания, но если ей выпал случай кольнуть возлюбленного и понаблюдать, как тот корчится в муках, она этого случая не упустит.

Язык казался сейчас Джорджу клубком шерсти, с которым вдосталь наигрался котенок. Огромными усилиями он расправил два-три главных узла, чтобы произнести хоть что-то.

— Клянусь тебе… — начал Джордж, настолько увлекшись эмоциями, что даже пылко вскинул кулак к луне.

Молли замурлыкала от наслаждения. Она просто обожала смотреть на него, когда он бывал особенно смешным, а уж смешнее, чем сейчас, он еще никогда не выглядел.

— Клянусь тебе чем хочешь, я в жизни не видел этой чертовой девицы!.

— А она прекрасно тебя знает!

— Для меня она — абсолютная, совершенная

незнакомка! Целиком и полностью!

— Ты уверен? Может, просто забыл о ней?

— Клянусь, — повторил Джордж, удержавшись в последнюю секунду, чтоб не прибавить — «этой луной!». — Если хочешь знать…

— Да! Очень-очень!

— Так вот, я думаю — она ненормальная. Совершенно безумная особа!

Молли решила, что мучение длилось достаточно долго. Девушки с поразительной точностью умеют рассчитывать время пытки. Мучения в меру мужчинам на пользу — они подстегивают их, позволяют поддерживать активную и энергичную форму. Но слишком много — это тоже перебор.

— Джордж, бедняжечка мой! — проворковала она. — Неужели ты хоть на миг мог подумать, будто я поверила хоть единому слову из того, что она наговорила?

— Что! Ты не поверила?

— Конечно нет!

— Молли! — Теперь Джордж аккуратно взвешивал слова. — Ты самая милая… самая добрая… самая прекрасная, самая совершенная девушка на свете!

— Конечно. Видишь, как тебе повезло!

— Ты ведь сразу поняла, что она — сумасшедшая! Сразу раскусила, что она одержима какой-то манией…

— Ничего я такого не поняла! Сначала я совсем растерялась, но потом пришел папа и сказал, что исчезло мое жемчужное ожерелье.

— Твое жемчужное ожерелье? Исчезло?!

— Девица стащила его. Она воровка. Разве ты еще не понял? Все подстроено, и очень хитро. По-другому заполучить его она не могла. А вот так, ворвавшись, крича всякую чепуху, она, естественно, отвлекла внимание от свадебных подарков. Потом притворилась, будто хлопнулась в обморок на стол, схватила ожерелье и быстренько сбежала. Никто даже и не догадался, что же произошло на самом деле.

Джордж присвистнул. Кулаки у него сжались. Он враждебно уставился на куст в горшке, точно тот нанес ему личное оскорбление.

— Если я когда-нибудь встречу эту…

— А вот мама, — расхохоталась Молли, — все еще говорит, будто ты знал ее и ее история — правда, а ожерелье она стянула по пути. Забавно, а?

— Забавно, — горько заметил Джордж, — не то слово. Из-за твоей мачехи я хохочу без остановки, с самого начала. Она заслуживает, чтоб ей как

следует дали дубинкой по голове. Если хочешь знать, что я думаю об этой заразе, об этой каре небесной, которая ухитрилась прицепиться к вашей семье и отравить всем жизнь, позволь мне начать с того, что… Однако сейчас не время…

— И правда. Мне пора возвращаться.

— О, нет!

— Да. Надо ехать домой и упаковываться.

— Упаковываться?

— Возьму только один чемодан.

Вселенная вокруг Джорджа бешено завращалась.

— То есть — ты что же, уезжаешь? — упавшим голосом выговорил он.

— Ну да! Завтра.

— О господи! Надолго?

— Навсегда. С тобой.

— Со?..

— Конечно! Разве ты не понял? Сейчас я еду домой уложить чемодан. Потом вернусь в Нью-Йорк, переночую в отеле. Завтра мы рано утром обвенчаемся и днем уедем. Совсем одни.

— Молли!

— Взгляни на эту луну. Сейчас ей полагалось бы светить в окошко нашего поезда.

— Да.

— Ну что же, завтра вечером луна будет не хуже!

Джордж облизал губы. Что-то щекотало ему нос, а в груди разрастался непонятный нарост, затрудняя дыхание.

— А полчаса назад я думал, что никогда не увижу тебя.

— Пойдем, спустимся. Проводи меня до машины, — отрывисто сказала Молли. — Я поставила ее у дверей.

Они спустились по лестнице. Из-за эксцентричных повадок лифта Джорджу частенько приходилось подниматься и спускаться пешком, но только сейчас, впервые, ему бросилась в глаза особенность, отличающая ее от всех других лестниц в многоквартирных домах. Эта была увита розами и жимолостью, на ней вовсю распевали птицы, чего, собственно, не бывает в многоквартирных домах. Странно… И все же, как он незамедлительно понял, так и должно быть!

Молли забралась в свой автомобильчик, а Джордж высказал то, что давно уже вертелось у него на языке.

— Не понимаю, зачем тебе вообще торопиться.

— Как это зачем? Надо упаковаться и уехать до возвращения мамы.

— Так что, эта черте… твоя мачеха в Нью-Йорке?

— Да. Поехала в полицию.

До этой минуты Джордж относился к Нью-Йорку как к городу особенному. В частности, ему очень нравилось, как через уличные плитки пробиваются сейчас фиалки, — но, услышав эту новость, он обнаружил, что город утратил частицу очарования.

— О, она в Нью-Йорке, вот как?

— Сейчас, наверное, едет домой.

— А может, у нас еще есть время пойти куда-нибудь и наскоро пообедать? Уютненький такой, маленький обед в каком-нибудь спокойненьком ресторанчике…

— Господи, нет! Мне и так уже надо поторапливаться. — Молли пристально взглянула на него. — Джордж, милый, ты умираешь от голода! Я вижу. Ты такой бледный и измученный. Когда ты ел последний раз?

— Ел? Когда ел? Не помню уж.

— А что ты делал после скандала?

— Я… Ну, прошелся немножко. Потом сидел в кустах, надеялся, вдруг появишься ты. А потом, наверное, отправился на станцию и сел в поезд.

— Бедняжечка ты мой! Ступай и сейчас же

поешь.

— Почему я не могу поехать в Хэмстед с тобой?

— Потому что не можешь.

— А в каком отеле ты остановишься на ночь?

— Пока не знаю. Но непременно перед этим загляну на минутку к тебе.

— Что, сюда? Ты заедешь сюда?

— Конечно.

— Обещаешь?

— Да, если ты сейчас же пойдешь и пообедаешь. Ты совсем бледный.

— Пообедаю?.. Ну ладно, схожу.

— Обязательно, смотри! Если не пообедаешь к тому времени, как я вернусь, я сразу же уеду домой! И никогда, никогда не выйду за тебя замуж! До свидания, милый. Мне пора.

Автомобиль тронулся и свернул на Вашингтон-сквер. Джордж стоял и долго смотрел ему вслед, когда и смотреть-то уже было не на что, только на пустую улицу; а потом, будто средневековый рыцарь, отправился совершать подвиг во имя своей дамы. Хотя она, разумеется, сильно ошибалась, приказав ему обедать. Единственное, что ему хотелось и что прописал бы ему любой доктор, — вернуться на крышу и любоваться луной. Однако самое пустяковое *ее* желание было для

него законом.

Куда же добраться быстрее всего и выполнить омерзительную задачу с минимальной затратой времени?

В «Лиловый цыпленок», разумеется. Ресторанчик рядом, под боком, и человек целеустремленный, если возьмет комплексный обед за полтора доллара, сумеет побросать в себя всю еду минут за десять, так что луна не истомится в ожидании.

Вдобавок в «Цыпленке» можно раздобыть «то самое», если вас там знают. Джордж, человек молодой и умеренный, чувствовал, что «то самое» нужно ему позарез. Ему, конечно, следовало бы наслаждаться золотистым нектаром из старинного хрустального бокала, но раз уж его под рукой нет, придется довольствоваться виски, поданным в обычном кофейнике.

Глава XVI

1

В «Лиловом цыпленке», судя по всему, был наплыв посетителей. Внутренний зал, когда Джордж заглянул туда, был битком набит, шанса найти столик — ни малейшего. Джордж прошел дальше, надеясь отыскать укромное местечко на веранде или в саду, мимоходом подивился атлетическому сложению многих посетителей.

Обычно в «Цыпленке» собиралась богема из близлежащих кварталов, мускулатурой не блиставшая. Столики занимали в основном худосочные поэты да изящные художники-футуристы. Сегодня поэтов с художниками хватало, но их затмевали гранитолицые мужчины с могучими плечами и квадратными челюстями. Джордж решил, что в Нью-Йорке проходит конференция и это ее участники из других штатов, решившие вечерком поглазеть на богему.

Однако особо задумываться над этим не стал, потому что, подстегнутый видом еды, начал понимать, что Молли была права — женщины ведь всегда правы: хотя высшее его «я» требовало

луны, более низменное почти с той же настойчивостью стремилось подкрепиться. А в этом ресторанчике счастливо сошлись возможности удовлетворить желания обоих «я»: над мощеным задним двором, именуемым здесь садом, вовсю сияла луна, прекрасно видная, самая что ни на есть подлинная, и стояли наготове официанты, горя рвением подать обед за полтора доллара.

Комбинация показалась Джорджу исключительно удачной, и теперь его заботило одно — как бы разыскать местечко. На первый взгляд и тут все столики были заняты.

Впечатление подтвердил и второй. Зато у стены дома «Шеридан», в нескольких шагах от пожарной лестницы, Джордж углядел столик, за которым сидел всего один человек. К нему он и подошел, виновато улыбаясь. Обычно ему не нравилось делить столики с незнакомцами, но если альтернатива — уход отсюда и долгие розыски другого ресторана, то и с соседством можно смириться.

— Простите, сэр, — проговорил Джордж. — Вы не возражаете, если я сяду за ваш столик?

Человек, поглощенный до того poulet rôti aux

pommes de terre и salade Bruxelloise[25], вскинул на него глаза. Судя по его телосложению, он тоже был участником конференции из другого штата. Он возвышался над столиком, точно великан из цирка, и руки, сжимавшие нож и вилку, отличала мощь, какую Джордж заметил и у других обедавших. Однако была и разница — взгляд. У тех он был стальной и недружелюбный; такие глаза водитель автоматически связывает с дорожной полицией, а профессиональный вор — с профессиональными сыщиками. Этот же смотрел ласково, глаза его можно было бы назвать даже красивыми, если б их не портили красные ободки вокруг век и общий, несколько воспаленный, вид.

— Ничуть не возражаю, сэр, — отозвался он на вежливую просьбу.

— Что-то сегодня народу многовато.

— Да, немало.

— Значит, если не возражаете, я тут и устроюсь?

— Всегда рад.

Джордж огляделся, ища официанта, и обнаружил одного у своего локтя. Как ни переполнен

---

[25] Сноски: 25

Цыпленок с картошкой. Брюссельский салат *(фр.)*.

был «Цыпленок» постоянными клиентами, прислуга их знала, а Джордж уже несколько месяцев регулярно посещал этот ресторан.

— Добрый вечер, сар, — приветствовал его официант улыбкой, некогда разбившей немало сердец в Италии.

— Добрый вечер, Джузеппе, — отозвался Джордж. — Возьму обед.

— Да, сар. Зуп-пюре или пульон?

— Пюре. Многовато сегодня клиентов, Джузеппе.

— Да, сар. Полно. Хороший бизнес.

— Официант, похоже, вас знает, — заметил его сотрапезник.

— О, да. Я частенько сюда забегаю.

— Ага… — задумчиво отозвался другой.

Прибыл суп, и Джордж жадно набросился на него. Его сосед с чудовищным аппетитом поедал спагетти.

— Вы первый раз в Нью-Йорке? — поинтересовался после паузы Джордж.

— Вообще-то нет. Я тут живу.

— А-а. Я думал, вы из другого штата.

— Нет, сэр. Живу прямо тут, в Нью-Йорке.

Престранная мысль, что он уже где-то видел этого человека, мелькнула у Джорджа. Да, теперь

он мог бы поклясться, что видел и долговязую фигуру, и выпирающее адамово яблоко, и это доброе выражение лица. Он покопался в памяти. Но нет, ничто не ворохнулось в ее глубинах.

— У меня странное чувство, будто мы уже встречались, — поделился Джордж.

— Мне и самому так показалось.

— Моя фамилия Финч.

— А моя — Кабо. Деланси Кабо.

Джордж покачал головой.

— Нет, не знаю.

— А я вот вашу знаю. Слышал ее, но никак не припомню — где.

— Вы в Гринвич-Виллидж живете?

— Немного дальше. В центре. А вы?

— А я на верхнем этаже вот этого самого дома. Позади нас.

Внезапный свет узнавания, заметил Джордж, осветил лицо его собеседника.

— Вспомнили, где мы встречались?

— Нет, сэр. Нет-нет! — заспешил тот. — Совсем из памяти вон. — Он отхлебнул ледяной воды. — Однако вспоминается, что вы как будто художник?..

— Правильно. А вы тоже художник?

— Я — поэт.

— Поэт? — Джордж постарался скрыть естественное удивление. — А где вы печатались?

— Пока что, мистер Финч, я еще ничего не опубликовал, — печально признался тот.

— Вот незадача! Я тоже не продал еще ни одной картины.

— Н-да, паршиво.

И они взглянули друг на друга добрыми глазами, два страдальца, две жертвы дурного вкуса публики. Возник Джузеппе, неся блюдо с яблочным пирогом в одной руке и poulet rôti[26] в другой.

— Джузеппе! — окликнул его Джордж.

— Сар?

Джордж приблизил губы к внимательному уху официанта.

— Тш-пш, пш-тш, — зашептал он.

— Да, сар. Слушаю, сар. Один момент!

Джордж удовлетворенно откинулся на спинку стула. И тут ему подумалось, что, пожалуй, он допустил маленькую невнимательность. Конечно, красноглазый — ему не гость, но все-таки они соседи по столику и близки по духу; обоим известно, каково это — трудиться на ниве искусства

---

[26] Сноски: 26
Жареная курица (*фр.*).

без всякой поддержки или должной оценки.

— А может, и вы присоединитесь? — предложил он.

— Присоединюсь? К чему, сэр?

— Выпьете виски? Джузеппе сейчас принесет.

— Вот как? А разве в этом ресторане можно приобрести алкогольные напитки?

— Легче легкого, если вас тут знают.

— Это же противозаконно?

— Ха-ха-ха! — весело рассмеялся Джордж. Ему нравился этот приятный, забавный парень. — Ха-ха! А вы шутник!

И он с искренним дружелюбием взглянул на соседа. Так смотрят на незнакомца, у которого вдруг открылось недюжинное чувство юмора. А взглянув внимательно, Джордж окаменел.

— О господи!

— Сэр?

— Ничего-ниче Жареная курица (фр.). го!

Память, несколько подзадержавшись по пути, все-таки достигла цели. Человек этот совсем не чужой! Теперь Джордж вспомнил, где видел его. На крыше «Шеридана»! Одетый в полицейскую форму, тот остерегал его, сообщая о прискорбном прошлом Фредерика Муллета. Этот человек — коп! А он только что, прямо на его обведенных

красным глазах, заказал виски!

— Я, конечно, шутил, — нервно хохотнул Джордж. — Сами понимаете…

— Насчет чего, мистер Финч?

— Да когда сказал, будто тут легко получить спиртное. Джузеппе мне имбирный эль принесет, и всего-то!

— О-о, правда?

— И зовут меня не Финч, — нес Джордж, — а… э… Брискетт. И живу я не в той квартире, наверху. Я живу…

Сбоку подоспел Джузеппе. Вел он себя до того заговорщицки и так хитро подал высокий бокал и кофейник, что похож был, ни дать ни взять, на служителя Черной Руки, плетущего заговоры против общественного блага.

— А-а, мой имбирный эль? — прочирикал Джордж. — В кофейнике ведь имбирный эль? Да?

— Да, сар. Имбирный эль. Эль! Ха-ха-ха! Вы такой забавник джентльман, мистер Финч! — одобрительно прибавил Джузеппе.

Джорджу захотелось лягнуть его как следует. Если все современные итальянцы таковы, ничего удивительного, что Италии потребовалась диктатура.

— Унесите его! — дрожащим голосом приказал он. — Я не хочу, чтоб подавали в кофейнике.

— Но, мистер Финч, виски мы всегда подать в кофейнике. Вы сами знаете!

Взглянув через стол, Джордж пришел в смятение. Долговязая фигура соседа, будто разматывая и разматывая кольца, поднималась все выше, а на лице у него возникло странное выражение решимости и угрозы.

— Вы…

В продолжении Джордж не сомневался: «арестованы!» Но слово так и не прозвучало. В неожиданном припадке безумия Джордж кинулся действовать. При обычных обстоятельствах склонности к буйству он не проявлял, но сейчас выручить могло только буйство. В мозгу у него пронеслась картинка того, что случится, если он не примется действовать быстро и решительно. Его арестуют, упрячут за решетку. А Молли никто не встретит, хуже того — никто на ней не женится завтра!

Джордж не колебался ни секунды. Уцепив скатерть, он рывком сдернул ее. Вихрем взлетели яблочный пирог, ледяной чай, хлеб, картошка, салат, poulet rôti. Высоко взметнув скатерть, словно тореадор на арене, он опустил ее на го-

лову полисмена. Со всех сторон посыпались заинтересованные возгласы. Ресторанчик был не чопорный, в нем всегда царил дух богемного веселья, но даже здесь все это вызвало живейший интерес. Четверо обедавших счастливо расхохотались, пятый воскликнул: «У-ух! Наддай жару!», шестой призвал: «Нет, вы только взгляните!».

В нью-йоркской полиции лодырей нет. Полицейские могут вести себя тихо, но от дела не отлынивают. Цепкая рука выпросталась из-под скатерти и ухватила Джорджа за плечо. Другая цепкая рука зависла над его воротничком. Пальцы первой сжали крепче.

Джордж был не в том настроении, чтобы терпеть подобные выходки. Он ударил, и попал по чему-то крепкому.

— Casta dimura salve e pura! Молодец! Врежь ему еще! — посоветовал Джузеппе, смекнувший, что человек под скатертью не из тех, кто принимает интересы «Цыпленка» близко к сердцу.

Джордж совету последовал. Скатерть заволновалась еще пуще. Рука с его плеча упала.

В этот момент из внутреннего зала донеслись нестройные крики и погас свет.

Лучшего Джордж и желать не мог. Темнота как раз отвечала его интересам. Скакнув к пожарной

лестнице, он взобрался на нее с такой же прытью, с какой миссис Уоддингтон недавно спускалась, добрался до крыши и, приостановившись на минутку, вслушался в суматоху внизу. Потом, разобрав сквозь грохот и шум на лестнице, что по ней кто-то взбирается, сиганул к спальной веранде и нырнул под кровать. Искать убежища в квартире, понимал он, бесполезно. Это первое место, куда кинется его преследователь.

Джордж затаил дыхание. Шаги приблизились. Дверь открылась, вспыхнул свет.

2

Предполагая, что люди, которые забираются по пожарной лестнице, преследуют его, Джордж допустил вполне простительную ошибку: в силу самых разных обстоятельств бегство его из «Цыпленка» прошло незамеченным.

Во-первых, когда Гарроуэй уже выпутывался из складок скатерти, Джузеппе с преданностью хозяевам, достойной всяческих похвал, хватил его кофейником в глаз, что снова затуманило взор полисмена. А пока в голове у него прояснялось, погас свет.

Одновременно луна, явно выступавшая на стороне Джорджа, унырнула за густое облако, где

и схоронилась. А потому ни один человеческий глаз не наблюдал, как спасался бегством наш герой.

Шаги же, которые он услышал на пожарной лестнице, принадлежали молодой паре, на уме у которой, как и у него самого, было одно — убраться подальше. Ни малейшей враждебности к Джорджу у них и в мыслях не было. Напротив, заметь они его, только бы поторопили и пожелали удачи. Ведь то были мадам Юлали и Дж. Хамилтон Бимиш собственной персоной.

Хамилтон с невестой прибыл в ресторан через несколько минут после Джорджа и, как и Джордж, обнаружили, что столики заняты все до единого.

Однако, в отличие от Джорджа, он не смирился с ситуацией безропотно и покорно. Пустив в ход всю силу своего величия, он вызвал из небытия добавочный столик, который поставили и накрыли в уютном местечке, на границе внутреннего и внешнего залов.

У места этого на первый взгляд было много недостатков. Часто пробегавшие официанты неизменно спотыкались о стул Бимиша, что особенно неприятно, когда человек пытается разговаривать с любимой девушкой. Но близился момент, когда все недостатки поблекли в срав-

нении со стратегическими преимуществами. В минуту, когда облаву объявили, можно сказать, официально, Хамилтон наливал даме сердца то, что у администрации сходило за шампанское. Но любезному его жесту помешали: тяжелая рука легла ему на плечо и грубый резкий голос сообщил, что он арестован.

Последовал ли бы Хамилтон пылкой тактике Джорджа Финча, закутавшего полисмена в скатерть, а потом ударившего его, останется неведомым, поскольку необходимость подобных действий была устранена внезапно погасшим светом. И вот в этот-то момент и раскрылись все преимущества его месторасположения.

До пожарной лестницы было всего несколько шагов. Хамилтон, схватив невесту за руку, быстро потащил ее туда и, поставив на нижнюю перекладину, так энергично подтолкнул вверх, что неправильных толкований возникнуть не могло. Через секунду мадам Юлали поспешно карабкалась к крыше, а Хамилтон поспешал за ней по пятам.

Достигнув конца пути, они встали рядом, глядя вниз. Свет в «Цыпленке» все еще не зажегся, из темноты доносился галдеж, свидетельствующий, что неведомые личности обходятся весьма гру-

бо с другими неведомыми личностями. Мадам Юлали сочла, что они удачно удрали оттуда, что и высказала.

— Я даже и не подозревала, Джимми, дорогой, как замечательно иметь тебя рядом в минуту опасности! — заявила она. — До чего ж ловко ты выдернул нас оттуда! В жизни такого не видала. У тебя, должно быть, преогромный опыт!

Хамилтон отирал платком куполообразный лоб. Ночь была теплая, а подъем — скоростной.

— Никогда себе не прощу, что подверг тебя таким испытаниям!

— Ну что ты! Это очень весело!

— Ладно, все закончилось благополучно, и слава богу…

— Закончилось ли? — перебила мадам Юлали.

— О чем ты?

Она указала вниз.

— Сюда кто-то поднимается.

— Да! Ты права!

— Что же нам делать? Сбежать по лестнице?

— Вход они, по всей вероятности, охраняют, — покачал головой Хамилтон.

— Тогда — что?

В минуты, подобные этой, и отличишь великий ум. Человек заурядный зашел бы в тупик,

и, конечно, ему пришлось бы потратить уйму драгоценного времени на раздумья. Хамилтон же, единой вспышкой гигантского ума, блестяще решил проблему всего за четыре секунды с четвертушкой.

Взяв невесту под руку, он развернул ее.

— Смотри!

— Куда?

— Туда!

— Что там?

— Это.

— Что — это? — На красивом личике проступило замешательство. — Я не пойму. На чего мне смотреть-то?

— На что мне смотреть, — автоматически поправил Хамилтон и потянул ее через крышу. — Видишь веранду? Это летняя спальня Джорджа Финча. Зайди, закрой дверь, включи свет…

— Но…

— …и частично разденься.

— Что?

— Если кто явится, скажешь, Джордж сдал тебе веранду, и ты как раз переодеваешься, чтобы идти на обед. А я между тем спущусь к себе в квартиру и поднимусь через несколько минут проверить, готова ли ты. — Гордость, вполне объ-

яснимая, обуяла его настолько, что, пренебрегши даже чистотой слога, он опустился до жаргона. — Ну, классный фокус-покус? — в восторге спросил он. — Отпад, а?

Невеста благоговейно взглянула на него. Одно из утешений, которые есть у нас, у людей с интеллектом, — то, что, когда грянет кризис, ум побеждает женское сердце. В минуты мира женщины могут увлекаться шейхами и смотреть томным взглядом на светских щеголей, которые только и способны, что проделать первые три па чарльстона. Но пусть только что-то пойдет не так, пусть только грянет внезапная угроза беды — и кто тогда король? Кто главный спасатель? Тот, у кого размер шляпы — восемь с четвертью!

— Джимми! — воскликнула мадам Юлали. — Это блеск!

— Вот именно.

— Мы спасены!

— Правильно. Быстрее! Нельзя терять ни секунды!

3

Так и случилось, что Джордж, затаившийся под кроватью, получил еще один шок, от которого, как ему показалось (хотя он должен бы попри-

выкнуть к шокам), волосы у него мгновенно поседели — все, до последнего волоска!

После того как глаза попривыкли к свету, первой в сознание Джорджа Финча вторглась лодыжка в прозрачном чулке. К ней почти сразу же присоединилась вторая. Довольно долго обе эти лодыжки, хотя и стройные, занимали так много места в Джорджевом мире, что, можно сказать, затмили весь горизонт. Потом они исчезли.

За минуту до их исчезновения Джордж, скромно вжавшийся в стенку, сказал бы, что ничто не доставило бы ему большего удовольствия. И однако же, когда они действительно исчезли, ему с трудом удалось сдержать панический вскрик. Потому что из виду их скрыла пелена упавшего платья, будто скроенного волшебными ножницами из лунных лучей и звездной пыли. В витрине магазина оно вызвало бы у Джорджа восхищение. Но любоваться на платье в витрине магазина и видеть, как оно пеной упало на пол спальни, — вещи абсолютно разные! Джордж покраснел, и ему почудилось, что от его щеки уже затлел коврик. Прикрыв глаза, он стиснул зубы. Конец это, вопрошал он себя, или всего лишь начало?

— Да? — внезапно раздался женский голос, и Джорждева голова, конвульсивно дернувшись,

чудом не слетела со слабо прикрепленной шеи.

Ответил этот голос, как он интуитивно догадался, когда к нему вернулась способность соображать, на резкий и властный стук в дверь. Стучали каким-то тяжелым предметом, очень похоже, что полицейской дубинкой. А вслед за стуком раздался резкий, властный оклик:

— Откройте дверь!

Обладательница лодыжек была явно не из трусливых.

— И не подумаю! Я одеваюсь!

— Кто вы?

— А *вы* кто?

— Неважно.

— Ну, тогда неважно и кто я!

Наступила пауза. Джорджу, как судье беспристрастному, показалось, что с небольшим перевесом побеждают лодыжки.

— А что вы там делаете? — спросил мужской голос, берясь за расследование с другого конца.

— Одеваюсь! Сколько можно повторять!

Повисла новая пауза. Затем к напряженным переговорам подключился третий участник.

— Что тут происходит? — резко осведомился он. Джордж узнал голос своего старого друга.

— Гарроуэй, — с досадливой строгостью продол-

жил тот, — какого дьявола вы тут делаете? За этой дверью — дама. Честное слово, мне непонятно, в чем все-таки состоят обязанности нью-йоркских констеблей? Их жизнь — одно бесконечное безделье! Убивают время, болтаясь по городу и досаждая женщинам. Вы вообще знаете, что дама в комнате — моя невеста? Она переодевается, чтобы идти со мной в ресторан.

Офицер Гарроуэй, как всегда, сник перед превосходящим интеллектом.

— Вы уж простите, мистер Бимиш!

— Может, и прощу. А как вы вообще тут оказались?

— Внизу, в этом «Цыпленке», случились беспорядки. На меня напал некий мистер Финч. Я преследовал его по пожарной лестнице…

— Мистер Финч? Что за околесица, Гарроуэй! Мистер Финч сейчас в свадебном путешествии. Он очень любезно сдал этой даме свою спальную веранду на время своего отсутствия.

— Но, мистер Бимиш, я только что говорил с ним! Мы сидели за одним столиком.

— Ерунда!

Платье из поля зрения исчезло, и Джордж услышал, как открывается дверь.

— Джимми, что нужно этому человеку?

— Не что, а кто. Врач, несомненно. Он говорит, будто только что встретил здесь Джорджа Финча.

— Но Джордж уже за сотни миль отсюда!

— Вот именно. Ты готова, дорогая? Тогда пойдем, пообедаем где-нибудь. А вы, Гарроуэй, выпейте брома с сельтерской. Зайдемте ко мне, и я смешаю. А когда выпьете, рекомендую полежать спокойно на диванчике. Лично я считаю, что вы несколько перенапрягли мозг, сочиняя поэму. Кто подбил вам глаз?

— Я сам бы очень хотел знать, — с сожалением откликнулся Гарроуэй. — Получил увечье в «Цыпленке». В этот момент на голове у меня была скатерть, и личность нападавшего установить я не смог. Но если я найду его, отколочу так крепко, что и внукам его аукнется.

— Скатерть?

— Да, мистер Бимиш. Пока я старался выпутаться из складок, кто-то двинул мне в глаз кофейником.

— Как же вы догадались, что именно кофейником?

— Валялся рядом со мной, когда я вылез.

— Ну что же, — подытожил Хамилтон, — надеюсь, это послужит вам уроком. Не ходите в такие

места. Вам еще повезло, что так легко отделались. А вот если б вы отведали там сыра… Ну ладно, пошли. Посмотрим, чем я сумею вам помочь.

4

А Джордж остался на месте. Знай он укрытие получше, то перебрался бы туда, но он не знал. Кто-кто, но только не он стал бы притворяться, будто ему удобно лежать под кроватью, где пух щекочет ноздри, а около левого уха гуляет сквозняк. Но при данных обстоятельствах ничего больше не оставалось. Для человека, не умеющего летать, существуют только два способа уйти с крыши: спуститься по пожарной лестнице и, вероятнее всего, угодить в лапы констеблей или украдкой спуститься по обычной лестнице и, очень вероятно, наскочить на мстительного Гарроуэя. Правда, Хамилтон советовал полисмену, выпив брома с сельтерской, отлежаться на диване; но кто же знает, последует ли тот совету? Может, уже сторожит на лестнице. Припомнив его сложение и горечь, с какой он говорил о нападавшем, Джордж решил, что риск слишком велик. Как ни многочисленны изъяны его укромного приюта, для человека в его щекотливом положении местечка лучше не отыщешь. Итак,

он забился поглубже и попытался скоротать время за раздумьями.

Раздумывал он о многом — о своей юности в Ист Гилиэде, о зрелости в Нью-Йорке, о Молли. О том, как любит ее. О миссис Уоддингтон и о том, как же портит она великую картину мироздань; о Хамилтоне Бимише и о том, как небрежно управляется он с полисменом. Об офицере Гарроуэе и его дубинке, о Джузеппе и его кофейнике; о преподобном Гедеоне Вулесе и его белых носках. В раздумьях своих он дошел даже до Сигсби Х. Уоддингтона.

Ну а уж когда человек принимается думать про Сигсби, это значит, что ресурсы раздумий у него окончательно иссякли. Возможно, учитывая этот факт, судьба любезно подкинула Джорджу свежий материалец. Лениво раздумывая о Сигсби и гадая, как тот дошел до жизни такой, Джордж вдруг услышал приближающиеся шаги.

Он свернулся в клубок, и уши у него встали торчком, точно у борзой. Да, действительно, шаги. И мало того, направляются прямиком к его спальной веранде.

Волна жалости к себе затопила Джорджа. Что ж это за наказание такое, в самом деле? Почему на него так и сыплются напасти? Он мало про-

сил у Жизни — и всего то, чтобы позволила ему спокойно лежать под кроватью, вдыхать пух. И что же? Одни помехи! Можно сказать, пыль, пыль, пыль от шагающих сапог, как выразился Киплинг. С той самой минуты, как он отыскал себе это укромное местечко, мир превратился в сплошной серый ад. Как все-таки неправильно и несправедливо!

Единственное, что можно было сказать в пользу этих шагов, — они были слишком легки, а потому никак не могли принадлежать нью-йоркскому полисмену. Теперь они приблизились к самой двери. Ему даже показалось, что они зашли в комнату.

Он оказался прав. Щелкнул выключатель. Живым зверьком прыгнул на него свет. А когда он открыл глаза, то увидел лодыжки в чулках прозрачного шелка.

Дверь закрылась. Миссис Уоддингтон, только что ступившая на последнюю перекладину пожарной лестницы, метнулась через крышу и, прильнув ухом к замочной скважине, напряженно прислушалась. Наконец-то, возликовала она, дело двинулось!

5

С минуту взирая на это новое зрелище, Джордж чувствовал лишь слабое негодование и обиду на придурковатость судьбы, воспользовавшейся тем же методом, какой использовала совсем недавно. Судьба, думал он, ведет себя по-детски. Один раз все эти фокусы с лодыжками еще могут позабавить человека, но перебарщивать все-таки не стоит.

За негодованием пришло облегчение. Вспомнив разговор Хамилтона с полисменом, он понял, что обладательница лодыжек — его старая приятельница Мэй Стаббс из Ист Гилиэда, штат Айдахо. Сейчас, предположил он, лодыжки принадлежат, как и прежде, ей, а видит он их — ну, мало ли! Вернулась захватить пудреницу или там помаду. Что-то забыла в пылу недавних препирательств.

А это, безусловно, меняет положение дел. Это означает, что вместо нового врага он обрел союзника. Девушка широких взглядов, вроде Мэй, сразу поймет мотивы, побудившие его спрятаться под кроватью, и посочувствует ему. Кстати, можно бы использовать ее — пусть разведает, чисто ли на лестнице. Короче, новое вторжение в его

убежище — совсем не бедствие, а большая удача.

От всей души чихнув (в нос ему залетел пушок), Джордж выкатился из-под кровати и с веселым смехом встал на ноги, тут же и обнаружив, что он очутился перед вытаращенными глазами абсолютной незнакомки. Незнакомой, по крайней мере, она показалась ему в первый момент. Но постепенно, пока он разглядывал ее, у него стало зарождаться чувство, что где-то когда-то он уже видел эту девушку. Но где? И когда?

Девушка ошалело таращилась на него — невысокая, хорошенькая, с бойкими черными глазами и премиленьким ротиком, не будь он сейчас раскрыт, как у рыбы. На веранде воцарилась безраздельная тишина, и миссис Уоддингтон, напрягавшая слух у двери, начала уже думать, что, может, Джорджа в этом логове вовсе нет и ей снова предстоит заступить на вахту. Но тут раздались голоса, и, хотя слов ей было не разобрать — дверь была массивной, крепкой, — вне сомнений, один из голосов принадлежал Джорджу. Миссис Уоддингтон на цыпочках отошла, вполне удовлетворенная. Подозрения ее подтвердились, теперь оставалось решить, как же действовать наилучшим образом. Она встала в тень бака с водой и постояла там, размышляя.

А на веранде девушка, не сводя глаз с Джорджа, стала медленно пятиться. Шага примерно через три она наткнулась на стенку, и шок восстановил ее речевые способности.

— Что вы делаете в моей спальне? — закричала она.

От подобного вопроса замешательство Джорджа сменилось бурной яростью. Нет, это уже чересчур! Нынешним вечером обстоятельства как сговорились превращать его веранду в место собраний. Но будь он проклят, если позволит всяким особам такую наглость!

— Интересно, с какой такой стати спальня — ваша? — крикнул он. — Кто вы вообще такая?

— Миссис Муллет.

— Кто?

— Миссис Фредерик Муллет.

А миссис Уоддингтон между тем выстроила план действий. Ей, решила она, требуется свидетель. Пусть зайдет с ней в это гнездо порока и своим свидетельством подкрепит ее слова. Будь здесь лорд Ханстэнтон, как ему полагалось бы, так и искать бы больше не надо. Но тот растворился в гуще огромного города, набивая свой низменный желудок едой. Кого же завербовать в помощники? Ответ нашелся сам собой. Ферриса, конечно

же! Он рядом, под рукой, его можно привести без проволочек.

И миссис Уоддингтон припустила к лестнице.

— Миссис Муллет? — поразился Джордж. — Как это? Муллет не женат.

— Нет, женат. Мы сегодня утром поженились.

— А где он?

— Оставила его внизу, докуривать сигарету. Он сказал, мы будем здесь, как две птички в гнездышке. Одни.

Джордж расхохотался неприятным сардоническим смехом.

— Если Муллет воображает, что человек может остаться здесь наедине хоть на пять минут кряду, так он большой оптимист! И какое, интересно, имеет он право устраивать гнездышко в моей квартире?

— Разве это ваша квартира?

— А чья же еще?

— Ой-ей-ей!

— Прекратите сейчас же! Не орите! Вокруг кишат полисмены.

— Полисмены!

— Ну да.

Глаза, смотревшие на него, внезапно набухли слезами. Маленькие ручки стиснулись в страст-

ном жесте мольбы.

— Не сдавайте меня быкам, мистер! Я сделала это только ради моей бедной матери! Если б вы тоже были без работы и вам пришлось смотреть, как ваша бедная старая мама гнется над лоханью…

— У меня нет бедной старой мамы, — грубовато перебил Джордж. — И вообще, что вы несете?

Вдруг он замолк — ошеломительное открытие стерло с его губ все речи. Девушка, разомкнув ладошки, заломила руки, и жест этот пришпорил память: бессознательно Фанни приняла ту самую позу, как и в столовой миссис Уоддингтон сегодня утром. Джордж, едва увидев заломленные руки, моментально вспомнил, где встречал эту девушку. Позабыв все остальное, позабыв, что загнан в ловушку на крыше, а справедливо разозленный полисмен сторожит единственный выход, он коротко, резко вскрикнул.

— Это вы! А ну-ка, верните ожерелье!

— Какое еще ожерелье?

— То, что украли в Хэмстеде!

— Вы смеете обвинять меня в краже?

— Вот именно!

— А знаете, что я сделаю, если вы выдвинете против меня такое обвинение? Я…

Она оборвала фразу на полуслове. Раздался тихий, осторожный стук в дверь.

— Лапочка!

Фанни взглянула на Джорджа, Джордж — на Фанни.

— Муж! — прошептала она.

Джордж находился не в том настроении, чтобы его запугивал какой-то Муллет. Он размашисто шагнул к двери.

— Лапулечка!

Джордж широко распахнул дверь.

— Лапу…

— Да, Муллет?

Камердинер отступил на шаг, глаза у него округлились. Кончиком языка он облизал губы.

— Оса в улье! — вскричал он.

— Не дурите! — одернул его Джордж.

Муллет пялился на него, как человек, пораженный до глубины души.

— Разве вам недостаточно собственного меда, мистер Финч? — укоризненно попенял он. — Явились еще и моим полакомиться?

— Не валяйте дурака! Моя свадьба временно отложена.

— Понятно… Беда любит компанию, вот вы и решили испортить мою.

— Ничего подобного!

— Если бы я знал, что вы, мистер Финч, дома, — с достоинством заявил Муллет, — то не позволил бы себе вольность воспользоваться вашей квартирой. Пойдем, Фанни, мы переезжаем в гостиницу.

— Да? — с иронией спросил Джордж. — Позвольте сказать вам, что сначала надо уладить одну проблемку. Возможно, вы еще не знаете, что у вашей жены находится ценное ожерелье, принадлежащее леди, которая, если бы не ваша жена, звалась бы сейчас миссис Финч!

Муллет прижал руку ко лбу.

— Ожерелье!

— Это ложь! — закричала новобрачная.

Муллет печально покачал головой. Он уже сложил два и два.

— Когда это случилось, мистер Финч?

— Сегодня, в Хэмстеде.

— Фредди, не слушай его! Он полоумный!

— А что именно произошло, мистер Финч?

— Вот эта особа внезапно ворвалась в комнату, где собрались гости, и прикинулась, будто я ее бросил. А потом свалилась на стол со свадебными подарками, словно упала в обморок. Очнувшись, она вылетела вон, а некоторое время спустя об-

наружилось, что пропало ожерелье. Только не говорите, — добавил он, поворачиваясь к обвиняемой, — что сделали это ради своей бедной матери! Я уже столько вынес сегодня, больше не могу.

Муллет прицокнул языком печально, но и горделиво. Девушки, они и есть девушки, как бы говорил он, но мало какая сравнится умом с его маленькой женушкой.

— Отдай мистеру Финчу ожерелье, заинька, — ласково сказал он.

— Нет у меня никакого ожерелья!

— Отдай, дорогая, как велит тебе Фредди, не то наживем неприятностей!

— Неприятности, — тяжело задышал Джордж, — уж точно будут!

— Ничего не скажу, чистая работа. Ни одна девушка в Нью-Йорке не сумела бы такого придумать, не говоря о том, чтобы потом безнаказанно удрать. Даже мистер Финч согласен, что проделано красиво.

— Если вам интересно мое мнение… — запальчиво начал было Джордж.

— Но мы ведь покончили с такими делами раз и навсегда, правда, душенька? Отдай ему ожерелье.

Черные глазки миссис Муллет захлопали. Она нерешительно ломала изящные пальчики.

— Забирайте свою дрянь! — наконец крикнула она. Джордж на лету поймал ожерелье и, сказав «спасибо», убрал его в карман.

— А теперь, мистер Финч, — вкрадчиво заметил Муллет, — пожелаем вам спокойной ночи. У моей крошки был утомительный день, и нам пора ложиться спать.

Джордж поспешил через крышу к себе. Придется пренебречь риском, решил он, покинуть безопасное убежище веранды. Ведь надо немедленно позвонить Молли, сообщить ей про ожерелье.

Он уже открывал стеклянную дверь, когда услышал оклик, а оглянувшись, увидел Муллета, торопившегося к нему от лестничной двери.

— Мистер Финч! Минуточку!

— Что еще такое? Мне нужно позвонить…

— Я подумал, обрадуетесь…

И с видом фокусника, который на забаву детям извлекает двух кроликов и большущий старый флаг из цилиндра, Муллет разжал пальцы.

— Ваше ожерелье, сэр.

Джорджева рука метнулась в карман и появилась пустая.

— О господи! Да как же?..

— Все моя крошка! — Глаза лакея сияли гордостью и нежностью. — Слямзила его у вас, когда вы уже уходили. Мне, однако, удалось ее убедить. Напомнил ей, что все эти делишки мы оставили в прошлом. Спросил: как же она будет жить на нашей утиной ферме, если у нее такое на уме? Она почти сразу все поняла. Если подойти к ней тактично и с любовью, она очень разумная.

Джордж глубоко вздохнул. Теперь он спрятал ожерелье во внутренний карман и, застегнув пиджак, отошел шага на два.

— И вы хотите, Муллет, поселить такую женщину на утиной ферме?

— Да, сэр. Мы покупаем маленькую ферму на Лонг-Айленде.

— Да ваша жена в первую неделю повыдергает перья у всех уток в округе!

Польщенный Муллет поклонился.

— Ни одна утка, сэр, и не догадается, что лишилась хвоста, — согласился он. — В нашей профессии никто и рядом не стоял с моей девочкой. Но, сэр, с этим теперь покончено. Она свернула бизнес. Окончательно и бесповоротно. Ну разве что наведается когда в большой магазин на распродажу. Женщинам ведь тоже нужно

поразвлечься. Спокойной ночи, сэр.

— Спокойной ночи.

Вынув ожерелье, Джордж внимательно осмотрел его, снова спрятал в карман и, опять застегнув пиджак, отправился звонить Молли.

Глава XVII

1

Как-то миссис Уоддингтон прочитала рассказ, в котором описывалось, как многочисленные эмоции, а именно страх, ужас, изумление и тошнотворное смятение, «чередовались быстро, один за другим» на лице презренного негодяя, когда он осознал, что злодеяния выплыли наружу. И теперь, рассчитывая увидеть все это на луноподобной физиономии Ферриса, она нажала дверной звонок на девятом этаже.

Но ее ждало разочарование. Феррис, появившийся в ответ на звонок, подрастерял свою напыщенную величавость, но только из-за того, что мы, авторы, после тяжких битв за письменным столом всегда выглядим несколько встрепанными. Волосы у дворецкого стояли дыбом, поскольку он хватался за них в муках творчества, а на кончике носа расплывалось чернильное пятно. Но вообще он был в достаточно хорошей форме и даже не вздрогнул, увидев, что за посетительница пожаловала.

— Мистера Биффена нет дома, мадам, — ровно

сообщил Феррис.

— Зачем мне мистер Биффен? — раздулась от праведного гнева миссис Уоддингтон. — Феррис! Я знаю все!

— Вот как, мадам?

— Нет у вас никаких больных родственников! — продолжала она, хотя тон ее намекал, что у человека, связанного с таким негодяем узами родства, есть все основания заболеть. — Вы здесь кропаете статейку о том, что случилось в моем доме, для грязного листка, каких-то «Сплетен»…

— В корпорацию входят также «Шепотом на Бродвее» и «Пересуды на Таймс-сквер», — услужливо подсказал дворецкий.

— Постыдились бы!

— Осмелюсь поспорить с вами, мадам, — вскинул брови Феррис. — Профессия журналиста весьма почетна. Многие очень достойные люди писали для прессы. Гораций Грили, например, Делани…

— Что за чушь!

— Мадам?

— Ладно, это мы обсудим позже.

— Слушаюсь, мадам.

— А пока я требую, чтобы вы сопровождали меня на крышу…

— Боюсь, я должен со всей почтительностью отклонить это предложение, мадам. По крышам я с детства не лазил…

— А по лестнице вы еще в состоянии подняться?

— По лестнице? Разумеется, мадам. Буду в вашем распоряжении через несколько минут.

— Нет, идемте сейчас же!

— Извините, мадам, — покачал головой дворецкий. — Я занят заключительным абзацем статьи, про которую вы только что упомянули, а мне очень хочется закончить к возвращению мистера Биффена.

Миссис Уоддингтон прожгла дворецкого тем властным взглядом, перед каким ее супруг скукоживался и потрескивал, точно горящее перо. Но дворецкий отбил его непринужденно, с апломбом человека, который в свое время поглядывал на герцогов, давая им понять, что у них брюки пузырятся на коленках.

— Не желаете ли войти и подождать, мадам?

Миссис Уоддингтон вынуждена была признать, что она побеждена. Она расстреляла все патроны. От циклона ее наглый дворецкий, может, и содрогнется, но взглядом его не пронять.

— Не стану заходить!

— Как угодно, мадам. По какой причине вы желаете, чтобы я сопровождал вас на крышу?

— Хочу, чтобы вы… взглянули кое на что.

— Если на вид города, мадам, то должен заметить, я уже любовался им с крыши Вулворта.

— Нет, не на вид. Я желаю, чтобы вы взглянули на мужчину, который живет в открытом грехе!

— Хорошо, мадам. — Феррис ничуть не удивился, разве что дал понять, что всегда не прочь взглянуть на мужчину, живущего в открытом грехе. — Через несколько минут я в вашем распоряжении.

И он мягко прикрыл дверь, а миссис Уоддингтон, раздуваясь от трусливой ярости, которая осмеливается жечь, но не смеет полыхать, отказалась от намерения лягнуть по двери и осталась стоять на площадке, тихо посапывая. Вскоре до нее с нижних этажей донесся радостный свист.

Появился лорд Ханстэнтон.

— Привет-вет-вет! — весело воскликнул он. — А вот и я! Вот и я! Вот и я! — подразумевая, конечно же, что вот он и пришел.

В наружности его с последнего раза произошла разительная перемена. Теперь вид у лорда был беззаботный и добродушный, как у человека, недурственно пообедавшего. Искорки в глазах

кричали о прозрачном бульоне, а улыбка буквально вопила об утке с зеленым горошком. Миссис Уоддингтон, у которой и крошки хлеба во рту не было, он показался преотвратительным субъектом.

— Хорошо пообедали, надеюсь? — ледяным тоном обронила она.

Английский пэр разулыбался совсем уж солнечно, а в глазах у него появилась мечтательная дымка.

— Чудно! Начал с жюльена, потом перешел к омару, потом подали лонг-айлендского утенка, надо сказать, превкуснейшего…

— Замолчите! — потрясенная до самых основ, вскричала миссис Уоддингтон.

— А закончил я…

— Да замолчите вы, пожалуйста! У меня нет желания выслушивать подробности вашей трапезы.

— О, извините! А я думал, вам хотелось…

— Вы отсутствовали так долго, что могли бы за это время съесть десяток обедов. Однако случайно так вышло, что вы не слишком опоздали.

— Отлично! Порок еще цветет?

— Несколько минут назад, — стала рассказывать миссис Уоддингтон, направляясь на

крышу, — я заметила, как молодая женщина вошла на веранду рядом с квартирой этого Финча. И сразу же услышала ее голос. Она с ним разговаривала.

— Ай-яй-я-яй! — укоризненно покачал головой его светлость. — Какой разврат!

— Я спустилась сюда за Феррисом, своим дворецким, чтобы привести его как свидетеля, но, к счастью, появились вы. Почему не вернулись полчаса назад, понять не могу!

— Я же вам рассказываю! Начал я с жюльена…

— Замолчите!

В полном недоумении лорд Ханстэнтон последовал за ней; он понять не мог, почему у его спутницы какое-то нездоровое отношение к еде. Они вышли на крышу, и миссис Уоддингтон, подняв остерегающе палец, подкралась к веранде.

— А теперь что? — спросил лорд, когда они остановились под дверью.

Миссис Уоддингтон постучала.

— Джордж Финч!

Ответом ей была мертвая тишина.

— Джордж Финч!

— Джордж Финч! — эхом прокричал пэр, вполне осознавая обязанности хора.

— Финч! — крикнула миссис Уоддингтон.

— Джордж! — подхватил лорд Ханстэнтон.

Миссис Уоддингтон толкнула дверь. Внутри царила кромешная темень. Она щелкнула выключателем. Пусто…

— Так-так! — проговорила миссис Уоддингтон.

— Может, они под кроватью…

— Посмотрите!

— А что, если он кинется на меня?..

Конечно, в таких случаях надо учитывать малейшие случайности, но в данном случае миссис Уоддингтон сочла, что предусмотрительность ее союзника заходит слишком далеко. Досадливо фыркнув, она повернулась… и застыла, уставясь на то, что вдруг материализовалось за его спиной.

Материализовался там долговязый, жилистый полисмен. Миссис Уоддингтон встречала его всего раз в жизни, но обстоятельства были таковы, что встреча эта накрепко врезалась в ее память. Узнала она его мгновенно и сразу же сникла, несмотря на сильную свою натуру, словно улитка, которой насыпали соли между глаз.

— Что такое? — осведомился лорд Ханстэнтон и тоже обернулся. — О, вот это да! Констебль!

Офицер Гарроуэй смотрел на миссис Уоддингтон глазами, из которых вечер в нью-йоркском

богемном квартале напрочь изгнал доброту. Теперь во взгляде у него бушевала такая злость, что, сверли миссис Уоддингтон два глаза, а не один, она грохнулась бы в обморок. К счастью, второй был выведен из строя, а именно — прикрыт ломтиком сырого мяса и повязкой.

— Ах-ха! — произнес Гарроуэй.

На письме это восклицание не воспринимается во всей его зловещности. Но слышали бы вы, как оно звучит в устах полисмена, особенно после того, как ему в лицо швырнули пригоршню перца! Миссис Уоддингтон, пятившейся в глубь веранды, почудилось, что в восклицании слились воинственный клич индейцев и трубы Судного дня! Нет, еще и вой волчьей стаи! Коленки у нее подогнулись, и она рухнула на кровать.

— Сцапал вас, да?

Вопрос был чисто риторическим, полисмен даже паузы не сделал, чтобы выслушать ответ. Поправив повязку, он продолжал:

— Вы арестованы!

Лорду Ханстэнтону все это представлялось крайне непонятным и неправильным.

— Э, послушайте-ка… — начал он.

— И вы арестованы, — перебил Гарроуэй. — Вы тоже, видимо, замешаны. Арестованы оба! Только

попробуйте выкинуть новый фортель! — пригрозил он дубинкой. — Палочка эта прогуляется по вашим тыквам. Ясно?

Последовала пауза, столь часто возникающая в разговоре малознакомых людей. Гарроуэй, видимо, свое сказал. У миссис Уоддингтон слов не нашлось. Лорду Ханстэнтону хотелось задать пару вопросов, но от зрелища помахивающей дубинки все слова у него из головы улетучились. На такую дубинку посмотришь только, и уже начинает стучать в висках. Он слабо сглотнул — и промолчал.

Тут откуда-то снизу донесся голос человека, взывавшего: «Бимиш! Эй, Бимиш!» То был голос Сигсби Х. Уоддингтона.

2

Ничто не вызывает такой досады у читателя, как персонаж хроники, который выныривает ни с того ни с сего, а летописец и не думает объяснять, откуда он, собственно, взялся. Добросовестному рассказчику полагается объяснять появления и уходы даже таких малозначительных представителей рода человеческого, как Сигсби Х. Уоддингтон. А потому мы сделаем сейчас перерыв и все объясним.

Сигсби, если припоминаете, отправился на розыски полисмена по имени Галлахер, и Нью-Йорк предоставил ему широкий выбор. Перед взглядом его в изобилии прошли Галлахеры, но так как на самом деле требовался ему Гарроуэй, то даже такой бурный наплыв не произвел на него впечатления. Каких только Галлахеров он ни навидался! Высоких и низеньких, худых и толстых, косых и прыщавых, рыжих и со сломанными носами, совсем кошмарных (их было двое), а под занавес — экземпляр Галлахера, уж вообще ни на что не похожий! Но человека, которому он продал пакет акций, среди них не отыскалось.

Очень многие в подобной ситуации сдались бы без боя. Сдался и наш герой. Последний из Галлахеров патрулировал в районе Бликер-стрит, и Уоддингтон, свернув на Вашингтон-сквер, доковылял до скамейки, а там — мешком рухнул на нее.

На несколько минут исступленное облегчение вытеснило все другие чувства. Потом он подумал: явись оно раньше, это сберегло бы ему массу энергии. Он вдруг припомнил, что сгинувшего полисмена встретил у Хамилтона Бимиша, и, следуя за течением мысли к логическому выводу, решил, что именно он способен сообщить ему,

где полисмен находится.

Ни один тоник, даже самый популярный и широко разрекламированный, не смог бы оказать столь мгновенного эффекта. Разница между Уоддингтоном до посетившего его озарения и после была почти магической. За миг до того он сидел, привалясь к спинке скамейки в измученной позе, которая убедила бы любого наблюдателя, что надо поскорее уведомить городские власти, чтоб останки подобрали и сунули в мусоросжигатель. Но теперь, сбросив безнадежность, как плащ, Уоддингтон, резво вскочив, припустил через площадь к «Шеридану», да так быстро, что упомянутый наблюдатель не успел бы воскликнуть «Ого-го!».

Даже неработающий лифт не сумел сдержать его бодрой рысцы. Он белкой проскакал по лестнице к квартире Хамилтона Бимиша.

— Бимиш! — заорал он у двери. — Эй! Эй! Бимиш!

На крыше офицер Гарроуэй встрепенулся, точно боевой конь при звуках горна. Он узнал голос. Если вас удивит, что узнал он его через несколько дней после одной-единственной беседы, мы готовы объяснить: голосу Уоддингтона были присущи определенные свойства. За скрежет

напильника его можно было принять, но спутать с чьим-то еще — невозможно.

— Ах, черт! — Гарроуэй затрепетал, словно осиновый лист на ветру.

Подействовал голос и на миссис Уоддингтон. Она подпрыгнула на кровати, словно та вдруг раскалилась.

— Сидите! — прикрикнул Гарроуэй. Миссис Уоддингтон села снова.

— Мой дорогой констебль… — начал было лорд Ханстэнтон.

— Ти-хо!

Лорд умолк.

— Ах, черт! — снова выругался Гарроуэй.

В муках нерешительности он оглядел пленников, разрываясь от желания находиться в двух местах одновременно. Что говорить, положение незадачливое!.. Слететь по лестнице и переговорить с типом, всучившим ему акции? Тогда придется оставить без надзора этих двух арестованных и они, несомненно, дадут деру, чего Гарроуэю хотелось бы меньше всего. Да ведь это самый значительный арест с начала службы в полиции! Женщина — застигнутая на месте преступления взломщица, да к тому же напавшая на полисмена. А когда он приведет мужчину в

управление да проверит по каталогу, то, несомненно, выяснится, что это и есть Пижон Уилли, разыскиваемый в Сиракузах за сбыт фальшивых монет. Упрячешь их за решетку — и продвинешься по службе.

С другой стороны, спуститься и вцепиться в горло типу внизу? Тогда он вернет свои кровные триста долларов… Что же делать?

— О черт! — терзался Гарроуэй. — О ч-черт!

Послышались размеренные, неторопливые шаги, и в поле его зрения возник человек с посольской внешностью. Жилет у него топорщился, на носу красовалось чернильное пятно. Увидев его, полисмен издал ликующий вопль.

— Эй! — крикнул он.

— Сэр? — отозвался пришедший.

— Вы меня замените! Ну, как бы заместитель…

— Нет, сэр, я дворецкий.

— Э-эй! Би-и-и-миш! — все надрывался голос внизу.

Это подстегнуло полисмена на стремительные и решительные действия. В более спокойную минуту он, пожалуй, оробел бы под взглядом зеленовато-серых глаз, взиравших на него сурово и невозмутимо, но сейчас ничуть не устрашился.

— Заместитель! — повторил он. — Знаете, что

это означает? Я, полицейский офицер, назначаю вас своим заместителем.

— Простите, но я на это не претендую. — Голос прибывшего подзвякнул ледяным колокольчиком. Именно из-за такого звука младший сын маркиза вышел из всех клубов и сбежал в Уганду.

Но на офицера Гарроуэя никакие колокольчики не произвели ни малейшего впечатления. Он был одержим яростью.

— Неважно! — заорал он. — Я назначаю вас заместителем, и вы им будете! Не то угодите за решетку за сопротивление при исполнении. А вдобавок получите по башке этой вот дубинкой! Ну так как?

— В ситуации, какую вы обрисовали, — с достоинством откликнулся дворецкий, — у меня нет иной альтернативы, как только повиноваться вашему желанию.

— Как зовут?

— Руперт Энтони Феррис.

— Где живете?

— Я служу у миссис Сигсби Х. Уоддингтон, проживающей в настоящее время в Хэмстеде на Лонг-Айленде.

— У меня тут двое арестованных, ясно? Их

разыскивает полиция. Я их запираю. — Офицер захлопнул дверь и повернул ключ. — Вы стоите здесь и караулите, пока я не вернусь. Не такая уж великая просьба, а?

— Вполне в пределах моих сил, и я добросовестно ее выполню.

— Ну так приступайте! — распорядился Гарроуэй. Феррис встал спиной к веранде, уставясь с легкой тоской на луну. Лунными вечерами в нем пробуждалась тоска по дому, потому что Брэнгмарли Холл особенно хорош при луне. Как часто он, беззаботный, легкомысленный лакей, любовался лунными лучами, играющими в водах рва, и под легкие шорохи английской деревни праздно размышлял: а кто же победит в двухчасовом заезде? Счастливые деньки! Да, счастливые деньки!

Голос, бормочущий его имя, вернул его улетевшие мысли в будничный мир. Он с интересом огляделся, и интерес его возрос, когда он увидел, что на крыше никого нет.

— Феррис…

Удивляться дворецкий себе не позволял, но теперь поймал себя на том, что испытывает чувство, весьма близкое к удивлению. Никогда прежде не сталкивался он с бестелесными голо-

сами, нашептывающими его имя. Вряд ли это мог быть кто-то из арестованных; они находились за бетонной стеной и массивной дверью. Чтобы их стало слышно, им надо было кричать, а не шептать.

— Феррис!

«А может, это ангел?» — подумал дворецкий и обратился мыслями к другому миру, когда заметил, что в стене, у которой он стоит, есть маленькое оконце, довольно высоко над ним. Значит, все-таки один из двух арестантов… Едва он заметил оконце, как голос заговорил снова, и так отчетливо, что Феррис узнал свою хозяйку, миссис Сигсби Х. Уоддингтон.

— Феррис!

— Мадам?

— Это я, миссис Уоддингтон.

— Очень хорошо, мадам.

— Что вы сказали? Подойдите ближе! Мне не слышно.

Дворецкий, хотя и был не из тех, кто потакает хозяевам, на этот раз сделал исключение и встал на цыпочки. Приблизив рот к оконцу, он повторил ответ.

— Я сказал, очень хорошо, — объяснил современный Пирам.

— Да? Тогда действуйте поскорее.

— Поскорее, мадам?

— Поскорее выпустите нас отсюда!

— Вы желаете, чтоб я освободил вас, мадам?

— Да.

— Хм!

— Что вы сказали?

Дворецкий, посчитавший было, что для ступней тяжеловато без конца напрягаться, приподнялся опять.

— Я сказал: «Хм, мадам»!

— Что он сказал? — послышался голос лорда Ханстэнтона.

— «Хм»! — ответила миссис Уоддингтон.

— Почему?

— Откуда я знаю? По-моему, он пьян.

— Дайте *я* с ним поговорю! — предложил лорд. Наступила пауза. Тисба мужского рода заняла место у стены.

— Эй!

— Сэр? — отозвался Феррис.

— Вы там, как вас зовут…

— Феррис. Так меня зовут и всегда звали, сэр.

— Значит, так, Феррис. Слушайте меня и сразу примите к сведению — я не из тех, кто терпит всякую чепуху. Так вот, эта добрая леди велела вам

выпустить нас, а вы ответили «хм»! Да или нет?

Дворецкий снова привстал на цыпочки.

— Восклицание это я издал, чтобы выразить сомнение, милорд.

— Сомнение? Насчет чего же?

— Насчет того, что я не вижу способа выпустить вас, милорд.

— Не будьте болваном, и идиотом к тому же. Не такие уж тут потемки. Все разглядеть можно.

— Я имел в виду трудности, встающие передо мной из-за того щекотливого положения, в которое я поставлен, милорд.

— Что он говорит? — поинтересовался голос миссис Уоддингтон.

— Что-то о щекотливом положении.

— Чем же оно щекотливое?

— Сам не понимаю.

— Дайте *я* с ним поговорю.

Послышалось шарканье, тяжелое падение и жалобный вскрик дамы, попавшей в беду.

— Так и знал, что стул сломается, если вы на него встанете, — заметил лорд Ханстэнтон. — Эх, досада! Надо было пари заключить…

— Подвиньте к окну кровать, — попросила неукротимая женщина. Хотя с правой лодыжки у нее содрался кусочек кожи, белый флаг она

все-таки не выбросила.

Скрежет возвестил, что кровать передвигают. Скрипнули под тяжестью пружины. Окно в своей функции громкоговорителя объявило, что говорит миссис Уоддингтон.

— Феррис?

— Мадам?

— Почему ваше положение щекотливое?

— Потому что я — заместитель, мадам.

— Что это означает?

— Я, мадам, представляю закон.

— Что? — переспросил лорд Ханстэнтон.

— Закон, — объяснила миссис Уоддингтон. — Он говорит, что представляет закон.

— Дайте *я* поговорю с этим паршивцем!

Воцарилась новая пауза, воспользовавшись которой, дворецкий стал массировать нывшие ступни.

— Эй!

— Милорд?

— Что за ерунда собачья? Какой такой закон?

— Меня назначил полицейский офицер, который недавно ушел. Велел караулить вашу светлость и миссис Уоддингтон и следить, чтобы вы не совершили побег.

— Феррис, постарайтесь не говорить лишних

глупостей. Соберитесь, напрягите извилины. Надеюсь, вы не предполагаете, что мы с миссис Уоддингтон совершили нечто дурное?

— Не мне судить об этом, милорд.

— Послушайте, Феррис. Давайте займемся суровой практической стороной дела. Если б старый феодальный дух еще не угас, вы бы совершили такой пустяк — выпустили нас отсюда из чистой преданности хозяйке. Но учитывая, что мы живем в коммерческую эпоху, сколько?

— Вы предлагаете мне взятку, милорд? Если я вас правильно понимаю, я должен предать оказанное мне доверие за деньги?

— Именно. Сколько?

— А сколько у вашей светлости есть?

— Что он сказал? — опять не вытерпела миссис Уоддингтон.

— Спрашивает, сколько у нас есть.

— Чего?

— Денег.

— Он хочет вытянуть из нас деньги?

— Похоже на то.

— Давайте *я* поговорю с этим человеком!

Миссис Уоддингтон забралась на кровать.

— Феррис!

— Мадам?

— Постыдились бы!

— Да, мадам.

— Ваше поведение меня изумляет! Оно мне противно… отвратительно…

— Очень хорошо, мадам.

— С этой минуты вы больше не служите у меня!

— Как пожелаете, мадам.

Миссис Уоддингтон отвернулась для короткого совещания.

— Феррис! — снова вернулась она к окну.

— Мадам?

— Все, что у нас есть. Держите! Двести пятнадцать долларов.

— Сумма вполне приемлемая, мадам.

— Тогда будьте добры, поторопитесь и отоприте дверь!

— Слушаюсь, мадам.

Миссис Уоддингтон сердито перебирала ногами. Убегали минуты.

— Мадам!

— Ну что еще?

— Сожалею, мадам, но должен сообщить, — почтительно проговорил Феррис, — что полисмен унес с собой ключ!

Глава XVIII

Джорджу потребовалось немало времени, чтобы дозвониться до дома в Хэмстеде, но наконец он дозвонился. Однако ему сообщили одно — что Молли нет. Она заезжала на своем двухместном автомобиле, проинформировал его шведский голос, но, пробыв дома совсем немного, уехала снова.

— Превосходно! — воскликнул Джордж, когда его собеседник уже перешел на родной язык.

Бурлящее расположение к ближним переполняло его, когда он вешал трубку. Если Молли уже выехала в Нью-Йорк, то ждать ее можно с минуты на минуту. Сердце его ликовало, и соображения о том, что пребывает он в незавидном статусе беглеца, да еще вдобавок полицейская ищейка, кровно заинтересованная в его местонахождении, шныряет где-то поблизости, совершенно позабылись. Пренебрегши всякой осторожностью (хотя, казалось бы, именно она должна бы заботить человека в его ситуации), Джордж разразился веселой песенкой.

— Эй, Пинч!

Джордж, как раз забравшийся на высокую ноту,

спустился на землю, заледенев от страха. Первым его порывом было стрелой метнуться в спальню и забиться под кровать; в этом у него уже появилась известная сноровка. Потом верх взял разум, и паника поугасла. Только один его знакомый мог обратиться к нему «Эй, Пинч!».

— Мистер Уоддингтон? — пробормотал он, открывая дверь гостиной.

— А кто же еще? — Аромат свежей сигары защекотал ноздри Джорджа. — У тебя, что, света нет в этой твоей квартирёшке?

— А полисмены тут есть? — заговорщицким шепотом осведомился Джордж.

— Сидит один у Бимиша, — с довольным хохотком ответил Уоддингтон. — Продал мне только что все эти акции. Кинокомпания такая в Голливуде, штат Калифорния. За триста зелененьких! Вот я и зашел отпраздновать. Выставляй выпивку! — В настроении Уоддингтон явно пребывал в самом радужном, только что не дошел до той стадии, когда крушат мебель.

Джордж включил свет. Если его враг так далек, осторожность можно и отбросить.

— А-атлично! — воскликнул Сигсби. Он привалился к книжной полке, заломив шляпу, сунув в рот сигару. Глаза его поблескивали почти челове-

ческим разумом. — У меня, Пинч, здорово варит котелок насчет бизнеса, — заявил он, ловко, одним движением верхней губы перебросив сигару с крайнего востока на крайний запад. — Парень я с ба-а-аль-шими мозгами!

Хотя все данные, какие ему удалось собрать за время их знакомства, доказывали прямо противоположное, Джордж не собирался затевать спор. Сейчас его занимали вопросы повесомее, чем дискуссия об умственных способностях этого бедолаги.

— Я нашел ту девушку! — сообщил Джордж.

— Какую?

— Да ту, что стащила ожерелье. И оно уже у меня!

Тему он выбрал удачно. Сразу заинтересовавшись, Уоддингтон забыл на время о своих деловых удачах. Глаза у него выпучились, и он выпустил облако ядовитого дыма.

— Не может быть!

— Да, вот оно!

— Дай-ка его мне! — вскричал Сигсби. Джордж нерешительно покачивал ожерельем.

— Отдать его надо Молли.

— Нет, мне! — категорически заявил Уоддингтон. — Я — глава семьи и отныне вести себя буду

как глава. Чересчур долго, Пинч, я позволял попирать себя железной пятой и лягать шипастыми башмаками. Ты меня понимаешь. Но теперь власть будет у меня. С сегодняшнего дня и впредь, все долгие годы до тех пор, пока мои друзья и родственники, собравшись у моего гроба, не прошепчут: «Какой же умиротворенный у него вид!» — все будет по-моему. Давай сюда ожерелье! Надо сделать новую оправу. Или продам и верну Молли вырученные деньги. В любом случае, давай сюда!

И Джордж отдал. Вид у Сигсби стал совсем иной, властный и повелительный, так что не захочешь — отдашь то, что он просит. У него стал вид человека, которого кормят мясом.

— Пинч!

— Финч, — поправил Джордж.

— Джордж! — неожиданно вскрикнул другой голос, и от неожиданности Уоддингтон ткнул сигарой себе в глаз.

Волна чувств захлестнула Джорджа.

— Молли! Это ты?

— Да, милый. Я пришла!

— Как ты быстро!

— Я торопилась.

— Вообще-то мне показалось, что несколько

часов прошло.

— Правда, дорогой?

Мистер Уоддингтон все еще не оправился от потрясения.

— Если б мне кто сказал, что родная моя дочка так вот подкрадется да рявкнет сзади над ухом, — проворчал он, — ни в жизнь не поверил бы.

— О, папа! И ты здесь. А я тебя и не заметила.

— Пока — здесь. Но едва не очутился *там!* От твоего крика у меня чуть голова не отлетела.

— Прости, пожалуйста!

— Чего теперь-то извиняться? — капризно бурчал Уоддингтон. — Явилась и испортила лучшую сигару в Хэмстеде.

Грустно оглядев остатки, он достал новую из верхнего кармашка жилета и откусил кончик.

— Молли, ангел мой! — трепещущим голосом выговорил Джордж. — Подумать только! Мы снова вместе!

— Да, Джордж, милый! Знаешь, мне показалось, что в твоей спальной веранде кто-то есть.

— Что?

— Правда-правда. Я слышала голоса.

Если разобраться как следует, то нет инстинкта более глубокого, чем уважение к собственности — своей, разумеется. Самая добрейшая собака на-

бросится на ищеек, защищая свой личный двор, а добродушнейший из людей, будь он настоящим червяком, взовьется, если кто покусится на его владения. От новости, что кто-то опять забрался на его веранду, Джордж просто вскипел. Ему почудилось, будто все население Нью-Йорка уже рассматривает эту веранду как фешенебельный курорт. Не успел он выгнать одну толпу визитеров, нагрянула новая!

С бессловесным мычанием он ринулся на крышу. Невеста его с отцом спешили по пятам. Молли боялась, что Джорджу нанесут увечье, а Уоддингтон опасался, что его не изобьют. Вечер для Сигсби был великий, и ему не хотелось, чтобы под конец он лишился красок.

— Приготовь револьвер! — крикнул он, держась в глубоком тылу. — Стреляй, когда увидишь белки их глаз!

Добежав до веранды, Джордж бабахнул кулаком в дверь.

— Эй! — закричал он и повернул ручку. — Господи! Да тут заперто!

Из верхнего окошка донесся ослабленный расстоянием умоляющий голос:

— Эй-эй! Послушайте! Послушайте! — Для лорда Ханстэнтона удары в дверь прозвучали

первыми выстрелами армии-освободительницы. Он испытывал все чувства девушки, которая слышит музыку волынщиков, марширующих по освобожденному Лакноу. — Послушайте, кто вы там! Выпустите нас! Пожалуйста!

Джордж заскрипел зубами.

— То есть как — кто вы там?! Я — Джордж Финч, и эта веранда принадлежит мне!

— А, Джордж! Выпусти нас поскорее, Джордж, старик! Ты ж хороший парень!

— Зачем вы туда забрались?

— Нас полисмен запер! А этот болван-дворецкий пообещал отпереть дверь и наплел какие-то небылицы, будто не может разыскать ключ. И еще удрал со всей нашей наличностью. Так что будь мужчиной, Джордж, и Бог тебя вознаградит! Действуя быстро, ты спасешь жизнь моего доброго друга. Он, то есть она, икает и, мне кажется, уже на грани истерики.

— О ком ты говоришь?

— О миссис Уоддингтон.

— А что, и миссис Уоддингтон там с тобой?

— Конечно!

Джордж резко втянул воздух.

— Да-а, мама, — укоризненно протянул он, — от вас я такого не ожидал!

Сигсби издал страшный вопль.

— Моя жена! Там! С мужчиной! Дай я поговорю с ними!

— Кто это? — осведомился Ханстэнтон.

— Мистер Уоддингтон, — объяснил Джордж. — А это кто? — удивился он, когда еще один пронзительный вопль огласил воздух.

— Миссис Уоддингтон. Послушай, Джордж, старик, — тревожно осведомился лорд, — как поступать, если женщина вдруг синеет и тихонько булькает?

Догадавшись, что человеку его сложения бесполезно докрикиваться через окошко, если он не встанет на что-то, Сигсби метнулся через крышу и вернулся в обнимку с цветочным горшком. Горящие глаза и то, что он даже в такой момент продолжал пыхтеть сигарой, придавали ему поразительное сходство с изрыгающим пламя драконом. Он бухнул горшок на пол и, точно человек, всходящий по камням умершего «я» к другому «я», к высшему, взобрался на него.

Теперь он прекрасно дотягивался до оконца и сумел дать лорду Ханстэнтону в морду, что оказалось и к лучшему. Его светлость, зашатавшись, упал, открыв вид оскорбленному мужу на провинившуюся жену.

— Х-р-р! — зарычал Сигсби.

— Сигсби, я могу все объяснить!

— Наглость, — фыркнул Сигсби, — нравится мне, но в меру и на своем месте. У женщины хватает нахальства порочить прекраснейшего молодого человека, одного из лучших на Золотом Западе, а когда я случайно приезжаю в Нью-Йорк по важному делу и нахожу ее запертой с мужчиной, она заявляет, что может все объяснить!..

Тут Уоддингтон прервал сам себя, чтобы набрать воздуха.

— Сигсби!

— А все оттого, что живем мы на душепагубном Востоке, — продолжил он, набрав свежего воздуха в грудную клетку. — Я сто раз говорил…

— Сигсби, все получилось нечаянно. Лорд Хантстэнтон сказал правду. Нас действительно запер полисмен.

— Как вы вообще там очутились?

Наступила короткая пауза.

— Я зашла посмотреть, чем занимается Финч. Я слышала, как он разговаривал здесь с распутной девицей.

Уоддингтон вопросительно взглянул на Джорджа.

— Ты разговаривал сегодня вечером с распут-

ной девицей?

— Конечно нет! — негодующе вскричала Молли.

— Я не говорил ни с одной представительницей противоположного пола, — с достоинством ответил Джордж, — кроме девушки, укравшей ожерелье. У нас с ней был чисто деловой спор. Я сказал: «Отдайте мне ожерелье!» — и она отдала, а потом пришел ее муж и увел ее.

— Ну, слыхала?! — спросил Уоддингтон.

— Нет, мне тут ничего не слышно.

— Так вот, поверь мне на слово, этот замечательнейший молодой человек с Запада чист, как свежевыпавший снег. А теперь послушаем тебя. Почему полисмен вас запер?

— У нас случилось недоразумение…

— Какое?

— Ну, я… э… нечаянно бросила ему немножечко перца в лицо…

— Господи милостивый! Зачем?

— Он застал меня в квартире Финча и хотел арестовать.

— В самом деле? — холодным, непреклонным голосом спросил Уоддингтон. — Что ж, дальше некуда. Если не можешь жить на Востоке, не швыряясь перцем в полисменов, придется нам

отправиться на Запад, пока ты с топором на них не стала кидаться. Это мое последнее, непоколебимое решение! Мы едем на Запад, женщина, где сердца чисты. Попытаемся начать новую жизнь!

— Я поеду, Сигсби! Я поеду, поеду!

— Да уж, можешь поклясться своим крашеным рыжим перманентом. Поедешь, не отвертишься.

— Завтра же куплю билеты!

— Нет уж! — И горшок с кустом, на котором стоял Уоддингтон, чуть не опрокинулся от его широкого жеста. — Билеты куплю я. Может быть, тебе интересно узнать, что благодаря коммерческой сделке, придуманной этой вот головой, я снова стал богатым. Да, да, да! Я могу купить все билеты, требующиеся моей семье, и управлять этой семьей, как ею нужно управлять. Теперь я — большой человек! Да, я — Сигсби Х… — Горшок с кустом чуть накренился, и оратор свалился на руки Гарроуэя, который поднялся на крышу проверить, что там с пленниками, и очутился вдруг в дискуссионном клубе.

— …Уоддингтон! — заключил Сигсби.

Полисмен холодно оглядел его. Неприязнь, которую он испытывал к этому человеку, миновала, но смотреть на него как на друга он все-таки не мог. Более того, свалившись с горшка, Уоддинг-

тон тяжело ухнул ему на правую ногу, чуть ли не единственную часть тела, оставшуюся не изувеченной после приключений этого вечера.

— В чем дело? — поинтересовался Гарроуэй.

Его взгляд упал на Джорджа, и он испустил то тихое, зловещее рычание, какое можно услышать от леопарда, напавшего на след жертвы, тигра, изготовившегося к прыжку, и нью-йоркского полисмена, неожиданно наткнувшегося на человека, который набросил ему скатерть на голову, а потом саданул в глаз.

— Так вот вы где! — Гарроуэй взвесил дубинку на руке и мягко двинулся вперед. Молли с криком заступила ему дорогу.

— Остановитесь!

— Окажите любезность, мисс, — крайне вежливо, как всегда в разговоре с дамой, попросил Гарроуэй, — уйдите к чертям с дороги!

— Гарроуэй!

Полисмен резко повернулся. Только один человек в мире был способен обуздать его грозные замыслы, и именно он только что присоединился к группе. В свитере и спортивных туфлях, Хамилтон Бимиш производил достойное и живописное впечатление. Стоял он в лунном свете, отблескивающем от его роговых очков, и держал гантели.

Режим есть режим, и все переживания за день не заставили бы его пропустить час упражнений.

— Что за шум, Гарроуэй?

— Э, мистер Бимиш…

Вокруг раздался нестройный хор голосов.

— Он пытался убить Джорджа!

— Он запер мою жену на веранде!

— Чудовище!

— Наглец!

— Джордж ничего ему не сделал!

— Моя жена всего и бросила ему капельку перца в лицо!

Хамилтон повелительно вскинул гантели.

— По очереди, по очереди! Гарроуэй, изложите свою версию.

Он внимательно выслушал рассказ.

— Отоприте дверь! — распорядился он, когда все было сказано.

Полисмен ее отпер. Появилась миссис Уоддингтон, а следом за нею лорд Ханстэнтон, опасливо глянув на Уоддингтона, с небрежным видом скользнул к лестничной двери. Все ускоряя шаг по мере приближения к ней, он внезапно исчез. Человек он был воспитанный и терпеть не мог скандалов, а все инстинкты подсказывали ему, что скандалом пахнет и лучше всего поскорее

оказаться в другом месте.

— Остановите этого человека! — воскликнул Гарроуэй и заметно помрачнел. — Ну вот! Теперь он удрал! А его разыскивают в Сиракузах!

Сигсби покачал головой. Город этот он не любил, но смекалка у него все-таки была.

— Даже в Сиракузах, — заметил он, — вряд ли нужен такой субъект.

— Да это же Пижон Уилли! Я хотел доставить его в участок!

— Вы ошибаетесь, Гарроуэй, — поправил Хамилтон. — Это лорд Ханстэнтон. Лично мне знакомый.

— Так вы его знаете, мистер Бимиш?

— И очень близко.

— А ее? — Полисмен ткнул в миссис Уоддингтон.

— Да, близко.

— А его? — спросил Гарроуэй, тыкая в Джорджа.

— Один из моих лучших друзей.

Полисмен испустил тяжелый вздох и озадаченно умолк.

— Все дело, — изрек Хамилтон, — возникло из-за дурацкого недоразумения. Эта леди, Гарроуэй, мачеха юной леди, на которой Финч должен был

сегодня жениться. Но возникла небольшая помеха. Как я понял со слов Сигсби, миссис Уоддингтон сочла, будто мораль мистера Финча не на высоте. Но позже обнаружились факты, убедившие ее, что она ошиблась, и она поспешила в Нью-Йорк, чтобы разыскать мистера Финча и сообщить ему, что свадьба состоится с полного ее одобрения. Правильно, миссис Уоддингтон?

Миссис Уоддингтон сглотнула. На минуту показалось, что в ее глазах снова появится хорошо знакомое всем выражение воинственной рыбы. Но нет, дух ее был сломлен. Она перестала быть прежней. Утратила былую форму.

— Да… да… То есть… Ну да, — просипела она.

— Итак, вы зашли к мистеру Финчу, чтобы сообщить ему это? Не с какой-то иной целью?

— Да, ни с какой иной… то есть с этой…

— В общем, вы хотели разыскать своего будущего зятя и заключить в материнские объятия. Я прав?

Пауза была такой долгой, а взгляд, брошенный на Джорджа, таким выразительным, что Джордж, и всегда тонко чувствующий, невольно призадумался: а уж не пренебрег ли он долгом мужчины и гражданина, не вмазав ей по носу?

Наконец она выговорила:

— Правы…

— Ну и отлично! — подытожил Хамилтон. — Так что, сами видите, Гарроуэй, причины пребывания миссис Уоддингтон в квартире достойны всяческого восхищения.

— А почему она швырнула мне перцем в лицо?

— Да, Гарроуэй, — покивал Хамилтон, — это не совсем безобидно. Вы имеете полное право сердиться и даже возбудить судебный иск за оскорбление действием. Но миссис Уоддингтон — дама разумная и, несомненно, пожелает уладить это маленькое недоразумение способом, приемлемым для всех сторон.

— Я ему заплачу! — закричала разумная дама. — Любые деньги!

— Эй! Эй!

То был голос Уоддингтона. Он стоял, властный и сильный, сигара его потухла, и он воинственно жевал ее.

— Тэк-тэк-с! — сказал он. — Если речь идет о взятке, дать ее должен я, как глава семьи. Загляните ко мне завтра, Галлахер, туда, в Хэмстед, и мы все обсудим. Вы убедитесь, что человек я очень щедрый. Мы, ковбои с Запада…

— Грандиозно! — заключил Хамилтон Бимиш. — Итак, все счастливо уладилось!

На той частичке Гарроуэева лица, которая оставалась на виду, отразились сомнение и неудовольствие.

— А как же насчет этого вот гуся? — показал он на Джорджа.

— Этого индивидуума, — поправил Бимиш. — А что с ним, Гарроуэй?

— Он же мне в глаз вмазал!

— Несомненно, в порыве безудержного веселья. Где это случилось?

— Внизу, в «Лиловом цыпленке».

— А-а! Если бы вы знали этот ресторанчик получше, вы бы поняли, что такие происшествия — это так, мелочи повседневной жизни. Гарроуэй, вы должны об этом забыть.

— Что ж, и вмазать ему нельзя?

— То есть ударить? Нет, нельзя. Я не могу допустить, чтобы вы докучали Финчу. Он завтра женится.

— Но…

— Гарроуэй, — спокойно и повелительно перебил Хамилтон, — мистер Финч — мой друг.

— Хорошо, мистер Бимиш, — безропотно отозвался полисмен.

— Сигсби, — тормошила мужа за рукав миссис Уоддингтон.

— Да, что?

— Сигсби, дорогой, я умираю с голоду. У меня весь день во рту маковой росинки не было! А тут есть такой чудесный супчик…

— Сейчас пойдем. — Сигсби повернулся к Джорджу. — Ты идешь?

— Я хотел повести Молли куда-нибудь.

— О нет, Джордж! Пойдем с нами! — чарующим голосом пригласила миссис Уоддингтон и подошла к нему поближе — Джордж, а ты правда ударил полисмена в глаз?

— Да.

— Расскажи мне про это подробнее.

— Он, видите ли, пытался меня арестовать. Ну, я набросил скатерть ему на голову, а потом съездил по рылу. Он и отстал.

Глаза миссис Уоддингтон заблестели. Она взяла его под руку.

— Джордж! Я неправильно о тебе судила. Лучшего мужа для Молли я и желать не могу!

Хамилтон стоял в лунном свете, поднимая и опуская гантели. Поработав с гантелями, он перешел к простым упражнениям для укрепления мышц: раздвинул ноги дюймов на шесть, слегка вывернул носки и положил ладони на бедра большими пальцами назад. Потом наклонился

вперед от плеча — не от бедер. Втянул живот и, держа его втянутым, наклонился налево, напрягая мускулы левого бока. Ноги он держал прямо, выпрямив колени. Затем проделал то же с правой стороны и повторил упражнение двадцать раз: десять — справа, десять — слева. Выполнял он их, как и положено, медленно, без рывков.

— А-а! — выдохнул он расслабляясь. — Прекрасная тренировка для мышц. Превращает их в живой пояс. Вы, Гарроуэй, тренируете мышцы?

— Да вроде нет, — покачал головой полисмен. — А так мышек я видел. Их в Бронксе много.

Хамилтон взглянул на него озабоченно.

— Гарроуэй, что-то вы рассеянны, — заметил он, — слышите совсем не то.

— Бывает, знаете, бывает, — горько отозвался полисмен. — Когда тебе швырнут перца в лицо, закутают голову в скатерть, а потом еще и стукнут в глаз… Тут уж не захочешь, станешь рассеянным, а к тому же, когда я уже решил, что зацапал…

— Арестовал.

— Ну, арестовал этих… индивидуумов, вдруг выясняется, что они — ваши друзья. Пришлось отпустить всех подчистую. Вот что мне тяжело, мистер Бимиш.

Хамилтон похлопал его по плечу.

— Каждому поэту, Гарроуэй, необходимо познать страдания, прежде чем преподавать в своих стихах науку жизни. Возьмите хоть Китса! Или Чаттертона! Наступит день, и вы будете только благодарны за сегодняшние события. Страдания выкуют из вас поэта. А кроме того, вспомните-ка о деньгах, которые вы получите от Уоддингтона.

— Сейчас мне бы выпить чего, и похолоднее…

— Мистер Гарроуэй!

Полисмен оглянулся. В окне стояла Молли.

— Мистер Гарроуэй. Случилась очень странная вещь. Джордж наткнулся в шкафу на две большущие бутылки шампанского. Он прямо не представляет, как они там очутились. Знаете, осмотрите их, а? Проверьте, хорошее ли вино.

Тучка, омрачавшая лицо полисмена, растаяла словно по волшебству. Медленно высунулся изо рта язык и алчно облизал пересохшие губы. Глаз, оставшийся на виду, загорелся светом, неведомым доныне ни на суше, ни на море.

— Пойдете со мной, мистер Бимиш? — спросил он.

— Опережу вас, — ответил Хамилтон.

Большие деньги

Глава I

1

Майским полднем, когда деловой Лондон делает паузу в трудах, дабы восстановить силы за ленчем, в кофейном зале клуба «Трутни» на Доувер-стрит произошло приятнейшее событие — встреча школьных друзей. Годфри, лорд Бискертон, сын и наследник шестого графа Ходдесдона, угощал своего некогда закадычного дружка Джона Бересфорда Конвея.

В то утро, направляясь в Сити, чтобы обсудить с управляющим банка небольшую проблему, связанную с превышением кредита, лорд Бискертон случайно столкнулся с Берри Конвеем на Корнхилл. Последний раз они виделись три года назад, и теперь в поведении лорда, когда он смотрел через стол на своего визави, сквозил легкий упрек, вроде того, с каким взыскательный постановщик блошиного театра возвращает на место свою артистку, скакнувшую прочь из загончика.

— Невероятно! — сказал он.

Лорд Бискертон был молодым человеком с рыжей шевелюрой и такого же разительного

оттенка растительностью над верхней губой, которую можно было принять за робкий набросок будущих усов. Он с чувством налегал ножом и вилкой на лежавшую перед ним жареную подметку.

— Совершенно невероятно, — повторил он. — Никак не могу успокоиться. Заинтригован. Вот сидим мы, два птенчика, с одной стороны ты, с другой — я, которые когда-то были не разлей вода. Наша дружба была каноном братской любви. И убей меня Бог, если мы хоть раз видались с того самого лета, когда Ореховый Прутик выиграла юбилейный гандикап. Уму непостижимо.

Берри Конвей чуть заерзал на стуле. Он выглядел смущенным.

— Надеюсь, что мы все же скучали друг по другу.

— Но в какой мере? — Лорд Бискертон был настроен дойти до самых глубин. — Вот что мне желательно знать. В какой мере? Я бываю везде. На бегах, в ресторанах, театрах — словом, всюду. Любого спроси, тебе скажут, как трудно меня обойти. Я отравляю жизнь чертовой прорве народу. «Мать моя, — сетуют они, — опять ты!» — и бросаются в первый попавшийся переулок затем лишь, чтобы столкнуться со мной лоб в лоб. И как

только тебя миновала чаша сия?

— Вот оно, фамильное везение Конвеев.

— Тогда почему ты меня не искал? Тебе должно быть известно, где я обретаюсь. В телефонную книгу заглянул бы.

Берри покатал пальцами хлебный шарик.

— Далек я теперь от тех дней, — ответил он. — Живу в пригороде, в Вэлли Филдс.

— Не женился, а? — с внезапной тревогой спросил лорд Бискертон. — Не обзавелся женушкой или другой такой бедой?

— Нет, живу с Обломком Прошлого. Бывшей нянькой. Она, кажется, до сих пор себя ею считает, — сказал Берри, и лицо его омрачилось. — Когда я нынче утром уходил из дома, она кричала вслед, не забыл ли я надеть теплые кальсоны.

— Мой дорогой! — Лорд Бискертон удивленно поднял брови. — К чему такие интимные подробности? Не стоит позволять себе лишнего. Старушка хлопочет вокруг тебя? Что ж, таковы они все, старые няньки, — добавил он, передернувшись от неприятного воспоминания, — Моя однажды поцеловала меня на перроне Паддингтонского вокзала, загубив мой авторитет в школе на целый семестр. А почему ты не отцепишь от себя эту болячку? Назначил бы ей ренту.

— Ренту! — усмехнулся Берри. — На какие шиши? Скажу тебе, Бисквит, всю правду. Я потому выпал из нашего круга, живу за городом и перестал видеться со старыми приятелями, что оказался на дне. У меня нет ни гроша.

Названный Бисквитом уставился на него.

— Ни гроша?

— Ну, я, может, преувеличил. Если быть точным, сейчас мои дела получше, чем года два назад, потому что я получил работу секретаря у Фрисби, американского финансиста. Но он платит мне всего несколько фунтов в неделю.

— Так ведь секретарь должен знать стенографию и прочую скукоту?

— Я научился стенографировать.

— Да что ты! — изумился Бисквит. По-видимому, это откровение заставило его наконец представить себе драматизм ситуации во всем его мраке. — Тебе, должно быть, пришлось нелегко.

— Именно так. Если бы один старый хрыч, от которого я абсолютно ничего не ожидал, не одолжил мне две сотни фунтов, я бы, наверное, помер с голоду.

— Да что же такое стряслось? — спросил Бисквит, сбитый с толку. — Ты в школе считался чуть ли не миллионером. Идешь, а в карманах звенят

монеты. Бутерброд с джемом себе и товарищу — раз плюнуть. Куда же ухнули денежки? Что разладилось?

Берри мешкал с ответом. За последнее время он истосковался в одиночестве, и возможность поделиться невзгодами с сочувствующим собеседником выглядела соблазнительной.

— Ты вправду хочешь услышать историю моей жизни, Бисквит? — осторожно спросил он. — Тебе не наскучит?

— Наскучит? Что ты, мой дорогой! Да я горю от нетерпения. Выкладывай всю подноготную. Прямо с самого начала. Детство — окружение — гениальные задатки, унаследованные по мужской линии, — все, что полагается.

— Ну смотри, ты сам этого хотел.

Бисквит задумался.

— Когда мы впервые встретились, — сказал он, — тебе было, помнится, лет четырнадцать. Обидчивый подросток, голенастый, красноухий, но над тобой стоило потрудиться, имея в виду твое огромное богатство. Откуда оно у тебя было? Только честно!

— От тети. Дело в том, что я был единственным ребенком…

— Ну, одного этого хватит.

— Моя мать умерла, когда я родился. Отца я никогда не знал.

— Я иногда сожалею о том, что знаю своего, — вставил Бисквит. — У шестого графа есть свои плюсы, но временами он просто невыносим. Так почему ты не знал своего отца? Ты был необычным ребенком?

— Он погиб в железнодорожной аварии, когда мне исполнилось три года. Тогда меня усыновила его тетка. Она как раз потеряла мужа, который оставил ей состояние. Он, кажется, заработал его производством джута. Те самые денежки, которые, по-твоему, звенели у меня в карманах. Единственное, что я о нем запомнил, — бакенбарды.

— В три года ты, должно быть, был пренеприятнейшим субъектом, — задумчиво протянул Бисквит. — Ты и в четырнадцать был не подарок. А уж в три на тебя, наверное, никаких нервов не хватало.

— Напротив. Ханна мне часто говорила…

— Что за Ханна?

— Ханна Уисдом. Которая за мной присматривает.

— Понятно. Та самая, которая следит за твоим нижним бельем. Мне было показалось, что ты

ввел в нашу беседу сексуальный мотив.

— Ханна часто говорила, что в своем бархатном костюмчике я выглядел чистым ангелочком. У меня были длинные золотые локоны…

— Гадость какая, — сурово прервал его Бисквит. — Прекрати. Есть вещи, о которых не говорят при мужчинах. Давай ближе к теме. Ты остановился на богатой тетке. Итак, что же дальше?

— Она баловала меня, как принца. Отправила учиться в школу, потом в Кембридж, окружила самой утонченной роскошью.

Бисквит нахмурился.

— Очевидно, — сказал он, — где-то тут и зарыта собака. Только пока не пойму где.

— Собака, — сказал Берри, — вот где. В то золотое беззаботное время, когда мы с тобой бездумно перебрасывались чернильными бомбочками, моя тетя, как теперь выясняется, так же бездумно просаживала свой капитал. Не знаю, пыталась ли она добывать золото из морской воды, но если нет, это единственная причуда, которая не пришла ей в голову. Всякому, кто возникал на ее горизонте с настолько бредовой идеей, чтобы от нее шарахались все здравомыслящие люди, она со всех ног бежала выписывать чек.

— Женщинам, — прокомментировал Биск-

вит, — нельзя доверять чековые книжки. Я всегда это говорил. Они все чокнутые.

— Два года назад она умерла, оставив мне свое состояние. Оно состояло из трех тонн ценных бумаг, выпущенных фиктивными компаниями. Вот и все, что мне досталось.

— Из князей в грязи, значит.

— Да.

— Ужасно, — констатировал Бисквит. — Иначе не скажешь.

— На мое счастье, адвокат моей тети, некто Эттуотер, имеет обыкновение появляться в трудную минуту, чтобы поддержать веру в человека. У него рыбьи глаза и деревянная физиономия, а когда он приходил к нам обедать, то всегда щелкал меня по носу как истый джентльмен старой закалки, если я осмеливался проронить хоть слово. Но видит Бог, под этой грубой внешностью… Словом, он одолжил мне двести фунтов — две сотни настоящих, весомых фунтов. Если у меня когда-нибудь появится сын, он будет наречен именем Эбнезера Эттуотера.

— Лучше ему не появляться, — заметил Бисквит.

— Эти деньги просто спасли мне жизнь. Три месяца я прочесывал Лондон в поисках хоть

какой-то работы. А по ночам в поте лица изучал стенографию и машинопись. Наконец меня взял секретарем один человек из экспортно-импортной компании. Месяц назад он отошел от дел и рекомендовал меня своему коллеге и приятелю. Таким образом Фрисби вошел во владение моим бренным существованием. Вот почему, — заключил Берри, — я живу за городом и не общаюсь с Бискертонами и прочей золотой молодежью. Самое обидное, что, как раз когда разразилась эта катастрофа, я собирался отправиться в кругосветное путешествие на грузовом судне. Конечно, пришлось отказаться.

Бисквит изобразил крайнее изумление.

— Ты хочешь сказать, что избегал меня, потому что тебе не повезло? Ты стыдился своей бедности? В жизни не слыхал ничего глупее.

Берри зарделся.

— Легко тебе говорить. Нельзя водиться с людьми, которые намного богаче тебя.

— Кому нельзя?

— Никому.

— А я всю жизнь вожусь, — гордо ответил лорд Бискертон, — и если Бог не выдаст, и дальше собираюсь с ними водиться, покуда не стану совсем стар и сед. И представь себе, я нисколько

не богаче тебя. Я знаю, что такое деньги, только понаслышке.

— Шутишь!

— Нисколько. Если хочешь узнать, что такое настоящая нищета, посмотри на мое семейство. Я разорен. Мой папаша разорен. Моя тетка Вера разорена. Просто эпидемия банкротства. Я задолжал всем лавочникам в Лондоне. Отец неделями не ест мяса. А тетя Вера, вдова полковника Арчибальда Мейса, кавалера ордена Виктории, вынуждена писать утешительные статейки в вечерние газеты. Знаешь, их печатают на последней странице о том, что где-то всегда светит солнце и нам надо жить и радоваться, как птичкам на ветке. Бедная женщина попала в такие стесненные обстоятельства, что сделала попытку занять денег у меня. У меня, ты только подумай! Когда мне самому впору петь Лазаря.

Он засмеялся своим воспоминаниям. Затем, отведав фруктового салата, снова посерьезнел и вывел мораль.

— Корень зла, дружище, в том, что сегодня графы ничего не значат. Все равно что играть в наперстки. Если тебе кто предложит сыграть в наперстки, дай в глаз и беги. А уж быть сыном и наследником графа и того хуже.

— Мне всегда казалось, что ты купаешься в деньгах, Бисквит. У тебя же огромное поместье в Сассексе…

— В том-то и беда. Слишком огромное. Прорва ненасытная. Я знаю, что ввело тебя в заблуждение. Это общая ошибка. Ты видишь фотографию в «Сельской жизни» — граф стоит в небрежной позе у северо-восточного фасада своего родового гнезда в Лоамшире, и говоришь: вот счастливчик, вот бы с кем познакомиться! Тебе и невдомек, что в тот момент, когда щелкнул затвор, этот бедолага ломал голову, где бы достать деньжат на краску для этого самого фасада. Я уж не говорю о земельном налоге, налоге с дохода, налоге со сверхприбыли и так далее, из-за них фамильный чулок совсем оскудел, старина. Вот ведь в чем дело, — сказал Бисквит, подводя итоги. — Если Англия хочет иметь счастливую, сытую аристократию, она не должна воевать. Или одно, или другое.

Он вздохнул и погрузился в глубокое молчание.

— Жаль, что мне не удалось найти способ заработка, — резюмировал он свои соображения. — На бегах у меня ничего не получается. И с бриджем не везет. Тем не менее способ должен

быть. Посмотри на всех этих богатых зануд, которые снуют туда-сюда. Они же нашли выход. Я на днях прочитал в одной книжке, как один тип подходит к другому на улице — совершенно незнакомому, но сразу видно, что богатому, — и шепчет на ушко — первый тип шепчет — «Хочу вам сказать словечко, сэр!» Это второму типу, ты понимаешь. «Хочу вам словечко сказать, сэр: я знаю вашу тайну!» И все — второй тип делается белым как бумага и обеспечивает первому безбедное существование до конца жизни. Чем не вариант?

— Тянет лет на семь, надо думать.

— Ладно, если я на такое решусь, дам тебе знать. А ежели меня отправят в Бастилию, ты будешь меня навещать и просовывать хлеб через решетку.

Он съел сыр и вернулся к предыдущей теме.

— А что это ты говорил насчет кругосветного путешествия? — спросил он. — Насколько я помню, ты сказал, что тебе перекрыли кислород, именно когда ты его планировал. По-моему, это бред. Что за идея — путешествовать вокруг света на грузовой посудине?

— Просто мне захотелось оторваться и отправиться навстречу приключениям. Помнишь,

у Киплинга: «И я хочу в Бразилию, к далеким берегам!».

— Ш-ш-ш! — стыдливо зашипел на него Бисквит. — Дружище! Здесь нельзя декламировать стихи! Это против клубных правил. Есть специальный циркуляр.

— Я на днях беседовал с одним субъектом, — начал Берри, и глаза у него загорелись. — Он только что вернулся из Аризоны. Рассказывал про Мохавскую пустыню. Занимался там изысканиями. Я почувствовал себя орлом в клетке.

— Чем?

— Орлом в клетке.

— Почему?

— Потому что понял — мне никогда не выбраться из Вэлли Филдс и не увидеть ничего стоящего.

— Ты видел меня.

— Представь только, Гранд Каньон!

Лорд Бискертон послушно прикрыл глаза.

— Ну представил, — сказал он. — И что?

— Разве у меня есть шанс увидеть Гранд Каньон?

— А что, нету?

Берри передернулся.

— Ты слышишь, что я говорю? — спросил он.

— Как не слышать, — с энтузиазмом отве-

тил Бисквит. — Ни слова не упустил. Но твое утверждение кажется мне путаным и необоснованным. Насколько я понимаю, ты желаешь прокатиться в Бразилию. И вроде бы страдаешь оттого, что не можешь. А почему не можешь? Бразилия открыта для всех желающих в любое время года. Разве не так?

— Ты забыл про Эттуотера и деньги, которые он мне одолжил? Я не могу с ним расплатиться, если не заработаю денег. А как я заработаю, если брошу все и отправлюсь гулять по свету?

— Ты собираешься с ним расплачиваться? — удивился Бисквит.

— Разумеется.

— В таком случае не о чем говорить. Если ты намереваешься идти по жизни, щепетильно выплачивая долги, — с ноткой суровости произнес Бисквит, — то должен смириться с тем, что тебе не гулять по свету.

Повисла пауза. Лицо Берри омрачилось.

— Меня иногда такое беспокойство одолевает, — сказал он. — Просто не знаю, куда себя девать. С тобой это бывало?

— Никогда. Мне и в Лондоне хорошо.

— А мне нет. Этот субъект, который из Аризоны приехал, рассказывал, как они там в пустыне

работают.

— Вот уж что меня не прельщает.

— Идешь под палящим солнцем, спишь под звездным небом, сверлишь дырки в монолитной скале…

— Полный идиотизм. И выпить негде, правильно я понимаю? Что ж, если тебе именно этого недостает, скажи спасибо. Скажи спасибо, что тебя миновала чаша сия. Ничего страшного, что ты чувствуешь себя креветкой в желе.

— Я не говорил, что креветкой. Я сказал — орлом.

— Это одно и то же.

— Совсем не одно и то же.

— Ну ладно, — примирительно ответил Бисквит. — Как знаешь. Пусть будет по-твоему. Но получается, что ты не можешь осилить долг в две сотни фунтов? Неужели в наследстве твоей тетушки совсем ничего ценного не оказалось?

— Одни бесполезные бумажонки.

— А какие конкретно?

— Всех не упомнишь. На пять тысяч от какой-то Федеральной лакокрасочной компании, еще три тысячи от компании развития чего-то там… Да, и еще одной шахты. Забыл какой.

— Ба! Ты владелец шахты? Тогда дело на мази.

— Да это пустышка, как все приобретения моей тетушки.

— Но что все-таки за шахта?

— Я особенно не вникал, что зря утруждаться, если в ней ничего нет. Какие-то медные копи, кажется. Рудник — «Мечта Сбывается». По мне это не мечта, а чистый кошмар.

— Берри, старина, — сказал Бисквит. — Повторяю тебе со всей ответственностью, что дело на мази. На кой она нужна, эта медь, понятия не имею. В карманах ее носить — звон один. Кошелек набить — одна тяжесть. И что на нее купишь? Вечернюю газету или упаковку пластыря. Тем не менее общеизвестный факт — народ хлебом не корми, дай завладеть медными приисками. Тебе надо немедленно продать эту шахту, отдать старику Эттуотеру его деньги (если ты зациклился на своей безумной затее), одолжить мне, сколько сможешь, из оставшейся суммы, а потом отправляться на все четыре стороны и делать, что душе угодно.

— Сколько можно повторять, что в этой «Мечте» никакой меди нет!

— Зато в мире полным-полно чокнутых. Черный будет день для старой доброй Англии, когда в ней не найдется хоть одного чудака, желающего

купить шахту, пускай и пустую. Ты говоришь, в твоей шахте ничего нет? Ну и что из этого? Мой папаша однажды купил акции нефтяной скважины, так там не только нефти, но и самой скважины не было. Осмелюсь заметить, что если ты бросишь взгляд окрест себя, то обнаружишь дюжину идиотов, которые спят и видят отдать тебе несколько тысяч за эту штуковину.

Берри схватился за край скатерти. Чтобы разжечь его воображение, достаточно было ничтожной искры.

— Ты правда так думаешь?

— Конечно.

Глаза у Берри засверкали огнем.

— Если мне удастся найти человека, который дал бы денег, чтобы заплатить долг Эттуотеру, я бы тут дня не остался. Я бы сел на первый пароход, отправляющийся в Америку, и двинул бы на Запад. Представь только такую картину, Бисквит. Пустыня, простирающаяся на мили и мили вокруг, каменные утесы, очертания которых тонут в мареве. Караванные пути. Пурпурно-алые горы. Мужчины в сомбреро и синих комбинезонах.

— Опасный, должно быть, народ, — заметил Бисквит. — Держись от них подальше, послушай моего совета. Ты что, покидаешь меня? — спросил

он, видя, как Берри поднимается с места.

— Боюсь, мне надо идти. Пора на работу.

— Уже?

— У меня перерыв один час, и сегодня неподходящий день, чтобы нарушать правила. У старика Фрисби опять диспепсия, а в этом состоянии он сердит.

— Ну тогда двигай, раз должен, — сказал отходчивый Бисквит. — И не забудь насчет рудника. Жалко, что у меня не было тетки, которая отказала бы мне что-нибудь этакое. В моей жизни две тетки. Одна из них — Вера, о которой я уже говорил. Вторая, почтенная Каролина, отошла в лучший мир несколько лет назад, задолжав мне два фунта шесть пенсов, которые взяла на такси.

2

В то время как Берри Конвей, неохотно оторвав себя от дружеского застолья, входил в вагон подземки, который должен был доставить его в Сити, к трудам насущным, Т. Патерсон Фрисби, его хозяин, сидел в конторе на Паддингтон-лейн, 6, и разговаривал по телефону со своей сестрой Джозефиной.

Т. Патерсон Фрисби, невысокий человек, имел такой кислый вид, будто его долго выдерживали

в крепком маринаде. Лицо его, когда он взялся за трубку, выражало крайнюю степень недовольства. Сестра всегда вызывала у него раздражение, особенно по телефону, когда ее природная склонность к болтливости достигала невыносимых пределов; к тому же он жестоко страдал от несварения желудка, о каковом и упомянул Берри в беседе с лордом Бискертоном.

Готовность к мукам нисколько не снижала их интенсивности. Напротив, к физическим страданиям добавлялись терзания духовного свойства. Целая медицинская кафедра убеждала мистера Фрисби воздерживаться от жареной утки, и как правило, у него хватало силы воли следовать этому совету. Но вчера вечером искушение сделалось слишком сильным. Он безвольно и безрассудно набросился на фаршированную утку, продемонстрировав здоровый крестьянский аппетит. Сегодня его настигло неминуемое возмездие. В довершение всего позвонила Джозефина.

— Алло? — произнес мистер Фрисби, как бы взывая из бездны.

Он взял таблетку пепсина и бросил ее в рот — не тем полным достоинства жестом, каким величественный монарх швыряет в толпу золотые монеты, а неохотным движением человека,

вынужденного сунуть подаяние назойливому попрошайке. Он знал, что желудочная кислота будет делать свое черное дело, покуда не ублажишь ее этой подачкой.

В мире так много прекрасного, что жаль, казалось бы, тратить время на пищеварение мистера Фрисби, и тем не менее долг историка — не отворачиваться от темных сторон жизни и видеть ее во всей полноте.

— Алло? — произнес мистер Фрисби. Ему ответило чистое сопрано.

— Патерсон!

— Угу.

— Это ты?

— Угу.

— Послушай.

— Слушаю.

— Ну так слушай.

— Слушаю! Сказал же. Давай к делу. И побыстрее. Не забывай, что каждая минута обходится мне в сорок пять монет.

Дело в том, что миссис Мун говорила из своих апартаментов на Парк-авеню в Нью-Йорке. Хотя эта женщина могла позволить себе любые траты, для мистера Фрисби транжирство даже чужих денег было невыносимым. Сам он владел

двадцатью миллионами долларов и любил в них каждый цент.

— Патерсон! Послушай!

— В чем дело?

— Ты меня слышишь?

— Конечно, слышу.

— Ну так слушай. На следующей неделе я еду в Японию с Генри Бессмерсом.

Мистер Фрисби издал тихий стон. Его лицо, напоминающее лошадиную морду, исказилось болью. Нет, желание сестры отправиться в Японию, которая гораздо дальше, чем Нью-Йорк, он вполне одобрял. Его душу ранило то, что она проматывала наличность, извещая его об этом факте. Для такого случая достаточно почтовой открытки из Токио с крестиком и надписью «Это мой номер» на одном из гостиничных окон.

— Только ради этого ты и звонишь? — спросил он сдавленным голосом.

— Нет. Послушай.

— Я уже слушаю.

— Дело касается Энн.

— Ах, Энн… — пробурчал мистер Фрисби, почувствовав некоторое облегчение. Он питал довольно прохладный интерес к делам сестры, но ее дочь, пожалуй, даже любил. Они не виделись

несколько лет, поскольку смещение центра его деловой активности увело его прочь от родной земли, но сохранил память о племяннице как о хорошенькой девчушке с приятными и непосредственными манерами.

— Правда, Патерсон! Я всю голову с ней сломала.

Мистер Фрисби снова издал бурчание, на этот раз означающее, что, по его мнению, это не вяжется с планами столь далекого путешествия.

— Патерсон!

— Ну?

— Слушай.

— Я слушаю!

— Я говорю, голову изломала с этой Энн.

— Это я уже слышал.

— Знаешь, что она учудила на прошлой неделе?

Мистер Фрисби заерзал, как будто только что обнаружил, что сел в муравейник.

— Каким чертом я мог узнать? Я что, по-твоему, — ясновидящий?

— Она отказала Кларенсу Дамфри, сыну Мортимера Дж. Дамфри. Объявила, что он зануда. А Кларенс — милейший молодой человек. Он не пьет, не курит и унаследует миллионное со-

стояние. А знаешь, что она сказала мальчику Бурвашей?

— Что это за мальчик Бурвашей?

— Томбли Бурваш. Ты знаешь. Сын Дуайта Н. Бурваша. Она сказала, что выйдет за него, если он ударит полисмена.

— Что сделает?

— Ударит полисмена.

— Какого полисмена?

— Все равно какого. Сказала, что он сам может выбрать полисмена. Томбли, натурально, отказался. Он на такое не способен. И вот так всегда. Я отчаялась выдать ее замуж и живу в постоянном страхе, что она убежит с первым встречным. Она безумно романтична. Ни один добропорядочный молодой человек ей не годится. О господи! Я както ее спросила, кого она хочет в мужья, и что она ответила? Смесь Джина Танни с Т. Э. Лоуренсом и Линдбергом и чтобы был похож на Рональда Колмена. Так что, поскольку я еду в Японию, мне кажется, лучше всего будет отправить ее на лето в Англию. Может быть, встретит кого-нибудь… ну, приличного.

Мистер Фрисби закашлялся.

— Слушай, — решительно сказал он, нечаянно впадая в плагиат. — Если ты надеешься повесить

ее мне на шею…

— Разумеется, нет. Холостяцкий образ жизни, который ты ведешь, не годится для юной девушки. Она должна общаться с порядочными людьми. Я хочу, чтобы ты дал объявление в газеты о том, что требуется дама с титулом. Энн сможет у нее жить и выезжать с ней в свет.

— А-а, — с облегчением протянул мистер Фрисби.

— И когда будешь выбирать, поосторожней с титулом. Миссис Генри Бессмер рассказывала, что один друг присоветовал ей леди Такую-то, а она оказалась всего-навсего вдовой человека, которого удостоили рыцарским званием за то, что он был мэром какого-то городишки в Ланкашире, когда король открывал там ратушу или что-то в этом роде. Запомни, настоящих аристократок зовут по имени — леди Агата Так-то или леди Агата Сяк-то. Значит, она дочь герцога или графа.

— Ладно.

— Дело хлопотное, но куда денешься. А как твой люмбаго?

— У меня его нет.

— Не глупи. Я знаю, ты очень мучишься.

— Чем-чем? Скажи по буквам.

— Лисица, юность, майонез…

— Господи! — воскликнул мистер Фрисби, едва не плача. — Ты оплачиваешь звонкой монетой каждую букву! Вот тараторка.

— Кто-кто?

— Туша, амфора, роза, амфора, туша, окно, роза, кнопка, амфора. Ради бога, повесь трубку, пока тебя не отправили в долговую тюрьму!

После того как гвалт на другом конце провода утих, мистер Фрисби несколько минут сидел в глубокой задумчивости. Потом протянул руку за целлулоидными манжетами, лежавшими возле чернильного прибора. Тяга к удобству была у него сильнее стремления к элегантности, и, принимаясь за работу, мистер Фрисби их отстегивал. В минуты нервных потрясений их блестящая поверхность будила в нем литературные наклонности. Манжеты для Т. Патерсона Фрисби служили тем же, чем скрижали для поэта.

Взяв один из этих пошлых предметов, он нацарапал на нем следующую pensée[27]:

«Джозефина — зараза».

Слова эти написанного внесли в его душу некоторое успокоение. Но неудовлетворенность осталась. Он лизнул карандаш и внес поправку:

---

[27] Сноски: 27
Мысль *(фр.).*

«Джозефина — опасная зараза».

Теперь гораздо лучше. Сильнее. Определеннее. Даже когда слова льются из самого сердца, писателю приходится шлифовать текст, придавая ему яркость и сочность.

Удовлетворенный шедевром, он придвинулся к столу и вернулся к работе.

Примерно через четверть часа его известили, что опять на проводе Нью-Йорк. И тут же, покрыв расстояние в три тысячи миль, до него донесся мелодичный голос юной девушки.

— Алло! Дядя Патерсон?

— Угу.

— Привет, дядя Патерсон! Это Энн.

— Догадался.

— Как здорово слышно, правда? — беззаботно произнес голос. — Ну как будто…

— Сидишь в соседних комнатах, — вздохнул мистер Фрисби. — Знаю. В чем дело?

— Какое дело?

Мистер Фрисби тихонько простонал.

— По которому ты звонишь, — объяснил он, воздевая очи в направлении небес, которые, чуял он, не могли благословить такое издевательство над человеком.

Энн счастливо рассмеялась.

— Да так, ничего особенного, — сказала она. — Просто захотелось немножко поболтать. Доставить себе удовольствие. Мне еще ни разу не случалось звонить по трансатлантическому кабелю. Какое счастье сознавать, что наш разговор обходится маме по десять долларов за слог! Дядя Патерсон!

— Угу.

— Как твой люмбаго?

— Черт бы его побрал!

— Надеюсь, что поберет, — сочувственно отозвалась племянница. — И все же, как он?

— Лучше.

— Прекрасно. Мама с тобой разговаривала?

— Угу.

— Блеск! Представляю, какой счетец ей выпишут! Она сказала, что отправляет меня в Лондон?

— Угу.

— Я отплываю на «Мавритании» в пятницу.

— Угу.

— А как там в Лондоне?

— Паршиво.

— Почему?

— Потому.

— Для меня это земля обетованная, — убеж-

денно заявила Энн. — Здесь у нас вокруг одни мультимиллионерские сынки, и почему-то так складывается, что отпрыски богачей все как на подбор одна кислятина. Зануда на зануде. К тому же я с ними с детства знакома. Может ли девушка проникнуться нежностью к человеку, которого помнит с тех пор, как он под стол пешком ходил в костюмчике лорда Фаунтлероя? Хочется познакомиться с людьми другого сорта. Хочется завести роман. Должно же быть где-то в мире место роману, а, дядя Патерсон?

— Нет!

— Я не согласна. Мне нужен мужчина из тех, про которых пишут в книжках. Впервые встретив девушку, он заглянет ей в глаза, воскликнет: «Друг мой!» — и немедленно заключит в объятия. Мне плевать, пусть он будет хоть амбал портовый и без гроша в кармане. Кстати, дядя Патерсон, мама сказала, что, если я в Англии найду себе неподходящую пару, она всю ответственность возложит на тебя. Я подумала, тебе надо знать заранее.

— Повесь трубку! — рявкнул мистер Фрисби с необычным для себя жаром.

Он с грохотом швырнул трубку, бросил взгляд на манжеты, чтобы утихомирить бушевавший

в груди вулкан, но, не почувствовав облегчения, прибегнул еще к одной таблетке пепсина. Потом оперся подбородком на кулак и устремил взгляд в будущее, которое теперь виделось ему мрачнее прежнего.

Он с горечью вспомнил, как радовался браку сестры. Еще надел чертовски неудобный костюм и сорочку с жестким воротничком… Радовался он и рождению крошки Энн. Не сетуя, раскошелился на серебряную купель. Прошли годы, и вот чем все это обернулось!

Он прекрасно понимал, какое значение вкладывает его сестра в понятия «вся ответственность» и «неподходящая пара». Мало того, он знал, как проявит себя ее неудовольствие, если чадо, переданное на попечение дяди, заключит брачный союз с неугодной личностью. Она примчится в Лондон и накинется…

Резкий звук ударил в ухо, как взрыв бомбы. Телефон опять зазвонил в самый неподходящий момент. Мистер Фрисби отпрянул, как стреноженный скакун, и вернулся к действительности.

— Алло, — выдохнул он.

— Это кто? — спросил чей-то голос. Голос был женский, и мистер Фрисби, мобилизовав остатки рыцарства, удержался от привычного ответа.

— Мистер Фрисби слушает, — коротко бросил он.

— О! — отреагировал голос — Доброе утро, сэр. Я хотела спросить, вы часом не знаете, надел мастер Берри теплые кальсоны?

Финансист глотнул ртом воздуха.

— Знаю ли я — как вы сказали?

— Вы ведь тот самый мистер Фрисби, у которого работает мистер Конвей?

— У меня есть такой секретарь.

— Тогда вы спросите, надел он теплые кальсоны? Погода что-то сыровата, а он такой слабенький.

Если бы пророк Иов вошел в этот момент в кабинет, Т. Патерсон Фрисби пожал бы ему руку и сказал: «Старина, теперь я понимаю, каково тебе было». Страдальческая морщина прорезала его лоб. Больше всего на свете, полном неприятных неожиданностей, он не терпел звонков персоналу по его личному телефону. А уж звонки об исподнем резали его ножом по сердцу.

— Не вешайте трубку, — сдавленно сказал он и нажал кнопку на столе.

Раздался резкий звонок, а вслед за ним в комнату вошел личный секретарь мистера Фрисби, загорелый и подтянутый.

Берри Конвей мало походил на чьего бы то ни было личного секретаря. Он плохо соответствовал этой роли. Конечно, трудно очертить некие жесткие правила, которым должна отвечать внешность секретаря; во всяком случае ей следует хотя бы приблизительно отвечать определенным ожиданиям. Скажем, отнюдь не помешали бы очки в роговой оправе и легкая бледность.

Берри Конвей — поджарый, атлетически сложенный, с внешностью боксера полулегкого веса, который принимает по утрам холодный душ и при этом поет — был далек от идеала. Лицо у него было чисто выбритым, тело мускулистым. А мистер Фрисби, даже в те минуты, когда не страдал желудочными коликами, имел наружность совсем иного рода. Его подспудно оскорблял вид маячившего перед ним человека. Берри мог был взять мистера Фрисби одной рукой и съесть как цыпленка; и подчас вечерами, после трудов праведных, сожалел о том, что этого еще не сделал. Дело в том, что мистер Фрисби умел быть неприятным.

Вот и сейчас он сделался неприятным.

— Эй, вы! — рубанул он. — Что вы о себе воображаете? Почему ваши друзья звонят сюда? Какая-то полоумная баба требует вас к телефону.

Ответьте ей.

Разговор, последовавший затем, продлился недолго. Невидимая собеседница говорила — и, по-видимому, наступательно, — а Берри, рдея лицом и ушами, робко отвечал: «Конечно, нет — сегодня ведь тепло — я хорошо себя чувствую — да хорошо, хорошо!». — И, положив трубку, всем своим видом он выражал стыд и смятение.

— Прошу прощения, сэр, — сказал он. — Это моя старая няня.

— Няня?

— Бывшая няня. Она никак не может примириться с мыслью, что я уже вырос.

Мистер Фрисби шумно вдохнул.

— Она спросила — *меня* спросила — надели ли вы теплые кальсоны.

— Знаю, — залившись краской, ответил Берри. — Этого больше не случится.

— А вы надели? — спросил мистер Фрисби с понятным любопытством.

— Нет, — коротко ответил Берри.

— Уфф! — выдохнул мистер Фрисби.

— Сэр?

— Живот болит, — пояснил финансист. — У вас бывало несварение желудка?

— Нет, сэр.

Мистер Фрисби неодобрительно смерил взглядом секретаря.

— Так-таки не бывало? Ну ничего, еще будет. И у вас, и у вашей няньки заодно. Запишите: племянница — титулованная леди — газеты.

— Простите, сэр…

— Вы что, по-английски не понимаете? — спросил мистер Фрисби. — Моя племянница приезжает из Америки на лондонский сезон, и ее мамаша желает, чтобы я поместил объявление в газеты, что требуется титулованная дама в качестве компаньонки. Не понимаю, что тут неясного. Мне кажется, это доступно любому, кто имеет хоть чуточку серого вещества. Поместите объявление в «Таймс», «Морнинг пост» и так далее. Сформулируйте как знаете.

— Да, сэр.

— Хорошо. Все.

Берри направился к двери. Дойдя до нее, он остановился. Ему в голову пришла мысль. Как человек добросердечный, он старался по возможности совершать добрые поступки. Ему показалось, что сейчас явилась как раз такая возможность.

— Могу я кое-что предложить, сэр?

— Нет, — ответил мистер Фрисби.

Берри не так-то просто было обескуражить.

— Я просто подумал, что леди Вера Мейс может вам подойти.

— Кто?

— Леди Вера Мейс.

— Кто такая?

— Сестра лорда Ходдесдона. Она вышла замуж за человека по фамилии Мейс.

— Откуда вы его знаете?

— Я учился в школе с ее племянником, лордом Бискертоном.

Мистер Фрисби с интересом взглянул на своего работника.

— Что-то я не пойму, — протянул он. — Вы якшаетесь с верхушкой аристократии, в школу ходите с их племянниками, а сами работаете у меня в конторе…

— За смешное жалованье, сэр? Истинно так. История довольно грустная. Меня усыновила богатая тетушка, которая вдруг превратилась в бедную.

— Действительно грустно, — заметил мистер Фрисби, вынимая из флакончика таблетку пепсина.

— Если бы, — предположил Берри, — вы выразили сочувствие в виде небольшой прибавки…

— Идите к черту, — прервал его мистер Фрисби. — Переменим тему.

— Хорошо, сэр. Поговорим о леди Вере Мейс.

— Вы с ней знакомы?

— Виделся однажды. Она как-то приехала к нам в школу и выставила угощение. Кофе, орешки, клубничное желе, два вида джема, два вида кекса, мороженое и сосиски с картофельным пюре, — перечислил Берри, в сердце которого это воспоминание хранило неувядаемую свежесть.

У мистера Фрисби воспоминание о еде вызвало иную реакцию. Его чувствительный желудок произвел четыре мощных спазма и затих.

— Не говорите о таких вещах, — сказал он, передернувшись всем телом. — Даже не заикайтесь о еде в моем присутствии.

— Хорошо, сэр. Так я могу передать леди Вере, чтобы она к вам обратилась?

— Если хотите. Вреда не будет.

— Огромное вам спасибо, сэр, — сказал Берри.

Он не мешкая вышел в коридор и позвонил в клуб «Трутни». Как он и ожидал, лорд Бискертон оставался на месте.

— Алло? — сказал Бисквит.

— Это Берри.

— Высказывайся побыстрей, старина, — сказал

Бисквит. — Слушаю тебя внимательно. Только в темпе, потому что ты оторвал меня от крайне напряженной игры. Что случилось?

— Бисквит, я помогу тебе наварить деньжат.

На другом конце провода произошел эмоциональный взрыв.

— Да ты что!

— Похоже, что так. Бисквит впал в задумчивость.

— А что я должен делать? — спросил он. — На убийство я вроде не очень гожусь, и фальшивые деньги вряд ли сумею печатать. Не пробовал никогда. Но постараюсь.

— Племянница старика Фрисби приезжает из Америки на сезон. Ей нужна компаньонка.

— Ах так, — разочарованно протянул Бисквит. — А я тут с какого боку припека? Ты хочешь, чтобы я нанялся на эту работу, ловко прикинувшись вдовствующей герцогиней? Зря ты беспокоишь занятого человека этакой ерундой, Берри. Честно ли пробуждать надежды, чтобы махом их разбить?

— Осел ты, братец. Я думал, это дело подойдет твоей тетке.

— А! — Бисквит переменил тон. — Теперь понимаю. Понимаю твою мысль. Работа для тети

Веры, так? Недурно. Это денежное дельце, так?

— Ну конечно. Еще какое денежное!

— И она с этим справится, она такая! — сказал лорд Бискертон. — Ну ты молодец! Прямо манна небесная.

— Так позвони ей и введи в курс. Если дельце выгорит, тебе обломится от ее доходов.

— Думаешь? — переспросил Бисквит. — Думаешь, обломится? Я, естественно, буду настаивать на комиссионных, а уж мы с тобой поделим их пополам — ты получишь долю как автор идеи, а я за тетушку.

— Идея не моя, — сказал Берри. — Я тут ни при чем. Я просто посредник, Санта-Клаус.

Лорд Бискертон умилился.

— Берри! Это благородно. Да, именно так. Благородно. По-нашему, по-скаутски. Настоящий друг. Скажи, а каковы шансы моей родственницы зацепиться за эту крайне выгодную должность?

— Очень большие. Если она вовремя подсуетится и вырвется вперед.

— Я заставлю ее попыхтеть через полчаса.

— Передай, чтобы она позвонила на Паддингтон-лейн, 6, и спросила мистера Фрисби.

— Обязательно. Да наградят тебя небеса за то, что ты сегодня сделал. Удача впервые улыбну-

лась нашему семейству за годы, годы и годы. Надо отметить это событие. Вечером устрою пир!

3

Если бы мистер Фрисби принадлежал к той породе людей, которые способны замечать оттенки чувств на лицах своих подчиненных, при последней встрече с секретарем он, должно быть, обратил бы внимание на необычную веселость в его поведении. Берри обладал живым темпераментом, который легко зажигался любой блеснувшей грезой, и чем глубже он вдумывался в идею, поданную Бисквитом, тем более привлекательной она ему казалась. Он сам себе удивлялся — как за столько лет не удосужился подумать о том, чтобы извлечь какие-то деньги из медных копей.

Конечно, в этой шахте еще не нарыли руды даже на одну дверную ручку, но, как справедливо заметил Бисквит, в мире полным-полно чудаков. Ежедневные газеты свидетельствовали об этом каждое утро. Один покупает у первого встречного золотые кирпичи, другой со всех ног бежит отдать все, что имеет, случайному знакомому, чтобы только подтвердить ему свое доверие.

Было бы неплохо посоветоваться на этот счет

с хозяином. Известно, что Т. Патерсон в курсе медных дел — он президент компании «Прыткая Ящерка» — и в перерывах между приступами диспепсии бывает близок к гениальности. Наблюдательному человеку не составит труда заметить приближение такого светлого момента и припасть к источнику мудрости прежде, чем он вновь иссякнет.

Однако пока аудиенцию пришлось отложить, потому что прибыла леди Вера Мейс. Тетушка Бисквита была не из тех женщин, кто станет мешкать, когда в воздухе пахнет деньгами. Она явилась точно в три тридцать.

— Пришла леди Вера Мейс, сэр, — сказал Берри. — Пригласить?

— Угу.

— А можно мне потом обратиться к вам по личному делу?

— Угу.

Берри вернулся в свою комнатушку и предался мечтам. Время от времени он возвращался мыслями к переговорам, происходившим в кабинете мистера Фрисби. Хорошо бы Бисквитова тетя зацепилась за место. Когда-то она была добра к нему, школьнику, а теперь вот оказалась на мели. К тому же и Бисквит получил бы комиссионные,

так что как ни кинь — всем бы подфартило.

Она просто должна получить эту работу, размышлял Берри. Беспощадное время не позволило ей узнать бывшего школьника и возобновить знакомство, но в других отношениях оказалось к ней благосклонным. Леди Вера оставалась сногсшибательно красивой, как в те времена, когда навещала племянника и угощала его приятелей. Все тот же нежный серебристый голос, все те же изысканные манеры. Или он, Берри, ничего не смыслит в жизни, или она с ходу сразит Т. Патерсона.

Резкий звук звонка вывел его из раздумий. Войдя в кабинет, он застал хозяина в одиночестве. Т. Патерсон Фрисби сидел, откинувшись на спинку кресла, и выглядел, как подобает великому финансисту, довольно рассеянным. На устах его блуждала ухмылка, причем глуповатая. А в петлице красовалась роза, которой прежде не было.

— Ну? — спросил он, выпрямляя спину при виде Берри.

— Слушаю, сэр.

— Что вы хотите?

— Что *вы* хотите, сэр? Вы позвонили.

Мистер Фрисби очнулся от забытья.

— Ах, да. Запишите.

— Слушаю, сэр.

— «Пим», Пятница.

— Простите, сэр?

— Я пригласил леди Веру Мейс на ленч в ресторан «Пим», — расшифровал мистер Фрисби. — Она желает посмотреть биржу.

— Понимаю, сэр.

— Насчет объявлений. Не надо их давать. Нет нужды.

— Нет нужды, сэр.

— Я договорился с леди Верой. Она будет опекать мою племянницу, когда та явится.

— Да, сэр.

Мистер Фрисби вернулся в состояние транса. Глаза его полузакрылись, и хотя лицо еще хранило кисловатое выражение, он выглядел почти по-человечески.

— Замечательная женщина, — пробурчал он. — Она меня вылечила.

— В самом деле, сэр?

— Она сказала, это чисто нервное, — продолжил мистер Фрисби, как лектор, не обращающий ни малейшего внимания на аудиторию. — Она сказала, что от лекарств нет никакого толку. Надо, сказала она, думать о чем-нибудь приятном. Впустите в душу солнечный свет, сказала она.

Она сказала: «Представьте, что вы маленькая птичка на ветке. Что бы вы делали? Вы бы пели. Итак…».

Он внезапно замолк. Должно быть, увидев себя маленькой птичкой, он вернулся к действительности.

— Да, весьма замечательная женщина, — сказал он и отрешенно взглянул на Берри. — Так что вы хотели? Что-то насчет ваших личных дел. Что такое?

Берри почувствовал, что поймал крайне благоприятный момент. Настроение хозяина как нельзя способствовало тому, чтобы подать добрый совет кому-то из малых сих. Он не был таким благодушным и дружелюбным с того дня, как Объединенные Купоны подпрыгнули на двадцать пунктов.

— Я насчет рудника, сэр. Ну, этого… У меня акции…

— Что за рудник?

— Медный.

Проблески гениальности застыли на лице мистера Фрисби кристаллами льда.

— Вы скупаете акции медных компаний? — с угрозой в голосе переспросил он. — Позвольте заметить вам раз и навсегда, молодой человек,

что я не позволяю своему персоналу заниматься биржевыми спекуляциями.

Берри поспешил занять оборонительную позицию.

— Я и не занимаюсь, — сказал он. — Это мой рудник. Мой собственный. Мне принадлежит. Я хозяин.

— Бросьте дурака валять, — сурово отрезал мистер Фрисби. — Какой, к черту, из вас хозяин?

— Мне тетя его завещала.

И второй раз за этот день Берри вытащил на свет свою фамильную историю.

— Понятно, — резюмировал сметливый мистер Фрисби. — Где же этот рудник?

— Где-то в Аризоне.

— Название?

— «Мечта Сбывается», — застенчиво пролепетал Берри. — «Жаль, — подумал он, — что первый владелец, давая имя своему детищу, не выбрал что-нибудь менее напоминающее название популярной песенки».

— «Мечта Сбывается»?

— Да.

Мистер Фрисби подался вперед и, облокотившись о столешницу, разглядывал вечное перо. Видимо, он снова впал в транс.

— Там никакой меди не добывают, — продолжал Берри виноватым тоном. — Но я за ленчем поговорил с одним человеком, и он сказал, что, если присмотреться, всегда можно найти человека, который хочет приобрести рудник.

Мистер Фрисби вернулся к жизни.

— А?

Берри повторил свое соображение.

— Что ж, можно, — заметил он, — если повезет найти дурака. Они, как известно, рождаются каждую минуту.

— Я вот хотел узнать: вы не посоветуете мне, как лучше обделать это дельце?

— Вы говорите, там ничего не добывают?

— Да.

— Тогда нельзя рассчитывать, что много выручишь.

— Я и не рассчитываю, — сказал Берри.

Мистер Фрисби взял перо, оглядел его и положил на место.

— Я вот что скажу, — начал он. — Как ни странно, у меня есть на примете один тип, Хоук. Дж. Б. Хоук. Возможно, он примет ваше предложение. Он как раз по этой части — покупает всякую бесполезную собственность. А вдруг из этого получится что-нибудь дельное? Если хоти-

те, я с ним свяжусь.

— Большое спасибо, сэр.

— М-да, м-да… Надо будет его разыскать. Если предложить задешево, он возьмет не глядя. Так и быть, я с ним свяжусь.

— Огромное спасибо!

— Не стоит благодарности, — ответил мистер Фрисби.

Берри вышел из кабинета. Мистер Фрисби снял трубку и назвал номер.

— Хоук? Это Фрисби.

— Слушаю вас, мистер Фрисби, — почтительно ответил голос на другом конце провода.

Голос был низкий и хриплый. Слыша его, можно было предположить, что его владелец краснолиц и излишне тучен.

— Надо повидаться, Хоук.

— Слушаюсь, мистер Фрисби. Прийти к вам в контору?

— Нет. В Гросвенор-хаус. Около шести.

— Хорошо, мистер Фрисби.

— Не опаздывайте.

— Хорошо, мистер Фрисби.

— У меня все.

— Хорошо, мистер Фрисби.

4

Люди, которых мистер Фрисби собирал для переговоров в своей резиденции Гросвенор-хаус, всегда демонстрировали подчеркнутое послушание. Всем своим видом они показывали, насколько четко понимают, что ступили на священную территорию. Краснолицый субъект вошел в гостиную ровно в шесть почти на цыпочках.

Дж. Б. Хоук был одним из тех нужных людей, которые обитают на периферии волшебного мира финансов и живо откликаются на обращение «Эй, вы!», исходящее от любого из больших финансистов, пожелавших воспользоваться их услугами. Готовность угодить являлась основным свойством мистера Хоука. Он пошел бы, куда бы его ни послали, и сделал бы все, о чем бы ни попросили.

— Добрый вечер, мистер Фрисби, — произнес Дж. Б. Хоук. — Как поживаете?

— Не ваше дело, — отвечал мистер Фрисби. — Есть одна комбинация.

— Слушаю, мистер Фрисби.

— Как вам известно, я президент «Прыткой Ящерки».

— Да, мистер Фрисби.

— Рядом с нашими копями — одна малютка, «Мечта Сбывается». Несколько лет стоит заброшенной.

— Понимаю, мистер Фрисби.

— Я получил письмо от моих директоров. Им почему-то взбрело в голову завладеть этим рудником. «Прыткая Ящерка» расширяется, и, возможно, им понадобилась земля для строительства жилищ рабочим или чего-то в этом роде. Они не вдаются в подробности. Я хочу, чтобы вы…

— Выявил владельца, мистер Фрисби?

— Не перебивайте, — обрезал его Т. Патерсон. — Владелец мне известен. Это мой секретарь, некто Конвей. По его словам, он получил рудник по наследству. Я хочу, чтобы вы пошли к нему и купили рудник для меня. Дешево.

— Да, мистер Фрисби.

— Я не хочу засвечиваться в этом деле. Если молодой Конвей узнает, что за его собственностью охотится «Прыткая Ящерка», он взвинтит цену.

— Понимаю, мистер Фрисби.

— И не торопитесь с покупкой. Я сказал ему, что свяжусь с вами, но вы в данный момент в Америке. Не надо проявлять слишком большой заинтересованности. Я дам сигнал, когда дей-

ствовать.

— Слушаюсь, мистер Фрисби.

— Хорошо. Это все.

Т. Патерсон Фрисби по-наполеоновски кивнул, давая понять, что переговоры закончены, и Дж. Б. Хоук, чуть не ударившись лбом при поклоне, пятясь удалился.

Покинув зал аудиенции, мистер Хоук поднялся наверх и свернул в коридор, ведущий в американский бар. При его появлении там мужчина, сидевший на табурете, потягивая коктейль, встал с места.

— Ну? — спросил он.

Он устремил на мистера Хоука вопрошающий взгляд. Это был один из тех невероятно гладко выбритых людей неопределенного возраста и невыразительных черт лица, которые немедленно ассоциируются с миром скачек. Именно на бегах Дж. Б. Хоук и свел знакомство с этим джентльменом. Звали его Келли, в кругах, в которых он вращался, он был известен как капитан Келли, хотя в каком полку он имел честь служить, никому не было ведомо.

Капитан увлек мистера Хоука в уголок и еще раз окинул цепким взглядом.

— Чего он хочет? — спросил он.

С того момента, как Дж. Б. Хоук покинул гостиную мистера Фрисби, манеры его претерпели изменение к худшему. Его почтительная вкрадчивость исчезла, как не бывала.

— Старый хрыч, — с отвращением сказал он, — всего-навсего нанял меня агентом по покупке какой-то бездействующей медной шахты где-то у черта на куличках.

Он рассеянно жевал зубочистку. Приглашение в резиденцию мистера Фрисби взбудоражило его и пробудило надежды на солидные комиссионные. Но он вышел оттуда разочарованным.

— На кой ему сдалась какая-то заброшенная шахтенка? — спросил капитан Келли, не отрывая пристального взгляда от лица партнера.

— Говорит, она расположена рядом с «Прыткой Ящеркой», — уныло ответил мистер Хоук. — Земля понадобилась для застройки.

— Гм, — протянул капитан Келли.

— Я ему не нужен. Любой конторский мальчишка управился бы с этим делом за милую душу. Я только время потеряю.

Капитан Келли перевел взгляд на муху, которая села ему на рукав, и внимательно изучал те суетливые движения, которые мухи в таких случаях производят. Ничего нельзя было прочесть на его

лице, но, судя по тому, что он перестал говорить, мистер Хоук догадался, что он начал думать.

— Ну? — спросил мистер Хоук не без некоторого раздражения. Невозмутимость товарища подчас выводила его из терпения.

Легким движением локтя капитан согнал муху.

— Гм, — вновь произнес он.

— Что ты хочешь сказать?

— Подозрительно все это, — сказал капитан.

— Что именно?

— То, что ему вдруг понадобилась эта штука.

— По-моему, ничего странного.

— Это потому, что ты дурак, — бесстрастно констатировал капитан. — Первое, что приходит в голову, это что на месторождении открыли новую жилу.

— Чепуха, — ответил мистер Хоук. — Я как раз в курсе дела. Мне случилось побывать в тех краях несколько лет назад. И знаю этот рудник, и парня, который дал ему идиотское название «Мечта Сбывается». Его фамилия Хиггингботом, изыскатель с Перевала Бурра, он застолбил участок десять лет назад. И с тех пор по сию пору там не добыли ни унции меди. Не поручусь, что разработки не прекратились через полгода после

вскрытия шахты.

— Зато «Прыткая Ящерка» процветает.

— Ну и что с того, что процветает?

— А то, что они могли пронюхать, что их жила идет прямехонько на соседскую территорию.

— Ишь ты! — удивился мистер Хоук. Его не слишком проворные мозги впервые за время беседы пришли в движение.

— Я слыхал, такое бывает.

— И я слыхал, — сказал мистер Хоук.

Он с волнением взглянул на собеседника. Перед ним забрезжили радужные видения.

— Надеюсь, ты не ошибся, — сказал он.

— Во всяком случае, мне так кажется.

— Да тут же большие деньги зарыты!

— Еще бы! — подтвердил капитан.

— Послушай-ка, — сказал мистер Хоук.

Он из предосторожности понизил голос и заговорил о деле. Капитан время от времени одобрительно кивал.

Глава II

И вот пришел час, когда в оранжево-синих сумерках прекрасного майского дня Энн Мун прибыла в Англию с сердцем, полным надежд, и с десятью сундуками, чтобы проследовать вместе с леди Верой Мейс в ее уютную квартирку на Дэвис-стрит в Мейфэйре, и немедленно с головой окунулась в наслаждения, которые может предложить лондонский модный сезон.

Она завтракала в «Беркли», пила чай в «Клэридже», обедала в «Эмбасси» и ужинала в «Кит-Кэт».

Она посетила Кембриджскую майскую неделю, прием в саду Букингемского дворца, демонстрацию татуировок в Элдершоте, Дерби и Готорн Хилл.

Она танцевала в «Мейфэйре», «Бате», у Соврани, в кафе «Де Пари» и у Бре на набережной.

Она проводила уикенды в загородных поместьях Бака, Берка, Хэнтса, Линкса, Уилтса и Девона.

Она представляла агат на Балу драгоценностей, кальцеоларию на Балу цветов, королеву Марию Шотландскую на Балу знаменитых женщин.

Она видела лондонский Тауэр, Вестминстерское аббатство, музей мадам Тюссо, клуб «Бакс», ресторан «Симеон» на Стрэнде и все виды гонок — от мотоциклетных до пингвиньих в Сент-Джеймском парке.

Она познакомилась с военными, которые рассказывали про лошадей, и моряками, которые говорили про коктейли, с поэтами, которые толковали об издателях, и живописцами, которые рассуждали о сюрреализме, абсолютных формах и трудности выбора между архитектоникой и ритмикой.

Она познакомилась с мужчинами, которые информировали ее относительно единственного места в Лондоне, где можно позавтракать, отобедать, потанцевать и купить зонтик; с женщинами, которые сообщили о единственно приемлемом в Лондоне месте, где можно купить платье, шляпку, пару перчаток, а также сделать маникюр и укладку; с молодыми людьми, владеющими системой выигрыша через ставку на второго фаворита; с пожилыми людьми, владеющими секретом поддерживать жизненный тонус с помощью джина и вермута; со стариками, которые нашептывали ей на ушко комплименты и сожалели, что их внучки так мало на нее

похожи.

А в начале своего пребывания свела знакомство с Годфри, лордом Бискертоном, и одним воскресным утром он повез ее в арендованном двухместном автомобиле обозреть родовое владение Эджелинг-корт в графстве Сассекс.

Они взяли с собой бутерброды и прекрасно провели день.

Глава III

Есть мнение, что обитатели Великобритании — люди холодные и бесстрастные, эмоции которых трудно пробудить, и что настоящее чувство можно встретить лишь по ту сторону Атлантики. Солидное подтверждение тому представили резко контрастирующие методы изложения одного события, использованные газетой «Курьер Интеллидженсер» в Мэнгассете, штат Мэн, и ее старшей современницей, лондонской «Морнинг Пост», сообщившие — через полтора месяца после начала этой истории — о помолвке Энн Мун и лорда Бискертона.

Мэнгассет — деревушка, где родители Энн имели летний дом, а редактор «Курьера Интеллидженсера», у которого с эмоциями было все в порядке и который однажды видел Энн в купальном костюме, почувствовал — и совершенно справедливо, — что случай требует лирической ноты. Он соответствующим образом подтянулся — что потребовало определенного усилия, ибо у него было внушительное брюшко, нажитое исключительно сливками. Редактор всю свою жизнь был крайне воздержан, несмотря на то что

его внешний вид свидетельствовал против того.

«Будущая невеста *(писал указанный редактор)* — девушка, наделенная удивительным обаянием и замечательной привлекательностью. Обладая очаровательными манерами, голосом сирены, чувствительностью тонкой, как аромат цветка, духом веселым, как щебетанье птиц, умом блестящим, как сверкающий узор на зимнем стекле, сердцем чистым, как роса, трепещущая на лепестке фиалки, она обратит жилище супруга в эдемский сад, как обратила свой отчий дом, и звуки небесных арф, исполненные любовью, преданностью и нежностью, ниспошлют на молодую чету сладостнейшее блаженство, когда-либо волновавшее чувства экстатическим восторгом».

«Морнинг Пост» в своей бесстрастной, жесткой манере ограничилась простой констатацией фактов. Никакого пыла. Никакого волнения. Никакого смятения чувств. Событие было подано столь же безэмоционально, как информация о том, что ученики и ученицы школы на Берчингтон-роуд победили в конкурсе детских оркестров и получили кубок на северолондонском музыкальном фестивале в Кениш-тауне.

Итак:

«БРАЧНЫЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Лорд Бискертон, сын и наследник графа Ходдесдона, обручился с Энн Маргарет, единственной дочерью мистера и миссис Томас Д. Мун из Нью-Йорка».

Таковы газетчики в Лондоне. Поработав несколько лет на Флит-стрит, они делаются невосприимчивыми и не могут распознать разницу между кучей детей, дующих в тромбоны, и юношей и девой, начинающими долгий путь рука об руку. Если захотите взбудоражить журналиста, надо быть по меньшей мере маньяком-убийцей и заколоть полдюжины жертв.

Усталая пресыщенность «Морнинг Пост» не поразила, однако, читающую публику. В сотне постелей сотня молодых людей замерла, не донеся до рта чашку с чаем и скорбно глядя на газету. Для некоторых из них эта заметка имела зловещий смысл. Они сосредоточили ум, каким бы тот ни был, на устрашающем предзнаменовании, поданном фигурой, означенной в качестве жениха; и, прошептав себе под нос «Боже мой!», перешли к результатам бегов с тяжким ощущением, что ныне никто не может чувствовать себя в безопасности.

Но были и другие — и они составляли большинство, — кто упал на подушки и потухшим взором глядел в потолок, пока душа, прикрытая шелковой пижамой, терзалась мукой. Эти размышляли над несовершенством бытия и недостижимостью мечты. Они швыряли прочь тонкий ломтик хлеба с маслом и, когда в спальню с ворчаньем входил приставленный к ним лакей, чаще всего посылали его к черту.

То были молодые люди, которые танцевали с Энн, обедали с Энн, водили Энн посмотреть на пингвинов в Сент-Джеймском парке и которые, попадись им на глаза мэнгассетский «Курьер Интеллидженсер», сочли бы его редактора писателем с чрезвычайно скудным воображением, в своем описании ни на йоту не приблизившимся к реальности.

Энн Мун, вращаясь в лондонских кругах, несомненно сделала свое присутствие в городе весьма ощутимым. Не может девушка с манерами сирены полтора месяца крутиться в городе, не нанеся ран сердцу-другому.

В столовой «Укромного уголка» на Малберригроув, Вэлли Филдс, 21, Берри Конвей просматривал утренние газеты, перед тем как отправиться на поезде в 8:45 в Лондон. Читать ему было трудно

из-за суетливости Обломка Прошлого, имевшего обыкновение сновать туда-сюда во время завтрака, оглашая что-то вроде бюллетеня последних событий.

Миссис Уисдом была плотной и округлой. Она смотрела на Берри с неизбывной нежностью, как корова на турнепс. Для нее он по-прежнему оставался тем ребенком, которого она когда-то увидела. В ее поведении прослеживалась одна тема: умудренная Старость помогает беспомощной Юности бороться с тяготами жизни. Она не упускала ни единого слова или дела, которые могли бы сгладить ему тернистый путь и оградить от тьмы опасностей. Зимой она совала ему в постель ненавистные грелки. Летом, не стесняясь, напоминала о полезности фланелевого белья и призывала беречься сквозняков, ежели вспотеешь.

— Майор Флад-Смит, — произнесла она, имея в виду отставного вояку, проживавшего в «Лесном замке» через дом от них, — сегодня рано утром занимался в саду шведской гимнастикой.

— Да?

— А у кошки из «Мирной заводи» случился обморок.

Берри невольно задумался о странностях при-

чинно-следственной связи.

— Я слыхала, фирма посылает мистера Болито в Манчестер. Мне Мюриел из «Заводи» сказала. Он хочет сдать «Заводь» в аренду, с мебелью. Я считаю, надо дать объявление в газеты.

— Неплохая мысль. Очень разумно.

Внимание миссис Уисдом отвлекло что-то в коридоре. Она отдрейфовала туда, и Берри услышал, как упала подставка для зонтиков. Обломок Прошлого тут же вернулась назад.

— Как только майор ушел, вышла его племянница и нарезала цветов. Я всегда говорю, какая приятная, хорошенькая девушка.

— Да?

— И что забавно, такая вроде счастливая.

— Что ж тут забавного?

— Ну как же, мастер Берри! Я ведь вам рассказывала, какая у нее беда?

— Не припомню, — отозвался Берри, переворачивая страницу. Может, и рассказывала, подумал он, но она несет столько чепухи, словно испытывая облегчение от всякого несчастья, которое случалось в округе, что поневоле разовьешь в себе защитную тугоухость.

Миссис Уисдом всплеснула руками и воздела к потолку глаза, как бы призывая себе на помощь

силы справедливости.

— Просто ума не приложу, как я могла вам «Замка» не сказать! Мне сказала Глэдис из «Замка», а она узнала эту историю, когда прислуживала за столом, и еще как-то вечером, когда эта барышня пришла на кухню и захотела узнать, не приготовит ли она какую-то «тянучку». А потом осталась и сама сделала, это такое суфле, и рассказала им про свою беду, пока сбивала сахар с маслом.

— А! — сказал Берри.

— Она сама из Америки. Ее мамаша — сестра майора, она вышла замуж в Америке, и они жили в одном местечке под Нью-Йорком, которое называется, вы не поверите, Крепкая Шея. Ну и названьице для городка! Похоже, эта Шея, мастер Берри, кишмя кишит артистами, и наша соседка, ее зовут Кэтрин Вэлентайн, сдуру решила, что влюбилась в одного, захотела за него выйти, а он просто никто, артист какой-то. Отец, конечно, рассердился, отослал ее сюда, к майору, чтобы она избавилась от этого наваждения.

— А? — переспросил Берри. — Боже милостивый! Подумать только! Бисквит-то что учудил! Пропал парень. Бискертон! Я с ним вместе учился.

— Самоубийство совершил? — обрадованно

вскричала миссис Уисдом. — Какой ужас!

— Не то чтобы самоубийство. Он обручился с одной американкой. Энн Маргарет, единственной дочерью мистера и миссис Томас Л. Мун из Нью-Йорка.

— Мун? — Миссис Уисдом наморщила лоб. — Уж не та ли это девушка, про которую мне говорила Глэдис из «Заводи», которой про нее говорила мисс Вэлентайн? Мисс Вэлентайн плыла на пароходе с какой-то мисс Мун, и я просто уверена, что Глэдис мне сказала, что она сказала, что ее звали Энн. Они очень подружились. Мисс Вэлентайн говорила Глэдис, что ее мисс Мун очень милая. Очень хорошенькая и привлекательная.

— «Морнинг Пост» про это ничего не пишет. Но если она хорошенькая и привлекательная, может, я ошибаюсь, что Бисквит продался за золото.

— Фу, мастер Берри! Как можно так говорить о своем друге!

— Так или иначе, ему повезло. Эта девушка наверняка купается в золоте.

— Надеюсь, вы никогда не женитесь на деньгах.

— Я — нет. Я романтик. Практически одна душа.

— Я всегда говорю, что любовь движет миром.

— Замечательно сформулировано, — сказал Берри. — Не удивлюсь, если вы окажетесь совершенно правы. Что, часы бьют? Мне надо торопиться.

Джордж, шестой граф Ходдесдон, отец жениха, не видел «Морнинг Пост» почти до одиннадцати часов. Он вставал поздно и поздно брался за газеты. Удовлетворенно ознакомившись с объявлением и поглаживая седые усы, он надел серый котелок и вышел навестить свою сестру, леди Веру Мейс.

— Доброе утро, Вера.

— Доброе, Джордж.

— Все на месте.

— Объявление? О да.

Лорд Ходдесдон с почтением посмотрел на сестру.

— Как это тебе удалось?

— Мне? — Сестра подняла брови. — Удалось?

— Ну, чего там, — буркнул лорд Ходдесдон, который, как многие английские аристократы, был не склонен преувеличивать достоинства своего отпрыска. — Не хочешь же ты сказать, что такая девушка, как Энн Мун, приняла бы его предложение, если бы кто-нибудь не взрыхлил почву!

— Естественно, я сделала что могла, чтобы свести их.

— Еще бы!

— При каждом удобном случае я говорила ей о том, какой он обаятельный.

— Ну, это ты хватила! — недоверчиво воскликнул лорд Ходдесдон.

— Почему же? Когда захочет, он может быть очень симпатичным. По крайней мере — забавным.

— Он даже ни разу не одарил меня такой малостью, как улыбка, — сказал лорд Ходдесдон. — Если не считать одного случая, — поправился он, — когда пытался разжалобить, чтобы одолжить десятку. Большое счастье для него, что он встретил такую девушку.

Он расправил грудь под прекрасно скроенным жилетом, удовлетворенно перевел дух, и красивое лицо его озарилось внутренним светом.

— Впервые со времен Карла Второго наша семья увидит, как выглядят настоящие деньги, — сказал он.

Повисла пауза.

— Джордж, — произнесла леди Вера.

— Да?

— Выслушай меня внимательно, Джордж.

Лорд Ходдесдон окинул сестру почти нежным взглядом. Этим приятнейшим из утр он все видел сквозь розовый туман, но даже с такой поправкой готов был признать, что леди Вера выглядела чрезвычайно привлекательно. Честное слово, подумалось лорду Ходдесдону, год от года она делается все красивее. Он произвел в уме некоторые вычисления. Да, ей перевалило за сорок, но на вид больше тридцати двух не дашь. Он ощутил прилив гордости, который сделался еще явственней, когда лорд поймал в зеркале свое цветущее отражение. Что бы там о них ни говорили, но семья держит марку.

Однако вслед за восхищением безупречностью черт ее лица лорда Ходдесдона посетило сомнение по поводу того, нравится ли ему выражение, присущее им в данную минуту. Выражение довольно странное. Пожалуй, жесткое. Такое было у гувернантки, которая била его по рукам в детстве.

— Должна напомнить тебе, Джордж, что брак еще не заключен.

— Конечно. Естественно, нет. Объявление о помолвке только что напечатали.

— И посему будь добр, — продолжила леди Вера, и в глазах ее сверкнула сталь, — воздержись

от намерения нанести визит мистеру Фрисби и просить у него небольшой заем. В данных обстоятельствах этого ни в коем случае не следует делать.

У лорда Ходдесдона перехватило дыхание.

— Неужто ты считаешь меня таким дураком? Беспокоить Фрисби!

— А разве ты не собирался это сделать?

— Конечно нет. Определенно — нет. Я думал — мне показалось, по правде сказать, мне пришло в голову, что, может, ты захочешь мне толику уделить.

— Вот как?

— А что такого? — жалобно прогнусавил лорд Ходдесдон. — У тебя должны завестись денежки. Компаньонство — дело доходное. Когда три года назад ты опекала аргентинскую девчушку, ты получила пару тыщ фунтов.

— Тысячу пятьсот, — поправила сестра. — В минуту слабости — иначе этот приступ безумия не назовешь — я одолжила их тебе.

— Ах, да, — ничуть не смутившись, сказал лорд Ходдесдон. — Отчасти это так. Я как раз сейчас должен эти денежки получить.

— Чего не скажешь обо мне, — прозвенел серебряным колокольчиком голос леди Веры. Для

ее брата он звучал набатом.

Повисла еще одна пауза.

— Ладно, нет так нет, — угрюмо согласился лорд Ходдесдон.

— Вот именно, — согласилась леди Вера. — Но кое-что я могу предложить. Я собиралась взять с собой Энн на ленч в ресторан «Беркли», но мистер Фрисби позвонил и пригласил меня поехать с ним на денек в Брайтон, так что я дам тебе денег и препоручу девицу.

Лорд Ходдесдон чувствовал себя как тигр, который изготовился оттяпать руку по локоть, а вместо этого получил сырную палочку, но успокоил себя с помощью великолепной ходдесдоновской философии, согласно которой немножко — все же лучше, чем ничего.

— Хорошо, — сказал он. — Я сейчас свободен. Давай десятку.

— Сколько?

— Ну, пятерку или сколько там.

— Ленч в «Беркли», — сказала леди Вера, — обойдется в восемь шиллингов шесть пенсов. На двоих — семнадцать шиллингов. Два шиллинга на чаевые. Возможно, Энн пожелает лимонада или другой воды. Набросим еще два шиллинга. Гардероб — шестипенсовик. Плюс кофе и экстрен-

ные расходы — полкроны. В общем, если я дам двадцать пять шиллингов, хватит с лихвой.

— С лихвой? — выговорил лорд Ходдесдон.

— С лихвой, — подтвердила леди Вера.

Лорд Ходдесдон суетливо пощипал усы. Он почувствовал себя как пророк Илия в пустыне, когда бы кормившие его мясом и хлебом вороны вдруг набросились на него, чтобы разорвать в клочья.

— А если она захочет коктейль?

— Она не пьет коктейли.

— Зато я пью, — храбро сказал лорд Ходдесдон.

— И ты не пьешь, — заявила леди Вера, и ее сходство с бывшей гувернанткой сделалось поразительным.

Лорд Бискертон не был регулярным читателем «Морнинг Пост». Известие о том, что объявление о его помолвке было предано печати, он получил, когда Берри Конвей позвонил ему из конторы мистера Фрисби, чтобы поздравить. Он принял пожелания друга с подобающей благодарностью и чередом продолжил завтрак.

Он уже принялся за мармелад, когда явился его отец.

Лорд Ходдесдон нечасто навещал сына и наследника, но когда он покидал апартаменты леди Веры, ему неким неисповедимым путем навеяло

мысль о том, что у Бискертона, вероятно, имеется под рукой определенная наличность, которой он захочет поделиться с человеком, подарившим ему жизнь.

— Э… Годфри, мальчик мой!

— Привет, хозяин.

Лорд Ходдесдон откашлялся.

— Э… Годфри, интересно знать, — путаясь в словах, сказал лорд Ходдесдон, — так случилось, что я в данный момент слегка на мели, и подумал, не мог бы ты…

— Отец, — удивленно откликнулся Бисквит, — не смеши меня. Ты что, пришел пощупать мой карман?

— Я думал…

— Как тебе могло взбрести в голову, что у меня есть чем поживиться?

— Я вообразил, что, может, мистер Фрисби сделал тебе небольшой презент.

— С какой стати?

— По случаю, э… счастливого события. Как-никак, он дядя твоей невесты. Если уж это неподходящий случай…

— Неподходящий, — уверил его Бисквит. — Совсем неподходящий. Этот траченный молью старый тюфяк, на которого ты возлагаешь надеж-

ды, — единственный человек в этом огромном городе, который никогда не делает никаких презентов по случаю каких бы то ни было счастливых событий. Их семейный девиз — «Nil desperandum» — «Никогда не сдаваться».

— Очень плохо, — вздохнул лорд Ходдесдон. — А я-то надеялся, что ты меня выручишь. Мне остро необходима материальная поддержка. Твоя тетушка попросила меня угостить сегодня ленчем твою невесту в «Беркли», но у нее странные представления о том, во что это может обойтись. Она раскошелилась на двадцать пять шиллингов!

— Щедро, — серьезно сказал Бисквит. — Мне бы кто-нибудь отвалил двадцать пять монет. У меня один-единственный фунт на все про все до конца месяца.

— Неужто так плохи дела?

— Фунт, два раза по пенсу и двухпенсовик, если уж быть точным.

— Тем не менее, — заметил лорд Ходдесдон, — ты должен помнить, что у тебя блестящие перспективы. Ваше поколение мудрее нашего, мальчик мой. — Он пригладил усы и издал еще один горестный стон. — В молодости, — продолжил он, — моим величайшим недостатком была импульсивность. Мне следовало бы жениться на

деньгах, как совершенно разумно поступаешь ты. До чего же ясно я теперь это понимаю! И ведь у меня была возможность — но я упустил ее. Богатые наследницы роем вились вокруг меня. Но я был романтик, идеалист. В ту пору твоя бедная матушка служила на выходах в «Гайети», и, посмотрев пьесу, в которой она играла, шестнадцать раз, я удосужился ее заметить. Она стояла в дальнем углу сцены, возле кулисы. Наши глаза встретились — нет, я ни секунды об этом не сожалел, конечно, — сказал лорд Ходдесдон. — Как же, имея такого сына! Но с другой стороны — да, ты показал себя более мудрым мужчиной, чем твой старый отец, мальчик мой.

Во время отцовского монолога Бисквит предпринял несколько попыток прервать этот поток красноречия. И наконец получил возможность заговорить.

— Тебе не следовало бы мешать в одну кучу Энн и твоих богатых невест, — с праведным гневом произнес он. — Ты говоришь так, словно мне, кроме денег, ничего не надо. Позволь мне заявить, что дело идет о любви. Настоящей любви. Я без ума от Энн. Не кривя душой скажу, что, когда я думаю о том, что девушка может быть одновременно такой обворожительной и

вместе с тем богатой, ко мне возвращается вера в Провидение, вознаграждающее за добродетель. Она — прелестнейшее существо на свете, и будь у меня чуть больше чем фунт, два раза по пенсу и двухпенсовик, я бы сам повел ее сегодня на ленч.

— Девушка очаровательна, — согласился лорд Ходдесдон.

— Но как тебе удалось ее уломать? — спросил он, когда к нему вернулось естественное отцовское недоумение.

— Эджелинг помог.

— Эджелинг?

— Эджелинг. Можно что угодно предъявить против нашего родового гнезда — содержать его стоит целого состояния, оно слишком велико, чтобы сдать в аренду, это адское бремя и прочее, но что у него не отнять — это очень романтическое место. Я сделал Энн предложение на старой лужайке — мы приехали в двухместном авто Бобби Блейтуэйта, — и поверь мне, нет в мире девушки, которая смогла бы отказать в такой декорации. Голуби гулили, пчелы жужжали, вороны каркали, а заходящее солнце золотило покрытые плющом стены. Ни одна девушка не смогла бы отказать в этом окружении. Поверь, как бы ни насолил нам Эджелинг, он внес свою

лепту в семейное благо и заслужил награду.

— Кстати, насчет награды, — подхватил лорд Ходдесдон, — приятно думать, что ты получишь сполна.

Бисквит горько рассмеялся.

— И не мечтай, — грустно сказал он и указал на кипу бумаг, лежавших на столе. — Взгляни сюда.

— Что это?

— Исполнительные листы. Если я сегодня не заплачу, завтра утром должен предстать перед судом графства.

Лорд Ходдесдон издал смертельный крик.

— Не может быть!

— Может. Эти ребята жаждут крови. Шейлок по сравнению с ними — сосунок.

— Боже милостивый! Ты понимаешь, ты осознаешь весь ужас? Если тебя приведут в суд, помолвка будет расторгнута. Для таких, как Фрисби, этот аргумент несокрушим.

Бисквит успокаивающе поднял руку.

— Не бойся, отец. Ситуация под контролем. Я принял меры предосторожности. Посмотри-ка.

Он выдвинул ящик стола, достал что-то оттуда, на секунду скрылся за этажеркой и вынырнул вновь. Лорд Ходдесдон сдавленно вскрикнул.

И имел на то причину. За исключением волос,

унаследованных от матери, ничто в облике наследника не отвечало эстетическому чувству шестого графа. Теперь же в черном парике, скрывшем эти волосы, и с окладистой черной бородой он являл собой картину столь отталкивающую, что отцу позволительно было произвести столь странный звук.

— Вчера купил в «Кларксоне», — объявил Бисквит, с удовлетворением разглядывая себя в зеркале. — В кредит, конечно. Еще брови есть. Ну как?

— Годфри, мальчик мой… — Голос лорда Ходдесдона задрожал, как в минуты наивысшего волнения. — Ты выглядишь ужасно. Отвратительно. Мерзко. Как международный шпион или что-то в этом духе. Убери эту гадость немедленно!

— А ты бы меня узнал? — упорствовал сын. — Вот в чем штука. Если б, к примеру, ты был «Ховс и Довс. Сорочки — Галстуки — Белье», двадцать три фунта четыре шиллинга шесть пенсов, узнал бы ты за этим камуфляжем Годфри, лорда Бискертона?

— Конечно, узнал бы.

— Бьюсь об заклад — ни за что. Даже если бы ты был «Дайкс, Дайкс и Пинвид, Костюмы и Подтяж-

ки», восемьдесят восемь фунтов пять шиллингов и одиннадцать пенсов. И я скажу, как я собираюсь опробовать этот маскарадный набор. Ты говоришь, вы с Энн пойдете на ленч в «Беркли»? Я приду туда, сяду к вам как можно ближе. И если Энн воскликнет: «Ба, да это мой Годфри!» — я позову официанта, отдам ему бороду, парик и брови, велю зажарить и съем.

Лорд Ходдесдон тихо простонал и закрыл глаза.

Глава IV

1

Как было у него в обычае, привычным ударным рывком на последних пятидесяти ярдах Берри Конвей успел застать на станции Вэлли Филдс экспресс, отправлявшийся в 8.45, за полсекунды до отбытия. Хотя жизнь за городом была ему чуждой, Берри в определенной степени владел даром, отличающим загородных аборигенов от другой породы людей, — беспримерной способностью всегда успеть на поезд, причем никогда не ранее, чем за три с четвертью секунды до отхода. И поскольку те, кто рысит к утреннему экспрессу, заняты в этот момент более серьезным делом, нежели наблюдение за погодой, то, лишь заняв свое место и отдышавшись, Берри удосужился оглядеться вокруг себя и заметить, какой особенно приятный выдался сегодня денек.

Он понял, что такой день дается для радости, приключений и любви. Солнце сияло с сапфировых небес. Под его лучами Херн Хилл выглядел очень поэтично. И Бриксон тоже. И река, когда поезд пересекал ее, смеялась. Подъехав к вокзалу

Паддингтон, Берри решительно пришел к выводу, что провести такое утро в душной конторе было бы преступлением.

У него и раньше возникали такие ощущения, но в этом плане он никогда не находил понимания у мистера Фрисби. На создание Т. Патерсона Фрисби пошел грубый, тяжелый материал. Вы бы нипочем не поймали его на том, что он плюнул на дела и отправился танцевать на балу просто потому, что пригрело солнышко. Как правило, именно такие лучезарные утра подстегивали старого зануду к особо извращенным формам трудовых бдений. «Ну, поехали!» — возвещал он при виде Берри и подозрительно озирал небосклон, как будто видя там угрозу своим денежкам.

Но когда кротко и терпеливо ждешь чудес, они случаются. Едва Берри покончил с сортировкой скучнейшей из коллекций писем, когда-либо оскорблявших чувства молодого человека в ясный летний день, как дверь отворилась и на пороге возникло нечто столь лучезарное, что Берри пришлось дважды моргнуть, чтобы поймать видение в фокус.

Не в том дело, что Т. Патерсон Фрисби облекся в костюм из легкой серой фланели. И не в том, что на голове его красовалась панама, а шею

охватывал красивый галстук. Не это поразило наблюдателя. Самым удивительным было выражение жизнелюбия на лице вошедшего. Он положительно казался шаловливым проказником. Пока Берри тупо пялился на Т. Патерсона Фрисби, по лицу последнего прошелся спазм, несколько нарушивший гармонию черт. То была улыбка.

— Доброе утро, Конвей!

— Доброе утро, сэр, — бесцветным голосом отозвался Берри.

— Есть что-нибудь важное?

— Ничего существенного, сэр.

— Ладно, оставим это до завтра.

— До завтра?

— Да. Я еду в Брайтон.

— Слушаюсь, сэр.

— Вы можете взять выходной.

— Большое спасибо, сэр.

Он онемел от удивления. Такого еще никогда не случалось. Ни разу за все время их общения с мистером Фрисби от него не поступало такого предложения. И теперь в это верилось с трудом.

— Выезжаю прямо теперь. На авто. Не вернусь до вечера. Вам два задания. Ступайте в агентство Меллона и Пирбрайта на Бонд-стрит и закажите

мне два места у прохода на какое-нибудь хорошее представление сегодня вечером. Пусть запишут на мой счет и пришлют билеты на дом.

— Слушаюсь, сэр.

— Скажите, что мне нужно что-нибудь действительно стоящее. А потом поезжайте в ресторан «Беркли» и закажите столик для ужина.

— Слушаюсь, сэр.

— Столик на двоих. Подальше от оркестра.

— Слушаюсь, сэр.

— Хорошо. Кстати, насчет вашей просьбы. Я вчера говорил с этим Хоуком. Сказал ему про ваш рудник. Он заинтересовался.

Душа Берри затрепетала.

— Вот как, сэр?

— Да. Как ни странно, он оказался в курсе дела. Вы вечером на месте?

— Да, сэр.

— Я скажу, чтобы он заехал повидаться. Между нами: не проговоритесь, что я вам сказал, но он готов выложить до пяти сотен.

— Неужели?

— Сам сказал. Пытался обойтись меньшей суммой, но я уверил его, что вы не согласитесь. Так что если вам подходит, он привезет бумаги, и вы обстряпаете дельце прямо сегодня. И я даже

не потребую от вас комиссионных, — хихикнув, добавил мистер Фрисби.

Берри потупился. Искреннее раскаяние кольнуло его в сердце при мысли о том, что не раз в душе своей он припечатывал этого сердечнейшего человека эпитетом «акула-рабовладелец». Теперь он видел его в истинном свете — и это был ангел во плоти.

— Чрезвычайно обязан, сэр, — заикаясь, проговорил он.

— Не стоит благодарности.

— Вы правда думаете, что он даст мне пятьсот фунтов?

— Конечно, даст. Ну ладно, все. До свидания, — сказал мистер Фрисби и отбыл.

Несколько мгновений Берри стоял как вкопанный. Но недвижным было только его тело. Мозг его лихорадочно работал.

Пятьсот фунтов! Это значит — жизнь и свобода. Он заплатит долг Эттуотеру. Определит содержание Обломку Прошлого и избавится от нее. И, исполнив эти обязанности перед обществом, сможет броситься в пучину приключений.

Берри глубоко вздохнул. Телом он еще пребывал в кабинете хозяина, но духом уже летел по улочкам залитого солнцем городка, лежащего

в горной долине. И местные жители, глядя ему вслед, понимающе кивали.

— Это он, — говорили они. — Видите этого парня? Крутой Конвей! Круче не бывает.

* * *

Приближалось время ленча, когда Берри, совершив покупку театральных билетов, вновь вышел из конторы Меллона и Пирбрайта на шумную и сверкающую Бонд-стрит.

День достиг новых сияющих высот. Солнце светило в небе, солнце согревало сердце. Волшебный экстаз будоражил воздух. Берри в восторге оглядывал Бонд-стрит.

Для пресыщенного светского хлыща или отъявленного фланера Бонд-стрит в час дня пополудни в разгар лондонского сезона — всего лишь Бонд-стрит. Но для молодого человека с любовным жаром в груди, на которого свалился нежданный выходной, сулящий чудесные приключения, — это главная улица, это сказочный Багдад. Берри почувствовал в крови сладкий яд, ощутив себя центром мира.

У него было в обычае, гуляя по Лондону, озираться в надежде на то, что вот-вот с ним случится нечто необычное. Пока что ничего, имеющего

хоть малейший интерес, не происходило, и Берри даже чувствовал себя иной раз обделенным. Но Бонд-стрит оживила его оптимизм. Уж тут-то, думал он, в любой момент может случиться все что угодно.

Где, если не здесь, говорил он себе, изящная дамская ручка в тонкой перчатке могла бы вложить в руку такого мужчины, как он, узкий конверт с морским соглашением, выкраденным нынче утром в министерстве иностранных дел, узнав его по гардении в петлице. В то время как на Треднидл-стрит или в Вэлли Филдс можно всю жизнь прогулять, не дождавшись ничего серьезнее почтовой открытки с видом.

Вдоль по узкой улице сновали дорогие автомобили, на тротуарах было полным-полно дорого одетых пешеходов. Кто-то из них задел Берри локтем, толкнув к мостовой, и в тот же момент перед ним остановился двухместный автомобиль. А в следующую секунду к нему обратился человек в автомобиле, говоривший с чудовищным акцентом.

— Извините, это, вы могли бы указать мне путь к Лестеррр-скверрр?

Берри поднял на него глаза. Нет, то была не Мата Хари, а какой-то странный субъект с лохма-

тыми бровями и черной бородкой.

— Лестер-сквер? — переспросил Берри. — Налево и потом через площадь Пиккадилли.

— Спасибо, сэр-р-р.

Берри стоял, глядя вслед удаляющейся машине. Что-то в этом человеке озаботило его. Конечно, он не сказал ничего такого, что могло бы бросить тень на репутацию, но что-то в его облике вселяло подозрение, что карманы этого типа просто набиты украденными документами политической важности. Берри стоял, задумчиво глядя вдаль, и мог бы простоять так до бесконечности, если бы какой-то оголодавший пешеход, спешивший на ленч, не наткнулся на него сзади.

Возвращенный таким способом в реальность, Берри проследовал к ресторану «Беркли», чтобы заказать столик для мистера Фрисби.

Очевидно, мистер Фрисби был частым гостем в «Беркли». Одно только упоминание его имени вызвало уважительный интерес. Метрдотель, больше похожий на итальянского поэта, уверил Берри, что все будет в лучшем виде. Столик на двоих, подальше от оркестра. Именно так.

Потом метрдотель ласково осведомился, не желает ли Берри откушать у них в ресторане, и искусительным жестом указал на столик. Берри

хотел было ответить, что такая роскошь ему не по карману, но, повернувшись, чтобы взглянуть на столик, увидел картину, от которой слова застряли у него в гортани.

Бородатый субъект сидел в шести шагах от него и тыкал вилкой в копченого лосося.

Берри колебался не дольше секунды. Для человека, стесненного в средствах, ленч в таком месте был безрассудной, отчаянной, можно сказать — дьявольской авантюрой. Этот шаг стоил бы ему тяжких трудов в течение многих долгих дней. Но, видно, сама Судьба послала ему этого Таинственного Незнакомца, и со стороны Берри было бы непростительной дерзостью пренебречь ее вниманием из недостойных соображений.

Этот человек заинтриговал Берри. Очень подозрительная личность. Появиться с такой бородой в Лондоне! Больше того; после того как ему ясно объяснили, что надо повернуть налево и ехать через Пиккадилли, он повернул направо и явился в «Беркли». Если тут скрыта не тайна, то что тогда?

Берри сел, и тут же над ним склонился официант, протягивавший меню.

Бородач теперь ел рыбу под соусом. По мере наблюдения за ним подозрение Берри росло

с каждой секундой. Борода явно фальшивая. Очень уж она мешает владельцу. Он просовывает кусочки рыбы в рот с осторожностью натуралиста, входящего в неведомые дебри. Он не из тех несчастных, которым не под силу справиться с буйной растительностью и кто достоин искреннего сочувствия, а не осуждения; нет, он нарочно нацепил бороду, бог весть из каких темных побуждений возвел дебри на собственном лице, чтобы в любой момент скрыться в них и избавиться от преследования. Было бы ребячеством недооценивать опасность, которая исходила от этого человека.

И, словно в подтверждение этой мысли, последовала сцена столь красноречивая, что Берри содрогнулся, став ее свидетелем.

Поглаживая седые усы, в ресторан вошел импозантный джентльмен лет пятидесяти. Он что-то сказал метрдотелю, видимо, спросил столик. Потом, когда повернулся, чтобы пройти в холл, где посетители ожидали своих гостей, взгляд его упал на бородача. Джентльмен вздрогнул, будто увидел нечто ужасное — да, собственно, так и было, — и подошел к бородачу. Произошел краткий разговор, во время которого, видимо, пожилого джентльмена пытались успокоить. После чего он,

глубоко потрясенный, прошествовал к выходу.

Берри в возбуждении подался вперед. Он раскололо бородача. Он все видел. Это наверняка Нюхач, таинственный главарь великого Кокаинового кольца, доставляющий столько хлопот Скотланд-Ярду. Что касается седоусого, то он, должно быть, связной из высшего света, какой-нибудь баронет с безупречной репутацией, которого никто не заподозрит в преступных деяниях. И его нескрываемое волнение было вызвано шоком от встречи с Нюхачом в таком месте, как «Беркли», где борода неминуемо должна вызвать провал.

— Ступай в подвальный кабак, где тебя знают и уважают, — наверное, прошептал джентльмен Нюхачу. А Нюхач, нагло усмехаясь — Берри ясно видел, как тот усмехается, — ответил в том духе, что он уже принялся за ленч и, значит, должен за него заплатить, так что риск риском, но провалиться ему на месте, если он зря просадит хоть один фунт.

Получив такой ответ и хорошо зная своего хозяина, джентльмен исчерпал аргументы и ретировался.

Греза приобретала зримые контуры, и если ничего не помешает, она собиралась принять определенный вид. Но через минуту все мысли

о Нюхаче вышибло из головы Берри. Седоусый вернулся в обеденный зал, и на этот раз он был не один.

Впереди — как принцесса, продвигающаяся в толпе простолюдинов — шла девушка. При виде ее глаза у Берри чуть не выскочили из орбит. Челюсть у него отвалилась, сердце бешено застучало, и картофелина упала с задрожавшей вилки.

Ибо то была девушка, которую он искал всю жизнь, девушка, о которой он мечтал летними вечерами, когда небосклон окрашивается алым цветом, и весенними утрами, когда птицы поют гимны природе на росистых лугах. Он узнал ее сразу, потому что уже давно оставил всякую надежду когда-либо повстречаться с ней, и вот она явилась, точь-в-точь такая, какой он ее рисовал себе в мечтах лунными ночами, когда где-то вдали пели скрипки.

Он сидел, не сводя с нее глаз, и когда официант разрушил очарование момента, осведомляясь насчет того, не подать ли сыра, Берри с трудом удалось соблюсти свойственную семейству Конвей вежливость.

2

Глядя на Энн Маргарет, единственное чадо мистера и миссис Томас Л. Мун из Нью-Йорка, Берри Конвей, несомненно, переступал рамки приличий. Но в том же самом можно было упрекнуть многих, очень многих молодых людей из ресторанов, где успела побывать эта особа. Энн Маргарет была из тех девушек, не смотреть на которых молодые люди могли, лишь собрав в железный кулак всю свою волю.

Мы уже узнали, что думал об Энн редактор газеты «Курьер Интеллидженсер», и вправе официально заявить, что его описание явно грешило, если вообще имело отношение к истине, излишней сдержанностью. Вероятно, из-за недостатка газетной площади он опустил два или три пункта, которых нельзя было не коснуться и которых мы обязательно коснемся, чтобы представить достоверный портрет. Например, ямочка на подбородке, которая так забавно прыгала, когда Энн смеялась. Впрочем, в отношении удивительного обаяния и замечательной привлекательности, а также чувствительности, тонкой, как аромат цветка, редактор был совершенно прав. Берри заметил это сразу.

Лорд Ходдесдон тоже заметил эти качества, и его сознание вторично пронзила мысль о невероятности случившегося: как могла такая девушка, даже под воздействием Эджелинг-корта во всем его очаровании, принять руку его сына, который сидел сейчас через два столика от них, заслонившись черной бородищей?

Однако главное, на чем он сосредоточился в данную минуту, была необходимость свести счет за ленч к разумной сумме. Если ему удастся ограничить девичьи запросы по части кофе и прочих напитков, можно будет позволить себе невинное мужское удовольствие в виде сигары и ликера.

— Выпьете что-нибудь, дорогая? — спросил он, когда возле столика остановился официант.

Энн взглянула на него и ответила:

— Нет, спасибо. Ничего.

— Ничего, — повторил лорд Ходдесдон официанту, пытаясь скрыть свою радость.

— Виши? — настаивал официант.

— Ничего, ничего.

— Сен-Гальмье? Тоник? Эвиан?

— Нет, спасибо. Ничего.

— Лимонад? — спросил официант, который был из тех, кто не знает удержу.

— Да, я, пожалуй, выпью лимонада, — отозва-

лась Энн.

— Не советую, — искренне сказал лорд Ходдесдон. — Честно, не стоит. Вредный напиток. Много кислоты.

— Хорошо, — согласилась Энн. — Тогда немножко простой воды.

— Только простой воды, — с затаенной угрозой глядя прямо в глаза официанту, сказал лорд Ходдесдон.

Он одарил будущую невестку нежной улыбкой человека, выигравшего два шиллинга. «Как мило, — думал он, — встретить в наше время девушку, которая не желает портить цвет лица и пищеварение коктейлями, вином и кислотой!»

Но улыбка пропала втуне. Энн ее не заметила. Она смотрела в глубину зала. Грохот оркестра и гул голосов доносились до нее словно издалека. Будущий свекор, сидевший за одним с нею столом, был от нее за тридевять земель. Она вернулась к своим мыслям, прерванным обсуждением напитков. С того момента, как она прочла в газете объявление о собственной помолвке, Энн впала в странную задумчивость.

Есть в печатном слове некое особое свойство, которое приводит наши умы в замешательство. Будоражит. Только увидев объявление, набран-

ное безличными буквами, Энн до конца поняла чрезвычайную значимость шага, который она собиралась сделать, и чрезвычайную кратковременность своего знакомства с человеком, которому готовилась вручить свою судьбу.

Ее вдруг охватила жажда информации. Она подалась вперед, к своему визави.

— Расскажите мне о Годфри, — внезапно попросила она.

— А? — отозвался лорд Ходдесдон, заморгав глазами. Он тоже был погружен в свои мысли. Он обдумывал свои аргументы на случай, если спутница пожелает кофе, и старался сформулировать соответствующий совет так, чтобы он прозвучал наиболее деликатным образом. — А что именно?

Энн трудно было ответить на этот вопрос. «Что он за человек?» — хотелось бы ей спросить. Но, дав согласие выйти замуж, как-то глупо дознаваться, за кого именно.

— Ну, каким он был в детстве? — нашлась она, выбрав самый невинный вопрос. Он в самом деле прозвучал вполне невинно и вполне в духе ситуации.

Лорд Ходдесдон напряг память, пытаясь оживить сцены, которые предпочитал забыть.

— Он был истинным чудовищем, — сказал лорд

Ходдесдон и, спохватившись, добавил: — Очень симпатичным, живым, в общем, как все мальчишки.

Он почувствовал, что едва не позволил чувству возобладать над разумом, инстинкту — над дипломатичностью. Дай он себе волю в обрисовке характера юного Бискертона даже для благосклонного слушателя, дело могло бы принять нежелательный оборот. Лучше не шевелить прошлого, не вспоминать, как этот негодяй вымазал вареньем отцовское кресло. Как правильно заметила его сестра, эта девушка еще не стала женой Бискертона. Было бы безумием ляпнуть что-нибудь такое, что могло бы изменить ее решение. Зная Бискертона, как мог знать только отец, лорд Ходдесдон понимал, что невеста нуждается в поощрении.

— Живым, как все мальчишки, — повторил он. — Полным чувств. Причем всегда наилучших, — бесстрастно добавил он.

— Наилучших? — переспросила Энн и слегка передернулась.

— Он всегда был воплощением благородства, — торжественно провозгласил лорд Ходдесдон.

Энн опять передернулась. Воплощением благородства был Кларенс Дамфри. Она часто его на

этом ловила.

— Ни разу, ни в детстве, ни потом, — продолжал лорд Ходдесдон, найдя правильный тон и уже плавно скользя по накатанной колее, — не доставлял он мне каких-либо хлопот. — Тут лорд Ходдесдон нервно оглянулся, будто ожидая увидеть за плечом ангела, заносящего в книжечку его слова. С облегчением обнаружив там только официанта, он вернулся к своему предмету: — Он не из тех, кто до полуночи танцует с девочками из варьете и тому подобное. И, насколько я знаю, в карты он тоже никогда не играл.

— Но это вы не точно знаете, — промолвила Энн, не желая расставаться с последней надеждой.

— Знаю, — твердо возразил лорд Ходдесдон. — Сейчас вот вспомнил, как спросил его однажды, и он ответил, что нет, не играл. Если бы у него была такая привычка, он бы сказал: да, папа, я играю. Такой уж он у меня — честный и прямой. О чем бы я его ни спросил, всегда он так прямо в лицо и выпалит: да, папа; или: нет, папа. Помню, както, — начал лорд Ходдесдон, слегка отклоняясь от выбранного пути, — вымазал он мне вареньем кресло в библиотеке…

— Правда? — оживилась Энн.

— Да, — ответил лорд Ходдесдон. — Но, — тут же взяв себя в руки, продолжил он, — мальчик сразу пришел ко мне и, глядя прямо в лицо, сказал: «Папа, это я выпачкал кресло вареньем. Прости меня. Я решил признаться, чтобы не заподозрили кого-нибудь другого».

— Сколько ему тогда было?

— Лет десять.

— И он вот так и сказал?

— Этими самыми словами.

— И теперь он такой же?

— В точности, — с готовностью подтвердил лорд Ходдесдон. — Настоящий английский джентльмен, благородный до мозга костей.

Энн поморгала глазами и вернулась к своим мыслям. Теперь она думала об Эджелинг-корте без прежней нежности.

Приписывая обаянию фамильного гнезда решающее значение в согласии Энн на брак, лорд Бискертон проявил известную проницательность. Эджелинг-корт действительно сыграл в этом деле важную роль. Присущее ему очарование Старого Света, несомненно, затуманило свойственную ей ясность ума, которой она привыкла гордиться и которая, как Богом ниспосланный дар, оберегает девушек от поползновений со стороны

всех Кларенсов Дамфри в мире. Все эти пчелы, голуби и вороны, соображала теперь Энн, словно сговорились подавить ее сопротивление, и вот вам: она уже невеста идеального английского джентльмена.

Энн собрала волю в кулак и сказала себе, что не должна верить всему, что слышит. Очень даже вероятно, что лорд Бискертон на самом деле никогда не был благородным. Мало ли что наговорит родной отец! И даже если он таковым был, он ведь мог это преодолеть. Он мне нравится, уверяла она себя. Он забавный. Он меня смешит. Мы будем счастливы вместе — очень, очень, очень счастливы.

Все-таки жаль, что он иностранец, думала Энн. И если было бы преувеличением утверждать, что она пожалела о том, что сделала, все же ее грызла мысль, что девушка на пороге свадьбы должна бы чувствовать себя более уверенной. Правда, она плохо себе представляла, каким должно быть полное и абсолютное счастье накануне свадьбы. Но сама она ощущала тревогу и беспокойство, как молодой автор, только что поставивший свою подпись на договоре с директором театра и теперь сомневающийся насчет параграфа о правах на экранизацию своей пьесы.

— Вы что-то слишком молчаливы, дорогая, — сказал лорд Ходдесдон.

Энн встрепенулась.

— Извините, я просто задумалась.

Лорд Ходдесдон хотел было отпустить какое-то замечание по поводу любовных грез, но удержался.

— Вкусная курица, — сказал он, выбрав более безопасный предмет для разговора.

— Да, — сказала Энн.

— Картофеля не добавить?

— Нет, благодарю.

— Хотите заказать десерт?

— Да, пожалуйста.

— А кофе? — спросил лорд Ходдесдон, и его чистый взгляд замутился. — Не знаю, как вы, но я полагаю, что из-за содержащегося в нем наркотического вещества — кофеина — его следует избегать. Плохо действует на нервы. Все доктора так говорят.

— Я, пожалуй, не стану его пить. Вообще, я хотела бы уйти сразу после десерта. Вы не возражаете, если я вас покину?

— Конечно, нет, дорогая. Отнюдь. Я останусь, посижу, послушаю музыку. Может, возьму сигару и ликер. А вы хотите пойти за покупками?

— Нет, но погода дивная. Я хотела проехаться в машине. Она стоит у входа. Думаю съездить к реке.

— Поезжайте в Стритли. Очаровательное местечко. Или в Соннинг.

— Мне надо проветриться и собраться с мыслями.

— Понимаю, — по-отечески кивнул лорд Ходдесдон. — Это так естественно. Не беспокойтесь насчет меня. Я тут посижу. Люблю посидеть.

Энн улыбнулась и, еще раз посмотрев в глубину зала, встретилась глазами с молодым человеком в коричневом костюме, который сидел за столиком у стены, — в седьмой раз за время ленча.

Энн Мун так часто встречалась глазами с этим мужчиной по двум причинам. Первая заключалась в том, что смотреть она могла только в его направлении, ибо в противоположном взгляд ее натыкался на бородача столь отвратительно-зловещего вида, что ее прямо в жар бросало, когда она его видела. Мало того что на него было неприятно смотреть, он еще странным образом чем-то напоминал ее нареченного, лорда Бискертона, и это ее беспокоило.

Вторая причина состояла в том, что, кляня себя за слабость, Энн испытывала удовольствие, ловя

на себе взгляд Берри. Этот факт никак нельзя было отрицать. У него были необычные глаза. В них горел какой-то жадный огонек. Вот новость так новость. Ни у одного из знакомых ей мужчин глаза не горели огнем желания. Ни у Кларенса Дамфри, известного зануды. Ни у этого мальчишки Буруоша. Ни, если уж на то пошло, у лорда Бискертона. А ей понравился этот огонек.

Худощавый, стройный молодой человек с умным лицом и широкими плечами заинтриговал ее. У него внешность человека, который делает дело, подумала Энн. Который способен на отважные поступки. Она, к примеру, могла бы себе представить, как он отважно спасает ее из горящего дома. Она могла представить, как он спасает ее из лап бандитов, нанося им удары направо и налево. Это мужчина, который создан для нее.

Жаль, что они незнакомы.

Берри, в свою очередь, еще более пылко сожалел, что они незнакомы. Если в глазах его горел огонек, то вполне резонно. Он отчаянно сокрушался, что Судьба, которая захлестнула его потоком смешанных чувств, от которых у него голова шла кругом, не устроила так, чтобы эти чувства были направлены на девушку, с которой он каким-то образом мог познакомиться.

Теперь он окончательно убедился, что повстречал представительницу противоположного пола, которая создана в полном соответствии с его вкусами. Если бы ему довелось лично участвовать в материализации собственной грезы, он не смог бы справиться лучше. Эти глаза; этот изящный носик; эти зубы; эти волосы; эти руки — все было безупречно.

И при всем при том шансов познакомиться с ней у него было столько, сколько было бы, живи она на другой планете.

Они как корабли, разошедшиеся в ночи.

Теперь она уходит. И бородач тоже. Но что о нем думать! Бородач был вытеснен из сознания, не выдержав конкуренции. Он всего лишь бородач, не более того.

Берри показалось, что ему тоже пора. Он попросил счет и, получив его, попытался ничем не выдать своих чувств.

* * *

Выйдя на солнечный свет, Энн задумчиво прошествовала к своему двухместному автомобилю. Она поставила его возле площади. Где-то неподалеку, очевидно, оставил машину и бородач — он обогнал Энн, на ходу бросив на нее корот-

кий странный взгляд. Сходство с Бискертоном показалось Энн еще более разительным, чем в ресторане. Вблизи он мог бы сойти за его родного брата, у которого до того плохо пошли дела, что он отпустил бороду.

Эта встреча пробудила в Энн чувство вины. Пришлось признаться себе, что в мыслях она была не совсем верна Годфри. Выяснилось, что в душе она успела сравнить его — и не в его пользу — с тем сильным, романтического вида молодым человеком в коричневом костюме, чьи глаза горели огнем и который сейчас, не успела она усесться за руль своей машины, впрыгнул на соседнее сиденье и хрипло прошептал, от чего у нее мурашки пробежали по спине:

— Следуйте за этой машиной!

3

Помимо мурашек, этот вежливый шепот произвел на Энн еще один эффект — она прикусила язык. Поэтому, когда она обернулась к соседу, глаза ее были полны слез, а голос звучал хрипло от боли:

— Гой шиной? — переспросила она.

Берри ответил не сразу. Он чувствовал себя в этот момент так, как если бы прыгнул в бассейн

с ледяной водой и пытался там обжиться. Собственный поступок застал его врасплох, как это случается с теми, кто действует под влиянием импульса.

— Гой шиной? — повторила Энн.

Берри сосредоточился. Раз уж он ввязался в историю, надо овладевать ситуацией.

— Вон за той, — указал он.

Берри несказанно бы удивился, узнав, что его собеседница думает о том, какой приятный у него голос. На его вкус, собственный голос был сейчас похож на кваканье старой лягушки.

— В которой сидит этот бородач? — уточнила Энн.

— Да, — подтвердил Берри. — Следуйте за ним, куда бы он ни направился.

— Зачем? — спросила Энн.

«Все-таки она необыкновенная девушка, — подумал Берри. — Другая на ее месте с этого бы начала».

Берри не стал долго размышлять над тем, зачем ему понадобился бородач. Его ответ последовал незамедлительно.

— Его разыскивают.

— Кто?

— Полиция.

— Вы полицейский?

— Я из секретной службы, — сказал Берри.

Энн нажала на акселератор. Солнце светило. Птицы пели. Никогда она не чувствовала себя такой счастливой. Никогда в жизни.

Ей было приятно думать, что она не обманулась насчет этого молодого человека. Она сразу зачислила его в разряд тех, кто живет опасной жизнью, — и оказалась права.

Дрожь пробрала ее от головы до пяток, подбородок радостно вздернулся. «Наконец-то, — подумала Энн Мун, — мне встретилось нечто особенное».

4

Годфри, лорд Бискертон, тоже был в радужном настроении.

— Тра-ля-ля, — распевал он, въезжая на Пикадилли, и — трам-там-там, — сворачивая к югу на углу Гайд-парка. Он был преисполнен того вполне оправданного возбуждения, которое овладевает человеком, предпринявшим грандиозный и удачно закончившийся эксперимент.

Решаясь на апробацию бороды и бровей (от Кларксона) в таком часто посещаемом им месте, как ресторан «Беркли», Бисквит отдавал себе

отчет в том, что идет на отчаянный риск. Уж если там его никто не узнает, значит, никто и нигде не узнает. Мало того что он должен был сидеть в компании целого взвода своих приятелей и большинство официантов его прекрасно знали. По правде сказать, метрдотель относился к нему, скорее, как к младшему брату, чем как к клиенту.

И что же вышло? Ни Ферраро, ни один из его помощников ничем не обнаружили ни малейшего признака дружбы прежних дней. Они, должно быть, называли его между собой необычным бородатым незнакомцем, но наверняка никто не сказал: «Да, ну и видок нынче у старины Бискертона!». Никто его не засек. Испытание выдержано с честью.

И Энн он дал фору. Он так значительно смотрел на нее в ресторане и потом прошел мимо на расстоянии в один шаг, когда она садилась в машину. Но и Энн не смогла проникнуть за покров его тайны.

И старина Берри. То, с каким равнодушием он откликнулся на его просьбу, можно считать настоящим триумфом. «Извините, это, вы могли бы указать мне путь к Лестеррр-скверрр?» Ведь лицом к лицу встретились. И Берри даже ухом

не повел.

Итак, суммируем. Если старые друзья и знакомые не узнали его, что же говорить об этих кровососах, куда тут братьям Джонс, цветочникам, двадцать семь фунтов девять шиллингов шесть пенсов; или Галлиуэллу и Гучу, Туфли и Ботинки, тридцать четыре, десять и восемь?

У лорда Бискертона отлегло от сердца. Благодаря этим проверенным бровям и бороде он сможет остаться в Лондоне и гулять без боязни оказаться под судом. Вплоть до сегодняшнего дня он в этом сомневался. На него даже находили приступы отчаяния, когда он готов был искать убежища где-нибудь в Бексхилле или Уигане.

Вдобавок ко всему денек выдался чудесный: машина бежала резво, и если нажать на газ, можно успеть в Сандаун-парк к трехчасовому заезду. Бискертон находил нечто особенно приятное в этом трехчасовом заезде, и, слава богу, пока еще найдется достаточно букмекеров, которые, при недостатке норманнской крови в жилах, компенсировали его верой в удачу, которую поэты ценят гораздо выше.

Когда Бисквит достиг Эшера, душа у него просто пела. А подъехав к «Веселым пахарям», извещавшим клиентов о наличии лицензии на продажу

спиртных напитков и табачных изделий, почувствовал потребность заглянуть туда.

Он притормозил машину и вошел в бар.

5

В машине, следовавшей за ним, сперва царила тишина, нарушаемая лишь урчанием мотора, повиновавшегося ножке Энн, жавшей на акселератор. До самого перехода на Кингстон-стрит пассажиры молчали, предаваясь размышлениям. У каждого из них было над чем помозговать, оба прямо-таки сгибались под тяжестью дум.

Энн была девушкой совестливой. И надо сказать, что Совесть, наследие по линии новоанглийской родни, имела неприятное свойство отравлять ей самые приятные моменты жизни. Она вцепилась в нее в ресторане. И теперь опять укусила. У этой Совести были повадки настоящей дикой кошки. Себя не обманешь. Честная по природе, Энн не могла не отдавать себе отчета в том, что, дав слово выйти замуж за лорда Бискертона, она ограничила поле возможностей. Есть вещи, которые обрученная девушка не может себе позволить. А если позволяет, то осуждает себя за это. К числу таких вещей относится переглядывание с незнакомыми молодыми людьми в ресторанах.

А если пойти дальше, то никак не позволительно подолгу думать о незнакомом молодом человеке, с которым переглядывалась в ресторане, и сожалеть о том, что он тебе незнаком. И разумеется, попустительствовать его действиям, когда он прыгает в твой автомобиль и сопровождает тебя, несмотря на сугубо официальный флер секретной службы, в поездке, которую неподкупная Совесть квалифицировала как упоительную.

«Нечего мне твердить про гражданский долг, — сказала Совесть в присущей ей отвратительной новоанглийской манере. — Тебе это понравилось».

И Энн пришлось признать, что понравилось. Она неохотно сказала себе, что никогда не чувствовала себя счастливее с тех самых пор, как в четырнадцать лет получила фотографию Джона Бэрримора с автографом.

Если иметь богатых и знатных родителей может считаться для девушки несчастьем, то только в том смысле, что заставляет ее вести жизнь, защищенную от каких бы то ни было неожиданностей и полную условностей. Сколько она себя помнила, Энн жила в роскошном, но ограниченном мирке. Школьный бал в Париже, несколько сезонов в Нью-Йорке, зимы на Палм-бич или в

Эйкене, лето в Мэне или Саутгэмптоне… Невыносимое существование для романтической души.

Мужчины в ее кругу были неизменно прекрасно воспитаны, привлекательны, вежливы, но, увы, заурядны и практически неотличимы друг от друга. Ей иной раз приходилось делать усилие, чтобы вспомнить, с кем она в данный момент беседует.

Тот же, кто сидел сейчас рядом с ней, был совершенно другим.

Тем не менее она не имела права — и прекрасно это понимала — ощущать такое внезапное волнение. Следовало либо отказать в этой из ряда вон выходящей просьбе, либо — если вполне извинительное побуждение оказать помощь секретной службе Великобритании заставило бы ее идти на компромисс, — сохранять отчужденно-безразличный вид, как будто она просто шофер такси.

Итак, Энн вела машину, а Совесть все крепче сжимала на ее шее свои цепкие пальцы.

Что касается Берри, было бы преувеличением сказать, что он прыгнул в машину незнакомой девушки, хоть в малой степени руководствуясь доводами разума. Но он чувствовал, что поступил правильно. Оглядываясь назад, он не видел причин для раскаяния. Поведение, которое в других

обстоятельствах могло бы вызвать упрек в эксцентричности, в этот день казалось нормальным и приличным. Не соверши он этот поступок, волшебная девушка навсегда исчезла бы из его жизни. Чтобы предотвратить эту трагедию, можно было бы пойти на что угодно.

Тем не менее он понемногу в достаточной мере пришел в себя, чтобы оценить ситуацию как весьма затруднительную. Подобно отважному, но плохо подготовленному охотнику, поймавшему в джунглях Индии тигра за хвост, он чувствовал, что до сих пор события развивались в правильном русле, но дальнейшее их течение требует тщательного обдумывания.

Итак, при полном молчании автомобиль подъехал к переходу на Кингстоне. Вперед на гладкий бетон вырулила какая-то машина. Куда именно направлялся ее водитель, догадаться было трудно, но он явно следовал в ту же сторону.

Берри первым нарушил молчание.

— Чертовски благородно с вашей стороны, — сказал он.

— Ну что вы, — возразила Энн.

— Нет, правда.

— Ну что вы!

— В самом деле, — настаивал Берри.

— Пустяки, — ответила Энн.

— Говорю вам, — продолжал Берри, — это чертовски благородно с вашей стороны.

Обмен любезностями снял напряжение. Берри восстановил дыхание, а Энн зашла так далеко, что оторвала взгляд от дороги и метнула его в сторону пассажира. В профиль его лицо произвело на нее еще большее впечатление. Энергичные физические упражнения и трезвый образ жизни обеспечили Берри прекрасный профиль, можно сказать, медальный. Складки у носа и небольшой белый шрам возле уха придавали ему особую привлекательность. «След пули, — подумала Энн, — такой шрам могла оставить только пуля».

— Большинство девушек перепугались бы до смерти, — сказал Берри.

— Я тоже испугалась.

— Да, — подтвердил Берри с растущим воодушевлением, — но вы ни секунды не сомневались. Не стали мешкать. Мгновенно схватили ситуацию.

— Кто это? — спросила Энн, внимательно глядя на поравнявшийся с ними двухместный автомобиль. — Или вам нельзя говорить?

Берри предпочел бы смолчать, положение было безвыходным. Как удачно, что в ресторане у него

было время поразмыслить над идентификацией этой бородатой птички.

— Я думаю, — ответил он, — что это Нюхач.

— Нюхач? — севшим от волнения голосом переспросила Энн. — Какой Нюхач? Что это значит? Кто такой Нюхач? Почему Нюхач?

— Главарь большой кокаиновой банды. У него кличка Нюхач. Если, конечно, это тот самый тип. Но вполне возможно, что это ни в чем не повинный человек. Вы, вероятно, слышали, как разрослась в последнее время наркосеть?

— Нет, не слышала.

— Очень разрослась. И все из-за этого типа.

— Нюхача?

— Нюхача.

Оба немного помолчали. Энн набрала в легкие воздуха.

— Для вас это, наверное, обычное дело, — сказала она. — А я дрожу, как осенний лист. Неужели для вас это так привычно?

Молодые люди в старой доброй Англии не обладают совестливостью жителей Новой Англии. Мы говорим о пуританской совести, но Берри не ведал и ее. И потому ответ его прозвучал не только твердо, но и иронично.

— Разумеется, это обычная работа.

— Вы хотите сказать, что такое случается с вами сплошь и рядом?

— Более или менее.

— Вот это да! — воскликнула Энн.

Она понимала, что следующий вопрос, который вертелся у нее на языке, относится к разряду личных, но не могла сдержать любопытства.

— А откуда у вас этот шрам? — не дыша, спросила она.

— Шрам?

— У вас маленький шрамик возле уха. Вас поцарапала пуля?

Берри с трудом проглотил комок, застрявший в горле. До чего же женщины любят эту дребедень. Взять хотя бы Отелло и Дездемону. Отелло и не собирался рассказывать всю эту муру насчет превратностей судьбы, лишений и трудов, испытанных на суше и на море, пока девчонка все это из него не вытянула. Отелло прекрасно понимал, что, плетя истории про горы с вершинами, касающимися неба, и каннибалах, друг друга поедающих, хватает через край, но деться было некуда.

Что же оставалось делать Берри Конвею?

— Да, — сказал он и понял, что с этого момента мосты сожжены.

— Надо же! — воскликнула Энн. — Еще бы чуть-чуть…

— Да, но чуть-чуть не вышло, — сказал Берри, окончательно умертвив в себе лучшую часть самого себя, — потому что в следующую секунду я выстрелил.

— Выстрелили?

— Да, пришлось.

— Я вас не виню, — проронила Энн.

— Я видел, как его рука скользнула в карман…

— Чья рука?

— Джека Маллоя. Я тогда обезвреживал банду Маллоя.

— А кто это?

— Организаторы поджогов.

— Поджигатели?

— Вот именно, — подтвердил Берри, сожалея, что не ему пришел в голову этот термин. — У них была штаб-квартира в Дептфорде. Начальник послал меня произвести разведку… Вы не подождете здесь?

— Подождать?

Она заметила, как лицо его сделалось каменным, а взгляд — суровым.

— Мне надо последовать за ним.

— А можно мне с вами?

— Нет. Могут возникнуть неприятности.

— Я люблю неприятности.

— Нет, — твердо ответил Берри. — Уж будьте так добры.

Энн вздохнула.

— Ну хорошо. А оружие с вами?

— Да.

— Держите его наготове, — посоветовала Энн, — и не стреляйте, пока не увидите белки его глаз.

Берри исчез. «Он идет, как гончая», — подумала Энн. Откинувшись на теплую кожу, она предалась сладким грезам. Впервые в жизни с ней случалось такое. Энн Мун никогда не приходилось участвовать ни в каких гонках, кроме ночных возвращений из клуба. А единственным приключением, столкнувшим ее с беззаконием, был случай, когда по дороге из Нью-Йорка в Пайпинг-рок ее догнал полисмен на мотоцикле и вручил штрафную квитанцию за превышение скорости.

И в самый сладостный миг грез что-то жесткое и острое впилось ей прямо в душу.

«Ага, — торжествующе провозгласила Совесть, сызнова берясь за свое. — Попалась!»

6

Когда лорд Бискертон вошел в бар «Веселые пахари», он был пуст, если не считать рыхлой леди в черном атласном платье и с огромной брошью на груди с надписью серебром «пупсик». Она стояла за стойкой, как альпийский сенбернар, ожидающий возможности оказать помощь жаждущему. Она приветливо улыбнулась Бисквиту и поделилась мнением о погоде.

— Хороший денек, — сказала она.

— Лучше не бывает, — сердечно отозвался Бисквит.

Пенящаяся кружка перешла из рук в руки, и полился приятный незатейливый разговор, какой обычно возникает при подобных обстоятельствах.

Искусство обмениваться словами через стойку даровано не каждому. Бывает, что лучшие умы лишены этого дара. Взять, к примеру, покойного Герберта Спенсера. Но для Бисквита это была родная стихия. Он немедленно становился приятелем каждого бармена и каждой барменши. У него были приятные манеры, и говорил он разумные вещи. Больше того, он умел слушать. А поскольку каждая девушка за стойкой распола-

гает длинным списком жалоб на своего хозяина, это качество ценится у них выше красноречия.

К тому моменту, когда Бисквит одолел четверть пинты эля «Сёррей», между ним и барменшей установились отношения сердечной доверительности. Мало-помалу беседа приобрела личный оттенок. Барменша с самого начала критически смотрела на бороду, но до поры природный такт удерживал ее от словесного выражения своих сомнений по этому поводу.

— Зачем вы ее носите? — наконец спросила она.

— Другой нет, — ответил Бисквит.

— Чудно как-то.

— Вам не нравится?

— Я ничего против не имею. Но смотрится чудно.

— Было бы еще чуднее, — возразил Бисквит, — ежели бы половина была розовой, а половина зеленой.

Барменша подумала и согласилась.

— Но так тоже чудно, — все же сказала она.

— Знаете, как я ею обзавелся?

— Отрастили небось.

— Ну что вы! Это долгая история. Надо вам сказать, что ребенком я был прелестной девочкой.

Но в один прекрасный день нянька везла меня в коляске и остановилась поболтать с солдатом, как это в обычае у нянек, и когда отвернулась от коляски, из кустов выскочила цыганка с отвратительным бородатым мальчишкой на руках. И знаете, что она сделала? Выкрала меня из коляски и на мое место уложила этого бородатого мальчишку. С тех пор я стал мальчишкой с бородой.

— Жаль, что она не положила в коляску бритву.

— Бритва тут без пользы, — вздохнул Бисквит. — Они тупятся и ломаются. Как и резаки для колючей проволоки. Один доктор, с которым я консультировался, порекомендовал мне ее выжечь. Я возразил, что огонь, может, и остановит рост волос, но я, пожалуй, тоже сгину в пламени. Мои слова произвели на него впечатление, он заметил, что это не приходило ему в голову. В общем, история малоприятная и доставляет много хлопот.

— Знаете, что бы я сделала, если бы вы вошли сюда несколько лет назад?

— Что?

— А вот что!

Она протянула руку и, весело хихикнув, с силой дернула Бисквита за бороду.

Это было последнее ее хихиканье на многие и многие дни. Знающие люди утверждали, что она уже никогда не была такой, как прежде. Берри, как раз взявшись в ту секунду за дверную ручку, замер, оглушенный ее визгом. Убивают там, что ли? Распахнув дверь, он вновь остановился как вкопанный.

Зрелище, открывшееся его взору, могло бы парализовать кого угодно. За стойкой неподвижно стояла барменша, держа в руке бороду, и казалась чем-то огорченной. Напротив нее, тоже смущенный, застыл его школьный друг, лорд Бискертон. Берри был не в силах шелохнуться. Давно он не видел таких кошмаров.

В следующее мгновение немая сцена оживилась. Вырвав бороду из рук барменши, Бисквит торопливо приладил ее к лицу. А барменша, издав длинный, протяжный стон, повалилась на бок на манер леди, падающей в обморок.

Бисквит, хотя и испытывал к барменше искреннее расположение и успел насладиться беседой с нею, все же не до такой степени проникся чувствами, чтобы задержаться для оказания первой помощи. Он торопился в другое место, но, бросившись к двери, увидел Берри и остановился на полпути.

— Бисквит! — вскричал Берри.

— Господи Боже! — промолвил лорд Бискертон.

Не тратя времени на комментарии, он схватил Берри за руку и повлек к выходу. Только оказавшись с глазу на глаз во дворе, укрывшись от посторонних взглядов каменной стеной, Бисквит пустился в объяснения.

— Какого черта ты тут делаешь, Берри?

— А ты?

— Я ехал в Сандаун. А тебя как сюда занесло?

— Я следовал за тобой, чтобы узнать, куда ты направляешься.

— С какой стати?

— С такой. Что ты болтаешься по всему Лондону и близлежащим графствам с длинной бородищей?

На лице Бисквита отразилась глубокая озабоченность.

— Ты хочешь сказать, — запинаясь, произнес он, — что сразу узнал меня?

Берри сообразил, что не стоит с порога отвергать это предположение. Быстрый умом, он понял, что ему предоставили шанс показать себя либо проницательным наблюдателем, либо доверчивым простаком. Берри выбрал первое.

— Разумеется, узнал, — с достоинством ответил он.

— На Бонд-стрит? — допытывался Бисквит.

— Конечно.

— То есть сразу, как я с тобой заговорил?

— Ну да.

— А почему же не раскололся?

— Решил тебя подурачить, осел ты этакий.

— Подурачить меня?

— Да. Мне показалось, что ты расстроишься, если увидишь, что не удалось меня провести.

— Черт! — в сердцах выдохнул Бисквит.

— А зачем ты все это затеял?

— Берри, — дрогнувшим голосом сказал Бисквит, — ты, надеюсь, знаешь, что Феррaро и прочие в «Беркли» знают меня как облупленного?

— Ну да.

— Именно это побудило меня искать нетривиальный выход.

Он немного помолчал, формулируя в уме избранный им способ действия.

— С помощью бороды я думал провести своих кредиторов, — пояснил он наконец. — Они сели мне на хвост, и пришлось изменить внешность до полной неузнаваемости, чтобы безопасно передвигаться по Лондону. Но ты, говоришь, сразу

меня раскусил?

— С первого взгляда.

— Значит, все идет к тому, — разочарованно протянул лорд Бискертон, — что мне придется покинуть метрополию. Иначе я рискую тем, что меня потянут в суд и просветят рентгеном мои финансы. Надо залечь на дно где-нибудь в провинции. Может, в Бексхилле. Или в Саутэнде. Но бог мой! Как же я объясню?

— Что именно?

— Черт побери, мне надо как-то объяснить внезапное исчезновение. Я только что обручился. Моя невеста немного удивится, если я смоюсь с горизонта, не говоря ни слова, как ты думаешь?

— Я про это и не слыхал, — ответил Берри.

— Да я и сам только что об этом вспомнил, — чистосердечно признался Бисквит. — Может, черкнуть ей, что сломал ногу и прикован к постели? Нет, не годится. Она явится с цветами и фруктами меня навестить. Наверняка. Фу, глупость какая. Черт, как же выпутаться-то, а?

— Я знаю, — сказал Берри. — Свинка.

— Что?

— Скажи, что подхватил свинку. Она к тебе на милю не подойдет.

Бисквит дрожащей рукой хлопнул друга по

плечу.

— Гений, — просто сказал он. — Настоящий гений. Наверное, унаследовал гениальность по мужской линии от прадедушки. Ты решил проблему, старина. Осталось только придумать, куда мне двигать. Куда-то надо. Продам какие-нибудь безделушки, выручу немного деньжат на экстренные расходы и уйду в ночь… Вот только куда? Куда-нибудь в дебри. Не в Брайтон же ехать. Дайкс, Дайкс и Пинвид наверняка проводят воскресенье в Брайтоне. В Бексхилл? Не знаю. Хоус и Доус скорее всего именно там купили себе бунгало. В конце концов получается, что безопаснее всего ехать в Уиган.

Хроника этого летнего дня достоверно выявила, что интеллект Берри Конвея достиг зенита. Как только мистер Фрисби выпустил его из конторы на волю, умственные способности Берри получили отменный стимул. Этому же фактору он был обязан и энтузиазмом, который овладел им сейчас.

— Бисквит, — сказал он, — вот что я сейчас подумал. Парень, который живет со мной по соседству, неожиданно должен ехать в Манчестер…

— У него тоже неприятности с кредиторами? —

сочувственно осведомился лорд Бискертон.

— Он хочет сдать свой дом. С мебелью. Можно прямо сейчас въезжать. Я могу вечером с ним поговорить, если пожелаешь. Может, он уже уехал, правда. Но я могу связаться с его агентом. Идеальный вариант. В Малберри-гроув тебя никто не сыщет. Можешь залечь там до донца дней. Будем соседями.

— Будем вечерами лазить друг к другу через забор? — радостно воскликнул Бисквит.

— Вот именно.

— Сплетничать о соседях! Одалживать косилку!

— Точно.

— Берри, старина, — сказал лорд Бискертон, — это то, что надо. Твой прадед был просто кладезь ума. Его, наверное, на площади показывали. Народ ездил поездами на него смотреть. Улаживай детали и пришли мне весточку домой. И будь добр, не затягивай с этим делом, потому что я уже чую за спиной горячее дыхание Дайкса, Дайкса и Пинвида. Буду наслаждаться загородной жизнью. Отдохну хорошенько.

— Сегодня же все улажу.

— Господь тебя благослови! Ты настоящий друг, если только они бывают на свете, — сказал Биск-

вит. — Может, мне лучше пойти к несчастной невесте и сказать, что я еду на бал-маскарад, пикник или что-нибудь в этом роде. Она, бедняжка, расстроится, но я же не навеки исчезаю, рано или поздно все уладится. А как, кстати, ты сюда добрался?

— На машине.

— Своей?

— Нет.

— Взял напрокат? Тогда мне лучше подождать здесь, пока ты не отъедешь на порядочное расстояние. Береженого Бог бережет. Я раз-другой арендовал машины в разных гаражах, и может статься, что твой шофер меня знает. Ты меня извинишь, если я не провожу тебя?

— Извиню.

— Как называется резиденция, в которой я поселюсь?

— «Мирная заводь».

— Мирная заводь! — повторил Бисквит. — Один звук этих слов действует на меня как бальзам. Кстати, что касается звучности, боюсь, старина, мы должны будем распрощаться со звонким титулом сира де Бискертона, если не возражаешь. Скажи этому славному соседу, что некий Смит желает снять квартиру с ванной. Смит из

Смитфилда. Вот так. А теперь надо пойти успокоить крошку. Когда я покидал ее, бедного агнца, она храпела как паровоз, и дым шел у нее из ноздрей.

7

Берри, довольно улыбаясь, вышел из «Веселых пахарей». Итак, разработан замечательный план. Он скажет девушке, что подозреваемый бесследно исчез, и вообще выяснилось, что он не Нюхач. А потом они вместе поедут в Фейриленд и будут болтать о всяких приятных вещах, как и подобает в такой чудный денек.

Да, программа что надо. Просто восхитительная программа.

Но программы имеют дурное обыкновение меняться без всякого предупреждения. Как будто его внезапно настигло тяжкое известие, улыбку мгновенно смыло с лица Берри, и он неловко оглянулся вокруг.

Автомобиль с девушкой исчез.

Глава V

Прибытие лорда Бискертона за город, где он предполагал найти временное пристанище, ни в малейшей степени не отличалось ничем выдающимся или значительным и отнюдь не напоминало въезд короля во владения вассала. Лорд с самого начала вел себя как человек, менее всего желающий привлечь к себе внимание. Ревнитель языковой точности назвал бы его поведение вороватым.

После раннего ленча у себя в клубе он прокрался на крыльцо, зорко оглядел улицу, надвинул на глаза шляпу и, прыгнув в проезжавшее мимо такси, поехал на вокзал Виктория, где сел в поезд, отправлявшийся в 1:59. Только когда поезд отошел от перрона, он позволил себе расслабиться. Если только Дайкс, Дайкс и Пинвид не успели спрятаться под сиденье, можно почувствовать себя в безопасности.

Местность, называемая Вэлли Филдс, вскоре открывшись его взору, приятно его удивила. Горожанин до мозга костей, Бисквит всегда думал о территории Серрея — когда он вообще давал себе труд о ней думать — как о краях угрюмых

и безотрадных, куда не ступала нога человека и где не звучало слово Божье. Пейзаж Вэлли Филдс, залитый солнцем и живописный, показался ему необычайно веселым. Тенистые сады и густая листва деревьев придавали ему настоящий деревенский вид, и даже странно было думать, что Берри Конвей почему-то невзлюбил это место.

Станция выглядела как самая типичная загородная станция. Крутые, заросшие травой насыпи были засажены капустой, свеклой и даже розами. Не говоря уже о четырех видах петрушки. Бисквит пришел к выводу, что Берри просто ничего не понимает в жизни. Ибо, насколько можно было заключить из беглой инспекции, Вэлли Филдс — того рода край, куда американский поэт вечно мечтал возвратиться. Ключи от нового владения Бисквит забирал в агентстве Мэттерса и Корнелиуса.

Мистер Корнелиус встретил его по-отечески. Это был джентльмен в годах, похожий на друидского жреца, с длинной белой бородой, которую Бисквит, понаторевший в бородах, разглядывал с уважительной завистью. Исполненный патриотизма относительно всего, касающегося Вэлли Филдс, мистер Корнелиус с одобрением встречал каждого, кто намеревался тут поселиться.

— Лучше и желать не приходится, — уверил он Бисквита. — Дом — игрушка, тонущая в тенистой зелени. В высшей степени удачно расположенное, современное строение, оснащенное всеми новейшими удобствами и пребывающее в полном порядке.

— Компания отвечает за поставку воды?

— Разумеется.

— И за прочие удобства?

— Обязательно.

— А что представляет собой усадьба?

— «Мирная заводь», — прокомментировал мистер Корнелиус, — представляет собой парковую зону, простирающуюся к северу на одну восьмую акра.

— А если потеряешься, — заинтересовался Бисквит, — наверное, сенбернаров посылают на поиски?

Он проследовал к месту назначения и без приключений достиг Малберри-гроув. Его удовлетворение углубилось, потому что прямо за углом глаза его уперлись в восхитительный паб. Он зашел и продегустировал пиво. Оно оказалось превосходным. Каждый исследователь скажет вам, что самое важное в незнакомой местности — расположение пивной точки. Таким образом

Бисквит, довольный, что эта проблема нашла благополучное разрешение, вышел из паба твердым, уверенным шагом, и через минуту перед ним открылся Малберри-гроув во всей своей красе.

В письме, адресованном в газету «Саут Ландон Аргус», вскрывающем недостатки в деятельности местных отделений газовой, электрической и водопроводной компаний, майор Флад-Смит из «Лесного замка» назвал Малберри-гроув райским. Он отдал письмо горничной, но она забыла его отправить и, найдя через три недели в ящике стола, сожгла. Так что редактор газеты не сумел с ним ознакомиться и не напечатал — что противоречило принципам, которые «Аргус» исповедовал, но надо признать, что в описании Малберри-гроув майор был глубоко прав.

Малберри-гроув был крохотным тупичком, засаженным сиренью, миндалем, терновником, рябиной и золотым дождем. Домов здесь было всего два — «Замок» (на отшибе) и строение тех же пропорций на той же стороне, которое несколько лет назад было преобразовано в две отдельные резиденции. Другая сторона улочки была залита водой, по которой плыли два лебедя, слева направо — Эгберт и Перси. Впечатление полной деревенской идиллии дополнялось тем, что сады,

окружавшие дома, плавно переходили в зеленые лужайки вэллифилдского лаун-теннисного клуба. Словом, местечко источало патриархальную прелесть, и, если вновь процитировать майора Флад-Смита, невозможно представить, что отсюда было всего семь миль до угла Гайд-парка, а если по прямой, то и все пять.

Ничто не нарушало мирной тишины Малберри-гроув. Сюда не ступала нога полисмена. Мальчишки-рассыльные, въезжая сюда на велосипедах, приглушали звонки. И даже бездомные собаки, забредая сюда с желанием полаять на лебедей, издавали только невнятное кряхтенье и почтительно ретировались.

Бисквиту здесь чрезвычайно нравилось.

— Полный порядок, — сказал он себе.

И, сделав паузу, чтобы запустить банановой шкуркой в лебедя Перси, который, вытянув шею, издавал звук паровоза, выпускающего пар, Бисквит прошествовал далее и подошел к калитке, на которой белела выцветшая надпись из двух слов:

«МИРНАЯ ЗАВОДЬ»

Заводь эта оказалась двухэтажным зданием в стиле загородной неоготики, сложенным из кир-

пича, выкрашенного ядовито-желтой краской, которая начала тускнеть. Как и многие другие дома в Вэлли Филдс, оно демонстрировало, на что способен местный архитектор Монтгомери Перкинс, если постарается. Несомненно, именно ему принадлежала идея разместить на парадной лестнице двух оштукатуренных сфинксов.

Там, где мистеру Перкинсу помогала матушка-природа, результат был еще более ошеломляющим. Одна половина дома была оплетена плющом, а вдоль забора тянулся вьюнок. Там и сям росли внушительные кусты благородного лавра, а короткая тропинка, ведущая к дому, которую мистер Корнелиус величал подъездной аллеей, была обсажена цветами.

Справа, затененная рябиной, виднелась решетчатая дверь, очевидно, ведущая на задний двор. И Бисквит, с присущим естествоиспытателю любопытством, немедленно направился прямо к ней.

Пройдя в дверь, он задержался, не то чтобы заколдованный, но крепко озадаченный. Перед ним, вгрызаясь в землю лопатой величиной с нее самое, возникла девушка.

Ничто в словах мистера Корнелиуса не подготовило Бисквита к встрече на территории своего парка с девушками.

— Привет, — сказал он.

Землекопша прекратила копать, взглянула на него и выпрямилась.

— Привет, — отозвалась она.

Мужчина, который, подобно лорду Бискертону, только что обручился, конечно, не имеет права оценивающе засматриваться на незнакомых девушек. Но именно на этом поймал себя Бисквит. Тот факт, что Энн Мун приняла его руку, не повлиял на остроту его зрения, и он не смог не заметить, что девушка исключительно привлекательна. Ее голубые глаза смотрели прямо ему в лицо, и Бисквит почувствовал, что ему хочется, чтобы это длилось без конца.

Что-то — возможно, то, что она была блондинкой, а он джентльменом, — неудержимо влекло его к нарушительнице границы.

— Вы входите в комплект? То есть я хочу спросить, вы тут живете?

— Вы мистер Смит?

— Да, — ответил Бисквит.

— Рада познакомиться, — сказала девушка.

Ее голос прозвучал с той приятной интонацией, которая смутно напоминала манеру речи его нареченной.

— Вы американка, да? — спросил Бисквит.

Она кивнула, и копна золотых волос затанцевала вокруг ее головки.

«Очень мило», — довольно неуместно отметил про себя Бисквит. Одновременно она произнесла некий звук, отдаленно похожий на «да», прозвучавший очень музыкально.

— Я недавно приехала из Америки, — добавила она.

В этот момент Бисквит наконец-то мог бы ответить без угрызений совести и вполне искренне. «А, — сказал бы он беспечно, — какое совпадение! Моя невеста — тоже американка».

Но вместо этого он сказал:

— О! И какими судьбами?

— Я приехала в гости к дяде, — сказала девушка. — Вот сюда. — И кивком золотой головки она указала в сторону соседнего дома. — Перелезла через забор. Ваш сад в ужасном состоянии. За ним несколько недель никто не ухаживал. Я просто видеть не могу запущенный сад. А сейчас пыталась привести его в порядок.

— Ужасно мило с вашей стороны, — сказал Бисквит. — Так поступают настоящие девушки. Рад, что вы любите садовничать. Это одно из моих любимейших занятий. Можем вместе поработать граблями и лопатой.

— Вы только въехали?

— Да. Вещи привезли позавчера. Надеюсь, старина Берри проследил, чтобы все было как следует. Он обещал.

— Берри?

— Берри Конвей, из «Уголка». Мой сосед.

— Я не знакома с мистером Конвеем.

— Зато вы познакомились со мной, — сказал Бисквит. — Разве этого удовольствия недостаточно для девушки величиной с пол-орешка?

Он прикусил язык, сообразив, что дал ему многовато воли. Новообрученный молодой человек, беседующий с голубоглазой блондинкой, должен быть более сдержан.

— Чудесный день, — значительно произнес он.

— Замечательный.

— Вы здесь надолго?

— Очень вероятно.

— Прелестно! — сказал Бисквит. — А имечко?

— Какое имечко?

— Ваше, конечно, тугодум вы этакий. Чье же еще?

— Вэлентайн.

— А для неформального общения?

— Кичи.

— Насморк схватили?

— Я назвала свое имя. Кичи.

Взгляд Бисквита стал суровым.

— Мое открытое лицо и честный взор не должны вводить вас в заблуждение; не думайте, что можете так легко меня дурачить, — заявил он. — Позвольте вам заметить, что я очень умный и могу отличить имя от чиха. Девушка не может так зваться.

— Тем не менее это сокращенное от Кэтрин. А вас как зовут?

— Годфри. Сокращенное от Уильям.

— Ну что ж, — сказала девушка, которая во все время разговора неотрывно изучала его верхнюю губу. — Позвольте и мне кое-что вам сказать. Надо что-то сделать с вашими усами — либо отрастить, либо сбрить. А то вы похожи на Чарли Чаплина. Простите за переход на личности.

— Отвечаю в обратном порядке. Не стесняйтесь переходить на личности. Кому и беседовать по душам, как не таким старинным приятелям вроде нас? Во-вторых, я должен заметить, что не вижу ничего предосудительного в том, чтобы быть похожим на Чарли Чаплина, человека многих достоинств, которого я глубоко уважаю. В-третьих, я нахожусь в процессе отращивания усов — до умеренной длины, в определенных границах. А

теперь, когда мы объяснились по всем пунктам, скажите: как вам нравится в Англии? Рады, что приехали?

— Очень нравится. Но скучаю по дому.

— Вот как? А где ваш дом?

— Около Нью-Йорка. Городок называется Крепкая Шея.

— И вы скучаете по нему?

— Конечно.

— Почему конечно? — продолжал допытываться Бисквит. — Какая вы все же необычная девушка. Ведете увлекательную беседу с одним из лучших умов Вэлли Филдс, причем этот лучший ум облечен в новый костюм, сшитый самым модным лондонским портным, и говорите, что скучаете по какой-то Крепкой Шее! Невероятно! Что там такого неотразимо влекущего?

— Там Мер, — ответила девушка.

— Mere[28]? Ваша матушка, хотите сказать?

— Да нет, я сказала — Мер. Мервин Флок. Человек, с которым я обручена. Папа ужасно огорчился, потому что Мер — актер, и отослал меня подальше от него, в Англию. Поняли теперь?

Бисквит понял. И, как ни странно, это ему не

---

[28] Сноски: 28
Мать *(фр.).*

понравилось. Для обрученного мужчины новость о том, что золотоволосая голубоглазая девушка, с которой он только что познакомился, оказывается, тоже обручена, должна быть приятной. Она должна наводить на мысль, что они оба принадлежат к некоему великому сообществу. Он должен чувствовать себя как любящий брат, которому принесли благую весть о сестре. Ничего подобного не чувствовал лорд Бискертон. Несмотря на сердечное обожание, которым он был преисполнен по отношению к своей суженой, информация о помолвке стоявшей перед ним девушки вызвала у него неприятные ощущения.

— Мервин Флок! — повторил он сквозь зубы.

— Слышали бы вы, как Мер играет на гавайской гитаре!

— Я не желаю слушать, как Мер играет на гавайской гитаре! — с жаром отозвался лорд Бискертон. — Я не стал бы этого слушать даже за деньги. Мервин! Ха!

— Вот именно — Мервин, — с ответной теплотой произнесла мисс Вэлентайн. — Это имя звучит гораздо лучше, чем Годфри.

Бисквита неприятно поразило, что разговор начинает приобретать недружелюбный оттенок.

— Извините, — сказал он. — Давайте не будем

ссориться. И бог с ними, нашими половинами. Переменим тему. Каковы ваши впечатления от английской жизни? Каково вам в «Лесном замке»? Весело? Празднично?

— Не слишком. Я ожидала, что попаду в местечко пообширнее. Когда мне сказали, что у меня есть дядя, который живет в доме с таким названием — Кастлвуд, я решила, что это дворец.

— А что? В усадьбе есть летний домик и ванная. Чего вам еще? Уж если вы недовольны, что говорить обо мне? Где тот прием, который должен быть мне оказан? Где толпы пейзан?

— Каких пейзан?

— Я всегда думал, что в таких случаях на сцену является хор пейзан, чтобы приветствовать нового эсквайра танцами и пением. Но мне пришлось быстро убедиться, что я утратил все права владетельного сеньора. Легко, думаете?

— А зачем вам они?

— К примеру, по дороге сюда я заметил нечто вроде озера. Могу ли я ловить в нем рыбу? А лебеди, которые там плавают, мои или нет? Если да, я возьму лук и выпущу в них все свои стрелы. Без разговоров.

Девушка пристально смотрела на него.

— Знаете, — сказала она, — когда вы быстро

говорите, вы очень напоминаете Мера. Он нос так же морщит.

На языке лорда Бискертона уже вертелось нечто такое ядовитое, что начавшая вызревать между ним и девушкой дружба завяла бы на корню, как росток крокуса от удара молнии. Но в эту секунду краем глаза он углядел, что в «Замке» творится что-то странное.

— Слушайте-ка, — сказал он, обращая внимание собеседницы к этому явлению, — там в окне какой-то жуткий типус в очках пялится на нас и машет руками.

— Это мой дядя.

— Прошу прощения.

— Не за что, — мило ответила девушка.

Бисквит с интересом наблюдал за живым семафором.

— А что это он делает? Шведскую гимнастику?

— Он, наверное, хочет, чтобы я шла домой. Я вспомнила, что, когда сказала ему о своем намерении пойти в ваш сад, он ответил, что мне не следует этого делать, пока он не свяжется с вами и не определит, что вы за человек. Так что мне лучше идти.

— А я как раз собирался пригласить вас в дом, чтобы вы его осмотрели. Там наверняка многое

взывает к женскому участию.

— Как-нибудь в другой раз. Мне еще письма надо написать. Я прочла в газете, что девушка, с которой я познакомилась на пароходе, обручилась. Нужно поздравить.

— Обручилась! — угрюмо повторил Бисквит. — Сдается мне, весь мир заразился этой бациллой.

— И вы в том числе?

— Я! — взвился Бисквит. — Слушайте, вам лучше поторопиться. Дядюшка сейчас из окошка вывалится.

Он немного постоял, восхищенно наблюдая, с какой удивительной грацией его маленькая подружка перемахнула через забор. Потом в глубокой задумчивости проделал путь до дверей дома, чтобы убедиться в том, в какую дыру угодил он благодаря судьбе и кредиторам.

* * *

В тот же вечер за дружеским перекуром с соседом Джоном Бересфордом Конвеем лорд Бискертон, к удивлению друга, с глубоким одобрением, моментами вырастающим до экстаза, заговорил о привычках Верховного мормона.

Верховный мормон, сказал Бисквит, гениально устроил свою жизнь. Это самая замечательная

жизнь на свете. Он заметил также, что, по его мнению, бигамию, нормальный результат творческих сил природы, ни в коем случае не нужно наказывать.

— И еще, старина, я не понимаю, что ты имеешь против Вэлли Филдс, — сказал он. — Нет места, которое понравилось бы мне больше. Это же эдемский сад. Можешь передать мое мнение в печать, я не стану отказываться.

После этого лорд Бискертон впал в долгое задумчивое молчание, из которого очнулся, чтобы произнести одно-единственное слово.

И слово это было «Мервин!».

Глава VI

1

Трудно было ожидать, что исчезновение лорда Бискертона с привычного горизонта останется незамеченным и не будет оплакано обитателями мирка, который этот горизонт окружает. Хоус и Доус глубоко чувствовали утрату. Так же, как Дайкс, Дайкс и Пинвид и прочие кредиторы. Они или их представители ежедневно навещали опустевшее гнездо затем лишь, чтобы в очередной раз услышать из уст Веннера, доверенного лакея Бисквита, что его милость покинул город и не представляется возможным сказать, когда вернется. После чего визитеры, понурясь, отправлялись восвояси, унося в своих сердцах скорбь, о которой поэт сказал, что нет печальнее трагедии, чем исчезновение родного лица.

Еще одной персоной, расстроенной побегом этого молодого человека, был граф Ходдесдон. Он пришел обсудить пропажу с сестрой.

— Э-э, Вера…

Леди Вера Мейс предостерегающе подняла изящную ручку.

— Нет, Джордж, — сказала она, — больше ни пенни!

Аристократическая выдержка лорда Ходдесдона дала сбой под давлением понятного раздражения.

— Что ты размахалась, как постовой на перекрестке? — хлестко сказал он. — Ты не регулировщик.

— Но и не кредитор.

— Я пришел не деньги одалживать, — нервно вскричал лорд. — Я пришел обсудить безрассудство Годфри.

— Годфри очень некстати подхватил свинку, — сказала леди Вера, которая была женщиной трезвомыслящей, — но я не вижу…

Лорд Ходдесдон скрипнул зубами. В детские годы он нашел бы выход своим эмоциям, стукнув сестрицу по затылку или дернув за косичку. Лишенный этого средства самоуспокоения императивом noblesse oblige[29] и тем фактом, что хорошо причесанная дама не носит косичек, он пнул стул. Ножка сломалась, и лорд почувствовал облегчение.

— Оставь ты этот проклятый стул, — сказал

---

[29] Сноски: 29
Положение обязывает *(фр.)*.

он в ответ на горестный жест леди Веры над обломками. — Есть вещи поважнее стульев. Я был у Годфри дома и выведал правду у Веннера. Никакой свинки у мальчика нет. Он переехал за город.

— Переехал за город?

— За город. Поселился там под фамилией Смит. В «Мирной заводи», Малберри-гроув, Вэлли Филдс. Так сказал Веннер. Он направляет туда корреспонденцию.

Леди Вера забыла про стул.

— Он с ума сошел! — вскричала она.

— Нет, — вынужден был признать лорд Ходдесдон. — Он скрывается от судебного преследования, у него на хвосте тысяча кредиторов. В свете этого факта его поведение вполне разумно. Во всяком случае, это умнее, чем болтаться по Лондону с приклеенной бородой. Безумно то, что он сообщил своей невесте, будто заболел свинкой.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду.

— Напряги интеллект, черт подери. Она приняла его предложение под влиянием момента, из каприза, поэтому нельзя было давать ей времени опомниться. А он заявляет, что свинку подхватил! Свинку! Нашел что соврать. Сколько, по-твоему, девушка может хранить в памяти

образ влюбленного рыцаря, ежели у нее перед глазами встает картина жуткой образины, раздутой, как футбольный мяч, да еще обложенной компрессами! Не удивлюсь, если ее чувства уже пошли на убыль.

— Джордж!

— С ума сойти можно. Подумать только, сколько у него было вариантов на выбор! У меня прямо кровь закипает. Проконсультируйся он со мной, я бы подсказал ему сотню версий. Он мог бы сказать, что собирается пройти в парламент и потому должен пожить за городом, чтобы заручиться поддержкой электората. Поди проверь. Или можно было бы придумать родственника, умирающего в Ирландии, Ментоне или на Мадейре. Так нет! Он идет и говорит, что его разнесло и он залег в постель. Не удивлюсь, если девушка уже переменила решение. Ты с ней встречаешься каждый день. Как она? Задумчива? Ты видела ее в мрачном настроении? В размышлениях? Она похожа на девушку, которая погрузилась в свои мысли и пришла к выводу, что совершила тяжкую ошибку?

Леди Вера передернулась.

— Что за странные вещи ты говоришь, Джордж!

— Ничего странного, — возразил лорд Ходдесдон. — Я говорю как проницательный человек, который умеет смотреть вперед. Что ты тут видишь странного?

— Она и раньше бывала задумчивой. Очень даже.

— Господи!

— Да, я часто это замечала. Несколько раз, когда мы мирно обедали дома, я замечала, как по ее лицу пробегала тень задумчивости. Точно такое выражение бывает в глазках у моего дорогого Шам-Пу, когда он слышит звяканье кофейных чашек. Он так любит сахарок, который подают к кофе, лапочка моя.

— Избавь меня от твоего Шам-Пу, — нетерпеливо прервал ее лорд Ходдесдон, который не принадлежал к числу обожателей пекинеса своей сестры. — Если у тебя есть что сказать про Шам-Пу, поделись с ветеринаром. А пока сделай милость, сосредоточься на Энн Мун.

— Я просто сказала, что у нее было точь-в-точь такое выражение лица, как у Шам-Пу, когда он думает про сахарок. Словно она лелеет сладкую мечту.

— Ну ладно, черт подери. То есть, если она только и делает, что лелеет сладкие мечты…

Леди Вера разрушила зарождавшуюся у брата надежду. Лицо ее было очень серьезным.

— Рассуди сам, Джордж. Стала бы девушка, думающая о Годфри, выглядеть так, словно лелеет сладостную мечту?

— Господи, конечно нет. Это правда. То есть! — вскричал лорд Ходдесдон, задрожав всем телом, когда страшный смысл этих слов дошел до него. — Не хочешь ли ты сказать?..

Леди Вера печально кивнула.

— Вот именно. Я боюсь, что Энн познакомилась с кем-то еще.

— Не говори таких ужасных вещей, Вера!

— Я в самом деле считаю, что это случилось. У меня сложилось впечатление, что она что-то обдумывает. А что ей обдумывать, кроме того, что она ошиблась, приняв предложение Годфри, и ей следует разорвать помолвку, освободиться и выйти замуж за другого.

Лорд Ходдесдон стоически сопротивлялся сонму страхов, овладевавших им.

— Только не говори про «другого», как будто он действительно существует. Ты же не знаешь наверное. Это только догадка.

— Женская интуиция мне подсказывает, Джордж. Кроме того…

— Кто бы это мог быть? Где она с ним встретилась? Я знаю, что она ходит на ленчи и обеды, на танцы каждый день и встречает тысячи молодых людей, но они все как капля воды похожи на Годфри. Я даже их не различаю. И никто не различает. Они все выглядят одинаково, и думают одинаково, и говорят одинаково. Нельзя и помыслить, что кто-то из них вдруг ее чем-то очаровал. Если бы она пошла на турнир и воспылала страстью к победителю, какому-нибудь жеребцу с накачанными мускулами, это я бы смог понять. Но чего ради менять одного Бискертона на другого? Когда я давеча говорил, что она может разорвать помолвку, я вовсе не имел в виду, что она планирует брак с другим. Я просто опасаюсь, что она даст Годфри отставку и отчалит в Америку.

— Позволь мне сказать одну любопытную вещь, Джордж. Помнишь тот день, когда ты возил Энн на ленч в ресторан «Беркли»?

— Ну и что?

— В тот вечер я случайно встретила леди Венейблс, и она спросила меня, кто тот молодой человек, с которым Энн ехала по Пиккадилли. Она сказала, что ей он незнаком, а она всех знает в Лондоне.

— Что?

— Очень симпатичный мужчина, сказала она, с мужественным, открытым лицом. Она уверена, что никогда раньше его не видела. А леди Венейблс дает столько вечеров, чтобы выдать замуж бедняжку Харриет, что не осталось ни единого холостяка, которого она не видела хотя бы мельком. Так что мужчина, с которым видели Энн, в самом деле никому не известен, и он может быть кем угодно, хоть твоим жеребцом-победителем, например.

Лорд Ходдесдон мерил шагами гостиную. Внезапно он сел.

— У меня мурашки по спине забегали, Вера!

— Извини. Я просто делюсь мыслями.

— А Годфри якобы валяется в постели со свинкой! Что же делать?

— Прежде всего надо повидаться с Годфри и объяснить ему, какому риску он подвергает свою помолвку. Я считаю, кредиторы не кредиторы, а ему следует немедленно вернуться в город.

— Как же он вернется? Энн думает, что он прикован к постели.

— Он мог бы сказать, что доктор поставил неправильный диагноз. Свинку на первых порах легко спутать с массой других болезней. Может, это флюс, к примеру.

— Воспаление лицевых мышц, — вдохновенно подхватил лорд Ходдесдон.

— Тоже хорошо.

— А как же быть с этими ребятами, которые хотят притянуть его к суду?

— Это можно уладить. Кстати, теперь, когда они знают, что он обручился с дочкой миллионера…

— Да-да.

— Во всяком случае, ему надо, не откладывая, связаться с Энн. Пусть хотя бы напишет ей. Надо надеяться, если она будет получать от него письма, это поможет. Я думаю, ему лучше всего поехать в Париж, а потом и она могла бы туда отправиться.

— А деньги где взять?

— Я улажу.

— Ты? — с надеждой спросил лорд Ходдесдон. — Ну, раз так…

— Но, — твердо сказала леди Вера, — я сказала, что достану денег, чтобы послать Годфри в Париж. Субсидировать тебя, Джордж, я отказываюсь.

— Мне всего-то и надо двадцать фунтов.

— Покидая этот дом, ты будешь по-прежнему в них нуждаться.

— Это так мало, — жалобно проговорил лорд Ходдесдон, — двадцать фунтов.

— Это ровно на двадцать фунтов больше, чем ты можешь получить от меня, — непреклонно ответила сестра.

— Ладно, — сказал брат. — Ладно. За спрос денег не берут, так ведь? Что плохого в том, чтобы попросить взаймы у родной сестры?

— Ничего плохого, Джордж. Всегда рада тебя выслушать, — сказала леди Вера. — Не стесняйся, проси. В любое время, как только тебе понадобятся деньги, можешь адресоваться ко мне. Но ты их, разумеется, не получишь.

Лорд Ходдесдон подергал себя за усы.

— Итак, возвращаясь к нашим баранам, я, по-твоему, должен поехать к Годфри?

— Полагаю, это сейчас главное. Энн очень импульсивная девушка, как бы нам не опоздать.

— Не говори так, Вера, — раздраженно сказал лорд Ходдесдон. — Я вижу, тебе доставляет удовольствие ковыряться в открытой ране. Ну ладно. Придется ехать за город. Или письмо написать?

— Нет. Ты очень скверно выражаешь свои мысли на бумаге. Он не поймет, как все серьезно. Немедленно отправляйся в Вэлли Филдс и встреться с ним лично.

— А деньги на такси?

— Какое такси? — спросила леди Вера.

Она отыскала железнодорожное расписание и стала проворно перелистывать странички. Лорд Ходдесдон наблюдал за ее действиями с растущим неудовольствием. У него было свое, старомодно-непоколебимое представление о том, как должна вести себя сестра по отношению к брату, и леди Вера ему не соответствовала. На секунду он предался волшебной мечте, в которой фигурировала сказочная сестра, обладавшая такими достоинствами, как крупный банковский счет, чековая книжка и глубокая привязанность к брату, — и тут же был выведен из этого приятного состояния металлическим звуком ее голоса.

— «Регулярные поезда с вокзала Виктория», — зачитала она. — Так что не задерживайся. И пожалуйста, ничего не перепутай. Билет первого класса стоит один фунт и пенни.

— С чего это ты так расщедрилась? — с горечью спросил лорд Ходдесдон. — Почему бы тебе не отправить меня третьим?

— Ни в чем себе не отказывай, Джордж, — в тон ему ответила леди Вера. — За билет ты заплатишь сам.

2

Красоты Вэлли Филдс, с первого взгляда пленившие его сына и наследника, произвели на шестого графа Ходдесдона гораздо меньшее впечатление. Мировоззрение лорда, с самого начала экспедиции принявшее мрачновато-желчный оттенок, ничуть не изменилось, когда он достиг места назначения. Сойдя с поезда, он сразу невзлюбил Вэлли Филдс. Узнав у носильщика на перроне дорогу к Малберри-гроув, лорд Ходдесдон направился туда, полный черных мыслей.

Берри Конвей, находясь в самой лучшей форме, мог одолеть расстояние от Малберри-гроув до станции Вэлли Филдс примерно за восемьдесят три секунды. Лорд Ходдесдон, не такой быстрый ходок, покрыл указанное расстояние за более длительное время. Но так или иначе, делая частые остановки, чтобы, сняв котелок, вытереть платком пот со лба, потому что день выдался жарковатый, лорд Ходдесдон в конце концов достиг Бенджафидд-роуд, на углу которой расположился паб, произведший столь благоприятное впечатление на лорда Бискертона в день его прибытия. Случилось так, что в этом самом месте его отец начисто забыл инструкции, полученные на

станции, и понял, что заблудился.

На самом деле от угла, где стоял сейчас лорд Ходдесдон, до «Заводи» было рукой подать. Не догадываясь об этом, он озирался, ища взглядом, у кого бы спросить дорогу, и взгляд его упал на человека в кепи, подпиравшего могучим плечом стену паба. Незнакомец задумчиво посасывал пустую трубку и рассматривал приближавшегося к нему лорда Ходдесдона с явной неприязнью. По-видимому, неприязнь вызвал серый котелок как знак классового превосходства.

Самое сложное в жизни большого города — система правил, регулирующих выбор подобающего головного убора для каждого случая. На Бонд-стрит или Пиккадилли котелок — это шик, это комильфо, это последний крик. В Вэлли Филдс, всего лишь в нескольких милях от центра Лондона, это атрибут чужака, можно даже сказать, неприятеля. Королевская свита на скачках в Аскоте могла бы восхититься шляпой лорда Ходдесдона. Человек в матерчатом кепи видел в ней почти что личный вызов. Как будто этот серый котелок унижал его мужское достоинство.

Таким образом, между лордом Ходдесдоном и человеком в кепи с самого начала установились отношения, которые трудно было назвать взаим-

ной симпатией.

— Мне надо пройти на Малберри-гроув, — заявил лорд Ходдесдон.

Незнакомец, не переменив позы, скосил на него горящий глаз. Молча посмотрел. Потом коротко кивнул.

— Это недалеко, — наконец сказал он.

Лорд Ходдесдон попытался уточнить информацию.

— Не могли бы вы показать мне дорогу к Малберри-гроув?

Глаз вторично совершил круговращение в орбите. Он ощупал лорда Ходдесдона с головы до пят и с ног до головы. Достигнув головы, глаз остановился.

— Что это у тебя за штуковина на голове? — холодно спросил незнакомец. — Чудная какая-то штуковина.

Лорд Ходдесдон не был расположен к дискуссии о шляпах. Несмотря на светившее солнышко, мир по-прежнему казался ему мрачным. С тех пор как он вышел за порог дома леди Веры, его не покидало беспокойство.

— Какое вам дело до моей шляпы! — отчужденно ответил он.

Но незнакомца эта тема, видимо, сильно зани-

мала. Он прямо зациклился на ней.

— Вы, клерки из Сити, чтой-то последнее время совсем зарвались, — неодобрительно сказал он. — Тошнит от вас. Вот в Москве такого не увидишь. И в Ленинграде тоже. Буржуи, вот вы кто с вашими шляпами-котелками. Знаешь, что бы с тобой в Москве сделали? Кто-нибудь — может, даже Стейлин — подошел бы к тебе и спросил: «А чой-то ты, буржуй, разгулялся тут в своей шляпе?» — и как…

Лорд Ходдесдон, не дослушав, поспешил прочь. Вероятно, он лишил себя ценной информации насчет московских обычаев, зато освободился от общества человека, которого не смог бы назвать своим другом. Напротив паба сидел на корточках и полоскал руки в канаве мальчишка, к которому он и обратился с вопросом.

— Как пройти к Малберри-гроув, дружок? — спросил лорд Ходдесдон довольно приветливо для человека, у которого в груди бушевала ярость, а давление подскочило выше нормы. — Буду весьма обязан, если подскажешь.

На этот раз вежливость нашла отклик. Дружок перестал полоскать пальцы в воде и ткнул в нужную сторону.

— Ступайте туда, сэр, и первый проулок нале-

во, — учтиво ответил он.

— Спасибо, — сказал лорд Ходдесдон. — Спасибо. Спасибо.

Он двинулся в указанном направлении, бросив на человека в кепи выразительный взгляд. Что было в этом взгляде, сказать трудно, но лорд Ходдесдон пытался передать в нем свою надежду на то, что кепчатый стал свидетелем сцены между лордом и мальчиком и на него произвело должное впечатление поведение гораздо младшего по возрасту, но неизмеримо более воспитанного земляка, явившего пример достойного поведения. В мозгу лорда даже мелькнула неясная мысль вернуться и наградить дружка пенсом, но она тут же была вытеснена более разумными и деловыми соображениями. Однако он уже почти решил обернуться и послать дружку улыбку, но в этот момент что-то ударило его между лопатками. Это был удар так удар. Потому что, обернувшись, он увидел, как по дороге во всю прыть удирает тот самый дружок.

Лорд Ходдесдон опешил. Произошедшее казалось ему невероятным. Знай он наперед, что вежливый малец и человек в кепи были сыном и отцом, он подивился бы тому, что ненависть к котелкам, сжигавшая отца, перешла к сыну.

То был заурядный пример наследственности. Но он этого не знал. Он успел подумать про кровь в связи с сыном лишь одно: тот ее жаждал; и это заставило его прибавить шагу. Хотя лорд Ходдесдон не бегал уже много лет, он сумел догнать сорванца, успевшего порядочно удрать.

Есть две школы в методике воспитания юнцов, швыряющихся на улицах камнями в тех, кто старше и во всех отношениях лучше их. Одна учит, что их следует шлепать по заднему месту, другая рекомендует подзатыльники. Лорд Ходдесдон, ничтоже сумняшеся, использовал оба способа. Причем для человека, не практиковавшего ни того, ни другого со школьных времен в Итоне, замечательно в этом преуспел. С полминуты он трудился, не щадя сил, и, подустав, повернулся и продолжил путь к Малберри-гроув.

Его самочувствие разительно изменилось. Как будто целительный бальзам пролился на его наболевшую душу. Впервые за весь день он почувствовал себя счастливым. Благодаря физическим усилиям душа его очистилась от скверны. Ему захотелось насвистывать что-нибудь жизнерадостное, и он уже сложил губы трубочкой, но его остановил чей-то голос.

— Эй! — сказал голос.

Это был человек в кепи. Уже без трубки, он шагал бок о бок с лордом Ходдесдоном, дыша парами эля всех сортов. Глаза его дико вращались и горели красноватым светом, как будто в них горел огонь. Следом за ним тянулся с недавнего поля боя раненый.

— Ты зачем моего мальца тронул? — спросил человек в кепи. Лорд Ходдесдон оставил вопрос без ответа. Не потому что не нашелся, у него в запасе был прекрасный ответ. Просто он не пожелал снизойти до объяснений с этим типом. И продолжал путь в молчании.

— Ты почто побил моего малыша Герберта?

Лорд Ходдесдон почувствовал легкое беспокойство. Что значит «моего малыша»? Этот намек означал, что этих двоих связывали узы родства. То, что поначалу казалось досужим любопытством постороннего, извергаясь из глубин отцовского сердца, приобретало зловещий смысл. Глянув краем глаза на нежелательного спутника, он почувствовал неудовольствие от его близости. Уж слишком того было много.

Лорд Ходдесдон прибавил шагу. Он вдруг всей кожей ощутил устрашающую безлюдность местности, по которой ему выпало идти. Никакого намека на присутствие полиции. «В таких кра-

ях, — печально подумал он, — на всю округу небось всего один полицейский, и тот спит где-нибудь вместо того, чтобы исполнять свой долг на благо общества». В эту минуту лорд Ходдесдон был крайне сурово настроен по отношению к провинциальной полиции.

Но он не мог долго думать о чем-либо, кроме этого неприятного человека, неотступно следовавшего рядом и издававшего невнятные бормотанья. Несчастный лорд уловил слова «городской клерк» и «буржуй», повторявшиеся довольно часто. В любых обстоятельствах, будучи человеком амбициозным, он запротестовал бы против того, чтобы его принимали за клерка; но сейчас эти слова звучали особенно оскорбительно, потому что этот тип, очевидно, сильно недолюбливал городских клерков. Последнее выразилось с полной определенностью, когда здоровяк в кепке, повысив голос, стал распространяться насчет того, с каким удовольствием он поотрывал бы бошки этим шалопаям в серых котелках. Так, если лорд Ходдесдон точно услышал, поступил бы с ними в Москве Стейлин, а что хорошо для Стейлина, то хорошо и для него, Кепчатого.

И тут, вдохновленный новой идеей, этот тип начал обсуждать, что лучше — вывалять лорда

Ходдесдона в грязи или посадить его на штырь в ограде, которая отделяла тротуар от проезжей части. Бедный пэр, некоторое время пытавшийся сохранить лицо, делая вид, что просто шагает в свойственной ему быстрой манере, беззастенчиво перешел на рысь. Свернув за угол, он увидел перед собой дома, и ему показалось, что в одном из них он сможет найти желанное спасение. Резким рывком лорд Ходдесдон перешел с рыси на галоп. Небезынтересно поразмышлять, как часто Судьба выбирает один и тот же предмет в прямо противоположных целях. Серый котелок лорда Ходдесдона навлек на него неприятности, и именно этот серый котелок помог ему от них избавиться. Потому что, когда его владелец бросился бежать, котелок свалился с его головы и покатился по дороге, а его спутник, решительно вышедший на тропу войны, не смог удержаться от искушения и после секундного раздумья бросился вдогонку.

Он настиг котелок у канавы и сладострастно пнул. Потом пнул еще раз. Наконец подпрыгнул и пнул в третий. Проделав все это, он оглянулся и увидел, как лорд Ходдесдон исчезает за калиткой первого по проулку дома. Подбежав к воротам с надписью «Лесной замок», он не увидел более

ничего интересного и решил обогнуть владение.

Но позади дома было пусто. Он задумался.

В моменты крайней опасности разум работает быстрее обычного. Поначалу лорд Ходдесдон намеревался со всем присущим ему достоинством войти через парадный вход, позвонить в колокольчик, спросить хозяина или хозяйку, сказать им, что спасается от преследований пьяного разбойника и надеется, что в ответ его пригласят в гостиную, усадят в удобное кресло и позвонят в полицию. Но программа оказалась скомканной.

Прежде всего, не было времени на то, чтобы спокойно звонить в звонок. Надо было немедленно ввести в действие альтернативный план. Этот план еще не созрел к тому моменту, когда лорд Ходдесдон появился в саду «Замка», но осенил его, когда он завернул за угол и увидел на первом этаже открытое окно. С быстротой кролика он нырнул в окно — придирчивый глаз мог бы отметить лишь незначительные несовершенства в технике прыжка, — и когда его преследователь вошел в сад, уже полз на четвереньках внутрь комнаты.

На этом развитие событий приостановилось.

На сколько оно могло зависнуть, сказать трудно. Кепчатый был тугодумом, и ему, по-видимому,

требовалось некоторое время для выработки решения. И надо же было такому случиться, что в этот момент лорду Ходдесдону приспичило поднять голову и выглянуть из окна, чтобы посмотреть, что творится в большом мире. Первое, что он увидел, был его преследователь, который как раз в этот момент смотрел в это самое окно.

В следующую секунду лорд Ходдесдон с грохотом опустил раму и закрыл на защелку. Представители Труда и Старого Режима молча уставились друг на друга через стекло, как редкие рыбки в стоящих рядом аквариумах.

Лорд Ходдесдон первым нарушил достигнутое равновесие. Он слишком долго терпел общество Кепчатого и, надо сказать, порядочно им пресытился. Даже сквозь стекло в его воспаленных глазах горела угроза, и лорду Ходдесдону захотелось оказаться как можно дальше от него. Поспешно ретировавшись, он вышел в коридор, в конце которого увидел возле входной двери вешалку для шляп, на которой торчали головные уборы, напоминавшие головы буржуев после одной из социальных революций. При виде их мысль лорда Ходдесдона приняла другое направление.

До сего момента утрата серого котелка не столь

глубоко трогала его. Подсознательно он, конечно, о ней не забывал, но только теперь она предстала перед ним во весь свой рост. Глядя на шляпы, висевшие на вешалке, он впервые ощутил свою, так сказать, неприкрытость и прочувствовал необходимость исправить положение. Его не покидала тщеславная надежда вернуться в Лондон, вырвавшись из этого проклятого пригорода. Но даже на секунду он не мог представить, что возвращается туда с непокрытой головой — каждая капля его голубой крови стыла от этого в жилах. Перемещаться по улицам Лондона без шляпы было немыслимо.

Тем временем он стоял, изучая шляпы на вешалке, подобно потерпевшему кораблекрушение моряку, завидевшему на горизонте парус, и сердце его опускалось в пятки. Кто бы ни был хозяин этого дома, по части головных уборов он обладал весьма причудливым вкусом. На трех крюках соответственно были представлены: кепи в лиловую крапинку (сущий кошмар), невероятная конструкция из черной соломки и цилиндр. Лорд устремил свой взор именно на цилиндр. Две другие вещицы, как он сразу определил, не могли приниматься к рассмотрению.

Цилиндр тоже был далек от идеала. Он имел

редкую по нынешним временам квадратную форму и был приплюснут сверху; и все же настолько отличался от кепи и соломенного канотье в лучшую сторону, что лорд Ходдесдон не сомневался ни секунды. Быстрым движением он сорвал цилиндр с крюка и услышал за спиной рев разъяренной львицы, на глазах которой утаскивали одного из ее детенышей.

Лорд Ходдесдон повернулся, как будто на него плеснули сзади кипятком. Вниз по лестнице сбегал маленький человечек с апоплексическим цветом лица и с моноклем в глазу.

У майора Флад-Смита из Кастлвуда было в обычае соблюдать послеобеденную сиесту. Вот и сегодня он предвкушал спокойный отдых у себя в спальне. Племянница Кэтрин уехала с соседом, этим Смитом, на дневное представление в театре «Астория» в Брикстоне, и дом был в полном его распоряжении. Довольный сам собой, он уже задремал, как вдруг что-то заставило его взглянуть в окно, за которым он увидел отвратительную личность в матерчатом кепи, приклеившуюся носом к стеклу гостиной. Схватив из ящика револьвер, майор Флад-Смит кинулся вниз, и разрази его бог, ежели не застал в прихожей какого-то другого мерзавца, щупавшего его головные уборы.

Майор мгновенно поднял на ноги весь дом.

— Ну, знаете! — прогремел он, — Какого черта!

Все аристократическое воспитание и благоприобретенное образование лорда Ходдесдона померкли в благоговении перед Формой. Он понял, что в Итоне, Оксфорде и впоследствии даже на службе в личной гвардии Ее Величества он кое-чего недополучил. В том числе навыка воровать шляпы с вешалки у людей, которым он даже не представлен.

Поэтому ничего странного не было в том, что ему изменила выдержка, с какой он обычно встречал житейские трудности. Потеряв дар речи, он безмолвно стоял, прижимая к груди цилиндр.

— Ты кто такой? Как сюда попал? Что делаешь с моим цилиндром? — наступал на него майор, оснащая свою речь выразительными словечками, которых набираются люди на армейской службе. Майор Флад-Смит семь лет провел в Королевском Вустерширском полку, известном своим красноречием.

Все еще не в силах произнести ни слова, лорд Ходдесдон смог продемонстрировать благородный жест. Со старомодной грацией он вернул цилиндр на крюк.

Майор, однако, не выразил удовлетворения.

— Нарушил право частного владения! Средь бела дня! Украл шляпу прямо на глазах! Ну я тебе!..

И он упомянул кое-что из того, что мог бы сделать. Частично эти деяния носили духовный характер, но некоторые имели прямой материальный смысл.

Лорд Ходдесдон наконец нашел слова. Но, когда они пришли, лучше бы ему было промолчать.

— Все в порядке, — сказал он.

Трудно было сделать более неподходящее замечание. Цвет лица у майора Флад-Смита сделался почти лиловым.

— В порядке? — вскричал он. — В порядке? В порядке? В порядке? Я застаю тебя в собственной прихожей за воровством моих шляп, и ты имеешь наглость бормотать, что все в порядке! Я тебе покажу порядок. Я тебя…

Внезапно он умолк. Не потому, что исчерпал запас своих замечаний, до этого было далеко. Если есть где-нибудь майор в отставке, всегда пребывающий в состоянии мобилизации, то это наш майор. Просто в этот момент до его ушей донесся мерзкий звук бьющегося стекла. Он прозвучал как взрыв и ударил в самое сердце майора Флад-Смита.

Он затрясся всем телом и произнес несколько слов на малоизвестном диалекте одного из племен Гиндукуша.

Лорд Ходдесдон, хотя ног под собой не чуял, прекрасно понимал, что происходит. Свободные граждане Вэлли Филдс не таковы, чтобы можно было оставить их притязания без последствий. Бедный пэр захлопнул окно гостиной, оставив по ту сторону человека в кепи, как пери у врат райского сада. Но разве можно противостоять инстинкту пролетариата, привыкшего преодолевать препятствия с помощью булыжника? Именно это проделал сейчас Кепчатый. И лорд Ходдесдон подивился, что он не сделал этого раньше. Несомненно, задержка была обусловлена поисками подходящего орудия.

Майор Флад-Смит был раздираем двумя противоречивыми желаниями. С одной стороны, ему хотелось остаться и разделаться со шляпным воришкой. С другой — били все-таки его окна.

Этот благородный человек любил свои головные уборы. Но он также любил свои окна.

Очередной звон разбиваемого стекла склонил чашу весов в сторону окон. Майор Флад-Смит с ревом исчез в коридоре, и лорд Ходдесдон, спасенный в последнюю минуту, схватив с вешалки что

под руку попало, открыл дверь, прошмыгнул в нее, выскочил на улицу и сломя голову помчался прочь от Малберри-гроув в сторону железнодорожной станции.

Только приблизившись к ней, он обнаружил, что держит в руке крапчатое кепи.

3

— Я знала, что ты провалишь все дело, — сказала леди Вера.

Глава VII

1

Берри Конвей подошел к Малберри-гроув и остановился, чтобы нащупать в кармане ключ от калитки «Укромного уголка».

В лучах заходящего летнего солнца Малберри-гроув казался идиллическим местом. Ласковый ветерок шелестел в листве, а на воде, сиявшей опаловым блеском, замер, подняв голову, один из лебедей, в то время как второй делал вокруг него круги, будто что-то искал. Каждый, кто оказался бы сейчас здесь, не мог бы не вспомнить про Аркадию, где ничего не бывает слишком — ни дождя, ни снега, ни ветра.

Но если подобное сравнение мелькнуло в голове Берри Конвея, он ничем себя не выдал. Малберри-гроув он озирал с неудовольствием. Глядя на ладненький домик, хмурился. Глядя на лебедей, Эгберта и Перси, кривился. А когда со стороны вэллифилдского лаун-теннисного клуба до него доносился счастливый вопль удачливого игрока, издавал негромкий стон и страдальчески возводил очи горе, как Прометей при виде своего

мучителя, летевшего пообедать.

Безжалостное изъятие из его жизни единственной девушки, которую он когда-либо любил или мог полюбить, сделало существование Берри невыносимым.

Нащупав ключ, он вошел в дом и сразу прошествовал в спальню. Сняв костюм и взяв халат, поплескался в ванной в холодной воде и стал переодеваться к обеду, как полагается английскому джентльмену. Вечером предстоял вечер выпускников, встреча школьных друзей. И хотя с тех пор, как он пополнил ряды наемных работников, Берри предпочитал вести отшельническую жизнь и по мере возможности избегал спутников давно ушедших дней, его навещали элегические настроения, побуждавшие исполнять определенные обязанности.

Едва он закончил туалет, как в дверь постучали. Он ждал визита. И открыл дверь, мысленно поздравив себя с тем, что вовремя успел повязать галстук. Иначе Обломок Прошлого настояла бы на том, чтобы сделать это лично.

— Я и не слыхала, как вы пришли, мастер Берри, — сказала Обломок Прошлого, расплывшись в улыбке. — Как вы хорошо выглядите! Можно мне поправить галстук?

— Сделайте милость, — покорно ответил Берри.

— Когда вы сами его повязываете, он немножко топорщится.

— Вы правы, — сказал Берри. — Топорщится.

— Вот именно. Топорщится. Глэдис из «Замка» говорит, — продолжила Обломок Прошлого, без паузы переходя к новостям, — у них нынче грабители объявились. Говорит, никогда не видала майора таким лиловым. У нее был выходной, и, когда она вернулась домой, он бегал по саду с револьвером в руке и что-то бормотал. Очень был сердитый, говорит Глэдис. Будешь сердитым, коли ворвутся к тебе в дом и станут кепи воровать.

— Неужто кто-то украл у майора кепи? — спросил, оживившись, Берри. Он терпеть не мог эту деталь его туалета.

— Истинно так, мастер Берри. А еще кто-то камнем разбил в доме два окна.

— Значит, Малберри-гроув в опасности.

— Ничего, — успокоила его миссис Мудрость. — Я переговорила с мистером Финбоу, он обещал следить.

— Кто такой мистер Финбоу?

— Это джентльмен из полиции, он обещал, что, хоть Малберри-гроув и далековато от участка, он

будет приглядывать. Я подумала, что это очень благородно с его стороны, и угостила кексом. Какое совпадение — мистер Финбоу родом из тех мест, где я жила девочкой. Я всегда говорю, что мир тесен. То есть, я хочу сказать, из тех мест в том смысле, что мои дорогие папа и мама имели коттедж в Хертфордшире, а мистер Финбоу жил в Бирмингеме, но, в конце концов, что ж тут странного. Мы славно поболтали. Вы позволите мне взять щетку и хорошенько почистить ваш костюм, мастер Берри?

— Спасибо, не надо, — поспешно остановил ее порыв Берри. — Некогда. Надо торопиться. Если я не успею на поезд в шесть пятьдесят, опоздаю на обед.

— Смотрите не перегрузитесь!

— Не беспокойтесь. Я не настолько голоден, чтобы наброситься на еду.

— Я имею в виду, что опасно сидеть на сквозняках в вагоне, когда шторы открыты.

— Я их закрою, — сказал Берри. — До свидания.

Он вышел из дома, сопровождаемый возгласом восхищения со стороны соседа, лорда Бискертона. Бисквит как раз пропалывал сад возле парадного входа, со всей энергией отдаваясь этому занятию.

— Вот это да! — воскликнул Бисквит, поедая глазами великолепие своего друга. — Собираешься кого-то здорово удивить, а? Что случилось? Тебя пригласили на чай в Бэкингемский дворец?

— Традиционный сбор, — коротко пояснил Берри. — Если бы ты не был таким шалопаем, поехали бы вместе.

Бисквит мотнул головой.

— Для меня эти радости в прошлом, — сказал он. — Я наперед знаю, что меня там ждет. Инициативная группа посадит тебя либо между парой выживших из ума стариканов, которые будут, вытягивая шеи через твою голову, вспоминать, как их отпустили с уроков во время битвы при Гастингсе, либо в куче недорослей, которым хочется головы поотрывать. И еще вопрос, какой вариант поганей. В прошлый раз меня усадили с недорослями. Не поручусь, что кое-кто из них не прибыл в детской коляске. Заметил ли ты, старина Берри, как помолодел мир вокруг нас? Это потому, что мы сами стареем. В золоте волос появились серебряные нити. Тебе сколько?

— Двадцать шесть стукнет.

— Глубокий старик, — констатировал Бисквит, щелкнув языком и выдергивая сорняк. — Глубокий старик. На следующий год тебе будет

двадцать семь и, если я правильно загнул пальцы, потом — двадцать восемь. Можно сказать, в ожидании конца. Себя не обманешь, дружище, мы катастрофически быстро стареем, и наше место у печки.

— Значит, не едешь?

— Нет. Останусь здесь, буду возделывать свой сад. Очень возможно, что крошка Кичи Вэлентайн выйдет погулять и мы поболтаем через забор. Насколько я понимаю, в провинции долг каждого — поддерживать добрососедские отношения. Англичане живут слишком обособленно. Я этого не одобряю.

* * *

Окинув взором компанию, разместившуюся в Восточном банкетном зале отеля «Мазарин» на Пиккадилли, Берри быстро сообразил, какой из двух вариантов, упомянутых Бисквитом, выпадет сегодня на его долю. Выжившие из ума стариканы составляли на традиционном сборе ударную силу, но они все сидели за дальними столиками. Ему же было уготовано место в самом центре зала, среди молодняка. Его взяли в кольцо жизнерадостные юнцы, которые наслаждались обществом друг друга и совершенно не нужда-

лись в компании Берри. И по мере того, как он наблюдал за чужим весельем, его собственное настроение делалось все мрачнее и мрачнее.

Он уже понял, что совершил большую ошибку, взяв на себя такое испытание. Он был никак не расположен выносить общество этих безусых юнцов. Разгоряченные выпивкой, они замельтешили между столиками, что ужасно раздражало людей зрелых и настрадавшихся. С каждой минутой, уносящей кусочек его жизни, их детская непосредственность все больше и больше выводила Берри из себя.

Некогда, думалось ему, — о, как давно это было! — он тоже пребывал в таком расположении духа. Некогда он тоже жил в Аркадии и преломлял хлеб на дружеских пирушках. Как далеко в прошлое ушло все это!..

Скоро ему стукнет двадцать шесть! Дожил. Двадцать шесть, ни годом меньше, и никуда не денешься.

А на что он потратил свою жизнь? Ни на что. Не говоря уж о том, что, встретив наконец девушку своей мечты, он преспокойно позволяет ей исчезнуть прямо средь бела дня, чего вообще он смог достичь? Ничего. Умри он нынче ночью — например, поев вот этой подозрительной рыбки,

усопшей от неизвестной причины и положенной перед ним официантом-астматиком, — какой след оставит он по себе? Практически незаметный. Едва видную царапинку.

Пожалеет ли о нем та девушка? Вряд ли. Вспомнит ли она вообще, что встречалась с ним? Вероятно, нет. Такая чудесная девушка встречается с мужчинами на каждом шагу. С какой стати держать ей в уме столь невидный образец мужской породы? Такая девушка может рассчитывать на внимание сливок английской мужественности. Она находится в эпицентре бурлящего потока дерзких и красивых субъектов, раскатывающих на «бентли», в карманы которых стекается все золото мира. Какие у него основания рассчитывать на то, что она хоть раз о нем вспомнила? О старой развалине двадцати шести годов… Внезапная вспышка интуиции подсказала ему, почему она покинула его, не сказав ни слова. Он ей просто наскучил, и она смылась, улучив подходящий момент.

Достигнув глубин самоистязания, Берри готов был углубиться и ниже, но тут в левое ухо ему ударил огрызок булки, посланный крепкой молодой рукой. Конвульсивно дернувшись, он на мгновение забыл о девушке. В подобных обсто-

ятельствах Данте забыл бы о Беатриче. Огрызок был порядком затвердевший, с острыми краями, и эффект от его попадания можно было сравнить с прямым попаданием разрывного снаряда. Берри угрожающе поднял глаза. И тогда дитя, сидевшее на другом конце стола, с извиняющейся улыбкой нанесло ему последний удар.

— Ой, простите, сэр! — вскричало дитя. — Страшно извиняюсь, сэр. Ужасно сожалею, сэр. Я метил в молодого Догсбоди.

Берри по инерции улыбнулся в ответ, но улыбка получилась вымученной, потому что на сердце легла тяжесть. «Вот, — подумал он, — это конец».

Это юное существо обратилось к нему «сэр».

«Сэр»!

Так сам он обращался к Т. Патерсону Фрисби, этому музейному экземпляру, которому не меньше пятидесяти.

Он понял все. Теперь он понял все. Девушка была к нему поначалу добра просто потому, что у нее доброе сердце и она с детства приучена уважать старость. То, что он ошибочно принял за чувство товарищества, было всего лишь терпимостью, обусловленной его сединами. Несомненно, она сразу же решила про себя: «При первой же возможности отделаюсь от этого ста-

рого зануды» — и при первой же возможности так и поступила. «Сэр»! Вот уж в самом деле! Старина Бисквит просто в самую точку угодил. Надо было быть полным идиотом, чтобы явиться в этот детский сад. И лучшее, что можно сейчас сделать, — исправить ошибку, немедленно удалившись.

Покинуть званый обед в самом его разгаре непросто, и сомнительно, что только старческое уныние, как бы глубоко оно ни было, подвигло бы Берри на такой шаг. Но в этот момент его взгляд упал на стол, за которым сидели почетные гости, расположившиеся по обе стороны от президента колледжа, числом около двадцати, и Берри понял, что минимум восемь из них наверняка намеревались произнести речь. Среди них с лицом, не предвещающим ничего хорошего, восседал епископ.

Всякий, кто хоть раз посетил традиционный сбор, знает, что епископы — крепкие орешки. Они своего не упустят. Они знают цену каждому своему слову. Они с ужасающим тщанием будут переходить от нравоучения к шутке, от мужественной прямоты к причудливой иносказательности. И меньше чем за двадцать пять минут нипочем не управятся.

Берри больше не колебался. Банкет достиг той точки замерзания, когда ждать оставалось только мороженого на прогорклом масле, набальзамированной сардинки на тосте и кофе с мышьяком, после чего неминуемо должен был разразиться поток речей. Нельзя было терять ни секунды. Берри отодвинул стул, бочком протиснулся к двери, открыл ее, проскользнул вон и затворил дверь за собой.

Теперь он стоял в холле отеля. Празднично одетые мужчины и женщины сновали туда-сюда, кто — в обеденный зал, откуда доносились звуки музыки, кто — к лифтам. Где-то наверху, видимо, шло веселье, потому что лифты ездили вверх-вниз непрестанно. Лифты заглатывали публику в огромных количествах, и Берри наблюдал за этим с чувством отрешенности и нарастающего неодобрения. Легкомысленность толпы ранила его, как бурная радость гостей в Восточном банкетном зале. Не очень-то приятно, копаясь в своей душе, видеть вокруг наслаждающихся жизнью недоумков. Берри уже достиг такого состояния, когда его без вопросов приняли бы в чеховскую пьесу. Вот до чего довело его все это веселье. Смех дурака — все равно что скрежет ножа по тарелке.

Особенно большая партия гостей собиралась ехать наверх. Лифт битком набился представителями обоих полов — хихикающими девушками и беззаботными мужчинами. Берри просто затошнило. Кабина была так заполнена, что казалось, там не найдется места для девушки в зеленом вечернем платье, торопливо идущей через холл в сопровождении почетного эскорта. Но лифтеру удалось как-то потеснить толпу. Когда начался подъем, девушка обернулась к своему спутнику и, улыбнувшись, что-то сказала. Берри увидел ее лицо.

И тогда все вокруг бешено завертелось. Беззвучный вскрик сорвался с его губ. Берри машинально схватил за руку проходившего мимо официанта.

— Сэр? — учтиво произнес тот, прервав свой путь.

Берри лучезарно улыбнулся ему. Он видел его сквозь туман, застилавший глаза, но всей душой чувствовал, что перед ним — прекраснейший из официантов, которых он когда-либо лицезрел. И все эти люди в лифтах и возле них — как он ошибался в них! Какая симпатичная, жизнерадостная толпа! И как замечательно понимать, что они так беспечно радуются жизни.

— Что там происходит, наверху? — спросил

Берри. Официант сообщил, что сэр Герберт и леди Бэсингер дают бал в Хрустальном зале на пятом этаже.

— А, — задумчиво протянул Берри. — Бал…

Он сунул человеку полкроны и с минуту постоял, вглядываясь в глубину холла. Как было бы великолепно, если бы он был знаком с этими Бэсингерами. Они могли бы и его пригласить… Берри сдержался, поймав себя на том, что так низко для человека отважного и лишенного предрассудков пал, что возмечтал о пригласительном билете как необходимом средстве, чтобы воспользоваться гостеприимством лорда и леди Бэсингер. Но то была минутная слабость. Он снова был сам собой и знал, что любой бальный зал, Бэсингеров или не-Бэсингеров, если там танцевала эта девушка, распахнет для него свои двери.

Лифт как раз остановился и ожидал, когда его заполнит толпа. Берри одернул пиджак и решительно ступил в него.

2

Бала леди Бэсингер в отеле «Мазарин» Энн Мун ожидала с предвкушением особенного удовольствия. Тодди Моллинг, молодой человек, который в отсутствие ее жениха выполнял функции почет-

ного эскорта, рассказывал ей об этом бале почти стихами. Он обещает стать гвоздем сезона, клялся Тодди. Там, где выкидывают свой флаг Бэсингеры, уверял он Энн, шампанское течет рекой.

«Старина Б, — говорил Тодди, — не из тех ребят, с кем бы я пошел в разведку, но по части угощения он не знает себе равных. Он сколотил около ста миллионов на гвоздях. И благослови Господь эти гвозди», — с жаром закончил он.

По предложению Тодди, они сразу же направились в обеденный зал. Уверенно оглядевшись, Тодди не стал тратить время на приветствия и рукопожатия, а усадил Энн за столик на двоих и пошел к буфету. Она сидела и ждала его возвращения. Разглядывая гостей сэра Герберта и леди Бэсингер, она жалела, что далека от того праздничного настроения, которое владело ими. Ей казалось, что она плохо вписывается в атмосферу безудержного веселья, царившего вокруг.

Странно, думалось ей. Внутренний голос твердил ей, что самое разумное, что она сделала в жизни, — это то, что она вовремя улизнула с места событий, оставив симпатичного молодого человека самому ловить таинственного Нюхача. Совесть уверяла ее, что обрученная барышня не имеет права разъезжать с привлекательными

сотрудниками секретной службы. Но почему-то вместо довольства собой и своим поступком, чего следовало ожидать от порядочной девушки, она испытывала необъяснимую горечь, словно утратила нечто волшебное и драгоценное.

Тем временем Берри Конвей непрестанно терзал себя мыслями о том, что девушка его мечты давно забыла о нем.

— «Болинжер»! — провозгласил Тодди Моллинг, внезапно вырастая у столика. — Углядел на соседнем столе и выследил. Рекомендую на все случаи жизни.

Обеденный зал был похож на большой магазин во время распродажи. Идея перекусить перед танцами пришла в голову не одному Тодди. Преданные кавалеры ради ублажения своих дам не жалели сил, то и дело возвращаясь к столам, на которых была разложена еда и расставлены напитки. Ужин на балу Бэсингеров всегда был испытанием на стойкость, и победителями в нем выходили те, кто играл в регби за университетскую команду.

— Тут где-то должна быть серьезная еда, — сказал Тодди, выкладывая на стол добычу. — Я пойду поищу. Сам не знаю, что это может быть, но вы готовы к неожиданностям?

— Мне все равно, — ответила Энн. Она с трудом вышла из задумчивости. — Я не голодна.

— Неужели? — недоверчиво переспросил сопровождающий. — Господи, а я бы слопал самого старика Бэсингера, если только капнуть на него соус! Ладно, пойду подцеплю цыпленка. Развлекитесь как-нибудь пока. А если я не вернусь, считайте, что я умер на поле битвы.

Он опять исчез, а Энн вернулась к своим мыслям.

Да, волшебное и драгоценное. И она этим пренебрегла. А теперь ее жизнь скучна и монотонна.

Это тоже казалось странным, потому что она никогда не предполагала, что жизнь может показаться монотонной. Она всегда обладала завидным умением наслаждаться жизнью. Даже в компании Кларенсов Дамфри и в окружении Твомбли Буруошей ей не бывало скучно. А вот теперь ее охватила тоска. И ей казалось, что, если не считать того летнего полдня, она всегда ее испытывала. А та поездка осталась в ее памяти, как оазис в пустыне, лучик света в непроглядной тьме тусклого существования.

Толпа жила своей жизнью. Время от времени ее пронизывали отчаянные крики — когда мужчины, нагруженные тарелками с лососем под

майонезом, сталкивались с кавалерами, держащими в руках блюда с мясным салатом. От жары и шума в голове у Энн затуманилось. И будто сквозь туман, она увидела, как чья-то неясная фигура присаживается на стул рядом с нею. Энн попыталась защитить права отсутствующего Тодди.

— Извините, здесь…

Она осеклась. Туман мгновенно рассеялся. Ее бросило в жар.

— Ах, — выдохнула Энн.

И больше ничего не могла вымолвить. Сердце у нее бешено заколотилось, а Совесть уже изготовилась прокомментировать, насколько недостойно задрожали у нее губы.

(«Нехорошо, — назидала Совесть. — Этот мужчина — всего лишь случайный знакомый. И веди с ним себя подобающим образом. Сдержанно поклонись».)

Но Энн не стала сдержанно кланяться. Она молча смотрела на него во все глаза. А он неотступно глядел на нее.

Молодой человек в очках, неся на вытянутых руках добытое в боях блюдо, споткнулся о чью-то ногу и грохнулся прямо на их столик. Между ними шлепнулось нечто мягкое.

— Кажется, это моя котлета, — сказал очкарик. — Простите, пожалуйста.

Он прошествовал далее, а Энн нашла в себе силы улыбнуться дрожащими губами.

— Добрый вечер, — сказала она.

— Добрый вечер.

— Вы, по обыкновению, как снег на голову, — сказала Энн. — Или как черт из табакерки.

Он не улыбнулся в ответ. Он выглядел как-то напряженно. Словно торопился куда-то и не был расположен к светской болтовне.

— Куда вы тогда исчезли? — прямо спросил он и нахмурился от неприятного воспоминания.

Энн напустила на себя холодный вид. Она пыталась убедить себя, что он взял слишком дерзкий тон. Говорит так, будто имеет на нее какие-то права, будто она его собственность. Это, в конце концов, обидно.

— Я поехала домой, — сказала она.

— Почему?

— Потому что место женщины — дома.

— Для меня это был шок, когда я вернулся и не нашел вас на месте.

— Извините.

— Никак не мог понять, куда вы делись.

— Правда?

(«Я верный тон взяла?» — спросила Энн у Совести. — «Вполне, — ответила Совесть. — Замечательно. Так держать».)

— Кстати, — осведомилась Энн, — это в самом деле был Нюхач?

Собеседник молчал. Напряженность в его поведении перешла в смущение. Краска залила лицо, а глаза, глядевшие прямо ей в глаза, он отвел куда-то в сторону.

— Послушайте, — неловко начал он, — я должен вам кое-что сказать. Видите ли…

Он умолк.

— Да? — подбодрила его Энн.

— Мне кажется, я должен…

Было похоже, что он вот-вот сделает некое откровение.

— Ну?

Другой молодой человек, на этот раз без очков, напоролся на их стол и основательно сотряс его.

— Прости, пожалуйста! — сказал он. — Жутко штормит. Помоги, Господи, бедным морякам.

Он ненадолго задержался, чтобы собрать со стола салат из цыпленка, и ушел из их жизни навеки.

— Так что вы хотели сказать? — спросила Энн.

Ее собеседник как будто что-то обдумывал. Энн

показалось, что он готов был сделать какое-то признание, но внезапно передумал.

— Ничего, — ответил он.

— Вы вроде собирались что-то мне сказать?

— Нет, ничего. То есть собирался, но решил, что не стоит.

— Конечно, у вас должны быть свои тайны. И все же, это был Нюхач?

— Нет, не он.

— Я рада.

— Почему?

В поведении Энн произошла резкая перемена. До сих пор ее Совесть могла быть довольна ее холодностью и отстраненностью. Но последний вопрос все изменил. Холодная отстраненность уступила место безудержной искренности.

— Я боялась, что вам угрожает опасность, — срывающимся голосом произнесла Энн. — Он ведь мог вас убить.

— Вы беспокоились… обо мне?

— Да, для порядочной девушки неприятно попасть в такую историю. Подумать только, что могли написать в газетах!

Загоревшийся было огонек в глазах собеседника моментально угас.

— Так вот вы о чем беспокоились? — бесцвет-

ным голосом спросил он.

— А о чем же еще?

— В вашем волнении не было ничего личного?

— Личного? — переспросила Энн, подняв бровь.

— Хорошо, что вы так предусмотрительно поступили, — сказал собеседник без видимого энтузиазма, — и избавились от лишних хлопот.

— Но ведь ничего страшного не случилось, — заметила Энн.

— Нет, — ответил он. Повисла пауза.

Теперь между Энн и ее Совестью возникли значительные разногласия. Совесть утверждала, что она достойно вышла из этого допроса с пристрастием. Сама же Энн думала, что вела себя как идиотка. Еще чуть-чуть, и этот человек поднимется и уйдет навсегда.

(«И хорошо сделает, — нашептывала Совесть. — Это будет наилучшим завершением весьма щекотливой ситуации».

«Это по-твоему!» — отвечала ей Энн, сжав зубы.)

Собеседник взял в руки бутылку шампанского и стал трясти, что привело бы в ужас Тодди Моллинга, будь он свидетелем этой сцены, но Тодди, к счастью, был далеко, пытаясь подобраться к

самому лакомому куску.

— Я, конечно, волновалась за вас, — порывисто выпалила Энн. — Я брякнула насчет газет, потому что… Конечно, я волновалась за вас!

Омраченное лицо собеседника осветилось, как будто на него упал солнечный луч.

— Это правда?

— Конечно.

— Вы не шутите?

— Да нет же!

Он подался вперед.

— Сказать вам кое-что?

— Что?

— Вот что. Я…

Вместо продолжения он вскрикнул. Что-то теплое и мокрое потекло ему на затылок.

— Виноват, — раздался жизнерадостный голос у него за спиной. — Сущее безумие — тащить суп в такой толкотище. Простите. Жалко, супец был отменный.

Берри свирепо оглянулся. Но влюбленные отходчивы.

— Давайте выйдем, — процедил он сквозь зубы. — Мне надо вам кое-что сказать. Здесь не поговоришь.

— Сейчас вернется мистер Моллинг, — сказала

Энн. Она изо всех сил боролась сама с собой.

— Кто это?

— Я с ним пришла. Он пошел за едой. Если я уйду, что он подумает?

— Если он из этой братии, — сказал Берри, — вряд ли он вообще способен думать.

Он подтолкнул ее к двери. Они вышли в небольшой холл. Откуда-то слышалась музыка.

Берри захлопнул за собой дверь и обернулся к Энн.

— Я хочу вам сказать кое-что.

У Энн все поплыло перед глазами. Молодой человек, стоявший рядом, вдруг стал расти на глазах, и сама себе она вдруг показалась маленькой и жалкой.

— Вы, наверное, думаете, что я сумасшедший.

Он был совсем рядом, и Совесть, как наседка, кудахтала, требуя, чтобы Энн отстранилась. Но она не отстранилась.

Он взял ее левую руку и оцепенело уставился на кольцо, блестевшее на безымянном пальце. Очень красивое кольцо, платиновое, с бриллиантами, лорд Бискертон дорого за него заплатил, но в лице молодого человека не было и следа восхищения.

— Вы обручены, — сказал он.

Это был не вопрос. Слова прозвучали скорее как осуждение. У Энн возникло мимолетное чувство, что ее уличили в каком-то крайне неблаговидном поступке. Ей захотелось объясниться, но объяснять вроде было нечего.

— Да, — сказала она тихо и виновато.

— Господи! — выговорил молодой человек.

— Да, — сказала Энн.

— Обручены!

— Да.

Молодой человек с шумом вздохнул.

— Меня это не касается, — сказал он. — Я просто хотел сказать…

Холл между обеденным залом и Хрустальным в отеле «Мазарин» во время бала Бэсингеров, после, разумеется, самого обеденного зала, — наименее подходящее место для интимных бесед во всем Лондоне. Еще при словах Энн молодой человек почувствовал, что кто-то толкает его под локоть. Некто желал с ним побеседовать. И теребил за руку.

— Извините, — сказал этот некто.

В ту же секунду дверь обеденного зала распахнулась, и Энн, в свою очередь, должна была признать, что в мире есть еще кое-кто, кроме них. Похоже было на то, что мир даже слегка

перенаселен.

— А, вот вы где! — воскликнул Тодди Моллинг.

Тодди раскраснелся и выглядел помятым. В ходе предпринятой им атаки на еду правый глаз Тодди, видимо, наткнулся на нечто твердое и по этой причине полузакрылся и истекал слезами. В левом глазу, который работал в нормальном режиме, светился ласковый упрек.

— Так вот вы где! — повторил Тодди Моллинг. — А я-то гадаю, куда вы запропастились! Прямо обыскался.

Энн раздирали противоречивые чувства, как будто резкий телефонный звонок вырвал ее из сладостных объятий прекрасного сна. Энн обернулась. Молодой человек, который только что собирался сообщить ей нечто важное, озадаченно взирал на человека, в котором она опознала хозяина бала, сэра Герберта Бэсингера. Сэр Герберт вроде бы о чем-то спрашивал молодого человека, а тот явно затруднялся с ответом.

— Я выследил изумительного цыпленка, — продолжал тем временем Тодди со скромной гордостью крестоносца, вернувшегося из победоносного похода. — И еще какой-то салат. Пошли пробовать.

Энн была доброй девушкой и не хотела никого

обижать. Ввиду наглядных свидетельств доблести, проявленной Тодди при добыче еды, его претензия на ее общество была вполне обоснованной. Ради нее, Энн, он вступал в поединок и буквально проливал кровь. Сейчас, в миг триумфа, невозможно было его отвергнуть. Поступить так — значило бы навсегда разрушить веру молодого мистера Моллинга в Женщину с большой буквы.

Кроме того, теперь у нее не будет недостатка в возможностях возобновить прерванный разговор в каком-нибудь уединенном месте. Судя потому, как сэр Герберт потирал руки, ее таинственный знакомый должен быть одним из почетных гостей. Как только ей удастся отвязаться от назойливого Тодди, она найдет его в Хрустальной гостиной.

— Хорошо, Тодди, — сказала она. — Вы герой. Ведите меня.

— Вы не против, если к нам присоединится Берти Уинч? — озабоченно спросил Тодди, открывая дверь. — Мы случайно встретились. Никак нельзя было отделаться. Я оставил его сторожить столик и присматривать за цыпленком, как за родным братом. Тут ведь глаз да глаз нужен, а то моментально упрут прямо из-под носа.

Берри, наконец овладев своими чувствами, сообразил, что голос, звучавший в непосредственной близости от его уха, обращен к нему. И хотя полностью отрешиться от приятного оцепенения еще не смог, все же ответил со всей возможной учтивостью.

— Да, — сказал он. — Абсолютно. Несомненно.

Но Голос не удовлетворился услышанным. И зазвучал более чем недовольно — негодующе. Причем степень негодования угрожающе возрастала.

— Я вас спрашиваю, — прогремел Голос, — кто вы, черт побери, такой, откуда явились и что вы тут делаете? Я вас знать не знаю, и предъявите ваше приглашение, будьте любезны.

Берри очнулся от грез. Есть время мечтать, и есть время трезво взглянуть в лицо реальности. Сейчас был как раз такой случай. Прозревая сквозь золотой туман, окутывавший его, как каждого влюбленного, он усмотрел румяного невысокого мужчину среднего возраста с каштановыми усами и двумя подбородками. Усы топорщились, а оба подбородка угрожающе двигались.

— Простите? — спросил он.

— Не о том беспокоитесь, — ответил новый

знакомый. — Предъявите ваше приглашение.

Глядя на Берри так, словно тот вылез из канализационной трубы, и обращаясь к нему в тоне, каким недобрый охранник в тюрьме общается с не полюбившимся ему узником, сэр Герберт Бэсингер, безусловно, чувствовал свою правоту. В этом сезоне в высшем свете прокатилась волна, так сказать, несанкционированных вторжений. На балах стала появляться масса молодых людей, сверх меры наливавшихся шампанским и танцевавших до упаду, не имея приглашений. Хозяевам эта практика начала надоедать, и сэр Герберт Бэсингер, который довольно настрадался от этих дел, поклялся пресечь их раз и навсегда. Он предупредил своих гостей, чтобы они не забывали пригласительные билеты и были готовы предъявить их по первому требованию.

— Приглашение! — протянул Берри, как бы удивляясь звучанию самого слова.

— Приглашение.

— Видите ли…

Разговор достиг той стадии, когда сэру Герберту все стало ясно. Только тот, у кого нечисто с совестью, может начать ответ с такой фразы. Вполне удостоверившись, что не изгоняет с бала какого-нибудь отпрыска благородного семейства, чье

лицо он случайно запамятовал, или, того хуже, писаку из отдела светской хроники какой-нибудь газетенки, сэр Герберт выложил карты на стол.

— Я должен попросить вас немедленно удалиться.

— Но…

— Вон! — теряя терпение, повторил сэр Герберт.

— Но мне надо поговорить…

Каштановые усы зашевелились, как кукурузные заросли под резким порывом ветра.

— Вы сами уйдете или вызвать полицию?

Берри решил, что следует быть вежливым до конца. Он еще не узнал имени богини из автомобиля, а этот человек мог назвать его. Берри выдавил из себя улыбку.

Не помогло.

— Нечего скалиться, — буркнул сэр Герберт.

Даже сквозь преграду усов его голос прозвучал столь угрожающе, что Берри отшатнулся на два дюйма. Он убрал с губ улыбку. Желание хозяина — закон. Кроме того, у него скулы свело от натуги.

— Ухожу-ухожу, — примирительно сказал он. — Конечно, я уйду. Обязательно. Я понимаю, что мне тут нечего делать. Уйду как миленький.

Я зашел просто потому, что увидел здесь кое-кого в лифте. Если вы позволите мне заглянуть в обеденный зал, чтобы сказать словечко…

Сэр Герберт Бэсингер в минуты сильного волнения начинал говорить на языке, который был его собственным изобретением. И сейчас он к нему прибегнул.

— Прекратите эти ваши увертки-отвертки!

Берри по-прежнему сохранял учтивость.

— Может быть, вы скажете, как ее зовут?

— Я не желаю терпеть этот бред-куверт!

— Как ее зовут? — не отступал Берри. — Мне надо знать ее имя. Если бы вы были так любезны назвать ее имя…

— Вы наконец кончите тут болтать-колготать? — в свою очередь, не сдавался сэр Герберт.

В дверях, как по команде, выросли несколько служителей в нарядной униформе, сверливших Берри тем холодным суровым взглядом, которым бармен смотрит на потенциального любителя выпить на дармовщинку. Берри неохотно признался себе, что его карта бита. Он сделал все что мог. Разжигать страсти и напрашиваться на скандал — это слишком.

— Хорошо, — кротко сказал он.

И без всякой дальнейшей колготни повернулся

и молча двинулся к выходу. Нельзя сказать, чтобы он удалялся совсем достойно, но, по крайней мере, настолько достойно, насколько возможно в его положении.

3

Свет в окне «Мирной заводи» означал, что лорд Бискертон еще не ложился и, несомненно, жаждет поболтать. Берри постучал в окно. Оно гостеприимно открылось, и Берри залез в дом.

— Ну что? — спросил Бисквит. — Как провел время?

Он внимательно оглядел Берри. В поведении друга появилось нечто странное — в глазах сверкали искорки, выдававшие чувства молодожена, только что испившего райского нектара. Вряд ли это можно было приписать посещению вечера выпускников. Причина должна быть в чем-то другом.

— Что это с тобой, приятель? — спросил он. — Ты сияешь, как новый двухпенсовик. Над тобой пролился золотой дождь или что?

Берри сел, встал, снова сел, вскочил, снова сел и опять встал с места. Хозяину дома эта лихорадочность не понравилась.

— Остынь! — скомандовал он. — Сядь и успо-

койся. От тебя голова кружится.

Берри угомонился на краешке дивана, готовый каждую секунду вновь подскочить до потолка.

— А теперь выкладывай, — потребовал Бисквит.

— Бисквит, — начал Берри, — произошло самое невероятное. Эта девушка…

— Девушка? — с интересом переспросил Бисквит. Ситуация принимала понятные очертания. — Кто она?

— Что? — рассеянно переспросил Берри.

— Я спросил: кто она?

— Не знаю.

— Как ее зовут?

— Не знаю.

— Где она живет?

— Не знаю.

— Да, энциклопедистом тебя не назовешь, старина, — констатировал Бисквит. — Где ты ее встретил?

— Первый раз в ресторане.

— Ну и…

— Мы посмотрели друг на друга.

— А потом?

— Еще посмотрели. Это было в тот день, когда ты нацепил бороду. Помнишь?

— Помню.

— Я был в отчаянии. Я с первого взгляда понял, что это девушка, о которой я мечтал всю жизнь.

— Ах, молодость! — терпеливо произнес Бисквит.

— Как мне было с ней познакомиться? Проблема.

— Проблема всегда найдется. У меня, к примеру, проблема — где бы раздобыть тысчонку.

— Выйдя на улицу, я увидел, что она садится в машину. И меня вдруг осенило. Я вскочил в ту же машину и велел следовать за тобой.

— Следовать за мной? А я-то тут при чем?

— Ты сел в машину перед нами.

Бисквиту стало еще интереснее.

— То есть это произошло в тот день, когда ты приехал на ленч в «Беркли», а я прогуливал бороду и усы?

— Ну да, о чем тебе и толкую.

— Кто ж тогда эта девушка? — задумчиво протянул Бисквит. — Что-то не припоминаю ничего особенного. Но не будем отклоняться от сути вопроса. Итак, ты сел в ее автомобиль. И что дальше?

— Поехали за тобой.

— То есть она сказала: «Есть, сэр» — и удари-

ла по газам? А я думал, она позвала полисмена или врачей из психушки, и тебя доставили по назначению.

Берри задумался. Они дошли до того пункта в его рассказе, о котором ему меньше всего хотелось говорить. Какому влюбленному приятно сознавать, что он обманывает любимую девушку? В обеденном зале отеля «Мазарин» был момент, когда он готов был пойти на чистосердечное признание. Правда, поостерегся от откровений, но совесть не давала ему покоя.

— Должен сказать, Бисквит, я ей солгал.

— Рановато начал.

— Сказал, что я секретный агент.

Бисквит открыл рот.

— Кто-кто?

— Секретный агент. Это объясняло, почему я вскочил в чужую машину и велел следовать за тобой.

— Ты сказал, что это я?

— Я сказал ей, что это главарь кокаиновой банды.

Бисквит искренне поблагодарил друга.

— Надо же было как-то объяснить.

— А что было после того, как ты сказал ей, что это неправда?

— Я не сказал.

— Она до сих пор считает тебя секретным агентом?

— Да.

— Господь с тобой, дружище! Такой байки я давно не слыхал. Итак, она до сих пор думает, что ты из секретной службы. И ты ничего ей не открыл?

— Нет. А дальше было вот что. Когда я вышел из бара, ее и след простыл. Машины не было. Укатила. А сегодня я опять ее встретил. В «Мазарине» был бал, я уходил с нашего обеда и увидел ее в лифте. Я тоже поднялся наверх и нашел ее в обеденном зале. И только мы начали разговаривать, как подошел хозяин бала и выпер меня.

Бисквит оценивающе хмыкнул.

— Но до этого я успел… То есть, — сбивчиво заговорил Берри, — что-то было в ее глазах такое… Она так смотрит… Если бы только у меня была еще минута… Она так на меня смотрела…

— Ты втюрился? — спросил Бисквит, который любил интересные истории.

Берри пожал плечами.

— Зря ты иронизируешь.

— Либо втюрился, либо нет. Третьего не дано, — твердо заявил Бисквит.

— Мне кажется, ей было приятно меня уви-

деть.

— Ага. И ты, наверное, спросил, как ее зовут?

— Нет.

— Нет?

— Не успел.

— Узнал, где она живет?

— Нет.

— Она спросила, как тебя зовут?

— Нет.

— Она спросила, где ты живешь?

— Нет.

— А о чем же тогда вы говорили? — спросил Бисквит. — О ситуации в России?

Берри нервно сжал кулаки. Мрачное воспоминание тенью легло на его лицо.

— Я выяснил одну вещь, — сказал он. — Она обручена.

— Обручена?

— Да. Теперь я не беспокоюсь насчет того, чтобы ее найти. Я знаю, что найду. Но если она помолвлена…

Он умолк и угрюмо уставился в ковер.

— Ты полагаешь, что Конвей не имеет права вставать на пути какого-то неизвестного типа, который ее преданно любит?

— Да, но все равно…

— Все равно ты собираешься это сделать?

— Да.

— Молодец.

— Ты вправду так считаешь?

— Конечно, — определенно ответил Бисквит. — В любви все средства хороши, как на войне, так ведь? Я прямо вижу этого типа, как живого. Птенчик в очках и с безвольным подбородком. У него нет ни одного шанса. Господи милостивый! Все-таки интересно, что он чувствует. Он, наверное, на Мервина Флока похож.

— Кто такой Мервин Флок?

— Да так, тоже один тип, — ответил Бисквит. — Пузырь такой. Шишка на ровном месте. Ужасно неприятный. Не дрейфь, старина. Дуй вперед без оглядки. У тебя и без того хлопот полон рот, чтобы еще думать про какого-то гада ползучего.

Берри устремил на друга взгляд, полный глубочайшей признательности. Слова Бисквита, как бальзам, лились на его сердце.

— Я рад, что ты так думаешь, — сказал он.

— А я рад, что ты рад, — великодушно ответил Бисквит.

Глава VIII

Мистер Фрисби нажал на кнопку звонка, и в комнату резво, как ягненок по весенней травке, вкатился его личный секретарь. Знаменательные события вчерашнего вечера подняли настроение Берри Конвея до заоблачных высот. Ему казалось, что он шествует по розовым облакам, паря над улыбающимся ему миром.

— Звонили, сэр? — нежно пропел он.

— Ясно, звонил. Вы же слышали. Нечего задавать дурацкие вопросы. Соедините меня с мистером Роббинсом.

— Мистером… э? — переспросил Берри. Он изо всех сил желал оказать услугу своему хозяину, облегчить ему труды и исполнить любую его причуду, но прозвучавшее имя было ему незнакомо. Берри свыкся с тем, что иной раз мистер Фрисби выражается темно. Он пользовался какими-то своими правилами строения фраз. Мог вдруг упомянуть кого-нибудь вроде этого Роббинса без всякого предварительного разъяснения. «Мистером… э?» — спросил Берри.

— Мистером — черт — вас — подери — оглохли — вы — что ли — я говорю — простым — языком

— купите — слуховой — аппарат — Роббинсом. — Моим адвокатом. Чансери, 096332. Немедленно.

— Разумеется, сэр, — кротко ответил Берри.

Вид хозяина озаботил Берри. По-видимому, накануне с мистером Фрисби произошло нечто малоприятное. Он сидел, скорчившись в кресле, будто получил удар под дых. Лицо у него вытянулось, складки возле рта обозначились резче. Берри подмывало спросить, в чем дело, о чем печаль и где она хозяина настигла. Долгий разговор по душам о несчастьях мистера Фрисби очень отвечал настроению Берри, готового любить весь свет.

Но скромность подсказала ему, что лучше воздержаться от вопросов. Он удовлетворился тем, что набрал номер и установил связь с поверенным мистера Фрисби.

— Мистер Роббинс на проводе, сэр, — возвестил он голосом, каким говорят с тяжелобольным, и передал трубку страдальцу.

— Хорошо, — отозвался мистер Фрисби. — Идите.

Берри повиновался, искоса бросив на хозяина ласковый взгляд. Таким образом он хотел дать мистеру Фрисби знак, что, какие бы тучи ни застилали его горизонт, он всегда сможет положиться

на Джона Бересфорда Конвея. К большому его счастью, мистер Фрисби этого взгляда не заметил.

— Роббинс! — пролаял он в трубку, когда дверь затворилась.

Ему ответил приглушенный голос человека, присутствующего при конфискации закладной или последнем свидании любовников, расстающихся навеки.

— Да, мистер Фрисби?

— Роббинс, немедленно приезжайте. Немедленно.

— Что-то случилось, мистер Фрисби?

— Да нет! — горько сказал финансист. — Ничего не случилось. Все прекрасно. Меня надули, как последнего дурака.

— Быть не может! — произнес сумеречный голос.

— Это не телефонный разговор. Приезжайте. Поторопитесь.

— Выезжаю, мистер Фрисби.

Мистер Фрисби повесил трубку и, поднявшись, принялся мерить шагами кабинет. Потом вернулся к столу, взял письмо, прочел его еще раз (уже в десятый), издал невнятный звук (пятнадцатый), положил на место и вновь принялся шагать. Он выглядел очень усталым, и окажись тут сейчас

Берри Конвей, он бы по-братски положил руку на плечо шефу, похлопал его по спине и сказал: «Ну что, старина, в чем дело?». К счастью, Берри в данный момент находился у себя в комнате и предавался своим мечтам, кои были потревожены звонком.

Войдя в кабинет, он застал мистера Фрисби странно вальсирующим и похожим на тех миллионеров, которых обнаруживают в библиотеках с ножом в сердце.

— Сэр? — нежно спросил Берри.

— Мистер Роббинс еще не прибыл?

— Пока нет, сэр, — вздохнул Берри.

— Черт подери!

— Очень хорошо, сэр.

Мистер Фрисби возобновил свой танец, только на минутку сделал паузу, чтобы в одиннадцатый раз перечитать письмо, лежавшее на столе.

Дверь распахнулась. Вошел секретарь.

— Мистер Роббинс, сэр! — объявил он.

Мистер Роббинс из конторы «Роббинс, Роббинс, Роббинс и Роббинс. Адвокаты и поверенные в делах» был в точности таким, каким вы могли бы его вообразить, судя по голосу в телефонной трубке. Он выглядел и вел себя так, словно присутствовал на ответственных похоронах. Сняв

котелок, он возложил его на стол, словно траурный венок.

— Доброе утро, мистер Фрисби, — сказал он так, как будто вся комната заполнена людьми, прощающимися с закладными и любовниками, прощающимися навеки.

— Роббинс! — вскричал финансист. — Меня провели, как молокососа!

Адвокат еще на миллиметр поджал тонкие губы, как бы желая сказать, что только этого и надо ожидать от мира, где нет ничего святого и где в любой момент самый безобидный и невинный из людей может лишиться дохода и собственности, причем на законном основании.

— Каковы факты, мистер Фрисби?

Мистер Фрисби издал рев морского льва, требующего рыбку в зоопарке.

— Сейчас скажу, каковы факты. Слушайте. Вы знаете, что я практически владелец «Прыткой Ящерки», медных приисков?

— Естественно.

— Так вот, позавчера там открыли новую жилу. Похоже, что богатейшую.

— Великолепно.

— Не так уж великолепно, — поправил его мистер Фрисби. — Жила начинается на самой

границе «Прыткой Ящерки», а затем уходит в соседний рудник — чертову дыру под названием «Мечта Сбывается», которую все давным-давно похоронили. И вот туда-то уходит моя медь.

— Печально.

— Да, — подтвердил мистер Фрисби, глядя на поверенного какими-то странными глазами. — По меньшей мере.

— Конечно, — сказал мистер Роббинс, который обладал хорошими математическими способностями и быстро производил подсчеты в уме, — это значительно увеличило бы прибыльность соседнего участка.

— Вы правильно все поняли, — согласился мистер Фрисби. — И разумеется, мне захотелось купить его втихую. Я навел справки и выяснил, что первый владелец продал его женщине, миссис Джервис.

— Вы с ней связались?

— Она умерла. Но мне вдруг вспомнилось, что мой секретарь упомянул как-то, что эта женщина — его тетя. И она завещала ему шахту.

— Ваш секретарь? Молодой Паркинсон?

— Нет. Паркинсон уволился. Это новый. Конвей. Вы с ним не знакомы. Он пришел ко мне и попросил совета насчет этой шахты. Сказал, что

она пустая, добычи нет и ему хотелось бы от нее избавиться, чтобы выручить несколько сотен. Знаете, Роббинс, когда я это услыхал, то поверил в чудеса, чего со мной не бывало с тех времен, как я покинул воскресную школу в Каркассоне, штат Иллинойс, тридцать пять лет назад. Вам вполне ясно, что произошло? Этот субъект прямо у меня в конторе, без всякого понятия о том, чем владеет. Я чуть самописку не сломал.

— Замечательно.

Мистер Фрисби сделал тур по кабинету.

— Думать было некогда, и теперь мне понятно, что я дал маху. Мне казалось, что, если я оформлю покупку на свое имя, он может заподозрить неладное. Поэтому я сказал ему, что у меня есть один знакомый, Дж. Б. Хоук, который скупает нерентабельные шахты, и я к нему обращусь. Этот Хоук выручил меня пару раз в делах, в которых я сам не хотел засвечиваться. Краснорожий жулик, который ошивается в финансовых кругах и всех знает. Он мне никогда не нравился, но я надеялся, что на него можно положиться. Я велел ему обратиться к Конвею и предложить пятьсот фунтов.

— За прииск, цена которому — миллионы? — сухо уточнил мистер Роббинс.

— Бизнес есть бизнес, — сказал мистер Фрисби.

— Разумеется, — ответил мистер Роббинс. — И ваш молодой человек принял предложение?

— Он ошалел от счастья.

— Тогда…

— Погодите! — прервал его мистер Фрисби. — Знаете, что случилось? Этот сукин сын Хоук купил шахту себе. Мне следовало догадаться, что он наверняка что-то заподозрит. Может, кто-то ему шепнул словечко. У него есть приятели в Аризоне. Оттуда вероятна утечка информации. Так или иначе, он выписал Конвею чек, получил квитанцию и теперь притязает на эту «Мечту».

— Дела, — покачал головой мистер Роббинс.

Мистер Фрисби сделал еще несколько па, очень изящных. Закончив пируэтом у стола, он взял письмо и протянул поверенному.

— Прочтите.

Мистер Роббинс сделал, что было велено, и издал два звука «хм» и один «э…». Мистер Фрисби жадно смотрел на него.

— Нельзя же позволить ему убежать с этой бумагой? — с надеждой спросил он. — Никак нельзя такое допустить. Даже не говорите мне, что это возможно. Это же грабеж средь бела дня.

Мистер Роббинс покачал головой. В этом не

было ничего обнадеживающего.

— Не осталось ли у вас какого-нибудь документа, письменного свидетельства о том, что Хоук действовал от вашего имени, как ваш агент?

— Конечно нет. Я никогда не попадал в такую переделку.

— Тогда, мистер Фрисби, боюсь…

— Что он может улизнуть с бумагой?

— Боюсь, что так.

— Черт! — воскликнул мистер Фрисби.

Чело адвоката затуманилось мыслью. Он как бы взвешивал в уме, к какому разряду услуг, оказываемых его компанией, можно отнести то, что он решается предложить клиенту.

— Это же убийство первой степени! — выкрикнул Фрисби.

— Я обратил внимание, — сказал мистер Роббинс, — что этот мистер Хоук пишет о своем намерении прийти к вам нынче утром со своим адвокатом, мистером Беллами. Я хорошо знаю Беллами. Боюсь, что, если Беллами подтвердит законность сделки, никакой надежды не останется. Это очень компетентный юрист. Я высоко ценю мистера Беллами.

— Смотрите, что он пишет на второй странице. Посмотрите, что он мне предлагает!

— Да, я помню. Он предлагает вам слить «Мечту» с «Прыткой Ящеркой» и назвать объединенную собственность «Уголком Прыткой Ящерки, Инкорпорейтед»...

— И при этом хочет получить половину акций!

— Если за ним стоит Беллами, мистер Фрисби, именно половиной мы и должны пожертвовать.

— Но это же золотая жила!

— Насколько я понял — медная.

— Я в том смысле, что теряю очень много.

— Крайне неприятно, сэр.

— Как вы сказали? — тихо переспросил мистер Фрисби.

— Я сказал, крайне неприятно, сэр.

— Вот именно, — подтвердил мистер Фрисби. — Вы очень точно сформулировали.

Мистер Роббинс грустно и нежно посмотрел на свою шляпу.

— Если вам необходимо приобрести в собственность эту «Мечту», — сказал он, — я не вижу другого пути, кроме как принять предложение мистера Хоука. Он, несомненно, владеет этой шахтой и контролирует ее. Если вы пожелаете, я могу присутствовать на встрече, в которой я был бы счастлив участвовать, но ничем другим помочь не могу.

— Сможете, — сказал мистер Фрисби. — Вы хотя бы не дадите мне двинуть этого негодяя стулом по башке и попасть на виселицу за убийство.

Дверь открылась. Появился секретарь.

— Мистер Хоук! — объявил он басом.

И добавил, будто делая приписку карандашом к основному тексту:

— И мистер Беллами.

На пороге возник тандем Хоук-Беллами. Оба были явно в приподнятом настроении. Мистер Хоук изменился до неузнаваемости. Он ничем не напоминал того вертлявого человечка, который служил мистеру Фрисби много лет.

— Доброе утро, Пат, — бросил мистер Хоук.

— Доброе утро, мистер Фрисби, — сказал его спутник.

— Ну что же, — произнес мистер Хоук, — вы прекрасно выглядите.

— Как поживаете, Беллами? — осведомился мистер Роббинс.

— Прекрасно. А вы?

— В добром здравии, благодарю вас.

— Великолепно, — сказал мистер Беллами.

Он сел. Дж. Б. Хоук тоже сел. И мистер Роббинс сел. Мистер Фрисби уже сидел.

Совет начался.

Когда публика читает в газетах о том, что две финансовые компании договорились о слиянии, она даже отдаленно не представляет себе, какая кропотливая работа предшествует этой договоренности. Поэтому нижеследующее описание события, которое произошло в кабинете мистера Фрисби, вряд ли будет излишним.

Дж. Б. Хоук начал с вопроса о том, как идет у него игра в гольф. Мистер Фрисби вместо ответа обнажил зубы в улыбке, напоминая шакала, угодившего в капкан, на что мистер Хоук заметил, что у него самого наметился значительный прогресс по части первого удара, но попасть в лунку ему все еще нелегко. Он не уверен, в чем конкретно заключается трудность — то ли правая пережимает, то ли левая слабовата, но попадает он в одном случае из семи.

— Вот, к примеру, позавчера в Оксли… — сказал мистер Хоук.

Деловые люди умеют ясно выражать свои мысли. Дж. Б. Хоук не оставил у слушателей никаких белых пятен в представлении о том, что произошло позавчера в Оксли. Они будто сами там побывали.

Когда он закончил рассказ, мистер Беллами упомянул о похожем случае, имевшем место в

позапрошлое воскресенье в Чизлхерсте.

— Очень забавная игра, — сказал мистер Беллами.

— Двух мнений быть не может, — сказал мистер Хоук.

— О гольфе можно говорить часами, — сказал мистер Беллами.

— Что правда, то правда, — сказал мистер Хоук. — Очень забавная игра. Часами можно о ней говорить.

В этот момент мистер Фрисби процедил сквозь зубы что-то нечленораздельное и сломал карандаш.

Ненадолго воцарилось молчание.

Возвращаясь к разговору, мистер Хоук попросил прервать его, если собеседникам известна эта история; но знают ли они про двух ирландцев?

И он со всеми подробностями пересказал эту историю, приправляя, где нужно, диалог сильным шведским акцентом. Закончив рассказ, он от души рассмеялся и передал слово следующему докладчику.

Им опять стал мистер Беллами. Преодолевая приступы смеха, вызванного анекдотом друга, мистер Беллами сказал, что припомнил похожий анекдот, где фигурировала парочка шотландцев,

Дональд и Сэнди. Он извинился за то, что не может точно воспроизвести выговор, но по мере сил попытался это сделать, превратив северных бриттов в монстров, говорящих на диковинной смеси кокни и африкаанс. Самого мистера Беллами рассказ очень позабавил, и мистера Хоука тоже. Мистеру Фрисби показался особенно оскорбительным смех мистера Хоука. Ничего противнее и быть не могло.

Мистера Фрисби ни один из анекдотов не рассмешил. Мистера Роббинса тоже. Мистер Роббинс взял шляпу, погладил ее ладонью, пристально рассмотрел, будто взвешивая шансы появления из нее кролика, и положил на место — с почтительностью многомудрого человека. Мистер Фрисби, бросив на мистера Хоука взгляд, исполненный чрезвычайного презрения, взял лежавшую на столе отстегнутую манжету и начертал на ней:

«ДЖ. Б. ХОУК – КРАСНОРОЖИЙ РАЗБОЙНИК»

Между тем рассказчики обменивались между собой тошнотворно-ласковыми взглядами.

— Ну вы отмочили, Макс, — сказал Хоук.

— И я чуть не лопнул от смеха от вашей исто-

рии, Дж. Б., — сказал Беллами.

— Мне вчера рассказали уморительную штуку про двух евреев, — сказал Хоук.

— Это какую? — сказал Беллами.

— Скажите, если слышали, — предупредил Хоук.

Как раз в этот момент мистер Роббинс из компании «Роббинс, Роббинс, Роббинс и Роббинс» неохотно оторвал взгляд от шляпы, откашлялся, многозначительно прочищая горло, и произнес:

— Э… джентльмены.

— Да, — с готовностью отозвался Дж. Б. Хоук, понимая, что свершается переход ко второму кругу формальностей, — давайте вернемся к нашим баранам.

Некоторое время все молчали.

Первым нарушил молчание мистер Фрисби.

— Интересно, — задумчиво сказал он.

— Что именно? — живо спросил мистер Хоук.

— Да так, пустяки, — ответил мистер Фрисби. — Ваш инициал «Б» — это сокращенно что?

— Бернард, — с оттенком гордости ответил мистер Хоук.

— Неужто? — удивился мистер Фрисби. — А я думал — Бандит.

— Гм, — произнес мистер Хоук.

— Джентльмены, джентльмены! — воззвал мистер Роббинс.

— В самом деле, джентльмены! — поддержал его мистер Беллами.

— Совещание окончено? — обратился мистер Хоук к своему поверенному.

Мистер Беллами отрицательно покачал головой.

— Логическим завершением служит либо физическое действие, либо банкет.

— Вот как? — переспросил мистер Фрисби вставая. — Не знал. Тогда приступим.

— Джентльмены, джентльмены, джентльмены, джентльмены! — воскликнул мистер Роббинс, как будто все четыре Роббинса заговорили одновременно.

Опять все умолкли.

— Так мы ни до чего не договоримся, — укоризненно проговорил мистер Хоук.

— Верно, — сказал мистер Роббинс, глядя на мистера Фрисби, как любящий отец на провинившегося сына.

— Прошу вас, джентльмены, — вставил мистер Беллами, — давайте попытаемся избежать того, что можно назвать словесной дуэлью.

— А также личными выпадами, — подхватил

мистер Роббинс. — Недружественными актами. Конфронтация, как правильно заметил мистер Хоук, ни к чему хорошему не приведет.

— По правде сказать, нам и идти-то никуда не надо, — с вернувшейся к нему прежней живостью добавил мистер Хоук. — То есть мы уже пришли. Понятно, что я имею в виду? Толковать-то не о чем. Все ясно, как Божий день. Я владелец «Мечты Сбывается», так? Нет, скажите, да или нет? Ежели кто не согласен, пусть объяснится. Пускай выложит все начистоту. Вот скажите мне, — обратил он свой вопрос непосредственно мистеру Фрисби, — вы ведь не собираетесь оспаривать мой статус? Нет ведь? Ну тогда давайте перейдем прямо к индейке.

— Какой индейке?

— Американская поговорка, — пояснил мистер Беллами. — Означает — давайте сконцентрируемся на нашем… э… казусе.

— Весьма характерное речение, — заметил мистер Роббинс.

Мистер Фрисби, умевший проигрывать, не стал уклоняться от сути вопроса.

— Вы завладели «Мечтой Сбывается», как какой-нибудь Капитан Кидд или Джесси Джеймс.

— Позвольте! — воскликнул мистер Роббинс.

— Вы можете владеть «Мечтой», но не сможете производить добычу без моего транспортера. Вам придется перевозить руду по горам на мулах.

— Мой клиент, — заявил мистер Беллами, — в курсе дела. Абсолютно. Поэтому он и предлагает вам это присоединение.

— Слияние.

— Это присоединение или слияние.

— Думаю, что я тоже могу быть совершенно откровенен, дорогой Фрисби, — сказал мистер Роббинс. — Так вот, по моему мнению, моему тщательно взвешенному мнению, альтернативы предложению мистера Хоука у вас нет.

Резкий звук нарушил молчание, последовавшее за этим заявлением. Это чихнул мистер Фрисби, и на этом чихе завершилась, так сказать, художественная часть совещания. Далее инициатива перешла к юристам, и беседа продолжилась в деловом, довольно скучном ключе. А поскольку никакой историк не пожелал бы испортить чистые страницы хроники абракадаброй, которую несут адвокаты, встречаясь друг с другом, дальнейшее описание события мы тоже опустим.

Мистер Беллами вытащил из портфеля проект меморандума и вручил мистеру Роббинсу, добавив на словах, что полагает данный текст ис-

черпывающим. Мистер Роббинс, водрузив на нос особые очки в знак важности момента, изучил документ и согласился с вышесказанным. Мистер Беллами зачитал меморандум вслух, мистер Хоук сказал «да». Мистер Фрисби сидел и страдал.

Затем оба законника удалились, продолжая беседовать о двойном налогообложении, наследственном праве и тому подобном, как это в обычае у людей их профессии. Мистер Хоук, убедившись, что дверь плотно закрыта, осторожно приблизился к столу мистера Фрисби.

— Эй, — сказал мистер Хоук.

Мистер Фрисби безучастно взглянул на него. Он сидел, уронив голову на руки.

— Вы еще здесь? — спросил он.

— Да, — ответил мистер Хоук.

— Почему? — без тени гостеприимства спросил мистер Фрисби.

Мистер Хоук доверительно перегнулся через стол.

— Послушайте, — сказал он, — раз уж эти двое смылись, мы можем побеседовать по душам.

В ответ мистер Фрисби проинформировал мистера Хоука, что, на его взгляд, он, мистер Хоук, — вор и грабитель, разбойник с большой дороги, карманник и похититель тел. Однаж-

ды, сказал мистер Фрисби, в Мексике довелось ему видеть гремучую змею, и у него сложилось очень неблагоприятное мнение об этом пресмыкающемся, но уж если бы ему, мистеру Фрисби, пришлось выбирать партнера для беседы по душам, он предпочел бы гремучую змею, а не мистера Хоука. Уж лучше ему обняться с сотней гремучих змей, чем беседовать с мистером Хоуком. Потому что, объяснил он, он считает мистера Хоука собакой, червем, скунсом, шакалом и мерзейшим вымогателем.

— Это так, но шутки в сторону, — дружелюбно сказал мистер Хоук. — Послушайте, теперь, когда мы стали партнерами, надо кое о чем договориться. Как насчет акционеров? То есть, как вы думаете, когда мы известим их о слиянии — может быть, после того, как выкупим все акции?

Мистер Фрисби промолчал.

— Можем потерять до пятидесяти пунктов на каждой акции, когда дельце откроется. Хотя почему пятьдесят? Как начнут скупать…

Мистер Фрисби задумчиво жевал кончик ручки.

— Знаете, что такое медь? — вопросил мистер Хоук. — Очень нестабильная вещь. То цена на нее падает, то возносится на самое небо. Помню,

первые акции я купил у компании «Зеленый Ханаан»* по двадцать пять. Продал по пятьдесят и потом кусал локти, потому что акции сразу подскочили до двух сотен. Сегодня можно скупить все акции «Прыткой Ящерки», и у вас еще останется на что выпить и закусить. А как только просочится информация о слиянии компаний, «Нэшнл Сити Бэнк» должен будет выложить всю наличность, чтобы прикупить полдюжины. Вот что такое биржевая игра. Это я вам говорю. Так что нам с вами надо заключить одно маленькое джентльменское соглашение.

— Кто тут джентльмены? — заинтересовался мистер Фрисби.

— Вы и я.

— А!

Мистер Хоук продолжил.

— Мы быстренько охомутаем этих биржевиков. Если начать продавать акции по паре тысяч за раз, народ начнет принюхиваться.

Мистер Фрисби едва сдерживался, ерзая в кресле. Он был оскорблен в лучших чувствах — этот так называемый компаньон полагает, что может учить его азам финансового дела.

— Вы идете к своему брокеру и начнете продавать, — гнул свое мистер Хоук, не замечая в

собеседнике знаков нетерпения, — а уж он, чтоб мне лопнуть, постарается. Он известит своих клиентов о том, что президент «Прыткой Ящерки» вышел из подполья и это подозрительно. И они кинутся скупать.

— Естественно, — буркнул мистер Фрисби.

— А вы пойдете к нему на биржу и шепнете на ушко, что желаете продать пару-тройку тысяч…

— Без вас знаю, — сказал мистер Фрисби.

— А мы тем временем скупаем все подчистую в Париже или Амстердаме. Ну, каково?

Мистер Фрисби хмуро молчал. В смысле морали у него не было никаких возражений против предложенной схемы. Он ее полностью одобрял. Его огорчало лишь то, что, получая выгоду, он тем самым обогащал и мистера Хоука.

— Ну что, идет? — спросил упомянутый джентльмен.

— Да, — ответил мистер Фрисби.

— Порядок, — заключил мистер Хоук. — Значит, дело сделано.

Лицо его горело воодушевлением.

— Я знал, что день, когда я стану вашим партнером, будет для меня счастливейшим, Пат, — по-приятельски сказал он.

— Я тебе не Пат, — неласково сказал мистер

Фрисби.

— А как ваше имя?

— Не твое дело.

Это был щекотливый пункт. Много утекло времени, но он до сих пор не мог забыть того дня, когда главный заводила у них в школе выведал его тайну.

— Ну что ж, я пошел, — сказал мистер Хоук.

— Сделай милость, — сердечно отозвался мистер Фрисби. — Хочется поскорее открыть окна и проветрить.

— Кстати, а вы не слыхали историю про двух…

— Слыхал.

— Тогда я пошел.

— Очень рад.

Дж. Б. Хоук победоносно прошествовал к выходу и, перешагнув порог, наткнулся на что-то внушительное.

— Смотрите, куда идете, — недовольно буркнул он.

— А, здравствуйте, мистер Хоук! — дружелюбно ответили ему.

Дж. Б. Хоук узнал молодого человека, которого без преувеличения можно было назвать основателем его благосостояния. Именно этому молодому человеку он был обязан удовольствием

сидеть в кабинете Т. Патерсона Фрисби и учить последнего уму-разуму. Это приятное воспоминание умерило боль в большом пальце ноги, на который Берри наступил.

— А, приветствую вас, мистер Конвей! — радушно воскликнул мистер Хоук. — Не желаете ли хорошую сигару?

— Благодарю.

— Как делишки, мистер Конвей?

— Прекрасно. А у вас?

— Отлично.

— Значит, мы оба в порядке. Замечательно! — заключил Берри.

— Нет ли у вас еще рудников на продажу? — осведомился мистер Хоук.

— Нет. У меня был один-единственный. Могу предложить вам пять тысяч акций «Федерального Красителя», если пожелаете.

— Нет, не требуется.

— Нет так нет. Надеюсь, вы довольны покупкой.

Мистер Хоук нахмурился.

— Вы меня здорово нагрели, — сказал он. — Двадцать пять тысяч долларов за клочок пустыни, заросшей кактусами. Ничего не скажешь, ловкий вы делец.

Берри, пребывавшему в настроении полного благодушия и не желавшему замечать вокруг себя ничего, кроме улыбок, расточаемых ему, показалось, что надо произнести слова утешения. Ему тоже казалось, что мистер Хоук пошел на поводу собственного благородства и потерпел убытки.

— Ну что вы! — искренне запротестовал он. — Никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Не удивлюсь, если в один прекрасный день «Мечта Сбывается» станет приносить вам миллионный доход!

Лицо мистера Хоука снова оживилось. И тут же омрачилось опять. До него вдруг дошло, что Берри стоит слишком близко к двери кабинета.

Что, если его слова услышал кое-кто еще?

Мистер Хоук мысленно пробежал содержание разговора. К своему ужасу, он обнаружил, что в нем содержалась откровеннейшая информация. «Надеюсь, вы довольны покупкой», — сказал этот парень. А потом затрещал насчет будущих миллионов.

Он сверлил собеседника глазами, словно стараясь заставить его говорить тише.

— Почему вы так думаете? — прошелестел он.

— Просто так подумалось, — ответил Берри с

приятной улыбкой.

Собственно, эта улыбка могла бы показаться приятной кому угодно, но не Дж. Б. Хоуку. Ему виделось в ней тайное злорадство.

— Кажется, мне звонят.

— Разве? — медленно переспросил мистер Хоук. — Я ничего не слышал.

— Ложная тревога, — успокоился Берри. — Пойду в свою конуру.

Мистер Хоук проводил его взглядом. Потом сорвался с места, распахнул дверь в кабинет, подбежал к столу и приник губами к уху мистера Фрисби.

— Ш-ш-ш, — прошипел он.

Мистер Фрисби отшатнулся и вытер ухо.

— Ты еще здесь? — спросил он. — Может, тебе тут кровать поставить? Во сколько утром разбудить?

Какой сарказм. Какая горечь. Но иногда сарказм и горечь оправданны и извинительны.

— Слушайте, — обратился к нему мистер Хоук, — я только что встретил вашего секретаря. Он стоял за дверью.

— Ну и что?

— А то, что он, наверное, подслушал наш разговор. Я, к примеру, достаточно громко говорил.

— Как всегда. Это одна из причин, по которой я тебя терпеть не могу.

— Кроме того, он обронил что-то насчет миллионов, которые может приносить рудник «Мечта Сбывается».

— Правда?

— Истинно так. Слушайте. Если информация о нашем маленьком соглашении просочится прежде, чем мы успеем сделать реальные шаги, мы погибли. Этот парень начнет скупать акции раньше времени. По бросовой цене. Он может скупить тысячи акций и затаиться в ожидании, пока они не пойдут вверх. А когда мы вступим в дело, они станут уже недосягаемыми, и мы все потеряем прямо на старте. Таких случаев масса. Помню, несколько лет назад, когда я работал у Мостина и Кона в Детройте, тоже произошла утечка информации.

— Как не произойти, ежели ты там работал, — язвительно заметил мистер Фрисби.

— Я тут ни при чем, — обиделся мистер Хоук. — Я знать ничего не знал. Но кто-то кому-то что-то шепнул, а Мостин и Кон оказались за бортом. В первый день акции взлетели на шестьдесят пунктов, а Мостин и Кон смотрели на это безобразие и ничего не могли поделать и обвиняли друг

друга. Они прогорели вчистую. И нам грозит то же самое, если мы не примем меры заранее. Надо выгнать этого парня, Пат.

— Не смей называть меня Патом, — сказал мистер Фрисби. — Какой смысл выгонять его?

— Ну надо что-то делать.

— А он объяснил, почему стоял за дверью?

— Сплел историю про то, будто вы позвонили.

— Гм, — хмыкнул мистер Фрисби. — Ну ладно, прощай.

— Может, мне подождать?

— Не вижу никакого смысла. Ступай прочь и не возвращайся, покуда не позовут.

— Все-таки у меня душа не на месте.

— Твоя душа и не может быть на месте.

Некоторое время Т. Патерсон Фрисби сидел, медленно раскачиваясь в кресле. Он думал не о Берри. Паника партнера не родила в нем никакого беспокойства. Его волновала только мысль о том, что в мире, где, как говорили, всегда есть место подвигу, не нашлось человека, который взял бы на себя труд линчевать Дж. Б. Хоука. Это, надо сказать, вопиющая небрежность.

Почти двадцать минут провел он в раздумьях о мистере Хоуке. В конце этого периода времени, когда мысль откристаллизовалась и воплоти-

лась, как было в обычае мистера Фрисби, в слова, он взял манжету и начертал:

«ДЖ. Б. ХОУК – …»

В минуты сильных страстей почерк может изменить человеку. Так вышло и на этот раз. Так что мы никогда не узнаем, что собирался написать мистер Фрисби.

Глава IX

1

Полный провал миссии брата Джорджа в Вэлли Филдс убедил леди Веру Мейс в истинности старинной поговорки, гласящей, что, если хочешь сделать хорошо, делай сам. Хоть и неохотно, поскольку и без того у нее забот хватало, несколько дней спустя леди Вера села на поезд в 6:34 и у врат «Мирной заводи» встретила племянника, лорда Бискертона, который как раз из них выходил. Еще мгновение, и они бы разминулись.

Если бы так случилось, Бискертону повезло бы. Внезапное появление совершенно нежеланной тетушки подействовало на него как призрак Банко в известный момент подействовал на Макбета.

— Боже милостивый! — воскликнул он. — Какими судьбами тебя сюда занесло?

— У меня к тебе разговор, Годфри.

— Это невозможно, — запротестовал Бисквит. — Я не готов к откровениям.

Его чувства можно было понять. Он направлялся в Кастл-вуд за мисс Вэлентайн, чтобы

повести ее в «Бижу Палас» на углу Роксбур-роуд и Миртл-авеню — место встречи сливок общества Вэлли Филдс. Поскольку он знал, что делает это исключительно из жалости к одинокой крошке, чужой в чужом для нее мире и лишенной всяких удовольствий, то менее всего ему хотелось, чтобы ему помешали в этом любопытные глаза близкой родственницы.

— Я занят, — сказал он. — Масса дел. Куча встреч. Я в кино иду.

— То, что я собираюсь тебе сказать, гораздо важнее любого кино.

— Но не этого. Будет фильм об испанском луке. Чрезвычайно познавательный, с прелестной музыкальной темой.

— Я задержу тебя всего на несколько минут. У меня в 7:10 обратный поезд. Я вечером обедаю с леди Корсторфайн у Марио.

— А! — с облегчением выдохнул Бисквит, — Тогда другое дело. Я провожу тебя на станцию.

Он поспешил увести ее за угол, на асфальтовую дорожку, которая вела подальше от его дома. Только когда Малберри-гроув скрылся из виду, Бисквит перевел дух.

— Как тебе удалось пронюхать, где я поселился? — спросил он. — Где у нас утечка информа-

ции?

— Отец был у тебя и выведал у Веннера.

— Все ясно. Как он поживает, кстати? В добром здравии? По-прежнему подворовывает молоко у кошки и стреляет бычки на улице?

— Его здоровье и финансы в обычном состоянии.

— Бедняга! — сочувственно произнес Бисквит. — Странно, до чего же всем в нашей семье не везет на деньги.

— Он говорит, что надеется сдать Эджелинг мистеру Фрисби. Хорошо бы. Но я здесь не за тем, чтобы обсуждать твоего папашу. Я хочу поговорить об Энн.

— Да ну? О старушке Энн? Как она?

— Очень хорошо.

— Заражает тебя своей искрящейся молодостью? Вечеринки, рауты, обеды?

— Когда я уезжала, она отвечала на поздравительные письма. Так мне показалось.

— Показалось? У вас что — секреты друг от друга?

— Очень может быть, — ответила леди Вера, — что она писала друзьям, что поздравления не нужны, ибо она расторгает помолвку.

У Бисквита отвалилась челюсть.

— Чего-чего?

— Где ты набрался таких вульгарных оборотов?

— А? Ой, — спохватился Бисквит, — это у соседа. Он… гм… из Америки. Из очень уважаемой семьи. Это выражение означает удивление и недоверие. Так с чего вдруг Энн заявлять, что она расторгает помолвку?

— С того, что она действительно намеревается ее расторгнуть.

Бисквит во все глаза смотрел на тетку.

— Что за чушь! Она хочет дать мне отставку?

— Да.

— То есть пинка под зад?

— Да.

— С какой стати?

Леди Вера принялась излагать текст, который вчерне подготовила по пути.

— Твой отец и я серьезно обеспокоены, Годфри. Мы оба считаем, что ты делаешь огромную ошибку, скрываясь в этой глуши.

— Но мне пришлось. Разве папаша не объяснил тебе? Меня загнали в угол. Целая стая голодных волков гналась по моему следу. Я, как заяц, бросился в холодный поток, чтобы укрыться от погони. Мне носа нельзя было высунуть из дома,

без того чтобы не услышать улюлюканье и крики «ату его!».

— Все это мне известно, — нетерпеливо прервала его леди Вера. — Разумеется, твое появление в окружном суде было бы роковым для семьи. Но зачем понадобилось врать Энн, будто ты заболел свинкой?

— Приятель посоветовал. Видишь ли, надо было как-то объяснить внезапное исчезновение с горизонта такой популярной фигуры, как молодой лорд Бискертон. Не мог же я пропасть, словно в воду канул.

Леди Вера не фыркнула в ответ, потому что была женщина воспитанная. Но некий звук, похожий на фырканье, она издала.

— Идиотская увертка. Настолько глупая, что я могла отнести ее только на счет твоей изобретательности.

— Зачем же так грубо, — уязвленно ответил Бисквит. — Мне показалось, что это как раз очень ловко придумано. Свинка — болезнь заразная, так что Энн не затеяла бы меня навестить, чтобы поправлять подушки и обнаружить, к своему удивлению, нетронутую постель. Если уж это не замечательная идея, тетя Вера, то, должен признаться, я просто не знаю, чем тебе можно

угодить.

— Но ведь свинка! Сказать такое Энн — девушке утонченной и романтичной!

— Какая тут связь?

— Побойся Бога, Годфри!

— Замечательное название для мюзикла! — с энтузиазмом подхватил Бисквит. — Так и видишь афишу где-нибудь… Но я тебя перебил, — спохватился он, заметив на лице собеседницы признаки недовольства.

— Я собиралась сказать тебе следующее. Я считаю — и твой отец разделяет мое мнение, — что Энн приняла твое предложение не подумав. Поэтому все может измениться под влиянием самой пустяковой причины. А ты сознательно поставил себя в такое положение, что при мысли о тебе она сразу вообразит раздутую, как арбуз, мордуленцию.

— То есть ты полагаешь, — недоверчиво переспросил Бисквит, — что такая милая девушка, как Энн, может поддаться…

— Свинка — это просто нечто немыслимое!

— Что ж, — с горечью сказал Бисквит, — если таково женское сердце, остается только констатировать: вот вам и прекрасный пол! Именно так: вот вам и прекрасный пол!

— И вдобавок ко всему, у меня есть основания подозревать, что Энн встретила мужчину, который произвел на нее сильное впечатление.

Бисквит во второй раз открыл рот. Это была сногсшибательная новость.

— Не может быть!

— Может. Она очень странно себя ведет.

— И что же мне делать?

— Ты должен вернуться.

— Я не могу.

— Можешь. Ты должен вернуться в город и сказать Энн, что никакой свинки у тебя нет. А в оправдание своего отсутствия можешь сказать, что срочно уехал в Париж. Мы все обсудили с твоим отцом, и он согласился, что неплохо будет и в самом деле съездить в Париж. Я оплачу расходы. Вероятно, я осилю и расходы Энн. Поезжайте на недельку-другую, Энн там понравится.

— Вот уж нет! — горячо запротестовал Бисквит. — Я терпеть не могу Париж. Ненавижу этот город. Там полным-полно народу и все болтают по-французски, от которого меня тошнит. Ужасно манерный язык.

— Лучше говорить по-французски, чем по-дурацки.

— И вообще, мне хочется остаться здесь.

Леди Вера испытующе посмотрела на племянника.

— Почему? Что за странное влечение к этому необыкновенному месту?

— Мне здесь нравится, — упрямо сказал Бисквит. — Здесь есть какое-то тихое очарование. Мне нравится гулять вечерами в саду, попивать винцо вдали от жеманных девиц и юных ловеласов.

— Ты затеял флирт с какой-нибудь девушкой из здешних, Годфри? — напрямик спросила леди Вера.

Окажись в тот момент в Вэлли Филдс сотня племянников, которых столь же пристрастно допрашивали бы родные тетушки, ни один из них не выказал бы такого удивления, как Бисквит.

— Я? — вскричал он. — Я!

— Не знаю, так это или нет, но скажу тебе вот что. Если не хочешь потерять Энн, немедленно оставь Вэлли Филдс и вернись в цивилизацию.

К перрону подошел поезд. Лорд Бискертон помог тете подняться в вагон первого класса.

— Придумал! — радостно известил он ее на прощанье. — Вот соломоново решение. Передай Энн, что никакой свинки у меня нет, но я состою на секретной службе и отправлен на задание, суть которого не имею права разглашать. Это вернет

румянец на ее щечки. Она будет думать о своем Годфри с восторгом и уважением.

Ровно в 7.10 поезд отошел от перрона. В нем ехала леди Вера, унося с собой самое неблагоприятное мнение о племяннике. Мнение леди Веры об интеллектуальном уровне лорда Бискертона, и без того низкое, упало до рекордной отметки. Она раздумывала над тем, за какие грехи Провидение покарало ее таким родством, и не могла вспомнить ничего, равного по масштабу этой каре. Она глубоко вздохнула и вернулась к единственному утешению, доступному женщинам в минуты скорби, — открыла сумочку, достала пудреницу и принялась пудрить нос.

А Бисквит бегом помчался назад в «Замок».

2

Пока шел вышеизложенный разговор, в квартире леди Веры на Дэвис-стрит, Мейфэйр, Энн сделала паузу в писании, чтобы в очередной раз побеседовать по душам со своей Совестью. С памятного вечера бала Бэсингеров в отеле «Мазарин» эта Совесть сделалась совсем несносной.

— Устала? — спросила та с притворным участием.

— Нет.

— А почему тогда не пишешь?

— Не знаю.

— Может, хочешь подумать? Поразмышлять? Уж не о событиях ли в «Мазарине»?

— А что такое?

— То был очень неблаговидный поступок с твоей стороны, — сурово ответила Совесть. — Он бросает на тебя тень. Не понимаю, почему ты не прилагаешь усилий, чтобы забыть его. Ты, надеюсь, отдаешь себе отчет в том, что, запоздай Тодди Моллинг всего на минуту, этот человек тебя поцеловал бы?

— Думаешь?

— Ты и сама это знаешь. И тебе бы это понравилось. Вот что меня больше всего огорчает. Даже удручает. Именно это…

— Ну ладно, — оборвала ее Энн.

Но Совесть не так-то легко заглушить.

— Такая порядочная девушка — и нате вам! Всегда гордилась собственным благоразумием. Никогда не понимала сверстниц, которые легко попадались в ловушку вроде этой. И что же? Вешаться на шею мужчине! Тьфу!

Энн передернулась.

— Да, вешаться на шею! Когда ты помолвлена с таким приятным молодым человеком, наслед-

ником одного из высокороднейших английских аристократов! Мало того, этот молодой человек в эту самую минуту прикован к постели, и ты — его единственное утешение. «Вот уже и агония, — говорит он, корчась от боли, — и последнее, что у меня остается, — любовь Энн. Энн мне верна. Энн не бегает по вечеринкам с первым встречным-поперечным». Вот что он говорит, этот молодой человек.

— Но у него же свинка.

— И что с того?

— Это так глупо.

— Сердцу не важны размеры лица.

— Наверно, — с сомнением протянула Энн. Повисла пауза.

— А тот, другой, — продолжала Совесть. — Что ты о нем знаешь? Если говорить без обиняков, уверена ли ты, что он тебя достоин?

— С таким лицом, как у него, — конечно.

— Статистика показывает, что пятьдесят процентов убийц и прочих преступников очень симпатично выглядят. Нельзя судить по внешности.

— Он единственный по-настоящему романтичный из всех моих знакомых.

— Романтичный! Вот в чем твоя беда, — ули-

чила ее Совесть, попав в самую точку. — Знаешь, кто ты? Глупая, сентиментальная школьница. Да, именно так. Романтика! Что за чушь! Тебе мало романтики в том, чтобы стать будущей графиней Ходдесдон? Мне стыдно за тебя.

— Мне надо письма писать, — сказала Энн.

Она вернулась к своему занятию. Сколько идиотов поспешили пожелать ей счастья, хотя им следовало бы знать, что ей совсем не по душе брак с лордом Бискертоном… Она строго одернула себя. Вот за такие мысли Совесть безжалостно грызет ее в последние дни.

«Дорогая леди Корсторфайн, — прилежно вывела она. — Как мило с вашей стороны…»

— Тьфу! — вырвалось у нее.

Она отложила ручку. Сил нет писать.

— ? — безмолвно вопросила Совесть.

— Ладно уж, — послушно ответила Энн.

Она добила письмо к леди Корсторфайн. Две страницы девической чепухи, от которой у нее зубы заломило. Потом взяла следующее из стопки писем.

«Лесной замок», Малберри-гроув, Вэлли Филдс

Дорогая Энн. Боюсь, что ты уже забыла

меня...»

Энн взглянула на подпись.

«К. Вэлентайн».

Чувство, похожее на острую ностальгию, охватило Энн Мун. Кичи Вэлентайн! Девушка, с которой они так весело провели время на пароходе, когда плыли из Америки. С тех пор прошел целый век. Она почувствовала себя виноватой. Она заводила дружбу с легкостью котенка, а Кичи искренне полюбила. Расставаясь на вокзале Ватерлоо, обе обещали другу часто встречаться... И вот уже столько недель она в Англии, а ни разу даже не вспомнила о Кичи.

Ох уж эти пароходные знакомства!

Чтение письма только усилило чувство вины. Бедняжка Кичи! Она, видно, помирает со скуки. Этот ее дядюшка, должно быть, был душой общества у вустерских гвардейцев, но для юной девушки он негодная компания. Правда, в письме упоминалось про какого-то соседа, некоего мистера Смита, по-видимому, очень приятного, но о нем было сказано вскользь, зато очень много об отсутствующем Мервине Флоке. От Мервина, судя по всему, уже с месяц не было весточки, и

это огорчало Кичи Вэлентайн гораздо больше, чем привычка дяди Эвералда спать после обеда, храпя, как полковая труба.

Энн опять отложила ручку. Ее жгло желание помочь ближнему. Письмо, полученное как раз в первый свободный вечер, выдавшийся у нее за последние дни, придало ей решимости. Хозяйки, по счастливому стечению обстоятельств, тоже не было дома. Следовательно, можно и нужно немедленно отправиться прямо в этот «Замок», забрать Кичи и поехать куда-нибудь вместе поужинать. А потом они придут сюда и всласть поболтают.

Ее двухместный автомобиль стоял за углом. Спустя десять минут, выяснив, что дорога в Вэлли Филдс лежит через Слоан-сквер, Клэпхем, Брикстон и Херн Хилл, она отправилась в путь. Спустя полчаса она подъехала к Кастлвуду. Спустя тридцать две минуты ей сообщили, что мисс Вэлентайн нет дома.

— Она ушла в кино с мистером Смитом из «Заводи», — доложила Глэдис.

— Хорошо, скажите, что я наведывалась.

Энн почувствовала себя слегка уязвленной. Разумеется, нельзя отказывать Кичи в невинных удовольствиях, которые она могла урвать от

жизни, но экспедиция по спасению потерпела неудачу. Благородный порыв скрасить монотонность жизни в Кастлвуде пропал втуне; несмотря на жалостные истории о несчастной доле, у Кичи, оказывается, всегда под рукой какой-нибудь Смит, который помогает справиться с тяготами жизни.

Взгляд ее привлекло сверкание воды по ту сторону дороги. Она подошла к берегу и стала смотреть на лебедей. Нельзя сказать, что они показались во всей красе. На Малберри-гроув опускались сумерки, и Эгберт с Перси собирались спать. Оба плыли по воде, спрятав головки под левое крыло, и если есть зрелище более утомительное, чем лебедь с головкой, спрятанной под крыло, так это два лебедя в этой самой позиции. Энн отвернулась, и в тот же момент обнаружила, что ее тет-а-тет с природой нарушен. О калитку дома под названием «Уголок» опирался молодой человек. К улыбающимся небесам подымался табачный дым.

Энн направилась к машине. В провинциальном уюте Малберри-гроув было нечто интимное, привносившее в пребывание мужчины и женщины с глазу на глаз некую неловкость. У Энн было чувство, будто ее закрыли в одном купе наедине с

этим молодым человеком и тот вот-вот ввяжется в разговор, спросив для начала, не мешает ли ей дым его трубки.

Но когда он-таки начал разговор, то не затем, чтобы спросить разрешения курить. Когда она проходила мимо него, у него вырвался громкий возглас. В ту же секунду калитка распахнулась, и молодой человек вырос рядом с Энн.

Она остановилась. Обернулась. И уже приготовилась сказать что-нибудь строгое, сопровождая реплику выражением недоступности на лице.

Вместо этого она беззвучно открыла рот и безмолвно уставилась на молодого человека. Выражение недоступности сменилось откровенным удивлением.

— Ах, — выдохнула Энн.

Лебедь Эгберт, пробужденный ото сна, издал недовольный крик и снова задремал.

3

Берри Конвей вышел из дома покурить в благодушном dolce far niente — сладости ничегонеделания. Его притянула не только красота летних сумерек. Его выгнали причитания Обломка Прошлого, которые грозили длиться вечно.

Возвратившись из города, он сразу почувство-

вал, что его няня уже не та спокойная почтенная дама, что прежде. Теперь она вся была во власти какого-то мощного, до поры дремавшего в ней чувства. Говорила она теперь низким хрипловатым голосом. Иногда презрительно фыркала. И, поднимаясь по лестнице, Берри спиной чувствовал ее взгляд безъязыкого животного, пытающегося что-то сказать.

Это было в половине седьмого. Спускаясь по лестнице без четверти семь, он застал ее в холле. Ясно было, что сейчас должно что-то произойти. Обломок Прошлого пребывала в состоянии, которое заядлый разгадчик кроссвордов описал бы как беспокойство, волнение, возбуждение, тремор, горячка, кипеж (сленг), мандраж (разг.) и буйство.

Без десяти семь все прояснилось. Сержант Финбоу, до сего дня известный как констебль Финбоу, отметил повышение по службе предложением руки и сердца Обломку Прошлого.

В четверть восьмого она все еще уверяла мастера Берри, что не может и помыслить о том, чтобы оставить его без своей опеки. В семь двадцать, приложив все силы, Берри почти преуспел, доказывая, что сумеет выжить и без ее заботы. В половине восьмого причитания возобновились с

новой силой. В семь тридцать пять, с трудом выйдя из клинча, Берри зажег трубку и ретировался, чтобы, облокотясь о калитку, предаться мыслям о нечаянной радости.

Как только судьба Обломка Прошлого устроится, можно будет выбросить ее из головы и зажить спокойно. Она всегда горой лежала на его плечах. Теперь перед ним открывалось великолепное, безмятежное будущее. Теперь прощай, «Уголок». Прощай, Фрисби. Он начнет новую жизнь. Мир, как устрица, лежит перед ним на тарелочке, и он полон решимости вскрыть раковину вилкой.

Итак, он стоял у забора, строя грандиозные планы. Теперь, готовясь покинуть Малберри-гроув, он проникся тихой прелестью этого местечка. Через дорогу стояла у пруда девушка и смотрела на лебедей. При виде ее мысли Берри незаметно повернули в свое излюбленное русло, и на некоторое время Малберри-гроув и весь мир вместе с ним заволокло туманом.

Вдруг туман рассеялся, и Берри увидел, что девушка идет прямо к нему.

4

Энн заговорила первой, хотя еще и не справилась с дыханием. Она только что пополнила

ряды уверовавших в Предопределение, и, как все новообращенные, была переполнена этим чувством. Конечно, сама Судьба устраивает так, что, где бы она ни появилась, этот молодой человек мгновенно материализуется из воздуха, оказываясь рядом с ней. Так что Совести не в чем ее упрекнуть — это Судьба виновата.

Энн заговорила с детским изумлением:

— От вас никуда не скроешься.

Берри молча смотрел на нее. Мысль о Предопределении его головы еще не достигла. По его теории, насколько он был способен теоретизировать, эта необыкновенная случайность не обошлась без силы его воли. Напряженные думы об этой девушке перенесли ее откуда-то из центра Лондона в Малберри-гроув, Вэлли Филдс. Что, учитывая дистанцию в семь миль, было неплохим достижением.

— Это в самом деле вы? — выговорил он.

Энн подтвердила.

— Вот так случайность, — сказал Берри, — просто глазам своим не верю. Что?..

— Что? — одновременно спросила Энн.

— Извините.

— Вы что-то хотели сказать.

— Я хотел спросить, что вы здесь делаете.

— И я, я тоже хотела об этом вас спросить. Я приезжала навестить подругу. — Энн умолкла, пытаясь сосредоточиться. — Вы здесь живете?

Конечно, всякий знает, что и секретные агенты должны где-то жить, но их образ жизни плохо увязывается с тихими провинциальными заводями.

Берри дорого бы дал, чтобы отрицательно ответить на заданный вопрос. Он сгорал со стыда за Малберри-гроув. Занюханный, скучный, невыразительный угол. Для человека, за которого он себя выдал, самым подходящим местом была опиумная курильня «Черный Джек» в Дептфорде.

— Да, — выдавил он.

— Почему?

Берри ответил честно.

— Нам на секретной службе мало платят.

— Как жаль! — посочувствовала Энн. — За такую опасную работу!

— Это точно.

Оба замолчали.

— Что? — спросила Энн.

— Что? — спросил и Берри.

— Извините, — сказал Берри.

— Говорите, пожалуйста, — сказала и Энн.

— Нет, вы говорите, — сказал Берри.

— Что с вами произошло в тот вечер на балу?

— Меня выгнал усатый. Он, кажется, шишка какая-то.

— Это был ваш хозяин?

— Вот уж не мой.

У Энн округлились глаза.

— То есть вас туда не приглашали?

— Только чтобы выгнать.

— А как же…

— Я пришел, чтобы увидеть вас.

— О! — выдохнула Энн.

— Я стоял в холле и увидел, как вы входите в кабину подъемника.

— Лифта?

— Лифта, — повторил Берри, не возражая против поправки. — Мне сказали, что наверху танцуют, ну я и пошел вслед за вами.

Энн овладела непонятная робость. Ее даже пробрала дрожь. От предвосхищения чего-то важного, что должно было сейчас произойти, у нее закружилась голова.

Превозмогая себя, она постаралась поддержать беседу на легкой ноте.

— Столько народу собралось на этот бал, — беспечно сказала она.

— Я, кроме вас, никого не видел, — сказал Берри.

Легкая нота не прошла. И Энн начала понимать, что для поддержания разговора в рамках границ, одобряемых бескомпромиссной новоанглийской Совестью, ей следует быть более сдержанной. Она вспомнила, как не так давно, беседуя с дядей Патерсоном по трансатлантическому кабелю, она выразила желание познакомиться с таким мужчиной, который, только встретит девушку, заглянет ей в глаза, вскричит «Друг мой!» и, не мешкая, заключит в объятия.

— А я-то думала, куда вы подевались, — проговорила Энн.

— То есть вы по мне скучали? — жадно спросил Берри. — Значит, вы по мне скучали?

Совесть, которая все утро стояла на страже, готовая в любой момент вступить в бой, вышла на авансцену.

«Мне бы не хотелось тебе докучать, — ворчливо сказала Совесть, — но я бы изменила своему долгу, если бы не предупредила, что ты стоишь перед опасной чертой. Все зависит от того, какой ответ ты дашь на этот прямой вопрос. Не знаю, насколько хорошо ты разглядела этого молодца, но должна поставить тебя в известность, что я усмотрела в его глазах огонь, который мне совсем не понравился. Малейшее поощрение в

данном пункте может оказаться роковым. Я бы рекомендовала ответ типа “О, что вы!”, или “С чего вы взяли?”, или даже просто молчаливо-вопросительное поднимание брови. Единственное, против чего я обязана тебя предостеречь, — это тихое “да” с одновременным потуплением глаз».

— Да, — ответила Энн, потупя глаза. — Конечно, скучала — Она подняла глаза и взглянула прямо в глаза молодого человека. Падение совершилось. — Вы тогда собирались мне что-то сказать, и мне было ужасно интересно, что именно.

Берри стиснул кулаки. Откашлялся. Потом издал нечленораздельный звук, похожий на лай. Проснулся лебедь Перси и прошипел что-то в ответ.

— Да вот разве только то, — сказал Берри, заикаясь на каждом слоге, — что я полюбил вас с первого взгляда.

— Я так и знала, — сказала Энн.

Он не отрываясь смотрел ей в глаза. Потом обнял ее. Он не вскричал «Друг мой!», но Энн почувствовала, что этот возглас молчаливо имелся в виду. Она доверчиво прильнула к нему. Что сталось с Совестью, она не знала. Наверное, умерла или упала в обморок. Ситуация, которая должна была вызвать стыд, доставила ей неземную

радость. В тот момент, когда перед ней должно было встать полное укоризны, раздувшееся и запеленутое в компрессы лицо лорда Бискертона, она видела только Берри.

Она отпрянула и тихонько вздохнула.

— Я знала, что этим кончится, — сказала она. — Поэтому я тогда и сбежала.

Берри опять заключил ее в объятья. Лебедь Эгберт повернулся к лебедю Перси и что-то негромко сообщил. Перси кивнул, и обе птицы заверещали. Лебеди, как и младшие редакторы, страдают отсутствием темперамента и не способны понять грезы любви.

— Нам не следовало бы этого делать, — задумчиво сказала Энн. — Это нехорошо.

— Хорошо.

— Но я обручена, — сказала Энн. Даже для нее самой эти слова прозвучали глупо. Ерундовая отговорка.

— Я люблю тебя, — сказал Берри.

— Я люблю тебя, — сказала Энн.

— Я полюбил тебя с того самого момента, как увидел в «Беркли».

— Кажется, я тоже.

— Когда-нибудь я обращусь к администрации «Беркли» с просьбой установить памятную таб-

личку. Когда в тот день я вышел из бара и увидел, что тебя нет, я чуть не умер.

— А теперь ты меня нашел, и от этого не легче, — сказала Энн, и счастливая улыбка озарила ее лицо. — Представляю, какой разгорится скандал!

— Скандал? — переспросил Берри. В этом волшебном состоянии ему трудно было вообразить, что могут найтись люди, которые не разделят его надежд и чаяний с таким же энтузиазмом. — Ты имеешь в виду, — недоверчиво переспросил он, — что кто-то будет против?

— Именно это.

— Кто?

— Хотя бы мой жених.

— О!.. — Берри выразительным жестом смел с пути незримого противника.

— Потом мой отец. И мать. И дядя. И…

Берри презрительно рассмеялся. Так смеялся рыцарь в морду дракону.

— Ну и пусть, — сказал он.

Энн довольно расхохоталась. Из тучи вновь блеснул луч счастья.

— Я знала, что ты так и скажешь. Поэтому я тебя и люблю. Как было бы ужасно, если бы ты был, ну, обыкновенный.

Берри насторожился. На безоблачном небе обозначилось грозовое облачко.

— Обыкновенный?

— Ну, как все мои знакомые. Которые работают в конторах и…

— Работают в конторах, — повторил Берри. Слова его прозвучали отстраненно, а грозовое облачко переместилось с горизонта ближе к его голове.

Но и Энн тоже приблизилась, и это заставило его забыть про громы небесные. Она взяла его за лацканы.

— У меня идея, — объявила она.

— Какая?

— Давай скажем, как нас зовут. Представь, как было бы славно называть друг друга.

— Моя фамилия Конвей.

— Ну не называть же мне тебя мистером Конвеем!

— Бересфорд Конвей. Приятели зовут меня Берри.

— А меня приятели зовут Энн. Фамилия — Мун.

— Энн Мун?

— Энн Мун.

Берри наморщил лоб.

— Звучит знакомо.

— Правда?

— Мне кажется, я где-то слышал твое имя.

— Вот как? Где же?

— Забыл. Может, я где-то его вычитал…

— Может быть.

— Энн Мун. Мун. Мун. Точно слышал, но никак не вспомню…

— Может быть, это какая-нибудь другая Мун. Очень распространенная фамилия. У меня знакомых полно с такой фамилией — Джун, Силвери, Мэй-Калифорния — десятки и десятки.

Берри подумал, что в бесплодной дискуссии об именах утекают золотые минуты.

— Да какое это имеет значение, в конце концов. Ты — это ты.

— А ты — это ты.

— И вот мы оба вместе.

— Только давай куда-нибудь отсюда уедем. Мне эти лебеди что-то не нравятся.

— И мне тоже, — бросая косой взгляд на пруд, сказал Берри.

— Они над нами смеются.

— Точно, смеются.

— А мы их надуем. Сядем в машину и поедем в Лондон, пообедаем вместе — у Марио, например,

очень уютный ресторанчик. На галерею можно пройти без вечернего платья. Поговорим без этих противных птиц.

— Великолепно!

— Они окажутся в дураках.

— В таких дураках, в каких ни одна лебединая парочка не оказывалась спокон веку.

Эгберт посмотрел на Перси. Перси посмотрел на Эгберта.

— Вот и хорошо, — сказал Эгберт.

— Ох уж эти мне парочки! — сказал Перси. — Еще минута, и меня бы просто стошнило.

5

Малберри-гроув мирно спал под ночным небом. Взад-вперед по проулку расхаживал Годфри, лорд Бискертон, и курил сигарету. Он пребывал в разнеженном настроении. Время от времени поглядывал вверх на звезды и думал о них хорошо.

За углом послышались быстрые шаги. Годфри устремился навстречу идущему.

— Берри?

— Привет.

— Присоединяйся, погуляем, — сказал Бисквит. — Мне надо тебе кое-что сказать.

Берри предпочел бы уклониться от беседы. Ему

было страшно неловко. С тех пор как он покинул Малберри-гроув в автомобиле Энн, для него многое прояснилось. Теперь он знал, почему имя Энн Мун звучит так знакомо для его уха.

Мало что может поставить человека в более затруднительное положение, чем необходимость сообщить старому другу, что вы только что обручились с его невестой. Эта задача требует максимальной трезвости ума и спокойного обдумывания каждого слова, поэтому Берри хотелось бы уснуть с этими мыслями, чтобы погрузиться в них на свежую голову. Но Бисквит, не полагаясь на свою способность увлечь приятеля перспективой разговора, крепко схватил его за локоть.

— Да, старина, — сказал он. — Мне нужен твой совет. Где ты пропадал столько времени?

— Обедал. В ресторанчике у Марио.

— Как же, знаю, — сказал Бисквит, — Мы с Энн там были.

Берри чувствовал, что ему надо зацепиться за этот крючочек, и уже открыл было рот, но слова не шли с языка.

— От Марио, — сказал Бисквит, — никто не уходит, не отведав минестроне. Ты пробовал минестроне?

— Не помню.

— Не помнишь?

— Мы, кажется, ели какой-то суп, — в отчаянии вымолвил Берри. — Я был так…

— Мы?.. — переспросил Бисквит.

— Я был с девушкой, — ответил Берри. Ему казалось чудовищным называть Энн этим безличным словом, но в конце концов, оно было точным.

— С той девушкой? — с внезапным интересом спросил Берри.

— Да.

— Значит, ты опять ее встретил?

— Да.

— И как?

Берри набрал в легкие воздуха. Если уж говорить всю правду, то сейчас.

— Мы обручились, — выпалил он.

— Прекрасно! — одобрил Бисквит. — Итак, вы обручились.

— Да.

— С той самой единственной девушкой, как я понимаю?

— Что ты имеешь в виду?

— Ты всегда был благоразумным, уравновешенным парнем, который никогда не перейдет роковой черты, — не без зависти заметил Бисквит. — Я вот помолвлен сразу с двумя девушками.

— То есть как?

Бисквит вздохнул.

— Да, с двумя. И очень надеюсь на твой добрый совет. Иначе будущее мне представляется туманным.

— С двумя, — озадаченно повторил Берри.

— С двумя, — подтвердил Бисквит. — Я несколько раз пересчитывал, сумма не меняется. Как ты помнишь, начинал я с одной. Лиха беда начало. Теперь возникли осложнения. Ты, возможно, слышал от меня про некую Кичи Вэлентайн?

— Это наша соседка?

Бисквит нахмурился.

— Не называй ее соседкой. Если угодно, можешь звать ее ангелом, серафимом…

— Бисквит, я хочу тебе сказать…

— Нет, — мягко, но решительно прервал его лорд Бискертон. — Позволь мне тебе кое-что сказать. Так вот, я добавил к списку невест Кичи Вэлентайн. Где-то в конце Роксборо-роуд, если мне не изменяет память, под третьим фонарем от угла Миртл-авеню. Случилось это так.

— Бисквит, послушай…

— Случилось это так, — сказал лорд Бискертон. — До сих пор она была помолвлена с неким носителем непроизносимого имени Мервин

Флок. Как ее угораздило, представить невозможно, но факт есть факт. Он актер, и я надеюсь в один прекрасный день поехать в Америку, где он подвизается, и бросить в него парочку тухлых яиц. Пес паршивый! Он обвел ее вокруг пальца, Берри, — продолжал Бисквит, с трудом одолевая бушующее в груди негодование. — Он схватил это нежное сердечко своими грязными ручищами, выжал из него все соки и вышвырнул, как пустой тюбик из-под зубной пасты. Сегодня вечером она получила от него письмо, в котором сообщалось, что этот сукин сын женился на какой-то актрисульке, но надеется, что они с Кичи останутся друзьями. «Останемся друзьями?» — есть такая песенка. Я пел ее в ванной.

— Бисквит…

— Когда мы отправлялись в кино, я сразу почувствовал, что она не в себе. Куда делась вся ее живость! Все шестьдесят минут художественного фильма она сидела мрачной, и двадцатиминутная мультяшка про Микки Мауса не вызвала у нее и тени улыбки. На обратном пути она рассказала мне все. И поверишь ли, дружище, едва я дошел до середины процедуры утешения, как мы оказались в объятьях друг друга и шептали слова нежности, а еще через пару минут я с удив-

лением обнаружил, что мы обручены. Такой вот поворот судьбы.

— Ты ее любишь? — не нашел ничего лучшего спросить Берри.

— Разумеется, люблю, — без обиняков ответил Бисквит. — Люблю с такой страстью, что опасаюсь за свой разум. Насколько я могу судить, это случай так называемой любви с первого взгляда. Помнится, как только я остановил на ней взгляд, внутренний голос подсказал мне, что я встретил девушку своей мечты. Ошибки быть не может, мы с ней родственные души. Но так или иначе, я оказался женихом двух невест.

— А вот и нет.

— Ну как нет! — воскликнул Бисквит, раздраженный упрямством друга. — Считай сам. Кичи — раз, Энн…

— С Энн помолвлен я.

Бисквит щелкнул языком.

— Нет, не ты, старина, — терпеливо возразил он. — Шуткой делу не поможешь. Ты помолвлен со своей девушкой, как бишь ее…

— Ее зовут Энн Мун.

— Что? — вскричал Бисквит.

— Что слышал.

— Тому, что я слышал, поверить нельзя. Не верю

ушам своим. Ты хочешь сказать, что Энн, будучи обрученной со мной, вероломно и бессердечно обручилась с кем-то еще? Господи! Вот образчик женского непостоянства! Этот пол надо держать в ежовых рукавицах. Я всегда это говорил. Нет, ты в самом деле… с Энн…

— Да.

— Она и была той девушкой, в чью машину ты прыгнул, представившись секретным агентом?

— Да.

— Среднего роста, сероглазая, стройная, с забавной манерой морщить носик, когда она…

— Я знаю, как она выглядит, спасибо, — сказал Берри. — Можешь не описывать.

— Да, ничего подобного в жизни не слыхал, — сказал Бисквит.

В неловком молчании он искал, что сказать.

— Может быть, все к лучшему, — проговорил он наконец.

— Надеюсь, — сказал Берри.

— В сущности, — сказал Бисквит, уже окончательно приходя в себя, — мы получили то, что хотели.

— Совершенно согласен.

— Да, да, да, да, — сказал Бисквит, произнося каждое слово все с большим и большим удовле-

творением. — Теперь я понимаю, что лучше и не придумаешь. Минута слабости позади, и факты предстают в их истинном свете. Мне абсолютно ясно, что я всегда был для Энн пустым местом.

— Ты ей нравишься. Она сама сказала.

Бисквит грустно улыбнулся и еще пять раз повторил «да».

— Мы с ней разные люди. Это было понятно с первой минуты. Она иногда поглядывала на меня, как будто надеясь, что я сгинул без следа, но всякий раз, к сожалению, обнаруживая, что я на месте. Она никогда бы не была счастлива со мной. Она поддалась минутному чувству под воздействием очарования Эджелинга с его закатом и плющом. Забирай ее, друг, и прими мое благословение. Забирай ее. Забирай.

— Ладно, — согласился Берри. — Ладно. Я так и сделаю.

Бисквит испустил крик, словно раненый зверь.

— В самом деле? — со значением спросил он.

— Да.

— Хорошенько ли ты все обдумал? Подозреваю, что тебе только так кажется. Вряд ли ты предусмотрел все. Обмозговал ли ты двусмысленность своего положения?

— Что ты имеешь в виду?

— Что я имею в виду? Ты хитростью завладел ее сердцем. Черт возьми, ты обманул ее, завлек эту птичку…

— Не называй ее птичкой.

— Завлек эту романтическую и наивную девушку, представившись секретным агентом, в маске и с револьвером, героем романа, и она поймалась на крючок. Что она скажет, когда выяснится, что ты всего-навсего чернильная душа, мелкий клерк в нарукавниках, труженик рядовой конторы в Сити?

— Ты прав, — смятенно отозвался Берри.

— То есть?

— То есть я об этом тоже думал.

Он обратил удрученный взгляд на пруд. Вода казалась холодной. Поднялся ветерок, листва зашумела, и если час назад этот шум показался бы ему веселым шепотом, то теперь он воспринимался как глумливый шелест. В ночь внезапно вторглась безнадежность.

— Думаешь, она расстроится, когда узнает?

— Расстроится? — переспросил Бисквит. — Да она съест тебя заживо.

— Не стану возражать, если она придумает казнь покруче, — сказал Берри.

Оба умолкли.

— Я собираюсь завтра уйти от Фрисби, — сказал Берри. — И уеду куда-нибудь — в Америку или еще куда-нибудь. Попытаюсь взяться за что-нибудь дельное.

Бисквит, отзывчивый друг, воспринял новость с энтузиазмом.

— Отличная идея. Поезжай на Запад, дружище, подстрели парочку мексиканцев и пошли ей скальпы, кто знает, может, все обойдется. Главное, чтобы она ни под каким видом не узнала, что ты служил в конторе ее дядюшки.

— А ты не проболтаешься?

— Что за вопрос!

— Противно сознавать, что я ее обманываю.

— Никак нельзя допустить, чтобы она об этом узнала. Тогда всему конец, старина, — с жаром сказал Бисквит. — На данном этапе это практически конец.

— Все равно рано или поздно она узнает.

— Поздно — пускай. И чем позже, тем лучше, тогда любовь пустит глубокие корни в ее сердце. Ты не знаешь женщин, как знаю их я, приятель. Я знаю их с головы до пят. Никогда не выкладывай подноготную девушке, пока не укрепишь позиции. Одно дело, когда девушка подумает, что вот, мол, новый знакомый пытается меня обдурить.

Со временем все меняется. Она уже будет думать: «Ох уж этот Джордж или как его там. Я всегда считала его слегка чокнутым, теперь убедилась в этом окончательно». Минут двадцать она шлет ему проклятия — исключительно ради спасения его души и чтобы показать, кто хозяин положения, а далее неизбежно следует прощение, примирение и объятие в диафрагму.

— Пожалуй, что так, — оживился Берри.

— Абсолютно так. Как только мужчина доказал серьезность своих намерений, ему нечего бояться. Девушка может казаться со стороны наивной до святости, но, если она уверена в серьезности его намерений, он может крутить ею как захочет. Он может клясться. Бросаться в ноги и рвать на себе волосы. Обещать уйти в монастырь. И, поскольку она к нему уже привыкла, то не позволит ему удалиться от мира и уговорит остаться с ней. Но до поры до времени искушать судьбу нельзя. Полная секретность и молчание. Не смей и помышлять о каких-либо признаниях, пока не придет час.

— Я не буду.

Берри перевел дыхание.

— Спасибо, Бисквит, — прочувствованно сказал он. — Хорошо, что я спросил у тебя совета.

— Всегда обращайся за советом ко мне, — великодушно ответил Бисквит. — Всегда приходи ко мне со своими бедами и невзгодами. Мне нравится, когда мои юные друзья знают, что всегда могут опереться на дядю Годфри.

— Мне сильно полегчало.

— И мне не так плохо, — сказал Бисквит. — Признаюсь, нынче вечером был момент, когда мне стало не по себе от мысли, что я единственный жених, попавший в затруднительное положение. Но надо сказать, что Господь Бог на месте и присматривает за созданным им миром. Мне кажется, это дело надо отпраздновать, старина. Поедем завтра на ленч куда-нибудь в Сити! Я могу там появиться, не опасаясь Дайкса, Дайкса и Пинвида. Я заеду за тобой в контору около половины второго.

6

Лорд Ходдесдон провел этот знаменательный вечер за роскошным обедом в своем клубе. Он съел все, что доктор советовал ему избегать, и выпил бутылку вина, которое доктор называл ядом. Бывают случаи, которые следует отмечать с подобающей торжественностью, несмотря на все врачебные предписания. Один такой случай как

раз и озарил жизнь лорда Ходдесдона. Он только что сдал Эджелинг-корт в аренду мистеру Фрисби на полтора месяца, и чек на шестьсот фунтов грел душу его лордства, который почти утратил веру в удачу.

В начале кампании лорд Ходдесдон опасался, что дело не выгорит. Увидев фотографии Эджелинга, Т. Патерсон Фрисби только что-то пробурчал себе под нос. Потом, овладев голосом, пожелал получить информацию, на кой черт сдался ему деревенский дом размером с отель «Карлтон». А когда перед глазами лорда Ходдесдона соблазнительно замаячили приближающиеся скачки, мистер Фрисби презрительно бросил, что если, дескать, его лордство воображает, что перед ним один из тех дураков, кто любит кататься на пони, то он глубоко заблуждается.

Правда, потом он смягчился и велел еще раз показать фотографии. Попросил время, чтобы подумать. И сегодня наконец сдался, оправдывая капитуляцию желанием устроить вечеринку для племянницы Энн. Эджелинг мог как раз вместить всех ее друзей-приятелей, сказал мистер Фрисби.

Лорд Ходдесдон не поверил в то, что мистер Фрисби руководствовался именно этим мотивом. Как человек наблюдательный, он обратил

внимание на растущую симпатию между мистером Фрисби и леди Верой Мейс и вообразил, что именно сестра оказала определенное влияние на финансиста. А если так, думал лорд Ходдесдон, потягивая бенедиктин и покуривая сигару «корона-корона», то она все-таки молодец. Временами мысли о сестре вызывали у него приступы тошноты, но нынче вечером он не находил в ней ни единого изъяна.

Он решил пойти на Дэвис-стрит и выразить ей семейное благоволение. Человек справедливый, он считал, что сестер следует поощрять, когда они того заслуживают. Докурив сигару, он надел пальто и шляпу и отправился в путь.

В доме не было никого, кроме горничной. Лорд Ходдесдон удобно устроился в кресле и предался размышлениям о шестистах фунтах. Но тут же щелкнул замок и в комнату вошла леди Вера.

— Джордж! — воскликнула она, и в голосе ее прозвучало чувство облегчения. — Слава богу, что ты здесь. Я собиралась звонить тебе в клуб, чтобы ты немедленно пришел.

Сестринская нежность тронула лорда Ходдесдона. Ему даже в голову не приходило, что леди Вера сообщит ему нечто неприятное. В мире, где раздают чеки на шестьсот фунтов, неприятности

исключаются.

— Неужто, старушка? — благодушно спросил он. — Ну вот он, я. И у меня есть для тебя новости.

— Это у меня новости, — сказала леди Вера, опускаясь в кресло, как королева в театральной трагедии. — И самые пренеприятнейшие.

— Господи! — огорчился лорд Ходдесдон. У него возникло ощущение, что леди Вера испортит ему остаток вечера.

Леди Вера вскочила с места и встала, тяжело дыша, возле брата. Лорд Ходдесдон вжался в кресло. Временами сестра напоминала ему фазана с растопыренными крыльями. Лорд Ходдесдон ничего не имел против фазанов с растопыренными крыльями, но в свое время и на своем месте, и ему совсем не нравились любительские подражания этим благородным птицам в небольшой гостиной.

— Что такое? — раздраженно вопросил он. Леди Вера приступила к изложению.

— Джордж, я только что обедала с леди Корсторфайн.

— И что?

— У Марио.

— Да?

— И что бы ты думал?

— Какого черта ты меня спрашиваешь?

— Там была Энн.

— А что тут такого?

— Она была не с нами. Она сидела на галерее.

— Да?

Леди Вера вперила в брата горящий взгляд и выбросила козырную карту:

— Она была с мужчиной!

Лорд Ходдесдон сделал последнюю жалкую попытку удержать ускользающий призрак счастья. Но он уже понял, что усилия его обречены.

— Что в том худого? — риторически вопросил он. — Ничего. Таковы все нынешние девицы.

— Не будь дураком, Джордж, — безжалостно отрезала леди Вера, развеивая остатки его надежд. — Если бы это был Тодди Моллинг, или Берти Уинч, или еще кто-то из ее компании, с кем она ездит танцевать, я бы глазом не моргнула. Но этого типа я ни разу не видела. И он явно был не случайным партнером.

— Неужто тот самый, которого Джейн Венейблс видела с ней в машине!

— Должно быть, он.

— Откуда у тебя такая уверенность? — слабо запротестовал лорд Ходдесдон.

— Проверить нетрудно, — ответила леди Мейс. — Вот как раз Энн идет. Спрошу у нее.

Послышался скрежет ключа в замке, и в холле раздался голос девушки. Она что-то напевала.

— Мне кажется, она счастлива, — заметил лорд Ходдесдон.

— В ресторане она тоже выглядела очень счастливой, — угрюмо отозвалась леди Вера. — Они смотрели друг другу в глаза.

— Не может быть!

— И за руки держались.

— Ну что ты!

— Я своими глазами видела.

Дверь открылась.

— Ах, Энн, дорогая, — сказала леди Вера. — Вот и ты.

Радость Энн сняло как рукой. Она чувствовала, что ее ждет неприятная сцена, а кому это понравится? Увертки претили природе Энн Мун. Она не имела ни малейшего намерения скрыть то, что произошло. Ее беспокоило лишь, как наилучшим образом рассказать об этом. Она знала, что одни предпочитают, чтобы плохие вести донесли до них по возможности помягче, другие же готовы воспринять их как холодный душ.

Она еще обдумывала оба метода, сравнивая их

плюсы и минусы, а леди Вера уже задала вопрос, который разом разрешил дилемму.

— Кто этот твой друг?

— Молодой человек, с которым вы обедали, — уточнил лорд Ходдесдон. — Тот, с которым вы были на галерее в ресторане «Марио», — добавил он, чтобы исключить всякую неопределенность.

— Да, — не останавливалась и леди Вера, в голосе которой зазвучал металл. — Которого ты держала за руку и которому смотрела в глаза.

В такой ситуации сникла бы любая девушка. Особо чувствительная могла бы разрыдаться, закрыв лицо руками. Но Энн, пропустив старт, видела теперь сцену в гостиной в смешном свете. Непроизвольный смех прокатился по комнате.

Мнение лорда Ходдесдона о смехе было сродни его мнению о фазанах с растопыренными крыльями. В подходящий момент никто не радовался хорошему настроению окружающих больше, чем он. Но смех в такую минуту и из уст девицы, которая дурачила его единственного сына, звучал для него оскорбительно.

— Нечего хихикать! — вскричал он. Энн помрачнела.

— Извините, — сказала она. — Я просто представила, как вы все время на меня смотрели.

— Что касается меня, — веско сказала леди Вера, — то ничего смешного я в данном случае не нахожу.

— Извините, — повторила Энн. — Мне не следовало… Очень нехорошо с моей стороны… Но когда нервничаешь…

— Нервничаешь! — фыркнул лорд Ходдесдон. — Это вы-то нервничаете? Да я в жизни не встречал особы более невозмутимой и… как это сказать… забыл слово, начинается на бес…

— Джордж, успокойся, — вмешалась леди Вера.

Лорд Ходдесдон опять вжался в кресло. Он, казалось, сожалел только об одном — что не захватил с собой словарь синонимов.

— Извините, — в третий раз сказала Энн. — Если бы я знала об этом раньше, то раньше бы и сказала. Дело в том, что я не смогу выйти замуж за Годфри.

Лорд Ходдесдон еле слышно вздохнул, как вулкан, который ошибочно считали потухшим. Сестра, заметив симптом, предостерегающе подняла руку.

— Джордж!

— Мне что, слова нельзя вставить? — величественно осведомился лорд Ходдесдон.

— Нет.

— Вот как? Я глава семьи. Бискертон — мой единственный сын. Эта особа преспокойно входит и заявляет, что собирается кинуть его, как э… — кинуть, в общем. А мне при этом и словечка нельзя промолвить. Понятно. Очень хорошо. Все ясно. По-видимому, — теряя пафос, продолжил он, — пока вы тут обсуждаете это дельце между собой, мне можно развлечься игрой в молчанку. Меня ведь это дело не касается. Ха! — закончил лорд, почувствовав к финалу речи заметное облегчение.

Леди Вера обернулась к Энн.

— Может быть, ты объяснишь?

— В сущности, все очень просто.

— Смотря для кого, — оживился лорд Ходдесдон, адресуясь к фарфоровой кошке на кофейном столике. — Для меня, например, отнюдь. Нам крайне нежелательно допытываться, но все же позвольте вам заметить…

— Джордж!

— Ну ладно, — сдался лорд Ходдесдон.

— Я имею в виду, что если вы видели нас в ресторане, то должны понять, что…

— Насколько я могу понять, для тебя единственный пункт, достойный обсуждения, тот факт, что ты собираешься отказать моему племяннику в

пользу молодого человека, с которым обедала сегодня вечером. Однако, поскольку твои родители вверили тебя моему попечению, я чувствую за собой определенную ответственность, которая обязывает меня спросить…

— Кто, черт возьми, этот молодчик? — спросил лорд Ходдесдон, снова выходя на авансцену.

Леди Вера поджала губы. Этот вопрос, по сути дела, должен был стать кульминационным пунктом ее речи, но она, разумеется, сформулировала бы его в более деликатной форме. И ей не понравилось вмешательство брата. Она устремила на него взгляд, пригвоздивший лорда Ходдесдона к спинке кресла, и вопросительно обернулась к Энн.

— Да, — сказала она. — Кто он?

— Его фамилия Конвей.

— И чем он занимается?

— Он агент секретной службы.

Лорд Ходдесдон, хотя и побежденный, не мог пропустить эти сведения без комментария.

— Секретной службы? Секретной службы? В жизни не слыхал подобной чепухи!

— Джордж!

— Да, но как можно…

— Джордж!

— Ну ладно!

— Следовательно, он трудится на секретной службе? — переспросила леди Вера, стараясь не замечать признаков пробуждающегося вулкана. — Это он сам тебе сказал?

— Да.

— Сегодня?

— Нет. При первой встрече.

— Когда же это было?

— С неделю назад.

— С неделю! Неделю! Неделю!..

— Джордж!

— Да ладно.

— Итак, ты знакома с мужчиной, за которого собираешься замуж, неделю? — спросила леди Вера. — Подумать только! А могу я узнать, при каких обстоятельствах вы познакомились?

— Он прыгнул в мою машину.

— Он — что? Как, зачем?

— Он преследовал Нюхача…

— Боюсь, я недостаточно понимаю современный жаргон. Что значит — преследовал Нюхача?

— Он пытался догнать преступника по кличке Нюхач. Но не получилось. Оказалось, что это не Нюхач. Но он думал, что это Нюхач, он прыгнул в мою машину, и я порулила. А потом мы еще раз

встретились.

— Где?

— На балу у Бэсингеров.

— Ах, — поразилась леди Вера. — Так он знаком с Бэсингерами?

Энн честно ответила:

— Нет.

— Но ты сказала, что он был у них на балу?

— Он пришел, потому что увидел меня в лифте. Его не приглашали.

Вулкан взорвался. Очевидец, коему пришлось бы присутствовать при обоих событиях, непременно вспомнил бы об ужасах извержения.

— Как не приглашали? Не приглашали! Да он налетчик! Нет, вы слыхали? Мой единственный сын недостаточно хорош для этой юной особы, поэтому она выбирает себе в пару налетчика!

Откровение Энн парализовало леди Веру, и она даже не нашла в себе сил воскликнуть дежурное «Джордж!».

— Так… — только и сумела произнести она.

— А по-моему, это было здорово. Очень спортивно, — независимо отреагировала Энн.

— Спортивно!

— Вот именно. Ведь он решился на такой отважный поступок только из-за того, что хотел

меня увидеть. И пострадал — его выперли.

— Выгнали? Замечательно. И когда же вы опять встретились?

— Сегодня вечером.

— И…

— Он меня поцеловал, — стоически ответила Энн, как уважающая себя современная девушка, изо всех сил стараясь не покраснеть. — А я поцеловала его. И он объяснился мне в любви. А я ему. Потом мы поехали обедать.

Наступило молчание, прерываемое похожими на бульканье лавы звуками, которые издавал лорд Ходдесдон.

— И ты ничего о нем не знаешь, — сказала леди Вера, — кроме того, что он назвался секретным агентом и оказался persona non grata на балу у Бэсингеров? Имеется ли у этой замечательной особы надежный источник доходов? Или он только праздно шатается по улицам, запрыгивая в машины одиноких девушек?

— Он живет, — тихо сказала Энн, придыхая на каждом слове, ибо этот адрес звучал для нее свято, — в «Укромном уголке», Малберри-гроув, Вэлли Фиддс.

— Что? — вскричала леди Вера.

— Что? — вскричал лорд Ходдесдон.

— А в чем, собственно, дело? — удивленно спросила Энн.

— Ни в чем, — ответила леди Вера.

— Ни в чем, — ответил лорд Ходдесдон.

— Если вы полагаете, что жить за городом ниже человеческого достоинства, — с вызовом сказала Энн, — то ошибаетесь. Ему не по средствам жить в Лондоне, потому что на секретной службе немного платят.

— Вот все и прояснилось, — вкрадчиво заметила леди Вера. — У молодого человека туго со средствами, и он решил жениться на деньгах.

— Что вы хотите этим сказать? — возмутилась Энн. — Вы решили, что…

Манеры леди Веры резко переменились. Теперь она была воплощенное материнство. Братец, ерзая в кресле, смотрел на нее с удивлением и восторгом.

— Дитя мое, — пропела она с улыбкой, вобравшей в себя нежность экранных матерей всех времен и народов, — я прекрасно понимаю чувства, которые ты испытываешь по отношению к этому молодому человеку, но обращаюсь к твоему ясному уму. Ты ведь не какая-нибудь вздорная глупышка. Ты уже достаточно повидала, чтобы понять, что жизнь далека от сказки.

— Или двухпенсового романа, — вставил лорд Ходдесдон.

— Или двухпенсового романа, — благосклонно согласилась леди Вера. — Ты ведь знаешь, каковы большие города. Лондон кишмя кишит авантюристами — так же, как, наверное, и Нью-Йорк. Твой молодой человек из этой породы.

— Вот уж нет!

— Дитя мое, безусловно так. Ты бы и сама это поняла, если бы тебя не ослепило первое впечатление. Подумать только — прыгнуть в автомобиль незнакомой девушки! Разумеется, это производит впечатление. Но порядочные мужчины так не поступают.

— Я так никогда не поступал, — кстати отозвался лорд Ходдесдон. — В жизни не прыгнул в машину ни единой девушки.

— Я разговариваю с Энн, Джордж, — терпеливо заметила леди Вера. — Факты твоей биографии нас не интересуют. Неужели тебе, дорогая, не ясно, — продолжила она, — что ты очень заметная девушка. Твои фотографии напечатали во всех еженедельниках. Ты повсюду бываешь. У этого человека была масса возможностей запомнить твою внешность. Он взял тебя на заметку и, когда увидел в машине, решил попытать счастья.

Он понимал, как это подействует на девушку с воображением — мужчина вскакивает в ее авто и предлагает вместе преследовать преступника! Он знал, что ты дочь очень богатых родителей…

Энн решила, что с нее довольно.

— Я не собираюсь больше этого слушать, — твердо сказала она.

— А больше и нечего слушать, — сказала леди Вера. — Я уже все сказала. И если у тебя есть хоть капля здравого смысла, ты сама поймешь…

— Спокойной ночи, — сказала Энн и вышла из комнаты с гордо поднятой головой, оставив позади себя наэлектризованную тишину.

Первым заговорил лорд Ходдесдон.

— Каково? — вопросил он.

— Что, черт возьми, ты имеешь в виду? — взорвалась леди Вера, боевой дух которой требовал выхода.

— Что ты об этом думаешь?

— О чем?

— Ты полагаешь, что убедила ее в отношении этого хлыща? В том, что он авантюрист и все прочее?

— По крайней мере, я дала ей пищу для размышлений.

Лорд Ходдесдон подергал ус.

— Странная штука с этим адресом.

— Дорогой Джордж, — произнесла леди Вера с тем же терпеливым презрением, с каким другой великий ум произносил «мой дорогой Ватсон», — право, не вижу здесь ничего странного.

— Ну как же, такое совпадение, — запротестовал лорд Ходдесдон. — Малберри-гроув, Вэлли Филдс — там ведь живет Годфри.

— Правильно. И я ничуть не сомневаюсь, что этот тип уже сумел свести знакомство с Годфри. Годфри, этот откровенный болван и трепло, готовый выболтать все о своей личной жизни первому встречному, разумеется, моментально разоткровенничался и все ему выложил, даже, вероятно, показал фотографию Энн и отметил, что она очень романтична. Так что, когда этот субъект увидел ее в машине, он мгновенно сориентировался.

— Понятно. Я не раз подумывал, — признался лорд Ходдесдон с отеческой честностью, — что Годфри следует поместить в какое-нибудь психиатрическое заведение. Ну почему он исчез в самый неподходящий момент? Как считаешь, чем мы можем помочь делу?

— Выход есть. Уж конечно, я не стану спокойно сидеть и смотреть, как этот тип губит жизнь Энн.

Наверняка все можно уладить с помощью денег. Мистер Фрисби должен от него откупиться.

— Ты думаешь, он на это пойдет?

— Несомненно. Ему не меньше нашего захочется вызволить Энн из этой ловушки.

— Почему?

— Потому что его сестра, мать Энн, не из тех, кто одобрил бы брак дочери с таким неподходящим партнером.

— А! — обрадованно воскликнул лорд Ходдесдон. Он легко поверил этим словам. В области сестринской психологии он был докой.

— Итак, — сказала леди Вера, — завтра утром ты отправишься в Вэлли Филдс и встретишься с этим типом. Я постараюсь устроить, чтобы мистер Фрисби выписал тебе чек.

Лорд Ходдесдон вскочил как ошпаренный. Вплоть до этого момента он смотрел на происходящее с легкой отрешенностью. Ему и в голову не приходило, что он будет привлечен для переговоров. Сама мысль о том, что ему придется вернуться во владения верного последователя «Стейлина» и возобновить знакомство с недалеко ушедшим от родителя отпрыском, приводила его в ужас.

— Отправиться в Вэлли Филдс! — вскричал

он. — Будь я проклят, если опять туда поеду.

— Джордж!

— Нет, — непреклонно заявил лорд Ходдесдон, выдержав взгляд сестры, в котором сверкал огонь укротителя. — Никогда. Ты не уговоришь меня поехать в этот ад, даже если привлечешь все свое красноречие.

— Джордж!

— Что ты заладила — Джордж! Джордж! Не поеду. Не нравится мне Вэлли Филдс. Неприятное место. Несчастливое.

— Что за чушь!

— Чушь? Знаешь, что там со мной приключилось? Я поехал туда в прекрасном сером котелке, в котором намеревался не менее полудюжины раз побывать на скачках в Эскоте, и еле унес оттуда ноги в жутком лиловом кепи. И это еще не все. Даже не половина всего. Мне пришлось бежать — бежать как зайцу, черт подери, чтобы удрать от аборигена, надувшегося пива. Мне пришлось продираться огородами и лезть в окно — а ты предлагаешь мне пройти через это еще раз! Нет, — жестко сказал лорд Ходдесдон, — я одобряю идею предложить этому мерзавцу откупного, но категорически отказываюсь быть посредником. Сделай все по чину. Поезжай к своему другу

Фрисби и попроси его послать своего адвоката поговорить с этим субъектом. Это дело адвоката. Спокойной ночи, Вера!

И, взяв шляпу, лорд Ходдесдон двинулся к двери. Если бы он покинул комнату не столь стремительно, то успел бы услышать, что сказала сестра по поводу его ультиматума. Но он этого не услышал.

Глава X

1

Хотя ленч, устроенный лордом Бискертоном и его другом Берри Конвеем, первоначально задумывался как маленькое торжество в связи с их общей радостью, едва они сели за стол, он сразу утратил свою беззаботность и превратился в неприкрытое обсуждение мер по выходу из сложившейся ситуации. Оба понимали всю сложность положения, в которое попали. Оба проделали минувшей ночью большую мыслительную работу, и дискуссия сразу взяла деловую ноту.

— Вопрос сводится к тому, — сказал Бисквит, когда официант отошел и можно было спокойно предаться делу более интимному, чем ресторанный счет, — куда мы отсюда тронемся?

Берри кивнул. Это действительно была проблема.

— Я бы назвал этот день, — продолжал Бисквит, — самым сумасшедшим и самым веселым днем года. Мы влюблены. Отлично! Мы любимы. Грандиозно! Лучше быть не может. Но вот вопрос:

где взять денег, чтобы довести все до счастливого конца? Насколько я могу судить, имеющихся средств нам хватит только на одну брачную церемонию. А у нас должно быть как минимум две.

Берри опять кивнул. Он был того же мнения.

— У священников не принято бракосочетать оптом. Пусть пары следуют одна за другой без перерыва, викарий желает от каждой получить отдельный конверт. Итак, мы перед лицом извечной проблемы: где взять деньги? А кто, — спросил он, глядя в сторону, — этот краснолицый субъект, который по-отечески машет нам рукой? Какой-нибудь твой приятель из Сити?

Берри посмотрел туда, куда указывал глазами Бисквит. За столиком возле двери сидел коренастый цветущего вида мужчина, явно довольный собой. Дж. Б. Хоук, этот двойной агент, всегда превращал ленч в священнодействие, а в качестве храма обычно выбирал именно этот ресторан. Здесь, заказывая суп, он получал суп, если бифштекс — то бифштекс, причем с той сердечностью, с какой рестораторы относятся к постоянным клиентам, которые не очень прижимисты и не придерживаются новомодных диет.

Дж. Б. Хоук в жизни не сидел на диете. А сейчас тем более не было причин ограничивать себя из

соображений экономии. Дела у мистера Хоука пошли в гору. Он начал продавать акции по четыре шиллинга, а нынче утром «Файнэншнл Таймс» известила его, что цена упала до одного шиллинга шести пенсов. Он предполагал начать выкупать их, когда цена снизится до одного шиллинга, и тогда можно будет объявить об открытии новой жилы, а самому мистеру Хоуку останется сидеть сложа руки и наблюдать, как акции вознесутся до небес. Будущее представало перед мистером Хоуком в таком же розовом свете, каким сияло его лицо.

На Берри он взирал с благоволением. Мистеру Хоуку не очень хотелось думать о том, что огромным богатством он обязан собственности этого молодого человека, за которую он заплатил пятьсот фунтов. Хоук устремил на бифштекс взгляд, полный большего значения, чем он обычно уделял бифштексам, хотя всегда относился к ним с почтением. Приятно, что шеф-повар в белом фартуке на этот раз превзошел самого себя. Дж. Б. Хоук долго выбирал, прежде чем остановиться на бифштексе, и его разборчивости воздали должное.

— Это Хоук, — бросил Берри. — Который купил мой прииск.

— Да ну? — переспросил Бисквит, с интересом разглядывая филантропа. — Купил, значит, твой прииск? Странно. Он не похож на чайника. А не кажется ли тебе…

— Что?

— Я подумал на минуточку, не может ли такого быть, что этот рудник не совсем безнадежный? Что-то не нравится мне этот Хоук. Подозрительный он какой-то. Явно из тех, кто при случае не пожалел бы ни вдову, ни сироту. И что же с прииском? Он едет туда отдыхать или что?

— По-моему, этот прииск слился с компанией, которой владеет старик Фрисби. Теперь это называется «Медь Прыткой Ящерки».

— Как же они снюхались?

— Хоук — его приятель.

— Неужели? — фыркнул Бисквит, — Скажи мне, кто твой друг… Разве честный человек станет водиться со стариком Фрисби? — с горечью добавил он. — Жмот, каких свет не видывал. Его единственная племянница обручается с превосходным молодым человеком из прекрасной семьи — вот тебе случай поднести скромный подарочек, — так нет, он делает вид, будто это его не касается. Поверь мне, Берри, это гончие псы тебя надули.

— Поздно сожалеть.

— Боюсь, что так.

— Теперь лучше подумать о том, как достать деньжат.

Бисквит нахмурился.

— Ох уж эти деньги! Какая же мерзость эти деньги. Самая достойная половина народонаселения с ног сбивается, чтобы их раздобыть, а те, у кого они есть, не знают, что с ними! делать. Возьми, к примеру, старика Фрисби. Он стоит миллионы.

— Да уж наверное.

— А на вид — несчастнейшее существо с лошадиной мордой, которому хочется кинуть двухпенсовик на чай. С другой стороны, возьми, к примеру, меня. Ты меня знаешь, дружище Берри. Молод, энергичен, жизнерадостен, единственное, чего мне не хватает, — небольшого счета в банке, чтобы найти достойное применение всем этим качествам. Будь у меня деньги — попомни мое слово, — я бы осчастливил человечество.

— Каким образом?

— Я бы раздал деньги тем, кто их заслуживает, старина. Вот каким. А вместо этого я вот тут сижу. А где-то там сидит на мешках с золотом твой гнусный босс. Разве это справедливо?

— Вопрос не ко мне.

— Я бы знаешь как все устроил? Если бы я был хозяином в стране, я бы дважды в год требовал от этих старых хрычей с мошной публичного отчета. И допрашивал бы их с пристрастием. Вызывают, скажем, Фрисби и, прямо глядя в глаза, спрашивают: «Сколько у тебя денег? В самом деле? Не врешь? Ну-ка, поведай высокому суду, что ты делаешь с этими денежками!». Старый мерзавец, чувствуя, что пахнет жареным, мнется. «Отвечай, когда тебя спрашивают! — кричит дознаватель, стуча кулаком по столу. — Нечего вилять! На что ты деньги тратишь?» — «Видите ли, — мямлит Фрисби, пряча глаза, — я спрятал их под камень и беру понемножку, когда понадобится». — «Неслыханно! — говорят ему. — Как только земля такого носит! Возмутительная наглость. Просто скандал. Взять десять миллионов у этого жалкого насекомого и отдать отличному парню Бискертону, который знает, как ими распорядиться. И спросите у Берри Конвея, сколько ему надо. Мы еще где-нибудь поищем».

Бисквит помолчал, не желая расставаться с прекрасной утопией. Потом взглянул в сторону Хоука и неодобрительно прищелкнул языком.

— Голову дам на отсечение — обдурили они

тебя, — сказал он. — По глазам видно.

— Есть масса способов делать деньги, — задумчиво сказал Берри. — Тебе ничего в голову не приходит?

— Можно поиграть на бирже.

— Замечательно!

— И все же, — сказал Бисквит, откладывая возведение воздушных замков, — мы сможем себе это позволить не раньше, чем через год или около того, а пока нам нужны наличные. Учтем биржевую игру на будущее, а пока надо придумать какой-нибудь быстрый способ обогащения. Есть идеи?

— Изобрести заменитель бензина.

— Да. Это можно. Еще лучше спасать богатых стариков от попадания под машину. Это наверняка принесло бы нам миллионы.

— Да, но это требует времени, — заметил Берри.

— Пожалуй. Процесс растянется на годы. Я не учел. А можно сыграть в старинную игру «Секреты».

— Что за игра?

— Помнится, я тебе рассказывал. Играют двое: «А» и «Б». «А» подходит к «Б» и говорит: «Мне известен твой секрет», а «Б»…

— Вспомнил. А если у твоего «Б» нет никакого секрета?

— Дорогой мой, секреты есть у каждого. Закон природы. Придешь в контору, испробуй на Фрисби, увидишь, что будет. Поучишься на шантажиста и заодно выиграешь.

— Кстати, о Фрисби, — сказал Берри, взглянув на часы. — Мне пора. У него опять нелады с желудком, поэтому в контору не пошел. Позвонил по телефону и велел принести корреспонденцию ему на дом. Очень удобно.

— В каком смысле?

— Мне надо с ним увидеться, сказать, что я увольняюсь. А поскольку он живет возле Гайд-парка, мне оттуда недалеко до Чайного домика, где я договорился встретиться с Энн. Мы пойдем кормить уток на Серпантине.

— Господи!

— Именно так, — гордо ответил Берри. — А ты останешься?

— Да. Посижу, покумекаю. Думать надо, думать. Это ты, при том что наше будущее висит на волоске, можешь тратить время на кормление уток.

— Я не считаю это тратой времени, — возразил Берри. — Пока. До вечера.

По пути к двери его задержал мистер Хоук.

— Как поживает наш мистер Конвей? — осведомился мистер Хоук.

— Спасибо, хорошо, — ответил Берри.

— А кто ваш друг?

— Сосед по Вэлли Филдс.

— О чем вы так мило беседовали?

Берри всем своим видом показал, что торопится.

— О разном. В том числе о прииске «Мечта Сбывается».

— «Мечта Сбывается», значит?

— Да. Он им заинтересовался. Извините, я спешу.

— Приятно было встретиться, — сказал мистер Хоук.

Он вернулся к бифштексу и некоторое время был целиком поглощен им. Потом на его столик упала чья-то тень. Подняв голову, он увидел старого друга, капитана Келли.

2

Мистер Хоук не обрадовался капитану Келли. В последнее время он даже предпринимал меры, чтобы избежать встречи с ним. Но, пребывая в столь радужном настроении, не позволил себе огорчиться.

— Привет, капитан, — дружелюбно сказал он.

Капитан Келли придвинул стул и осторожно присел, как человек, которому брюки узковаты.

— Желаешь покушать? — спросил мистер Хоук.

— Нет, — коротко ответил капитан Келли.

Он был настроен явно неприветливо, и человек более восприимчивый, нежели мистер Хоук, наверняка заподозрил бы неладное. Друг Дж. Б. Хоука смотрел на последнего упорным леденящим взглядом. И всегда-то не очень радушный, сейчас он казался особенно жестким. Губы его слепились в узкую линию, и он цедил слова, почти не разжимая их.

Мистер Хоук догадался, что его старинный приятель что-то пронюхал. Это его не сильно обеспокоило. Рано или поздно, философски рассудил он, все вылезет наружу. Даже хорошо, что это случилось теперь, когда он в отличной форме и может справиться с дюжиной капитанов.

— Надо поговорить, — уронил капитан Келли.

Дж. Б. Хоук отрезал добрый кусок мяса, посолил, смазал горчицей, окунул в вустерский соус, положил сверху ломтик картофеля, добавил капусты и хрена и поднес все сооружение ко рту. Он ответил, только когда оно благополучно достигло

цели, и очень лаконично.

— Да?

Капитан по-прежнему не сводил с него глаз.

— Из всех грязных, вонючих подонков, каких я встречал, ты — самый поганый.

Ругательства никогда не задевали мистера Хоука слишком остро. Он безмятежно осклабился.

— Что ты съел на завтрак, капитан?

— Не твое собачье дело. Бренди с содовой, если тебе надо знать.

— Боюсь, тебе это неполезно, — заметил мистер Хоук, отрезая очередной кусок мяса и приступая к строительной операции.

Капитан Келли не был расположен шутить.

— Ты знаешь, о чем я. Что это за шахта?

— Какая шахта?

— «Мечта Сбывается».

— А что с ней такое?

— Вот именно: что с ней такое?

Мистер Хоук мирно жевал. Это зрелище начинало раздражать его друга.

— Слушай, — сказал капитан Келли с неподвижным лицом, натренированным долгими вечерами игры в покер; только одна жилка пульсировала на виске. — Мы разве не договаривались, что купим эту шахту на двоих? Разве нет?

А ты что сделал? Взял да купил ее втихую! И не пытайся мне врать. Беллами все своими глазами видел, он мне и рассказал. Иона чертов!

— Иуда, — поправил мистер Хоук. Он любил точность во всем.

И стал намазывать горчицу.

— Успокойся, — сказал он с мягкой улыбкой, — я и не собираюсь этого отрицать.

— Ага.

— Дела надо делать осторожно, — сказал мистер Хоук. — Иначе можно попасть впросак, и тогда уж ничего не поправишь.

— Ничего не поправишь?

— Абсолютно ничего, — подтвердил мистер Хоук. Капитан Келли втянул носом воздух.

— Ага, — повторил он.

— Можешь агакать сколько влезет, — щедро разрешил мистер Хоук. — Этим делу не поможешь. — Он проглотил еще кусок мяса. — Мне жаль тебя, капитан. Если это может тебя утешить, я тебе сочувствую. Ты проиграл. На войне как на войне. Дело житейское. Сегодня ты, завтра я.

Капитан Келли схватил кусок хлеба. Это был хлеб мистера Хоука, но хозяин не возражал. На его месте можно позволить себе быть выше куска хлеба.

— И сколько ты собираешься с этой сделки наварить? — спросил капитан Келли.

Мистер Хоук не возражал и против ответа на этот вопрос.

— Тысячи и тысячи, — сказал он. — И тысячи.

— А я мог бы иметь половину, — вздохнул капитан Келли.

— А ты мог бы иметь половину, — согласился мистер Хоук.

Капитан снова вздохнул. Воцарилось молчание.

— Мне бы хватило сейчас и немножко деньжат, — сказал капитан.

— Голову даю на отсечение, что хватило бы, — сердечно сказал мистер Хоук.

— Я малость потратился.

— Всем нам приходится входить в расходы.

— Знаешь, недешево обходится развлекать этих ребят, — медленно сказал капитан.

Мистер Хоук отрезал кусок мяса.

— А что за ребята? — спросил он.

— Нарисовались два парня из Чикаго с рекомендацией от одного моего американского дружка. Я ему кое-чем обязан, так что должен позаботиться о ребятах. А им ничего не надо, — опять вздохнув, сказал капитан Келли, — дай только позабавить-

ся. Потому мне деньжата и понадобились.

— Представляю, — сказал мистер Хоук.

— Нет, ты представить не можешь, какую прорву деньжищ надо, чтобы показать этим парням Лондон и его достопримечательности. Хотят все самое лучшее. На той неделе только в музей мадам Тюссо три раза ходили.

— Да, привыкли, наверное, жить на широкую ногу.

— Еще бы. Но зато они мне благодарны. Я им как старший брат. Вчера сказали, что сделали бы для меня все на свете.

— Замечательно, — радостно отозвался мистер Хоук. — Это вселяет надежду в молодое поколение.

— Ты будешь смеяться, знаешь, что они удумали для меня сделать? — продолжил капитан. — Спрашивают, нет ли кого, кого бы мне хотелось замочить. Ежели, мол, есть такой, то они почтут за честь сделать это ради меня, бесплатно, из одного уважения.

Если мистер Хоук и засмеялся, то совсем беззвучно. Он как раз подносил очередной кусок ко рту, и хотя рот его уже открылся, мистер Хоук не завершил процесс. Он опустил вилку и странно посмотрел на собеседника.

— Замочить? — высоким голосом переспросил он.

— Замочить, — подтвердил капитан. — Я разве не говорил, — добавил он, сопровождая слова легким удивлением при виде отвалившейся челюсти своего приятеля, — что эти ребята — гангстеры?

— Гангстеры?

— Да. И довольно известные у них там. Их зовут «чикагские гориллы». Ну и туши! Дети природы, так сказать. Большие такие, веселые подростки. Надо же такое учудить, так отплатить за гостеприимство! Забавно, ей-богу.

Он хохотнул в доказательство истинной забавности этого намерения. Смеялся он своеобразно. Губы оставались крепко сжатыми, а рот криво полз вверх с одной стороны. Глаза при этом оставались серьезными и отблескивали голубой сталью. Мистеру Хоуку это показалось интересным, но малоприятным.

— Ну ладно, так с тобой весь день проболтаешь, — сказал капитан Келли вставая.

— Эй, — воскликнул мистер Хоук. — Погоди.

— Хочешь чего сказать? — спросил капитан присаживаясь.

Мистер Хоук с трудом проглотил комок, подка-

тивший к горлу.

— Таким парням место в тюрьме, — с чувством произнес он. — В тюрьме — вот где им место.

Капитан Келли слегка кивнул.

— Они день-два посидели, — сказал он, — когда стрельнули Джо Фраскати в Чикаго. Потом их выпустили. Но им все равно надо тут побыть, пока пыль уляжется.

— С-с-стрельнули? — заикаясь, переспросил мистер Хоук.

— Господь с тобой, — сказал капитан Келли, — в Чикаго это раз плюнуть. Ты, ежели туда собираешься, имей в виду. Ну вот, они мне насчет благодарности-то как сказали, так я нечаянно упомянул, что ты, мол, меня малость подвел. Ты бы видел, как ребятки взвились! Отзывчивые до жути. Что бы про гангстеров ни говорили, одного у них не отнять — они за друзей горой стоят. В общем, ты у них на заметке, — со смешком закончил капитан Келли. Настроение у него заметно поднялось.

У мистера Хоука прорезался громоподобный голос.

— Я на заметке? За что? Я ничего не сделал. Неужто ты думаешь, что я нарочно хотел тебя провести — тебя, моего старого друга? Я тебя

разыграл, капитан, пошутил. Хотел поглядеть, как ты отреагируешь.

— Ну вот и поглядел, — коротко ответил капитан. — А теперь мне вправду пора. Я обещался встретиться с ребятами в клубе.

— Стой! — вскричал мистер Хоук. — Стой! Погоди!

Он опять сглотнул противный комок.

— Ладно, получишь ты свою половину, — сказал он. — Я тебе письменное обязательство представлю, если хочешь. Могу прямо сейчас написать.

Нечто отдаленно напоминающее довольную улыбку проскользнуло по лицу капитана.

— Надо бы написать, — сказал он. — Чтобы ребятам приятное сделать. Официант, чернила и бумагу!

— У меня автоматическая ручка, — хрипло сказал мистер Хоук. — И бумага вот есть.

Он лихорадочно накорябал что-то на бумаге. Капитан Келли изучил документ, видимо, счел его удовлетворительным и аккуратно спрятал в карман.

— Я буду в клубе до вечера, — сказал он подымаясь. — Только забегу в Сомерсет-хаус поставить печать.

Неспешным шагом он двинулся к двери. А мистер Хоук, утратив былой аппетит, отставил тарелку с бифштексом и попросил подать кофе и двойной бренди.

Потом, взяв огромную сигару, предался размышлениям. От солнечного света, совсем недавно заливавшего мир, не осталось и следа. Наступило полное затмение.

3

Когда Дж. Б. Хоук достиг в курении того пункта, когда полагается в первый раз стряхнуть пепел, его уединение было вновь нарушено. У столика возник молодой человек, который завтракал с Берри Конвеем. Он со значением смотрел в глаза мистера Хоука.

Это мистеру Хоуку не понравилось.

В этот момент мистер Хоук был не в лучшей форме. Нервная система дала сбой. В таком состоянии вздрагивают от малейшего шума и читают в глазах незнакомцев, на которых при других обстоятельствах не обратили бы никакого внимания, мрачную угрозу. Встретившись взглядом с Бисквитом, он внезапно вспомнил, что этот молодой человек, по словам Конвея, проявил интерес к шахте «Мечта Сбывается».

— А? — растерянно спросил мистер Хоук. Его уже начало раздражать молчание молодого человека. — Что?

— Хоук, — внушительно сказал тот низким голосом. — Я знаю твой секрет!

Глава XI

1

Распростертый на софе в роскошных апартаментах второго этажа Гросвенор-хаус, Т. Патерсон Фрисби смотрел в потолок. Потолок почему-то пожелтел. Стены тоже были желтыми; а всего несколько минут назад, когда больной решил облегчить страдания, походив по комнате, он заметил, что и небо имеет желтоватый оттенок. Факт налицо: в организме мистера Фрисби происходило нечто необычное. Накануне он опять поел жареной утки.

Однажды некий благочестивый человек, которого неотступно искушал безмерный аппетит, посреди великого поста решил съесть свиную отбивную. Едва он успел проглотить кусок, как раздался гром небесный и небеса расколола молния. Он побледнел и отодвинул тарелку. Но страх не мог побороть раздражения.

«Сколько шума из-за какой-то свиной котлеты», — сказал он.

Мистер Фрисби мог бы сказать то же самое, заменив свиную котлету жареной уткой. Мистеру

Фрисби казалось, что наказание явно превосходит по масштабам преступление. Несколько минут удовольствия — и долгие часы кары.

То, что происходило внутри Т. Патерсона, до некоторой степени напоминало бурное собрание акционеров. Задавались ужасные вопросы. Повышались голоса. Иногда казалось, что вот-вот дойдет до рукоприкладства. А таблетки пепсина, которые несчастный глотал одну за другой, производили не больший эффект, чем возгласы «джентльмены, соблюдайте порядок!» из уст беспомощного председателя.

— Ух, — простонал мистер Фрисби при очередном спазме.

У него было одно утешение. Даже на безнадежно затянутом грозовыми тучами небе случаются просветы. В любой момент мог появиться секретарь с почтой, и мистер Фрисби предвкушал возможность излить на него немножко желчи. Если бы не жареная утка, Т. Патерсон был человеком незлым; но под ее воздействием его характер резко менялся, превращая мистера Фрисби в одного из тех нанимателей, которые считают секретаря козлом отпущения.

В таком вот неблагоприятном состоянии Берри и застал своего хозяина.

Берри и сам чувствовал себя не в своей тарелке. Приятное общество Бисквита заставило его продлить ленч долее обычного, и по возвращении в контору его ожидала очередь визитеров, жаждавших увидеться с мистером Фрисби. Берри пришлось взять их на себя, и это заняло немало времени. До условленного свидания с Энн в Чайном домике Гайд-парка оставалась четверть часа. Входя в комнату мистера Фрисби, он нервно посмотрел на часы.

— Так, — начал мистер Фрисби, приподнимаясь с одра. Он намеревался произнести довольно продолжительную речь. Он собирался заявить, что, телефонируя в контору по поводу корреспонденции, которая должна быть доставлена ему в Гросвенор-хаус после ленча, он имел в виду именно время после ленча, а не час перед ужином. Он хотел узнать у Берри, не заплутался ли он по дороге или, может быть, решил по дороге погонять горошину зубной щеткой. И предполагал резюмировать все сказанное напоминанием о том, что если Берри надеется получать жалованье за красивые глаза, то жестоко ошибается.

Мистер Фрисби, как мы знаем, мог быть в иные минуты весьма саркастичным.

Все это и много другое финансист непременно

бы изложил, наверняка почувствовав значительное облегчение. Но не успел он произнести свое «так», как секретарь прервал его.

— Я к вам буквально на пять минут, — сказал он.

Если требуется доказательство первичности духа перед материей, то вот оно. Мистер Фрисби мгновенно забыл о своей болезни. На собрании акционеров внезапно установился мир. Т. Патерсон как ужаленный вскочил с места.

Некогда у мистера Фрисби служил секретарем молодой человек, который вызвал его негодование, когда однажды в сильном подпитии упал со стула и пытался записывать распоряжения, застряв головой в мусорной корзине. А ведь до того несчастного случая он являл собой пример секретарской кротости и смирения.

Но теперешний инцидент ни в какое сравнение не шел с проступком добросовестного служащего, которому посчастливилось упасть со стула.

— Прошу прощения, — пояснил Берри, — я обещал пойти кормить уток на Серпантине.

Несомненно, именно роковое слово «утки» парализовало мистера Фрисби. Ничто иное не смогло бы заставить его сойти с курса, не высказав наглецу все, что он о нем думал. Но звук

этого слова произвел эффект поцелуя, которым принц пробудил спящую красавицу. Собрание акционеров активизировалось с новой силой.

Мистер Фрисби бессильно упал на софу и слабой рукой потянулся за пузырьком с пепсином.

— В сущности, — продолжил Берри как ни в чем не бывало, — я заглянул, только чтобы сообщить вам, что ухожу в отставку. Но для вас тут никакой беды нет, — добросердечно добавил он. — Позвоните в агентство, и вам через полчаса пришлют стенографистку или секретаря. А теперь извините, надо бежать. Через пять минут я должен быть у Чайного домика.

И он поспешил прочь в полной уверенности, что провел щекотливый процесс увольнения тактично и умно. Он по-своему любил мистера Фрисби и сожалел, что не может уделить ему побольше времени. Но опоздать на свидание никак нельзя. Он рысью достиг дверей, которые дворецкий как раз открывал для нового посетителя.

Посетитель этот был знаком Берри. То была леди Вера Мейс. Берри затруднялся определить степень их знакомства: следовало ли ему поклониться, улыбнуться либо еще как-нибудь указать на то, что они не совсем чужие. Одиннадцать лет назад она приезжала навестить своего племян-

ника, лорда Бискертона, и он, Берри, как лучший друг последнего, был включен в список допущенных к празднествам в связи с этим событием. Но если в его памяти это воспоминание было вечно живым, главная его участница, видимо, напрочь о нем забыла. Во всяком случае, когда они встретились в конторе мистера Фрисби, куда леди Веру пригласили как возможную дуэнью Энн Мун, она ничем не обнаружила, что лицо Берри ей знакомо.

Поэтому сейчас он решил не притязать на знакомство. Он не поклонился, а лишь учтиво отошел в сторону, давая леди дорогу. Когда она проходила мимо, он с удивлением заметил в ее глазах внезапно вспыхнувший огонек узнавания. Но что удивило его еще больше — к узнаванию примешивались страх и неудовольствие. С какой стати леди Вера, если уж она его вспомнила, ассоциирует его с чем-то неприятным, Берри понять не мог. В пятнадцать лет он, может, был не особенно привлекательным, но и не настолько отвратительным, чтобы эта дама, увидев его через одиннадцать лет, содрогнулась от омерзения.

Это сбивало с толку. Но времени на раздумья по этому поводу не было. Леди Вера прошествовала мимо и вошла в комнату, где мистер Фрисби вел

безмолвную отчаянную борьбу с собственным организмом. Берри, забыв обо всем, помчался вниз по лестнице. Теперь мысли его занимало только одно — через пять минут он вновь увидит Энн. Человеку с такой перспективой нет дела до своей непопулярности в кругу графских сестер.

Леди Вера Мейс была достопочтенной леди и, как все женщины, уважающие собственное достоинство, редко позволяла себе спешить. Но чувства, всколыхнувшиеся в ней при виде Берри, были столь сильны, что она чуть ли не вбежала в комнату мистера Фрисби. Стремление получить объяснения по поводу присутствия в этих покоях человека, приобретшего репутацию известного авантюриста, сообщило ее движениям необыкновенную скорость. Отпрыск графского рода, она преобразилась в гончую, бегущую за электрическим зайцем. Дрожа от любопытства, она в то же время испытывала ужас, будто от встречи на узкой дорожке с бандой головорезов, и готова была забросать хозяина дома вопросами, но прикусила язык, увидев его скрючившимся от боли.

Леди Вера изобразила крайнюю озабоченность. Привыкшая быстро принимать решения, она при первой же встрече с Т. Патерсоном Фрисби постановила, что выйдет за него замуж. Ей сразу

стало понятно, что он нуждается в женщине, которая могла бы за ним присмотреть, и, выяснив в процессе разговора, что это место свободно, решила его занять.

Поэтому сейчас она смотрела на него с выражением более значительным, чем обычная женская жалость к страдальцу, которого донимает недуг.

— Что с вами? — спросила она.

— Ох, — простонал мистер Фрисби.

Леди Вера обладала редким даром, присущим только незаурядным женщинам, — сразу ухватывать суть дела. При их первой встрече она застала Т. Патерсона точно в таком состоянии, и тогда же он поделился с ней своей слабостью.

— Опять ели утку? — прямо спросила она.

По выражению его лица она поняла, что права.

— Одну секунду, — сказала она.

Женщина трезвомыслящая, она поняла, что на этот раз совет думать о приятном, воображая себя птичкой на ветке, не пройдет. Болезнь вошла в серьезную стадию и требовала более радикальных экстренных мер.

Она подошла к телефону и не медля связалась с аптекой, располагавшейся в этом же здании. Она говорила со знанием дела; через считаные минуты в дверь позвонили, и мальчик-посыль-

ный принес полный до краев стакан с сероватой жидкостью.

— Выпейте это, — приказала леди Вера.

Мистер Фрисби выпил, и сразу же на собрании акционеров возник оратор, который утихомирил аудиторию. Крики перешли в шепот, а вскоре замер и он. Установился мир. А Т. Патерсон, облизав губы, тихо спросил:

— Что это было?

— Это средство, которое рекомендовал мой муж. Он страдал, как и вы. Только после омара. Он говорил, что это лекарство действует безотказно.

— Правда, — признал мистер Фрисби. — Вы его на трупах не пробовали? Оно и мертвого поднимет.

В душе его родилось чувство большой теплоты. Он смотрел на леди Веру блестящими глазами, а внутренний голос подсказывал ему, что настал момент, которого он ждал всю жизнь. Ему и раньше приходило в голову бросить свое одинокое сердце к ногам этой женщины, испытать судьбу на благосклонность, но он не решался, боясь отказа. Ему недоставало смелости. Эта женщина казалась слишком недоступной, слишком совершенной. Теперь же, стоя так близко, излучая заботу и внимание, она сделалась вполне дося-

гаемой. И внутренний голос скомандовал ему: вперед!

Он прочистил горло. Он не ведал, что проглотил, но эффект был поразительный — мистер Фрисби чувствовал себя в прекрасной форме. Он бы со всей откровенностью объяснился в своих чувствах, и безусловно, покорил бы сердце самой жестокосердной красавицы, но леди Вера некстати вспомнила, что десять минут назад намеревалась провести расследование. Пока мистер Фрисби формулировал первое предложение, она нарушила тщательно готовившийся план действий неожиданным возгласом:

— Этот человек!

— А? — спросил мистер Фрисби.

— Зачем он приходил сюда?

Т. Патерсон с великим сожалением понял, что драгоценный момент упущен. Разговор перелился в другое русло. Ясно, что гостья не расположена прислушаться к голосу Любви. Ей захотелось что-то узнать про какого-то человека, и никакая другая тема ей сейчас не интересна. Он подавил свое желание.

— Какой человек?

— Тот, которого я встретила в дверях. Что он здесь делал?

Вопрос удивил мистера Фрисби. Судя по всему, речь шла о его бывшем секретаре.

— Он принес почту.

— Он? Почту? — Глаза леди Веры округлились. — Да знаете ли вы его?

Глаза мистера Фрисби увлажнились слезой. Последующие события заставили его отвлечься от недавней беседы с Берри Конвеем, но теперь ее обстоятельства ожили со всей ужасающей силой. Его передернуло.

— Думал, что знал, — сказал он. — Да. Но сегодня он преподнес мне сюрприз. Какой наглец! «Я могу уделить вам только одну минуту!» Так и сказал. Мне! И отправился кормить уток!

Мистер Фрисби сделал паузу, чтобы справиться с эмоциями.

— Да кто же он?

— Он — был — моим — секретарем.

— Вашим секретарем?

— Да. Его фамилия Конвей. До сего дня он казался мне неплохим парнем, учтивым…

Леди Вера не могла сдержать еще одного возгласа. Ей открылось все.

— Так вот откуда он узнал про Энн!

Мистер Фрисби непонимающе поднял бровь.

— Энн? Мою племянницу? Он с ней не знаком.

Леди Вера колебалась — слишком жестоко обрушить такую информацию на беднягу без подготовки.

— Знаком, — сказала она.

— Вряд ли.

— Вчера вечером я видела их вдвоем в ресторане, мистер Фрисби, — выпалила леди Вера, не найдя в себе сил облечь горькую пилюлю в сладкую облатку. — Я говорила с Энн. Случилось ужасное. Она разорвала помолвку с моим племянником и заявила, что решила выйти за этого Конвея. Потому я к вам и пришла. Надо решать, что делать.

Пришел черед мистеру Фрисби издать возглас удивления. Теперь и ему все открылось.

— Вот почему он так переменился!

В голосе его не было удовольствия. Он чувствовал, что открывшаяся ему тайна тяжким бременем ляжет на остаток отпущенных ему дней. По спине его побежали мурашки.

— Выйти за него? — беззвучно выговорил он. — Вы сказали — выйти за него?

— Так она заявила.

— Но это невозможно! — воскликнул он. — Моя сестрица Джозефина со свету меня сживет!

Он в ужасе смотрел на гостью и к удивлению

заметил на ее губах тень улыбки. Как можно улыбаться, когда дочь его сестры Джозефины собирается замуж за бывшего секретаря без пенни в кармане — это было выше понимания мистера Фрисби.

— Ничего страшного, — сказала леди Вера. — Как я сразу не догадалась!

— То есть?

— Проще простого. Если этот тип действительно ваш секретарь, проблема решается сама собой.

— То есть? — снова спросил мистер Фрисби.

— Судите сами. Что, в сущности, произошло? Этот прощелыга, насколько я понимаю, вскружил Энн голову какими-то романтическими бреднями. Когда она узнает, что он все наврал про себя и никакой он не романтический герой, а всего-навсего жалкий клерк, она сразу его раскусит и даст отставку.

Мистер Фрисби не вполне уразумел суть дела.

— А что за романтические бредни?

— Он назвался секретным агентом. Можно себе представить, какое впечатление это произвело на неопытную душу. Но когда она узнает правду…

Мистер Фрисби сокрушенно покачал головой.

— Такая невинная пташка останется в плену

иллюзий, даже узнав правду, — сказал он.

— Тогда вот что вы должны сделать, — решительно сказала леди Вера. — Послать к нему вашего адвоката и дать отступного.

— Вы думаете, он примет? — поникшим голосом проговорил мистер Фрисби, углядевший слабый пункт в этом замысле. — Зачем ему отказываться от девушки, взяв деньги, если он может получить и то, и другое?

Леди Вера отвергла возражение.

— Когда ваш адвокат объяснит ему, что Энн немедленно отошлют в Америку, где ему ее не достать, он примет ваши условия и еще спасибо скажет.

Лицо мистера Фрисби прояснилось, и он почтительно взглянул в глаза женщины, исполненной такой безграничной мудрости.

— Вы опять правы, — сказал он, — Мне это и в голову не пришло. Я прямо сейчас позвоню Роббинсу.

— Давайте.

— Я велю ему начать торг с тысячи долларов.

— Может быть, с двух?

— Правильно, с двух. Две тысячи сразят его наповал. Две тысячи — большие деньги.

— Что бы я без вас делала! — обрадованно ска-

зала леди Вера. — Ума не приложу. Другой бы на вашем месте скаредностью погубил все дело.

Мистер Фрисби расцвел от ее похвалы. Внутренний голос опять шептал, что надо ковать железо. Надо только придумать, с чего начать. Чувство готово вылиться наружу. Надо только найти ключик.

— Чем-чем, а скупостью я не грешу, — скромно сказал он.

— О нет.

— Деньги я люблю, не отрицаю, но…

— Деньги все любят.

— Все?

— Все.

— И вы?

— Конечно, и я.

— Возьмите мои, — сказал мистер Фрисби.

Он прошагал к телефону, поднял трубку и что-то пролаял в нее, чтобы скрыть непривычное смущение. Не будь его щеки выдержаны в крепком маринаде, они бы зарделись. Он сказал не совсем то, что хотел. Он искал слова понежнее и поромантичнее. Но как вышло, так и вышло. Предложение поставлено на повестку дня и пусть там стоит, рассудил мистер Фрисби.

— Роббинс? Немедленно приезжайте в Гросве-

нор-хаус, Роббинс. Прямо сейчас. Мне надо с вами повидаться.

Леди Вера с лукавой улыбкой смотрела ему в спину. Она имела опыт выслушивания несуразно сформулированных предложений. Покойный полковник Арчибальд Мейс одним прекрасным летним днем сграбастал ее руку, полиловел и буркнул: «Ну, что?». По сравнению с ним мистер Фрисби выказал необыкновенное красноречие.

— Ну? — сказал мистер Фрисби, водружая трубку на место и поворачиваясь к леди Вере.

— Вы с ним договоритесь? — вместо ответа спросила леди Вера.

Мистер Фрисби коротко кивнул.

— Он-то мне возражать не станет.

Леди Вера улыбнулась.

— Я тоже.

— Вера! — вскричал мистер Фрисби.

— Патерсон! — вскричала леди Вера.

— Не называй меня Патерсоном, — сказал мистер Фрисби, жарко дыша ей в затылок. — Я никому этого не говорил, только тебе, и надеюсь, дальше это не пойдет. Меня зовут Торквил.

2

Берри Конвею, который вприпрыжку бежал по зеленой траве к Чайному домику, укрывшемуся в тени деревьев, Гайд-парк казался прекрасным, как никогда. Конечно, и сегодня, по обыкновению, толпы бездельников расположились на газонах, а дорожки на его пути были усеяны мусором, но такова уж магия любви, что и этот непременный антураж не вызывал у Берри ничего, кроме умиления. Собаки, числом двадцать семь, заливались на все голоса, но их лай отзывался в ушах Берри музыкой. Будь у него время, он бы подошел погладить каждого пса и раздал бы по шестипенсовику каждому бродяге. Но времени у него не было, поэтому он следовал своим путем.

Если бы Берри сказали, что его поведение при последней встрече с мистером Фрисби послужило причиной обострения его болезни, он бы крайне удивился и огорчился. Его распирала любовь к целому свету, и пятеро ребятишек, которые спросили у него по дороге, который час, вдобавок к информации получили премию в виде улыбки, столь лучезарной, что один из них, самый нестойкий, расплакался. А когда, приблизившись к Чайному домику, он увидел

сидевшую за столиком Энн, его радость достигла степени экстаза. Деревья заплясали вокруг него. Попугаи весело запели. Семья за соседним столиком, включая малыша в очках и бархатном костюмчике, показалась сошедшей с прелестной картины. Немало людей поспокойнее, чем Берри в эту минуту, отправились в дома скорби, чтобы пополнить контингент первостатейных горячечных больных.

Он перепрыгнул ограждение и в два прыжка преодолел расстояние, отделявшее его от Энн.

— Привет, — сказал он.

— Привет, — отозвалась Энн.

— Вот и я, — сказал он.

— Да, — отозвалась Энн.

— Я опоздал? — спросил Берри.

— Нет, — ответила Энн.

Горячность Берри Конвея понизилась на градус-другой. Его как будто слегка осадили. Почти восемнадцать часов прошло с тех пор, как он в последний раз виделся с этой девушкой, и не мог удержаться от мыслей о благоприятном развитии их отношений. Конечно, в общественном месте девушки должны сдерживать эмоции. Вскочи сейчас Энн с места, чтобы поцеловать его, малыш за соседним столиком, несомненно, осложнил

бы ситуацию, громко спросив: «Мама, а чегой-то они делают?» Нет, вполне понятно, почему она не вскочила и не бросилась ему на шею.

Однако — и это уже не спишешь на приличия — она могла бы ему улыбнуться, даже улыбнуться с тихой нежностью — и не сделала этого. Лицо ее было серьезным. Будь Берри не в столь экзальтированном состоянии, он счел бы выражение ее лица враждебным. Никакой улыбкой и не пахло. Губы ее были крепко сжаты, а глаза смотрели в сторону. Смотрели они на крохотного, но довольно сердитого пекинеса, сидевшего у стола в ожидании подачки.

Любовь обостряет чувства. Берри понял, в чем было дело.

— Я опоздал, — виновато сказал он.

— Нет, — ответила Энн.

— Прости, пожалуйста, — сказал Берри, — мне надо было кое-куда забежать по пути.

— Вот как? — спросила Энн.

Даже глядя на мир сквозь розовый туман, Берри почувствовал, как стремительно падает градус его счастья. Он проклинал себя за непунктуальность. «Вот так, — думал он, — гибнут в зародыше нежные чувства. Люди договариваются встретиться с девушкой в Чайном домике ровно в пять,

а сами болтаются черт знает где и являются в пять ноль одну или пять ноль две. А тем временем бедная девушка ждет, ждет и ждет, умирая от жажды…»

Все понятно. Наконец-то все прояснилось. Чай! Конечно. Эта мысль принесла ему облегчение. Холодность Энн не означает ничего плохого. Она не значит, что Энн хорошенько подумала и решила, что Берри ей не подходит. Она значит только, что Энн хотелось выпить глоток чаю, причем немедленно.

Он громко постучал по столу.

— Чаю! — скомандовал он. — На двоих. И побыстрее. И еще пирожных и всего такого.

Энн наклонилась и погладила песика. Берри решил, что, пока не принесут чай, лучше поговорить о чем-нибудь постороннем.

— Хороший денек, — сказал он.

— Да, — согласилась Энн.

— Симпатичный песик, — сказал Берри.

— Да, — ответила Энн.

Берри решил помолчать. Разговор явно не клеился. Он дивился странной власти этого зелья — чая, отсутствие которого способно превратить веселенькую девушку в угрюмую молчунью. Он предвкушал мгновение между двумя глотками,

которое преобразит Энн в нежнейшее существо, каким она была накануне вечером.

Он откинулся на спинку стула и попытался расслабиться, глядя на серебряные воды Серпантина. С берега доносилось утиное кряканье. Очень скоро он и преобразившаяся Энн будут бросать им крошки. Только бы скорее принесли этот чай.

— Ага! — воскликнул он.

К ним приближалась официантка с подносом.

— Вот и чай, — объявил он.

— Ага, — сказала Энн.

Он смотрел, как она наполняет чашку. Смотрел, как она пьет. Разуверившись в ожиданиях, решил возобновить беседу.

— Мне ужасно неприятно, — сказал он, — что заставил тебя ждать.

— Я только что пришла, — сказала Энн.

— Мне надо было кое-кого повидать…

— Кого же?

— Да так, одного человека.

Энн отломила кусочек кекса и бросила пекинесу. Песик подозрительно его обнюхал и вопросительно посмотрел вверх. Он ждал цыпленка. У него выработался рефлекс — если двое сели за стол перекусить, в меню обязательно должен быть цыпленок.

— Понятно, — сказала Энн. — Одного человека, а не целую банду?

Берри поперхнулся чаем. Слова звучали странно, но взгляд, которым они сопровождались, испугал Берри. Впервые за время свидания Энн подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза. Ее глаза горели как уголья.

— Что?

— Я спросила, не с целой ли бандой ты встречался, — ответила Энн. Ее глаза сверлили его насквозь. — Насколько я успела узнать, когда у тебя выдается свободная минута, ты охотишься за бандитами.

Вдали крякали утки. За соседним столиком у малыша кусок попал не в то горло, и родители хлопали его по спине. Чирикали воробьи, и чей-то голос требовал, чтобы Эрни перестал дразнить Сирила. Ничего этого Берри не слышал. Он слышал только стук собственного сердца, которое грохотало, как армейский барабан.

Он открыл было рот, чтобы что-то сказать, но Энн остановила его.

— Прошу тебя, довольно *лжи*, — сказала она.

Она наклонилась в его сторону и заговорила, понизив голос. То, что она собиралась сказать, не предназначалось для посторонних ушей.

— Рассказать тебе, — начала она, — как я провела день? Вчера вечером, вернувшись домой, я имела разговор с теткой лорда Бискертона, которая меня здесь опекает. Она видела нас с тобой в ресторане, и у нее нашлось что мне сказать. Мне хотелось все это обсудить с тобой, я села в машину и поехала в Вэлли Филдс. Тебя дома не было, зато там была пожилая леди, с которой мы довольно обстоятельно побеседовали.

Берри показалось, что он издал предсмертный вопль. Но на самом деле крик застрял у него в горле. Он сидел молча, а душа его терзалась в страшных муках. Энн встретилась с Обломком Прошлого! Беседовала с ней! Он содрогнулся при мысли о том, что она могла услышать. Если кто и мог недрогнувшей рукой обречь его, Берри, на верную гибель, это была его няня.

Энн продолжила тем же негромким ровным голосом:

— Она сказала мне, что ты никогда в жизни не занялся бы такой опасной работой, потому что всегда был тихим и спокойным. Она сказала, что ты работаешь секретарем у моего дяди и в жизни не позволял себе ничего авантюрного. Она сказала, что зимой ты всегда надеваешь фланелевые кальсоны и спишь в носках. И наконец, она

сказала, что шрам на виске причинила не пуля, просто в шестилетнем возрасте ты ударился о вешалку в прихожей, потому что забыл поцарапать подметки у новых ботинок.

Она резко поднялась.

— Ну вот и все, — подытожила она. — Не знаю, зачем ты так усердно старался меня одурачить. До свидания.

Она уходила — уходила из его жизни, а Берри не в силах был шевельнуться, чтобы остановить ее. Только когда она скрылась за углом, Берри вышел из оцепенения. Он вскочил и побежал вслед за Энн, чтобы объяснить, умолить, очистить себя по крайней мере от обвинения в ношении кальсон и носков в постели, но его остановил голос официантки:

— Желаете счет, сэр?

Официантка смотрела на него с подозрением. Ей не нравились клиенты, которые делали резкие движения, предварительно не расплатившись.

— Ах! — смутился Берри. Официантка фыркнула.

— Я забыл, — сказал Берри.

Он нашарил деньги, протянул официантке и отмахнулся от сдачи. Но задержка все равно оказалась роковой.

Он перепрыгнул через ограждение и оглянулся. Гайд-парк, все такой же огромный и зеленый, был залит солнцем. Собаки были на месте. Бездельники тоже. И мусор. Только Энн исчезла.

Некормленные утки на Серпантине недовольно крякали.

3

В курительной комнате непрезентабельного клуба, который посещал капитан Келли, он с невозмутимым видом выслушивал возбужденного мистера Хоука.

— Он сказал, что знает твой секрет?

— Да.

Дж. Б. Хоук вытер лоб. Волнение и четыре порции бренди, которые он выпил, чтобы оправиться от шока после краткой беседы с Бисквитом, вогнали его в пот. Он просто истекал потом.

— Какой секрет?

— Насчет шахты, конечно.

— Почему конечно? У тебя небось этих секретов целый мешок, один другого чище.

Благожелательное предположение друга не сняло тревогу с сердца мистера Хоука. Он отрицательно покачал головой.

— Этот тип — приятель молодого Конвея. Жи-

вет с ним по соседству. Они вместе завтракали. И говорили про рудник. Конвей мне сам сказал. Не зря я тогда заподозрил, что этот Конвей подслушал нас за дверью. Так оно и вышло.

Капитан немного подумал.

— Очень может быть, — сказал он. — Но, с другой стороны, он мог тебя и на понт взять.

— Со мной такие штуки не проходят, — обидчиво сказал мистер Хоук, которому честь была дорога, несмотря ни на что.

— Неужто? — с кривой усмешкой переспросил капитан Келли. — Я тебя в два счета обвел вокруг пальца. Ты проглотил мою историю с чикагскими гориллами и глазом не моргнул. И отписал мне половину наличности.

Смутные подозрения зароились в голове мистер Хоука. По телу пробежала дрожь.

— Гориллы! — выдохнул он. — Ты что же, хочешь сказать, что…

— Вот именно. Гориллы! Никакие они не гориллы. Никаких горилл и в помине нет. С чего бы я вдруг стал тратиться на каких-то чужих ребят? Я эту шутку на месте придумал. Меня прямо там осенило.

Мистер Хоук мрачно запыхтел. Двуличие друга его подкосило под самый корень.

— А ты сразу купился, — насмешливо продолжал капитан Келли. — Я и не ожидал. Я думал, ты поумнее будешь.

Мистер Хоук пришел в себя и задиристо спросил:

— И ты надеешься хорошо заработать?

— Еще бы.

— Ну так слушай. Знаешь, сколько у меня на текущий момент акций «Медной Прыткой Ящерки»?

— Сколько?

— Ни одной. Ни единой. Вот сколько.

У капитана вытянулось лицо.

— Как это?

— Объясняю. Я продал свои акции по четыре шиллинга и собираюсь выкупить, когда они упадут. А уж тогда мы сольем информацию насчет новой жилы и все будет в лучшем виде. Беда теперь вот в чем. Что мешает этому парню собрать деньжат и скупать наши акции, как только откроются торги? Что помешает ему скупить все дочиста?

Озабоченность товарища, как в зеркале, отразилась на лице капитана Келли.

— Гм, — произнес он и задумчиво умолк. — Ты думаешь, он все-таки в курсе?

— Несомненно. Он сказал: «Я знаю твой секрет», а я спросил: «Какой секрет?», а он говорит: «А!», а я говорю: «Про “Мечту Сбывается”?», а он отвечает: «Вот именно!».

Капитан Келли неприязненно оглядел мистера Хоука.

— А еще говорил, что тебя на понт не возьмешь! Жаль, меня там не было.

— А что бы ты сделал?

— Я бы тебя стулом по башке шарахнул, прежде чем ты успел рот открыть. Он же ничего на самом деле не знал.

— Теперь он знает достаточно, — поникшим голосом отозвался мистер Хоук. Восстанавливая в памяти недавний эпизод, он сам удивлялся своей доверчивости. Не мог поверить, что это он, Дж. Б. Хоук, повел себя так нелепо. Он во всем винил этих призрачных горилл, которые задурили ему голову.

— Что собираешься делать? — спросил капитан Келли. Мистер Хоук устремил на него взгляд, полный холодной укоризны.

— А что я могу? — спросил он. — Я могу поделиться тем, что собирался сделать, если пожелаешь. Я пришел попросить тебя наслать этих твоих горилл в Вэлли Филдс, где живет этот па-

рень. Чтобы они им занялись.

— Пришить, что ли?

— Ну почему сразу пришить! Надо просто проследить за Конвеем и его дружком, пока я не выкуплю акции. Сегодня торгов нет. Но если их не остановить, они завтра же с утречка кинутся на биржу. Я хотел тебя попросить, чтобы твои ребята задержали их дома. Пускай бы наставили на них пушки и велели не рыпаться. Мне всего-то и надо пару часов, чтобы управиться. Но теперь все пропало, — грустно закончил мистер Хоук. — Никаких ребят у тебя нет.

Он казался безутешным. Капитан Келли сидел задумавшись, но его мысли приняли другое направление.

— Мысль неплохая, — наконец сказал он. — Не знал, что ты на такое способен.

— Ты про что?

— Про то, чтобы попридержать этих двоих.

— Да? — оживился мистер Хоук. — А что тут можно сделать?

Капитан Келли ухмыльнулся.

— Мы сами за это возьмемся.

— Кто — мы?

— Ты и я. Подъедем туда вечерком и все уладим.

Мистер Хоук обмер. Внезапные горести ослабили его умственные способности, но столь ясно выраженная мысль была ему вполне доступна.

— Я? — недоверчиво спросил он. — Думаешь, я ворвусь в чужой дом с пушкой?

— А что такого?

— Ни за что.

— Брось, — сказал капитан Келли. — Ты что, хочешь, чтобы эти двое сорвали все дело?

Мистер Хоук опустил голову. Перспектива была не из приятных.

— Ты же знаешь, чем кончится, если их не остановить. Они начнут скупать акции, кто-нибудь заподозрит, что дело нечисто, цена подскочит, и нам ничего не останется.

— Помню, как М.Т.О. «Никель» открыла торги с десяти и, как пошла молва, через пару часов акции подскочили до ста двенадцати, — сказал мистер Хоук. — Это было пять лет назад. То же самое будет с «Прыткой Ящеркой». Торги такое дело, в случае чего рост ничем не остановишь. — Он помолчал. — Но ехать в Вэлли Филдс и грозить пушкой! Это не по мне.

— Придется попробовать, — твердо сказал капитан Келли. — У тебя пушка есть?

— Откуда!

— Ступай и купи, — отрезал капитан Келли. — Встречаемся здесь в девять.

4

Капитан Келли придирчиво оглядел мистера Хоука. Ему не понравилось, как его приятель втиснулся в его машину. «Как угольный мешок с пропеллером», — подумал капитан.

— Хоук, — сказал он, — ну ты и бревно!

Мистер Хоук не ответил. Ему было не до оправданий. Глаза у него помутились, как у снулой рыбы.

— Ну ладно, — решительно сказал капитан. — На свежем воздухе тебе полегчает.

Он сел за руль, и машина тронулась с места. Биг Бен пробил девять раз.

— Я купил пушку, — вдруг разговорился мистер Хоук.

— Помолчи лучше, — оборвал его капитан Келли. Мистер Хоук тихонько засмеялся и устроился поудобнее.

Машина вырулила на Слоун-сквер. Мистер Хоук кивнул полисмену на перекрестке.

— Пушку купил, — сообщил он ему как старому другу.

Глава XII

1

Когда поэт Бунн (1790–1860) говорил о сердце, которое сгибается под тяжестью скорби, он, конечно, выражался, как заведено у поэтов, образно. К счастью для безопасности общественного транспорта, несчастья не имеют веса. Если бы тяжесть людских страданий измерялась в фунтах и унциях, омнибус номер три, в который в половине девятого на углу Кроксли-роуд сел лорд Бискертон, нипочем не довез бы его из Лондона в Вэлли Филдс. Он бы остановился под тяжестью непосильного бремени. Потому что у Бисквита было невыносимо тяжело на сердце.

Весь этот долгий летний день, спустя десять минут после краткой беседы с мистером Хоуком, настроение его делалось все более и более мрачным. И не без оснований.

«Что мешает этому парню собрать деньжат и начать скупать акции, когда откроются торги?» — спрашивал Дж. Б. Хоук.

Бисквит знал бы, что ему ответить. Препятствием на его пути к крупным закупкам на торгах

стояли скупость, недоверчивость и отсутствие широты взглядов со стороны его знакомых. На обещание несметных богатств в обмен на кредит они ответили отказом. Как сговорившись, они увильнули от предоставления ему займа, который развязал бы ему руки на завтрашних торгах. Ценная информация об акциях «Прыткой Ящерки» пропадала втуне.

Самая печальная из выработанных человечеством мудростей заключена в поговорке «Близок локоток, да не укусишь».

Занимать деньги всегда непросто. Никто из знатоков нравов не мог еще с достаточной убедительностью объяснить, почему «А» это удается, а «Б» — нет. Или почему «В» с легкостью одалживают тысячи, а «Г» никто не даст больше пятерки. Единственное, что тут можно сказать, — что искусство делать долги требует определенной твердости. Если бы Бисквит представлял «Пернамбуко», или «Фиджи Трейдинг Компани», или «Золотые Кирпичи» и «Вечный Двигатель Лимитед», он не вернулся бы домой с пустыми карманами. Но он вел дела как частное лицо, хуже того, как частное лицо, не котирующееся в финансовых кругах. У него была репутация пятерочника. Завидя лорда Бискертона, потен-

циальные заимодавцы машинально шарили в карманах, нащупывая пятифунтовую бумажку. Они прочно держали его в этой категории, не желая одолжить тысячу фунтов, в которой он так нуждался.

Он попытал счастья в самых безнадежных ситуациях. Доведенный до отчаяния, он, ведомый генетической памятью предков-крестоносцев, сунулся даже в логово господ Дайкса, Дайкса и Пинвида. Но оба Дайкса вместе с Пинвидом только грозно трясли перед его носом неоплаченными счетами. И наконец, когда молодой Пуффи Симеон, известный как самый богатый член клуба «Трутни», отказался даже беседовать на эту тему, у Бисквита опустились руки.

Ноги отказывались нести его в Малберри-гроув. Душа его разрывалась от горя. Мысли постоянно возвращались к тому, что уплывало из рук. Однажды в школе он просадил шесть шиллингов, поставив на то, что Р. Б. Бленкинсопу, по прозвищу Книжный Червь, не съесть десять порций макарон за время перемены. Это был самый легкий удар судьбы. Просто смешной по сравнению с тем, что судьба нанесла ему сейчас. Это удар так удар. Деньги валялись под ногами. А он не сумел их подобрать.

Тяжело дыша, Бисквит доплелся до Малберри-гроув и свернул к калитке усадьбы. Ему хотелось услышать слово сочувствия, и сказать его мог только Берри Конвей. Больше того, он боялся признаться себе, что где-то в глубине души еще теплилась последняя надежда: вдруг Берри сможет раздобыть деньжат! Вот ведь Эттуотер одолжил же ему однажды двести фунтов, и Берри их вернул. Такое не забывается, это должно расположить Эттуотера к очередному проявлению щедрости.

Чуть оживившись, Бисквит постучал в окно гостиной.

— Берри! — позвал он.

Берри был дома и услышал стук. Услышал он и голос друга. Но не отозвался. Он тоже был погружен в тяжкие раздумья и хотя всегда радовался обществу Бисквита, теперь чувствовал себя не готовым к дружеской беседе. Он опасался, что Бисквит опять начнет петь соловьем о своей Кичи, и каждое его слово будет буравить ему сердце. Мужчина, которому только что женщина разбила сердце на мелкие кусочки, не сможет радоваться чужому счастью.

Поэтому Берри затаился во тьме и не подавал признаков жизни. А Бисквит с проклятием отвер-

нулся от окна, присел на ступеньку и закурил.

Не найдя, однако, утешения в никотине, он поднялся, подошел к ограде и прислонился к ней. Стал смотреть на окружающий пейзаж. Сгущалась ночная тьма, но еще было видно, как лебедь Эгберт плыл по воде, и Бисквит прикинул, можно ли попасть в него отсюда палкой. Когда душа уязвлена, иногда можно облегчить страдания, подразнив лебедя. Бисквит подобрал подходящую палочку.

Он примерился, прикидывая траекторию, но вдруг между ним и целью возникло препятствие. Высокий худой мужчина зрелого возраста вышел из-за угла и уставился на Бисквита, словно на могильный камень, под которым был погребен его лучший друг.

— Добрый вечер, мистер Конвей, — сказал пришелец грустным голосом, напомнившим интонацию управляющего банком, извещающего его, лорда Бискертона, о том, что в сложившихся обстоятельствах превышение кредита было бы неудобно, нет, скорее — невозможно. — Вы ведь мистер Конвей, не так ли? Моя фамилия Роббинс.

2

Ошибка старшего партнера адвокатской конторы «Роббинс, Роббинс, Роббинс и Роббинс» была вполне естественной. Мистер Фрисби направил его в Вэлли Филдс к авантюристу, проживающему в «Укромном уголке» на Малберри-гроув, и у калитки указанной усадьбы он обнаружил стоявшего за забором молодого человека, Неудивительно, что мистер Роббинс решил, что цель путешествия достигнута.

— Мне хотелось бы поговорить с вами, мистер Конвей, — сказал он.

Вмешательство в спортивные планы не понравилось Бисквиту.

— Я не мистер Конвей, — резко сказал он. — Мистера Конвея нет дома.

Мистер Роббинс предупредительно воздел обтянутую перчаткой руку. Он ожидал такого рода реакцию.

— Прошу вас, немного терпения, — сказал он. — Понятно, что вы предпочли бы не обсуждать свои дела, но боюсь, мне придется настоять на этом.

У мистера Роббинса было две манеры разговаривать с людьми. Беседуя с доверившимся ему клиентом, он позволял себе расслабиться и по-

шутить. Но, имея дело с авантюристами, он был тверд и непреклонен.

Ему не нравился стоявший перед ним мошенник, поэтому он взял холодный тон.

— Я представляю интересы мистера Фрисби, с племянницей которого, насколько мне известно, вы собираетесь заключить брачный союз. Мой клиент положительно настроен не допустить этого брака, и, смею вас заверить, вы не сможете поступить наперекор его желанию. Проявив несговорчивость и неуступчивость, вы потеряете все. Если же вы будете благоразумны, мой клиент готов покончить дело с большой щедростью. Я думаю, вы согласитесь со мной, мистер Конвей, — беседуя здесь, с глазу на глаз, в отсутствие свидетелей, — что героизм в данном случае неуместен, и мы можем сразу приступить к обсуждению финансового аспекта.

Бисквит выслушал эту тираду без всякой почтительности. Он достаточно натерпелся за этот день, чтобы кротко внимать глупой болтовне. Седины собеседника, выбивавшиеся из-под шляпы, не позволили ему ответить действием, иначе он сшиб бы эту шляпу одним ударом. Он решил ответить словесно только для того, чтобы поставить завзятого оратора на место. Однако

Бисквит не воспользовался возникшей паузой, чтобы указать на ошибку. Мысль о том, что в одиннадцатом часу трудного дня судьба послала ему человека, который заговорил о деньгах — пока очень туманно, но с некоей лучезарной перспективой, — заставила его промолчать.

— Ну так как, мистер Конвей, — возобновил свою речь мистер Роббинс, — будете благоразумны?

Бисквит закашлялся. Палка выпала из его рук.

— Вы предлагаете мне деньги за…

— Позвольте!

— Нет уж, говорите прямо, — прервал его Бисквит, — идет речь о деньгах или нет?

— Идет. Я уполномочен предложить…

— Сколько?

— Две тысячи долларов.

Малберри-гроув поплыл перед глазами Бисквита. Лебедь Эгберт превратился в двух лебедей, близнецов.

— Подумайте хорошенько, — сказал мистер Роббинс.

Он плотно запахнул полы пиджака, больше напоминавшего крылатку. Бисквит бессильно оперся о забор.

— Когда я их получу? — спросил он после па-

узы.

— Сейчас.

— Сейчас?

— У меня с собой чек. Смотрите!

И мистер Роббинс вытащил из кармана чек и помахал им перед носом Бисквита. Долго махать ему не пришлось.

— Давайте, — прохрипел Бисквит и выхватил чек. Мистер Роббинс пронаблюдал за его жестом с жалостью и отвращением. Он был уверен в успехе своей миссии, но не надеялся, что победа придет так скоро. Хотя адвокат и упомянул, что героизм в этом деле неуместен, он не предполагал, что соперник сдастся без всякой попытки сопротивления.

— Полагаю, юную леди можно поздравить с удачным избавлением, — язвительно заметил он.

— А? — отозвался Бисквит.

— Я говорю, можно поздравить…

— Ах, да, — машинально ответил Бисквит, — спасибо большое.

Мистер Роббинс попытался пробить эту стальную броню.

— Вот моя карточка, — брезгливо сказал он. — Завтра пожалуйте ко мне в контору подписать

письмо, которое я продиктую. Спокойной ночи, мистер Конвей.

— А?

— Спокойной ночи, мистер Конвей.

— Что?

— Спите спокойно! — в третий раз пожелал мистер Роббинс.

Он повернулся и пошел прочь. Даже его спина выражала презрение.

Бисквит немного постоял, глядя на воду. Потом, медленно войдя в дом, смешал себе виски с содовой, потому что ситуация безоговорочно того требовала.

В промежутках между глотками он, слегка фальшивя, напевал баритоном боевую мелодию. Тонкая перегородка, отделявшая гостиную «Заводи» от гостиной «Уголка», позволяла Берри, пытавшемуся сладить со своей трагедией, слышать каждую ноту.

Берри передернуло. Если так его приятель выражает свою великую любовь, славу богу, что он не отозвался на его стук в окно.

3

Спустя двадцать минут автомобиль с капитаном Келли и мистером Хоуком въехал на

Малберри-гроув.

— Прибыли, — объявил капитан. — Вылезай.

Мистер Хоук вылез из машины.

— Теперь вот что, — сказал капитан Келли, по-военному озирая окрестность, — вот что мы сделаем, рыба ты снулая. Ступай за угол и стань на шухер позади дома. Я буду здесь, у входа. И помни, никто не должен выйти ни из того, ни из этого дома. Всех впускать, никого не выпускать. Уразумел?

Мистер Хоук, преисполненный решимости выполнить свой долг, кивнул одиннадцать раз.

— Пушку купил, — сказал он.

Глава XIII

1

Диета из большого количества виски с незначительным добавлением содовой на протяжении дня и вечера, время от времени перемежаемая чистым бренди, — палка о двух концах. С одной стороны, она имела своим результатом появление Дж. Б. Хоука с револьвером в руках на задворках усадьбы, каковой подвиг он никогда бы не смог совершить на лимонаде; но с другой — она сильно ослабила его способности.

Прислонившись к дереву и вдыхая ароматный ночной воздух Вэлли Филдс, мистер Хоук плохо понимал, что с ним происходит. Ему смутно вспоминался какой-то странный разговор с другом, капитаном Келли, в ходе которого было сказано много интересного, но по меньшей мере три кардинальных вопроса оставались неясными.

Вот эти вопросы:

(а) Кто он такой?

(б) Где он находится?

(в) Зачем он здесь?

Никто, кроме него самого, не мог ответить на

эти вопросы.

В сущности, над теми же проблемами задумывался, бывало, Марк Аврелий. Но у мистера Хоука было преимущество перед римским императором. Последний искал объяснения своему пребыванию в большом мире. Дж. Б. Хоук хотел только знать, зачем он прислонился к дереву в каком-то деревенском саду.

Он чувствовал, что его привела сюда какая-то серьезная причина, и надеялся, что если будет сохранять спокойствие и сосредоточится, то припомнит, какая именно.

Итак, затерянный в пространстве мистер Хоук размышлял о первопричинах своего бытия. Размышлял он и в тот момент, когда судьба подсобила ему, ослабив руку, которой он опирался о ствол дерева. Потеряв равновесие, мистер Хоук повалился на бок и больно ударился левым виском. Шок, вызванный ударом, не замедлил сказаться. Сидя на земле и потирая ушибленное место, мистер Хоук обнаружил, что память вернулась к нему.

Он вспомнил все. Все стало на свои места. Капитан поставил его здесь, в саду, чтобы предотвратить — если понадобится, то силой — исход молодого Конвея и его рыжего приятеля. Мистер

Хоук решительно поднялся и отряхнул брюки. Голова слегка кружилась, но зато ответы на фундаментальные вопросы бытия были найдены.

Инстинктивно чуя, что такая вещь непременно пригодится в экспедиции, Дж. Б. Хоук захватил с собой внушительную карманную фляжку. Теперь он извлек ее и основательно приложился. И сознание его, проделав путь из тьмы непонимания к высотам знания, сделало новый вираж. Если бы случайный прохожий осветил в этот момент лицо мистера Хоука, его поразило бы в нем выражение твердости. Дж. Б. Хоук глубоко погрузился в думы о Берри и его друге. Ишь чего захотели! Увести из-под носа хорошего человека заслуженное им богатство! Не на того напали, думал мистер Хоук.

Широким жестом, как бы сметающим с его пути незадачливых заговорщиков, он театрально воздел к небесам руку. К несчастью, это оказалась та самая рука, которая держала фляжку. Пальцы, повинуясь внезапному порыву мистера Хоука, ослабили хватку. Драгоценный предмет сгинул в ночи, оставив бывшего владельца в лихорадочных поисках.

Мистер Хоук никогда не числился в любителях поэзии. А то, несомненно, вспомнил бы горькие

строки Лонгфелло о том, как поэт направил в небо стрелу, а та упала на землю и пропала неизвестно где.

Эти стихи как нельзя лучше описывали ситуацию. Ночь была темна, а угодья усадьбы достаточно велики, чтобы навсегда похоронить фляжку. Много долгих, томительных минут, как ищейка, обшаривал их мистер Хоук из конца в конец. Он лазил под кустами. Ползал на четвереньках. Рылся на клумбах. И все напрасно. Сад неусыпно хранил свою тайну.

Дж. Б. Хоук признал свое поражение. Он сдался. В глубокой скорби поднимаясь с последней обысканной им клумбы, он обернулся и увидел, что в окне, которое только что было темным, загорелся свет. Заинтересовавшись этим феноменом, мистер Хоук быстро выбрался на лужайку и заглянул в окно.

Этот молодчик Конвей преспокойно пил виски и закусывал ростбифом.

Открытие, что он стоит на грани смерти от голода и жажды, пришло к Берри, когда он сидел в темной гостиной, лелея свою печаль. Поначалу Берри отмахнулся от него: сама мысль о еде и питье в этих обстоятельствах казалась кощунственной. Но когда позыв усилился, он сдался.

Берри пошел в кладовую, взял кое-что выпить и закусить и теперь не без удовольствия предавался чревоугодию.

Мистер Хоук, стоя под окном, зорко наблюдал за ним. Ему тоже не помешал бы кусочек мясца. И глоток виски. Прижавшись носом к стеклу, он жадно следил за каждым исчезающим во рту врага куском и глотком. Тоска по утерянной фляжке делалась все мучительней.

Вдруг он увидел, как трапезничающий молодой человек перестал жевать и, словно прислушиваясь, приподнял голову. Мистер Хоук не слышал ни звука и не знал, что в доме прозвенел звонок. Но Берри его услышал, и дикая, отчаянная надежда пронзила его — вдруг это Энн пришла сказать, что, несмотря ни на что, она его любит. По правде говоря, при расставании она ничем не дала понять, что ее сердце может перемениться, но даже проблеск надежды, как вихрь, поднял Берри с места, и он стремглав сбежал вниз, в холл. Мистер Хоук смотрел теперь в пустую комнату.

Пустую, если не считать ростбифа и бутылки виски. Эти остались, и Дж. Б. Хоук виделось в них нечто магнетическое, привораживающее, словно колдовством. Он потянул на себя оконную раму. Окно было не заперто. Он толкнул его и вскараб-

кался в дом.

В суматохе этого необычного дня и в связи с необходимостью поддерживать кураж с помощью спиртного мистер Хоук, наверное, впервые за всю свою жизнь забыл пообедать, всецело сосредоточившись на потреблении двойного виски. Он был зверски голоден и потому сразу потянулся к ростбифу. Виски он тоже отдал должное.

Человек, нестойкий в чувствах, наевшись до отвала, не может не пережить некую смену состояний. В начале ужина Дж. Б. Хоук был настроен по отношению к Берри чрезвычайно недоброжелательно. Но к концу трапезы в нем возобладала доброта. В голове у него шумело, но сквозь этот шум ясно проступало острое желание любить весь мир.

Он встал из-за стола. Подошел к двери. Из гостиной доносились голоса. Очевидно, там собрались люди, и Дж. Б. Хоука к ним потянуло.

Он, заплетаясь, одолел коридор, после некоторого размышления выбрал одну из трех ручек, которыми неизвестный дизайнер оснастил дверь в гостиную, и, перешагнув порог, одарил присутствующих широкой добродушной улыбкой.

Присутствующих было двое. Одним из них был Берри. Второй — респектабельный господин

средних лет с чисто выбритым лицом и седыми усами. Оба, казалось, удивились, увидев мистера Хоука.

— Привет! — сердечно сказал мистер Хоук.

Берри, как гостеприимный хозяин, ответил на приветствие.

— Привет, — сказал он. И чрезвычайно удивился, узнав незваного гостя. — Мистер Хоук!

— Х-х-х-оук, — подтвердил Хоук.

К этому времени Берри подвел под факт неожиданного вторжения теоретическую базу. Он решил, что после прихода лорда Ходдесдона он забыл закрыть входную дверь и новый гость, найдя ее открытой, вошел без звонка. Так вполне могло произойти, потому что явление лорда Ходдесдона поразило Берри и он забыл обо всем прочем. Так или иначе, Хоук был здесь, и хозяин дома попытался деликатно выяснить, что его сюда привело.

— Я вам нужен по какому-то делу? — спросил он.

— Пушку купил, — умиротворенно сказал мистер Хоук.

— Игрушку? — переспросил Берри.

— Пушку, — поправил его мистер Хоук.

— Какую игрушку? — гнул свое Берри, мысль

которого не поспевала за развитием разговора.

— Пушку, — припечатал мистер Хоук.

Берри терпеливо попробовал подойти к предмету с другой стороны.

— Кукушку? — спросил он.

— Пушку, — ответил мистер Хоук.

Он слегка нахмурился, и его улыбка отчасти утратила свою безоглядную веселость. От игры словами у него немножко заболела голова.

Лорд Ходдесдон тоже не очень хорошо понимал, о чем речь. Его раздражало, что их беседу с Берри прервали как раз в тот момент, когда он приступил к самому главному.

Учитывая, что он столь твердо и бескомпромиссно заявил своей сестре Вере о невозможности возвращения в Вэлли Филдс, присутствие лорда Ходдесдона в гостиной Берри требует краткого объяснения. Он изменил свое мнение. Это отличительная черта поистине великих людей — не бояться изменить свое решение, ежели для того возникнут веские основания. А лорд Ходдесдон, обдумывая ситуацию в клубе, нашел очень существенное основание.

Открытия леди Веры, доведенные до его сведения вчера вечером, потрясли его до глубины души. Если Энн Мун действительно собирается

дать отставку его сыну и выйти за этого Конвея, дело плохо. Хотя ничто в поведении миллионера не указывало на желание расстаться с деньгами, лорду Ходдесдону, закоренелому оптимисту, казалось, что, если бы племянница Фрисби стала женой лорда Бискертона, было бы вполне уместно попросить у Т. Патерсона немного в долг. Они ведь сделаются практически родственниками. Соответственно, жизненно необходимо, чтобы кто-то очень авторитетно поговорил с этим Конвеем.

Чек на шестьсот фунтов придал ему уверенности, и он прибыл в усадьбу «Уголок», чтобы откупиться от конкурента. В целях безопасности он приехал ближе к ночи. И как раз взял именно тот тон, который подобает главе семьи, когда в гостиную вторгся непрошеный визитер. Точно посреди самого блестящего словесного пассажа дверь распахнулась и ввалился этот краснорожий гигант.

Поняв, что очарование момента безвозвратно нарушено и обсуждение деликатного дела придется отложить, подозревая, что этот тип — из круга приятелей Конвея, лорд Ходдесдон поднялся с кресла.

— Где моя шляпа? — деловито спросил он.

— Пушку, — настойчиво повторил мистер Хоук. Ему показалось, что эти двое нарочно делают вид, что не понимают простого языка.

Он недружелюбно наблюдал за сборами лорда Ходдесдона. Мистер Хоук чуть было не забыл наставление капитана Келли, но лорд Ходдесдон невольно напомнил ему о нем. «Всех впускать, никого не выпускать», — сказал капитан. Седоусый сумел сюда пролезть. Но выйти отсюда ему не удастся.

— Вы собираетесь уходить? — спросил мистер Хоук. Лорд Ходдесдон в знак величайшего удивления поднял обе брови. Безденежье вкупе с издержками демократии избавили лорда Ходдесдона от проявлений собственного превосходства. Но теперь он не мог от этого удержаться. Он воззрился на Дж. Б. Хоука, как сеньор старого режима на вассала или холопа.

— Не имею чести вас знать, сэр…

Берри взял на себя обязанность представить гостей друг другу.

— Мистер Хоук — граф Ходдесдон.

Суровости Хоука чуть поубавилось.

— Прям-таки граф? — с интересом спросил он.

— …Да, да, да, я действительно собираюсь уходить, — сказал лорд Ходдесдон, игнорируя

последнее замечание.

Мистер Хоук мгновенно преодолел свою слабость. Он снова почувствовал себя настоящим мужчиной, человеком с пистолетом.

— Не получится, — сказал он.

— Прошу прощения?

Мистер Хоук явил взорам собеседников пушку, о которой они так много слышали, и невнятно, но решительно скомандовал:

— Руки вверх!

2

Тем временем и в гостиной «Мирной заводи» происходили события, заслуживающие внимания хроникера. Пора ему обратить свое всевидящее око на дела лорда Бискертона.

В то время как мистер Хоук, нацеливаясь на виски с ростбифом, влезал через окно в дом, Бисквит, сидя в кресле и глядя на фотографию мисс Вэлентайн, стоявшую на каминной доске, погрузился в те сладкие мечты, которые навевают молодому человеку любовь в сердце и чек на две тысячи фунтов в кармане. Песенная мелодия, с которой он вернулся в дом после встречи с мистером Роббинсом, вновь рвалась у него из души. Помурлыкав минут десять, он предался

молчаливым размышлениям.

Итак, он смотрел на фотографию Кичи. Завоевать любовь этого эфемерного создания — слишком высокая честь для обыкновенного мужчины. Но не для Годфри Эдварда Уинсли Брента, лорда Бискертона, любимца фортуны. Это ему судьба предназначила один из самых больших призов, когда-либо учреждавшихся фондовыми биржами, и, будто этого мало, сулила пролить над ним золотой дождь.

С ранних лет Бисквит лелеял неколебимую веру в то, что Провидение уготовило ему щедрые дары и получить их — только вопрос времени. Это убеждение покоилось на той основе, что он, Бисквит, жил, как птичка Божия, и любил ближнего своего, как самого себя. Он знал, Провидение не станет размениваться на мелочи и, выбрав фаворита, воздаст ему по всей форме.

Более того, Провидение не остановится, пока не облагодетельствует и старого доброго Берри. С подлинной широтой. Именно широтой. Покоясь в кресле, Бисквит чувствовал себя на седьмом небе. Он одолел путь через тернии к звездам, и в ушах его звучала музыка небесных сфер.

Впрочем, тут же выяснилось, что он допустил незначительную и вполне извинительную ошиб-

ку — то была не музыка сфер, а звонок в дверь. По-видимому, кто-то захотел разделить с ним час торжества. В надежде, что пришел Берри, и опасаясь, что заявился викарий, он пошел отворять. А отворив, застыл в изумлении.

Он был готов увидеть за порогом Берри. Готов был увидеть викария. Готов был даже увидеть коммивояжера с образцами метел, тростниковых качалок и новейшего средства от облысения. Но кого он никак не ожидал увидеть, так это свою бывшую невесту Энн Мун.

— Привет, — часто моргая, выговорил он.

Она смотрела на него округлившимися глазами и часто дышала. Лицо ее горело, губы запеклись. Все это — независимо от причины — очень ей шло, отметил про себя Бисквит.

— Привет, — повторил он.

— Привет, — сказала Энн.

— Ты! — выдохнул Бисквит.

— Да, — сказала Энн. — Можно войти?

— Войти?

— Да.

— Ой, конечно, — спохватился Бисквит, вспомнив, что он хозяин. — Конечно, входи.

Не преодолев изумления, он повел ее в гостиную.

— Может быть, хочешь присесть или еще чего-нибудь?

— Можно?

— Конечно, — разрешил Бисквит. — Разумеется. Наверное.

Энн села, и воцарилось молчание. Непросто начать свою речь девушке, которая разорвала помолвку с мужчиной, а теперь заявилась в его дом сообщить, что она передумала и помолвку надо реанимировать.

Как и у хозяина дома, у Энн голова шла кругом. Она приехала сюда, повинуясь одному из тех внезапных импульсов, которые руководили ее поступками. Она говорила себе, что ненавидит и презирает Берри, и это логически привело ее к признанию того, что она дурно обошлась с Бисквитом и должна исправить свою ошибку. И теперь она не находила слов, чтобы начать.

— Сигарету? — спросил Бисквит.

— Нет, спасибо.

Как ни прискорбно, она не вполне верила в то, в чем пыталась себя убедить. Легко было говорить себе, что она, мол, ненавидит и презирает Берри. В данную минуту так оно и было. Но сохранит ли она чувства после того, как приступ праведного гнева утратит над ней свою власть? Сейчас

она пылает гневом, как пылала бы на ее месте любая девушка, которую одурачили и заставили признать, что маменька — или, в данном случае, дуэнья — была права. Леди Вера говорила, что Берри — жалкий обманщик, и он им оказался.

Что и требовалось доказать, как сказал бы Бисквит.

И все же, несмотря на это, из глубины души внутренний голос нашептывал ей, что обманщик он или нет, но только его она любит и всегда будет любить. Целые годы она жила под деспотией неуступчивой Совести, и теперь, когда стала действовать в соответствии с ее велениями, прорезался голос Подсознания, чтобы снова лишить ее покоя. Видит Бог, этот мир невыносимо жесток к девушкам.

Энн попыталась заглушить голос своего нового мучителя.

— Годфри, — начала она.

— Да?

— Мне надо с тобой поговорить.

— Валяй, — ободрил ее Бисквит.

— Я…

Она осеклась. Разговор давался ей труднее, чем она могла вообразить.

Опять наступило молчание. Бисквит лихора-

дочно подыскивал тему для разговора. Ему всегда нравилась Энн, но он готов был согласиться, что она казалась гораздо привлекательней до того, как ее поразила немота, афазия или как там называется эта болезнь. Веселая болтушка — это одно. А девушка, страдающая заиканием, — совсем другое. Если Энн проделала долгий путь в Вэлли Филдс только затем, чтобы помолчать наедине с ним, то лучше бы ей остаться дома.

Откровенно говоря, ей в любом случае было бы лучше не приходить. В конце концов, он обручен, а обрученный мужчина должен вести себя крайне осторожно. Кичи может не понравиться — это будет вполне справедливо, — что он привечает у себя в доме симпатичных девушек.

Тем не менее следовало быть вежливым. Нельзя же бесцеремонно вытолкать гостью взашей, надо соблюсти церемониал гостеприимства.

— Как поживаешь?

— Спасибо, хорошо.

— Совсем хорошо?

— Да, спасибо.

— Прекрасно выглядишь.

— Ты тоже.

— Да, у меня все в порядке.

— И у меня.

— Вот и хорошо, — сказал Бисквит. — Ничего, если я выпью глоточек?

— Пожалуйста.

Он почувствовал себя свободнее. И сразу вспомнил, что пока остается нераскрытой главная тайна.

— Откуда ты узнала, где я живу?

— Леди Вера сказала.

— А! Понятно. Значит, это она тебе сказала?

— Да. Кстати, а она сообщила тебе новость?

— Какую?

— О своей помолвке?

Бисквит расхохотался.

— О ее помолвке?

— Она собирается замуж за моего дядю.

— Ну и дела! За папашу Фрисби?

— Да.

— Силы небесные!

— Я тоже удивилась. Я думала, он закоренелый холостяк.

— Перед моей тетушкой Верой спасует самый безнадежный холостяк, — веско сказал Бисквит. — Черт меня подери! Значит, наши с тобой семейства все-таки породнятся.

Он помолчал. Теперь ясно, зачем она пришла.

— Ты приехала, чтобы сообщить мне об этом?

— Нет.

— В каком смысле — нет?

— В прямом. Нет.

— То есть ты приехала не за тем, чтобы сообщить мне эту новость?

— Нет.

— Тогда, — напрямую спросил Бисквит, — зачем? Я, конечно, всегда рад тебя видеть, — галантно добавил он. — Добро пожаловать в любое время и все такое. Но все-таки, что тебя привело ко мне?

Энн почувствовала, что настал решающий момент. Отчаянно преодолевая смущение, от которого щеки ее залились румянцем, а по спине пробежал холодок, она приступила к объяснению.

— Годфри, — сказала она.

— Продолжай, — поощрил ее Бисквит после паузы.

— Годфри, — сказала Энн, — ты получил мое письмо?

— Насчет помолвки? Получил.

— Я приехала сказать тебе, что сожалею о том, что его написала.

Бисквит был настроен великодушно.

— Ну что ты! Очень изящно составленное пись-

мо. Я сразу так подумал и теперь так считаю. Прекрасное письмо.

— Я…

Бисквит виновато цокнул языком.

— Кстати, у меня совсем из головы вон — надо же было пожелать тебе счастья и тому подобного. Берри Конвей сказал, что вы обручились.

— Ты с ним знаком? — ахнула Энн.

— Конечно. И ему передай мои поздравления. Совсем зашился с делами, забыл близких друзей поздравить по такому важному случаю. А вы молодцы. Я бы тебе лучшего жениха и не пожелал.

— Мы не помолвлены.

— Нет?

— Нет.

— Значит, — растерянно сказал Бисквит, — меня неправильно информировали. И кто! Такой надежный источник! Меня просто-напросто разыграли.

— Я разорвала помолвку, — сказала Энн. Бисквит подскочил.

— Разорвала?

— Да.

— Почему?

— Неважно.

— Душенька, — отечески сказал Бисквит, — я

не имею привычки вмешиваться в чужие дела, но скажи честно, тебе не кажется, что ты слегка злоупотребляешь этими разрывами? Два в неделю — не знаю, каков европейский рекорд, но ты наверняка его побила. Разорвать две помолвки за одну неделю!

Энн стиснула руки.

— Можно сократить до одной, — с трудом выговорила она. — Если ты не против.

— В каком смысле?

— Я пришла предложить тебе, чтобы ты забыл мое письмо. Считай, что ничего не получал.

Бисквит лишился дара речи. Ну и денек выдался! Сначала Хоук, потом Роббинс, а теперь вот что. Его залихорадило.

— То есть ты предлагаешь, чтобы мы с тобой…

— Да.

— Чтобы наша помолвка…

— Да.

— И мы опять…

— Ну да, да, да!

Надолго воцарилось молчание. Бисквит подошел к окну и выглянул в него. Смотреть было не на что, но он стоял так довольно долго. Ему требовалось собрать в кулак всю выдержку и весь такт, чтобы сладить с ситуацией.

— Ну? — спросила Энн.

Бисквит отвернулся от окна. Он нашел нужные слова.

— Послушай, душенька, — извиняющимся тоном начал он, — боюсь, я должен сказать нечто неприятное, так что лучше тебе выпить глоточек. Мне очень хочется помочь тебе, но дело обстоит так, что я могу оказать только братскую помощь. — Он указал большим пальцем на каминную доску.

У Энн перехватило дыхание.

— О! — вырвалось у нее.

Она поднялась с кресла. Ни разу с тех пор, как в одиннадцать лет, когда ее вытолкнули на сцену ассистировать фокуснику, не чувствовала она себя так по-дурацки. Но Энн ничем не выдала своих чувств. Она подошла к камину и внимательно изучила фотографию.

— Хорошенькая, — сказала она.

— Хорошенькая, — согласился Бисквит.

— Да я ее знаю! — воскликнула Энн.

— Знаешь?

— Это Кичи Вэлентайн. Мы с ней плыли на одном пароходе.

Бисквит чуть было не брякнул что-то насчет судьбы, которая удосужилась свести их всех вме-

сте, но вовремя спохватился. Это, пожалуй, было бы некстати. Он промолчал.

— Она ведь живет по соседству? — спросила Энн. — Я и забыла.

— Правильно. По соседству. Мы познакомились, болтая через забор.

— Понятно. Надеюсь, ты будешь очень счастлив.

— Обязательно, — уверил ее Бисквит.

— Мне, пожалуй, пора, — сказала Энн. Бисквит жестом остановил ее.

— Погоди, — сказал он. — А что же у вас с Берри приключилось?

— Мне не хочется об этом говорить.

— Знаешь, милые бранятся…

— Это не милая брань.

— А что тогда? Господи! Если браки заключаются на небесах, так это ваш случай. Ты — прелестнейшее существо, а он — само совершенство. Природа осыпала его своими дарами и может гордиться своим произведением. Я готов подписаться под этими словами, и если бы вдруг сейчас сюда явился наш учитель, он сделал бы то же самое. Если ты в самом деле дала отставку старику Берри, ты просто умом тронулась. И не надейся, что судьба пошлет тебе второго такого парня.

Этого не будет. Второго Берри тебе не найти, даже если ты проживешь миллион лет. А уж как его ценят на секретной службе! — добавил Бисквит, выбрасывая козырную карту.

Энн коротко рассмеялась.

— На секретной службе!

— А почему ты говоришь об этом с таким ехидством?

— Я знаю о нем все, спасибо, — сказала Энн, — Тебе незачем мне врать.

Тут он исчерпал лимит.

— А? — протянул Бисквит. — Ах, вот оно что!

Он понял, в чем дело.

— Он секретарь моего дяди, — презрительно сказала Энн.

— Отчасти, да, — неохотно признал Бисквит. — Ну и что из этого?

— То есть?

— Какая разница?

Энн сверкнула глазами.

— По-твоему, никакой? Думаешь, можно обнаружить, что тебе врали без удержу, дурачили, и испытывать те же чувства к человеку, который… — Она проглотила подступивший к горлу комок. — Который притворяется, что любит, потому что ты богата?

Бисквит обомлел.

— Дорогая моя гордячка, ты хочешь, чтобы я поверил в то, что Берри охотился за твоими деньгами?

— Да. Мне леди Вера сказала.

— Даже признав, что моя тетя Вера знает об охоте за деньгами все, что только можно об этом знать, — сказал Бисквит, — я полностью отрицаю эту возможность. Послушай, Энн! Я проучился вместе с Берри пять лет и знаю его как облупленного. Это честнейший человек. Заявляю со всей ответственностью. Разве можно ошибиться в том, с кем проучился пять лет в одной школе? Берри — надежный парень.

— А почему же он лгал мне?

— Объясняю. Он просто хотел тебя повеселить. Увидел тебя тогда в «Беркли», моментально влюбился, потом, не раздумывая, сел к тебе в машину и придумал эту байку насчет секретной службы, чтобы как-то оправдать свой безумный поступок. Это в его стиле. Он совершает безумства, а потом пытается выйти из затруднительного положения с честью. Ну да, он секретарь твоего дяди. Думаешь, он нанялся к папаше Фрисби от хорошей жизни? Он оказался без пенни в кармане, один адвокат одолжил ему пару сотен, чтобы он выкру-

тился, и ему пришлось принять эту должность, чтобы отдать долг. Он все мечтал отправиться в Рио или в Аризону, в общем, куда-то в горы, на заработки. Кстати, насчет Аризоны. Ты еще увидишь, какой была дурой, заподозрив эту кристальную душу в корысти. У него самого денег не клюют, тыщи тыщ. Завтра будут. И у меня тоже. Нам повезло.

Энн молчала. Потом глубоко вздохнула.

— Понятно, — сказала она.

— Этого мало. Что ты собираешься делать?

— Я сама себя одурачила, — сказала Энн.

— Еще как одурачила, — горячо подхватил Бисквит. — Ты сделала большую глупость. Какие шаги думаешь предпринять, чтобы ее исправить?

— Написать ему?

— Неплохая мысль.

— Сейчас поеду и напишу.

— Отлично.

— Ну, я пошла, Годфри.

— Иди-иди, — подстегнул ее Бисквит. — То есть я, конечно, рад был тебя видеть и все такое, но надо исправлять ошибку.

— Я, наверное, должна тебя поблагодарить, — сказала Энн у порога.

— Нет нужды. Рад, если я сумел чем-то быть полезным.

— Тогда до свидания.

— До свидания, — сказал Бисквит. — Буду с интересом следить за развитием событий. Ба, а это что за птичка?

Птичкой оказался возникший из темноты капитан Келли.

— Минуточку, — сказал капитан Келли.

Энн встревоженно смотрела на него. В шляпе, надвинутой на глаза, он выглядел устрашающе.

— За пустыми бутылками, а также с предложением товаров — милости прошу с черного хода, — сказал Бисквит с непреклонностью хозяина дома. — Если только, — добавил он, — вы не викарий.

— Я не викарий.

— Тогда кто же?

— Неважно, — коротко ответил капитан Келли. — Должен вам сказать, что сегодня никто не покинет этот дом, и юная леди в том числе.

— Что? — вскричал Бисквит.

— Что? — вскричала Энн.

— Это видели? — спросил капитан Келли.

Свет, падавший из холла, осветил внушительного вида револьвер. Энн и Бисквит завороженно

глядели на него.

— Если вздумаете делать глупости, имейте в виду, что я жду на крыльце, — сказал капитан Келли.

— Да в чем дело? — призвал его к ответу Бисквит.

— Сами знаете, в чем, — лаконично ответил капитан Келли. — Назад, в дом, и не вздумайте высунуть нос, не то башку снесу. Я не шучу.

Бисквит уставился на закрывшуюся дверь, как будто хотел продырявить ее взглядом.

— Тут не соскучишься, — констатировал он.

— Я не могу остаться здесь на всю ночь! — чуть не плача, сказала Энн.

Бисквит вздрогнул, будто через него пропустили электрический заряд.

— Ни за что на свете! — с жаром согласился он. — Не знаю, в курсе ли ты, но бедняжка Кичи переживает кризис веры в мужчин. Она получила тяжкий удар от одного гада ползучего по имени Мервин Флок. Если до нее дойдет, что мы с тобой провели ночь под одной крышей… Боже! — простонал Бисквит. — Это будет конец. Мне не услышать свадебных колоколов. Она уйдет в монастырь или куда похуже.

— Что же делать? Кто этот человек?

— Понятия не имею.

— Он, должно быть, чокнутый.

— Несомненно. Но от этого не легче. Ты пушку видела?

— Что ты собираешься предпринять?

— Для начала выпить глоток.

— А это поможет?

— По крайней мере, прочистит мозги, и я смогу обмозговать это дельце, к которому пока что не подберу отмычки. Вообще-то я смышленый, но, встречаясь в собственном саду с маньяком, помешанным на убийстве, не стыжусь признаться, что временно теряю форму. Как бы то ни было, одно безусловно: тебе надо отсюда выкатиться, и чем скорее, тем лучше.

Он прошел в гостиную и рассеянно потянулся к бутылке. Мысль его лихорадочно работала.

3

В прозаическом веке, в котором мы живем, все граничащее с эксцентризмом подлежит осуждению. Мы смотрим на это с неодобрением и делаем суровые выводы. Чуть отклонитесь в поведении от общепринятых норм, и вы неизбежно вызовете всеобщее подозрение.

Действия капитана Келли и Дж. Б. Хоука, как

мы знаем, были тщательно продуманы. Они основывались на соображениях здравого смысла. Тем не менее Энн и Бисквит в гостиной «Мирной заводи» признали капитана невменяемым, даже безумным; на тех же основаниях Берри и лорд Ходдесдон, по другую сторону перегородки, сделали аналогичный вывод относительно мистера Хоука.

Лорд Ходдесдон первым облек свои мысли в словесную форму. Завороженно наблюдая мистера Хоука с пистолетом в руке, он заговорил.

— Кто этот безумец? — спросил он. Берри был более дипломатичным.

— Все в порядке, мистер Хоук, — сказал он. — Вы в кругу друзей. Вы ведь меня помните? Я Конвей.

— Этот человек сошел с ума, — гнул свое лорд Ходдесдон. — Уберите палец с крючка, сэр! — озабоченно продолжил он. — Так и выстрелить недолго.

— Руки вверх, — угрюмо буркнул мистер Хоук.

— Мы подняли, — сказал Берри все с той же родственной теплотой. — Видите, подняли! Глядите-ка!

В доказательство своих слов он пощелкал в воздухе пальцами. Мистер Хоук посмотрел, недовольно моргнул и посуровел.

— Эй, вы, — скомандовал он, — это вы бросьте!

— Бросить — что?

— Руками вертеть, — ответил мистер Хоук. — Я этого не люблю.

По странной ассоциации это напомнило ему о пауках, а думать о пауках ему не хотелось.

— Знаете что, — сказал Берри, — отложите-ка пистолет, присядьте, а я приготовлю вам чашечку чаю.

— Чаю?

— Хорошего, крепкого, горячего чаю. А потом мы вместе посидим, и вы нам расскажете, что у вас на уме.

Мистер Хоук осовело глядел на Берри. Похоже, он обдумывал поступившее предложение.

— У меня была мама, — сказал он.

— Да что вы? — отозвался Берри.

— Да, сэр! — подтвердил мистер Хоук. — Была. Мама.

— Этот человек — настоящий озверевший безумец, — заметил лорд Ходдесдон.

Мистер Хоук встрепенулся. Что-то в этих словах зародило в темных глубинах сознания смутные подозрения. Ему показалось, что лорд Ходдесдон позволил себе усомниться в его душевном здоровье. Это ему крайне не понравилось. Лично

он готов был признать, что отчасти утратил контроль над собой; но подобное заключение со стороны его больно задело.

— Думаешь, я спятил? — вопросил он.

— Не спятил, — вмешался Берри. — Просто…

— Он безумен, как мартовский кот, — настаивал лорд Ходдесдон, который не любил темнить и всегда называл вещи своими именами. — Да перестаньте вы теребить этот крючок, сэр! Вы что, хотите повесить на себя двойное убийство?

— Я не спятил, — сказал мистер Хоук. — Нет, сэр.

— Разумеется, нет, — сказал Берри. — Может, чуточку перевозбудились. Почему бы вам не положить пистолет — вон там столик очень кстати стоит — и не рассказать нам про вашу маму?

Но мысли мистера Хоука были заняты обидным замечанием. Он не поддался на уловку перевести разговор на маму. О мамах еще будет время поговорить, когда он докажет этим скептикам, что не дурнее их. И он приступил к перечню доказательств.

— Знаете, почему я все это затеял? — спросил он. — Вы ведь не знаете, так? Нет, не знаете. И представить не можете, так ведь? Этот ваш рыжий приятель не говорил вам, что я брякнул ему

насчет «Мечты»? Ясно, нет. А вы мне про ваших матерей толкуете! Вы меня вашими матерями с толку не собьете, я знаю, что делаю, и если вашей матери это не нравится, мне наплевать.

Лорду Ходдесдону эти сильные замечания о мечтах и матерях показались еще одним неопровержимым свидетельством — если в них еще была нужда — в пользу того, что он находится в обществе настоящего безумца, по которому плачет смирительная рубашка. Абсолютное безумие — так квалифицировал лорд Ходдесдон речь мистера Хоука. Но Берри уловил в этих туманных высказываниях проблеск смысла.

— А при чем тут «Мечта»? — спросил он.

— А вы не знаете? — подозрительно спросил мистер Хоук. Он сделал несколько осторожных шагов и, не выпуская из поля зрения своих заложников, сел, прислонившись спиной к стене.

— Так вы, значит, не знаете? Рыжий вам ничего не сказал? И вы не подслушивали за дверью кабинета старика Фрисби, когда мы с ним по секрету толковали про новую жилу? Если вы надеетесь завтра с утречка ехать в Лондон и скупать акции «Прыткой Ящерки», так вы ошибаетесь. Вы будете сидеть тут, вот что вы будете делать.

Он обратил пылающий взор на лорда Ходде-

сдона.

— Это и к вам относится, граф-ф-ф, — сказал он.

Берри издал непроизвольный вопль. Его осенило. То, что мистер Хоук молол насчет Бисквита, оставалось выше его разумения, но из прочих речений вырисовывался ясный как Божий день факт: «Мечта Сбывается» — ценная собственность, о чем старый Фрисби и этот ползучий гад давно знали. И провели его как мальчишку, купив рудник ни за понюшку табаку.

Его охватила бессильная ярость.

— Значит, вы знали, что там есть медь? — воскликнул он.

— Знали, с самого начала, — подтвердил мистер Хоук. — И я своего не упущу. Увидите, как акции подскочут к концу недели.

Лорд Ходдесдон протяжно застонал. Руки у него онемели, а этот обмен бессмысленными фразами вызвал головную боль. Мечты и матери, а тут еще прыткие ящерицы… Это слишком для аристократа с ограниченным интеллектом.

У Берри руки заходили ходуном, и мистер Хоук не замедлил прокомментировать этот факт:

— Не вертеть руками!

Он оперся о стену и попытался поточнее нацелить свою верную пушку. Ему не нравилось

выражение лица Берри. Если на то пошло, выражение лица лорда Ходдесдона ему тоже не нравилось. И он уже собирался сказать об этом вслух, как вдруг, без всякого предупреждения, раздался оглушительный треск, и кусок стены обвалился прямо ему на макушку.

— Черт! — озадаченно вскричал мистер Хоук.

Самые странные события имеют свое объяснение. Дж. Б. Хоуку внезапный обвал стены, на вид такой надежной, показался чудом. Он решил, что началось землетрясение.

На секунду он даже допустил, что пришел конец света. На самом же деле это сосед Берри лорд Бискертон пытался кратчайшим путем пробраться из «Мирной заводи» в Нук.

Вспомним, что мы оставили Бисквита в процессе обдумывания путей выхода из сложившейся ситуации. Мозг такого калибра не может не работать без быстрого и солидного результата. Едва Бисквит проглотил порцию виски с содовой, как решение пришло само собой. Мысль явилась как распустившаяся роза в аромате надежды. Стремглав сбежав вниз, в подвал, Бисквит рысью вернулся назад, вооруженный топориком для угля.

Течение его мысли легко восстановить. Чем

чаще встречался он глазами с той, что была изображена на фотографии, водруженной на каминной доске, тем четче представлял себе необходимость немедленного прекращения вынужденного tête-à-tête с Энн. Капитан Келли однозначно высказался в том плане, что обычным путем ходу из «Мирной заводи» нет. Значит, следовало найти альтернативный. Пусть Энн выйдет через гостиную Берри. Если не удастся удрать, то в худшем случае они окажутся не наедине друг с другом, а в компании третьего. И то хлеб, решил Бисквит.

Саданув по стене, он с удовольствием обнаружил, что она сразу же подалась. Архитекторы загородных вилл не рассчитывали на подобные испытания для своих сооружений. Вдохновленный успехом, Бисквит удвоил усилия.

Лорд Бискертон, как было сказано, был доволен. Но нечасто бывает, что радость одного совпадает с радостью другого. Мы бы погрешили против истины, сказав, что мистер Хоук разделял его чувства. Каким образом последний намеревался пресечь действия Бисквита, он пока и сам не знал. В одном у мистера Хоука не было сомнений: они были ему не по душе.

Он стал с озабоченным видом неловко отодви-

гаться от эпицентра разрушений. Воспользовавшись его замешательством, Берри подскочил и ловким ударом ноги вышиб пистолет. После чего он и мистер Хоук схватились в поединке на ковре.

Лорд Ходдесдон, опустив затекшие руки, схватил массивный стул и стал настороже у вновь образовавшегося проема в стене, ожидая дальнейшего развития событий. Он с готовностью вышел на военную тропу, потому что эта необходимость не застала его врасплох. Тяготы загородной жизни, пережитые им в первый приезд, а также нынешним вечером, закалили лорда Ходдесдона. Подобно тому, как путешественник по Аляске на собственном опыте познает, что Божий закон и людской закон — не северней сороковых, так и наш лорд удостоверился, что, попадая в 21-й юго-восточный почтовый округ Лондона, надо забыть о благах цивилизации и правах человека.

Следовательно, то был уже не лорд Ходдесдон, уважаемый член своего клуба, не завсегдатай скачек в Эскоте. Тот, кто стоял с подъятым стулом в гостиной Берри Конвея, был материализацией духа его воинственных предков, древним лордом Ходдесдоном, который, познав, что в каждом доме этого адского предместья надо ждать нападения

маньяков и убийц, готовился дорого продать свою жизнь.

Дыра в стене увеличилась, и лицо лорда Ходдесдона сделалось еще решительнее. Как его великий предок, прославивший свое имя в битве при Азенкуре, он намеревался, если придется, умереть с оружием в руках.

На ковре тем временем шла жаркая схватка без правил между Берри и его гостем. Дж. Б. Хоук к сему часу, конечно, перебрал по части спиртного; столичная жизнь не лучшим образом сказалась на его фигуре и мускульной силе. Но во времена пылкой юности он был известным в кругах завсегдатаев баров бойцом с рекордным количеством побед от Сан-Франциско до Нью-Йорка. И старые навыки проявили себя в лучшем виде. Это было видно по удару в челюсть и попытке схватиться зубами за ухо партнера.

Берри ощутил это на себе и всю душу вложил в ответный удар. Таким образом было достигнуто шаткое равновесие. В этот момент мистер Хоук допустил стратегическую ошибку — он поднялся во весь рост.

Лучшие друзья ему такого не посоветовали бы. Мама, о которой он только что с нежностью вспоминал, поцокала бы языком и покачала

седой головой при виде того, что сотворило ее чадо. В сущности, Дж. Б. Хоуку следовало бы шире изучить возможности коверной борьбы. Стоя, он представлял собой живую мишень, в то время как на полу он весь ощетинился зубами и кулаками. Берри, увидев неприкрытый живот врага, не раздумывая, дважды ударил под дых. Мистер Хоук согнулся пополам, как шатер бедуина, и лег у ног победителя. Берри в прыжке схватил пистолет, ставший причиной поединка, и, пыхтя, выпрямился.

Он сосредоточился на восстановлении дыхания, которое сбилось во время схватки, но процесс был прерван страшным грохотом, который сопровождался резким криком.

Старый друг Берри, лорд Бискертон, сидел на полу, поглаживая ушибленное запястье, а отец старого друга, Ходдесдон Отважный, озадаченно взирал на плоды своего подвига.

— Годфри!

— Привет, папаша. Как поживаешь?

— Годфри! — причитал лорд Ходдесдон. — Я тебя зашиб, мальчик мой!

— Отец, — отозвался Бисквит, — твоими устами глаголет сама Истина. Не увернись я вовремя, мне бы никогда не унаследовать титул.

В эту секунду из пролома вышла Энн.

4

— Входи, Энн, — сердечно приветствовал ее Берри. — И скажи спасибо, что на этот раз тебе не предложили, как леди, войти первой. Ты могла бы надолго упокоиться на этом ковре. Наш гость только что продемонстрировал крепость руки.

Энн только в третий раз посещала Вэлли Филдс и получила пока что слабое представление об обычаях загородной жизни. Лорд Ходдесдон, войдя в гостиную дома, расположенного в этой местности, и увидев два тела, распростертых на полу, отнесся бы к этому факту философски, приняв за обыденное проявление жизненной активности. Но Энн была очень удивлена.

— Что случилось? — спросила она.

Лорд Ходдесдон ответил на вопрос с невозмутимостью бывалого человека.

— Сумасшедший, — объяснил он. — Опасный. Мистер Конвей его окоротил.

Энн с чувством взглянула на Берри. Сердце ее бешено билось, как прежде, полное любви и уважения. Один глаз у Берри закрылся от точно пришедшегося удара локтем, по щеке струилась кровь. Но Энн смотрела на него как на прекрас-

ную картину.

— Ба, да это Хоук! — изумился Бисквит. — Когда же он успел тронуться рассудком? За завтраком ничего подобного не наблюдалось.

Берри нехорошо засмеялся.

— Он не тронулся, Бисквит, — сказал он. — Он знает, что делает. Ты был прав. Он кинул меня с этой шахтой. Только что раскололся.

— Да, он мне тоже поведал правду. Понимаешь, что это значит, Берри?

— Берри, тебе больно, дорогой? — спросила Энн. Берри оторопело взглянул на нее.

— Что ты сказала?

— Я спросила, тебе больно?

— Ты сказала «дорогой».

— Да, конечно.

— Но…

— Любовь до гроба, — пояснил Бисквит. — Ее последние замечания о том, что она не хочет видеть тебя в дальнейшем, сделаны по недоразумению. Теперь пелена упала с ее глаз.

— Энн, — прошептал Берри.

— Иди сюда, — сказала Энн, — и позволь мамочке поцеловать, где болит.

— Вот… здесь… черт подери!

Эти слова принадлежали лорду Ходдесдону.

Каскад неожиданных событий заставил его на время забыть о миссии, приведшей его в этот дом, но теперь он о ней вспомнил и с ужасом смотрел на то, как Энн — племянница старика Фрисби — уплывала прочь из его семьи. Он с сожалением оглянулся на сына, словно ища поддержки, но Бисквит думал о другом.

— Минуточку, — сказал Бисквит. — Знаешь ли ты, Берри, что «Прыткая Ящерка», акции которой сейчас идут по одному и шести, вот-вот вознесется до небес?

— Знаю, — горько сказал Берри. — Хоук сказал. Он потому и пришел сюда. Сел и навел на меня пушку, чтобы я не уехал на биржу скупать акции. Не знал, бедолага, что я ничего бы не купил, даже если бы он мне такси прислал.

— Почему?

— Денег нет.

— Есть. У тебя есть две тысячи долларов, вот они. Чек надо предъявить в банк.

Берри удивленно рассматривал бумагу.

— Откуда это у тебя?

— Неважно. Есть способ.

— Подписан адвокатом Фрисби.

— Неважно, кем подписан, главное, что настоящий. Получи по чеку и половину одолжи

мне. Нам светит несметное богатство, дружище. Отец, — обратился он к отцу, — если у тебя завтра или на неделе найдется немного деньжат, вложи их в «Прыткую Ящерку». Дело верное.

Лорд Ходдесдон проглотил застрявший в горле комок.

— Как раз вчера Фрисби выписал мне чек на пятьсот фунтов.

— Вот как? Какой приятный сюрприз! — воскликнул Бисквит. — Старый пират решил финансировать наше предприятие. — Он умолк, и тень отчаяния пробежала по его лицу — Господи! — простонал он.

— Что такое?

Воодушевление Бисквита как рукой сняло.

— Берри, старина, — сказал он, — страшно не хочется тебя огорчать, но я в горячке забыл про главное.

— Да в чем дело?

— Мы не сможем отсюда выбраться. Нас обложили.

— Как это?

— За дверью сторожит приятель Хоука.

Берри с шумом втянул воздух.

— Я его укокошу!

— У него оружие.

— У меня тоже.

— А, — вмешался мистер Хоук, внося свой первый вклад в общую беседу, — оно не заряжено.

— Что?

Берри проверил это заявление, и оно подтвердилось.

— Мне все время казалось, — сказал мистер Хоук, — что я что-то забыл. Вот оно, значит!

— Свяжи этого негодяя покрепче, отец, — сурово приказал Бисквит, — и спусти его в подвал. Пускай его мыши сожрут.

Он смотрел на мистера Хоука с растущей неприязнью. Из-за его собственной халатности гарнизон усадьбы был обескровлен. «Стар становлюсь, — подумал Бисквит. — Разве можно было ждать другого от такого квелого дельца, как Дж. Б. Хоук, хотя он и надирался аккуратно весь день». От этих мыслей Бисквиту стало совсем худо.

В голове мистера Хоука, напротив, зароились светлые мысли. Оказывается, еще не все потеряно. Его самого вывели из игры, но есть еще надежный товарищ, славный капитан Келли, и уж он-то доведет дело до конца в лучшем виде.

— Ну свяжете вы меня, — сказал он, — и что это вам даст?

Берри направился к двери.

— Берри! — вскричала Энн. — Куда ты?

Берри остановился.

— Куда я? — переспросил он. — Иду выбивать душу из этого типа.

— Я пошел бы с тобой, — негромко сказал Бисквит, — да отец обездвижил мне руку. Папаша, может, ты пойдешь на подмогу?

Лорду Ходдесдону совсем этого не хотелось. Военный дух быстро покидал его тело.

— Это забавы для молодых, — буркнул он.

— Берри! — позвала Энн.

Но Берри уже не было в комнате.

Наступившее молчание нарушил мистер Хоук. Несмотря на то что Бисквит красноречиво пытался заставить его держать язык за зубами, толкая локтем под ребро, мистер Хоук взял почти лирическую ноту в описании своего партнера.

— Он снайпер, — сказал мистер Хоук. — Никогда не промахивается.

Потом, помолчав вместе со всеми, задумчиво добавил:

— Жалко. Симпатичный парень.

Его размышления вслух прервал донесшийся из-за двери неясный шум.

— А, — протянул мистер Хоук. — Наверное,

тело упало.

Дверь распахнулась, и на пороге показался Берри. Он был не один. На его плече покоился капитан Келли.

Было похоже, что капитан получил ранение тупым предметом.

— А теперь, — сказал Берри, — спустите этих двоих в подвал и не выпускайте, пока мы завтра не покончим с делами.

— Я прослежу за ними, — вызвался лорд Ходдесдон.

— Как это тебе удалось, старина? — осведомился Бисквит. Берри ответил не сразу. Он думал.

— У меня есть свои методы, — сказал он.

— Берри! — воскликнула Энн.

Берри с нежностью посмотрел на нее. Он мог сделать это только одним глазом, но этот один справился за двоих.

— Можно проводить тебя к машине?

— Да, пожалуйста.

— Я вам нужен? — спросил Бисквит.

— Нет, — ответил Берри.

Глава XIV

— Дорогая, — прошептал Берри.

— Что, дорогой?

Она сидела за рулем, а он стоял, прислонившись к капоту. Воздух был напоен ароматом ночи. Стояла тишина.

— Энн, — сказал Берри, — мне надо тебе что-то сказать.

— Что ты меня любишь?

— Что-то еще.

— Но ты меня любишь?

— Люблю.

— Несмотря на все, что я тебе наговорила в парке?

— Ты была совершенно права.

— Нет, не права.

— Я тебя обманул.

— Это ерунда.

— Нет, Энн, не ерунда.

— Вот как?

— Мне надо тебе кое-что сказать.

— Ну так говори.

Берри посмотрел поверх нее на пруд.

— Я насчет этого типа.

— Какого типа?

— Приятеля Хоука.

— А что такое?

— Ты сказала, что я смелый.

— Конечно, смелый. Я такого никогда не видала.

— Ты видишь во мне героя.

— Конечно.

— Энн, — сказал Берри. — Я должен тебе сказать… Знаешь, что произошло, когда я вышел за дверь?

— Ты бросился на него и сбил с ног.

— Энн, я этого не делал. Когда я вышел, он лежал на земле, уткнувшись головой в лавровый куст.

— Что?

— Да.

— Но…

— Погоди, это еще не все. Ты помнишь мою домоправительницу, миссис Уисдом?

— Эту милую даму, которая рассказала мне про твои носки?

Берри передернулся.

— Я никогда не надевал в постель носки, — горячо возразил он. — Она думает, что надеваю, но я не надеваю.

— Ну так что с миссис Уисдом?

— Сейчас скажу. Она обручилась с местным полицейским, по фамилии Финбоу.

— Ну и что?

— Они с Финбоу ходили в кино.

— Да?

— Она вернулась, — методично продолжал Берри, — и обнаружила у забора странного мужчину.

— И?

— Она решила, что это грабитель.

— И?

— И, — сказал Берри, — ударила его зонтиком по голове подставила подножку, а мне осталось только втащить его в дом. Теперь ты знаешь все.

Он умолк. Энн резво высунулась из машины и чмокнула его в макушку.

— Что же тут плохого?

— Я боялся, что ты пожалеешь, что так превозносила мою храбрость.

— Но ведь ты сказал мне правду?

— Да.

Энн опять поцеловала его в макушку.

— И правильно сделал, — сказала она. — Мамочка хочет, чтобы ее малыш всегда говорил ей правду.